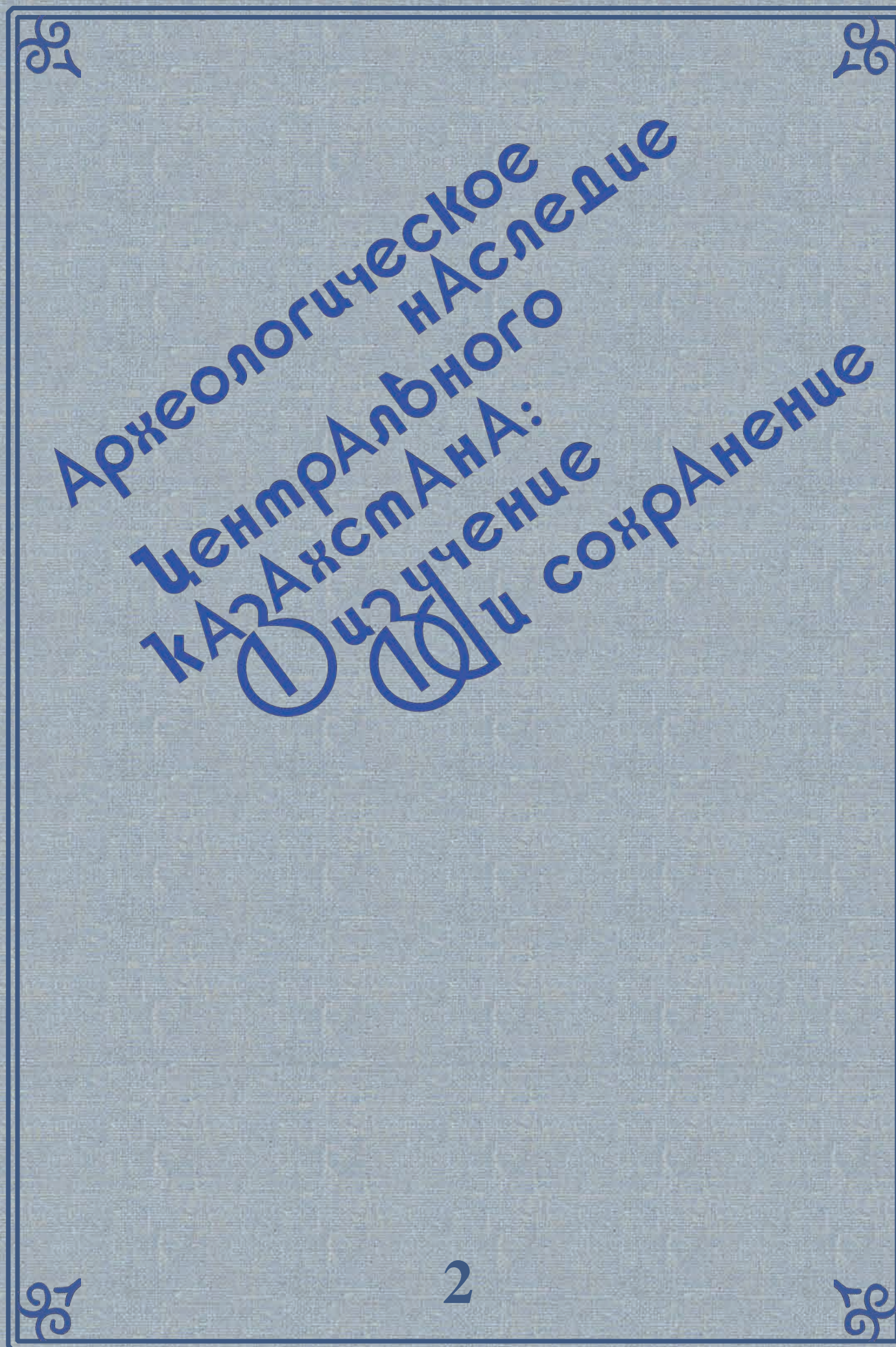

67

2

ҚАРАҒАНДЫ ОБЛЫСЫ МӘДЕНИЕТ, АРХИВТЕР ЖӘНЕ ҚҰЖАТТАМА БАСҚАРМАСЫ
ҚАРАҒАНДЫ ОБЛЫСЫ МӘДЕНИЕТ, АРХИВТЕР ЖӘНЕ ҚҰЖАТТАМА БАСҚАРМАСЫНЫҢ
ТАРИХИ-МӘДЕНИ МҰРАНЫ САҚТАУ ОРТАЛЫҒЫ
ҚАРАҒАНДЫ ОБЛЫСТЫҚ ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ МУЗЕЙІ
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ ҒЫЛЫМ
КОМИТЕТІНІҢ Ә. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
«БЕҒАЗЫ-ТАСМОЛА» ТАРИХ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯ ҒЫЛЫМИ-ЗЕРТТЕУ ОРТАЛЫҒЫ
Е.А. БӨКЕТОВ АТЫНДАҒЫ ҚАРАҒАНДЫ МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІ ЖАНЫНДАҒЫ
САРЫАРҚА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАННЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ МҰРАСЫ: ЗЕРТТЕУ ЖӘНЕ ҚОРҒАУ

Қазақстан Ғылым Академиясы Орталық Қазақстан археологиялық
экспедициясы құрылуының 70 жылдығына арналған
ғылыми мақалалар жинағы

2 – Том

Алматы – 2017

**УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ, АРХИВОВ И ДОКУМЕНТАЦИИ
КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ЦЕНТР ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ УПРАВЛЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ, АРХИВОВ И ДОКУМЕНТАЦИИ КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

КАРАГАНДИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

**ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А. Х. МАРГУЛАНА КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
«БЕГАЗЫ-ТАСМОЛА»**

**САРЫАРКИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ПРИ КАРАГАНДИНСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМЕНИ Е. А. БУКЕТОВА**

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА: ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ

Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации
Центрально-Казахстанской археологической экспедиции
Академии наук Казахстана

Том 2

Алматы – 2017

УДК 902/904
ББК 63.4
А 87

Ответственные редакторы:
А. З. Бейсенов, В. Г. Ломан

Рецензенты:
В. В. Евдокимов, д. и. н., профессор
К. С. Алдажуманов, к. и. н., профессор

Редакционная коллегия:
Ж. Курманкулов, В. В. Варфоломеев, М. К. Хабдулина, И. А. Кукушкин, Г. С. Джумабекова,
М. В. Бедельбаева, Д. Б. Дуйсенбай, И. К. Ахияров, Д. Т. Шашенов,
Е. Н. Нурмаганбетов, Г. А. Базарбаева (отв. секретарь)

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии имени А. Х. Маргулана
Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

А 87 **Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение.** Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 2. – 380 с.

ISBN 978-601-7312-71-8
Т.2.-2017-380 с
ISBN 978-601-7312-69-5

В сборнике, посвященном 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана, представлены материалы, иллюстрирующие вклад исследователей в археологическое изучение региона.

Сборник состоит из двух томов. В первом томе сосредоточены очерки, воспоминания, письма и посвящен страницам из жизни плеяды археологов, беззаветно служивших науке – А. Х. Маргулана, Г. И. Пацевича, А. М. Оразбаева, К. А. Акишева, Х. А. Алпысбаева, М. Н. Клапчука, М. К. Кадырбаева, С. М. Ахинжанова и многих других. Выдающуюся роль в деле создания и успешного функционирования экспедиции в далеком 1946 году сыграл Каныш Имантаевич Сатпаев – президент Академии наук Казахской ССР.

Во втором томе сосредоточен материал по археологическому изучению Центрального Казахстана и сопредельных регионов. Хронологические рамки публикуемых статей охватывают период от эпохи камня до средневековья.

Сборник будет интересен археологам, широкому кругу специалистов смежных дисциплин, студентам вузов и всем тем, кому дорого историко-культурное наследие нашей Родины.

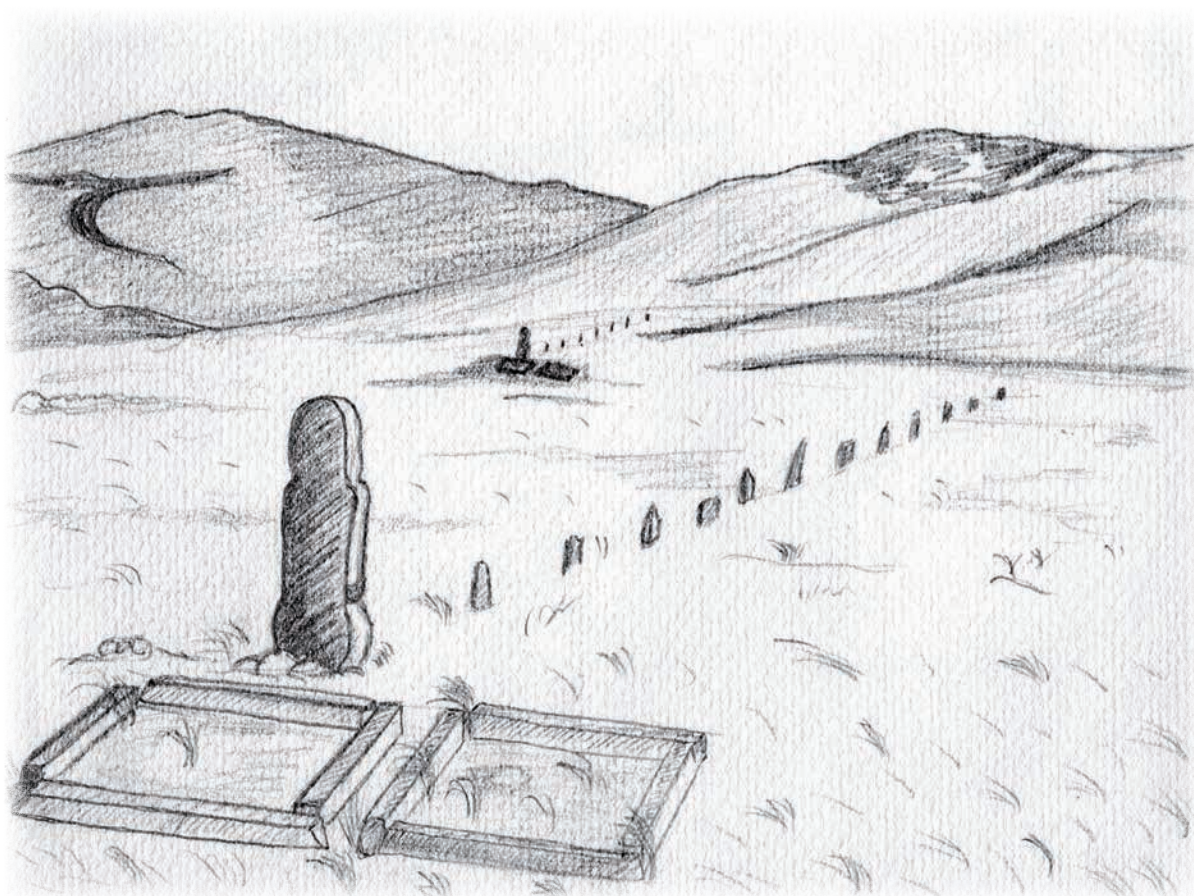
ISBN 978-601-7312-71-8
ISBN 978-601-7312-69-5

УДК 902/904
ББК 63.4

*Ұлы сахараны ескі дәуірлерде қоныстанған мал бағушы тайпалар жасаған мәдениет,
өнер – ойға зор әсер ететін, зерттеуді керек қылатын бір таңсық нәрсе.
Олардан бүгінге дейін сақталып келген көркем бейнелер қараушыны еріксіз өзіне
тартып, Отанының ескі дәуірлердегі мәдениет үлгісін жарқын түрде сипаттайтын
бүгінгі рухани қазынасының арналы бір саласы болып отыр.*

Әлікей Марғұлан

*Көнетүркі гүрыптық қоршауы. Арғынаты тауы.
Л.Р. Кызласовтың суреті. Қарындаш*

**Н. М. Абишева,
М. К. Орыспаева**

Н. М. Абишева, М. К. Орыспаева
Карагандинский областной историко-краеведческий музей
N. M. Abisheva, M. K. Oryspaeva
Karagandy a Regional Museum of History and Local Lore
e-mail: museumkz@mail.ru

Материалы по археологии в экспозиции Карагандинского областного историко-краеведческого музея

Аннотация. В публикации раскрывается концепция строительства экспозиции музея по теме «Археология». Анализ археологической коллекции Карагандинского областного историко-краеведческого музея даёт сведения об этапах археологических исследований в регионе за период с 30-х годов XX века до современности краеведами и археологами.

Ключевые слова: экспозиция, археологическая коллекция, эпоха, археологические исследования региона.

Archaeological materials in the exposition of the Karagandy Regional museum of history and local lore

Abstract: In this publication reveals the conception of building of the museum exposition on the subject «Archaeology». The analysis of the archaeological collection of the Karagandy Regional Museum of History and Local Lore gives information about the stages of archaeological researches in the region by scientists, ethnographers, archaeologists for period from the 1930-ies.

Keywords: the exposition, the archaeological collection, the epoch, the household utensil, the archaeological researches of the region.

Целью любой экспозиции, в том числе и исторической, является передача информации. Необходимо при помощи экспонатов раскрыть перед зрителем процесс развития, т. е. не только представить музейные предметы, но и связать их в последовательное и единое целое, развивая в определенном направлении мысли и эмоции посетителей. Это особенно актуально сегодня, когда музей определяется как особая коммуникационная система, служащая посредником между поколениями и культурами [Музееведение, 1988, с. 131].

В настоящее время наблюдается усиление культурно-просветительской составляющей в деятельности Карагандинского историко-краеведческого музея, который активно включился в пропаганду историко-культурного наследия,

пробуждая интерес у населения к его сохранению. Историческое прошлое, которое отделяется от настоящего огромной культурно-исторической дистанцией, всегда вызывает интерес у современного поколения. Поэтому при создании археологической экспозиции в Карагандинском историко-краеведческом музее в 2011 г. перед научными сотрудниками музея, преподавателями археологии, этнографии и музеологии исторического факультета КарГУ им. Е. Букетова и сотрудниками Центра по сохранению историко-культурного наследия стояли следующие задачи: сделать доступными археологические материалы для восприятия различными слоями населения, составить целостную картину древнего прошлого Казахстана по отдельным находкам, восстановить связь исторических эпох и народов, пробудить

дить интерес к древнейшей истории региона.

Весь экспозиционный материал музея подразделяется на музейные предметы: подлинники, оригиналы и научно-вспомогательный материал.

Основные тематические разделы экспозиции построены в целях обеспечения сведений о древнем прошлом. Музейные предметы по способу фиксации информации подразделяются в археологической экспозиции на вещественные и изобразительные источники. Вещественные источники – это предметы, представляющие собой вещи, сделанные человеком, которые обладают определенными сведениями о разных сторонах жизни населения, в том числе представителей какой-либо археологической культуры. Крупные стоянки с каменной индустрией древнего палеолита изучены севернее Караганды, на стоянке Батпак-8 и 12. Здесь было собрано свыше 2000 предметов, многие представлены в витрине экспозиции – это нуклеусы, пластины, проколки, скребки для обработки шкур. Здесь же представлены рубила для разделывания туш, выкапывания съедобных корней, а крупные камни служили растирочными плитами, на которых перерабатывали плоды и растительные корни.

Орудия труда – это вещественные средства, служащие посредником между человеком и его деятельностью. Данная категория предметов является важным источником по изучению уровня развития различных отраслей жизнедеятельности древнего прошлого региона. В экспозиции представлены: серповидные ножи для заготовки кормов, сельскохозяйственные орудия: наконечники от ручных мотыг для обработки почвы; орудия охоты: наконечники стрел, ножи; орудия рыболовства: крючки, грузила; орудия обработки дерева и кожи: ручные рубила, топоры, тесла, скребла, скребки, ножи, иглы и шилья.

В археологической экспозиции также демонстрируется несколько видов домашней утвари, кувшины, сосуды с ушками, сосуды на поддонах, кухонная посуда для приготовления и хранения продуктов. Предметы личной принадлежности: зеркала, булавки, гребни.

С освоением выплавки металла человечество входит в следующий период своего развития. Эпоха бронзы имела две главные особенности: производственное освоение полиметаллов и превращение скотоводства в ведущую отрасль производства.

Одним из основных и крупных районов распространения племен, входивших в состав андроновской общности, был Центральный Казахстан. В настоящее время в регионе известно свыше 30

поселений и более 150 могильников. Наряду со скотоводством и земледелием, важнейшую роль в развитии производственных сил сыграла добыча разработки различных руд. Около 100 тыс. тонн меди выплавлялось в районе Жезказгана, 200 тыс. тонн в Успенском руднике. Литейные формы, самородки меди, пест для проковки лезвий, ножи, тесаки, остроги можно увидеть в витринах зала.

Элементы костюмов мужчин и женщин представлены в экспозиции как съемные: головные (серьги), шейные (подвески, бусы, гривны, ожерелья), наручные (кольца, браслеты, перстни), так и несъемные: украшения для пояса (бляхи-накладки, бляхи-нашивки, бляхи-обоймы). Категория костюма, как археологический источник имеет важное значение для изучения социокультурных проблем древности. Более того, мужчина считался защитником окружающих, от которого зависело благополучное существование всего общества.

Большой интерес вызывает воспроизведение погребального обряда андроновской культуры на основе подлинных материалов в горизонтальной застекленной витрине. В витрине демонстрируется погребение женщины, сопровождаемой предметами домашнего быта.

Удивительны и своеобразны наскальные рисунки эпохи бронзы. Каменная плита и пещера «Шолак» из Каркаралинского района, пещера Тесиктас Шетского района – ценнейшие источники по духовной культуре человека. На покрытых пустынным загаром гладких поверхностях скал древние люди кусками твердого камня выбивали изображения животных, солнцеликих людей колесницы, сцены сражений. Макет пещеры, по всей длине зала привлекает внимание посетителей. Шатыр – пещера, выдолбленная в красной каменной скале, по своим параметрам не уступает пятикрылой юрте. В центре пещеры имеется место, предназначенное для очага, поблизости вытесанные из камня приспособления для хранения пищи и бытовой утвари [Нурмаганбетов, 2013].

Конец I тыс. до н. э. и начало нашей эры является переломным моментом в истории Казахстана. В хозяйственной жизни населения казахских степей произошли серьезные изменения, связанные с изобретением железа и с переходом на подвижный образ жизни. В зале в виде картографического материала даны месторасположения крупных племенных союзов, которые появились на территории Казахстана (VIII–VII вв. до н. э.): саки (массагеты), саки-тиграхауда, исседоны и аримаспы. Важнейшим источником по исто-

рии сакских племен, их материальной культуре являются археологические памятники – могильники, наскальные рисунки и т. д. Концентрация курганов сакского времени, в том числе и «царских» обнаружено не только в Жетысу, но и на просторах Сарыарки.

Уникальные археологические находки были обнаружены при исследовании могильника раннего железного века на территории Каркаралинского района Карагандинской области – Талды-2. Памятник изучался Сарыаркинской археологической экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством А. З. Бейсенова. В ходе раскопок было обнаружено около 200 крупных золотых изделий, выполненных в традициях т. н. звериного стиля, около 1800 золотых чешуек, свыше 30 000 мелкого золотого бисера в виде бляшек и колец, а также 14 бронзовых наконечников стрел, 150 каменных подвесок (бус). Среди изделий литые Х-видные поясные обоймы, обоймы квадратной формы, массивная бляха от ножен кинжала, ворворки трех типов, накладки в виде идущей фигуры кошачьего хищника, многочисленные подвески-округлые, в виде зерен злака и т. д.

Результаты исследования кургана элиты древнего населения региона позволили автору открытия озвучить и приступить к реализации проекта, посвященного открытию специального зала «Сакская культура». Начало работ по воссозданию некоторых элементов сакской культу-

ры было начато в 2012 г. Облик сакского вождя, который украшает центр зала воссоздан известным художником-реставратором Крымом Алтынбековым. Воссозданный собирательный экспозиционный образ коня из погребения позволяет нашим современникам прикоснуться к загадочному миру прошлого. По всему периметру зала в витринах расположены уникальные находки из «царского» погребения – это наконечники стрел, копии золотых украшений, бисер и бляшки, поясные обоймы разных форм, подвески и т. д. В зале также экспонируются палеоантропологические реконструкции, выполненные научным сотрудником лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Е. В. Веселовской. Три бюста мужчин – представителей элиты древнего общества размещены на подиумах. Все эти сокровища – свидетели былых эпох, сохранившие память о минувших цивилизациях и культурах. Они являются связующим звеном между далеким прошлым и настоящим, позволяя воссоздать картину заимствования и взаимовлияния древних культур [Бейсенов, 2011, с. 14].

Самыми многочисленными в областном историко-краеведческом музее являются материалы из памятников археологии. Комплектование археологической коллекции началось с 1938 года. Находки получены в результате экспедиций, сборов, разведок и раскопок, проведенных на территории нашего края (таблица).

Таблица – Хронология поступления материалов по археологии в фонды музея

Год	Датировка находок	Руководитель исследований
1938–1959	Палеолит, неолит	Находки и сборы В. Е. Ясенецкой, Б. И. Ясенецкого, К. Л. Поликарповича, Л. Ф. Семенова
1940	Эпоха бронзы	С. В. Киселев, д. и. н., профессор МГУ
1946	Эпоха бронзы и раннего железа	ЦКАЭ под руководством члена-корр. АН КазССР А. Х. Маргулана
1953–1955	Палеолит и неолит	Сборы Л. Ф. Семенова, директора музея
1955	Эпоха бронзы	Центрально-Казахстанская и Акмолинская экспедиции
1958–1969	Палеолит, неолит	Сборы М. Н. Клапчука
1965, 1972	Эпоха бронзы	М. К. Кадырбаев, руководитель отряда ЦКАЭ, к. и. н.
1969–1970	Палеолит, неолит	Сборы В. С. Волошина
1980–1991	Эпоха бронзы	А. Ткачев, к. и. н.
1993		И. Жакупов

В результате исследований были выявлены памятники археологии: стоянки, древние поселения, могильники, поминальные и культовые сооружения, курганы.

В связи с изучением памятников в фонды музея поступили предметы каменного, бронзового, железного веков: орудия труда древнего человека (нуклеусы, пластины, скребки, песты, проколки, трепала и др.), предметы бытового назначения (удила, пряслица, грузила, ножи, диски, молотки), стрелы, наконечники, кинжалы, бронзовые изделия и украшения, поделки, глиняные сосуды, каменные изваяния и др.

В результате работ ЦКАЭ, проводившихся под руководством академика А. Х. Маргулана, установлено, что в эпоху бронзы и раннего железа Центральный Казахстан был одним из важнейших центров древней металлургии. Здесь происходила интенсивная разработка руды по добыче меди, олова, золота в виде многочисленных выработок отвалов, слитков металла и обнаружены поселения рудокопов.

Актуальность экспедиционных работ А. А. Ткачева – археолога областного историко-краеведческого музея заключалась в исследовании обширной части андроновского ареала, в возможности рассмотрения проблем происхождения, хронологии и исторических судеб степного андроновского поселения, его роли в исторических процессах, протекавших в степях Евразии. В результате работ А. А. Ткачева были проведены раскопки на шести поселениях, семи могильниках. В результате археологическая коллекция музея пополнилась ценными экспонатами из погребальных комплексов Нуртай, Майтан, Актобе. Полученный материал позволил подготовить и защитить кандидатскую диссертацию «Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы» [Инвентарная книга...].

Анализ экспонатов археологического фонда свидетельствуют о том, что на территории Центрального Казахстана, включая регион Караганды, еще в эпоху палеолита жил человек. Он зани-

мался охотой, рыбной ловлей, собирательством. Кроме лука и стрел пользовался копьем. В эпоху неолита появляются основы земледелия. Стоянки этого периода найдены по реке Букпа, позднего неолита – стоянка Зеленая балка. В бронзовом веке (II тыс. до н. э.) у древнего населения региона зарождается скотоводческо-земледельческое хозяйство с преобладанием скотоводства, это подтверждается материалом археологических раскопок поселения Суук-Булак (Каркаралинск) и древней оросительной системы. В XX–VIII вв. до н. э. на территории современной области развивается самобытная бегазы-дандыбаевская культура, открытие которой принадлежит первой академической археологической экспедиции нашей страны – Центрально-Казахстанской. Экспедицию долгие годы возглавлял А. Х. Маргулан [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966; Маргулан, 1979].

Общее число археологических экспонатов, поступивших в период с 1938 по 1966 год насчитывает 60 500 ед. хранения [Инвентарная книга...]. В период с 1967 по 1971 год поступило 20 636 ед. хранения. На 1 января 2003 года насчитывалось 88 104 ед. хранения.

В 1980-е годы на территории Карагандинской области исследовались могильники – Майтан, Актопырак, Актобе-1, 2, Икпень-1–3, Шapat, Аяпберген, Сатан-1, Мешит тобе-1 и поселения Энтузиаст-1–3.

Поступление экспонатов в археологический фонд в период с 2006 по 2015 год было осуществлено благодаря реализации Государственной региональной программы «Культурное наследие».

В настоящее время музей регулярно в течение последних лет проводит археологические экспедиции на острове Тасарал, исследуя курганы уникальной островной культуры. Также проводятся исследования памятников в Каркаралинском, Шетском, Актогайском, Абайском районах Карагандинской области.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейсенов А.З.** Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докл. Круглого стола, посвященного 20-летию независимости Республики Казахстан. – Караганды, 2011. – С. 14–20.
Инвентарная книга археологического фонда Карагандинского областного историко-краеведческого музея. Кн. 1, кн. 2.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: «Наука», 1979. – 360 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана, – Алма-Ата: Наука, 1966. – 434 с.
- Музееведение. Музеи исторического профиля: учебное пособие для вузов по специальности «История». – М.: Высшая школа, 1988. – 431 с.
- Нурмаганбетов Е.Н.** Научно-исследовательская работа Карагандинского областного историко-краеведческого музея в 1930–1990 гг. // Жуасовские чтения–17: матер. республ. научн.-практич. конф., посвящ. 75-летию исторического факультета КарГУ им. академика Е. А. Букетова. – Караганда: ЖШС «TENGRILtd», 2013. – С. 43–48.

Х. А. Айткул

Х. А. Айткул
Центральный государственный музей Республики
Казахстан, Алматы
Kh. A. Aitkul
Central State Museum of Kazakh Republic, Almaty
e-mail: khamit.boray@mail.ru

История формирования коллекции из Центрального Казахстана археологического фонда ЦГМ РК

Аннотация. В статье изложена история формирования коллекции из Центрального Казахстана, хранящейся в фондах Центрального государственного музея Республики Казахстан, с использованием архивных и учетных документов ЦГМ РК и Северо-Казахстанского областного музейного объединения. В процессе изучения были использованы труды археологов, которые занимались вопросами эпохи бронзы евразийского пояса степей. Также в статье отражен факт участия Центрального государственного музея в Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, которую в разные годы возглавляли такие известные отечественные археологи, как А. Х. Маргулан, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев, Ж. К. Курманкулов.

Ключевые слова: Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция, эпоха бронзы, коллекция, артефакты, поселение, могильник.

Formation history of the archaeological collection from the Central Kazakhstan in the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan

Abstract: This article describes the formation history of the Bronze Age archaeological collection of the Central state museum of the Republic of Kazakhstan. The archival documents and inventory records from the CSM RK and North Kazakhstan regional museum association are used. Proceedings of archaeologists concerning the Bronze Age of the Eurasian steppe zone are also used. This paper for the first time summarizes and represents proper data on collection of the Bronze Age artifacts from the Central and Eastern Kazakhstan and illuminates the major role of museum's participation in Central Kazakhstan and Eastern Kazakhstan archaeological expeditions at different times, headed by prominent Kazakhstani archaeologists A. Marghulan, M. Kadyrbayev, A. Orazbayev, J. Kurmankulov.

Keywords: Central Kazakhstan archaeological expedition, bronze epoch, collection, artefacts, settlement, burial mound.

В фондах Центрального государственного музея Республики Казахстан собрана богатейшая археологическая коллекция артефактов эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья из Центрального Казахстана (ЦК).

В 1946 г. Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР была организована Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция (ЦКАЭ) под руководством А. Х. Маргулана, положившая начало систематическому и всестороннему изучению памятников Центрального Казахстана. ЦКАЭ в разные годы руководили такие светила казахстанской археологии, как А. Х. Маргулан, М. К. Кадырбаев, Ж. К. Курманкулов. Широкомасштабные разведки и раскопки открыли в Центральном Казахстане десятки памятников, среди которых поселения, могильники и жертвенники:

- раннего (нуринского) этапа (Акшатау, Бугулы-1, Байбала-1, Комагал, Канаттас);
- атасуского этапа (Айшрак, Сангуру-2, Былкылдык-1–3, Шерубай-Нура, Карабие);
- дандыбай-бегазинского (Аксу-Аюлы-2, Ортау-2, Бегазы, поселения Атасу, Мыржык, Бугулы-2 и Улытау).

ЦКАЭ состояла из трех отрядов, руководимых А. Х. Маргуланом, А. М. Оразбаевым и М. К. Кадырбаевым. Отряд, возглавляемый А. Х. Маргуланом, занимался исследованием памятников эпохи поздней бронзы и переходного этапа от бронзы к ранним кочевникам. А. М. Оразбаев занимался раскопками андроновских оград, а отряд М. К. Кадырбаева изучал культуру ранних кочевников. Также кроме них в работах экспедиции в разные годы принимали участие такие видные ученые, как Л. Р. Кызласов

(1948), Г. И. Пацевич, К. А. Акишев (1951–1952), А. Г. Максимова, Т. Н. Сенигова, Г. А. Кушаев, Х. А. Алпысбаев и др.

В 1955 году под руководством А. Х. Маргулана проведены первые раскопки поселения Атасу-1, где была раскопана мастерская (жилище Л1). Материалы раскопок опубликованы в статье «Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века», в которой А. Х. Маргулан дает описание всех известных разработок на цветные и черные металлы. Также в данной статье впервые в широком масштабе привлекаются геологические и археологические исследования металлургии Центрального Казахстана [Маргулан, 1972, с. 3–30].

Спустя 20 лет после первых раскопок, в 1975 году, ЦКАЭ под руководством М. К. Кадырбаева возобновила работу на поселениях Атасу-1 и 2. К значимым памятникам атасуского микрорайона можно отнести три поселения: Атасу-1, Атасу-2 (Ак-Мустафа) и Мыржык, а также серию некрополей (Сангру-1–3, Атасу-1–3, Ак-Мустафа, Мыржык) и горные выработки (Сарыбулак, Дарат, Босога, Огызтау, Кенказган) [Кадырбаев, 1983, с. 134–142].

Первыми из материалов ЦКАЭ, поступивших в фонды ЦГМ РК, были артефакты из поселений Атасу-1-2, Атасу-2, Бугулы-1–2, раскопанных в 1946–1949 годах, переданные А. Х. Маргуланом в 1957 году. Для установления хронологии памятников Центрального Казахстана в 1947 году был исследован малый плиточный мавзолей 4 Бегазы [Маргулан, 1950, с. 13–18], в 1948 году при участии Л. Р. Кызласова вскрыты плиточные мавзолеи 2 и 3 [Кызласов, Маргулан, 1950, с. 126–136], в 1949 году исследованы ранние (нуринского этапа) группы памятников эпохи бронзы в горах Акшатау и в долине реки Сокур притока реки Шерубай-Нура. Собранный материал представлен фрагментами керамических сосудов и каменными орудиями труда (ЦМК КП 6112, КП 6237, КП 6002, КП 6006, КП 6104, КП 6204, КП 5937, КП 5985, КП 5987). В коллекцию вошли материалы раскопок 1951–1952 гг. группы Бугулы-1 могильника и поселения, Былкылдак 1 и 2. Памятники расположены в 67 км к западу от долины реки Шерубай-Нуры и в 40 км к северо-востоку от станции Жарык у подножья горы Бугулы, представлены керамическими сосудами (ЦМК КП 16009, КП 16010, КП 16012, КП 16016) [Акт №152 от 23.11.1979, с. 75–77]. Комплекс Былкылдак-1 находится на левом берегу реки Былкылдак в верховьях реки Талды-Нуры в 35 км на северо-восток от поселения Аксу-Аюлы Карагандинской обл. Материалы могильника Былкылдак представлены амулетами в виде клыков хищника и бронзовыми бусами (ограда 14), а могильника Былкылдак-2 ограды 3 - керамическим сосудом с изображением сва-

стики на донце (ЦМК КП 20253/5) [Акт №390 от 18.10.1985, с. 5–7]. Аналог данного изображения можно встретить на фрагменте керамического сосуда (выпуклой части тулова) из фонда СКМ (Северо-Казахстанское областное музейное объединение), найденного в культовом месте у села Петровка Северо-Казахстанской области (СКМ оф 1841/51–59).

С 1973 по 1976 годы большой объем работ был выполнен археологической экспедицией Карагандинского государственного университета под руководством Г. Б. Здановича, а с 1977 года экспедицию возглавил В. В. Евдокимов. Коллектив карагандинских археологов (В. В. Варфоломеев, В. В. Евдокимов, С. У. Жауымбаев, К. М. Карабаспакова, И. А. Кукушкин, В. Г. Ломан, В. А. Новоженев, И. В. Рудковский, А. А. Ткачев, Э. Р. Усманова, А. Ю. Чиндин, М. В. Бедельбаева, И. Н. Швец) сосредоточил усилия, в основном, на решении проблем насельников эпохи бронзы. Также в ходе археологических работ были открыты: погребение ранней бронзы в могильнике Карагаш и погребение с колесницей в могильнике Сатан. Исследованы андроновские могильники Копа, Нуркен, Акимбек, Ташик, Бозинген, Алпымса, Нуртай, Майтан, Лисаковский и др.

Проведены раскопки на поселениях Копа-1, Акимбек, Домалактас, Лисаковское, Ташик, Майоровка, Энтузиаст. Отрядом по изучению эпохи поздней бронзы были проведены раскопки могильников Енбек-Суйгуш, Донгал, Дермен, Самара, Шоиндыколь, Карагаш, Тасырбай [Жауымбаев, 2001; Варфоломеев, 1987, с. 56–68; 1988, с. 80–99; Ткачев, 1989, с. 85–113; 1991; Евдокимов, 2000; 2001].

В 1985 г. в связи с переездом Центрального государственного музея в новое здание, для построения экспозиции на основании приказа №142 Министерства культуры КазССР от 04.05.1985 года сотрудником музея археологии и этнологии Карагандинского университета Э. Р. Усмановой были переданы материалы поселений Атасу, Домалактас, Тагибайбулак и могильников Нуркен, Копа и Бозинген. В данную коллекцию вошли керамические сосуды, украшения, бронзовые наконечники, наконечники стрел и орудия труда (ЦМК КП 20238/1,2) [Акт №384 от 18.10.1985, с. 21–22], (ЦМК КП 20245/1–2, КП 20246, КП 20247, КП 20249) [Акт №386–391 от 18.10.1985, с. 8–17]. Например, из орудий труда: тупик-трепало из лопаточной кости крупного рогатого скота Г-образной формы, рабочая часть имеет отверстие (ЦМК КП 20249/2); каменная рудодробилка овальной формы, ударная часть плоская (ЦМК КП 20249/9); каменная мотыга удлинненно-конусовидной формы, рабочая часть заострена (ЦМК КП 20249/11); украшения в виде низки пастовых бус, бочонкообразной формы голубого и белого цвета (ЦМК КП 20239); бронзовые наконечники листовидной формы, с рельефными краями (ЦМК КП 20248/1–3).

В 1996 году А. М. Оразбаевым были переданы артефакты могильника Шортандыбулак, расположенного в долине левого берега реки Талды-Нура, возле старой зимовки Айнаколь, в 10 км к югу от аула Жанажурт и 14 км к юго-западу от поселения Байбала. Поселение находится на второй надпойменной террасе. В этом районе локализуется большое количество памятников эпохи бронзы, расположенных обширными группами прежде всего вокруг гор Кызыл тау, в долинах реки Талды-Нура и ее притоков. Материалы могильника представлены редкими образцами резных костяных изделий, это фрагмент выгнутой накладки прямоугольной формы, орнаментированной тонкой резьбой в виде рядов миниатюрных треугольников с высокими вершинами, солярный круг в центре покрыт резьбой тех же мотивов (ЦМК КП 26072/1) [Акт №42 от 28.05.1999, с. 143-145]; фрагмент костяной рукоятки (ЦМК КП 26072/3); костяной циркуль с заостренными раздвоенными концами, из которых один длинный другой короткий, с круглым основанием и овальным отверстием для продевания ремня, орнаментирован тонкой резьбой из двух рядов миниатюрных треугольников (ЦМК КП 26072/2). По мнению А. Х. Маргулана, этот циркуль служил в качестве штампа для нанесения резного орнамента и измерения объектов [Маргулан, 1998, с. 276]. Также в 2010 году дочерью археолога А. Х. Маргулана – Д. А. Маргулан были переданы в дар музею материалы из поселений Шортандыбулак и Бугылы-1. Это артефакты, изготовленные из бронзы: накладка в виде круглой выпуклой шляпки со шпеньком; наконечник стрелы двухлопастной втульчатый; круглое массивное кольцо с двумя гранями; проколка четырехгранная с уплощенным концом и ворворка (ЦМК КП 27287/1-5) [Акт №57 от 05.10.2009, с. 42].

В 1997 году руководителем ЦКАЭ Ж. К. Курманкуловым переданы материалы Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1975, 1976, 1978, 1979, 1980, 1981, 1983 годы из поселений и могильников эпохи бронзы Мыржык, Ак-Мустафа, Атасу, Бугулы-1, Нурмамбет, Аксуат, Копа, Куйган-2 и т. д. Эта огромная коллекция включает керамические сосуды, украшения, пряслица, предметы конской сбруи, орудия труда, отщепы и т. д. (ЦМК КП 26218/1–103) [Акт №7 от 21.03.2000, с. 106–127], (ЦМК КП 26221/1–33) [Акт №10 от 29.03.2000, с. 88-96], (ЦМК КП 27044/1–77) [Акт №46 от 17.07.2007, с. 119-138], (ЦМК КП 27254/1–94) [Акт №33 от 20.04.2009, с. 18-28], (ЦМК КП 27326/1–36) [Акт №11 от 08.04.2010, с. 145-151], (ЦМК КП 26247/1–30а, б) [Акт №36 от 13.06.2000], (ЦМК КП 26067/1–79) [Акт №37 от 28.05.1999], (ЦМК КП 26247/1–50), [Акт №47 от 10.09.2007; Кадырбаев, Курманкулов, 1992].

Коллекция раннего железного века из Центрального Казахстана представлена комплексом конского снаряжения: удила, псалии, бляхи-ременные распределители, бляхи-накладки, найденные в результате раскопок ЦКАЭ в 1988 г. под руководством Ж. Курманкулова на могильнике Ак-Мустафа. Могильник расположен в 41 км юго-западнее п. Кызыл тау, на левом берегу р. Атасу, в 0,3 км от поселения Ак-Мустафа (Атасу-2), датируемым VIII–VII вв. до н. э. (ЦМК КП 26523/1–12) [Акт №27 от 2001; 2009, с. 110]. А также комплексом артефактов локальной группы памятников Центрального Казахстана, так называемой тасмолинской культуры из могильников Карамурун (ЦМК КП 10722/13–15), Толагай и Бесоба (ЦМК КП 10722/12) [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 40-383]. Могильник Тасмола находится на правом берегу степной реки Шидерты, в 8 км к юго-востоку от населенного пункта «Экибастузский» Павлодарской области. Погребения центрально-казахстанской группы сако-массагетского круга относятся к тасмолинской культуре, датируемой VIII–V вв. до н. э. Вооружение, уздечки, булавки, бляхи часто украшались в зверином стиле.

Находки предметов художественной культуры сакской эпохи из Центрального Казахстана дают возможность составить некоторое представление об искусстве этой обширной области в период ранних кочевников. Вместе со своеобразными чертами погребений они позволяют выделить в ней особую, так называемую тасмолинскую культуру [Ежелгі көшпелілер..., 2009, с. 107–120].

Инвентарь из погребений могильников Тасмола-5, 6 представлен в коллекции музея предметами конского снаряжения, бронзовыми стремчовидными удилами, двухперыми втульчатыми и трехперыми черешковыми наконечниками стрел, каменными жертвенниками, точильными камнями, бляшками, пронизьями, подвесками, поделками из кости. Характерными для тасмолинской культуры являются удила со стремчовидными окончаниями и дополнительными отверстиями; со стремчовидными окончаниями, но без дополнительного отверстия; стремчовидные удила со стремчком прямоугольной формы; кольчатые удила (ЦМК КП 10722/9, 10722/56, 10722/5а, 10722/7, 10722/11, 10722/13, 10722/4, 10722/10, 10722/6, 10722/110722/3, 10722/2), [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 334–335, рис. 28]. Раскопки проводились ЦКАЭ (1946–1991 гг.) под руководством А. Х. Маргулана, М. К. Кадырбаева и Ж. К. Курманкулова.

ЦКАЭ ИИАЭ АН КазССР (под руководством А. Х. Маргулана) совместно с Центральным музеем Казахстана в 1948 г. осуществила раскопки могильника Керексур в долине реки Бегазы (Коунрадский р-он, Карагандинская обл.).

Материалы раскопок представлены артефактами: пронизи, муфты, застежки, кристаллы, точило и наконечники стрел (ЦМК КП 6194, 6195, 6201, 6190, 6198, 6197, 6200) [Маргулан, 1951, с. 3–52], свидетельствующие о ювелирном искусстве племен Центрального Казахстана.

С 1947 по 1957 гг. ЦКАЭ была исследована большая серия изваяний. В фондах ЦГМ РК хранятся два каменных изваяния из Центрального Казахстана, найденные археологической экспедицией ЦМК 1986 г. на территории Улытауского и Актогайского районов Джезказганской обл. (ЦМК КП 20718/1, 2). Для создания скульптур древние ваятели применяли плотные по текстуре материалы – гранит, песчаник. Изваяния выполнены техникой тесания, с едва намеченным подобием лица и туловища человека. А. Х. Маргуланом зафиксированы местонахождения изваяний на горных равнинах, открытых с восточной стороны, на верхних террасах речных долин с широкой панорамой на восток. В местах их расположения встречаются памятники разных эпох, образуя единый комплекс (комплексы в верховьях рек Атасу, Нура, Талды-Нура, Нургай, Канаттас, Бегазы, Сарыулен, Борлы и др.) [Маргулан, 2003, с. 50].

ЦКАЭ в 1946–1948 гг. под руководством А. Х. Маргулана в районе рек Сарысу, Кенгира и Улытау было проведено археологическое изучение памятников, относящихся к VIII–XIV вв.: мавзоль Джучи хана (ЦМК КП 5998. 6 ед.хр., КП 5973. 43 ед.хр., КП 6004. 5 ед.хр., КП 6019. 13 ед.хр., КП 6020. 6 ед.хр., КП 6022. 4 ед.хр., КП 6026. 3 ед.хр.), Болган Ана (ЦМК КП 6016. 5 ед.хр., КП 6018. 5 ед.хр.), Жаманияз (ЦМК КП 6023. 5 ед.хр.), Болактобе (ЦМК КП 6025. 27 ед.хр.), Алаша хана (КП 6027. 38 ед.хр. КП ПМ 3905/3,4), Сырлыгам (КП 5972. 106 ед.хр.), Келинтам (КП ПМ 3905/5), Темиркутлуг (ЦМК КП 6035. 50 ед.хр.), Ботагай (ЦМК КП 6207. 5 ед.хр.), Жузден (ЦМК КП 6209. 7 ед.хр.) [Маргулан, 1949, с. 44–53]. Материалы экспедиции послужили основой формирования средневековой коллекции Центрального Казахстана. Это подъемные материалы в виде фрагментов керамических сосудов, изразцов и облицовочных кирпичей. В работе данной экспедиции принимали участие сотрудники ЦМК.

Также в средневековой коллекции ЦК имеются материалы погребений XIII–XIV вв. Первое погребение раскопано в 1949 году А. Х. Маргуланом у аула Жартаас, курган № 5, недалеко от устья небольшой степной речки Сокур, впадающей в р. Нуру. Материалы погребения представлены фрагментом серебряной чашечки, конской упряжью, бляшками и фрагментом шелковой ткани (ЦМК КП 6235. 12 ед.хр., НВФ 5796/76) [Маргулан, 1959, с. 248–252, рис. 1]. Из этого комплекса особый интерес представляет

фрагмент шелковой ткани золотисто-коричневого цвета с тканым орнаментом в виде «чешуи дракона» или «алмазной сетки». Основа и уток состоят из шелковой одинарной нити, выполненной в технике – дамаск, а грунт – саржа.

Второе погребение раскопано ЦКАЭ в 1961 г. под руководством М. К. Кадырбаева в кургане №2, могильника Тасмола-4. Материал погребения представлен уникальным артефактом – колчаном, трапециевидной формы. Внешняя сторона украшена тремя неширокими поясами из костяных накладок с резным, геометрическим орнаментом, инкрустированным красной охрой. В нижней широкой части колчана сохранилось восемь сквозных отверстий для скрепления обеих его частей. Внутри колчан был обшит кожей, разорванной на фрагменты, края кожаной части имеют фигурный вырез и следы от гвоздей, соединяющих с берестой (ЦМК КП 27496/1, 2) [Кадырбаев, 1970, с. 42–53].

Третье погребение раскопано ЦКАЭ в 1962 г. под руководством М. К. Кадырбаева в кургане 3а, могильника Карамурун-1. Материал погребения представлен фрагментом деревянного изделия, прямоугольной формы в сечении, внутри полое. Предположительно, является ножнами для меча (НВФ 6111).

Четвертое погребение раскопано археологической экспедицией в 2011 г. под руководством Э. Р. Усмановой в Улытауском районе, в северо-западной части Бетпакдалы, в междуречье Буланты и Белеуитты, в урочище Карасере. Обнаружены в четырех погребениях предметы вооружения и религиозной атрибутики: кресало, пряжки, накладки, панцирные пластины, наконечники стрел, колчан и астрагалы (ЦМК КП 27530/1, КП 27530/2, КП 27530/3, НВФ 6136/1, НВФ 6136/2, НВФ 6136/3, НВФ 6136/4, НВФ 6136/5а, б, НВФ 6136/6, НВФ 6136/7, 8, НВФ 6136/9, 10, 11, НВФ 6136/12) [Булантинская битва..., 2015].

По результатам научных исследований ЦКАЭ исследователями была выполнена хронологическая классификация памятников ранних кочевников, населявших территорию Центрального Казахстана. В научный оборот были введены многочисленные новые данные с поселений и могильников эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Большая часть опубликованного материала хранится в археологическом фонде ЦГМ РК.

Накопленный за все время существования ЦКАЭ огромный фактологический материал был передан руководителем экспедиции Ж. Курманкуловым в фонды Центрального государственного музея РК, за что выражаем огромную благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

- Булантинская битва: История исследований. Научно-информационный альбом / под ред. Кожахметова Б.С., Усмановой Э.Р., Плетниковой Л.Н., Сембиновой Л.А. – Улытау: Национальный историко-культурный и природный заповедник-музей «Улытау», 2015. – 210 с.
- Варфоломеев В.В.** Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 56-68.
- Варфоломеев В.В.** О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сарыарки // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1988. – С. 80-99.
- Евдокимов В.В.** Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. – Алматы, 2000. – 140 с.
- Евдокимов В.В.** Эпоха бронзы степей Центрального и Северного Казахстана: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Алматы, 2001. – 36 с.
- Ежелгі көшпелілер: Қазақстан Республикасы Мемлекеттік Орталық музейінің археологиялық коллекциясы. Ғылыми каталог. – Алматы: тип. «Ди-Пи-Эс», 2009.
- Жауымбаев С.У.** Горное дело и металлургия бронзового века Сарыарки: – Караганды, 2001. – 164 с.
- Кадырбаев М.К.** Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 134-142.
- Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З.** Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 42-53.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.** Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата, 1992. – 247 с.
- Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х.** Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. – 1950. – Вып. 32. – С. 126-136.
- Маргулан А.Х.** Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1947 год // Изв. АН Каз ССР. Сер. археол. – 1949. – Вып. 2. – С. 13-18.
- Маргулан А.Х.** Архитектурные памятники района рек Кенгир и Сарысу // КСИИМК. – 1949. – Вып. 28. – С. 44-53.
- Маргулан А.Х.** Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Изв. АН КазССР, №108. Сер. археология. – 1951. – Вып. 3. – С. 3-52.
- Маргулан А.Х.** Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры // Труды Института истории, археологии и этнографии. – 1959. – Т. 7. – С. 248-261.
- Маргулан А.Х.** Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 3-30.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1998. Соч. – Т. 1.
- Маргулан А.Х.** Соч.: в 14 т. Т. 3. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Т. 4. Каменные изваяния Улытау / Сост. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – 50 с. + вкл. 246 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 434 с.
- Ткачев А.А.** Новые погребальные памятники поздней бронзы и средневековья Сарыарки // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989. – С. 85-113.
- Ткачев А.А.** Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991. – 26 с.
- ЦГМ РК Акт №152 от 23.11.1979 г. Акты поступления основного фонда /91-199/1979 г. Кн №2.
- ЦГМ РК Акт №384 от 18.10.1985 г. Акты поступления основного фонда КП/379-394/1985 г. Кн №11.
- ЦГМ РК Акт №386-391 от 18.10.1985 г. Акты поступления основного фонда КП/379-394/1985 г. Кн №11.
- ЦГМ РК Акт №390 от 18.10.1985 г. Акты поступления основного фонда КП/379-394/1985 г. Кн №11.
- ЦГМ РК Акт №37 от 28.05.1999.
- ЦГМ РК Акт №42 от 28.05.1999 г. Акты приемки-сдачи основного фонда с 37 по 61, 1999 г. Кн №2.
- ЦГМ РК Акт №7 от 21.03.2000 г. Акты приемки-сдачи основного фонда с 1 по 40, 2000 г. Кн №1.
- ЦГМ РК Акт №10 от 29.03.2000 г. Акты приемки-сдачи основного фонда с 1 по 40, 2000 г. Кн №1.
- ЦГМ РК Акт №36 от 13.06.2000.
- ЦГМ РК Акт №27 от 2001 г.
- ЦГМ РК Акт №47 от 10.09.2007.
- ЦГМ РК Акт №46 от 17.07.2007 г. Акты приемки-сдачи основного фонда с 46 по 62, 2007 г. Кн №3.
- ЦГМ РК Акт №33 от 20.04.2009 г. Акты приемки-сдачи основного фонда с 2 по 44, 2009 г. Кн №2.
- ЦГМ РК Акт №57 от 05.10.2009 г. Акты приемки-сдачи основного фонда с 45 по 76, 2009 г. Кн №3.
- ЦГМ РК Акт №11 от 08.04.2010 г. Акты приемки-сдачи основного фонда с 1 по 43, 2010 г.

А. Г. Акулов

А. Г. Акулов
г. Санкт-Петербург
A. G. Akulov
Saint Petersburg
e-mail: dzhusbobo@gmail.com

Мемориалы нобилитета скифского времени в южносибирских и казахстанских степях

Аннотация. В статье на обширном фактологическом материале, полученном в ходе многолетнего обследования автором Минусинской и Туранской котловин, предлагаются новые в скифской археологии разработки. В статье, снабженной большим количеством иллюстраций, демонстрируется четкая логика, соблюдавшаяся при сооружении мемориалов степной элиты раннего железного века. Несмотря на то, что материалы о памятниках из казахских степей оказались лишь доступными благодаря программам GOOGLE, BING и т. д., исследователь приводит краткий, предварительный анализ эталонных комплексов палеометаллической эпохи – Бегазы, Бесшатыр, Шиликты и др. Автор статьи высказывает свою точку зрения относительно периода возникновения курганов «с усами» и т. н. «геоглифов», сосредоточенным пока в Сарыарке.

Ключевые слова: Степная Евразия, ранний железный век, скифы, мемориалы, элита.

Nobility memorials of the Scythian time in South Siberian and Kazakh steppes

Abstract. The article presents new developments in the Scythian archeology based on broad factual materials, which was received during the research works by the author of the Minusinsk and Turan hollows. The article provided with many illustrations, demonstrates clear logic, which was followed in the construction of memorials of the steppe elite in the early Iron Age. Despite the fact that the materials on the Kazakh steppes monuments are only available due to such programs as GOOGLE, BING and others, the researcher gives a brief, preliminary analysis of the reference systems belonging to the Paleometal era – Begazy, Besshatyr, Shilikty and etc. The author expresses his point of view on the period of occurrence of kurgans with “moustache” and “geoglyphs”, the greatest number of which are in Saryarka.

Keywords: Eurasian steppe, early Iron Age, the Scythians, memorials, elite.

Любой надмогильный знак несет мемориальную функцию, поэтому каждое погребение, означенное небольшим курганчиком, столбиком или крестом в каком-то смысле является мемориалом. Тем не менее, современное употребление этого слова предполагает значимость сооружения для более крупной социальной единицы, нежели семья погребенного. Значимость, далеко выходящую за пределы погребального обряда, как такового. Мемориал есть визуализация в конкретном локусе реального мира памяти коллектива об исторических и культурных событиях, связанных с той личностью, которой он посвящен. Для понимания многообразия и важности его общественных функций достаточно вспомнить прекрасно известный старшему поколению мемориал у кремлевской стены.

Именно такими сооружениями и являются погребальные комплексы знати скифского времени.

Эти могильники-мемориалы отличаются от могильников-кладбищ рядовых общинников монументальностью, внутренней структурой и архитектурными особенностями. Размеры сооружений ранжируются и зависят от социального положения покойного. Правда, эти параметры неодинаковы в разных культурных группах и меняются со временем, поэтому достоверно определить социальный ранг покойного по размерам основного сооружения (кургана, погребальной ограды, мавзолея) или мемориала в целом возможно только при детальном изучении особенностей развития мемориальной архитектуры на данной территории. Архитектурные особенности мемо-

риала знати скифской эпохи – дополнительные каменные сооружения вблизи основного, вместе с ним образующие *архитектурный комплекс*, строящийся согласно определенным принципам и канонам. Совокупность подобных комплексов, возведенных в пределах одного ландшафтного локуса – *мемориальный ансамбль* – отличается многоуровневой иерархией сооружений и их характерным, «каноничным» расположением относительно сторон света, иных пространственных ориентиров, а также относительно друг друга.

Наивысшее достижение мемориальной архитектуры этого времени – создание масштабных ландшафтно-архитектурных ансамблей кланов вождей племенных объединений – *династических курганных полей* (*Аржанское, Салбыкское, Шиликтинское, Бесшатырское и т. д.*)

В евразийских степях строительство подобных сооружений имеет длительную предысторию, однако, бесспорно индивидуальные монументальные сооружения появляются лишь в финале поздней бронзы (белозерская культура, херексуры Монголии и Тувы) [Отрошенко, 1985, с. 319–321; Грач, 1980, с. 62–64]. Начиная с раннескифского времени традиция возведения мемориалов высшей знати быстро распространяется по всей Степи, по сути, являясь настолько же значимым маркером культур этой эпохи, насколько любой из компонентов знаменитой «скифской триады».

Многолетние исследования этих памятников в степях Южной Сибири позволяют утверждать следующее.

Для мемориалов выбираются ландшафтные участки, обладающие определенными параметрами. Для относительно небольших мемориалов раннескифской эпохи, это участки долин у подножия гор или увалов, участки вблизи бровок террас и выходящих в долину логов, около сужений и поворотов речных долин, наконец, небольшие межгорные котловинки – «крипты». Для династических курганных полей скифских «царств» – широкие субгоризонтальные степные участки крупных долин или котловин с видами на различные реалии окружающего мира – реки или озера, лесистые и снежные горы.

Пространство мемориала нобилиа скифской эпохи *всегда* включает в себя прилегающую к основному погребальному сооружению территорию, на которой возводятся сопутствующие каменные или земляные сооружения. Зачастую неподалеку от мемориала строятся погребальные сооружения младших родичей или челяди и их потомков – *сателлитная группа*. У «царских» мемориалов высшего ранга к этому часто добавляются находящиеся на большем расстоянии мемориальные архитектурные комплексы нобилей меньшего статуса – *миньоны*. Те и другие, как

правило, располагаются в северо-западном секторе от основного мемориала, хотя расположение сателлитной группы может меняться в зависимости от ландшафтных реалий.

Архитектурный комплекс мемориала *всегда* имеет основную ось и ориентацию. Это очевидно для бегазинских или тагарских мемориалов, но, даже когда основное сооружение в плане является абсолютно круглым, ось и ориентация присутствуют в структуре сопутствующих сооружений, что дает возможность определить фронтальную, тыловую и боковые стороны комплекса, его фасад. Соответственно, если ориентации отдельных архитектурных комплексов общего мемориального ансамбля совпадают, мы можем определить ориентацию и фасад этого ансамбля. Подавляющее большинство так называемых «цепочек» курганов на самом деле являются их «шперенгами», где фасады комплексов обращены в одну сторону от линии, вдоль которой они стоят.

Архитектурная композиция мемориала строится на сочетании в одном комплексе архитектурных объемов (погребальные сооружения), вертикалей (стелы, оленные камни, изваяния) и площадных элементов – дуг и цепочек, образованных небольшими каменными сооружениями, кладками или кольцами, рвов, кольцевых вымосток вокруг основного сооружения. У разных культурных групп принципы их использования разные и трансформируются со временем.

Как происходят процессы такой трансформации, можно наблюдать на изученных нами мемориалах Минусинской [Акулов, Паульс, 2008, с. 5–8] и Туранской котловин.

В тагарской культуре Минусинской котловины строительство мемориалов знати начинается постепенно. На основе планировки местных погребальных сооружений эпохи поздней бронзы на рубеже II и I тыс. до н. э. формируется модель тагарского кургана, которая будет существовать тысячу лет – прямоугольная или слегка трапециевидная невысокая каменно-земляная платформа с оградой-крепидой по сторонам и вертикальными стелами по углам (рис. 1, 1, 2). Вскоре возникают и каноны особых *престижных* курганов для захоронения людей особого социального статуса, которых уже, вероятно, можно называть знатью, а сами курганы – мемориалами.

На большей части Минусинской котловины это *десятикаменный курган с воротами (входом) с восточной стороны ограды и выносным камнем к западу от кургана*. В юго-западной части котловины – *восьмикаменный курган с выносным камнем у юго-восточного угла ограды* (рис. 1, 3–8).

Фасадная сторона у курганов обоих канонов – на востоке. Туда высоким краем обращены трапециевидные угловые стелы (а у позднетагарских

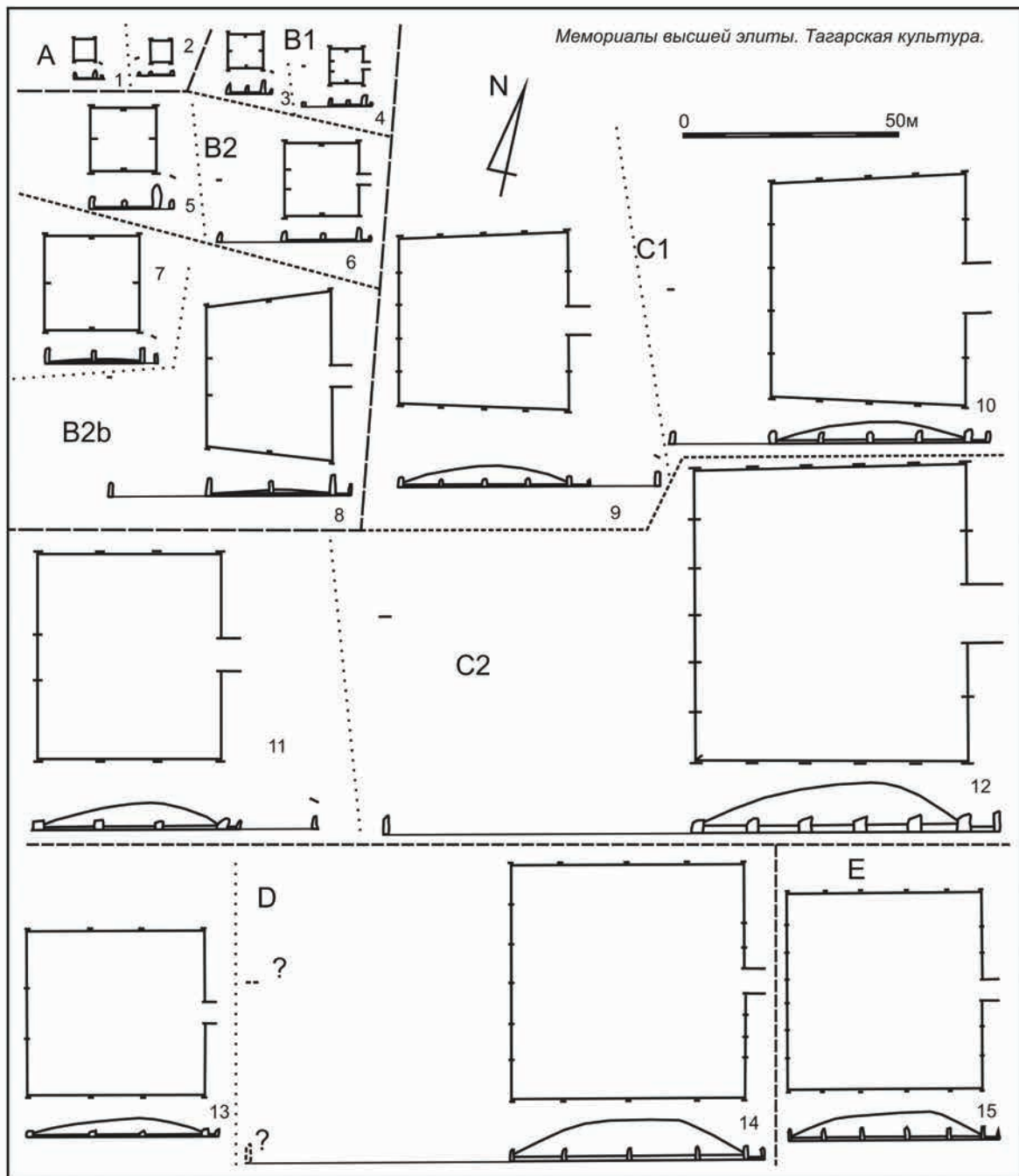

Рис. 1. Эволюция тагарской курганной архитектуры. Ступень А. 1 – Усть-Таштып; 2 – Жемчужный. Ступень В. Фаза В1; 3 – Алчинаев; 4 – Читыхыс. Фаза В2; 5 – Сафронов; 6 – Харатигей. Горизонт В2b; 7 – Сафронов; 8 – Узун-Оба. Ступень С. Фаза С1; 9 – Кизлас; 10 – Кара-Курген. Фаза С2; 11 – Кизлас; 12 – Салбык. Ступень D; 13 – Кизлас; 14 – Барсучий Лог. Ступень E; 15 – Троицкое (1, 3, 5, 7, 9, 11, 13 – «восточники»; 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 15 – «западники»). Схемы курганов (14, 15) приближены, составлены по имеющимся фотографиям) (по: Акулов, Паульс, 2008)

курганов – и высокий край насыпи), с этой стороны делается вход-ворота у мемориалов знати. Общая ориентация курганов – на весенне-летний восход солнца, азимут от 50 до 90°. Различие азимутов обусловлено календарным временем сооружения или, по крайней мере, разбивки курганов.

Примерно в это же время формируется и особый тип планировки мемориалов – разделен-

ные расстоянием от нескольких десятков до нескольких сотен метров *компактные группы*, каждая из которых состоит из одного-двух престижных курганов и нескольких рядовых небольших оград-сателлитов.

Размеры мемориалов еще невелики. Длина сторон курганов не превышает 10 м, с учетом выносных камней и ворот – 20 м, но за счет высоты стел, часто превышающих 2–2,5 м, они выглядят

монументально (рис. 1, 3, 4). Строительство в соседней Туранской котловине первого в регионе настоящего «царского» мемориала Аржан резко меняет ситуацию, и, буквально за два-три поколения, размеры мемориалов увеличиваются в 3–4–5 раз, а высота отдельных каменных стел достигает 5–6 м (рис. 1, 5–8).

Проявляются локальные варианты в архитектуре – увеличенное или уменьшенное расстояние до выносного камня, «оттянутость» юго-восточного угла ограды, придающее ей в плане форму косой трапеции, различия в мощности каменных стел. В этот период начинается возведение мемориалов в открытой степи.

К концу VIII в. до н. э. резко повышается социальная турбулентность. В архитектуре мемориалов мы видим взаимовлияния различных регионов Минусинской котловины и существенные архитектурные инновации. Растет высота курганной насыпи, стелы же становятся более приземистыми. Появляются мемориалы, сочетающие в себе элементы различных канонов и их локальных стилистических вариантов. Закладываются первые династические курганные поля, в том числе – Салбыкское.

Четко прослеживается ранжирование размеров мемориалов в зависимости от социального статуса погребенных. Для погребенных высшего ранга модифицируется канон – по две стелы добавляются с каждой стороны и курган становится *восемнадцатикаменным* (рис. 1, 9, 10).

На Салбыкском курганном поле начинается строительство самых монументальных мемориалов за все время существования тагарской культуры. Все значимые архитектурные инновации сосредотачиваются здесь. Окончательно меняется общий архитектурный облик центрального сооружения – теперь оно представляет собой усеченную пирамиду, высота которой у самых крупных курганов превышает 10 м, стороны же достигают 65 м. Увеличение размеров вынуждает модифицировать основной канон – теперь по всем сторонам ставится по две промежуточных стелы и курган становится *двенадцатикаменным* (рис. 1, 11), в «царском» же каноне, с добавлением двух стел по каждой стороне и еще одной по центру тыловой стороны напротив выносного камня, вдоль ограды основного сооружения стоит 21 стела (рис. 1, 12).

Многокаменных монументальных мемориалов около 10 м высотой на поле всего три, сходных по размерам двенадцатикаменников – еще два. Расцвет «Салбыкского Дома» занимает около века и датируется VII–VI вв. до н. э. [Марсадоллов, 2007, с. 59].

В это же время в рамках общей тенденции к увеличению размеров погребальных соору-

жений у рядового населения происходит переход от строительства индивидуальных курганов к возведению крупных коллективных склепов. Престижные индивидуальные мемориалы еще недолгое время возводятся для наивысшего ранга знати (Барсучий Лог), однако в позднетагарское время мы уже имеем дело только с коллективными – «родовыми» или «семейными» мемориалами. Наиболее масштабные из них наследуют ряд признаков «престижных» курганов раннего тагара – «ворота», «многокаменность» (рис. 1, 13, 14). Подобные монументальные коллективные мемориалы возводятся как на уже существующих династических курганных полях, так и на новых. Расстояние между такими склепами – несколько сот метров (на рядовых могильниках оно часто меньше размеров курганов).

Такое положение вещей сохраняется несколько веков, только масштаб мемориалов постепенно уменьшается. Лишь в тесинское время мы вновь видим рост курганных насыпей, установку большого количества каменных стел (рис. 1, 15). Все это происходит при сокращении числа памятников и увеличении числа погребенных в одном склепе до нескольких сот человек. Видимо, последний всплеск тагарского мемориального зодчества связан с необходимостью самоидентификации коллектива в условиях притока нового населения.

В отличие от Минусинской, в Туранской котловине не наблюдается постепенного развития архитектурной традиции строительства мемориалов от эпохи поздней бронзы. Эта традиция приходит сюда извне в совершенно оформившемся состоянии и впервые фиксируется в мемориале Аржан [Грязнов, 1980, с. 50–60]. Основное погребальное сооружение здесь представляет собой круглую в плане каменно-земляную платформу невысоких пропорций. Использование архитектурных вертикалей здесь не играло значительной роли в формировании архитектурного облика мемориала. Зато основное погребальное сооружение было окружено одной или несколькими кольцеобразными или дугообразными зонами небольших сопутствующих сооружений – каменных кладок, колец, небольших кромлехов (восьмикаменников).

Ранние этапы развития мемориалов Туранской котловины представляют четыре комплекса Аржанского династического курганного поля (Аржан 1–4 (рис. 2)), с диаметром основных сооружений 70–100 м, вытянутые в одну линию с промежутком в 2–3 км, два крайних из которых раскопаны (Аржан-1 и 2), а у одного (Аржан-3) великолепно сохранилась вся система сопутствующих сооружений, которую можно рассматривать как некий эталон (рис. 2, 2–4).

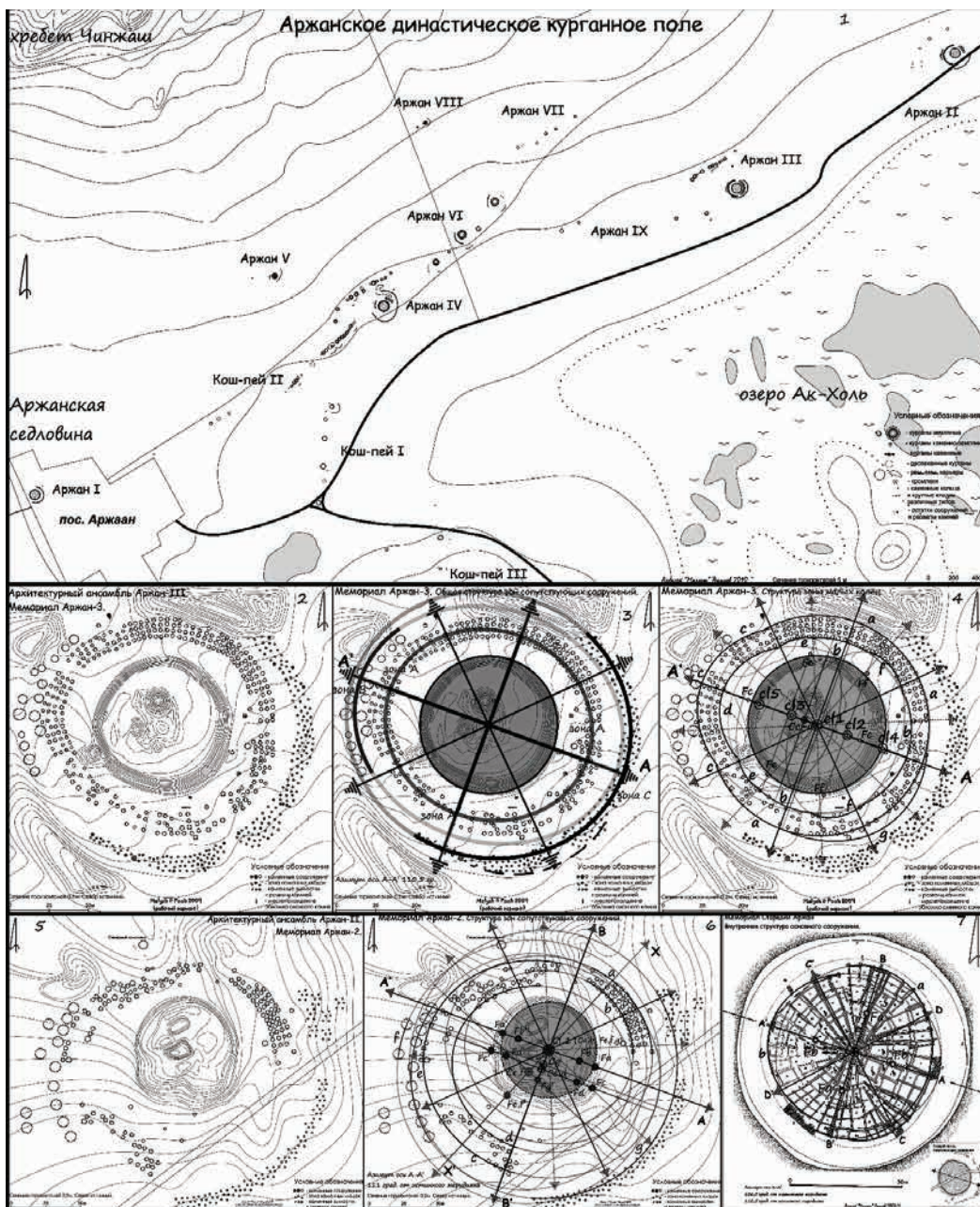

Рис. 2. Аржанское династическое курганное поле. Ранние мемориалы Туранской котловины (2, 3, 4 – Аржан-3; 5, 6 – Аржан-2; 7 – Аржан-1)

Здесь выделяется три основных зоны – зона малых каменных колец А, имеющая эллиптическую форму, с радиальными рядами колец; зона В с 15-ю крупными каменными кольцами, образующая дугу эллипса на западе и северо-западе; зона С круглых каменных кладок, образующая подобную дугу от северо-восточного до южного сектора (рис. 2, 3). Центры и фокусы этих эллипсов находятся на одной оси, проходящей через центр кургана, азимут которой около 110°. При более внимательном рассмотрении планировки зон, видно, что для их детальной разбивки и оконтуривания также использовались дуги эллипсов (рис. 2, 4).

С северной, северо-западной и юго-западной стороны площадка мемориального комплекса ограничена карьерами. На северо-западе находится сателлитная группа из 12 курганов, у части которых также есть сопутствующие сооружения (круглые каменные кладки).

Положение мемориала на поле позволяет предположить, что время его строительства – VIII–VII вв. до н. э.

Элементы подобной системы сопутствующих сооружений мы видим у всех четырех мемориалов высочайшего статуса Аржанского поля и у первых мемориалов более позднего Чингетэйского поля. Отличаются частные осо-

бенности – несколько иные эллипсы, по которым разбиваются зоны сопутствующих сооружений, число больших колец, местонахождение карьеров, наличие или отсутствие вертикальных стел, наличие миньона. Сами принципы же – каменно-земляная платформа основного сооружения, основная архитектурная ось мемориала азимутом 110° , разбивка зон по эллипсам – остаются неизменными (рис. 2, 5, 6; 3, 2, 3). У самого мемориала Аржан-1 («Старшего Аржана») плохо сохранились периферийные сооружения, однако те же особенности прослеживаются в его внутренней структуре (рис. 2, 7).

Дальнейшую эволюцию нам демонстрируют мемориалы Чингетэйского поля (рис. 3). Если мемориал Чинге-Тэй-1, датирующийся рубежом VII–VI вв. до н. э. (рис. 3, 2, 3) [Чугунов, 2011, с. 358–369], существенно отличается от аржанских только наличием рва, то в последующих мы наблюдаем идущие параллельно два процесса. Первый – резкое увеличение высоты насыпи и промежутка между ней и рвом, отчего основное сооружение приобретает облик ступенчатого усеченного конуса (рис. 3, 6). Второй – трансформация общей планировки мемориала (рис. 3, 4, 5). Исчезают большие кольца. Азимут главной архитектурной оси смещается на $150\text{--}170^\circ$, что, вероятно, указывает на переход на ориентацию мемориалов перпендикулярно восходу солнца в день разбивки. Ось маркируется перерывами во рву, окружающему основное сооружение. Зоны круглых кладок и колец вытягиваются в этом направлении, в результате чего основное сооружение из центра мемориала смещается в его северо-западную часть, юго-восточная же превращается в аванплощадь. Сама форма колец меняется и зачастую напоминает прямоугольник. У позднейших мемориалов зона колец вообще исчезает, частично заменяясь сооружением одного или нескольких восьмикаменников – кромехов диаметром 6–10 м из восьми камней по сторонам света.

Важнейшее изменение происходит в самой планировке династического курганного поля (рис. 3, 1). Вместо отдельных мемориалов высочайшего ранга с сателлитными группами, находящимися лишь в пределах видимости друг от друга, как на Аржанском поле, возникает общий архитектурный ансамбль, обращенный на юго-юго-восток. Отдельные мемориалы в этом ансамбле образуют две субпараллельные цепочки – «главную», «фасадную», с комплексами представителей династии высших рангов, и «сателлитную», «поддерживающую», объединяющую комплексы миньонов и курганы сателлитных групп. Их увязка в единый ансамбль – игрой архитектурных масс и объемов – облегчается резко возросшей высотой основных сооружений.

Подобным же образом организуются и меньшие по масштабу мемориалы нобилей этого времени (VI–V вв. до н. э.) на других полях Туранской котловины – Аржанском и Кёктонском.

С течением времени мемориалы, продолжают возводить по тем же принципам, однако, они постепенно мельчают. Пертурбации, связанные с началом гунно-сарматского времени, вызвавшие в Минусинской котловине новый всплеск мемориального строительства, здесь практически уничтожают эту традицию, что, вероятно, указывает на практически полную смену элиты.

Подведем итог. Мы видим две совершенно различные в своей основе традиции, тем не менее, влияющие друг на друга и приобретающие некоторые схожие черты.

Уже упоминалось влияние строительства первого аржанского мемориала на рост масштабыности мемориалов Минусинской котловины. Увеличение высоты основных сооружений мемориалов также близко по времени – VII–VI вв. до н. э. Ряд особенностей внутреннего устройства основных сооружений и внешнего оформления комплексов также указывает на изоморфность структур, лежащих в основе алды-бельских и уюкских мемориалов, с одной стороны и тагарских, с другой. Лежащая в их основе метаструктура получила у нас рабочее название «Скифский крест» (рис. 3, 7). Синхронен также и постепенный упадок строительства подобных памятников – V–III вв. до н. э.

Таким образом, мы можем констатировать их участие в едином процессе, затрагивающем курганную культуру евразийских степей в скифское время.

Проведенные исследования дают нам ключ к пониманию некоторых особенностей подобных памятников в Казахстане. К глубокому сожалению автора, ни на одном из казахстанских мемориалов ему работать не довелось, поэтому все сведения – из публикаций и со спутниковых снимков GOOGLE, BING и т. д., что, разумеется, делает их значительно менее точными и полными по сравнению с приведенными выше данными о южносибирских памятниках.

Бегазинские мавзолеи уже сопоставлялись с памятниками ранних этапов тагарской культуры [Подольский, 1979, с. 47–51; Чугунов, 2013, с. 91–94]. Действительно, у них много общих черт с раннетагарскими мемориалами – ограда-крепида из вертикальных плит, общая подквадратная планировка, вход с востока. Однако, помимо этого, немало и различий. Вертикальные плиты ставятся не в определенных точках, а по всему периметру ограды, они не обращены на восток, вход больше напоминает дромос, ориентация сооружений не на северо-восток, а на восток с откло-

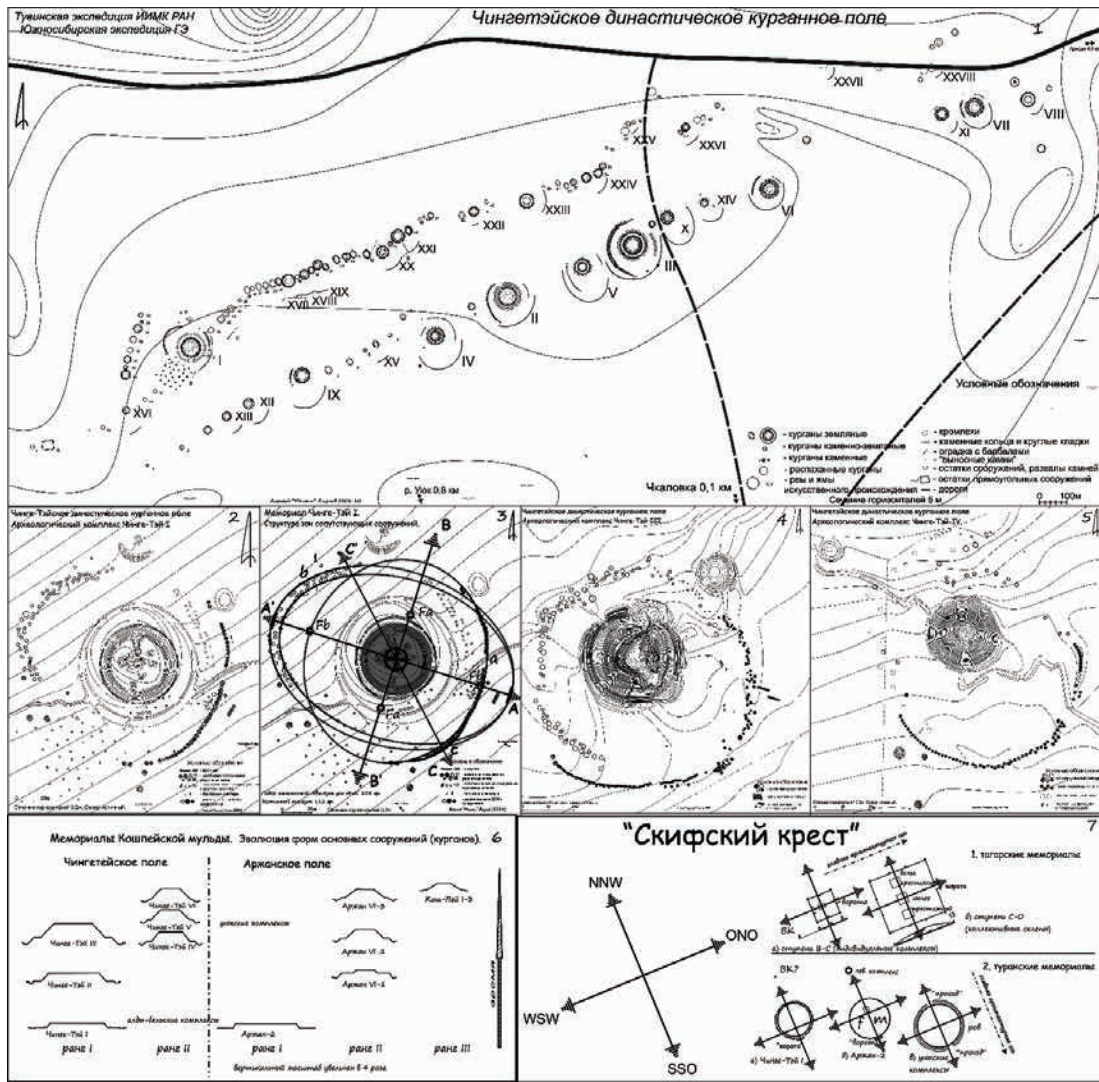

Рис. 3. Чингетэйское династическое курганное поле. Мемориалы алды-бельского и уюкского времени (3, 4 – Чинге-Тэй-1; 4 – Чинге-Тэй-3; 5 – Чинге-Тэй-4). Изменение профиля насыпи основного сооружения (кургана) (6). Общая структура в основе мемориалов Минусинской и Туранской котловин (7)

нением к югу, что более свойственно мемориалам Туранской котловины. В целом по архитектурным особенностям мемориалов, можно сделать вывод, что мы здесь имеем дело не с прямыми взаимовлияниями, а с общей основой родственных культур, восходящей еще к эпохе бронзы, на которую накладываются схожие процессы, связанные с новыми культурными импульсами из Центральной Азии. По размерам сооружений, структуре и местоположению могильников бегазинские мемориалы соответствуют раннеподгорновским, датирующимся IX–VIII вв. до н. э.

Мемориальные династические поля Восточного Казахстана. Этот регион является важнейшим для изучения мемориальных ансамблей скифского времени. От Южного Алтая и Тарбагатай до Тянь-Шаня мы имеем более десятка, а, возможно, и более двух десятков мемориальных ансамблей высочайшего «царского» ранга. Каждый из них, безусловно, заслуживает

отдельного исследования. Однако, со спутниковых снимков невозможно различить и идентифицировать целый ряд сопутствующих сооружений мемориалов. Поэтому их невозможно описать детально и приходится ограничиться особенностями, находящими аналогии в южносибирских памятниках.

Общая организация мемориального ансамбля в две субпараллельные цепочки – «фасадную» и «сателлитную» – наблюдается в центральной группе шиликтинских курганов (курганы 30–38 по С. С. Черникову) [Черников, 1965, с. 12 (рис. 2)]. Там же у некоторых курганов можно заметить перерыв в окружающем курган рву по азимуту около 110° от центра кургана, что совпадает с основной архитектурной осью ранних курганов Туранской котловины. За рвом у ряда курганов видны группы пятен, которые при полевом исследовании могут оказаться сопутствующими сооружениями.

Очень интересен мемориал Карауылтобе в северных предгорьях Жетысу/Джунгарского Алатау. Здесь мы наблюдаем ограничение мемориала карьерами, сходное с аналогичной структурой кургана Аржан-3. При этом сам мемориал ориентирован на северо-восток, подобно тагарским.

Кластер мемориальных ансамблей высочайшего ранга мы наблюдаем на юге Жетысу Алатау, в межгорных котловинах к северу от хребта Алтынэмель. Здесь, опять же, виден целый ряд признаков, изученных нами у мемориалов Туранской котловины – организация ансамблей в две неравнозначные цепочки, «сателлитные группы» и «миньоны» у отдельных курганов, «пятна» в околочурганном пространстве, с большой долей вероятности, свидетельствующие о наличии сопутствующих сооружений, рвы на существенном расстоянии от подножия курганной насыпи, образующие своеобразный «подиум», на котором стоит курган и т. д.

То же касается еще двух районов Юго-Восточного Казахстана – северных предгорий Иле/Заилийского Алатау и межгорных котловин по течению Кегена и Шарына. Интересно, что, помимо вышеописанных сопутствующих сооружений мемориалов, здесь появляется еще один, неизвестный в Южной Сибири, но находящийся аналогии далеко на западе, в мемориальном комплексе Большого Краснознаменского кургана – так называемая «ритуальная дорога» [Гасс, 2011, с. 67–68], кольцеобразная вымостка вокруг основного сооружения.

Наконец, Бесшатырский мемориальный ансамбль демонстрирует нам впечатляющий синтез архитектурных идей – создание зон сопутствующих сооружений и создания архитектурных вертикалей из каменных стел. В этом сложнейшем памятнике мы видим и перерывы в кромлехе, акцентированные крупными камнями – подобия «ворот» в тагарских мемориалах, и наличие оси NNW–SSO, подобной существующей у поздних мемориалов Туранской котловины.

По сути, в эпоху становления скифских «царств» от Дуная до Енисея мы наблюдаем единый процесс. По-разному комбинируя архитектурные идеи и элементы, частично известные еще с эпохи неолита, частично принесенные импульсом, приведшим к возникновению скифского мира, династы и нобили различных этнокультурных образований создают свою собственную богатую традицию мемориальной архитектуры, схожую с другими, но и отличающуюся от них. Вероятно, процессы изменения формы основного сооружения от высокой платформы к усеченному конусу или пирамиде, а также последующего постепенного уменьшения масштаба мемориалов также близки по времени.

Нет ни малейшего сомнения в том, что на «царских» мемориалах Восточного Казахстана детальное изучение их планиграфических особенностей позволит создать схему последовательной эволюции архитектуры мемориалов с достаточно точными хронологическими привязками, аналогичную разработанной для мемориалов Минусинской и Туранской котловин.

Курганы с «усами». Несмотря на то, что для многих из этих памятников поздняя дата, видимо, справедлива [Боталов и др., 2006, с. 137–139], думается, что начало их строительства, всё же, восходит к скифской эпохе [Кадырбаев, 1966; Бейсенов, 1997; 2015]. Восточная ориентировка мемориалов, общий принцип их планировки – погребальное сооружение плюс аванплощадь для совершения ритуалов, окаймленная «усами», которые, в ряде случаев, состоят из округлых каменных набросок, эллиптическая форма «усов» в плане, да и, вообще, наличие основных и сопутствующих сооружений – все это находится в рамках той парадигмы, о которой мы говорили до сих пор. Отличается, пожалуй, лишь отношение общей площади мемориала к параметрам его основного сооружения – сам курган здесь заметно меньше. Это может быть обусловлено большей эгалитарностью общества, оставившего нам подобные памятники – просто не было возможности привлечь необходимые людские ресурсы. Так что, начало строительства курганов с «усами», скорее всего, относится к тому же раннескифскому времени. И то, что оно длится много веков, нас не должно смущать. В Минусинской котловине только очень опытный исследователь может отличить по внешним признакам таштыкские склепы определенной группы от раннетагарских курганов, несмотря на тысячелетний разрыв во времени их строительства.

Так называемые «геоглифы». Открытые в Центральном и Северо-Западном Казахстане масштабные, 100 и более метров в поперечнике, т. н. «геоглифы» [Интернет-ресурс, 2014; Логвин, Шевнина, Сеитов, 2016], хотя и не являются, скорее всего, мемориалами, однако позволяют поставить связывающую обе темы проблему культурологического характера.

Мы уже говорили о том, что мемориал воплощает память коллектива о значимых исторических и культурных событиях, связанных с той личностью, которой он посвящен. Но не только. Значительная личность в коллективном сознании практически всегда является проводником Высших Сил, фундаментальных смыслов, обеспечивающих само существование человека и коллектива. Не зря цари и вожди героических эпох всегда оказывались связанными с теми или иными божествами. И в этом смысле мемориал –

еще и магический артефакт, порт связи с этими силами для их адептов.

Точно такую же функцию выполняет геоглиф, вне зависимости, что он изображает – крест в четырехугольнике, свастику или круг. Когда бы не делался конкретный геоглиф, начало этой традиции в степях восходит к неолиту – эпохе бронзы. К скифскому времени она насчитывала тысячелетия.

Не связана ли масштабность и некоторая изобразительность планировки мемориалов

скифской эпохи с этой традицией? Не есть ли это знак той Высшей Силы, медиатором которой являлся погребенный?

Тогда т. н. «геоглифы», посвященные этим силам, скорей всего, не относятся к скифскому времени. В эту эпоху данную функцию надёжно выполняли мемориалы, посвященные их частичным воплощениям – царям и вождям.

Таковы были реалии героической эпохи Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

- Акулов А.Г., Паульс Е.Д.** К изучению тагарской курганной архитектуры // *Материалы II (XVIII) Всероссийского археологического съезда.* – М., 2008. – Т. 2. – С. 5–8.
- Бейсенов А.З.** Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти выдающегося казахского археолога К. А. Акишева.* – Алматы: НИЦИА «Безазы-Тасмола», 2015. – С. 7–34.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э.** Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. – Челябинск, 2006. – 232 с.
- Гасс А.** К проблеме изучения памятников раннего железного века юго-восточного Семиречья в свете данных геoarхеологических исследований // *АЭАЕ.* – 2011. – С. 57–69.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П.** Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.
- Интернет-ресурс. Owen Jarus. Nazca Lines of Kazakhstan: More Than 50 Geoglyphs Discovered. Режим доступа: <http://www.livescience.com/47954-geoglyphs-discovered-in-kazakhstan.html>
- Кадырбаев М.К.** Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
- Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М.** Ритуальный комплекс Урпек // *Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов Евразии: сб. научн. ст.* – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. – С. 56–65.
- Марсадоллов Л.С.** Палеоастрономические аспекты Большого Салбыкского кургана в Хакасии // *Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. История и культура Востока Азии.* – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – С. 205–213.
- Отрошенко В.В.** Белозерская культура // *Археология Украинской ССР.* – Киев: Наукова думка, 1985. – Т. 1. – С. 519–526.
- Подольский М.Л.** Местные и «инородные» элементы ранней тагарской культуры (по материалам курганов у с. Знаменка в Хакасии) // *Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства.* – Кемерово, 1979. – С. 47–50.
- Черников С.С.** Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось скифское искусство. – М.: Наука, 1965. – 190 с.
- Чугунов К.В.** Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // «*TerraScythica*». – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 358–369.
- Чугунов К.В.** Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири // *Вестник ТомГУ. История.* – 2013. – № 2 (22). – С. 91–94.

**О. А. Артюхова,
Т. Б. Мамиров**

О. А. Артюхова¹, Т. Б. Мамиров²

¹Институт археологии имени А.Х. Маргулана,
г. Алматы;

²Национальный музей Республики Казахстан,
г. Астана

О. А. Artyuhova¹, Т. В. Mamirov²

¹A. Kh. Margulan Institute of archaeology, Almaty;

²National Museum of the Republic of Kazakhstan,
Astana

E-mail: paleo_artuhova@mail.ru; tmamirov@mail.ru

Каменный век Улытау в исследованиях ЦКАЭ в 2001–2012 гг.

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, проекты 2977/ГФ4; 2986/ГФ4

Аннотация. В данной статье приводится краткий обзор работ ЦКАЭ в начале 2000-х годов по изучению памятников каменного века в Улытау. В 2001 году в ЦКАЭ была сформирована группа по изучению каменного века. В результате работы группы в микрорайоне Талдысай было открыто 11 памятников каменного века от палеолита до энеолита. Наиболее значимым памятником в регионе стала стратифицированная стоянка Токтаул. В результате раскопок на стоянке в течение 12-ти полевых сезонов было выявлено более 70-ти тысяч каменных артефактов и костных останков животных. Стоянка Токтаул является единственным стратифицированным памятником в регионе, функционировавшим с мезолита до конца каменного века. Еще одним значительным событием в этот период является открытие стратифицированной палеолитической стоянки Улькен Жезды. Результаты работ на стоянке позволяют датировать поздним палеолитом начало заселения микрорегиона Талдысай древними людьми.

Ключевые слова: Улытау, ЦКАЭ, мезолит, неолит, энеолит, каменный век, стоянка.

The stone age in researches of SKAE in 2001–2012

Abstract. A brief survey of SKAE works on research of Stone Age sites in Ulytau in the early 2000s is considered in this article. The group on research of Stone Age in Ulytau was formed in SKAE in 2001. In the result of group works in Taldysai microdistrict were discovered 11 sites of Stone Age from Paleolithic till Eneolithic. The stratified Toktaul site became the most important monument in the region. In the result of excavations in the site were found about 70 thousands of Stone artifacts, and animal bone remains during 12 field seasons. Toktaul site is the only stratified monument in the region that functioned from Mesolithic till the Stone Age. At that period one of the significant events is considered the discovery of stratified Paleolithic Ulken Jezdy site. The results of work allow dating back this site to the Late Paleolithic – the period of Taldysai microdistrict settlement by the ancient peoples.

Keywords: Ulytau, SKAE, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, Stone Age, site.

С момента создания Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1946 г., наряду с исследованием памятников эпохи бронзы, уделялось внимание и изучению памятников каменного века. Под непосредственным руководством А. Х. Маргулана были открыты десятки местонахождений, мастерских и стоянок каменного века (палеолит и неолит) [Маргулан, 1948]. Этому периоду древней истории Казахстана А. Х. Маргулан всегда уделял пристальное внимание. В своих работах он обобщал результаты исследований, полученных другими археологами, формально не входящими в ЦКАЭ – Н. В. Валукинским, М. Н. Клапчуком, А. Г. Медоевым [Маргулан, 1998].

Позднее к исследованию памятников каменного века в регионе подключились специалисты региональных научных учреждений – В. С. Волошин, А. Ю. Чиндин, О. А. Артюхова и др.

В середине 80-х годов XX века в составе ЦКАЭ был сформирован отряд по изучению памятников каменного века, руководимым Ж. К. Таймагамбетовым. Им были введены в научный оборот артефакты стоянок палеолитического времени Огизтау и Улькен/Улькен Акмая, а также группы стоянок Мыржык, Каратобе, Акмая и др., общее количество которых насчитывает свыше 40 объектов [Таймагамбетов, 1989].

В 2001 г., после продолжительного перерыва (конец 1980-х – начало 2000-х годов)

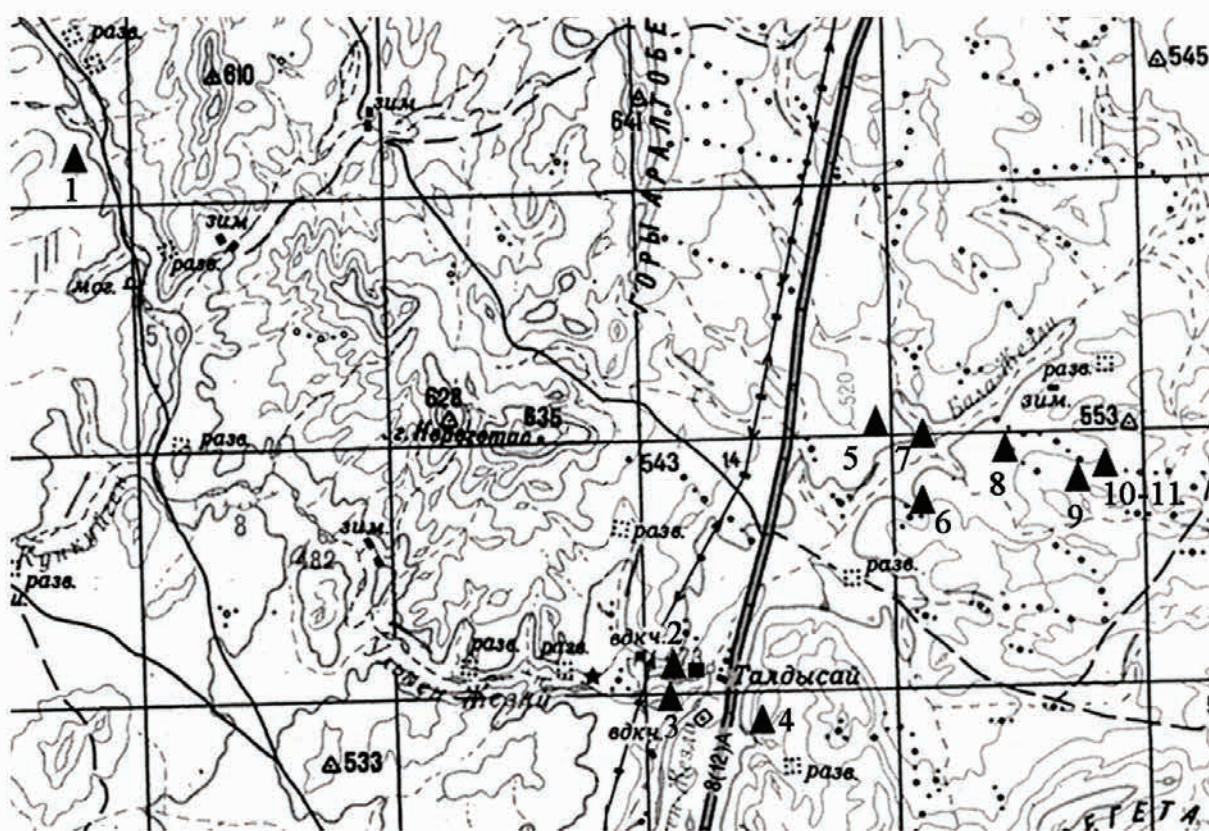

в изучении каменного века на территории Центрального Казахстана, ЦКАЭ под руководством Ж. Курманкулова возобновляет работы по поиску и обследованию памятников, предшествующих эпохе бронзы. Была создана группа по изучению памятников каменного века в составе ЦКАЭ. Работы данной группы были сконцентрированы в окрестностях микрорайона Талдысай Улытауского района Карагандинской области [Артюхова и др., 2002].

Район исследований был выбран не случайно. Урочище Талдысай приурочено к слиянию рек Улкен Жезды (на некоторых топографических картах обозначена как Жезды) и Бала Жезды. После впадения р. Бала Жезды р. Улкен Жезды течет на юг, принимает справа приток, который также называется Бала Жезды, и после их слияния уже на всех картах называется Жезды. Жезды, в свою очередь, впадает слева в р. Кара-Кенгир, правый приток р. Сарысу. В настоящее время все эти реки, вплоть до р. Сарысу, не имеют постоянного водотока. В хорошо выработанных долинах сохранились лишь отдельные плесы.

На сравнительно небольшой площади вокруг населенного пункта Талдысай сосредоточено множество выдающихся археологических памятников, принадлежащих разным историческим эпохам: стоянки и местонахождения каменного века, поселение металлургов и могильник эпохи бронзы, могильники эпохи ранних кочевников и тюрков, средневековое городище Баскамыр X–XII вв., казахское кладбище XVII–XIX вв.

Первый же год исследований показал перспективность работ в этом микрорайоне. В 2001 г. О. А. Артюховой, Д. С. Байгунаковым, Г. Т. Бексеитовым было открыто 11 памятников каменного века: Талдысай-2 (Улкен Жезды), Талдысай-3, Аякбулак, Сарыбулак-1–3, Тасбулак, Талдыбулак-1–3, Токтаул, на которых были проведены сборы подъемного материала (рис. 1). На памятниках Сарыбулак-1 и Аякбулак были заложены рекогносцировочные шурфы. Результаты работ показали перспективность проведения дальнейших стационарных исследований в микрорайоне.

- ▲ Местонахождения каменных индустрий
- Поселение Талдысай
- ★ Пещера Талдысай

Рис. 1. Карта археологических памятников в микрорайоне Талдысай. 1 – Токтаул; 2 – Улкен Жезды; 3 – Талдысай-3; 4 – Аякбулак; 5 – Талдыбулак-3; 6 – Талдыбулак-2; 7 – Тасбулак; 8 – Талдыбулак-1; 9 – Сарыбулак-2; 10–11 – Сарыбулак-1, 2, 3

В 2002 г. было продолжено исследование на памятниках Талдысай-2, Сарыбулак-1, Аякбулак и Токтаул. На первых трех памятниках проводились сборы подъемного материала и были заложены стратиграфические шурфы. На памятнике Токтаул были заложены три раскопа, и стартовало ежегодное исследование памятника. Разведочный шурф был заложен у привходовой части пещеры Талдысай. В процессе работ принимали участие, кроме сотрудников Института археологии им. А. Х. Маргулана, студенты Жезказганского университета им. О. А. Байконырова, а также сотрудники Жезказганского историко-археологического музея.

В 2003 г. было продолжено изучение стоянки Токтаул, площадь раскопа была увеличена до 48 м². При участии итальянских археологов из Болонского университета на стоянке Сарыбулак-1 был расширен разведочный раскоп, в конце сезона он был законсервирован.

С 2003 года в изучении археологических памятников Талдысай активное участие принимали сотрудники геоархеологической группы из Института геологических наук им. К. И. Сатпаева МОН РК в составе: д. г.-м. н., проф. Б. Ж. Аубекеров, д. г.-м. н. С. А. Нигматова, научные сотрудники Л. Л. Кузнецова, к. г.-м. н. С. В. Перевозов, к. г.-м. н. Ш. А. Жакупова, которые обеспечивали проведение исследований по четвертичной геологии, геоморфологии, палеонтологии, реконструировали палеоэкологические условия.

В 2004 г. были продолжены работы на стоянке Токтаул. Было раскопано еще 36 м². На стоянке Аякбулак был заложен разведочный шурф, размерами 1 х 2 м², вскрывший культурный слой с каменными артефактами мезолитического облика. Была начата расчистка привходовой части пещеры Талдысай до глубины 0,5 м, которая позволила выявить наличие керамики средневекового периода, сопоставимой с керамикой городища Баскамыр, которая находится в 500–600 м к юго-востоку от пещеры.

В 2005 г. работы проводились на стоянке Токтаул, было раскопано 64 м² площади памятника. На стоянке Улкен Жезды был заложен стратиграфический шурф и проведены исследования рыхлых отложений, слагающих надпойменную террасу реки. Раскопки пещеры Талдысай были приостановлены и законсервированы.

В 2006–2012 гг. раскопочные работы ограничивались стоянкой Токтаул. Этот памятник приурочен к роднику в верхней части межсопочной котловины в 2,5 км к северу от пос. Талдысай. На протяжении 12 полевых сезонов на памятнике было вскрыто 512 м² (площадь памятника составляет более 2000 м²), мощностью до 0,5–0,7 м, местами до 1,2 м (рис. 2). В ходе археологических раскопок было обнаружено более 70 000 камен-

ных артефактов, более 5000 костных останков (табл. 1). Орудия составляют 9–12% всех находок. Это скребки, резцы, проколки, наконечники стрел и копий, зубчато-выемчатые орудия, вкладыши, пластинки с ретушью и геометрические микролиты (трапеции).

Палеозоологические исследования проводили независимо специалисты: Л. А. Тюткова – старший научный сотрудник Института зоологии КН МОН РК, П. А. Косинцев – к. б. н., старший научный сотрудник лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН; Л. Л. Гайдученко – к. г.-м. н., Челябинский государственный университет; П. А. Глеубердина – заведующая Музеем природы РГП на ПХВ «Гылым Ордасы» КН МОН РК.

Таблица 1 – Соотношение раскопанных каменных артефактов по годам на стоянке Токтаул

Годы работ	Площадь раскопа (м ²)	Количество каменных артефактов
2001	-	495
2002	16	> 1 500
2003	48	6 543
2004	48	6 158
2005	56	16 302
2006	80	6 247
2007	32	4 244
2008	40	2 770
2009	28	1 589
2010	60	17 922
2011	40	1 379
2012	64	9 511
ИТОГО	512	>70 000

В 2010 г. к исследованиям на стоянке подключился палеопедолог Д. А. Гаврилов (Институт почвоведения и агрохимии СО РАН). Он отобрал образцы и провел следующие виды анализов почвы с разных участков раскопа Токтаула: макроморфологический, физико-химический, микробиоморфный, радиоуглеродное датирование гумусовых горизонтов [Гольева, Гаврилов, Артюхова, 2013].

Образцы из разреза 1 (на выходе русла водотока из «оазиса») свидетельствуют, что современная дернина растет на сильно эродированной поверхности. Можно достаточно уверенно говорить, что у данной почвы отсутствуют верхние 15–20 см. Возможная причина эрозии ветровая. Сейчас поверхность задернована, формируется дернина и, скорее всего, интенсивность эрозии существенно снижена. Современная почва развивается под пологом сухо-степного разнотравья с высокой долей аридной флоры (полыни).

По разрезу 2 (к западу от «оазиса») вывод получился неожиданным. Данная почва в прошлом распаивалась. Пашня поливалась речной или озерной водой. За счет распашки утеряна вся

информация о возможных этапах развития почвы в прошлом. Использовать почву в качестве фоновой нецелесообразно. Сейчас почва развивается автоморфно в аридных условиях.

В центральной, наиболее приподнятой части раскопа толща рыхлых отложений (разрез 3), вероятно, формировалась за счет активной антропогенной деятельности, т. е. это – культурные слои. Можно предположить несколько этапов обживания территории. Начальный, более слабый – слой 49–50 см, и более поздний и более интенсивный – слои 9–30 см. Расположенный между ними слой 39–40 см – это маломощная почва, сформированная в непродолжительный промежуток отсутствия людей на данном месте. В обоих случаях люди, помимо трав и животной органики, использовали древесину или ветви (кору) деревьев и кустарников.

Почва формировалась при постепенном изменении ландшафтной обстановки в условиях уменьшения влажности и повышения теплообеспеченности (лесо-луговой экотон (березовый колодок (?)) – луг – луговая степь под антропогенной нагрузкой – сухая степь).

По результатам радиоуглеродного датирования удалось установить, что погребенный гумусовый горизонт был сформирован в атлантический период голоцена (7270–3710 гг. до н. э.).

Гумусовый слой на глубине 20–30 см образован в более поздний период, чем гумусовый слой на глубине 30–40 см, и синхронен гумусовому слою на глубине 40–50 см. Данный факт позволяет утверждать, что рассматриваемый слой (на глубине 20–30 см) представляет собой остаток среднеголоценового гумусового горизонта, который был перемещен с гипсометрически более высокой точки расположенных рядом склонов сопки, где на современном этапе почвенный покров имеет разреженный вид и представлен серогумусовыми аккумулятивно-карбонатными почвами.

Исследователи смогли восстановить эволюцию природной среды в районе стоянки Токтаул, начиная с середины голоцена:

I. В атлантический период, характеризующийся благоприятными климатическими условиями, под пологом степной (луговой) растительности была сформирована черноземная почва. В микробиоморфном комплексе зафиксирована смена состава фитоценоза: лесо-луговой экотон

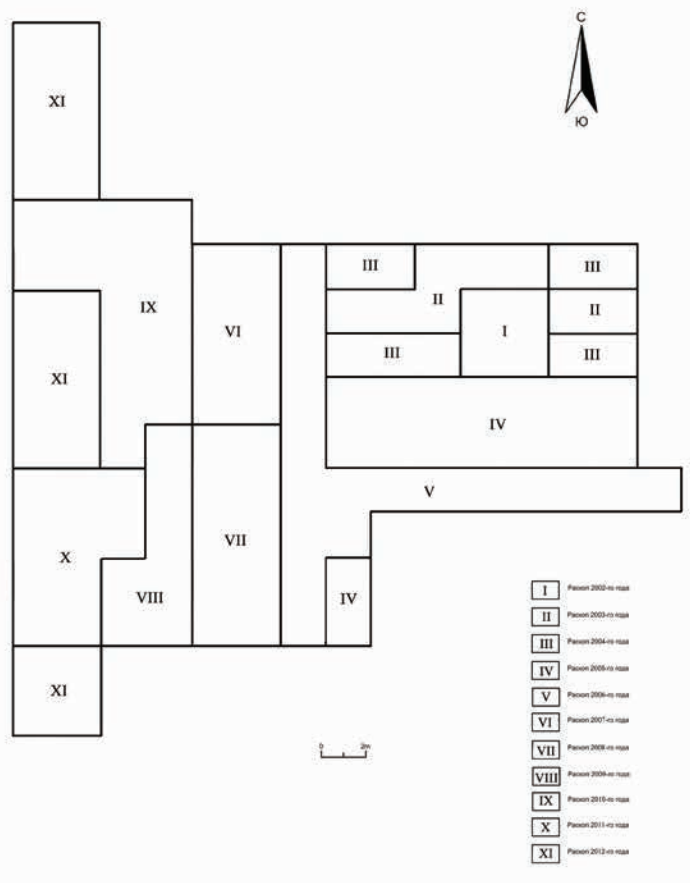

Рис. 2. План раскопа стоянки Токтаул

(березовый колодок (?)) → луг → луговая степь под антропогенной нагрузкой.

II. В конце атлантического периода природная обстановка резко изменилась в сторону иссушения климата, приведшая к активизации процесса эрозии, что отразилось в формировании не менее двух слоев делювия над гумусовым атлантическим горизонтом. В делювиальном слое обнаружен обугленный детрит, который является признаком антропогенной нагрузки на слой.

III–IVa. На этом этапе отмечается новый этап гумусообразования, сопровождающийся прокрашиванием гумусированного делювия, продолжающийся до сегодняшнего дня. На современном этапе почва испытывает процесс засоления и солонцообразования в условиях аридного климата (каштановая солончаково-сильносолонцеватая мощная глинистая почва).

IVб. В западной части памятника в профиле почвы сохранились следы вспашки, которые стерли признаки делювиального происхождения средней части гумусового горизонта и гомогенизировали горизонт (каштановая солончаково-сильносолонцеватая мощная постагрогенная глинистая почва).

Анализ стратиграфии раскопа, особенностей формирования почвы, палинологического анали-

за, наряду с неполным технико-типологическим анализом индустрии (изучение каменной индустрии продолжается), позволяет выделить на памятнике четыре хронологических периода.

Первый период, самый ранний, характеризуется отложениями на глубине более 50 см в юго-западной, наиболее возвышенной части раскопа. В этих отложениях выделены спорово-пыльцевые спектры, которые соответствуют достаточно холодному и сухому климату (холодные пустыни). Этот этап связывается с доатлантическим периодом голоцена (пребореал-бореал, возможно, граница верхнего неоплейстоцена и голоцена). Определенных костных остатков в этих слоях сравнительно немного. Они принадлежат животным, на которых охотились первобытные охотники: кулану, архару, туру, сайге, лошади. Единичны кости лося и собаки. Артефакты характеризуются пластинчатостью и микролитичностью. В инвентаре преобладают орудия и сколы-заготовки, которые изготовлены из яшмовидных и кремнистых пород хорошего качества явно импортного происхождения. Исходя из совокупности всех данных, можно отнести эти отложения к мезолиту.

Второй период, ранний неолит, фиксируется на глубине 40–50 см. Погребенный слой был сформирован в атлантический период голоцена, когда климат был более влажный и теплый, чем современный. Слои более насыщены пылью. В Институте геологии и минералогии им. В. С. Соболева были получены радиоуглеродные даты по гуминовым кислотам второй фракции, выявленным на глубине 40–50 см. Дата формирования погребенного культурного слоя – 6500 ± 135 лет [Артюхова и др., 2013, с. 90–101].

В неолитическом слое были обнаружены многочисленные костные останки сайги, кулана, единичные – джейрана, архара, лося. Неолитическое население стоянки для охоты и переработки продуктов жизнедеятельности использовали пластины, вкладыши для составных орудий, скребки из отщепов и пластин и т. д.

Третий период связан с энеолитическим временем, фиксируется на глубине 10–30 см, это самый насыщенный и мощный слой. В этот период климатический оптимум завершился, экологические условия стали близки к современным. В слое обнаружено множество костных останков кулана, джейрана, сайги, архара, лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Энеолитический слой богат и каменными артефактами, преимущественно отщепами из местных пород – кремнистых алевролитов и аргиллитов.

В верхней части этого слоя встречаются кости овцы, козы и мелких хищников, фрагменты керамики, куски руды и шлака, что свидетельствует о пребывании первобытных металлургов на стоянке. Отложения содержат относительно мало пыли. Климат был прохладным и более сухим (постатлантик-суббореал).

Верхний слой, до глубины 10–15 см связан с этнографическим временем и современностью. Он наиболее насыщен кухонными остатками, среди которых, кроме видов, обычных в предыдущую эпоху, появляются кости осла и верблюда.

Таким образом, работы на стоянке Токтаул позволили получить огромный объем ценной информации о времени заселения древними охотниками стоянки, о характере каменной индустрии и об объектах охоты. Подробное технико-типологическое описание коллекции стоянки с выделением индустрии по культурным горизонтам позволит проводить культурно-хронологические корреляции с другими стоянками.

Параллельно с раскопками стоянки Токтаул проводились разведочные стратиграфические раскопки на стоянке Аякбулак. Местонахождение расположено в 1 км к востоку от пос. Талдысай, к северу от одноименного родника. В разведочных шурфах обнаружены следы культурного слоя с артефактами мезо-неолитического облика. Усиленное антропогенное воздействие на памятник, привело к его почти полному разрушению.

Еще одним из перспективных памятников в микрорайоне Талдысай является стоянка Сарыбулак-1. Стратиграфические шурфы показали наличие культурного слоя до глубины 0,5 м с остатками очажной конструкции.

Интересным памятником в регионе является пещера Талдысай, расположенная в 1 км к западу от поселения бронзовых металлургов Талдысай. Согласно определению д. г.-м. н. Б. Ж. Аубекерова, пещера имеет карстовое происхождение, и образовалась она, по его предварительным оценкам, в период от среднего плейстоцена до голоцена. Хотя не исключено, что пещера создана в результате деятельности древних рудокопов.

В ходе разведочных работ последних лет было выявлено местонахождение Актастыбулак, расположенное у одноименного родника. Рекогносцировочные сборы с дневной поверхности памятника свидетельствуют о наличии погребенного культурного слоя с находками палеолитического и неолитического облика и перспективности дальнейших исследований.

Самым ранним памятником в микрорайоне Талдысай, свидетельствующим о заселении региона в эпоху палеолита, является стоянка Талдысай-2. На поверхности памятника было собрано более 2000 артефактов из кремнистого алевролита и аргиллита нео-энеолитического облика. Артефакты, преимущественно были представлены отщепами, среди орудий встречаются скребла, скребки, бифасиальные изделия. Техника первичного расщепления характеризуется присутствием нуклеусов параллельного принципа расщепления для получения крупных сколов.

В 2002 г. в русле реки был обнаружен почти целый череп ископаемого тура, стратиграфиче-

ская привязка тогда осталась не выясненной.

В последующее десятилетие погодные условия в изучаемом районе были засушливыми, что привело к деградации растительного покрова, уменьшению запаса воды в плесах и усилению эрозии и плоскостного смыва. В обрыве правого берега реки в районе стоянки Талдысай-2 обнажились кости крупного млекопитающего на глубине 0,6–1,2 м. В 2012 г. была сделана зачистка обнажения, а в 2013 г. заложен небольшой раскоп в месте выхода костей. Оказалось, что кости находятся в маломощном культурном слое, сопровождаются немногочисленным каменным инвентарем. Относительно видовой принадлежности костей животного мнения палеозоологов разошлись – первобытный тур или очень крупный домашний бык. Не ясной остается и стратиграфическая позиция костных остатков. Погребенные археологические остатки, во избежание путаницы, стали обозначать как местонахождение Улкен Жезды.

В 2014 г. раскопки на местонахождении Улкен Жезды не планировались, намечался лишь мониторинг стенок раскопа, которые за год были сильно размывты и обрушились. В западной стенке раскопа на глубине 1,1 м стали видны артефакты. Они залегали горизонтально плотным скоплением на площади 0,2 x 0,3 м и мощностью 6–8 см, часть артефактов осыпалась. Всего из осыпи и из стенки раскопа были извлечены 145 каменных артефакта. В техническом отношении артефакты представляют собой: обломок (1), краевой скол (1), полукраевые сколы целые (31), обломки полукраевых сколов (13), отщепы целые (25), отщепы фрагментированные (8), технические сколы (4), пластины целые и фрагментированные (6), два нуклеуса (целый и сломанный). Остальные артефакты – 51 экз. или 35% – хорошо диагностируемые орудия, представленные следующими типами: боковые выпуклые скребла (3), двойные выпуклые скребла (2), двойные

выпукло-вогнутые скребла (2), угловатое скребло (1), поперечные скребла – выпуклое и прямое (2), скребки (6), проколка (1), нож с обушком (1), ножи с естественными обушками (2), зубчато-выемчатые орудия (3), массивные клювы и тонкие рыльца преимущественно на конце отщепы (15), бифасиально обработанные орудия, целые (2), пластины с ретушью (2), сломанные орудия или плохоопределимые (10).

Скребла крупные, более 50 мм длиной, преимущественно из полукраевых отщепов. Ударные площадки, как правило, разбиты (каменный отбойник?). Пластинчатые заготовки немногочисленны, их всего восемь экз., хотя нуклеусы предназначены для получения пластинок.

Технико-типологические характеристики артефактов говорят в пользу их палеолитического возраста. Однако их геологическая позиция пока вызывает большие вопросы.

Работы в 2012–2013 гг. проводились уже по грантовой теме «Истоки степной цивилизации: комплексные исследования памятников эпохи камня, бронзы и раннего железного века Казахстана».

Таким образом, в ходе работ группы по изучению каменного века в составе ЦКАЭ в период с 2001 по 2012 годы, было открыто 12 памятников каменного века, начиная от палеолита до энеолита. Микрорайон Талдысай в древности представлял благоприятные условия для заселения древними людьми еще в позднем палеолите и постоянного обитания до конца каменного века. Благодаря проведенным палинологическим, палеопедологическим анализам, стало возможным реконструировать климатическую обстановку в то время. В некоторых случаях методы радиоуглеродного анализа позволили получить абсолютные даты, что даст возможность точнее коррелировать даты памятников каменного века Сарыарки и соседних регионов.

ЛИТЕРАТУРА

- Артюхова О.А., Курманкулов Ж., Бексейтов Г.Т., Байгунаков Д.С.** Талдысайский микрорайон эволюции каменных индустрий голоцена // Археологические исследования в Казахстане: тр. научн.-практич. конф. «Маргулановские чтения–14». – Шымкент–Алматы, 2002. – С. 13–19.
- Артюхова О.А., Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е.** Комплекс памятников в урочище Талдысай. – Алматы, 2013. – Т. 1. – 400 с.
- Маргулан А.Х.** Отчет о работах ЦКАЭ в 1947 году // Изв. АН КазССР. Сер. археол. – 1948. – Вып. 2. – С. 3–36.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Сочинения. В 14 томах. – Алматы: Атамұра, 1998. – Т. 1. – 400 с.
- Таймагамбетов Ж.К.** Палеолитические памятники Центрального Казахстана // Маргулановские чтения. – Алма-Ата, 1989. – С. 81–85.
- Гольева А.А., Гаврилов Д.А., Артюхова О.А.** Древняя аграрная трансформация каштановой почвы семиаридной зоны Казахстана по данным микробиологического анализа // Развитие почвоведения и проблемы рационального использования почв Сибири. – Омск: ЛИТЕРА, 2013. – С. 45–49.

А.З. Бейсенов

А.З. Бейсенов,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан
A.Z. Beisenov,
Archaeology Institute after A.Kh. Margulan
E-mail: azbeisenov@mail.ru

Курганы с «усами» Центрального Казахстана

Аннотация. В статье приводятся некоторые новые данные исследования курганов с «усами» Центрального Казахстана. По современным сведениям, в регионе известны более 400 памятников этого типа. Автор считает, что эти сооружения связаны с поминальными ритуалами древних племен. Исследователи связывают их с периодами саков, гуннов, ранних тюрков. Для более узкой даты курганов с «усами» необходимы новые материалы. В статье даны результаты радиоуглеродных анализов, также автор приводит типологию памятников.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, курганы с «усами», культ, ритуал, радиоуглеродный анализ, каменные изваяния, типология.

Barrows with a “mustache” of Central Kazakhstan

Abstract. The article contains some new data on the study of barrows with a “mustache” of Central Kazakhstan. According to modern information, more than 400 monuments of this type are known in the region. The author believes that these structures are associated with memorial rituals of ancient tribes. Researchers connect them with the periods of the Saka, Huns, early Türks. For a narrower date of barrows with a “mustache”, new materials are needed. The article gives the results of radiocarbon analyzes, and the author gives a typology of monuments.

Keywords: Central Kazakhstan, barrows with a “mustache”, cult, ritual, radiocarbon analysis, stone statues, typology.

Курганы с «усами» широко распространены на территории Казахстана. В настоящее время ареал их в принципе известен. Они есть почти во всех уголках Казахстана, а также на Южном Урале, Нижнем Поволжье. Особым регионом, где фиксируется наибольшее количество курганов с каменными грядами, может быть назван Центральный Казахстан. Исследование курганов с каменными грядами началось в Казахстане во второй половине 1940-х гг. Этот процесс начался с территории Центрального Казахстана и напрямую был связан с деятельностью Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ) АН КазССР. В те годы А. Х. Маргулан впервые очертил основной ареал курганов с каменными грядами, который совпал с территорией Казахского мелкосопочника.

Согласно А. Х. Маргулану, ареал этих памятников протянут с хребта Чингистау на востоке до верхнего течения реки Тобол на западе [Кадырбаев, 1966].

В 1950-1960-х гг. М. К. Кадырбаев на уровне материалов тех лет выполнил первое исследование курганов с каменными грядами. В первой половине 1950-х гг. М. К. Кадырбаев начинает участвовать в работах ЦКАЭ. Дальнейшие события приводят к тому, что в 1957 г. М. К. Кадырбаев по инициативе Аликея Хакановича возглавляет Отряд по изучению раннего железного века в составе ЦКАЭ. Он предложил и первую типологию этих памятников [Кадырбаев, 1966]. В дальнейшем и другие археологи рассматривали их различные аспекты. По поводу семантики курганов с каменными

грядями исследователи отмечали их связь с соляным культом и ритуалом жертвоприношения лошади [Кадырбаев, 1966, с. 431–432; Оразбаев, 1969, с. 182–183].

По археологическим данным, которые были собраны А. З. Бейсеновым более 20 лет назад, на всей территории Казахстана разными исследователями к середине 1990-х гг. были открыты около 300 курганов с каменными грядами. Основная масса их находилась на территории Центрального Казахстана [Бейсенов, 1996; 1997; 2001; 2002]. В настоящее время количество курганов с каменными грядами намного возросло. В результате новых поисков автора в 2000–2015 гг. в степях Центрального Казахстана было открыто большое количество новых памятников.

Если объединить ранние сведения, полученные в 1940–1990-х гг., и новейшие данные автора, можно считать, что на сегодняшний день на территории только Центрального Казахстана открыты свыше 400 курганов с каменными грядами. Необходима полная систематизация этих материалов.

В России, на территории Южного Урала исследователи обнаружили свыше 70 таких сооружений, по материалам которых проводятся важные современные исследования [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006].

Таким образом, мы должны учесть, что на территории Казахстана и некоторых сопредельных районов имеется большое количество курганов с каменными грядами. Наибольшее количество их найдено в Центральном Казахстане. На основании новых материалов из Центрального Казахстана автором рассмотрены вопросы типологии (рис. 1).

Устройство курганов с «усами» в настоящее время в принципе известно. Речь идет о небольшой округлой насыпи из земли и камней, от которой отходят две изогнутые каменные гряды по направлению на восток. Как известно, именно по наличию двух дугообразно изогнутых гряд эти памятники и получили название «курганы с усам».

Центральное сооружение обычно имеет диаметр от 3–5 м до 10–15 м. Высота его небольшая – от 0,1–0,2 м до 0,5–1 м. Для него захоронение человека не характерно. Часто под насыпью находятся глиняные сосуды или их фрагменты, а также кости лошади. Указанный вариант кургана с «усами» автор рассматривает в качестве основной разновидности этих сооружений. Это тип 1.

Каменные гряды составлены из небольших обломков плит в виде узкой полосы шириной 1–2 м. Длина таких гряд бывает от 15–20 м до 200–250 м. На концах гряд имеются небольшие округлые насыпи, диаметр которых варьирует в пределах 1–3 м. Под этими небольшими насыпями иногда находятся мелкие обломки костей животных, в том числе встречаются обугленные кости, а также фрагменты керамики. Иногда здесь фиксируются следы разведения огня в виде золы и пятен прокаленных участков. Следы разведения огня, редкие кости иногда находят под участками самих гряд.

На концах гряд, иногда и на их протяжении находятся вертикально поставленные камни высотой от 0,3–0,5 до 1 м. Согласно некоторым новейшим данным, вблизи гряд могут находиться и каменные изваяния.

По мнению автора, а также многих других исследователей, курган с каменными грядами является археологическим памятником, который возводился в ходе проведения поминального ритуала. Говоря о культе коня и культе огня, о которых писали исследователи при трактовке курганов с «усами», следует считать, что действия, связанные с указанными культурами, играли роль компонентов общего процесса. Вероятно, в основе проведенного целостного ритуала, лежала идея прощания с умершим героем. Кости лошади подчеркивают роль коня, который являлся перевозчиком души умершего героя. Глиняные сосуды

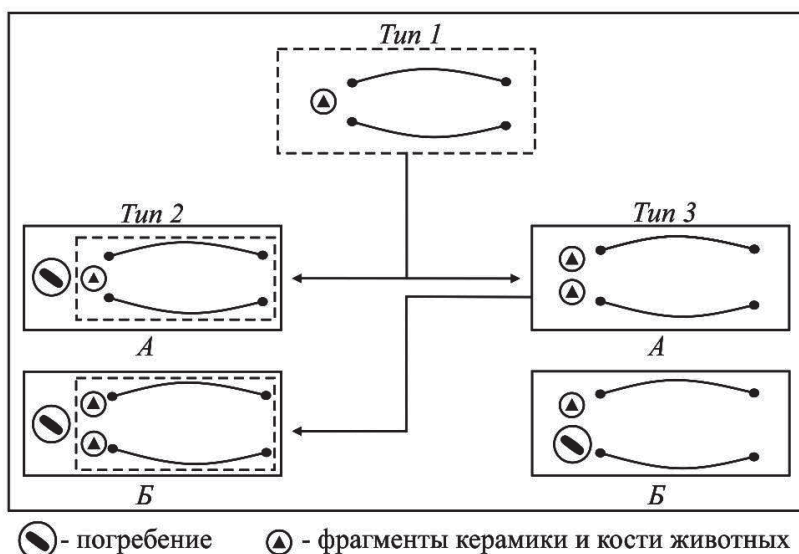

Рис. 1. Типы курганов с «усами» Центрального Казахстана

свидетельствуют о ритуальном возлиянии, чему отводилось важное место в процессе. Длинные гряды могли играть роль огненных или солнечных лестниц, по которым душа умершего героя уходила на восток, к восходящему солнцу. Возможно, восток ассоциировался с местом пребывания душ умерших героев. Такая трактовка курганов с каменными грядами позволяет считать, что эти сооружения строились для проводов души умерших героев и являлись посредниками между Землей и Небом.

Как показали раскопки в Центральном Казахстане, под центральным сооружением, представленным небольшой насыпью (тип 1), какие-либо предметы обычно отсутствуют, за редким исключением. Это обстоятельство сильно затрудняет определение даты памятников и это положение, в целом, представляет наибольшую сложность в их изучении. В одном случае, а именно под курганом Жанайдар [Оразбаев, 1969], относящемуся к типу 1, были найдены предметы конской узды раннесакского времени (VIII–VI вв. до н. э.).

Одной особенностью распространения курганов с «усами» на территории Центрального Казахстана является то обстоятельство, что в этом регионе довольно часто встречается, по отношению к другим районам, тот тип, где представлены две насыпи, расположенные по линии запад–восток (тип 2). При этом, западная насыпь является погребальным сооружением, имеющим захоронение человека, тогда как восточная насыпь является не чем иным, как рассмотренная выше небольшое сооружение без каких-либо следов человеческого захоронения. Здесь часто находят те же кости животных, развалы или фрагменты сосудов, что в случае с типом 1. Автор полагает, на основании материалов из Центрального Казахстана, что здесь мы имеем комбинацию, когда система кургана с «усами», состоящая из центрального элемента в виде небольшой насыпи и двух каменных гряд, пристроена к погребальному сооружению.

Есть и другие комбинации курганов с каменными грядами. Например, насыпи находятся по линии север–юг. В этом случае можно говорить о типе 3. Но памятников такого типа не так много, как тип 1 и тип 2.

Несмотря на довольно длительный период изучения, курганы с каменными грядами до сих пор остаются малоизвестными памятниками, многие вопросы которых еще не решены. Одним из важнейших вопросов является, как было указано, их дата.

М. К. Кадырбаев, основываясь на материалы своих раскопок, полагал, что курганы с каменными

грядами Центрального Казахстана строились в течение очень длительного периода – с VII–VI вв. до н. э. до середины I тысячелетия н. э.

Российские исследователи по материалам Южного Урала курганы с каменными грядами относят к I тысячелетию н. э. [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006]. При этом, С. Г. Боталов их датирует раннетюркским периодом (V–VIII вв. н. э.), тогда как И. Э. Любчанский считает их памятниками племен эфталитов (IV–V вв. н. э.), связанных с культурой гуннов.

В настоящее время А. З. Бейсеновым в ходе новых исследований выполняется работа, целью которой является получение представительной серии радиоуглеродных датировок по курганам с «усами».

Курган с «усами» Кырыкунгир исследован У. Умиткалиевым на склонах хребта Чингистау. Комплекс представляет тип 1, т. е. состоит из одной насыпи и двух каменных гряд. Человеческое захоронение отсутствует, что было зафиксировано при вскрытии насыпи во время посещения процесса работ автором настоящего сообщения, взявшим для ^{14}C анализа образцы из кости лошади, найденной под насыпью на материковом уровне. Дата получена М. А. Кульковой в лаборатории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Калиброванные значения оказались в пределах сакского времени, в рамках периода VIII–V вв. до н. э. (подробнее см.: [Бейсенов, Умиткалиев, Кулькова, 2016]).

Курган с «усами» 2 в могильнике Тандайлы-2 и курган с «усами» Жамантас исследованы под руководством автора в Каркаралинском районе Карагандинской области (см.: [Бейсенов и др., 2016; Бейсенов, Дуйсенбай, Святко, 2017]). Оба комплекса представляют собой тип 2 – два сооружения расположены по линии запад–восток, западное, более крупное, и восточное, размерами меньше первого. В обоих случаях под западными сооружениями вскрыты могильные ямы, содержащие человеческие захоронения, а под восточными – найдены фрагменты керамики и кости животных. Из двух комплексов в лаборатории Королевского Университета Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания С. В. Святко по костным образцам были получены по две даты – соответственно в каждом случае по одной дате из могилы под западным сооружением и восточного кургана-спутника. По результатам калибровки, человеческие захоронения под западными сооружениями датируются в пределах периода VIII–V вв. до н. э. Калибровочным данным соответствуют и археологические даты обоих погребений. В могиле кургана 2 из

Тандайлы-2 найдены три бронзовых наконечника стрел ранних типов: два двулопастные втульчатые, с шипом и без, а также один черешковый трехгранно-трехперый. Эти находки могут сузить углеродную дату этого захоронения до VIII–VII вв. до н. э. В могильной яме кургана Жамантас найдено бронзовое зеркало с боковой прямой ручкой раннесакского времени. В пределах раннесакской эпохи (VIII–VI вв. до н. э.), это зеркало может быть отнесено к VII–VI вв. до н. э. Как показали антропологические исследования, здесь погребена женщина 18–25 лет [Бейсенов и др., 2015]. Таким образом, калибровочные значения обеих могил, находящиеся в рамках периода VIII–V вв. до н. э. в обоих случаях не вступают в противоречие с археологическими датами. В западных курганах этих комплексов мы имеем дело с погребениями тасмолинской культуры. Следует попутно отметить, что полученная к сегодняшнему дню значительная серия углеродных дат по тасмолинской культуре показала период VIII–V вв. до н. э. (см.: [Бейсенов, 2016a; Beisenov et al., 2016]). В настоящее время автором этот период рассматривается как основная дата существования тасмолинской культуры.

Костные образцы из восточных насыпей кургана с «усами» 2 могильника Тандайлы-2 и кургана с «усами» Жамантас в обоих случаях показали поздние даты. В первом случае калибровочные значения оказались в пределах периода II–IV вв. н.э., во втором – в пределах периода III – первой трети VI вв. н.э.

Курган с «усами» Койтас в Каркаралинском районе Карагандинской области расположен восточнее крупного кургана раннесакского времени Койтас [Tur et al., 2016]. Ввиду того факта, что насыпь кургана с «усами» отстоит от погребального сооружения, заключенного в ров, на значимом расстоянии, а не примыкает к нему, ритуальное сооружение рассматривается отдельно, то есть, как тип 1. Расчистка и раскопки центрального элемента комплекса выявили небольшую насыпь, сложенную из обломков камня вперемежку с землей, диаметром около

3 м и высотой 0,2 м, под которой на материковом уровне были найдены зубы и фрагменты костей лошади.

Курган с «усами» Бесоба находится на западной окраине одноименного села Каркаралинского района Карагандинской области. Об этом разрушенном памятнике сообщили жители села автору в полевом сезоне 2014 г. Беглое ознакомление с памятником осенью того же года, а затем и обследование объекта в 2016 г. показало, что памятник основательно разрушен и не может быть включенным в список историко-культурного наследия в качестве существующего памятника, имеющего удовлетворительную степень сохранности. Комплекс состоит из двух насыпей, расположенных по линии запад-восток (тип 2). Западное сооружение, каменно-земляной курган первоначально имел диаметр, по-видимому, около 11–12 м и высотой около 0,5 м. Он оказался вскрытым, о чем свидетельствует большая яма неправильных очертаний, охватившая весь центр насыпи. Яма имеет диаметр около 5 м, ее глубина около 0,4–0,5 м. На дне ямы, как и на периферии, фиксируются довольно крупные плиты. Восточное сооружение почти примыкает к кургану. Значительная часть камней насыпи здесь выбрана для строительных нужд, по сохранившимся параметрам можно судить об округлом каменно-земляном сооружении, имевшем первоначальный диаметр около 4–5 м. Раскопки, заложенные на восточном сооружении этого комплекса дали небольшие фрагменты керамики, а также фрагменты костей лошади. Как керамика, так и кости найдены на материковом уровне, на глубине 20–22 см от современной дневной поверхности, чуть восточнее от предполагаемого центра подкурганной площадки.

По двум указанным комплексам с «усами» по образцам из костей лошади получены по одной дате (табл. 1). В обоих случаях калибровочные значения находятся в пределах периода второй половины III – первой четверти V вв. н.э. Как видно, полученные даты совпадают с датами по восточным сооружениям вышеуказанных двух комплексов из Тандайлы-2 и Жамантаса.

Таблица 1. AMS ¹⁴C даты проанализированных костных образцов из курганов с «усами» Центрального Казахстана. Королевский Университет Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания. Куратор проекта – С. В. Святко

Лабораторный номер	Памятник	¹⁴ C BP	Калиброванная дата (1 σ, 68,3)	Калиброванная дата (2 σ, 95,4)
UBA-23661	Курган с «усами» Койтас (тип 1), кость лошади	1680±27	Cal BC 342–398 (1.000)	Cal BC 259–281 (0.075) 324–420 (0.925)
UBA-28362	Курган с «усами» Бесоба (тип 2), восточная насыпь (спутник), кость лошади	1670 +/-28	Cal AD 346–372 (0.429) 376–406 (0.571)	Cal AD 261–279 (0.045) 326–425 (0.955)

Курганы с каменными грядами Центрального Казахстана являются очень интересными памятниками древности. В настоящее время все трактовки по поводу культурно-хронологической принадлежности этих памятников исследователями связываются с периодами саков, гуннов, ранних тюрков. Это означает, что эти трактовки не далеко ушли от высказываний Мира Касымовича Кадырбаева, еще в далеком 1959 г. предположившего бытование курганов с «усами» Центрального Казахстана в течение очень длительного периода – от раннесакского времени вплоть до середины I тыс. н. э.

Два объекта, Жанайдар (тип 1) и Кырыкунгир (тип 1), датируются сакской эпохой. На Жанайдаре, под насыпью обнаружены детали конской узды. Какие-либо ошибки, путаницы или другие нюансы в процессе изучения и публикации этого памятника Абдулманом Медеуовичем Оразбаевым, исследователем старшего поколения, питомцем ленинградской школы, блестящим полевиком и ответственным ученым, автор вынужден исключить. Кырыкунгир датирован сакской эпохой на основании 14С анализа.

В ходе новых исследований комплекса «Курган 37 воинов» под руководством автора было раскопано одно сооружение – курган 11. Объект входит в состав 37 насыпей, дугообразно расположенных в северной части комплекса, от которых и получил название сей памятник. Южнее их, в непосредственной близости, расположен собственно курган с «усами» (тип 2), раскопанный Центрально-Казахстанской экспедицией в начале 1950-х гг. Планиграфия этого большого сложного комплекса однозначно показывает взаимосвязанность всех элементов, входящих в общий ансамбль. Под курганом 11 вскрыта дромосная могила с захоронением мужчины 35–45 лет. Радиоуглеродный анализ показал возраст памятника в пределах VIII–V вв. до н. э. (см.: [Бейсенов, 2015а; Бейсенов и др., 2015]).

В комплексах типа 2 западные насыпи всегда являются погребальным сооружением. По данным Центрального Казахстана, речь идет о захоронениях тасмолинской культуры. Пробы из костей животных, извлеченных из восточных сооружений таких вышеуказанных комплексов, как Жамантас, Бесоба и курган с «усами» 2 могильника Тандайлы-2, показали углеродные даты гуннского времени. Железный кинжал гунно-сарматской эпохи найден в восточном сооружении комплекса с «усами» Назар (см.: [Бейсенов, 2016б, с. 91, рис. 3, 4]).

Согласно рассматриваемой в настоящее время типологии автора (рис. 1), восточное сооружение комплексов типа 2, или, как ранее называли, «курган-спутник», и есть собственно курган с «усами», показанный как тип 1. Говоря иначе, восточное сооружение с «усами» есть не что иное, как конструкция типа 1, пристроенная к погребальному сооружению. По материалам Центрального Казахстана, ключ к решению хронологической «загадки» комплексов с «усами» станет доступным в перспективных исследованиях, в том числе в выяснении особенностей конструкций типа 1 – расположенных обособленно или пристроенных к погребальному сооружению. То же можно сказать по отношению к типу 3а (рис. 1), который, по всей вероятности, является производным от типа 1, с той разницей, что здесь представлены не одно, а *несколько однотипных сооружений* по линии север–юг. Как показывают имеющиеся данные, эта конструкция также может быть пристроена к погребальному сооружению (см. тип 2б на рис. 1).

Таким образом, та часть комплексов типа 2, представленная восточным курганом-спутником с каменными грядами, идентична типу 1. Согласно новейшим данным автора, как немногочисленные датирующие предметы (Жанайдар, Назар), так и пробы из костей животных (Кырыкунгир, Жамантас, Тандайлы-2, Бесоба, Койтас) показывают и сакскую и гуннскую даты этих сооружений. Такова нынешняя ситуация по Центральному Казахстану. Исследовательские трактовки не должны опережать уровень накопления и обработки источников. Необходимы новые материалы, данные раскопок, представительная серия 14С дат.

Есть два момента, которые должны быть в той иной степени учтены заинтересованным читателем в отношении курганов с «усами» Центрального Казахстана, особенно, по части их хронологии.

Курганы с «усами» Центрального Казахстана представляют собой очень архаичные сооружения. В комплекс «Курган 37 воинов» входят культово-ритуальные конструкции, хорошо известные в памятниках сакского времени. Таковы многочисленные менгиры. В момент рекультивации и восстановления памятника их количество было не менее 100, первоначально их было намного больше. Округло-овальные кольца, находящиеся в местах установки менгиров, близки такого рода жертвенникам тасмолинской культуры [Бейсенов, 2015б]. Надо также отметить, что

рассматриваемому комплексу близки некоторые разновидности так называемых тургайских «геоглифов», относящихся к начальному этапу раннего железного века [Бейсенов и др., 2017]. Своеобразна планиграфия гряд-«усов». Карагандинским археологом И. А. Кукушкиным высказано интересное мнение, согласно которому в основе тасмолинских комплексов с «усами» лежит идея рогатого, иначе «лучерогатого коня», бытовавшая в среде культурных образований сакской эпохи степной Евразии [Кукушкин, 2004]. В целом, архаичный и громоздкий вид комплексов с «усами» Центрального Казахстана будто бы говорит в пользу раннего их появления.

Одним из новейших данных выступает выявляемая исследователями в настоящее время связь курганов с «усами» с такой категорией памятников сакского времени, как каменные изваяния. Рассмотрение собственно темы изваяний сакской эпохи выходит за рамки настоящего сообщения. Изваяний, связанных с тасмолинской культурой, сейчас найдено немало, данные по этому вопросу имеются в работах исследователей [Бейсенов, 2014; Бейсенов, Ермоленко, 2014; Хабдулина, 2015; Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015; 2016; Базарбаева, Джумабекова, 2017]. Выявлен ряд случаев нахождения на территории курганов с «усами» каменных изваяний, по своим особенностям датирующихся сакской эпохой. Это – комплексы с «усами» Косагалы, Атасу, Жыланды, Аксу, Ашутасты-2 и др. По данным Г. А. Базарбаевой и Г. С. Джумабековой, на могильнике Ашутасты-2 в Тургае каменное изваяние [Базарбаева, Джумабекова, 2017, рис. 1] найдено внутри начального сооружения южной гряды, представленного небольшой оградой, забутованной камнями. Следует обратить внимание на тот факт, что изваяние связано именно с каменными грядами!

Приводимая в сообщении схема типов курганов с «усами» составлена, с небольшими уточнениями, на базе типологии начала-первой половины 1990-х гг. Как и тогда, эта схема, пожалуй, остается рабочей гипотезой автора, используемой им в процессе изучения памятников Центрального Казахстана. Автор не отрицает возможности существования других взглядов на варианты и типы этих сооружений,

распространенных весьма широко, тем более, не рассматривает вопросы оптимальности, правомочности таковых. И, как следствие этого, не вступает в так называемые полемики по данному поводу. В трудном процессе изучения курганов с «усами» типология является не основной целью исследователя, а средством ее достижения. Приводимая типология учитывает материалы Центрального Казахстана и основывается сугубо на общих, наиболее чаще встречаемых признаках объектов. Есть и могут быть «неординарные», какие-то единичные виды памятников, например, сооружения с несколькими грядами, или, напротив, с одной грядой; с некими «лучами», «звездочками» и проч., что иногда встречается в описаниях. Точно так же, не входят в число особенностей курганов с «усами» наличие или отсутствие тех или иных элементов, связанных с западными сооружениями в комплексах типа 2. Таковыми могут являться рвы, большие круглые или прямоугольные ограды, небольшие жертвенники, находящиеся по одному, по два или же с запада полукругом опоясывающие насыпь. Всё это является обычными сопутствующими элементами собственно погребальных памятников тасмолинской культуры. Тип 3а, являющийся производным от типа 1, отличается от него наличием двух *однотипных ритуальных насыпей*, расположенных по линии север–юг. Как показывает практика работы с памятниками, есть случаи, где наличествуют не две, а три, четыре, а то и шесть таких же *однотипных ритуальных насыпей*, устроенных в одну линию, с теми же грядами, отходящими от крайних объектов. Любому исследователю каждый такой случай может для себя превратить в новый «тип». Поскольку тип 3а, как сказано, является производным от типа 1, может быть, следовало бы его разместить следующим после типа 1, но это на данный момент вряд ли является решающим шагом. Но вот 3б – довольно редкий и особый тип комплексов и вопросы, касающиеся этой разновидности, требуют серьезных уточнений, в том числе новых раскопчных данных. Здесь видим ту же комбинацию ритуального и погребального сооружений, что и в типе 2, но насыпи уже вытянуты по линии север–юг. Такое «превращение» должно бы иметь под собой определенную идейную основу.

ЛИТЕРАТУРА

- Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. – 2017. – Т. 6. № 2 (19). – С. 117–121.
- Бейсенов А.З. Культурно-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана // Известия МН-АН РК. Сер. обществ. наук. – 1996. – № 2. – С. 31–40.

- Бейсенов А.З.** Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (VII–I вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1997. – 26 с.
- Бейсенов А.З.** “Мұртты” обаларды зерттеудің кейбір мәселелері // Достижения и перспективы археологической науки независимого Казахстана: тр. Междунар. Конф. “Маргулановские чтения”, посвящ. 10-летию независимости Республики Казахстан. – Кызылорда, 2001. – 67–74-бб.
- Бейсенов А.З.** Курганы с “усами” – культовые памятники саков Центрального Казахстана // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): докл. научн. конф. – Тирасполь, 2002. – С. 213–216.
- Бейсенов А.З.** Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии: сб. ст. – Барнаул: АлтГУ, 2014. – С. 7–16.
- Бейсенов А.З.** Погребально-поминальный комплекс «Курган 37 воинов» // Вестник ЮУрГУ. Сер. Соц.-гум. науки. – 2015а. – Т. 15. № 1. – С. 6–12.
- Бейсенов А.З.** Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник ТГУ. История. – 2015б. – № 4 (36). – С. 96–104.
- Бейсенов А.З.** Орталық Қазақстан ерте темір дәуірі ескерткіштерін зерттеудегі көміртегілік анықтамалар // Новые методы исследования в археологии: матер. междунар. научн.-практич. конф. – Алматы: Казак университеті, 2016а. – 13–21-бб.
- Бейсенов А.З.** Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар // Самарский научный вестник. – 2016б. – № 1 (14). – С. 84–93.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К.** Вихревые композиции в искусстве саков Центрального Казахстана // Археология и древняя история Украины. Древности раннего железного века. – Киев, 2017. – Вып. 2 (23). – С. 40–58.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Святко С.В.** Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы-2 в Центральном Казахстане // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – Вып. 5. – С. 233–239.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Святко С.В.** Курган с «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. – 2017. – № 3. – С. 227–231.
- Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н.** Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник КемГУ. – 2014. – № 3 (59). Т. 3. – С. 34–40.
- Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Кулькова М.А.** Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кырыкунгир (Восточная Сарыарка) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – Вып. 5. – С. 249–255.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д.** Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): матер. междунар. конф. – Кемерово, 2016. – С. 129–135.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д.** Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник КемГУ. – 2015. – № 1 (61). Т. 3. – С. 26–32.
- Кадырбаев М.К.** Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
- Кукушкин И.А.** Курганы с «усами»: семантический аспект // Новые исследования по археологии Казахстана: тр. научн.-практич. конф. «Маргулановские чтения-15». – Алматы, 2004. – С. 33–37.
- Оразбаев А.М.** Курган “с усамы” в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1969. – С. 175–189.
- Хабдулина М.К.** Каменное изваяние сакского времени из Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 372–375.
- Beisenov A.Z., Svyatko S.V., Kassenalin A.E., Zhambulov K.A., Duisenbai D., Reimer P.J.** First radiocarbon chronology for the early iron age sites of Central Kazakhstan (Tasmola culture and Korgantas period) // Radiocarbon. – 2016. – Vol. 58, no. 2. – 179–191-pp.
- Tur S.S., Svyatko S.V., Beisenov A.Z., Tishkin A.A.** An exceptional case of healed vertebral wound with trapped bronze arrowhead: analysis of a 7th-6th c. BC Individual from Central Kazakhstan // International journal of Osteoarchaeology. – 2016. – Vol. 26. – 740–746-pp.

**А. З. Бейсенов,
А. В. Логвин,
Г. А. Базарбаева,
И. В. Грудочко,
А. М. Сеитов**

**А. З. Бейсенов¹, А. В. Логвин², Г. А. Базарбаева¹,
И. В. Грудочко³, А. М. Сеитов²,**

¹Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Алматы;

²Костанайский госуниверситет
им. А. Байтурсынова, лаборатория
археологических исследований;

³Южно-Уральский госуниверситет, научно-
образовательный центр евразийских исследований,
Челябинск

**A. Z. Beisenov¹, A. V. Logvin², G. A. Bazarbayeva¹,
I. V. Grudochko³, A. M. Seitov²,**

¹A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty;

²Kostanay State University named after
A. Baitursynov, archaeological laboratory;

³South Ural State University, scientific centre of
Eurasian research, Chelyabinsk

E-mail: azbeisenov@mail.ru¹; logvin_a@mail.ru²;

grudochkoivan@mail.ru³

Курганы с каменными грядами Западной Сарыарки

^{1,2}Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, проекты № 2978/ГФ4; № 2409/ГФ4;

³Работа выполнена при финансовой поддержке МОН РФ, государственное задание 33.5494.2017/БЧ

Аннотация. В статье в научный оборот вводятся данные о курганах с каменными грядами, полученные в ходе работ Ишимской археологической экспедиции Евразийского национального университета им. Л. Гумилева (рук. К. А. Акишев, М. К. Хабдулина), Сарыаркинской археологической экспедиции Института археологии им. А. Х. Маргулана (рук. А. З. Бейсенов), Тургайской археологической экспедиции Костанайского госуниверситета им. А. Байтурсынова (рук. В. Н. Логвин, А. В. Логвин), Лисаковской археологической экспедиции Карагандинского госуниверситета им. Е. Букетова (рук. Э. Р. Усманова), а также результаты изучения космоснимков Н. А. Батаниной и И. В. Грудочко, специалистами из Южно-Уральского госуниверситета.

В настоящее время количество объектов перевалило за отметку 100. Наибольшая концентрация памятников наблюдается в Тургайском регионе. Около двух десятков объектов выявлено в Приишимье. В степях Верхнего Притоболья количество объектов едва достигает одного десятка. Распространение памятников культуры курганов с каменными грядами в основном совпадает с ареалом тасмолинской культуры, выделенной в 1960-е годы М. К. Кадырбаевым.

Ключевые слова: Сарыарка, Западная Сарыарка, Приишимье, Тургай, Верхнее Притоболье, ранний железный век, сакское время, курган с каменными грядами, ЦКАЭ, М. К. Кадырбаев.

Barrows with stone ridges of Western Saryarka

^{1,2}The work was done with the financial support of the Committee of Science Ministry of Education and Science of the RK, projects № 2978/GF4; № 2409/GF4; ³South Ural State University is grateful for financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (grant No 33.5494.2017/BP)

Abstract. The article introduces into the scientific use the data on the kurgans with stone ridges that was received in the course of the work of the Ishym archaeological expedition of the Eurasian National University named after L. Gumilev (headed by K. A. Akishev, M. K. Khabdullina), Saryarka archaeological expedition of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology (headed by A. Z. Beisenov), Turgay archaeological expedition of Kostanay State University named after A. Baitursynov (headed by V. N. Logvin, A. V. Logvin), Lisakovsk archaeological expedition of Karagandy State University named after E. Buketov (headed by E. R. Usmanova) as well as the results of cosmopictures made by N. A. Batanina and I. V. Grudochko, specialists from South Ural University.

Today the amount of the studied objects has prevailed 100. The majority of monuments are found in Ulytau-Turgay region. More that 20 of them are in the Irtysh area. In the steppe zones of the Upper Tobol their number hardly reaches a dozen. The distribution of the monuments of kurgans with stone ridges coincide with the area of Tasmola culture, introduced by M. K. Kadyrbayev in 1960s based on this principle.

Keywords: Saryarka, Western Saryarka, Ishym area, Turgay, Upper Tobol area, early Iron Age, Saka time, kurgan with stone ridges, СКАЭ, М. К. Кадырбаев.

В статье вводятся в научный оборот новые данные о курганах с каменными грядами (иначе курганы с «усами»), находящихся на территории западных районов Сарыарки, в ультау-тургайском регионе, в степях Пришимья, Притоболья. В годы работы А. Х. Маргулана, впервые обратившего внимание на основной ареал курганов с «усами» (см.: [Кадырбаев, 1966, с. 305–306]) Казахстана, а также в ходе полевых исследований М. К. Кадырбаева, обосновавшего выделение тасмолинской культуры, источниковедческие данные были получены, главным образом, в восточной части административно-географического региона Центрального Казахстана. Данных по погребальному обряду, находок предметов материальной культуры, происходящих из западной части Центрального Казахстана, а также из районов Северного, Северо-Западного Казахстана было мало. Что касается курганов с «усами», рассматривавшихся одним из важных компонентов тасмолинской культуры, уже тогда они были выявлены повсеместно, что подкрепляло идею близости культуры кочевников всей обширной Сарыарки.

В своей диссертации М. К. Кадырбаев, основываясь на немногочисленные факты, озвучил идею о западном ареале культуры кочевников Центрального Казахстана: «находки западных районов тянут в Кустанайскую область, Нижнее Поволжье и имеют сходство с сарматской культурой в широком смысле слова. Инвентарь из курганов северных районов несколько отличен от вещей восточных районов. Но все эти районы объединяет один, везде одинаковый тип погребального сооружения – курганы с “усами” и местные варианты изготовления большинства изделий из бронзы, золота, железа и т. д.» [цит. по: Кадырбаев, 1959, с. 202].

В середине 1990-х гг. некоторое обобщение по имеющимся к тому времени материалам по культуре ранних кочевников Центрального Казахстана было сделано А. З. Бейсеновым. В том числе была собрана основная часть сведений по курганам с «усами» Казахстана, куда вошли также данные по западным районам Сарыарки [Бейсенов, 1996; 1997].

Многие памятники Западной Сарыарки известны благодаря многолетним систематическим работам в регионе В. Н. Логвина (ныне доктора наук, профессора, проживающего в г. Сургут, РФ)* [*Пользуясь случаем выражаем В. Н. Логвину искреннюю благодарность за возможность использования неопубликованных материалов]. В. Н. Логвин создал лабораторию археологических исследований, функционирующую в настоящее время в КГУ им. А. Байтурсынова. Азы науки о древностях в этой лаборатории пости-

гали ныне работающие в Казахстане археологи: А. В. Логвин, Г. А. Базарбаева, Т. Н. Лошакова, Б. М. Хасенова, И. В. Шевнина, А. М. Сеитов.

Экспедицией В. Н. Логвина фиксировались памятники широкого хронологического диапазона. Следует отметить, что благодаря работам этой экспедиции остались зафиксированными многие курганы с “усами”, поскольку гряды на некоторых объектах впоследствии оказались разрушенными вследствие сельскохозяйственных, строительных работ. Так, на момент фиксации объекта Ащитасты-26 (Ашутасты-1) каменные гряды фиксировались на трех курганах. В настоящее время, при посещении объекта нами в 2015–2016 гг. уверенно читаются гряды лишь на одном кургане, на двух других их можно обнаружить, но с большим трудом.

В ходе подготовки работы использованы результаты полевых исследований 2015–2016 гг., архивные материалы, публикации, а также космоснимки, доступные в программе Google Earth, SAS.Планета.

В архиве Института археологии им. А. Х. Маргулана отложились отчеты В. Н. Логвина за более чем 20 лет исследований на территории Костанайской и Тургайской областей. Анализ данных позволяет заключить, что курганы с каменными грядами были выявлены под руководством В. Н. Логвина в Амангельдинском, Аркалыкском, Денисовском, Есильском, Жаксынском, Жаркаинском, Жетыгаринском районах Костанайской и Акмолинской областей* [*До 1997 г. Есильский, Жаксынский и Жаркаинский районы входили в состав Тургайской области. В результате расформирования Тургайской области эти районы отошли к Акмолинской области] [Логвин, 1973; 1980; 1989; 1991; 1992 и др.; Логвин, Зайдулин, 1981; Гребенюков, 1982; Логвин, Гребенюков, 1984; 1985]. Экспедицией Э. Р. Усмановой и А. П. Мазниченко в 1992 г. исследован курган с каменными грядами в окрестностях Лисаковска [Усманова, Мазниченко, 1992].

Маршруты экспедиции В. Н. Логвина 1985 г. совпали с направлением работ Ишимской археологической экспедиции ЕНУ им. Л.Н.Гумилева* [*Организатором и первым руководителем Ишимской археологической экспедиции был Кимель Акишевич Акишев. В настоящее время экспедицией руководит вдова К. А. Акишева, директор НИИ археологии им. К. А. Акишева при ЕНУ им. Л. Гумилева М. К. Хабдулина] начала 2000-х гг., проводивших исследования на правобережье р. Ишим в месте впадения в нее р. Ушкарасу [Свод памятников..., 2007, с. 369–371]. Курганы с “усами” здесь расположены

одиночно, парно или среди обычных курганных насыпей. Центральное сооружение состоит из одного, реже – из двух курганов.

Наиболее ранние сведения о курганах с каменными грядами зафиксированы в фундаментальной работе отечественных специалистов “Археологическая карта Казахстана”. Эта работа была эпопеей в науке нашей страны. О том, как создавалась карта можно подготовить самостоятельное научное исследование. Эта книга вобрала в себя данные, полученные Центрально-Казахстанской археологической экспедицией (ЦКАЭ) начиная с 1946 г., а также большой объем материалов других экспедиций [АКК, 1960]. К настоящему времени количество публикаций о курганах с каменными грядами значительно возросло (см., в частности: [Маргулан и др., 1966; Оразбаев, 1969; Арсланова, 1975; Ахинжанов, 1977; Чиндин, 1989; Бейсенов, 1996; 2001; 2002; 2015; Бейсенов, Дуйсенбай, 2017; Бейсенов, Дуйсенбай, Ахияров, Святко, 2016; Бейсенов, Умиткалиев, 2016; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2015; Толеубаев, Бейсенов, Омаров, 1998; Любчанский, 1998, 2005; Зданович и др., 2003; Ломан и др., 2004; Любчанский, Бытковский, 2005; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006; Свод памятников..., 2007; Batanina und andere, 2014; Мамедов, 2015; Weisenov, 2016 и др.]), но осмысление накопленного материала еще предстоит.

В 2015–2016 гг. в ходе поисково-разведочных исследований Сарыаркинской экспедиции Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством А. З. Бейсенова были выявлены памятники, сосредоточенные на участках степи неподалеку от рек Ащитасты, Каратургай, Сарытургай, общим количеством более 20. Разведка в окрестностях села Ашутасты показала, что на могильнике Ашутасты-2 в каменных грядах кургана фиксируются статуарные памятники в виде изваяния и антропоморфной стелы. В полевом сезоне 2016 г. на этом кургане, на участке гряды с изваянием был заложен раскоп. В результате исследований было выявлено, что изваяние маркирует начало “уса” и изначально оно было установлено в ограде [Базарбаева, Джумабекова, 2017].

А. В. Логвиным на протяжении нескольких лет изучались космоснимки. Затем непосредственно на месте расположения памятников снимались уточненные планы объектов. Например, введенный недавно в научный оборот ритуальный комплекс Урпек, состоящий из 18 сооружений, где основным является так называемая “Тургайская свастика” [Логвин, Шевнина, Сеитов, 2016; Motuzait et al., 2016].

Ряд объектов, вошедших в настоящую публикацию, был обнаружен И. В. Грудочко совместно с Н. С. Батаниной – специалистом по дешифровке космоснимков. Такой подход вполне оправдал себя: удалось обнаружить не только новые памятники в неразведанных районах, но и дешифровать те, которые не были увидены во время обычных археологических разведок (например, дополнены данные по микрорайонам Ушкарасу и Ащитасты). В настоящее время И. В. Грудочко и Н. С. Батаниной ведется обобщение сведений по южнозауральским памятникам.

В Приложениях 1, 2 к настоящей статье сосредоточены все известные на сегодняшний день данные о местонахождениях курганов с “усами” Западной Сарыарки, в них также указывается длина гряд и тип по А. З. Бейсенову. Приложения 1, 2 являются развернутыми легендами к картам (рис. 1, 2).

Картографирование приведенных материалов позволяют заключить, что наиболее насыщенным является район рек Тургай и Каратургай с ее притоками: Тасты, Тулкисай, Саба (Улкен-Сабасалды-Тургай). Указанная территория с севера примыкает к Ишиму, с юго-востока – хребту Улытау, а с запада ограничена Тургайской ложбиной. Вновь введенные материалы значительно дополняют и расширяют географию курганов с “усами”, которые в западной части Сарыарки ранее были известны только в пределах Улытау (рис. 1, 50–58). Здесь впервые они зафиксированы разведкой А. Х. Маргулана в послевоенные годы. Тогда же им было раскопано два комплекса в урочище Орезайыр и возле озера Тогызбайколь [Маргулан, 1948]. В 1961 г. А. М. Оразбаевым исследован комплекс Жанайдар [Оразбаев, 1969], а в 1984 г. Э. Р. Усманова провела раскопки на могильнике Батыр-Булак [Усманова, 1987]. Добавленные материалы теперь позволяют насчитывать 58 местонаждений, включающие 94 кургана с “усами” (включая три комплекса по рекам Сарыозен и Карасу: рис. 1, 1–3). Можно заметить, что в физико-географическом отношении их наибольшая концентрация наблюдается в предгорных районах, в верховьях рек, и их количество заметно уменьшается к западу – низовьям Тургая и Тургайскому плато (рис. 1, 1–3; 18–20; 23–25).

Заметной особенностью тургайских памятников является представительность комплексов с двумя или несколькими центральными насыпями, расположенные по линии С–Ю (тип 3). Обращает на себя внимание комплекс Ащитасты-15, где полудугой расположено четыре насыпи.

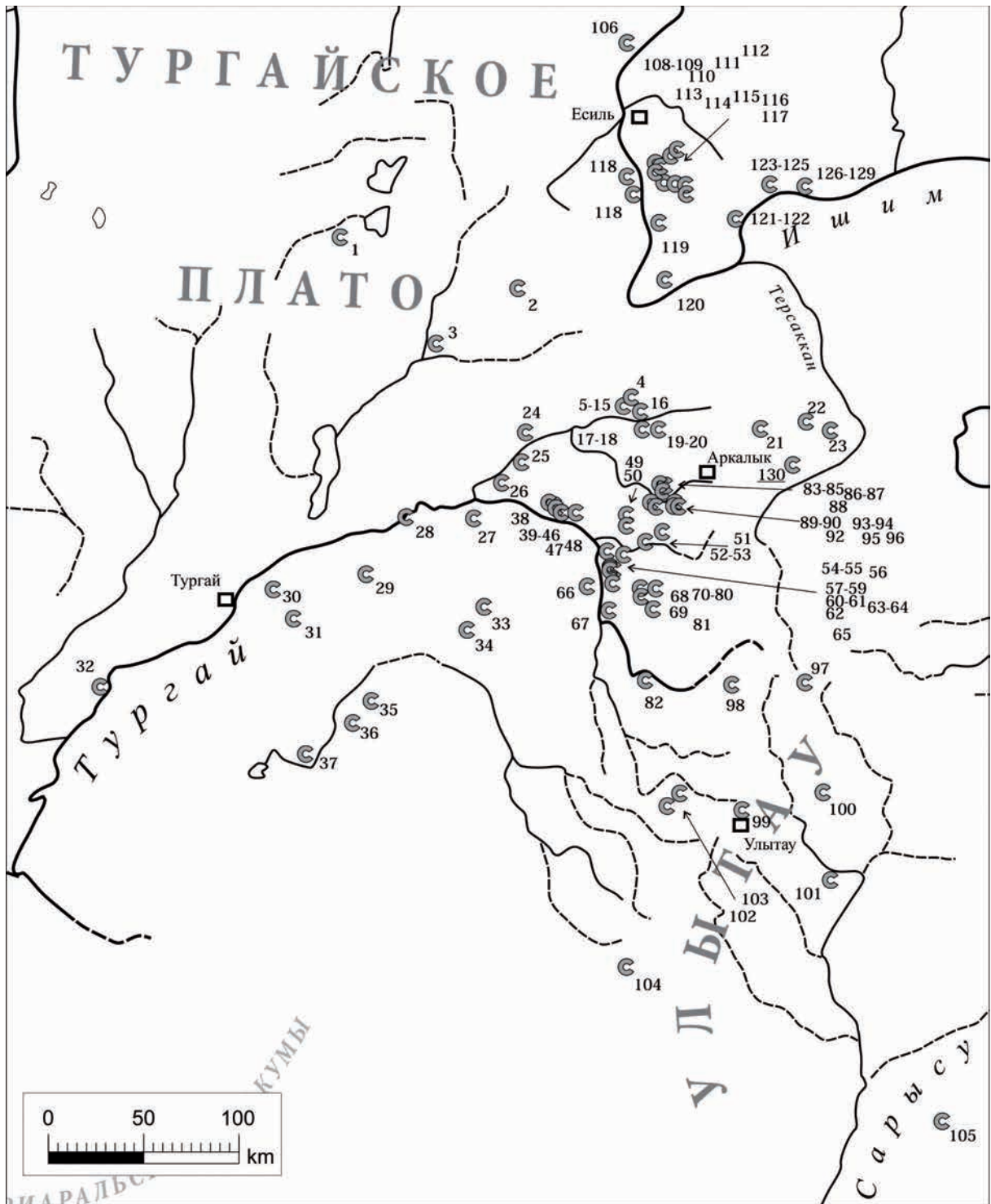

Рис. 1. Карта распространения курганов с каменными грядами в Улытау-Тургай-Ишимском регионе. Исполнитель И. В. Грудочко

Судя по плану, гряды и центральные насыпи органически сочетаются, образуя “плавный” дуговидный переход друг от друга. Аналогичную конструкцию мы наблюдаем в двух комплексах на р. Атасу [Мариковский, 1983, с. 28, рис. 2, Ж, З]. Возможно, похожее архитектурное решение исполнено в улытауском комплексе Батыр-Булак, где начала гряд соединены дуговидной каменной перемычкой, охватывающей центральную на-

сыпь [Усманова, 1987, с. 100, 101]. В строении гряд ащитастинского кургана отмечена комбинация из каменной выкладки и курганчиков диаметром 6–7 м. Похожая структура в целом редка и встречена в Верхнем Прииртышье [Арсланова, 1975, с. 117], Южном Зауралье [Любчанский, Бытковский, 2005, с. 376; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 32–33, рис. 16–I].

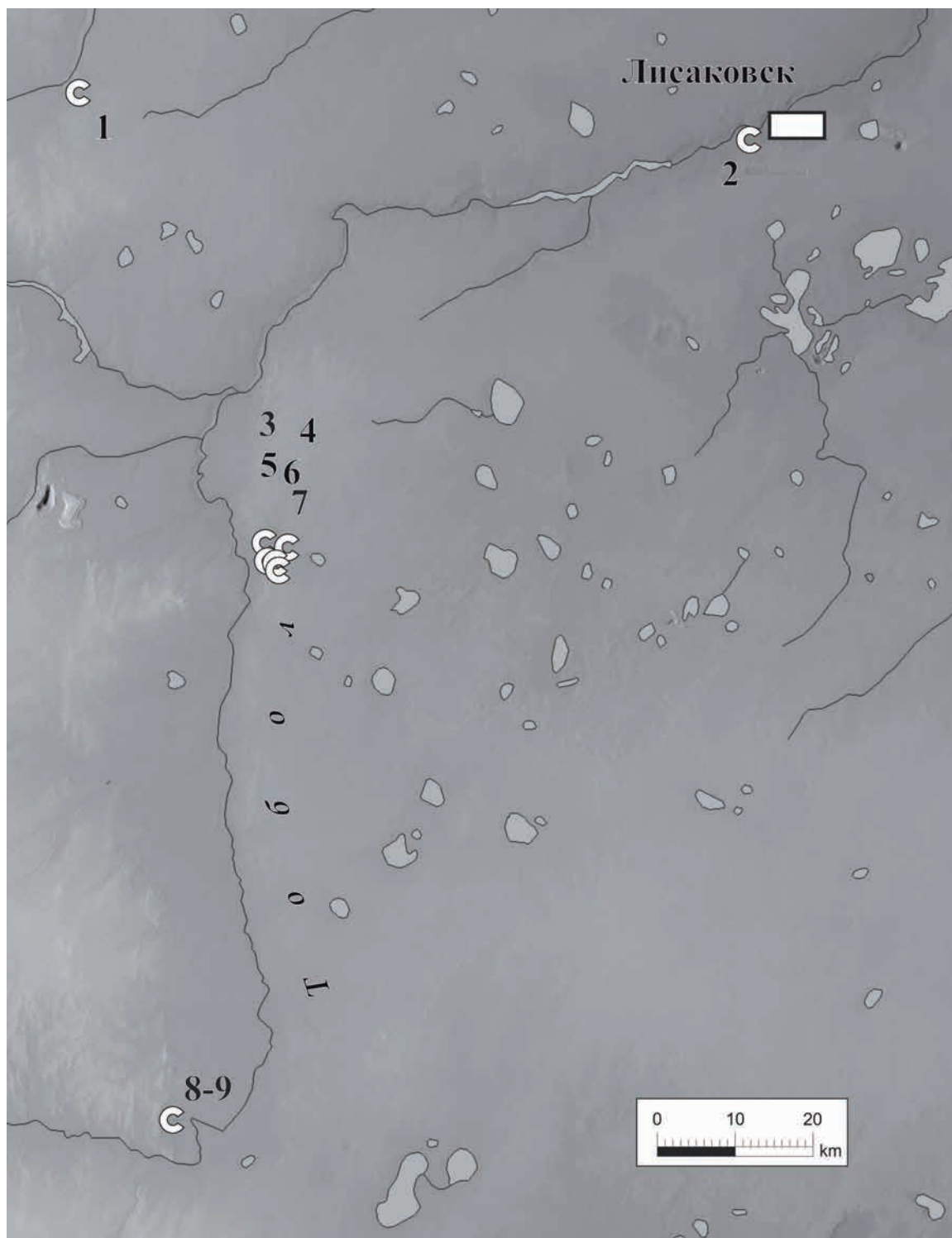

Рис. 2. Карта распространения курганов с каменными грядками в Верхнем Притоболье. Исполнитель И. В. Грудочко

Очень редким для тургайской и, в целом, западной группы, является тип 2 (по А. З. Бейсенову [Beisenov, 2016]), который состоит из западного погребального сооружения (основной курган) и примыкающего к нему с восточной стороны ритуального комплекса с «усами» («курган-спутник» и каменные гряды). Здесь их отмечено всего два. К этому же типу можно отнести комплексы

Ушкарасу-3 на Ишиме и Елизаветпольский из Южного Зауралья [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 87].

В Приложениях к статье отражена информация по 139 курганам с усами (рис. 1; 2). Из них 105 объектов происходят из тургайского региона; длина гряд известна для 102 (100%). Анализ средней длины показывает, что 45 ком-

плексов имеют длины в пределах от 45 до 100 м (44%). Около трети комплексов (32) достигают 101–150 м (31%). Самые большие “усы” (длиной более 150 м) имеют 17 памятников (17%), а восемь комплексов с короткими грядами (до 45 м) составляют самую малую часть (8%). Эти значения в целом близки южнозауральской группе, где большинство памятников включает “усы” длиной от 45 до 150 и более метров, и лишь несколько – до 45 м. Уточненные и более полные статистические данные по курганам с «усами» восточных районов Сарыарки в настоящее время находятся на стадии подготовки.

Помимо длин гряд, есть возможность провести предварительные типологические наблюдения. Среди комплексов Южного Зауралья устройство центрального сооружения известно для 66 памятников (100%), большинство из которых относится к типу 1 (52 объекта – 79%)* [*Выражаем благодарность Н. С. Батаниной, сотруднику учебно-научного центра ЧелГУ (г. Челябинск), за помощь и консультации по курганам с “усами” Южного Зауралья]. Менее представлен тип 3 – 12 объектов (18%) и лишь два комплекса составляют тип 2 (3%).

Примерно такое же типовое распределение наблюдаем в Тургае. Из 74 комплексов, где можно установить конструкцию центрального сооружения, большинство (50) относится к типу 1 (67,5%). Тип 3 составляют 22 (30%), тип 2 – всего два (2,5%) комплекса.

Таким образом, регионы Тургая и Южного Зауралья схожи по типовому распределению курганов с “усами”: большинство составляет простейший комплекс с одной центральной насыпью (тип 1). Довольно представлен тип 3, в котором меридионально/субмеридионально (в нескольких случаях дугой) расположены две или более центральных насыпей. Показателен тип 2. В Тургае и Южном Зауралье этот тип насчитывает единичные комплексы. Намного больше их зафиксировано в Центральном Казахстане, что можно считать важным показателем региональных различий в традициях строительства курганов с “усами”.

Большой интерес представляют локальные группы комплексов с «усами», расположенные на небольших компактных территориях. Группа Актас включает 17 комплексов на площади 21 x 13 км, Жаксысаба-3 – 11 комплексов на площади 6 x 3 км, Кулик – 10 комплексов на площади 5,5 x 1 км. Примечательно, что в рамках каждой группы встречены как короткие (от 35 до 50 м), так и длинные (от 120 до 233 м) “усы”. То же самое наблюдается в микрорайоне Ушкарасу на Ишиме (12 комплексов), где длины гряд варьиру-

ют от 35 до 240 м. Из них самые короткие (до 45 м) имели три комплекса, а самые длинные (свыше 150 м) – семь. Какой характер носили различия длин – хронологический, этнокультурный или социальный, сейчас сказать сложно. Тем не менее, цельное изучение подобных компактных групп в будущем, с привлечением междисциплинарных подходов, может дать важные результаты.

Таким образом, опубликованные в этой работе курганы с “усами”, являются неотъемлемой частью всего их ареала от Верхнего Прииртышья до Южного Зауралья, демонстрируя общие черты архитектурного стиля: центральное сооружение (центральный элемент) и две дуговидные гряды. Вместе с тем фиксируются и региональные особенности. Показательна средняя длина гряд, характерная для западного ареала (Улытау, Тургай, Южное Зауралье, Мугалжар). В отличие от восточных памятников здесь довольно редок тип 2, однако его наличие в целом свидетельствует о центральноказахстанской традиции [Бейсенов, 1996].

В заключении отметим, что картографирование комплексов Тургая и примыкающих к нему районов (рис. 1) довольно четко демонстрирует степень освоения земель для их строительства – предгорные или низкогорные участки на водоразделах и в верховьях рек. В геоморфологическом отношении это зоны пенеплена, которые естественным образом обеспечивали наличие строительного сырья для постройки курганов с “усами”, в абсолютном большинстве сооруженные из камня [Кадырбаев, 1959, с. 163; Никольский, Грудочко, 2015]. Однако главным фактором, на наш взгляд, является то, что выбор этих территорий был наиболее предпочтительным в хозяйстве древних скотоводов. В этой связи еще раз обращает на себя внимание отсутствие памятников в пределах Тургайской ложбины с ее не вполне благоприятными экологическими условиями.

Таким образом, ввод в научный оборот корпуса новых источников по курганам с каменными грядами, в очередной раз ставит новые вопросы, обнажая слабые стороны в исследовании такой категории археологических памятников. Поэтому в настоящий момент наиболее актуальным видится необходимость составления единой базы данных, создание которой возможно при объединении усилий ряда творческих коллективов специалистов. Единая карта распространения курганов с каменными грядами, что может обеспечить целостное восприятие всего ареала, позволит осуществить переход на более сложный уровень обобщений.

ЛИТЕРАТУРА

- АКК – Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1960. – 488 с.
- Арсланова Ф.Х.** Курганы с “усами” Восточного Казахстана // Древности Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1975. – С. 116–129.
- Ахинжанов С.М.** Курган с “усами” на юго-западных склонах Каратау // Археологические исследования на Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С. 72–81.
- Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С.** Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. – 2017. – Т. 6, № 2 (19). – С. 117–121.
- Бейсенов А.З.** Культурно-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана // Изв. МН–АН РК. Сер. обществ. наук. – 1996. – № 2. – С. 31–40.
- Бейсенов А.З.** Погребальные памятники и культурно-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана (VII–I вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1997. – 26 с.
- Бейсенов А.З.** “Мұртты” обаларды зерттеудің кейбір мәселелері // Достижения и перспективы археологической науки независимого Казахстана: тр. Междунар. Конф. “Маргулановские чтения”, посвящ. 10-летию независимости Республики Казахстан. – Кызылорда, 2001. – С. 67–74.
- Бейсенов А.З.** Курганы с “усами” – культовые памятники саков Центрального Казахстана // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): докл. научн. конф. – Тирасполь, 2002. – С. 213–216.
- Бейсенов А.З.** Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2015. – С. 11–38.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.** Изучение памятников тасмолинской культуры в Западной Сарыарке // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посвящ. 70-летию профессора Ю. Ф. Кирюшина. – Барнаул: изд-во АлтГУ, 2015. – С. 294–297.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б.** Курган с «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. – 2017. – № 3 (20). – В печати.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Святко С.В.** Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы 2 в Центральном Казахстане // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – Вып. 5. – С. 233–239.
- Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Кулькова М.А.** Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кырыкунгир (Восточная Сарыарка) // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – Вып. 5. – С. 249–255.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М., Левит Н.В., Батанин С.А.** Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2003. – 240 с.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э.** Курганы с “усами” урало-казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. – 232 с.
- Кадырбаев М.К.** Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. – 1959. – Т. 7. – С. 162–203.
- Кадырбаев М.К.** Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
- Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М.** Ритуальный комплекс Урпек (предварительное сообщение) // Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов Евразии. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. – С. 56–65.
- Ломан В.Г., Бейсенов А.З., Евдокимов В.В., Талеуов Т.С.** Археологическая карта Каркаралинского района Карагандинской области. – Алматы: Иль-тех-кітап, 2004. – 256 с.
- Любчанский И.Э.** Хронологические аспекты комплексов “курганов с усамы” евразийских степей // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии): матер. II междунар. археол. конф. – Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 1998. – С. 303–310.
- Любчанский И.Э.** Типология и хронология // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Сер. “Этногенез уральских народов”. – Челябинск: Изд-во ООО ЦИКР “Рифей”, 2005. – С. 382–404.
- Любчанский И.Э., Бытковский О.Ф.** Новоактюбинский I, Солончанка IX, Новокондуровский I // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Сер. “Этногенез уральских народов”. – Челябинск: Изд-во ООО ЦИКР “Рифей”, 2005. – С. 370–381.
- Мамедов А.М.** Комплексы курганов с “усами” Западного Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2015. – С. 160–165.
- Маргулан А.Х.** Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // ВАН КазССР, сер. историч. – 1948. – Вып. 4. № 49. – С. 3–31.

- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 434 с.
- Оразбаев А.М.** Курган “с усами” в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1969. – С. 175–189.
- Мариковский П.И.** К изучению астрономического значения курганов с грядами // ВАН КазССР. – 1983. – № 4. – С. 26–31.
- Никольский В.Ю., Грудочко И.В.** Геоархеологические исследования курганов с “усами” Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. VI Всерос. научн. конф. – Челябинск, 2015. – С. 273–282.
- Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область. – Алматы: Аруна, 2007. – 495 с.
- Толлеубаев А.Т., Бейсенов А.З., Омаров Г.К.** Курганы с каменными грядами на северных склонах Тарбагатай // Проблема изучения и сохранения исторического наследия: сб. ст. посвящ. памяти А. М. Оразбаева. – Алматы: КазНУ им. аль Фараби, 1998. – С. 218–224.
- Усманова Э.Р.** Новые материалы по эпохе кочевников из Джезказганской области // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та (подготовил Челябинский ун-т), 1987. – С. 99–105.
- Чиндин А.Ю.** Археологические исследования на территории Карагандинской и Джезказганской области // Маргулановские чтения: сб. матер. конф. – Алма-Ата, 1989. – С. 234–236.
- Batanina I.M., Batanina N.S., Levit N.V., Kaiser E.** Archäologisch Karte des Flusstals Karagajly-Ajat. Eine Region des vorgeschichtlichen Eurasiens aus der Vogelperspektive // Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation). – Bonn, 2014. – P. 199–305.
- Beisenov A.Z.** Archaeological data on the barrows with stone ridges of Central Kazakhstan (summary of the report) // Eurasian Civilizations and Altai: international conf. Gachon: Gachon University, 2016. URL: https://www.academia.edu/29210790/Arman_Z._Beisenov._Archaeological_data_on_the_Barrows_with_stone_ridges_of_Central_Kazakhstan_Summary_of_the_report_.Korea_2016 Дата обращения: 06.06.2017
- Motuzaitė Matuzevičiūtė G., Logvin A.V., Shevnina I., Seitov A.M., Feng J., Zhou L.** OSL dates for the ancient geometric earthworks of Kazakhstan // Archaeological Research in Asia. – 2016. – Vol. 7. – P. 1–9.

Архивные материалы

- Гребенюков В.И.** Разведочные работы на Кара-Тургае. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в 1982 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 1964.
- Логвин В.Н.** Археологические разведки на территории Тургайской области. В: Отчет об археологических исследованиях Тургайского областного историко-краеведческого музея на территории Тургайской области летом 1973 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 1339.
- Логвин В.Н.** Разведочные работы по рекам Кара-Тургай и Жаксы-Каинды. В: Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1980 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 1834.
- Логвин В.Н.** Разведочные работы в верховьях реки Каратургай. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции летом 1989 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2277.
- Логвин В.Н.** Разведочные работы в Тургайской области. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1991 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2365.
- Логвин В.Н.** Разведочные работы в Аркалыкском районе. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1992 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2409.
- Логвин В.Н., Гребенюков В.И.** Разведочные работы в Тургайской области. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области летом 1984 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2054.
- Логвин В.Н., Гребенюков В.И.** Разведочные работы в Тургайской области. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области летом 1985 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2092.
- Логвин В.Н., Зайдулин В.Е.** Разведочные работы в верховьях реки Кара-Тургай. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1981 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 1890.
- Усманова Э.Р., Мазниченко А.П.** Охранные раскопки могильника Лисаковский (Кустанайская область) летом 1992 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2403.

Курганы с каменными грядами Улытау-Тургай-Ишимского региона

№ (по рис. 1)	Название	Длина северной гряды (м)	Длина южной гряды (м)	Тип (по А. З. Бейсенову)
	Наурызумский р-н, Костанайская обл.			
1	Карасу	86	72	1
	Амангельдинский р-н, Костанайская обл.			
2	Мойылды	100	97	1 или 2а (?)
3	Мереке	97	84	3
4	Актас-1	96	89	3
5–16	Актас-2 (11 курганов с «усами» на площади 6 х 3 км)			
5	№ 1	138	128	3
6	№ 2	179	151	1
7	№ 3	122	122	1
8	№ 4	210	233	1
9	№ 5	122	110	3
10	№ 6	169	139	1
11	№ 7	?	49	1 или 3 (?)
12	№ 8	?	56	3 (?)
13	№ 9	236	220	3
14	№ 10	155 (?)	107 (?)	1 (?)
15	№ 11	159	166	1 (?)
16	Актас-3	138	123	3
17–18	Актас-4 (два кургана с «усами» в 180 м друг от друга)			
17	№ 1	107	87	1 (?)
18	№ 2	104	96	1 (?)
19–20	Актас-5 (два кургана с «усами» в 210 м друг от друга)			
19	№ 1	134	112	1 (?)
20	№ 2	165	142	1 (?)
	Жаркайынский р-н, Акмолинская область			
21	Шойындыколь 3	92	80	1
22	Шойындыколь А	130	134	1
	Аркалыкский р-н, Костанайская обл.			
23	Шойындыколь Б	182	152	1
	Амангельдинский р-н, Костанайская обл.			
24	Каракудук	171	155	3
25	Шаклак	164	174	1
26	Абу-Саздыкова	83	66	1
27	Косжан	86	77	1
28	Кустобе	70	68	2
	Жангелдинский р-н, Костанайская обл.			
29	Колкамыс	150	122 (?)	1 (?)
30	Тургай-1	117	96 (?)	3
31	Тургай-2	74	63	1
32	Тургай-3	81 (?)	76 (?)	1
33	Рахмет-1	82	91	1
34	Рахмет-2	143	123	1
35	Талгый-1	66	60	1
36	Талгый-2	49	50	1
37	Ызбан	86 (?)	?	?
	Амангельдинский р-н, Костанайская обл.			
38–47	Памятники в районе пос. Кулик (10 курганов с «усами» на участке примерно 5,5 х 1 км)			
38	Кулик-4	60	74	1
39	№ 1	136	120	1
40	№ 2	80	76	1
41	№ 3	83 (?)	79	1
42	№ 4	48	44	3

43	№ 5	92	82	3
44	№ 6	142	141	1 или 2 (?)
45	Кулик-12	204	195	1
46	№ 7	81	66	1 (?)
47	Кулик-17	65	105	1
Аркалыкский р-н, Костанайская обл.				
48	Кызыл Жулдыз-3	73	116	1
49	Алуа-1	129	111	3
50	Алуа-2	111	108	1 или 2 (?)
51	Аккошкар-1	63	57	1
52–53	Аккошкар-2 (два кургана с “усами” в 700 м друг от друга)			
52	№ 1	123	117	1
53	№ 2	186	156	3
54–55	Костам (два кургана с “усами”)			
54	№ 10	75	75	1
55	№ 11	40	40	1
56	Жанакала-Алуа	122	130	1 (?)
57–59	Каратургай-5 (три кургана с “усами”)			
57	№ 2	40	?	2
58	№ 3 (?)	95	?	1 (?)
59	№ 4	120	95	2 (две пристроен. насыпи)
60–61	Каратургай-2 (два кургана с “усами”)			
60	№ 1	не более 40 (?)	не более 40 (?)	2
61	№ 2	80 (?)	80 (?)	1
62	Каратургай-1	10	10	2
63–64	Каратургай-4 (два кургана с “усами”)			
63	№ 2	80	130	2 (две пристроен. насыпи)
64	№ 3	77 (?)	85 (?)	1
65	Саба-2	110	90	1
66	Жайлауколь	50 (?)	38 (?)	?
67	Екидин-34	?	?	3
68	Жаксысаба-1	86	87 (?)	1 (?)
69	Жаксысаба-2	205	192	1
70–80	Жаксысаба-3 (11 курганов с “усами” на площади 6 x 3 км)			
70	№ 1	186	152	3
71	№ 2	30	32 (?)	1
72	№ 3	28	?	1
73	№ 4	57	39	1
74	№ 5	44 (?)	41	2
75	№ 6	140	134	3
76	№ 7	96	98	1
77	№ 8	97	81	1
78	№ 9	150	147	3
79	№ 10	48	45	1
80	№ 11	78	70	1
81	Улькен–Сабасалды–Тургай	145	137	1
82	Маятас-8	60	60	1
83–85	Ащитасты А (три кургана с “усами” на площади 350 x 350 м)			
83	№ 1	71	56	3
84	№ 2	115	96 (?)	3
85	№ 3	110	94	1
86–87	Ащитасты Б (два кургана с “усами” в 100 м друг от друга)			
86	№ 1	88	61	1

87	№ 2	167	163	1
88	Ащитасты В	117	114	3
89–91	Ащитасты-26 (три кургана с “усами”)			
89	№ 1	100	100	1
90	№ 2	200	175	1
91	№ 14	155	155	2 (две пристроен. насыпи)
92	Ащитасты-25	160	120	1
93–94	Ащитасты-15 (два кургана с “усами”)			
93	№ 3	120	120	3
94	№ 4	170	130	3
95	Ащитасты-24	60	55	1
96	Ащитасты Г	48	52	1
	Улытауский р-н, Карагандинская обл.			
97	Урочище Сартоган	?	?	?
98	Урочище Домбаул	140	130	?
99	Батыр-Булак	95	85	1
100	Джанайдар	95	102	1
101	Мавзолей Алаша хана	109	109	1
102	Озеро Тогызбайколь	130	116	?
103	Орезайыр	140	126	3
104	Актас-3	?	?	?
105	Тортоба	?	?	?
	Есильский р-н, Акмолинская обл.			
106	Заречный	?	?	?
107	Куркуруксай-4	192	208	1
108–109	Ушкарасу-5 (два кургана с “усами”)			
108	№№ 2–6	192	174	1
109	№№ 8–14	146	162	3
110	Ушкарасу-3	46	38	3
111	Ушкарасу-2	280	270	1
112	Ушкарасу А	200	179	1
113	Ушкарасу-1	185 (?)	162	1
114	Ушкарасу-9	50	35	1
115	Ушкарасу-11 / Ушкарасу-3	240	208	1
116	Ушкарасу-15	224	220	1
117	Ушкарасу-16	128	120	1
118	Двуречное	35	35	1
119	Шолаксандык	221	224	1
120	Тассаут	78	77	1
	Жаксынский р-н, Акмолинская обл.			
121–122	Ишимское-4 (два кургана с “усами”)			
121	№ 1	137	112	1
122	№ 2	75	70 (?)	1
123–125	Лозовое-1 (три кургана с “усами”)			
123	№ 1	80	76	1
124	№ 5	108	76	2
125	б/н	140	116	3
126–129	Ак-Кайракты (четыре кургана с “усами”)			
126	№ 4	190	175	3
127	№ 6	190	192	1
128	№ 8	111	132	1
129	№ 12	235	243	1
	Аркалыкский р-н, Костанайская обл.			
130	Есенгабул-Булак	65	65	1

Курганы с каменными грядами в верхнем течении Тобола

№ (по рис. 2)	Название	Длина северной гряды (м)	Длина южной гряды (м)	Тип (по А. З. Бейсенову)
	Денисовский р-н, Костанайская обл.			
1	Мугрияят-4	75	60	1
	Тарановский р-н, Костанайская обл.			
2	Кызыл-Жар-3	?	75 (?)	3 (?)
	Жетыкаринский р-н, Костанайская обл.			
3–7	Тохтарово (четыре кургана с “усами”)			
3	Тохтарово А	215	165	3
4	Тохтарово Б	130 (?)	130 (?)	1 (?)
5	Тохтарово-8	50	45	1
6	Тохтарово-10	85	80	3
7	Тохтарово В	85	75	1
8–9	Аймагамбет-5 (два кургана с “усами”)			
8	№ 3	50	50	1
9	№ 4	80	80	1

**А. З. Бейсенов,
У. У. Умиткалиев,
Д. Б. Дуйсенбай**

**А. З. Бейсенов¹, У. У. Умиткалиев²,
Д. Б. Дуйсенбай¹**

¹Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Алматы

²Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева, Астана

A. Z. Beisenov¹, U. U. Umitkaliev², D. B. Duisenbai¹

¹A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty

²L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana

E-mail: azbeisenov@mail.ru, uumitkaliev@bk.ru,
daniar_db88@mail.ru

Памятники хребта Чингистау. Курганы с «усами»

Аннотация. Одним из малоисследованных памятников, широко распространенных на территории Казахстана, являются курганы с каменными грядами (с «усами»). Ранее в ряде работ специалистов приводились материалы, касающихся этих сооружений. Помимо территории Казахстана они найдены в Южном Зауралье, на Нижнем Поволжье. Среди всех регионов наибольшее их количество имеется на территории огромного по своей площади исторического региона Сарыарка. В сообщении приводятся данные по курганам с «усами» хребта Чингистау, что занимает восточную оконечность этого региона. Здесь выявлено 36 объектов, которые представляют собой результаты всего лишь двух кратковременных разведочных маршрутов. Поэтому, приведенные данные следует считать предварительными. Как и в других районах Сарыарки, курганы с «усами» хребта Чингистау встречаются поодиночке, а также в составе могильников раннего железного века или среди разновременных памятников. В районе хребта Чингистау есть еще немало уголков, где предстоит работа по дальнейшему поиску этих памятников. Наряду с разведочными обследованиями, необходимы раскопки. Одним из малоизученных и нерешенных вопросов по отношению к курганам с «усами» является проблема их культурно-хронологической принадлежности.

Ключевые слова: Сарыарка, хребет Чингистау, могильник, ранний железный век, курган с «усами», раскопки, культурная и хронологическая принадлежность.

The monuments of Chingistau. The barrows with stone ridges

Abstract. One of the little-studied monuments that are widely spread on the territory of Kazakhstan are barrows with stone ridges. Previously, specialists presented a number of materials related to these structures in some works. In addition to the territory of Kazakhstan, they are found in the South Trans-Ural area, on the Lower Volga. Among all the regions, the largest number of them can be found on the territory of the huge historical region – Saryarka. The report contains data on barrows with stone ridges of the Chingistau ridge, which occupies the eastern extremity of this region. 36 objects are identified there, which represent the results of only two short-term exploration routes. Therefore, the given data should be considered as preliminary. As in other areas of Saryarka, barrows with stone ridges of the Chingistau ridge are found singly, as well as in the burial grounds of the early Iron Age or among different monuments. In the area of the Chingistau ridge there are many more areas, where these monuments need to be researched further. Along with exploratory surveys, excavation works are necessary. One of the little-studied and unresolved issues in relation to the barrows with stone ridges is the problem of their cultural and chronological affiliation.

Keywords: Saryarka, Chingistau ridge, burial ground, early Iron Age, barrows with stone ridges, excavations, cultural and chronological affiliation.

Хребет Чингистау (Шынгыстау) в географическом отношении занимает восточную оконечность Казахского мелкосопочника. С северо-запада на юго-восток хребет протянулся на расстояние свыше 200 км. Наиболее высокая точка, свыше 1300 м от ур. м., – вершина Акшатау (Кособа) в южной части возвышенности. По своему строению горная гряда Чингистау представляет собой одно из характерных

для Сарыарки островных низкогорий. Так характеризуют рельеф Восточной Сарыарки: «восточная половина Сарыарки более приподнята, средние абсолютные отметки в большинстве своем составляют 500–1000 м. В области главного водораздела расположена группа низкогорных массивов Каркаралы, Кызыларай, Шынгыстау и др. с заметно выраженными, иногда зубчатыми вершинами (Аксоран – 1565 м,

Жиренсакал – 1403 м, Кособа – 1305 м, Шанкоз – 1360 м и др.). Низкогорные массивы разделяются широкими межгорными долинами и окружены увалисто-холмистым рельефом» [Нурманбетов, Акиянова, 2004, с. 29].

В районах таких низкогорных массивов Сарыарки, достаточно обеспеченных водой, с хорошим травостоем, всегда обитали человеческие коллективы, оставившие многочисленные памятники разных исторических эпох. Об этом свидетельствуют археологические данные. Не является исключением и описываемый край.

Чингистау – овеянный легендами и преданиями, светлый уголок казахской истории, родные места великого Абая и многих других известных и заслуженных деятелей казахской культуры. Как уже отмечалось авторами [Умиткалиев, Бейсенов, 2004], до революции и в начальный период советской эпохи земли Чингистау, Абыралы, Шубартау были связаны с Каркаралы, крупнейшим историко-культурным регионом восточной части Казахского мелкосопочника.

Хребет Чингистау, включая его увалисто-рельефные отроги, в административном отношении находится на территории четырех районов современной Восточно-Казахстанской области (земли бывшей Семипалатинской области): Абайского, Жанасемейского (земли бывшего Абралинского района), Аягузского (земли бывшего Шубартауского района) и Жарминского.

В 2004 г. А. З. Бейсеновым и У. У. Умиткалиевым был осмотрен ряд памятников раннего железного века на территории Абайского и Абралинского районов [Умиткалиев, Бейсенов, 2005]. В районе горы Шунай была обследована и снят план зимовки (усады) Оразбая Аккулиева, исторического лица¹, бия из окружения Абая. В Абралинском районе были открыты два поселения сакского времени, идентичные известным поселениям этого же времени Карагандинской области. На одном из них, на поселении Сенкибай, была произведена шурфовка. Шурф 1, заложенный в центральной части поселения, выявил один фрагмент неорнаментированной керамики желтоватого цвета и обломки костей животных. В шурфе 2, заложенном вдоль одной из каменных стен центрального большого строения, найдены два фрагмента лепной неорнаментированной керамики и, также, кости животных. По образцам из костей животных, найденных в двух шурфах, 15 июня 2006 г. в Киевской радиоуглеродной лаборатории М. М. Ковалюхом были получены две калиброванные даты памятника [Бейсенов, 2016, с. 149, табл. 1] (табл. 1).

Таблица 1 – Результаты датирования образцов с поселения Сенкибай в радиоуглеродной лаборатории Киева

№ образца	Шифр	1Сигма	2Сигма
1	Ki-12998	1320–1120 BC	1420–1020 BC
2	Ki-13000	770–510 BC	790–410 BC

Склоновая топография памятника, его планиграфия, немногочисленные фрагменты керамики, всё это позволяет отнести поселение Сенкибай к кругу открытых и исследованных к настоящему времени поселений сакского времени Восточной Сарыарки. По-видимому, тяготение этого памятника к ныне известным многочисленным поселениям, находящимся западнее, в соседнем Каркаралинском районе Карагандинской области, бесспорно. Возможно, судя по углеродной дате из первого шурфа, здесь содержится слой донгальского времени или же кости, извлеченные из этого шурфа, в свое время попали из близлежащих памятников этого периода.

В 2012–2013 гг. авторами были предприняты две кратковременные поездки с целью проведения поисково-исследовательских работ. Один курган (к. 3), раскопанный в могильнике Каракермер в Абайском районе, содержал ограбленное захоронение раннесакского времени, которое на основании наконечников стрел раннего типа датируется в рамках периода VIII–VII вв. до н. э. Согласно палеоантропологическому определению [Бейсенов и др., 2015], в кургане погребен мужчина 45–55 лет, в затылочной части черепа имеется трепанационное отверстие. Как свидетельствует анализ данных по случаям с трепанациями из курганов сакского времени Центрального Казахстана, этот признак свидетельствует в пользу высокого социального статуса погребенных. Параметры и структура кургана также являются фактами, позволяющими причислить объект к элитным сооружениям раннесакского времени* [*В настоящее время материалы памятника готовятся к печати].

Были проведены раскопки еще нескольких памятников раннего железного века, материалы которых также требуют отдельного рассмотрения с полной публикацией данных. Основную часть исследований заняли разведочные работы, которые носили рекогносцировочный характер, - без сплошного и детального обследования каждой местности. В разных районах и урочищах хребта Чингистау зафиксировано всего 55 местонахождений, включающих как могильники, так и отдельные объекты. Основную часть местонахождений представляют могильники и одиночные курганы раннего железного века. Во всех

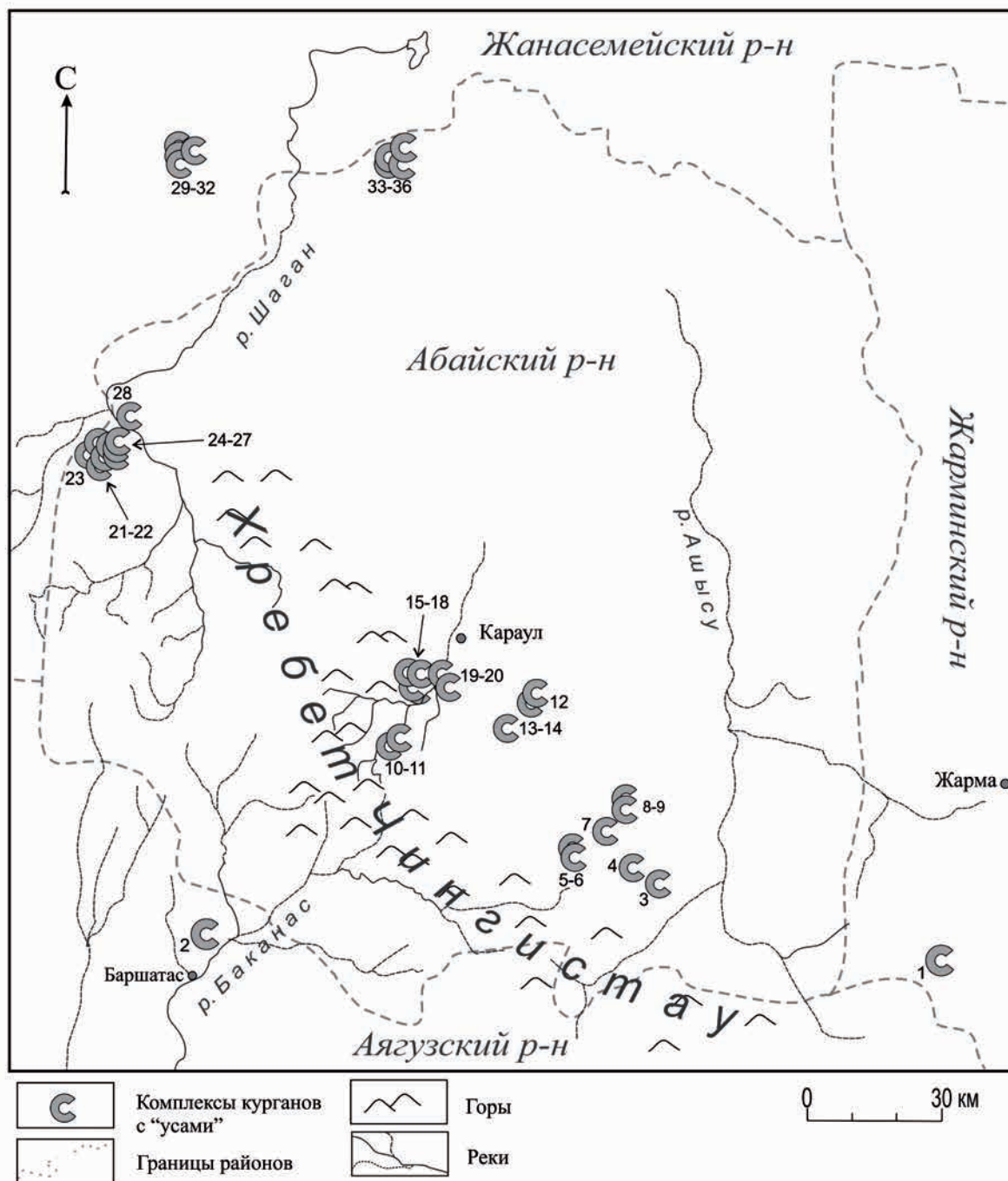

Рис. 1. Карта распространения курганов с «усами» хребта Чингистау, выявленных в 2012–2013 гг. 1 – мог. Токай (к. 3); 2 – мог. Байкошкар (к. 1); 3 – мог. Мибулак (к. 4); 4 – мог. Актумсык (к. 2); 5–6 – мог. Мендеке (кк. 1, 5); 7 – мог. Кул (к. 1); 8–9 – мог. Акиш (кк. 2, 15); 10–11 – мог. Шаткалан (кк. 2, 4); 12–13 – мог. Бокай (кк. 1, 8); 14 – мог. Барлыбай-3 (к. 5); 15–18 – мог. Каракушик-2 (кк. 3, 9, 21, 24); 19–20 – мог. Каракушик-1 (кк. 6–7); 21–22 – мог. Айтуган-1 (кк. 2, 5); 23 – мог. Айтуган-2 (к. 1); 24–27 – мог. Карабулак (кк. 5, 8, 10, 14); 28 – мог. Кырыкунгур (к. 40); 29–32 – мог. Узынбулак-2 (кк. 1, 2–4); 33–36 – мог. Кокен (кк. 23–26). Исполнитель Д. Б. Дуйсенбай

остальных группах также имеются памятники этого периода. Всего выявленных погребальных, погребально-поминальных сооружений – свыше 560. Из этого числа около 100 объектов отнесены к эпохе бронзы, – ограды, курганы-ограды разных конфигураций. Зафиксировано пять тюркских поминальных оградок. Все остальные объекты

(свыше 450) представлены каменными, каменно-земляными курганами и курганами с «усами». Основная масса курганных памятников относится к эпохе раннего железа.

По внешнему виду курганы Чингистау сооружены, главным образом, из камня и камня с землей. К чисто земляным насыпям отнесены

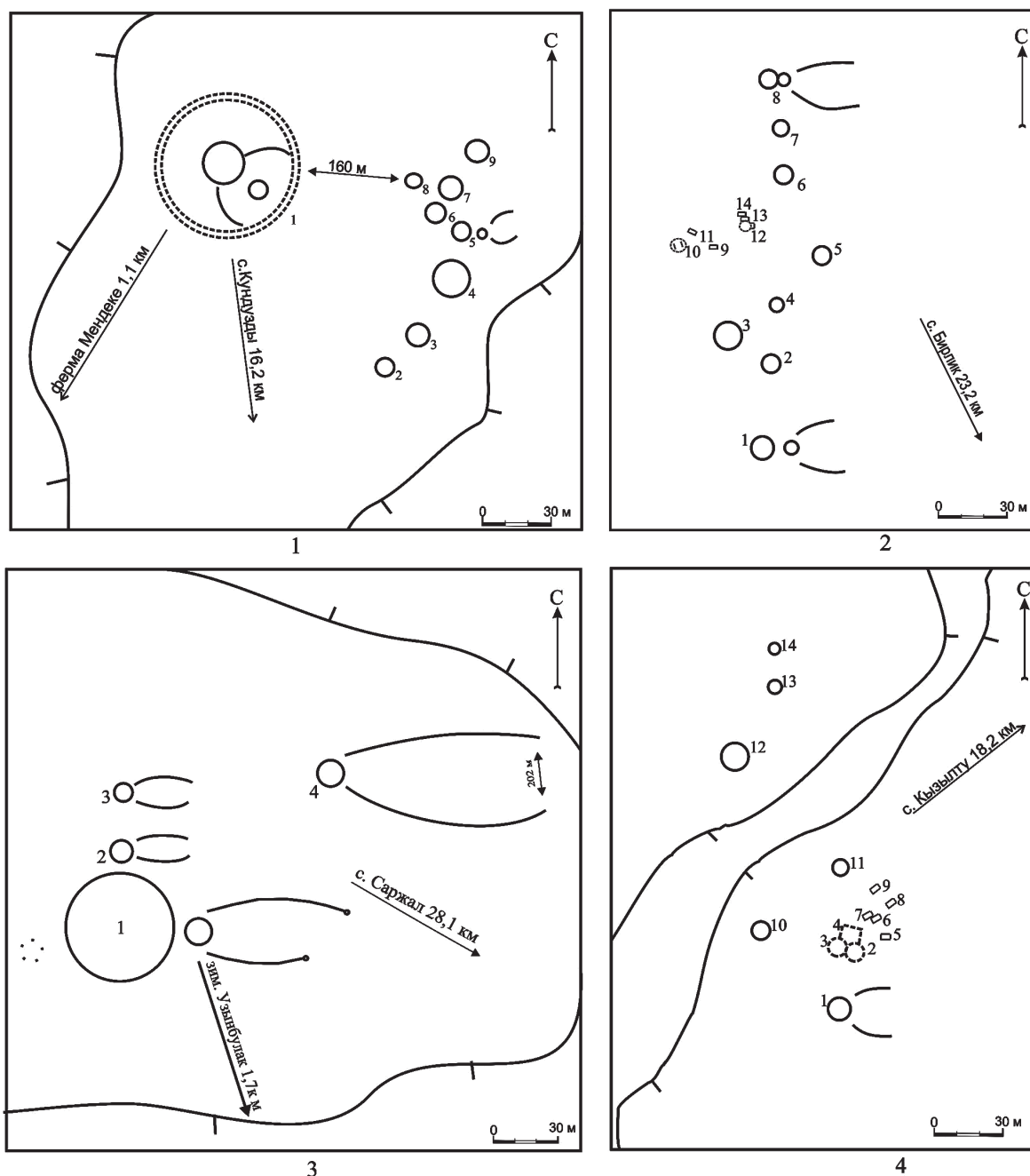

Рис. 2. 1 – мог. Мендеке; 2 – мог. Бокай; 3 – мог. Узьвобулак-2; 4 – мог. Айтуган-2

всего несколько объектов. Относительно крупные сооружения, также и сооружения, имеющие рвы и ограды, более обоснованно могут быть отнесены к сакскому времени, в том числе к раннему этапу этой эпохи, нежели небольшие, мало-выразительные насыпи. Первых – явное большинство. Это курганы высотой свыше 1–1,5 м, диаметром свыше 10–15 м, из которых 33 имеют хорошо фиксируемые ограды из камней, а более 30 – округлые рвы. В могильнике Абиьпеиз есть курганы с оградами из больших камней, расстояние между насыпью и оградой – свыше

5–6 м. Наибольшее число курганов заметно в могильниках Барлыбай-4, Желдибай, Мендеке, в составе которых имеются от 10 до 40 насыпей. Отдельным моментом в характеристике курганов, предварительно отнесенных к сакскому времени, является наличие округло-овальных жертвенных сооружений (жертвенников), расположенных западнее погребального сооружения.

Ниже приведем некоторые данные относительно курганов с «усами». По поводу количества и распространения курганов с «усами» хребта Чингистау следует отметить следующий самый

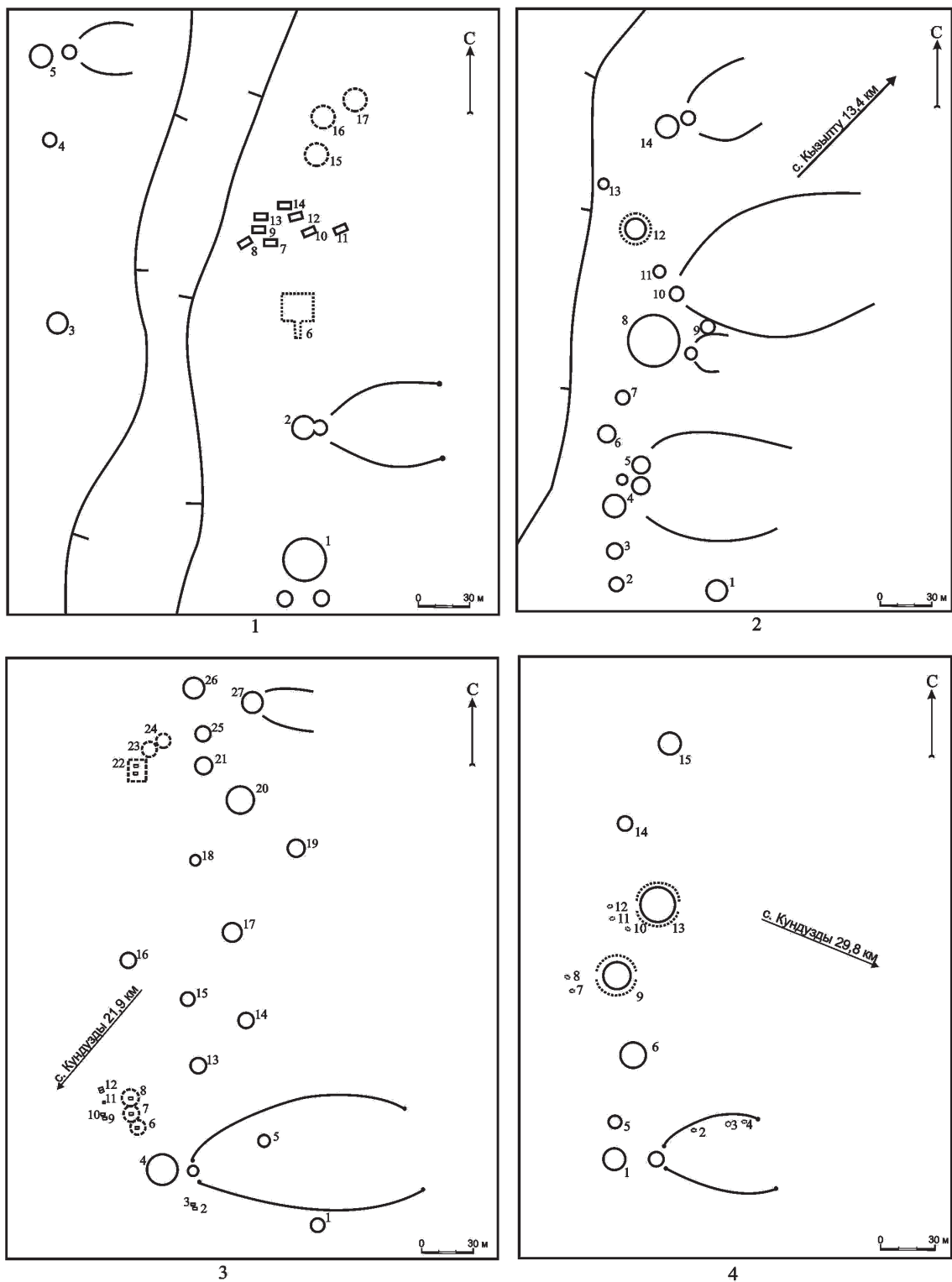

Рис. 3. 1 – мог. Айтуган; 2 – мог. Карабулак; 3 – мог. Акши; 4 – мог. Құл

важный момент. Как было сказано, разведочные маршруты, в особенности поиск курганов с «усами», носили рекогносцировочный характер. Исследуемый регион, представляющий собой большую по площади территорию, был пройден за весьма краткое время и, образно говоря, «по периметру». Поездки были осуществлены на юг,

в район реки Байкошкар бывшего Шубартауского района, на восток, где осмотрены всего лишь некоторые урочища в Жарминском районе, а также осмотрены ряд урочищ на севере, западе (Жанасемей, Абралы), как и некоторые «кусты» на территории Абайского района. Отсюда следует, что представленные данные пока рисуют лишь

предварительную картину распространения данной категории памятников.

Зафиксировано всего 36 курганов с «усами» на территории четырех административных районов (табл. 2; рис. 1). Наибольшее количество их найдено в Абайском районе – 30 памятников.

Таблица 2 – Распространение курганов с «усами» по районам

Районы	Количество
Абайский	30
Аягузский	1
Жанасемейский	4
Жарминский	1
Всего:	36

Встречены курганы с «усами» четырех типов (табл. 3, 4; рис. 2–6): 1, 2а, 2б, 3а (по А. З. Бейсенову). Необходимо сделать оговорку по памятникам типа 2 (2а, 2б). Этот тип означает расположение двух насыпей по линии запад–восток. Ситуация имеет место, когда восточный курган-спутник с отходящими грядами-«усами» пристроен к основному кургану, - с его восточной стороны. Наиболее ярким примером данной композиции являются варианты, когда восточный спутник отличается от основного кургана не только значительно меньшими параметрами (диаметр, высота), но и конструктивными особенностями. Имеется в виду следующее: основной

курган может иметь большую внешнюю ограду, очень редко и ров. Такие варианты комплекса курганов с «усами», когда внешние данные западного, основного кургана достаточно резко отличаются от спутника, названы типом 2а. Вторая разновидность, тип 2б, имеет место, когда обе насыпи, западная и восточная, примерно одинаково выглядят по размерам, первая не имеет конструктивных отличий. Оговорка касается следующего момента. Из всех 27 комплексов, отнесенных к типу 2 (2а, 2б), в 10 случаях восточный курган-спутник расположен вплотную (см.: рис. 2, 2, 8; 3, 1, 2), т. е. достаточно близко, к западному. В остальных 17 случаях две насыпи отстоят друг от друга на расстоянии от 5 до 12 м (см.: рис. 2, 2, 1; 3, 3, 4). Эти памятники отнесены к типу 2 довольно условно, так как, связь спутника с основным курганом здесь не столь очевидна: особенно это касается случаев, когда расстояние между ними значительно и составляет около 10 м.

Таблица 3 – Типы курганов с «усами»

Тип	Количество
1	8
2	27
3	1
Всего:	36

Таблица 4 – Данные по курганам с «усами» хребта Чингистау

№ (по рис. 1)	Название	Длина северной гряды (м)	Длина южной гряды (м)	Тип (по А. З. Бейсенову)
	Жарминский р-н, ВКО			
1	Токай	18	16	2
	Аягузский р-н, ВКО			
2	Байкошкар	32?	29	2
	Абайский р-н, ВКО			
3	Мибулак	24	28	2
4	Актумсык	25	25	???
5–6	Мендеке (два КСУ)			
5	№ 1	30	30	1?
6	№ 5	13	13	2
7	Кул	56	63	2
8–9	Акши (два КСУ)			
8	№ 2	132	129	2
9	№ 15	27	30	2
10–11	Шаткалан (два КСУ)			
10	№ 2	25	20	2
11	№ 4	30	32	2
12–13	Бокай (два КСУ)			

12	№ 1	12	12	2
13	№ 8	30	30	2
14	Барлыбай-3	28	27	2
15–18	Каракушик-2 (четыре КСУ)			
15	№ 3	20	19	2
16	№ 9	30	35	2
17	№ 21	25	33	2
18	№ 24	27	35	2
19–20	Каракушик-1 (два КСУ)			
19	№ 6	19	20	2
20	№ 7	24	20	2
21–22	Айтуган-1 (два КСУ)			
21	№ 2	53	50	2
22	№ 5	33	30	2
23	Айтуган-2	16	18	1
24–27	Карабулак (четыре КСУ)			
24	№ 5	82	75	3
25	№ 8	20	18	2
26	№ 10	120	115	1
27	№ 14	42	38	2
28	Кырыкунгир	41	36	1
	Жанасемейский р-н, ВКО			
29–32	Узынбулак-2 (четыре КСУ)			
29	№ 1	64	45	2
30	№ 2	22	21	1
31	№ 3	23	22	1
32	№ 4	90	92	1
	Абайский р-н, ВКО			
33–36	Кокен (четыре КСУ)			
33	№ 23	44	40	2
34	№ 24	35	36	2
35	№ 25	71	70	2
36	№ 26	68	69	2

Западную оконечность могильника Мендеке (рис. 2, 1) занимает курган диаметром 18 м, высотой 1,8 м, заключенный в большую ограду диаметром около 60 м. Две небольшие каменные гряды длиной около 20 м протянуты на восток от самого кургана и не выходят за пределы ограды. Между грядами имеется округлое курганообразное сооружение диаметром 8 м, высотой 0,3 м.

Жертвенник, столь характерный для курганов сакского времени, зафиксирован западнее большого кургана 1 могильника Узынбулак-2 (рис. 2, 3).

Центральную позицию в могильнике Актумсык (рис. 4, 4) занимает курган диаметром 10 м, оруженный большой оградой диаметром

16 м. С восточной стороны памятника, вплотную к ограде, расположен курган диаметром 8 м, к которому, с восточной же стороны, пристроен еще один курган диаметром 6 м. От последнего отходят две гряды длиной 23 и 25 м. Здесь спутник «привязан» к центральному в цепочке кургану или же обе эти насыпи связаны с крайним западным курганом, неясно.

Особенностью курганов с «усами» хребта Чингистау является значительное количество объектов с небольшими грядами (табл. 4). Такая картина не характерна, например, для курганов с «усами» Карагандинской области, где выявлено несколько сот объектов. Авторы планируют продолжение работ по поиску и фиксации курганов с «усами» в районе хребта Чингистау.

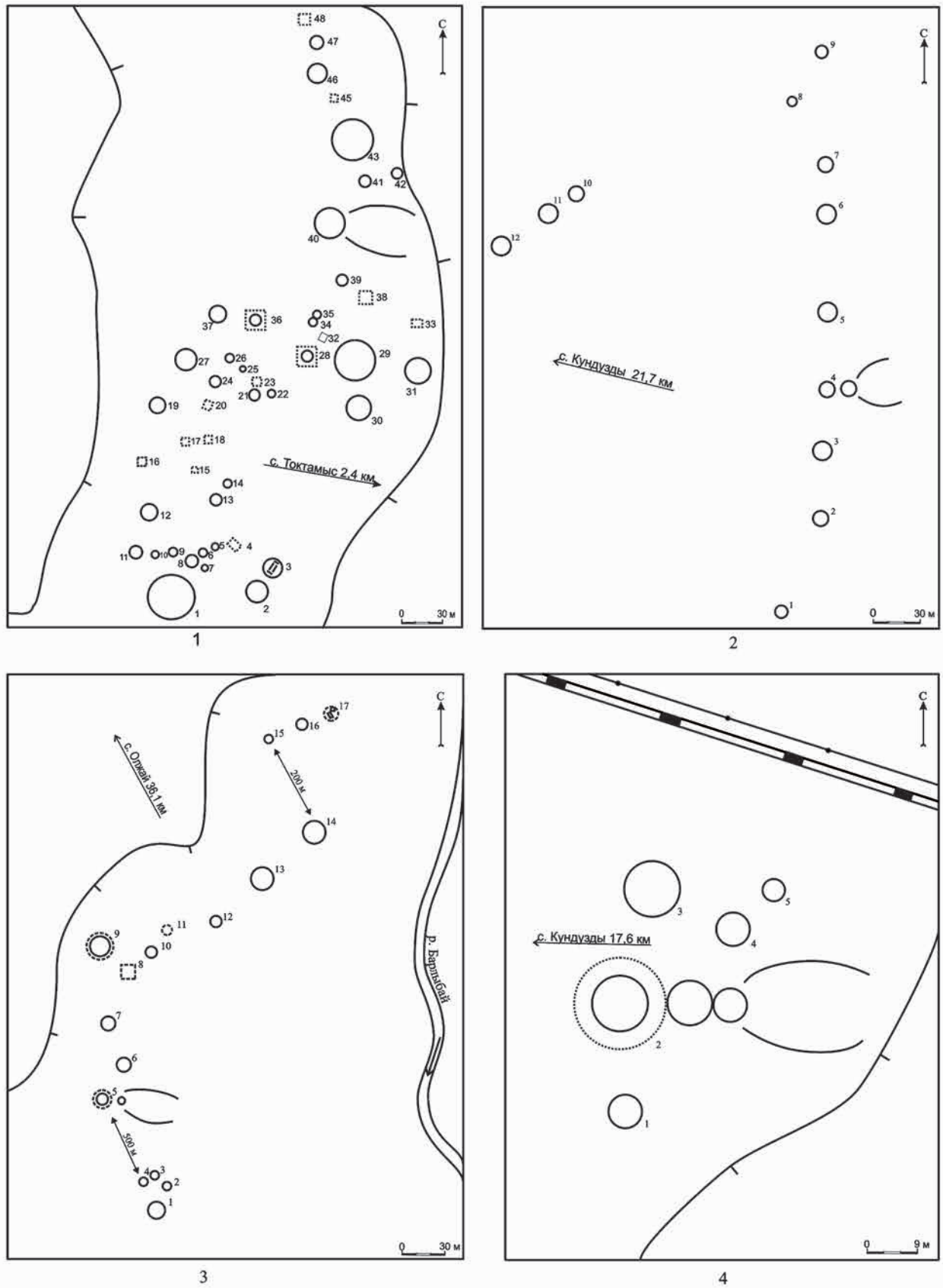
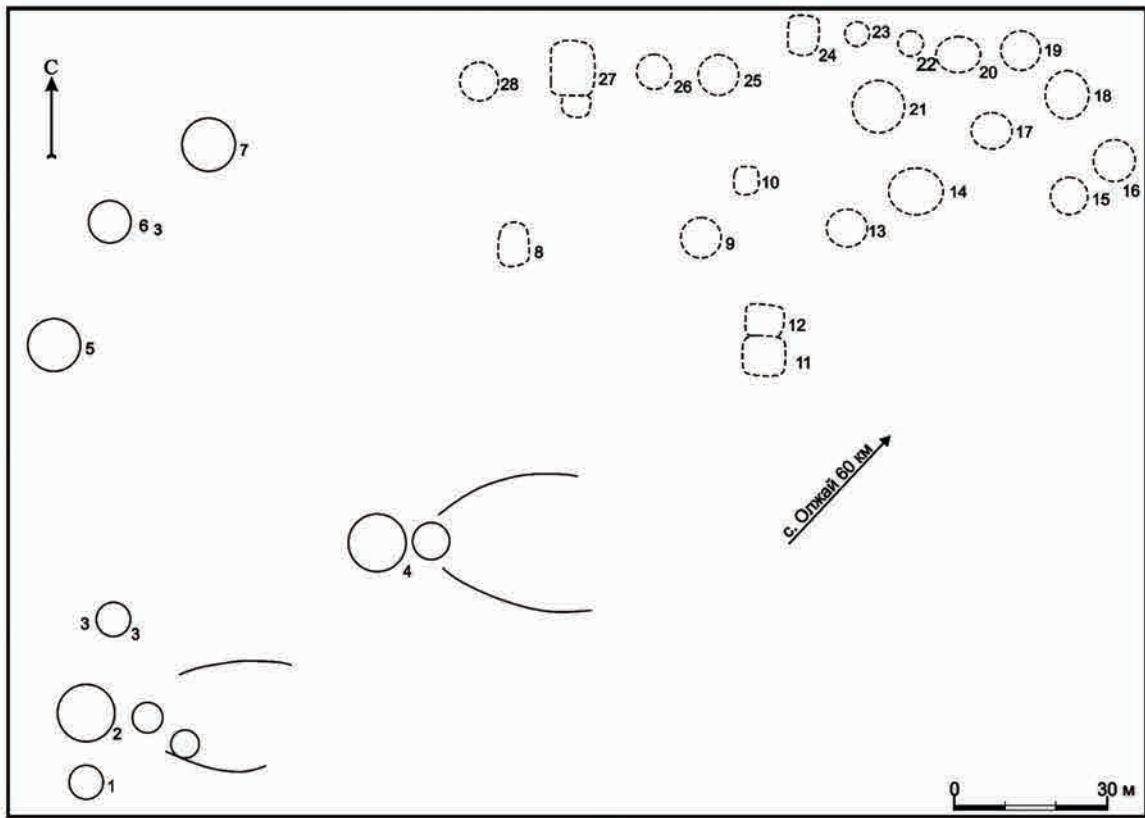
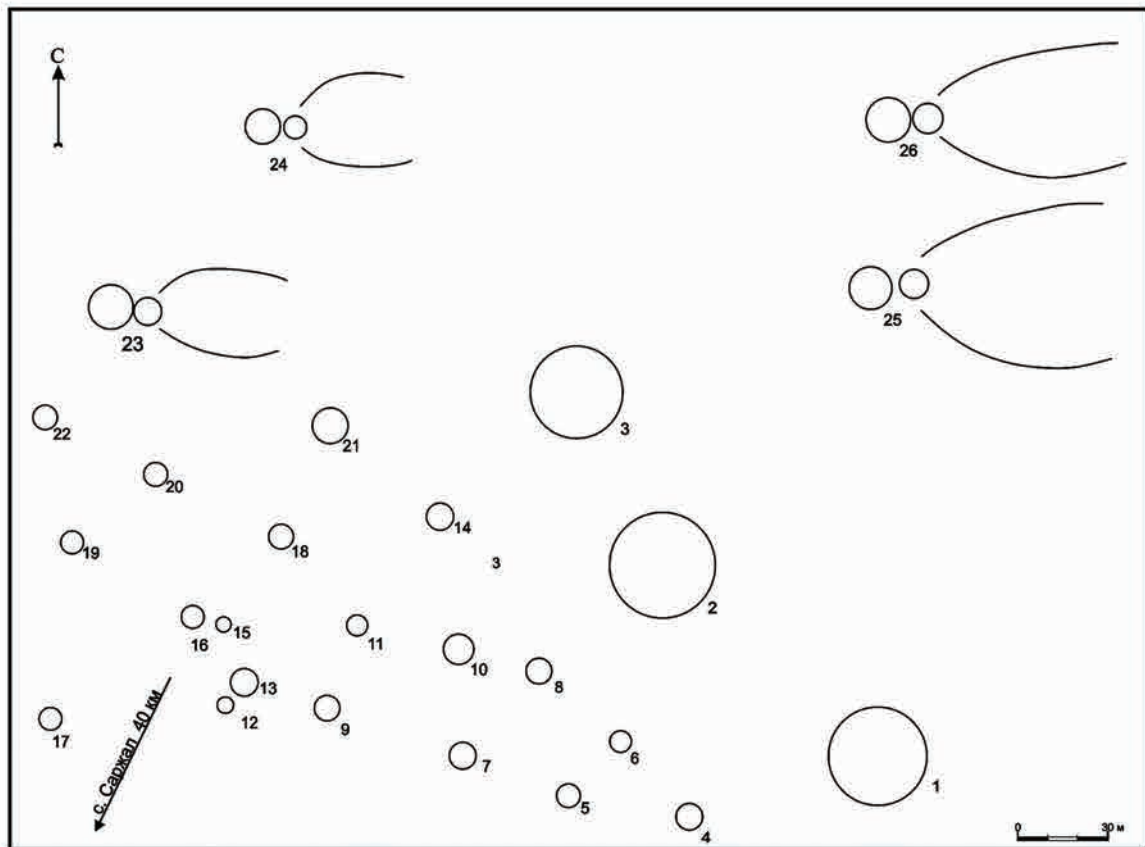

Рис. 4. 1 – мог. Кырыкунгир; 2 – мог. Мибулак; 3 – мог. Барлыбай-3; 4 – мог. Актумсык

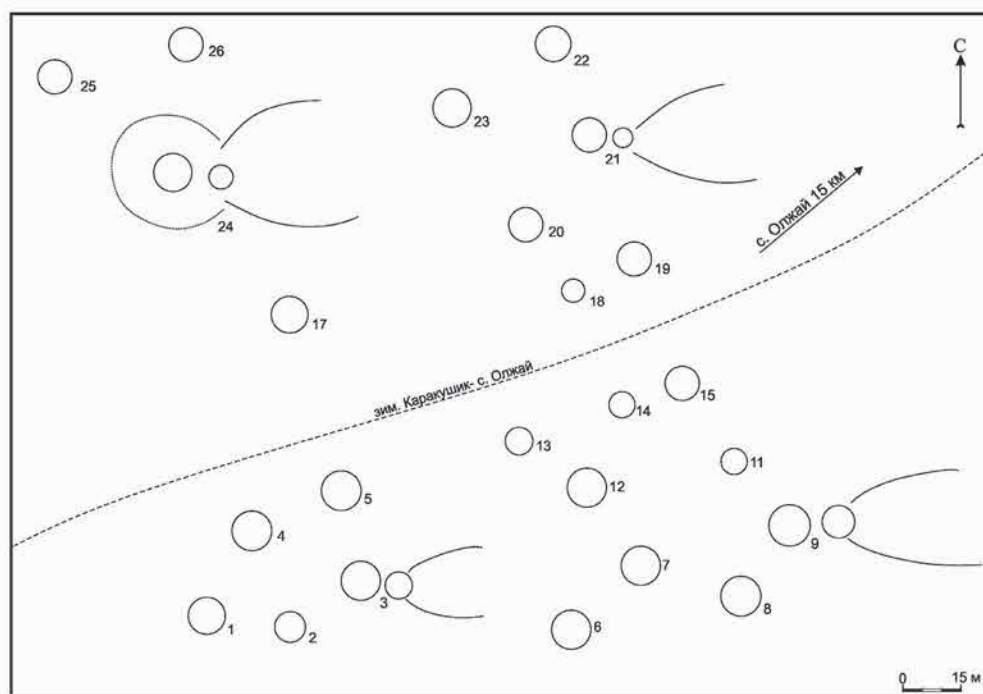
1

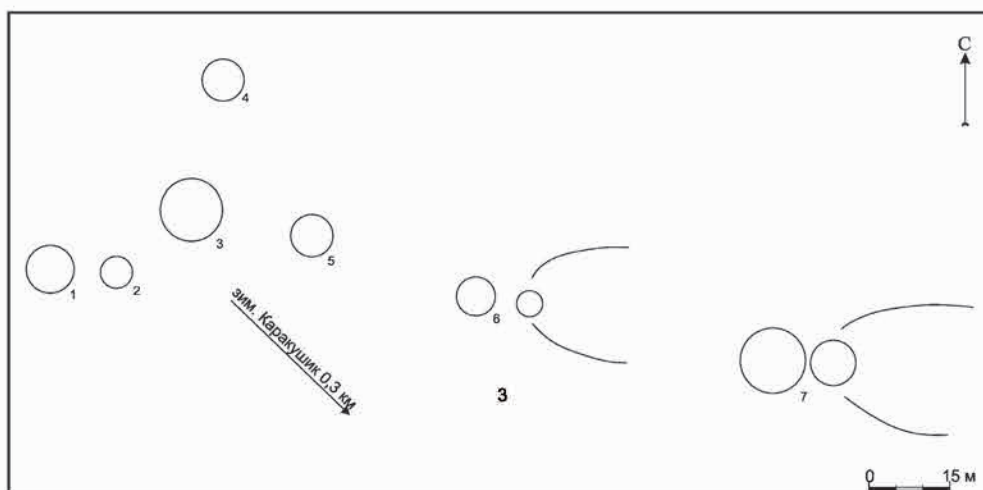
2

Рис. 5. 1 – мог. Шатқалан; 2 – мог. Кокен

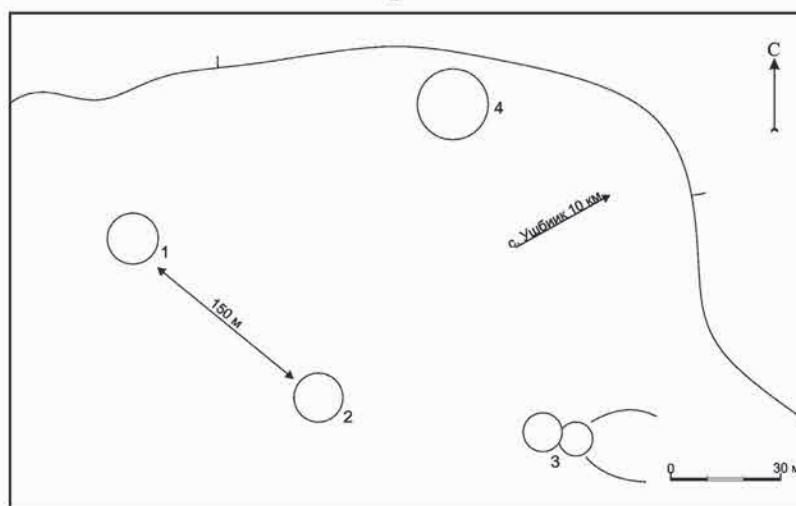

1

2

3

Рис. 6. 1 – мог. Каракушик-2; 2 – мог. Каракушик-1; 3 – мог. Токай

Из курганов, приведенных в настоящем сообщении, в 2014 г. был раскопан (рук. У. У. Умиткалиев) курган с «усами» Кырыкунгир (рис. 4, 1). Под насыпью найдены фрагменты лепного сосуда, кости лошади. По костному образцу в лаборатории Российского педуниверситета им. Герцена М. А. Кульковой

получена калиброванная дата со значением 627–406 Cal BC, что указывает на сакскую эпоху – VII–V вв. до н. э. [Бейсенов, Умиткалиев, Кулькова, 2016]. Разумеется, единичные даты не дают основания для решения вопроса хронологии этих памятников. Необходимы представительные серии.

Примечание

1 – Фиксация и изучение особенностей казахских зимовок важны для решения многих вопросов в археологии раннего железного века. Материалы их немалую роль играют в поиске и исследованиях поселений сакского времени. А. З. Бейсеновым проводится работа по изучению зимовок Сарыарки. Особенно ценны в данном отношении зимовки, связанные с историческими лицами, по которым имеются архивные, биографические данные. Это дает возможность более точно определить дату таких зимовок, что очень важно, в том числе, и с точки зрения методики работы по этим объектам (прим. А. З. Бейсенова).

ЛИТЕРАТУРА

Бейсенов А.З. Раннесакские поселения близ горы Едирей в Центральном Казахстане // Известия Самарского научного центра РАН. – 2016. – Т. 18. № 3. – С. 146–152.

Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Кулькова М.А. Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кырыкунгир (Восточная Сарыарка) // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – Вып. 5. – С. 249–255.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в 1 тыс. до н. э. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. – 188 с.

Нурманбетов Э.И., Акиянова Ф.Ш. Общая физико-географическая характеристика Сарыарки. Рельеф Восточной Сарыарки // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Под ред. К.С. Алдажуманова, А.З. Бейсенова. – Алматы: Эверо, 2004. – С. 28–42.

Умиткалиев У.У., Бейсенов А.З. К изучению исторического прошлого Абыралы-Чингистауского региона // Новые исследования по археологии Казахстана: тр. научн.-практич. конф. «Маргулановские чтения–15». – Алматы, 2004. – С. 246–248.

Умиткалиев У., Бейсенов А.З. Абыралы-Шыңғыстау өңірінде 2005 ж. жүргізілген археологиялық ізденістердің кейбір қорытындылары // Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: матер. республиканской научн.-практич. конф. (14 декабря 2005 г., Алматы). – Алматы, 2006. – Б. 25–28.

Н. А. Берсенева

Н. А. Берсенева

*Институт истории и археологии УрО РАН,
Южно-Уральский филиал, г. Челябинск,*

N. A. Berseneva

*Institute of History and Archaeology of RAS,
South-Ural Department, Chelyabinsk*

E-mail: bersnatasha@mail.ru

Дети в неиндивидуальных захоронениях эпохи бронзы Южного Урала: объект или субъект?

Аннотация. Работа посвящена интерпретации детских парных и коллективных погребений эпохи бронзы Южного Урала (синташтинско-петровский и срубно-алакульский периоды). Детские захоронения этого периода можно рассматривать как с точки зрения погребения самостоятельных субъектов, «культурно-созданных» индивидов, так и в смысле объектов манипуляций со стороны взрослых. Невозможно объяснить причины разных форм обращений с умершими детьми в рамках одной гипотезы. В каждом конкретном случае живущими родственниками принималось решение, где и как захоронить ребенка. Большое количество детей на памятниках исследуемого периода может объясняться их ценностью для коллектива, возможно, сакрального характера. Таким образом, в обществах бронзового века Южного Урала не было единой практики посмертного обращения с детьми, с ними обращались в зависимости от обстоятельств, как с объектами или как с субъектами, вкладывая различный смысл в разные типы погребений.

Ключевые слова: Южный Урал, бронзовый век, детские погребения, объект, субъект.

Children in multiple burials during the Bronze Age in South Urals: cultural subject or material object?

Abstract. The study concerns the interpretation of children's multiple burials in the Bronze Age (South Urals; the Sintashta-Petrovka and Srubnaya-Alakul' periods). It is impossible to explain the reasons of the different forms of mortuary treatment with dead children in the framework of a single concept. Every time, the living relatives took a perceived decision where and in what way to bury a child. The great number of children at the Bronze Age sites can be explained of their great sacred value for the collective. So, there was no common practice of the mortuary treatment with the children in the Bronze Age societies in the South Urals. We can suppose that they got their postmortem treatment in accordance to the circumstances: as a cultural subject or as a material object and different types of burials could transmit different messages.

Key words: South Urals, Bronze Age, children's burials, objects, subjects.

В современной науке в настоящее время считается общепринятым, что возрастные, гендерные и прочие социальные категории представляют собой культурные конструкции, которые создаются в рамках общественных норм и стереотипов [Diaz-Andreu et al., 2005; Joyce, 2008; etc.]. Археология, может, следовательно, попытаться изучать эти структуры, основываясь на сохранившихся данных материальной культуры — археологических источниках. Главными источниками, предоставляющими нам информацию о древних людях, являются погребальные памятники, так как именно там мы имеем дело непосредственно с индивидом. Долгое время информация, содержащаяся в антропологических останках, систематически недооценивалась археологами, и не только в отечественной науке. В последние десятилетия ситуация изменилась, и сейчас че-

ловеческое тело воспринимается как ценный независимый источник для реконструкции образа жизни умершего, системы питания, региона происхождения и многих других аспектов его жизни и смерти [Gowland, Thompson, 2013].

Однако, человеческое тело представляет для археологов интерес не только с биологической точки зрения. Реконструкция погребальных норм древних людей полагается также и на контекст находок. По мнению некоторых исследователей, в археологии слишком глубоко укоренилась идея о разделении погребального комплекса на две оппозиции: человек и артефакты, субъект (продукт культуры) и сопровождающие его предметы (продукты материального мира) [Sofaer, 2006, p. 62–63]. Существует тенденция «одушевлять» предметы; их части иногда называются как части тела, и сами они мыслятся активными и дей-

ствующими. Это особенно хорошо заметно, когда формы материальной культуры представляются распространяющимися и развивающимися сами по себе, подменяя собой индивидов. Гораздо реже археологи обращаются в своих интерпретациях к противоположной проблеме — насколько люди могут быть подобны предметам. Тело в археологическом смысле — мертвое, в большинстве случаев — скелет, или части скелета. После смерти оно также становится объектом манипуляций со стороны живых, как и окружающие его предметы. Чтобы создать социальные реконструкции, мы пытаемся из «мертвого» тела воссоздать «живое», жившее тысячелетия назад, но следует осознавать, что «археологическое тело» сочетает в себе признаки и когда-то жившего, и мертвого индивида, которые трудно отделить друг от друга. Более продуктивно, следовательно, не противопоставлять «тело как артефакт» «телу как созданию жизненного цикла и социальной структуры», а исследовать обе стороны одной медали, и тогда изучение человеческого тела как «объекта» будет иметь скорее позитивные, чем негативные коннотации [Sofaer, 2006, p. 88].

В данной статье мне хотелось бы рассмотреть детские погребения эпохи бронзы Южного Урала не только как погребения субъектов, «культурно-созданных» индивидов, но и посмотреть на них как на объекты манипуляций. Общеизвестно, что количество детских захоронений велико в указанный период (что, думается, часто даже огорчало исследователей), и типы их варьируют. Особенно вариабелен синташтинский погребальный обряд. Детей размещали в могильниках вместе с взрослыми, с другими детьми, индивидуально, и иногда на поселениях [Виноградов, Берсенева, 2013]. Известны и относительно богатые и очень скромные захоронения [Зданович и др., 2002; Виноградов, 2003; Епимахов, 2005; Куприянова, 2016 и т. д.]. Петровские погребения, несмотря на то, что кажутся более простыми, представлены в целом, теми же типами, исключая крупные детские усыпальницы [Куприянова, Зданович, 2015; Берсенева, Куприянова, 2015]. В срубно-алакульский период обряд в целом упрощается и преобладают индивидуальные детские ямы, но известны, тем не менее, парные и тройные детские захоронения, а также погребения детей и взрослых в одной могильной яме [Куприянова, Зданович, 2015; Рафикова, 2008].

Попытки объяснить многочисленность детских погребений и их коллективный характер предпринимались для синташтинской культуры [Ражев, Епимахов, 2004; Куприянова, 2004], детским захоронениям остальных периодов эпохи бронзы уделялось мало внимания, за исключением, пожалуй, анализа погребений Лисаковского-1 могильника [Усманова, 2005]. Представляется, исследователь должен задать себе два основных, вытекающих один из другого, вопроса: (1) существовал ли унифицированный погребальный об-

ряд для детей, хотя бы одной возрастной группы и (2) почему так много разнообразных способов обращения с детьми после смерти в одном и том же обществе?

На первый вопрос ответить достаточно легко: не существовал. Даже достаточно строго унифицированный срубный погребальный обряд по отношению к детям кажется таковым только на первый взгляд. Все исследователи согласны с тем, что для срубной культуры характерны индивидуальные погребения как детей, так и взрослых. Но общеизвестны и исключения — парные и даже тройные погребения детей, захоронения детей на поселениях. Есть очень интересный пример — на поселении срубно-алакульского времени Лисьи Горы-1 при закладке шурфа было обнаружено захоронение молодой женщины с двумя новорожденными детьми, маркированное менгиром [Петров, Куприянова, 2016, с. 80–81, рис. 81]. Среди синташтинских материалов скорее трудно найти «правило» для погребения детей, нежели обозначить исключения. Парные и коллективные захоронения и детей и взрослых широко практиковались в синташтинской культуре. В петровских, срубных и алакульских памятниках они составляют скорее меньшинство. Тем интереснее вопрос их формирования.

Парные (или коллективные) *одноактные* погребения (за исключением погребений беременных женщин) могли возникать лишь при совпадении двух условий: (1) Люди должны были умереть или относительно одновременно, или во время холодного времени года и быть сохраненными где-то до оттаивания земли, либо быть умерщвленными намеренно; (2) Семей (или более широким коллективом) принималось *осознанное* решение захоронить нескольких умерших вместе, в одной могильной яме. Но причины смерти (была ли это эпидемия, неурожай, тяжелые климатические условия, несчастный случай) и возможное практикование отложенных погребальных церемоний не могут объяснить коллективного характера захоронений. Как они не могут и объяснить большого количества детей в составе погребенной популяции. Жившие на этой территории до и после изучаемого периода люди, несомненно, также сталкивались с высокой детской смертностью, но они не практиковали коллективных детских захоронений, и дети были «недопредставлены» в могильниках [Берсенева, Гильмитдинова, 2013].

Самым сложным для понимания является вопрос принятия решения о совместном захоронении. Безусловно, здесь не может быть одной причины. Прежде всего, коллективная форма сама по себе должна допускаться системой верований и, вероятно, представлениями о сути обрядов перехода. Церемонии совершались для нескольких покойных разом, значит, между ними или существовала раньше, или создавалась новая связь, и в это вкладывался определенный смысл.

Люди, связанные в жизни, могли мыслиться остающимися таковыми и после смерти, поскольку их «души» вместе преодолевали все ритуалы. Дети в этом случае могли служить «медиаторами», проводниками в иной мир, так были теснее связаны с предками и сами, относительно недавно, пребывали в некоем потустороннем мире.

Если погребальная практика допускает совместные захоронения наряду с индивидуальными, то время от времени живые оказываются перед выбором: как захоронить умерших. Есть несколько вариантов. Первый — предположительное весеннее погребение покойников, хранящихся с зимы. Синташтинское население, вероятно, предпочитало хоронить их неиндивидуально, komponуя в соответствии с правилами, которые, возможно, принимали во внимание семейно-родственные связи (например, крупные детские усыпальницы могильников КА-5, Большекараганский [Епимахов, 2005; Зданович и др., 2002]). В более поздние периоды коллективными стали лишь центральные могилы, большинство детей погребалось индивидуально.

Второй вариант — «случайная» и/или «естественная» относительно одновременная смерть нескольких человек, семьи или родственников. Теоретически, в этом нет ничего невозможного, и некоторые погребения именно так и выглядят, как захоронения родителей и детей [Берсенева, 2015] или матери и ее новорожденных младенцев [Петров, Куприянова, 2016]. Но не получается уложить все неиндивидуальные детские погребения в рамки одной концепции.

В одном из захоронений могильника Бестамак, тело ребенка (около 2 мес.) занимало «подчиненное» положение по отношению к телу взрослого мужчины — в ногах [Логвин, Шевнина, 2011]. Несмотря на то, что рядом с ним были кости жертвенного животного и бронзовое тесло, маленькое тело выглядит скорее, как часть жертвенного комплекса, нежели как субъект захоронения с принадлежащими ему предметами. Захоронение маленького ребенка (1,5–2 года) с двумя псалями в районе стоп в крупном тройном колесничном погребении могильника Степное-1, можно интерпретировать в том же ключе [Куприянова, 2016, рис. 14]. В первом случае авторы склонны рассматривать тело младенца как жертвоприношение предполагаемого раба [Логвин, Шевнина, 2011, с. 358]. Но это вовсе необязательно, кончина ребенка могла и не быть насильственной, а если и была, его смерть все равно могла рассматриваться как ценный подарок богам или предкам, как вотивное приношение потустороннему миру [Green, 1998, p. 9; Crawford, 2007, p. 89; Garwood, 2007, p. 73].

Парные или коллективные детские усыпальницы также не всегда могут быть объяснены «одновременной и естественной» смертью нескольких детей. Погребения детей в «позе объятий» выглядят особенно интригующе. Наиболее пока-

зательны захоронения на памятниках Кулевчи-6 [Виноградов, 1998, с. 196–197], Селивановский-2 [Рафикова, 2008], Степное-7 [Куприянова, Зданович, 2015]. Эти погребения по аранжировке и составу инвентаря абсолютно аналогичны погребениям взрослых «в позе объятий». Индивид на правом боку практически всегда имел полный набор бронзовых украшений, при этом пара сопровождалась еще одним или двумя покойными. Погребения в «позе объятий» сейчас интерпретируются или как захоронения супругов (взрослые) [Рафикова, 2008, с. 81] или будущих супругов (дети), и эта позиция, по мнению исследователей, могла воплощать идею «священного брака» [Куприянова, 2016, с. 91]. Интерпретация представляется приемлемой, но умерли ли покойные (часто 3–4 человека) «одновременно и естественно»? Достаточно ли было простой смерти супругов с относительно небольшим временным промежутком для создания подобного захоронения или этого требовали какие-то обстоятельства, сложившиеся в жизни сообщества?

Можно интерпретировать такие погребения, особенно, детские (они не могли еще быть супругами, но имитировали и/или замещали взрослых мужчину и женщину) как своего рода жертвенные комплексы, устроенные не для того, чтобы отразить социальную идентичность умерших, но, возможно, передать послание богам или потусторонним силам. Вероятно, эти комплексы формировались в какое-то трудное для сообщества время, когда люди пытались привлечь внимание небес к своим проблемам. С детьми здесь обращались скорее, как с предметами, уложили в определенной позиции, одного из них, вероятно, девочку, богато украсили. Эти погребения выглядят высоко сакрализованными, они не просто результат обряда удаления умерших детей от живущих сородичей. С этой точки зрения, уникальный курган 1 Селивановского-2 могильника, где из 14 могильных ям было исследовано шесть (!) парных и коллективных усыпальниц, содержавших захоронения взрослых и детей в «позе объятий» определенно можно расценивать как жертвенный комплекс, а не как кладбище с ординарными могилами. К тому же, данный курган был «наиболее крупной насыпью довольно значительного по размерам могильника» [Рафикова, 2008, с. 81]. Трудно себе представить, чтобы все погребенные одновременно люди и умерли одновременно, естественной смертью, что это простое совпадение.

Очевидно, что невозможно объяснить причины разных форм обращений с умершими в рамках *единой* гипотезы или концепции. Этнография предлагает множество примеров различного обращения с различными покойниками внутри даже одного сообщества [Ucko, 1969; Metcalf and Hantington, 1991]. Особенно это касается отдаления умерших детей. Большое количество детей на памятниках исследуемого периода может объ-

ясняться их ценностью для общества, возможно даже, сакрального характера. В каждом конкретном случае живущими родственниками принималось решение, похоронить ли ребенка индивидуально или нет, в могильнике, на поселении или еще где-то. Также нет ничего невозможного в том, что в критических или иных обстоятельствах у ребенка могла быть и отнята жизнь, во

благо всего сообщества, в качестве дара богам и поддержания естественного порядка вещей. В обществах бронзового века Южного Урала не было единой практики помертного обращения с детьми, с ними обращались в зависимости от обстоятельств, как с объектами или как с субъектами, вкладывая различный смысл в разные типы погребений.

ЛИТЕРАТУРА

- Берсенева Н.А.** Семейные (?) погребения синташтинской культуры (эпоха бронзы Южного Урала) // Казахское ханство в потоке истории: сб. научн. статей, посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. – С. 335–341.
- Берсенева Н.А., Гильмитдинова А.Х.** Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н. э.) // ВААЭ. – 2013. – № 2 (21). – С. 36–44.
- Берсенева Н.А., Куприянова Е.В.** Детские погребения петровской культуры Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. VI Всерос. научн. конф. – Челябинск, 2015. – С. 59–61.
- Виноградов Н.Б.** Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. – 362 с.
- Виноградов Н.Б.** Новые материалы для реконструкции облика одежды алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кулевчи VI) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.–Магнитогорск, 1998. – Вып. VI. – С. 186–202.
- Виноградов Н.Б., Берсенева Н.А.** Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н. э. (в Южном Зауралье) // АЭАЕ. – 2013. – № 3. – С. 59–67.
- Епимахов А.В.** Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск: ОАО Челябинский дом печати, 2005. – Кн. 1. – 192 с.
- Зданович Д.Г.** и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника) / сост. Д. Г. Зданович. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2002. – Кн. 1. – 216 с.
- Куприянова Е.В.** К вопросу о причинах детских коллективных захоронений в некрополях бронзового века Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Рифей, 2004. – С. 82–84.
- Куприянова Е.В.** Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. – 119 с.
- Куприянова Е.В., Зданович Д.Г.** Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. – Челябинск: Энциклопедия, 2015. – 196 с.
- Логвин А.В., Шевнина И.В.** Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию независимости РК и 20-летию ИА КН МОН РК. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2011. – Т. 1. – С. 349–359.
- Петров Ф.Н., Куприянова Е.В.** Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине: по результатам разведочных исследований 1997–2015 гг. – М.: Московский областной общественный фонд «Наследие», 2016. – 148 с.
- Ражев Д.И., Епимахов А.В.** Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // ВААЭ. – 2004. – Вып. 5. – С. 107–113.
- Рафикова Я.В.** Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных захоронений эпохи бронзы // РА. – 2008. – № 4. – С. 72–83.
- Усманова Э.Р.** Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда – Лисаковск, 2005. – 232 с.
- Crawford S.** Companions, Co-incidences or Chattels? Children in the Early Anglo-Saxon Multiple Burial Ritual // Children, Childhood and Society / Crawford S. and Shepherd G. (eds). – BAR International Series 1696. – Oxford: Archaeopress, 2007. – P. 83–92.
- Diaz-Andreu M., Lucy S., Babic S. and D. Edwards.** The Archaeology of Identity. Approaches to gender, age, status, ethnicity and religion. – London and New York: Routledge, 2005. – 171 p.
- Garwood P.** Vital Resources, Ideal Images and Virtual Lives: Children in Early Bronze Age Funerary Ritual // Children, Childhood and Society / Crawford S. and Shepherd G. (eds.). – BAR International Series 1696. – Oxford: Archaeopress, 2007. – P. 63–82.
- Gowland R. and Thompson T.** Human Identity and Identification. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 225 p.
- Green M.** Dying for the Gods: Human Sacrifice in Iron Age and Roman Europe. – Gloucestershire: Tempus, 2002. – 240 p.
- Joyce R.A.** Ancient Bodies, Ancient lives. Sex, Gender and Archaeology. – London: Thames & Hadson Ltd, 2008. – 152 p.
- Metcalf P. and Hantington R.** Celebrations of Death. The Anthropology of Mortuary Ritual. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 236 p.
- Sofaer J.R.** The Body as Material Culture. A Theoretical Osteoarchaeology. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 188 p.
- Ucko P.J.** Ethnography and the archaeological interpretation of funerary remains // World Archaeology. – 1969. – Vol. 1. – P. 262–290.

Н. А. Берсенева

Н. А. Берсенева

*Институт истории и археологии УрО РАН,
Южно-Уральский филиал, г. Челябинск,*

N. A. Berseneva

*Institute of the history and archaeology of the Ural
branch RAS, South-Ural filial, Chelyabinsk*

E-mail: bersnatasha@mail.ru

Саргатская культура Зауралья и Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения

Аннотация. Саргатская культура была наиболее крупным и протяженным по времени культурным образованием на территории лесостепи Зауралья и Западной Сибири в эпоху раннего железа (VII–VI вв. до н. э. – II–III вв. н. э.). Несмотря на то, что саргатская культура считается одной из наиболее изученных, многие вопросы по-прежнему остаются открытыми или нуждаются в пересмотре. Наиболее неясным, по-прежнему, остается механизм сложения этого культурного образования, характер взаимоотношений с номадами и историческая судьба. Перспективным в этом отношении, кроме публикации материалов, видится продолжение радиоуглеродного датирования памятников, изучение археологических комплексов контактных зон и переходных хронологических этапов, в том числе с применением современных естественнонаучных методов.

Ключевые слова: Зауралье, Западная Сибирь, саргатская культура, эпоха раннего железа.

Towards the Sargat culture investigation (Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia)

Abstract. Early Iron Age was an epoch of great changes and mass transmigrations of people in the Eurasian steppe and forest-steppe. During this period, the Sargat culture (7th–6th centuries BC to the 2nd–3rd centuries AD) occupied the forest-steppe and part of the northern steppe of the Trans-Urals and Western Siberia. Probably, the Sargat culture was formed through interaction between the steppe nomads (predominantly Saka Culture) and the local (Ugrian) population. The problems of chronology, economic and war activity, mortuary rituals, demographic and ideological aspects, level of social complexity and vertical status hierarchy are permanently at the centre of attention. However, many questions still remain open. First of all there is radiocarbon chronology, the origin and a way of subsequent cultural transformation, interaction with a neighboring nomadic population. This is an area that requires a good deal more attention and study.

Keywords: Trans-Ural, Western Siberia, Sargat culture, Early Iron Age.

На обширной лесостепной территории Зауралья и Западной Сибири, более чем тысячелетний период раннего железного века представлен преимущественно памятниками саргатской культурной общности. Она являлась, очевидно, самым крупным и долговременным из когда-либо существовавших здесь культурных образований до русской колонизации и занимала обширную территорию всей лесостепной зоны от восточного склона Уральских гор на западе до среднего течения р. Оми на востоке, от южной границы тайги до северной периферии степи. В хронологическом отношении этот период охватывал чуть менее тысячелетия: с VII–VI вв. до н. э. до, как минимум, II–III вв. н. э. Памятники приурочены к бассейнам крупных рек: Тобола, Ишима и Ир-

тыша (рис. 1). Вокруг этой основной территории, по удачному выражению Л. Н. Коряковой, сформировалась «своеобразная саргатская “вуаль”, плотность которой была различной в зависимости от того, на какие культуры она наложилась» [1993, с. 23]. Саргатские памятники Притоболья, Приишимья, Прииртышья и Барабы имеют некоторые локальные особенности, обусловленные, в том числе, их контактами с носителями иных культурных традиций (гороховской, кашинской, большереченской, кулайской и т. д.). Необходимо различать собственно *саргатскую культуру*, характеризующуюся определенным набором черт, включая особенности керамики, погребального обряда и организации поселений; и *саргатскую культурную общность*, под которой подразуме-

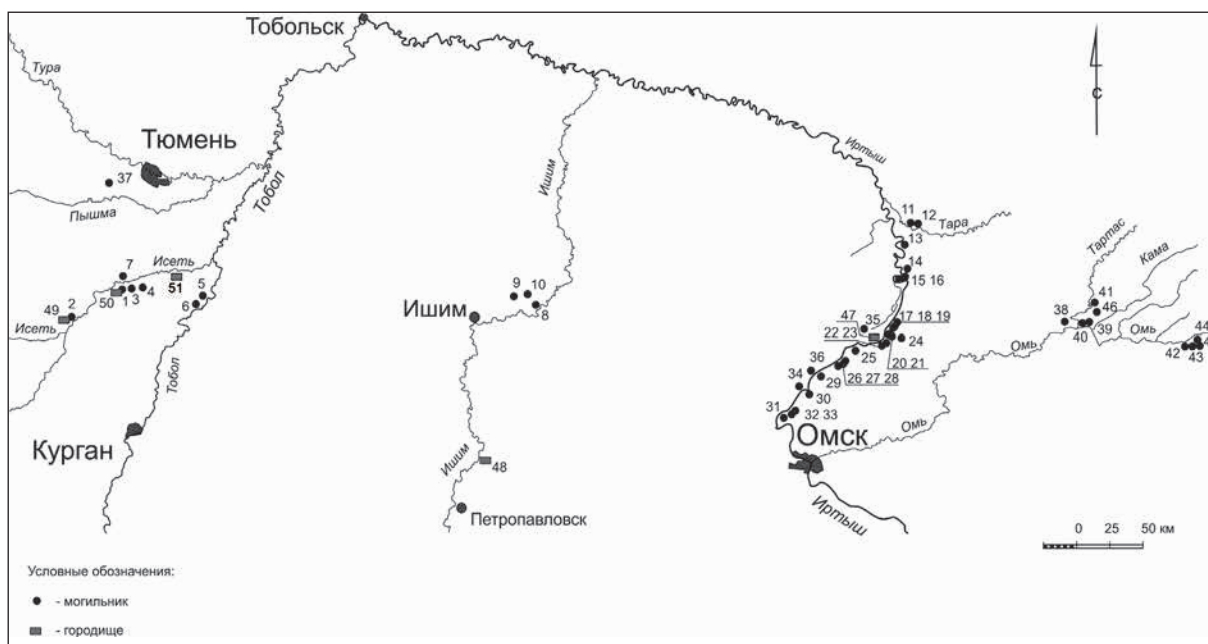

Рис. 1. Карта-схема расположения основных могильников и городищ саргатской культуры. Могильники: 1 – Рафайловский; 2 – Сопининский; 3 – Ольховский; 4 – Красногорский, Красногорский Борок; 5 – Савиновский; 6 – Тютринский; 7 – Гаевский-1; 8 – Кокуйский-3; 9 – Абатский-1; 10 – Абатский-3; 11 – Окуневский-2; 12 – Окуневский-3а; 13 – Сеткулово; 14 – Артын; 15 – Карташево-1; 16 – Карташево-2; 17 – Бецаул-3; 18 – Бецаул-3; 19 – Бецаул-4; 20 – Стрижево-1; 21 – Стрижево-2; 22 – Исаковка-1; 23 – Исаковка-3; 24 – Сидоровка-1; 25 – Саратово; 26 – Богданово-3; 27 – Богданово-1; 28 – Богданово-2; 29 – Новооболонь; 30 – Горная Бития; 31 – Красноярский; 32 – Коконовка-1; 33 – Коконовка-2; Коконовка-3; 34 – Калачевка; 35 – Старокарасук; 36 – Сибсаргатка-1; 37 – Чепкуль-9; 38 – Старый Сад; 39 – Венгерovo-1; 40 – Сопка 2; 41 – Венгерovo-7; 42 – Марково-1; 43 – Марково-6; 44 – Марково-8; 45 – Абрамово-4; 46 – Усть-Тартас. Городища: 47 – Батаково-19; 48 – Ак-Тау; 49 – Павлиново; 50 – Рафайлово; 51 – Коловское

вается «совокупность культурных образований», локализующихся на указанной территории в раннем железном веке [Корякова, 1994, с. 115]. Данная работа основана на материалах тех памятников, где саргатская культурная традиция была доминирующей, то есть, речь пойдет о *саргатской культуре*.

В предыдущем и нынешнем столетиях интенсивные археологические исследования саргатских поселений и могильников позволили постепенно собрать огромное количество информации. Существует множество научных работ, как обобщающих, так и посвященных отдельным проблемам, – генезису культуры и ее внутренней хронологии, аспектам хозяйственной деятельности, военного дела, социальной организации, вопросам мировоззрения. В разные годы проблемами, связанными с изучением саргатских древностей, занимались В. П. Левашева, П. А. Дмитриев, В. Н. Чернецов, В. Ф. Генинг, В. А. Могильников, М. Ф. Косарев, В. И. Матюшенко, Л. Н. Корякова, Н. П. Матвеева, М. К. Хабдулина, Н. В. Полосьмак, Л. И. Погодин, А. Я. Труфанов, Н. П. Довгалюк, Д. И. Ражев и другие исследователи.

Памятники саргатской культуры представлены поселениями и курганными могильниками (рис. 1). Известны *поселения* двух типов – укрепленные (городища) и неукрепленные. Саргат-

ские поселения довольно разнообразны по своим размерам и особенностям планировки [Корякова, 1988; 1994а; Хабдулина, 1993; Погодин, 1999; Коловское..., 2008; Среда, культура и общество..., 2009 и т. д.]. Городища достигают крупных размеров (до 12 га), многие из них имеют сложную фортификацию, состоящую из нескольких линий обороны (рис. 2–4). Постройки отличаются по площади и количеству камер, но в большинстве имеют неглубокие котлованы и каркасно-столбовую конструкцию (рис. 5). Основные артефакты, получаемые при раскопках поселений – фрагменты керамики и кости животных, из орудий труда и предметов быта наиболее многочисленны пряслица и керамические ложила. Довольно часто встречаются различные костяные изделия (или отходы косторезного производства) – «проколки», ложечки, шкуросъемные ножи, части составных орудий. Из предметов вооружения найдены костяные и металлические наконечники стрел. Изделия из металла редки и представлены в основном обломками железных ножей.

Большинством исследователей признается существование региональной иерархии саргатских поселений: наличие крупных укрепленных центров и открытых поселков вокруг. Однако, указанная иерархия, прежде всего, предполагает

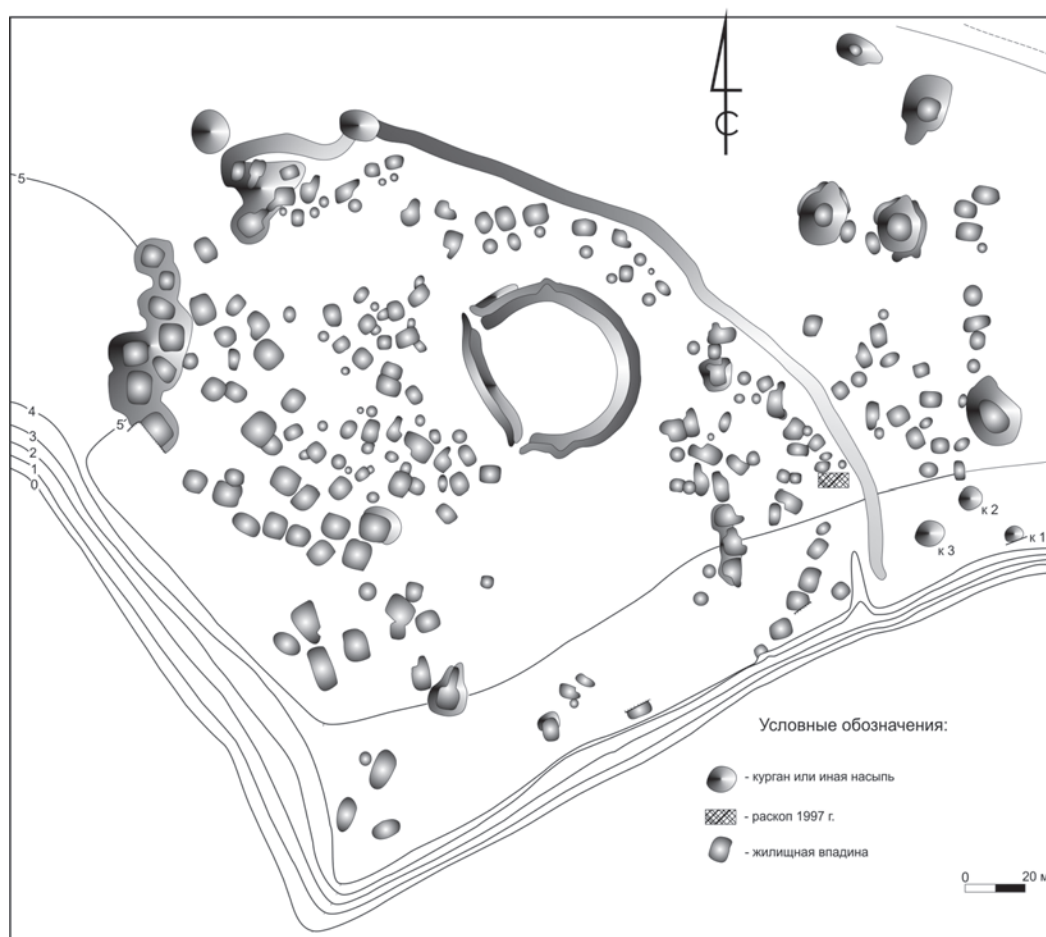

Рис. 2. Городище Батаково-19. План-схема [по: Погодин, 1999, рис. 7]

синхронность хотя бы нескольких типов расселения. Несмотря на отсутствие разработанной хронологии, поселения и городища *всей* саргатской общности часто рассматриваются так, как будто они не распределены во времени на отрезке приблизительно в тысячу лет, а являлись [см., например, Матвеева, 2003, с. 91–95]. В этой связи необходима максимально узкая датировка поселенческих комплексов, чтобы реальнее оценить наличие и степень иерархии поселений, возможное количество жителей, которые могли на них проживать, а также представить, какие именно могильники и поселения были синхронны, и уточнить их взаиморасположение.

Могильники представляют собой курганные группы, размещенные, как правило, на высоких террасах, в разной степени удаленности от берега (рис. 1). Некрополи насчитывают от одной до нескольких десятков насыпей, часто расположенных цепочкой параллельно течению реки. Под насыпью устраивалось от одного до пятнадцати погребений, при этом основное располагалось в геометрическом центре подкурганной площадки, остальные группировались на периферии (рис. 6). В большинстве случаев, курган окружался одним или несколькими рвами. Погребения производи-

лись в простых ямах, которые обычно перекрывались берестой, досками или бревнами, а также облицовывались изнутри. Умерших хоронили в вытянутом положении на спине, ориентируя головой в северном направлении. Сопроводительный инвентарь характеризуется значительным разнообразием типов, однако орудия труда в его составе практически отсутствуют. Пища и посуда обычно находились в головах или/и в ногах покойного. Детали одежды, украшения и клинковое оружие располагались там, где их носили при жизни, лук клался рядом (рис. 7).

Из погребений происходят круглодонные лепные сосуды, орнаментированные по плечикам характерным узором – так называемыми «фестоном» (рис. 8). Декорированные подобным образом горшки являются, по сути, отличительной саргатской чертой, основным культурно-диагностирующим признаком, так как оружие находит широкие аналогии в скифо-сарматской среде; украшения и предметы роскоши в абсолютном большинстве представляют собой импорт из различных территорий.

Саргатская экономика имела скотоводческую направленность. Население вело полукочевой (или полuosедлый) образ жизни, судя по на-

Рис. 3. Городище Павлиново. Совмещение аэрофотоснимка крепости, плана раскопов и электрограммы [по: Среда, культура и общество..., 2009]

лично постоянных мест проживания. В составе стада преобладала лошадь [Косинцев, Бородина, 1991; Среда, культура и общество..., 2009].

Очерк истории изучения саргатской культуры

В настоящее время существуют работы, посвященные истории изучения этого явления [Жоржкова, 1981, с. 113–124; 1988, с. 6–7; 1993, с. 7–15; Могильников, 1972а, с. 119–122; 1992, с. 292–293; Матвеева, 1993, с. 3–4]. Это дает возможность воздержаться от подробного историографического обзора саргатской проблематики, и ограничиться лишь кратким очерком.

Массовое освоение русским населением в XVII–XVIII вв. обширных степных и лесостепных районов Зауралья и Западной Сибири значительно изменило местный ландшафт. Начавшаяся распашка земель уничтожила множество курганных насыпей. В этот же период большинство из них были ограблены. Однако, даже в конце XIX в. эта местность еще изобиловала курганами [Радлов, 1989, с. 410]. Наиболее

ощутимый урон археологическим памятникам (как курганам, так и поселениям) был нанесен в XX в., в период массового хозяйственного освоения территорий. Тотальная распашка, строительство, мелиоративные работы уничтожили или повредили тысячи объектов.

Памятники саргатской культуры были открыты более 100 лет назад [см. подробнее: Могильников, 1992; также: Троицкая, Автушкова, 2010]. Уже в начале XX в. курганы Среднего Прииртышья стали предметом профессионального интереса археологов. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 20-е гг. XX в. П. А. Дмитриевым и В. П. Левашевой [Левашева, 1928; Дмитриев, 1929; Могильников, 1972, с. 119–128]. В 1927–1928 гг. В. П. Левашева исследовала раскопками два кургана у с. Саргатка и один у д. Коконовка (Среднее Прииртышье). Особенности погребального обряда и обнаруженные предметы (в частности, керамика) позволили ей высказать предположение об их принадлежности к одной и той же археологической культуре. В 1929 г. П. А. Дмитриев [1929, с. 188–189], обобщив имевшиеся к тому времени материалы из курганных могильников Прииртышья, Притоболья и Барабы, констатировал их культурное сходство и предположил, что они были оставлены некой группой сарматского степного населения.

После этого некоторое время интенсивных исследований саргатских памятников Западной Сибири не проводилось. В начале 1950-х гг. В. Н. Чернецов [1953, с. 224] попытался вновь систематизировать материалы раннего железного века Прииртышья и Притоболья, предложив выделить в отдельную культуру памятники типа Коконовских и Саргатских курганов.

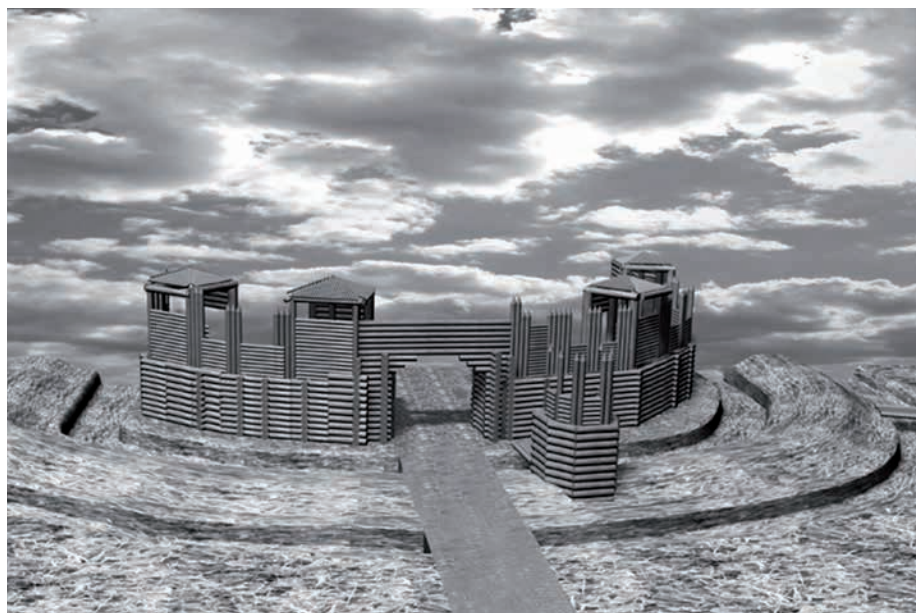

Рис. 4. Городище Павлиново. 3D реконструкция линии фортификации [по: Среда, культура и общество..., 2009]

Новая волна работ (60-е – начало 80-х гг. XX в.) была связана с деятельностью экспедиций Института Археологии АН СССР (г. Москва) под руководством В. А. Могильникова. В начале 1970-х он окончательно обосновал выделение самостоятельной *саргатской* культуры, и дал ей общую характеристику, основываясь, главным образом, на некоторых наиболее стабильных чертах погребального обряда [Могильников, 1972б]. Параллельно, саргатские древности Среднего Прииртышья изучались экспедициями Уральского государственного университета [Генинг, Стефанов, 1988, с. 4–18].

С образованием Омского государственного университета, в 1978 г. начала работать Среднеиртышская археологическая экспедиция (под руководством В. И. Матющенко). В 1986 г. в одном из курганов у д. Сидоровка В. И. Матющенко открыл непогребенное грабителями погребение, позволившее убедиться, насколько богаты изначально были могилы в больших курганах [Матющенко, Татаурова, 1997] (рис. 9, 10). Находки золотых изделий послужили весомым аргументом в пользу предположения, что известная «Сибирская коллекция Петра I» происходит в значительной степени из саргатских и гороховских курганов Зауралья и Западной Сибири [Корякова, 1988; Матющенко, Татаурова, 1997, с. 98–102; Матвеева, 2000].

Впоследствии саргатские памятники Среднего Прииртышья продолжали исследоваться Л. И. Погодиным и А. Я. Труфановым. В 1989 г. Л. И. Погодиным было обнаружено еще одно уникальное нетронутое погребение в кургане 3 могильника Исаковка-1 [Погодин, 1998а, с. 26–38] (рис. 11). В Среднем Приир-

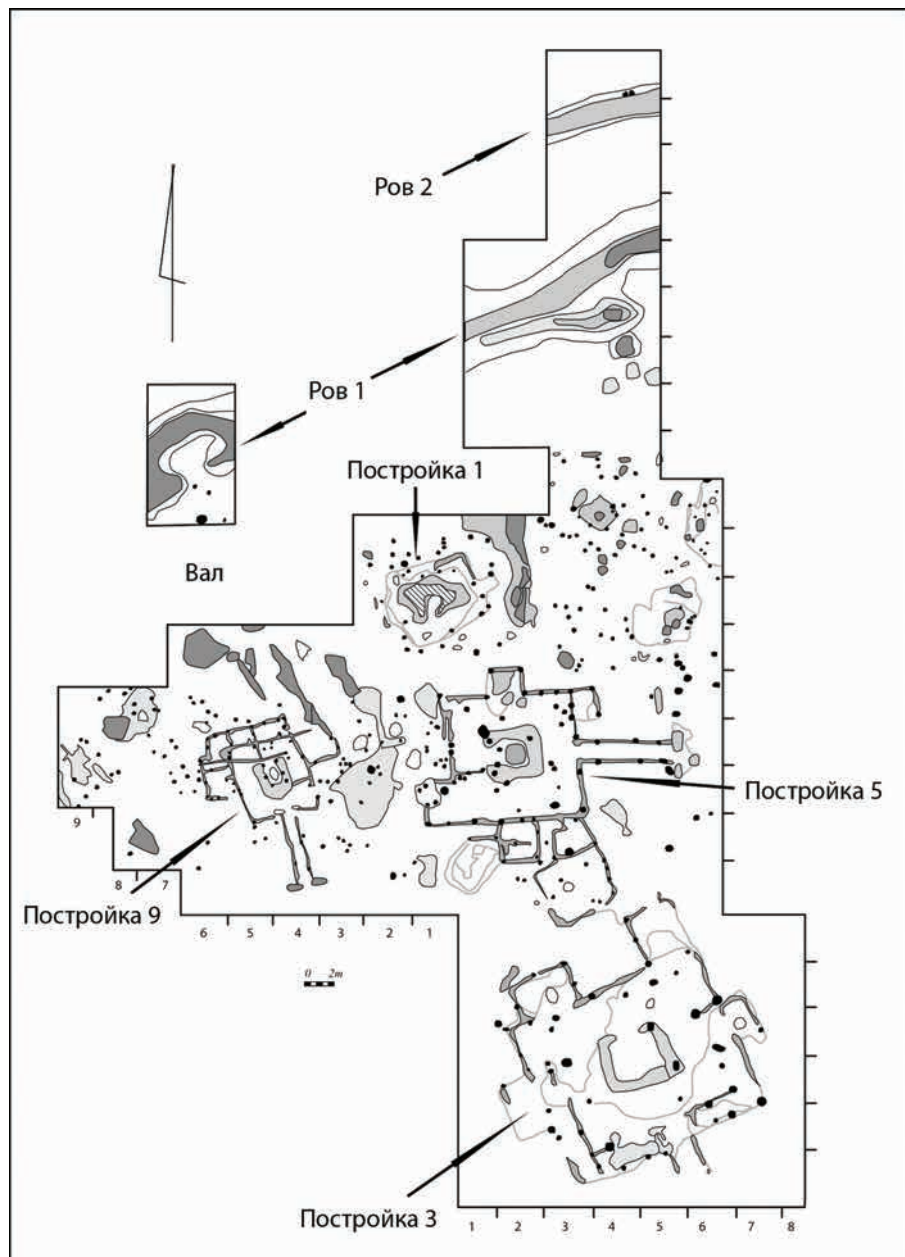

Рис. 5. Городище Павлиново. План построек на цитадели [по: Среда, культура и общество..., 2009]

тышье могильники раскапывались гораздо интенсивнее, нежели поселения и сейчас это несоответствие серьезно затрудняет разработку единой хронологической шкалы.

В это же время изучались саргатские древности соседних регионов – Притоболья, Приишимья и Барабы, при этом, наряду с установлением их общих черт, отмечалось и их локальное своеобразие [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988; Матвеева, 1993, 1994; Хабдулина, 1993; 1994, и т. д.]. В конце 1990-х – 2000-е годы источниковая база саргатских древностей продолжала пополняться усилиями тюменских, омских и екатеринбургских археологов [Погодин, 1999; Коловское городище..., 2008; Зах, 2009; Среда, культура и общество..., 2009].

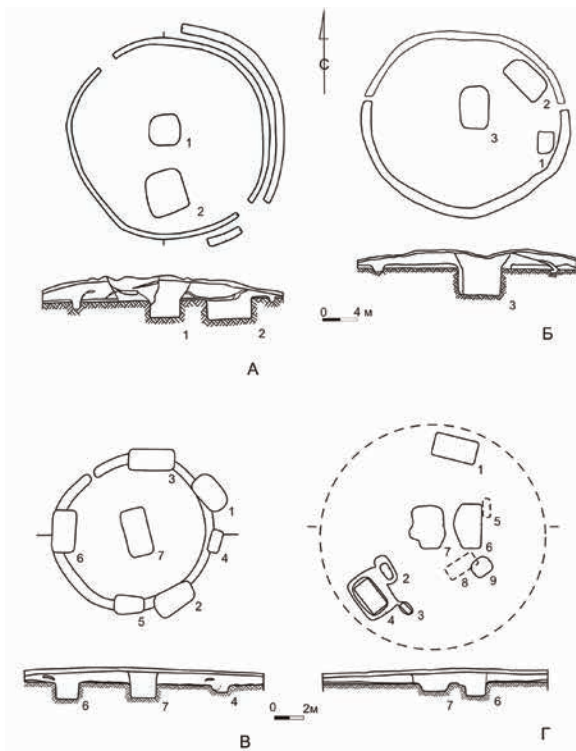

Рис. 6. А – мог. Сидоровка-1, к. 1. План и разрез. Б – мог. Сидоровка-1, к. 2. План и разрез [по: Матющенко, Татаурова, 1997]. В – мог. Исаковка-3, к. 2. План и разрез. Г – мог. Исаковка-3, к. 3. План и разрез [по: Погодин, Труфанов, 1991]

По мере накопления материала, к концу 80-х – началу 90-х гг. XX в., становилось все более очевидным, что саргатская культура представляет собой более сложное и масштабное явление, чем можно было предположить несколькими десятилетиями ранее. К этому времени, в основном, определились хронологические и территориальные рамки распространения саргатских памятников, активно обсуждались вопросы культурогенеза, развития и последующей трансформации саргатского социума [Корякова, 1988; Полосьмак, 1987; Труфанов, 1986, с. 55–64; 1991, с. 24–27; Могильников, 1992, с. 274–283; Матвеева, 1993, 1994]. Монография Л. Н. Коряковой «Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири» [1988] была первой крупномасштабной работой, обобщившей собранные на тот момент материалы.

В 1991 г. Л. Н. Коряковой [1991, с. 3–8] был поставлен вопрос об объединении многочисленных культурных традиций раннего железного века лесостепной полосы Зауралья и Западной Сибири в рамках саргатской культурной общности, при доминирующей и определяющей роли саргатской культуры. Дальнейшее развитие и обоснование эта концепция получила в последующих работах автора [Корякова, 1993, Культура зауральских..., 1997].

К концу 80-х – 90-м гг. XX в. относятся первые попытки интерпретации накопленных данных,

касающиеся, в основном, реконструкции отдельных сторон жизни саргатского населения. Эти вопросы рассматривались как в рамках обобщающих работ [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988; Матвеева, 1993, 1994], так и в узко сфокусированных исследованиях. Появились статьи и монографии, посвященные саргатской металлургии [Зиняков, 1991], вопросам экономики и жизнеобеспечения [Корякова, Сергеев, 1989; Косинцев, Бородина, 1991], аспектам, связанным с торговлей и обменом [Довгалюк, 1995; Погодин, 1996; 1998б; Матвеева, 1998], а также военным делом и вооружением саргатского населения [Погодин, 1991; 1997; 1998а]. Были опубликованы результаты палеоантропологических исследований с выходом на реконструкцию видов деятельности людей [Ражев, 2009]. Реконструкция саргатских социальных структур, таких, как вертикально-статусная иерархия и гендерно-возрастные группы, была целью нескольких монографических работ [Матвеева, 2000; Берсенева, 2011].

Хронология саргатской культуры, к сожалению, до сих пор носит достаточно общий характер. В течение предыдущих десятилетий различными исследователями было предложено несколько хронологических схем, основанных, в основном, на типологии инвентаря [Могиль-

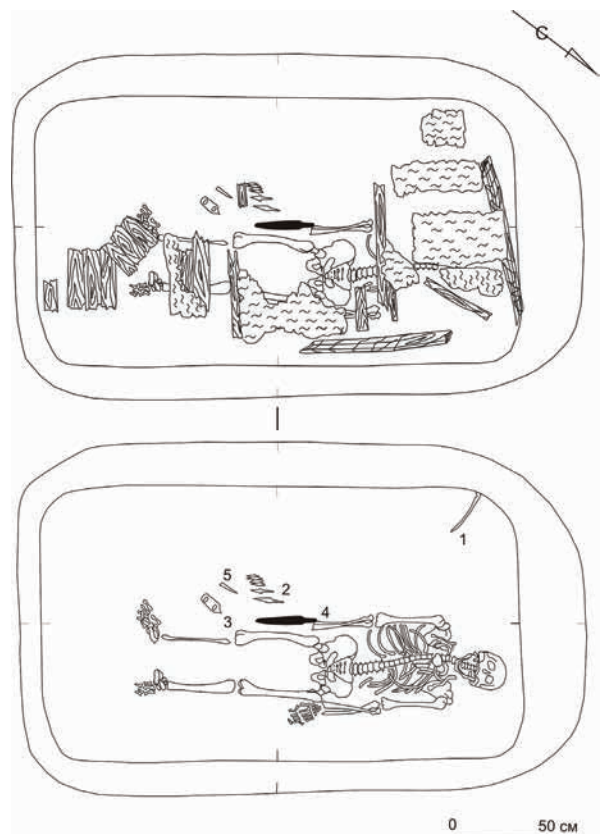

Рис. 7. Мог. Исаковка-3, к. 3, п. 4. План. 1, 5 – накладки лука; 2 – колчаный набор; 3 – костяная пряжка; 4 – железный кинжал с остатками ножен [по: Погодин, Труфанов, 1991]

ников, 1970, с. 177–180; 1992, с. 296–297; Генинг, Корякова, Овчинникова, Федорова, 1970, с. 204–215; Корякова, 1988, с. 10–12; 1993, с. 15–17].

В. А. Могильников [1992, с. 296] выделил «четыре этапа развития саргатской культуры: V–III вв. до н. э.; второй половины III – первой половины II в. до н. э.; второй половины II в. до н. э. – II в. н. э.; конца II – IV в. н. э.».

Л. Н. Корякова [1993, с. 23–56; Культура зауральских..., 1997, с. 138–154] предложила четырехчастную периодизацию для всей саргатской культурной общности. Самый ранний этап – *предсаргатский* – соответствовал VII–VI вв. до н. э. Далее следовали *саргатско-гороховский* (V–III вв. до н. э.); *саргатский* (II в. до н. э. – II в. н. э.) и *позднесаргатский* (III–V вв. н. э.) этапы, каждому из которых была дана развернутая характеристика.

Н. П. Матвеева [2000, с. 125–134] с помощью методов факторного анализа разбила все известные ей саргатские могильники на пять хронологических групп: группа *A*: V–III вв. до н. э.; *B*: III–II вв. до н. э.; *C*: II–I вв. до н. э.; *D*: I–II вв. н. э.; и *E*: III–V вв. н. э. Эта группировка признана автором «соответствующей периодизации саргатской культуры» [Матвеева, 2000, с. 134].

А. П. Зыков и Н. В. Федорова [2001, с. 19–20] высказались против омоложения верхней даты саргатской культуры до V в. н. э., полагая, что саргатская культура прекращает свое существование в Притоболье и Приишимье не позднее середины III в. н. э., а в Омском Прииртышье – не позднее II в. н. э.

Л. И. Погодин [в печати] на основании данных могильников Среднего Прииртышья Стрижево-1 и Боровянка-9 поставил вопрос об удревнении нижней даты саргатской культуры до VII в. до н. э., по крайней мере, для указанного региона.

Отметим, что большинство исследователей сходятся в определении временных интервалов существования «классических» саргатских памятников: с III в. до н. э. по II в. н. э. Расхождения в выделение более поздних и более ранних хронологических периодов, а также степень «дробно-

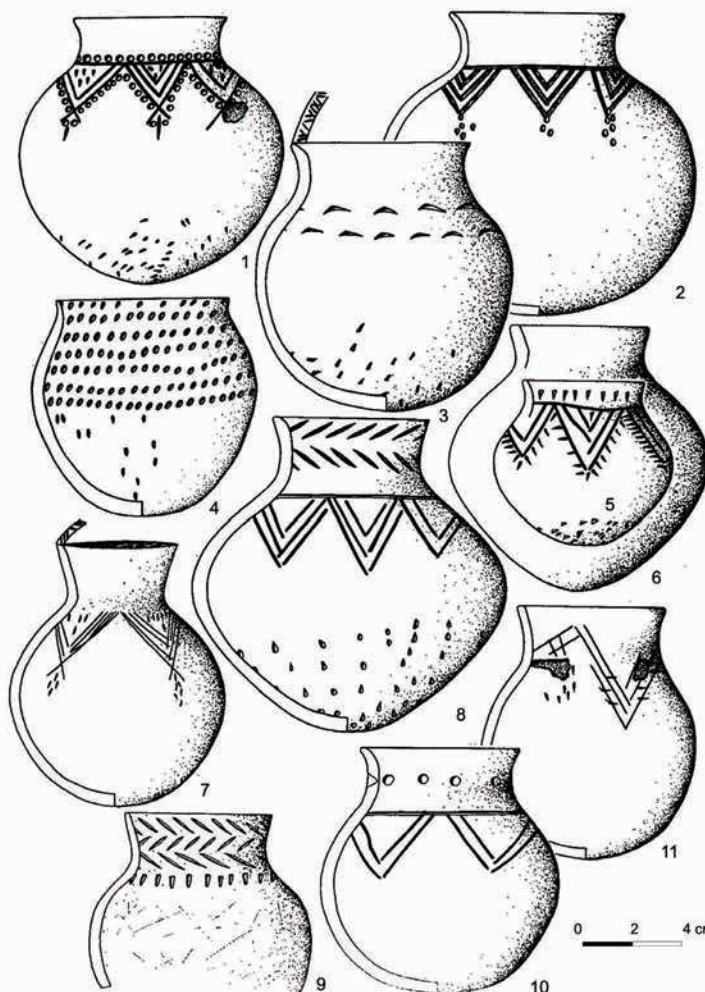

Рис. 8. Мог. Исаковка-3. Глиняная посуда курганов 2 и 3 [по: Погодин, Труфанов, 1991]

сти» самой периодизации во многом объясняются отсутствием качественной и доступной информации; особенно это касается восточного ареала культуры. Для Среднего Прииртышья датировки памятников остаются чрезмерно широкими, радиоуглеродных дат (образцы взяты из одного могильника) всего пять [Погодин, Труфанов, 1991, с. 126], подавляющее большинство материалов не опубликовано.

Слабая изученность среднеиртышских поселений также не способствует решению проблемы. Самые крупные саргатские городища находятся именно на Иртыше [Погодин, 1999]. Поселения этого региона исследованы раскопками незначительно, они не изучались современными методами, и также не имеют абсолютных дат. Узко датировать такие памятники путем рекогносцировочных работ невозможно. Хотя бы относительная хронология этих памятников чрезвычайно важна, учитывая тот факт, что население Среднего При-

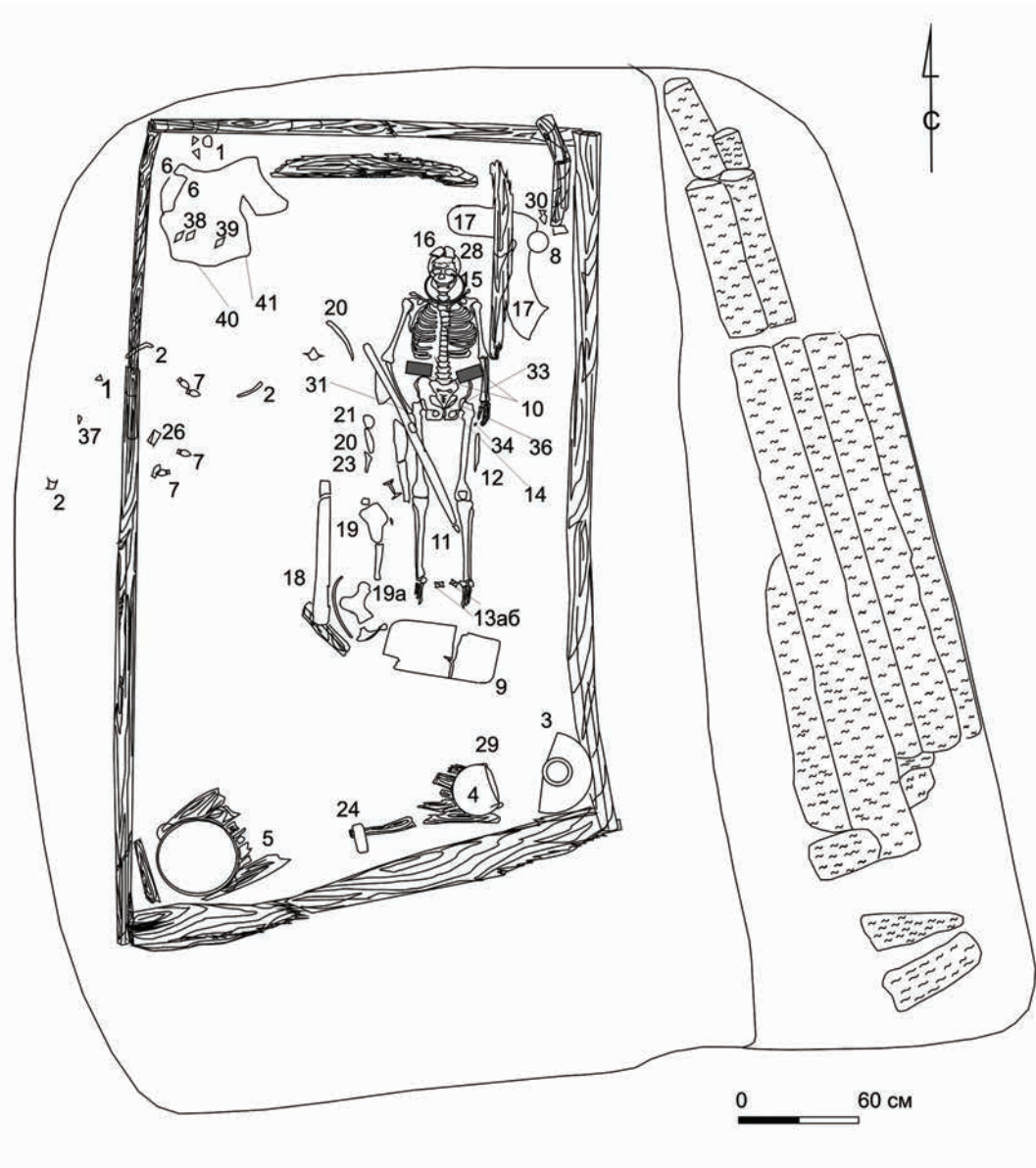

Рис. 9. Мог. Сидоровка-1, к. 1, п. 2. План: 1, 2, 19 – кости животных; 3 – гончарный сосуд (фляга); 4, 5 – бронзовые котлы; 6 – серебряные фалары; 6а – железный панцирь; 7 – 6 серебряных пряжек; 8 – серебряная чаша; 9 – кожаный сосуд; 10 – 2 золотые поясные пластины; 11 – железный меч; 12 – железный нож; 13аб – 2 золотые пряжки; 14 – серебряная пряжка; 15 – золотая гривна; 16 – золотое украшение; 17 – остатки золотного шитья; 18 – колчан; 19а – 20 железных наконечников стрел; 20 – 4 накладки лука; 21 – железный кинжал; 22 – бусина; 23 – 6 золотых нашивок; 24 – железный топор; 26 – серебряная пряжка; 28 – золотая серьга; 29 – серебряная обоймочка с остатками кожи; 30 – лепной сосуд; 34 – серебряный чубук; 36 – серебряный флакон; 37, 39 – железные стержни; 38 – железные удила; 40 – остатки железного наконечника копья; 41 – золотой колокольчик. Погребенный – мужчина 30–35 лет [по: Матющенко, Татаурова, 1997]

иргышья в раннем железном веке было достаточно единокультурным.

В западной части саргатского ареала ситуация выглядит более оптимистичной. В последние десятилетия на Среднем Тоболе в рамках больших проектов было исследовано несколько крупных археологических комплексов эпохи раннего железа. Среди них Павлиновский, Рафайловский и Коловский комплексы (рис. 1), где были получены серии радиоуглеродных датировок, а также результаты археозоологических и антропологических наблюдений, проведены палинологиче-

ские, почвенные, геофизические исследования, в результате чего выстроена их микрохронология [Коловское..., 2008; Среда, культура и общество..., 2009]. Ряд могильников также имеет радиоуглеродные даты [Культура зауральских..., 1997; Зах, 2009 и т. д.].

Таким образом, благодаря отмеченному выше несоответствию, вопросы хронологии и периодизации саргатских древностей остаются дискуссионными, и какая бы то ни было ясность вряд ли будет достигнута в ближайшее время. Несмотря на то, что определенные шаги в этом

Рис. 10. Мог. Сидоровка-1. Серебряный фалар, золотые поясная накладка и серьга [по: Матющенко, Татаурова, 1997]

направлении предпринимались [Корякова, 1988; Матющенко, Татаурова, 1997; Погодин, 1998а], необходимость в обобщающей работе по хронологии памятников восточной части саргатского ареала, основанной на публикации материалов и программе радиоуглеродного датирования, становится все более острой.

Вопросы происхождения и этнолингвистической атрибуции

Вопрос о происхождении саргатской культуры до сих пор не снят с повестки дня. С одной стороны, население было в своей основной массе оседлым, о чем свидетельствует множество поселений. С другой, модель погребальной обрядности до мелочей совпадала с моделью погребальной обрядности кочевников Урало-Казахстанских степей [Корякова, Попова, 1987; Хабдулина, 1994, с. 83; Берсенева, 2009].² Основным занятием населения было скотоводство, люди, включая женщин, проводили много времени верхом [Ражев, 2009]. Военное дело, очевидно, играло немалую роль в жизни сообщества, судя по наличию предметов вооружения в погребениях и следов травм на ко-

стях умерших [Ражев, 2009]. Основные типы клинкового оружия были аналогичны скифо-сарматским образцам [Погодин, 1998а]. Сейчас не вызывает сомнений тот факт, что саргатская культурная общность являлась северной периферией степного кочевого мира, была непосредственно связана с ним, и так или иначе включена в события, происходившие в степи. Но как фактически сложилось такое мощное образование из пестроты культур и культурных типов, характерных для предшествующей эпохи финальной бронзы этого региона?

Проблема происхождения имеет две взаимосвязанные стороны. Первая – это истоки и формирование культурных стереотипов, которые мы можем видеть в материальных остатках, на основании ко-

торых, культура, собственно и была выделена. Обратной стороной проблемы является вопрос об антропологической и этнической или, скорее, этнолингвистической атрибуции саргатского населения, то есть, непосредственное происхождение людского контингента. Как уже говорилось выше, П.А. Дмитриев [1929] считал, что саргатские памятники оставлены какой-то ветвью сарматов. В.Н. Чернецов [1953], напротив, настаивал на их угорской принадлежности. Третья точка зрения, о самодийских корнях культуры, была высказана В. И. Васильевым [см.: Могильников, 1992, с. 293]. Пик научных дискуссий по этому поводу пришелся на 80-90-е гг. XX в., совпадая по времени с наиболее интенсивным изучением саргатских могильников. Большинство авторов в конце концов согласились с угорской версией, при участии «иранских элементов» [Могильников, 1992, с. 293; Корякова, 1993; Матвеева, 1994, с. 124–125]. К ним присоединились А. П. Зыков и Н. В. Федорова [2001, с. 19], которые также считают, что памятники саргатской культуры связаны с «утрами-протомадьярами». Гипотезы

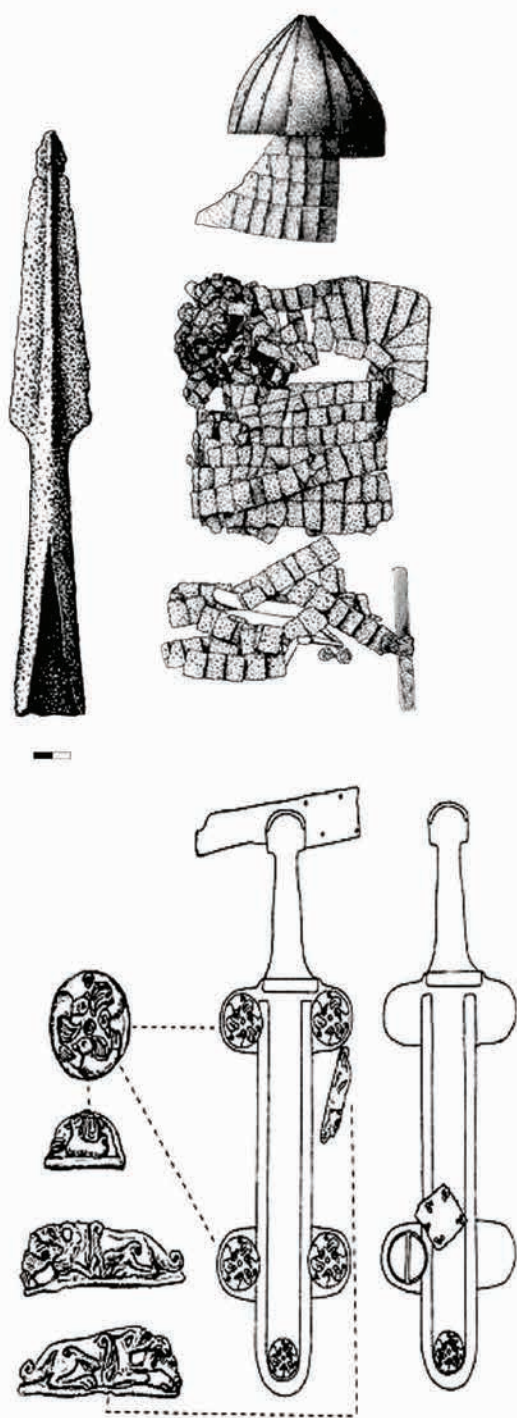

Рис. 11. Мог. Исаковка-1, к. 3, п. 6. Железный панцирь, наконечник копья, кинжал. Реконструкция [по: Погодин, 1998а]

об угорской основе культур позднего бронзового века лесостепи Зауралья и Западной Сибири придерживается и О. Н. Корочкова [2011, с. 34], полагая, что, «учитывая мощный местный компонент, его преобладание на всех стадиях ПБВ, можно в целом оценивать изучаемую территорию в рамках угорского этнокультурного массива, испытавшего на разных стадиях мощные иноэтничные влияния, что в целом и обеспечило ... его дальнейшее

включение в активные процессы культурогенеза раннего железного века, когда он полностью входит в ареал саргатской общности».

Таким образом, более или менее устоявшейся точкой зрения на данный момент является предположение об угорском субстрате и иранском суперстрате саргатских древностей [см., например: Могильников, 1973; Корякова, 1997, с. 138–154; Матвеева, 1994, с. 124–125].

В поисках кочевого компонента, то есть, суперстрата особое внимание было обращено на раннесакские памятники Северного Казахстана. Основанием послужили общие черты планиграфических решений курганов, преимущественно северные (или северо-западные) ориентировки умерших, наличие ряда раннесакских предметов в саргатских комплексах [Корякова, 1993, с. 40–46; Хабдулина, 1994, с. 83; Таиров, 2005, с. 26–27; Погодин, в печати]. Поскольку раннесакские памятники предшествуют саргатским на хронологической шкале [Хабдулина, 1994, с. 66–69], культурные стереотипы последних с большой долей вероятности сложились под непосредственным влиянием кочевников. По мнению А. Д. Таирова [2005, с. 27], «центральноазиатский компонент» в течение всего раннего железного века периодически вливался в состав населения лесостепного Обь-Иртышья.

Но не следует забывать, что никаких прямых данных об этнолингвистической принадлежности саргатского населения у нас нет, а особенности материальной культуры могут быть связаны с этничностью весьма опосредованно [Крадин, 2009]. С точки зрения краниологии, «зауральское население лесостепи, представленное краниологическими выборками гороховской и саргатской культур, согласно данным канонического анализа, попадает в локус, общий с саками Приаралья и местным населением эпохи поздней бронзы. Предсакское время в этом локусе занимает серия черепов из памятников черкаскульской культуры», которая, в свою очередь, наиболее близка карасукской, и вообще, черкаскульские, ирменские и карасукские материалы демонстрируют между собой наибольшую близость [Яблонский, 2004, с. 250]. Из этого следует вывод, что ирменский компонент мог участвовать в сложении саргатской культуры, участие сакского также вероятно.

В этом смысле Среднее Прииртышье не вполне укладывается в схему. Ирменское население считается пришлым на Иртыше, и оно, по-видимому, не было многочисленным [Труфанов, 1990, с. 12; Корочкова, 2011, с. 19–20]. Ирменские погребальные памятники на территории Среднего Прииртышья единичны и слабо изучены. Другие основные культурные стереотипы переходного времени здесь представлены сузгунскими и красноозерскими культурными традициями [Труфанов, 1990, Полеводов, 2003].

Красноозерские древности автохтонными не являются и рассматриваются как результат миграции таежного населения. Эта линия с точки зрения дальнейшего культурогенеза представляется тупиковой, ее след в комплексах раннего железного века не прослеживается [Корочкова, 2011, с. 31]. Красноозерские захоронения неизвестны. Генезис сузгунской культуры, принадлежащей к андронидному миру, понимается ее исследователями как результат аккультурации местного и пришлого населения [Корочкова, 2011, с. 28].³ По мнению специалистов, «в эпоху поздней бронзы сузгунское население являлось основным в лесостепном Ишимо-Иртышском междуречье» и именно сузгунское население претендует на роль одного из главных компонентов в сложении саргатской культуры [Полеводов, 2003, с. 19; Труфанов, 1990, с. 12-13]. Но сузгунские погребения немногочисленны и часто имеют плохую сохранность [Полеводов, 2003, с. 9–10]. Таким образом, несмотря на то, что мы можем с какой-то долей уверенности констатировать присутствие ирменского элемента в сложении саргатской культуры, участие местного (на тот момент таковым являлось, по-видимому, сузгунское) населения, остается неизученным с антропологической точки зрения.

Подводя итог, можно сказать, что традиционные способы разрешить проблему происхождения саргатских древностей очевидно исчерпаны. Применение методов естественных наук, включая генетические и изотопные исследования, со временем может оживить эту дискуссию и вывести ее на новую парадигму.

Примечания

1 – Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН и СО РАН «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла».

2 – Статистически, на уровне корреляции материальных признаков погребальной практики, в работе, опубликованной в 1987 г., Л. Н. Корякова и С. М. Попова подтвердили принадлежность «саргатской, савроматской и прохоровской выборок единой генеральной совокупности с вероятностью 95%» [Корякова, Попова, 1987, с. 42]. В качестве признаков анализировались элементы внутримогильных конструкций, следы огня на уровне отдельных могил и курганов, ориентировки погребенных, ограждения курганов, количество погребений на древней поверхности [Корякова, Попова, 1987, с. 41]. Авторы были склонны объяснять статистически значимое сходство этих культур принадлежностью к «какой-то большой общности» [Корякова, Попова, 1987, с. 42].

3 – Под «местным населением» обычно понимается доандроновский пласт, восходящий к ранней бронзе и представленный на территории Прииртышья кротовскими памятниками [Глушков, 1984; Полеводов, 2003, с. 17].

Заключение

Несмотря на то, что саргатская культура считается одной из наиболее изученных на археологической карте раннего железного века лесостепной Евразии, многие вопросы по-прежнему остаются открытыми или нуждаются в пересмотре. Наиболее неясным, по-прежнему, остается механизм сложения этого культурного образования, характер взаимоотношений с номадами и историческая судьба.

Генетическая преемственность между до-саргатскими, саргатскими и пост-саргатскими погребальными памятниками на территории лесостепной Западной Сибири уверенно не прослеживается, возможно, вследствие недостаточной археологической изученности памятников “переходного периода” от бронзового века к железному. Саргатские могильники появляются уже в достаточно сложившемся виде в первой половине I тыс. до н. э., существуют достаточно длительное время, и исчезают во второй четверти I тыс. н. э., без следов каких-либо кардинальных трансформаций. Основные каноны курганного способа погребения оставались устойчивыми на протяжении веков.

Перспективным для решения обозначенных выше проблем, кроме публикации материалов, видится продолжение радиоуглеродного датирования памятников, изучение археологических комплексов контактных зон и переходных хронологических этапов, в том числе с применением современных естественнонаучных методов.

ЛИТЕРАТУРА

- Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири. Лесостепь в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 2000. – 374 с.
- Берсенева Н.А. К вопросу о сходстве моделей погребальной обрядности саргатской культуры Среднего Прииртышья и ее юго-западных соседей // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2009. – С. 110–113.

- Берсенева Н.А.** Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 214 с.
- Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., Овчинникова Б.Б., Федорова Н.В.** Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск, 1970. – С. 204–215.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И.** Работы уральской археологической экспедиции в Среднем Прииртышье // Источники и историография: археология и история. – Омск, 1988. – С. 4–18.
- Глушков И.Г.** Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин II) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1984. – С. 33–57.
- Дмитриев П.А.** Мысовские стоянки и курганы // ТСА РАНИОН. – М., 1929. – Вып. IV. – С. 180–203.
- Довгалюк Н.П.** Стекланные украшения Западной Сибири эпохи раннего железного века (по материалам саргатской культуры): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995. – 18 с.
- Зах В.А.** Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // ВИАЭ. – 2009. – № 9. – С. 4–21.
- Зиняков Н.М.** Железообрабатывающее производство саргатской культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. – Омск, 1991. – С. 53–60.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.** Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV веков. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 174 с.
- Коловское городище / Н.П. Матвеева, С.В. Берлина, Т.Н. Рафикова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 240 с.
- Корочкова О.Н.** Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: факты, механизмы, динамика: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2011. – 37 с.
- Корякова Л.Н.** Саргатская культура или общность? // Проблемы изучения саргатской культуры. – Омск, 1991. – С. 3–8.
- Корякова Л.Н.** Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск: изд-во УрГУ, 1988. – 240 с.
- Корякова Л.Н.** Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири: Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века: докл. ... дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1993. – 73 с.
- Корякова Л.Н.** Поселения и жилища Тоболо-Иртышской лесостепи // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск, 1994а. – Т. 1. – С. 259–275.
- Корякова Л.Н.** Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 2. Мир реальный и потусторонний. – Томск, 1994б. – С. 113–169.
- Корякова Л.Н., Попова С.М.** К вопросу о сравнении саргатской и савромато-сарматской культур // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1987. – С. 37–45.
- Корякова Л.Н., Сергеев А.С.** Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры (Опыт палеоэкономического анализа селища Дуванское-2) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. – Свердловск, 1989. – С. 165–177.
- Косинцев П.А., Бородина Е.Н.** Фауна городища Павлиново и некоторые аспекты скотоводства саргатской культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. – Омск, 1991. – С. 45–53.
- Крадин Н.Н.** Археологические культуры и этнические общности // ТПАИ. – 2009. – Вып. 5. – С. 9–19. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование / Корякова Л.Н., Дэйр М.-И. (ред.). – Екатеринбург, 1997. – 180 с.
- Левашева В.П.** Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея за 1926–27 годы // Изв. государственного Западно-Сибирского музея. – Омск, 1928. – № 1. – С. 159.
- Матвеева Н.П.** Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.
- Матвеева Н.П.** Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.
- Матвеева Н.П.** О торговых связях саргатского населения с Центральной Азией (по материалам Тоболо-Ишимья) // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. – Омск, 1998. – С. 10–15.
- Матвеева Н.П.** Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). – Новосибирск: Наука, 2000. – 399 с.
- Матвеева Н.П.** Фортификационное строительство у населения саргатской культуры: социальный аспект // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье): матер. конф. – Кемерово, 2003. – С. 91–95.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В.** Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 198 с.
- Могильников В.А.** К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск, 1970. – С. 172–190.

- Могильников В.А.** Коконские и саргатские курганы – памятники эпохи раннего железа западносибирской лесостепи // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М., 1972а. – С. 119–133.
- Могильников В.А.** К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972б. – С. 69–83.
- Могильников В.А.** К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа // ИИС. – 1973. – Вып. 7. – С. 175–189.
- Могильников В.А.** Саргатская культура. // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.: Наука, 1992. – С. 292–312.
- Погодин Л.И.** Проблемы хронологии саргатских памятников в связи с особенностями организации военного дела (по материалам Прииртышья) // Проблемы изучения саргатской культуры. – Омск, 1991. – С. 20–24.
- Погодин Л.И.** Золотное шитье Западной Сибири (первая половина I тыс. н. э.) // Исторический ежегодник. – Омск, 1996. – С. 123–134.
- Погодин Л.И.** К характеристике военной структуры саргатской общности // IV исторические чтения памяти М. П. Грязнова: матер. научн. конф. – Омск, 1997. – С. 116–121.
- Погодин Л.И.** Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. – Омск: ОмГУ, 1998а. – 84 с.
- Погодин Л.И.** Лаковые изделия из памятников Западной Сибири раннего железного века // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. – Омск, 1998б. – С. 26–38.
- Погодин Л.И.** Исследование в урочище “Батаково” // Новое в археологии Среднего Прииртышья: сб. научн. тр. – Омск, 1999. – С. 52–85.
- Погодин Л.И.** О нижней дате саргатской культуры. В печати.
- Погодин Л.И., Труфанов А.Я.** Могильник саргатской культуры Исаковка III // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск, 1991. – С. 98–127.
- Полеводов А.В.** Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 22 с.
- Полосьмак Н.В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.
- Радлов В.В.** Из Сибири: страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
- Ражев Д.И.** Биоантропология населения саргатской общности. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 492 с.
- Таиров А.Д.** Ранние кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–II вв. до н. э.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2005. – 54 с.
- Троицкая Т.Н., Автушкова А.Л.** Усть-Тартасский могильник (по материалам раскопок С. М. Чугунова) // ВИАЭ. – 2010. – № 2 (13). – С. 51–61.
- Труфанов А.Я.** К вопросу о происхождении саргатской культуры // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. – Омск, 1986. – С. 55–64.
- Труфанов А.Я.** Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 15 с.
- Труфанов А.Я.** Саргатская орнаментика в аспекте генезиса культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. – Омск, 1991. – С. 24–27.
- Среда, Культура и Общество Лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) // Корякова Л.Н., Дэйр М.-И., Ковригин А.А., Шарапова С.В., Берсенева Н.А., Пантелеева С.Е., Курто П., Ражев Д.И., Хэнкс Б., Ефимова Е.Г., Каздым А.А., Микрюкова О.В., Сахарова А.О. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2009. – 298 с.
- Хабдулина М.К.** Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье: сб. науч. трудов. – Екатеринбург, 1993. – С. 112–143.
- Хабдулина М.К.** Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым Ракурс, 1994. – 170 с.
- Чернецов В.Н.** Усть-Полуйское время в Приобье // МИА. – 1953. – Вып. 35. – С. 221–241.
- Яблонский Л.Т.** Арало-Уральские этногенетические параллели // Археологические памятники раннего железного века Юга России. – М., 2004. – С. 245–265.

Б. Б. Бесетаев

Б. Б. Бесетаев,
Ә. Х. Марғұлан атындағы археология институты,
Алматы
B. B. Besetaev
Institute of Archaeology name of A. Kh. Margulan,
Almaty
E-mail: besetaev86@mail.ru

Шығыс Қазақстанның ерте темір дәуірінің ат әбзелдері

Мақала 1038/4ҒҚ «Оңтүстік-Батыс Алтайдың ежелгі және ортағасыр көшпелілері: пәнаралық зерттеу» атты ҚР БЖҒМ Ғылым комитеті гранты негізінде орындалды

Түйін. Шығыс Қазақстанның ерте көшпелілерін зерттеу мәселесінде мәдени сабақтастық пен материалдық мәдениеттің өзара алмасуы бүгінгі күнге дейін өз шешімін толық таппаған күрделі процесстердің бірі. Соңғы онжылдықта аталмыш аймақтың жерлеу ескерткіштерінен алынған материалдар б. д. д. IX–III ғғ. аралығын қамтитын ат әбзелдері өзіндік даму динамикасын аңғартады. Мақалада қалыптасқан мерзімделу мен кезеңделуге сәйкес Шығыс Қазақстанның скиф-сақ дәуірінің ат әбзелдерінің дамуындағы негізгі төрт сатыны белгілей отырып, б. д. д. VI–V ғғ. маймерліктерді пазырықтық тайпаларының алмастыруы жерлеу ғұрпында, әсіресе ат әбзелдерінде айқын көрініс табады.

Тірек сөздер: Шығыс Қазақстан, археологиялық мәдениет, скиф-сақ-сібір әлемі, скиф-сақ уақыты, ерте көшпелілер, ат әбзел.

The horse harness in Early Iron Age of the Eastern Kazakhstan

Study was supported by scholarship committee Ministry of education and science of the Republic of Kazakhstan 1038 GF4 «Nomads in early-middle age of South-west Altai: interdisciplinary researches»

Abstract. Questions of evolutionary character are not less important factor in the studying of the culture of early nomads of Eastern Kazakhstan. The materials received for the last decades from funeral monuments of noted region show a peculiar dynamic development of horse equipment during an era of the early Iron Age. The role of generalization of materials, which gives the chance significantly to add or correct the available views within this or that region and a nomadic area, in this situation, are very important. This article takes into consideration the chronological order four main periods in development of horse equipment of Scythian-Saka epoch of Eastern Kazakhstan, which are allocated. A quiet sudden process of change of the horse harness in the VI–V centuries BC from the Mayemer culture to Pazyryk culture is distinctly reflected by the transformation of a funeral ceremony and early Scythian bridles.

Keywords: Eastern Kazakhstan, archaeological culture, Scythian-Saka-Siberian cultural area, Scythian-Saka epoch, Early Nomads, horse harness.

Еуразияның далалық белдеуінде орналасқан, табиғи-экологиялық заңдылықтарға сай шаруашылық-экономикалық жүйеде классикалық көшпелілік өркениеті қалыптасып, бағамдалуының аяқталған кезі – ежелгі көшпелілер дәуірінің – тарихи мен мәдениеті жазба деректері және археологиялық қазба материалдары негізінде бір арнаға жүйеленді. Скиф-сақ-сібір әлемінің көптеген заттары өрнектелген қайталанбас аң мәнеріндегі туындылар (қару-жарақ, ат әбзелдері, киім үлгілері, әшекей заттар, ыдыс және т. б.) ежелгі Шығыс және Алдыңғы Азия шеберлерінің туындыларынан артық болмаса, кем түспейтіні белгілі. Осы тұрғыдан алғанда ерте көшпелілер

дүниесінің өзара сабақтасқан, бірегей сақ-скиф мәдениеттерінің түйісер тұсы деп Шығыс Қазақстанды атауға болады.

Б. д. д. II мыңжылдықтың ортасынан бастап жылқының шаруашылық пен әскери саладағы мәнінің артуы уақыт өте культтік нышанға айналып, күрделі діни дүниетанымның қалыптасып, жылқыны құрбандыққа шалып, адаммен қосып жерлеу ғұрпына айналды. Сонымен қоса, жылқыны ерттеп немесе жекелей түрде адаммен қосып аттың әбзелдерін жерлеген. Шығыс Қазақстан территориясының далалық және таулы аймақтарының жерлеу ескерткіштерінен табылған ат әбзелдері, мәдени сабақтастық пен динамикалық даму

үйлесімділігін анықтай отырып, қазіргі таңда скиф-сақ-сібір әлемінің пайда болуын, дамуын зерттеу мен зерделеуде айтарлықтай үлес қосуда.

Қазіргі уақытта өзімізге белгілі ерте темір дәуірі Шығыс Қазақстанда өзара алмасатын екі хронологиялық кезеңнен тұрады (ерте сақ – б. д. д. IX–VI ғғ., және пазырық уақыты – б. д. д. V–III ғғ.). Бұл ретте екі кезеңді екі үлкен археологиялық мәдениет деп қарастырып, оның ішінде даму сатылары мен мәдени шекараларын негізге аламыз. Осыған байланысты, материалдық мәдениеттің негізгі бөлшегі болып табылатын ат әбзелдерінің құрылымы маңызды орынды ала отырып, б. д. д. IX–III ғғ. ерте көшпелілердің ескерткіштерінің өзара бірегейлік пен сабақтастық және мерзімделуі мен кезеңделу мәселелері ашыла түспек.

Шығыс Қазақстанның ерте темір дәуірінің ат әбзелдерін зерттелуі туралы ғылыми еңбектер аз емес. Оның ішінде бір қатары сақ-скиф дәуірінің ат әбзелдерінің мерзімделуі мен классификациясы туралы айтылған [Грязнов, 1947, с. 9-10; Боковенко, 1986, с. 4-9; Членова, 1993; Марсадалов, 1998, с. 5-6; Горбунова, 2001, с. 180-183; Тишкин, 2003, с. 164-166; Шульга, 2008, с. 72-74]. Қазіргі таңдағы Шығыс Қазақстанның скиф-сақ дәуірінің мерзімделуі мен кезеңделуін С. С. Черников 1970 жж. ортасында жасап шығарса [Черников, 1975, с. 133], кейінірек толықтырып Ғ. Қ. Омаров қарастырған [Омаров, 2010, с. 26-28].

К. А. Ақышевтың пайымдауынша, ауыздықтар мен сулықтардың алғашқы түпнұсқалары жылқыны қолға үйреткеннен кейін немесе сол уақытта пайда болған [Акишев, 1973, с. 53]. Б. д. д. IX–III ғғ. мерзімделетін ат әбзелдерінің табылуы, олардың қызметін жақсарту мақсатында қолайлы әдістерді іздестіргенін байқауға болады. Аталған уақытта соңғы жылдардағы археологиялық ескерткіштерді зерттеу негізінде б. д. д. IX–III ғғ. мерзімделетін ат әбзелдерінің жеке ерекшеліктерін белгілеп, эволюциялық өзгерісін зерттеуге мүмкіндік береді. Ат әбзелдерінің даму кезеңдерін белгілеу кезінде біз М. Қ. Қадырбаев [Қадырбаев, 1968, с. 311] және Н. А. Боковенконың [Боковенко, 1981, с. 55-57] жасаған кезеңдемелеріне сүйене отырып, б. д. д. VI ғасырдың аяғы – V ғғ. жататын ат әбзелдерінің өтпелі кезіңін қосамыз.

Бірінші кезең (б. д. д. IX–VIII ғғ.), көршілес аймақтардағыдай қайыстан жасалған «жұмсақ ауыздықтармен» және мүйізден жасалған үш саңылауы бар сулықтармен сипатталады. Ат әбзелдерінің орналасуы және саңылаулары көп өзгеріске түспеген. Жерлеу кезінде аттың қола ауыздығын қайыспен алмастырған болуы мүмкін. Ауыздықтардың кейбіреулерінің

шығыршықтарының үлкен болғандығына қарамастан, онда сулықтар салынбаған. Ат әбзелдері жасалатын заттың (мүйіз, сүйек, азу тіс, ағаш) табиғи мүмкіндіктерінен сәйкес пішіндерінің ауысуы ауыздықтар мен сулықтарды жасаудағы дәстүрдің толық қанды қалыптаспағандығын көрсетеді. Бұл кезеңде айылбастардың алғашқы түпнұсқалары пайда бола бастайды. Аталмыш кезеңнің ат әбзелдері аржан-майемер кезеңінің ескерткіштерінде кездеседі (Күрті-2, Зевакино, Малая Красноярка).

Екінші кезең (б. д. д. VII–VI ғғ.) ат әбзелдерінің құрылымының күрделене түсуімен ерекшеленеді. Шығыры екі түрлі қола ауыздықтар (қарапайым және қосымша саңылауы бар), үш түрлі қола сулықтар (доға тәріздес, мүйізді төрт шығыршықты; У-тәріздес; шығыңқы сопақ немесе орталық бөлігінде шетке шыққан саңылаулары бар), әр түрлі ат жабдықтары пайда болды. Аталған уақыттың соңына қарай айылбастарының үлкен өлшемдерімен ерекшеленді. Осы кезеңде ат әбзелдерінің жеке бөлшектерінің өзіндік аймақтық ерекшеленуі басталды. Бұл уақыт аралығы негізінен майемер кезеңі ескерткіштерімен сипатталады (Майемер, Камышинка, Черновоя-3, Измайловка, Кондратьевка-21).

Үшінші кезеңді (б. д. д. VI ғасырдың соңы – V ғғ.) өтпелі деп санауға болады. Ат әбзелдерінің жекелеген элементтері алдыңғы кезең компоненттерін құраса да өзіндік ерекшеліктерімен сипатталады. Жерлеу салтында да ішкі және сыртқы миграцияны аңғартатын алдыңғы кезеңнің кейбір элементтері сақталған. Ерте сақ кезеңінің дәстүрін жалғастыратын жүгеннің жаңа түрі – ауыздықтың үлкен шығырларына киілетін екі саңылаулы сулықтар пайда болады. Қоладан жасалған ауыздықтардың шығыршықтары дөңгелек немесе сопақша болып келген, кейбіреулері үзеңгі тәріздес. Сулықтар екі саңылаулы қоладан немесе сүйек (мүйізден) жасалып, қос саңылаулары сулықтың орталық бөлігіне қарай орналасқан. Сулықтардың екі ұшы тазқараның (грифон) басымен әшекейленген немесе ұштары үшкірленіп келеді. Таратқыштарды және әбзелдің әшекейлеріне қабанның азу тістері қолданылған. Алайда, Шығыс Қазақстан территориясында аталмыш кезеңнің ескерткіштері сирек кездесуіне байланысты зерттелмеген. Бұл кезеңнің ат әбзелдері Үшбиік пен Тарбағатай тауының теріскей бөлігінен кездейсоқ табылған заттарымен және Қарақаба қорымынан табылған қоймамен сипатталады.

Төртінші кезеңде (б. д. д. IV–III ғғ.) ат әбзелдері айтарлықтай өзгеріске ұшырайды: шығырлары үзеңгі тәріздес ауыздықтардың орынына дөңгелек тәріздес, үш саңылаулы сулықтарды екі саңылаулы сулықтар

Сур. 1. Ерте пазырық уақытының сулықтары мен ауыздықтары. Фото Е. Оралбай

алмастырады. Ат әбзелдерін жасауда темір қолданыла бастап, түрлі әшекейлі элементтер пайда болады. Барлық жағдайларда сулықтар ауыздықтың шығыршықтарына киілген. Сулықтардың екі ұшы түрлі жануарлардың, әпсаналық аңдардың бейнесімен әшекейленіп, көп жағдайда ағаштан жасалып, алтынмен апталған. Алдыңғы кезеңмен өзіндік жалғасын табуы қолданылған сүйек, мүйіз және қола материалдары себепкер бола алады. Ер негізінен жастық іспеттес, ішіне жүн немесе шөптесін өсімдіктермен толтырылып, әшекейлі бейнелері бар қызыл түсті матамен қапталған. Құрылымы жағынан дәстүрлі пазырықтық ерлермен өте ұқсас болып келеді: өмілдірік пен құйысқанның қайыстарымен және мүйізден жасалған ілмегі бар айылбас арқылы бір айылмен тартылады. Шығыс Қазақстанның пазырық уақыты тоң басқан обалардағы жақсы сақталған ат әбзелдері және т. б. органикалық заттардың арқасында жан-жақты кешенді түрде зерттелген. Бұл кезең негізінен пазырық мәдениетінің ескерткіштерімен сипатталады (Қатон, Күргі-5, Қызыл-Ту, Үст-Бөкен, Берел, Қарақаба).

Жоғарыда ұсынылған Шығыс Қазақстанның сақ-скиф дәуірінің ат әбзелдерінің трансформациясында өзіндік даму динамикасы мен циклдық процесстерді байқаймыз. Б. д. д. VI–V ғғ. қамтитын өтпелі кезеңнің ерекшеліктеріне тоқталғанды жөн көрдік. Маймер кезеңінде сулықтардың жаңа түрі – У- және Т-тәріздес орталық бөлігіндегі ілмектердің пайда болуы сулықтар мен ауыздықтарды қосудағы қолайлы нұсқаларды іздестірудің амалдары болып табылады [Боковенко, 1981, с. 56-57; Марсадоллов, 1998, с. 14, рис. 1].

Үшінші кезеңде жоғарыда аталып өткен Үшбиіктен және Тарбағатай тауларының теріскей бөлігінен табылған қоладан жасалған ат әбзелдерінің кездейсоқ олжаларда қос

саңылаулары сулықтың орталық бөлігіне қарай орналасқан (сур. 1). Сулықтардың екі ұшы тазқараның (грифон) басымен әшекейленген. Табылған олжалардың арасындағы жүген мен ердің кейбір бөлшектері ерте сақ кезеңінің белгілерін сақтап қалған [Арсланова, 1981, с. 55].

Төртінші кезеңге тоқталар болсақ, Қызыл-Тудағы № 2 қорғаннан табылған дәстүрлі пазырық уақытының ат әбзелдерімен қатар ерте кезеңнің қола ауыздықтары мен мүйізден жасалған сулықтар табылған болатын [Черников, 1952, с. 90]. Дәл осындай жағдай Берел қорымының № 71 қорғанында кездеседі. Адаммен қосып жерленген аттың бас сүйегінде сүйектен жасалған таратқыштар табылса, екінші аттың бас сүйегінде қабанның азу тістеріне саңылау жасалған таратқыштар табылды. Кейбір жағдайларда қабанның азу тістері ілмегі бар әшекей бұйым ретінде қолданылған [Самашев, 2011, с. 75, рис. 181, 182]. Бұндай әшекейлер Берел қорымының № 10 қорғанында ағаштан жасалған [Самашев, Джумабекова, Базарбаева, 2010, с. 258]. Сонымен, аттың әбзелдерінде кездесетін қабанның азу тістері ерте кезеңнің белгілері екені жайында айтуға болады. Мүмкін, ежелгі шеберлер өздерінің туындыларына архаикалық белгілерді пайдаланғанды.

Басқа кезеңдермен салыстырмалы түрде алар болсақ, б. д. д. VI ғ. екінші жартысы – V ғ. маймер тайпаларын пазырықтық тайпалармен алмастыруы туралы көптеген пікірлер бар [Могильников, 1986, с. 53; Марсадоллов, 1999, с. 107]. Дегенмен, Шығыс Қазақстан ерте темір кезеңінің ат әбзелдерінің өзіндік ерекшеліктері бар. Ат әбзелдері скиф-сақ-сібір мәдени қауымдастықтың ішіндегі сақ мәдениетінің шекараларын айқындауға мүмкіндік берері хақ.

ӘДЕБИЕТ

- Акишев К.А.** Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. – С. 43–58.
- Арсланова Ф.Х.** Случайная находка бронзовых вещей в Семипалатинском Прииртышье // КСИА. – 1981. – № 167. – С. 54–58.
- Боковенко Н.А.** Динамика развития конской сбруи в скифское время на Алтае (к проблеме цикличности инновации) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. – Л.: Наука, 1981. – С. 55–57.
- Боковенко Н.А.** Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л.: ЛО ИА АН СССР, 1986. – 24 с.
- Горбунова Н.Г.** Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Изд-во Восточная литература, 2001. – С. 179–200.
- Грязнов М.П.** Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. – 1947. – № 18. – С. 9–17.
- Кадырбаев М.К.** Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – С. 21–36.
- Марсадоллов Л.С.** Основные тенденции в изменении форм удила, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н. э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. – С. 5–24.
- Марсадоллов Л.С.** Пазырыкский феномен и попытки его объяснения // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. – С. 104–107.
- Могильников В.А.** Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1986. – С. 35–67.
- Омаров Г.К.** Археологические памятники раннего железного века межгорья Алтая и Тарбагатая (хронология, периодизация и культурная атрибуция): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2010. – 31 с.
- Самашев З.** Берел. – Алматы: Изд-во Таймас, 2011. – 236 с.
- Самашев З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.** Конское снаряжение древних скотоводов Алтая: опыт реконструкции (по материалам кургана № 10 могильника Берел) // Археологический альманах. Изобразительное искусство в археологическом наследии. – Донецк: Изд-во Лебедь, 2010. – № 21. – С. 251–286.
- Тишкин А.А.** О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. 2. – С. 164–166.
- Черников С.С.** Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. // КСИИМК. – 1952. – № 48. – С. 81–92.
- Черников С.С.** К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 132–137.
- Членова Н.Л.** О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // ПАВ. – 1993. – № 7. – С. 49–75.
- Шульга П.И.** Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Раннескифское время. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2008. – Ч. 1. – 276 с.

**С. Г. Боталов,
М. Л. Плешанов**

С. Г. Боталов¹, М. Л. Плешанов²,
¹Институт истории и археологии УрО РАН,
Южно-Уральский филиал, г. Челябинск;
²ООО «Археологический научный центр», г.
Челябинск,
S. G. Botalov¹, M. L. Pleshanov²,
¹Institute of the history and archaeology of the Ural
branch RAS, South-Ural filial, Chelyabinsk
²Archaeological scientific center, Chelyabinsk
E-mail: grig@csc.ac.ru

Новые материалы раннесакского круга из лесостепного Зауралья

Аннотация. Курганный могильник на озере Кумкуль-2 расположен в Аргаяшском районе Челябинской области в 4,2 км к востоку от восточной окраины с. Ишалино (в 25 км к СЗ от г. Челябинска). Всего исследовано четыре кургана. Погребения относятся к VII–VI вв. до н. э. В них обнаружено два каменных жертвенника, бронзовый кельт, бронзовое зеркало, игольница и серьга. Анализ сопроводительного комплекса позволяет отнести этот материал к раннесакским памятникам VII – первой половины VI вв. до н. э. Целая серия артефактов по вышеобозначенной тематике скопилась в фондах Шадринского краеведческого музея, среди них бронзовый меч с зооморфным декором, наконечник стрелы, навершие рукояти, вток, кельт (бронза), два наконечника копья, зеркало, удила (бронза) стремечковидной формы, три бронзовых ножа. Материалы из курганов могильника Кумкуль и коллекция приведенных предметов из Шадринского краеведческого музея своеобразно маркируют наиболее северные границы большого раннесакского горизонта VII – первой половины VI вв. до н. э.

Ключевые слова: могильник, погребения, раннесакские памятники, бронзовые изделия.

New materials of the early sak circle from the forest-steppe of the Trans-Ural

Abstract. The mound burial site at Lake Kumkul-2 is situated in the Argayash district of Chelyabinsk region, 4,2 kilometers east to the eastern border of the Ishalino village (25 kilometers to the north-west of Chelyabinsk). Four mounds were explored in total. The burials refer to the 7–6 centuries BC. Two stone altars, a bronze celt, a bronze mirror, a needle bed and an earring were found there. The funeral rite material allows us to refer it to the early Sak monuments of the 7 century and the first half of the 6 century BC. A whole series of artifacts on this subject have been collected in the storage of the Regional Studies Museum of Shadrinsk. Among those are a bronze sword with zoomorphic decor, an arrowhead, a pommel, a spiking part, a bronze celt, two spearheads, a mirror, stapes-shaped bar bits, three bronze knives. The materials from the Kumkul burial mounds and the above-listed collection of objects from the Regional Studies Museum of Shadrinsk depict the northern edge borders of the large early Sak horizon of the 7 century – the first half of the 6 century BC.

Keywords: burial, mounds, early Sak monuments, the bronze artifacts.

После исследования серии погребений VII – первой половины VI вв. до н. э. Варненской группы курганов в 80-х годах прошлого века [Боталов, Таиров, 1996] стало очевидным, что появление материалов раннесакского облика на южной кромке зауральской лесостепи – факт не случайный. Объединив данные комплексы с ранее известными памятниками этого облика, А. Д. Таировым был выделен бобровский этап (VII–VI вв. до н. э.) и определен круг бесспорных аналогий среди памятников ананьинской культурной общности сако-гасмолинского ареала Северного и Центрального Казахстана [Таиров, 2000, с. 123–140].

Однако, поскольку позднее А. Г. Гаврилюком и А. Д. Таировым был исследован интересней-

ший комплекс раннесакского облика Иртяш-14, курган 2, который находился глубоко в лесостепи, фактически на границе с горно-таежной зоной Кыштымского приозерья [Гаврилюк, Таиров, 2006]. Этот факт указал на то, что кочевое население, оставившие данные памятник в период своего обитания в Южном Зауралье, глубоко вторглось в северную кромку лесостепи. В этой связи предлагаемые новые материалы в определенной мере иллюстрируют данное положение.

Курганный могильник на озере Кумкуль-2 расположен в Аргаяшском районе Челябинской области, в 4,2 км к востоку от восточной окраины с. Ишалино, в 25 км к СЗ от г. Челябинска, на юго-западном берегу озера Кумкуль, на расстоянии 180 м от береговой линии, на господ-

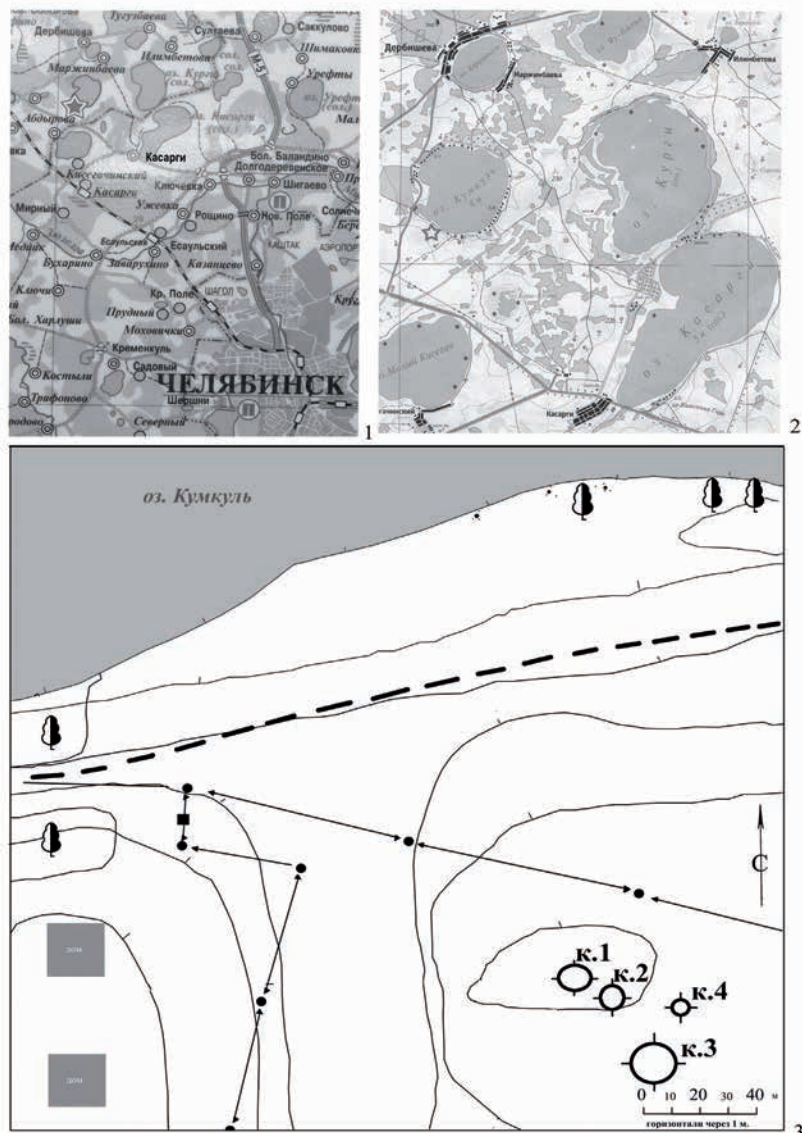

Рис. 1. Мог. Кумкуль-2. 1, 2 – место расположения; 3 – план

ствующей береговой возвышенности (рис. 1–3). Высота площадки, на которой расположены курганы могильника, составляет 6 м от уреза воды. Площадка покрыта луговой растительностью. В целом, местность открытая, с редкими, небольшими участками леса.

Курганный могильник Кумкуль-2 состоит из четырех курганов, два из которых (№№ 1, 2) располагаются на ярко выраженной возвышенности в центральной части площадки памятника. Размеры этой площадки составляют 50 x 25 м, она ориентирована вдоль береговой линии. Курганы №№ 3, 4 расположены на пониженной части террасы.

Курган 1 слабо выражен на поверхности, диаметр его составляет около 10 м, фиксируемая высота не превышает 30 см. Форма курга-

на в плане на современной поверхности читалась как слегка уплощенный эллипс, удлинённый в широтном направлении. На поверхности кургана местами фиксировались камни.

Насыпь кургана представляет собой каменную кладку, диаметр которой не превышает 10 м. Насыпь сложена камнями мелких и средних размеров, она имела неправильную форму в плане. Камни кладки лежали в 1–3 слоя, причем количество слоев камней увеличивалось к центру, придавая насыпи сферические очертания в разрезе. В центральной части насыпи фиксировался провал, округлой формы в плане, диаметром около 1,5 м. Глубина провала составляла 0,4 м от верхнего уровня фиксации камней кладки (рис. 2, 1).

Под насыпью кургана 1 была обнаружена одна могильная яма округлой формы в плане, диаметром около 2 м. В сечении яма линзовидная, ее глубина не превышает 0,8 м от современной поверхности. Могильная яма разграблена в древности. На дне могильной ямы расчищены кости стоп человека. По расположению стоп реконструируется юго-западная ориентировка погребенного.

На материковой ступеньке в западной части ямы был обнаружен ладьевидный жертвенник. Жертвенник был сделан из гранита серозеленого оттенка. Размеры жертвенника составляли 18,5 x 9,2 см. Высота стенок варьировалась от 5,2 см до 4,7 см. Стенки слегка скруглены. В верхней плоскости жертвенного камня фиксируется углубление до 1 см. Бортик слабо выражен. Нижняя плоскость камня плоская, слегка прокалена (рис. 2, 3, 4).

Курган 2. Центр кургана 2 расположен в 12 м к юго-востоку от центра кургана 1. Он расположен на склоне ярко выраженной возвышенности в центральной части террасы. Курган 2 слабо выражен на поверхности. Его диаметр не превышает 8 м, визуально фиксируемая высота – 0,1 м. На поверхности кургана фиксировались камни.

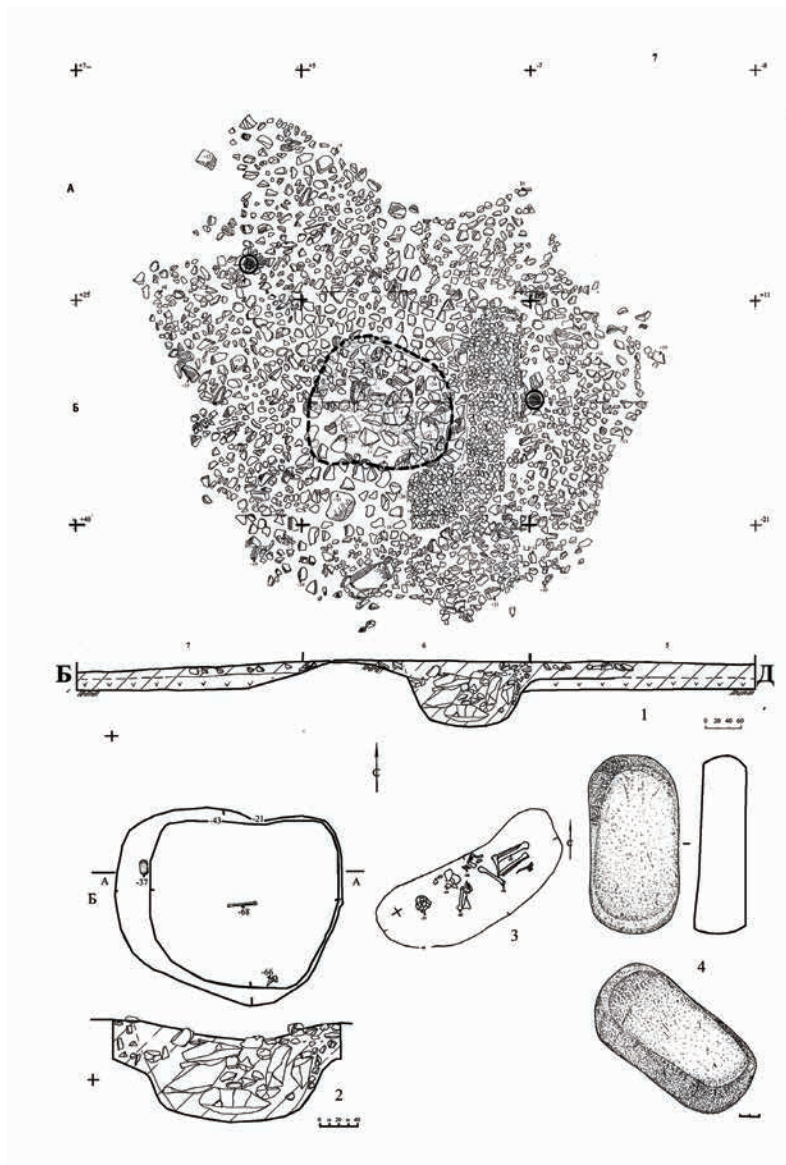

Рис. 2. Мог. Кумкуль-2, к. 1. 1–3 – план и профиль кургана и могильной ямы; 4 – камень

Насыпь кургана сложена камнями мелких и средних размеров. Ее диаметр не превышает 8,5 м. Насыпь кургана в плане имеет неправильную форму. Основная часть каменной кладки имеет эллипсовидную форму, вытянутую в широтном направлении, в северной и южной частях насыпи были расчищены своеобразные выступы каменной кладки. После снятия почвенного слоя, на поверхности кургана каких-либо провалов не фиксировалось. Камни насыпи лежали в 2–3 слоя на всей площади кургана (рис. 3, 1).

Под насыпью кургана 2 была обнаружена одна могильная яма эллипсовидной формы в плане, ориентированная в широтном направлении. Размеры ямы составляют $2,1 \times 1,05$ м, глубина не превышает 0,4 м от уровня материка, яма не содержит каких-либо находок.

В насыпи кургана были обнаружены бронзовый кельт, бронзовая гривна и развалы двух сосудов.

Бронзовый кельт. Длина кельта составляет 9,5 см, ширина от 3,7 см у острия до 4,5 см у втулки. Толщина стенок кельта составляет 4 мм. Глубина втулки – 6,7 см, в сечении втулка линзовидная. Вдоль основания кельта идут два тонких выпуклых валика, от центральной части которых с каждой стороны к острию кельта проложены две слабо выгнутые дуги. В промежутках между дугами орнамент представляет собой выпуклые линии, образующие вытянутые к острию треугольники (рис. 3, 4).

Бронзовая гривна подковообразной формы. Размеры гривны составляли $9,7 \times 9,3$ см. Диаметр сечения гривны варьируется от 0,3 до 0,5 см. Сохранность хорошая. Утолщенный край (диаметр сечения 0,5 см) заострен (рис. 3, 5).

Сосуд 1. Его высота составляет 11 см. Шейка и венчик сосуда прямые. Тулово сосуда слегка раздуто, дно округлое. Диаметр по плечу составляет 11,5 см, диаметр по венчику – 10,2 см. Толщина стенок на шейке и в придонной части сосуда составляет 6,5 мм, тулова – около 6 мм. На

сосуде фиксируется три орнаментальных зоны: на плечиках орнамент представляет собой одну цепочку наклонных ромбических и подтреугольных вдавлений; на шейке орнамент представляет собой параллельные наклонные ряды глубоких насечек вытянутой ромбической формы; третья орнаментальная зона расположена на венчике сосуда, и представляет собой ряд разнонаправленных насечек (рис. 3, 2).

Сосуд 2. Его высота составляет 10,5 см. Тулово сосуда сильно раздуто, шейка отогнута, венчик слегка скошен наружу, дно округлое. Диаметр по плечикам составляет 13,5 см, по венчику – 10,7 см. Сосуд орнаментирован по плечикам одним рядом подквадратных вдавлений (рис. 3, 3).

Курган 3 расположен в 28 м к юго-востоку от центра кургана 2, на пониженной части террасы.

Насыпь кургана сложена камнями мелких и средних, редко крупных размеров. Форма насыпи в плане представляла собой слегка уплощенный эллипс (9,8 x 8,4 м), длинной стороной ориентированный в широтном направлении. В центральной части насыпи фиксировался провал с разрывом кладки, неправильной формы в плане, размерами 1,6 x 2,2 м, длинной стороной ориентированный в широтном направлении (рис. 4, 1).

Под насыпью кургана 3, в центральной части, была обнаружена одна могильная яма округлой формы в плане, диаметром около 2,5 м. К востоку от нее располагался подпрямоугольный ритуальный дромос(?), с запада примыкало трапециевидное углубление. Глубина ямы составила 2 м от уровня материка. На дне ямы было расчищено погребение женщины.

Скелет лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад. Голова слегка приподнята, лицо обращено к юго-востоку. Ноги вытянуты, слегка отогнуты от оси туловища на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка отставлена в сторону. В непосредственной близости от черепа погребенной, с левой стороны была обнаружена металлическая серьга (свинец, олово). Размеры серьги составляют 4,5 x 2,4 см. Она представляет собой два разведенных в разные стороны полукольца (рис. 4, 5). В области таза, слева под костями погребенной, было обнаружено бронзовое зеркало в кожаном чехле. Зеркало круглое, диаметром 16,3 см. Толщина стенок составляет 1,5–2,2 мм. Лицевая сторона плоская. На обратной стороне зеркала по окружности располагался сильно отогнутый бортик. Толщина стенки на бортике составляет 1,5–1,6 мм, высота не превышает 0,5 см. В центре расположена ручка-петля, в которую был продет кожаный шнур. Ручка зеркала рифленая, литая. Ее толщина составляет 1,1 см, высота от плоскости – 0,85 см. Зеркало орнаментировано двумя цепочками параболических выпуклых линий. Вершины парабол соединяются между собой, основания направлены к центру, что создает впечатление направленных от центра

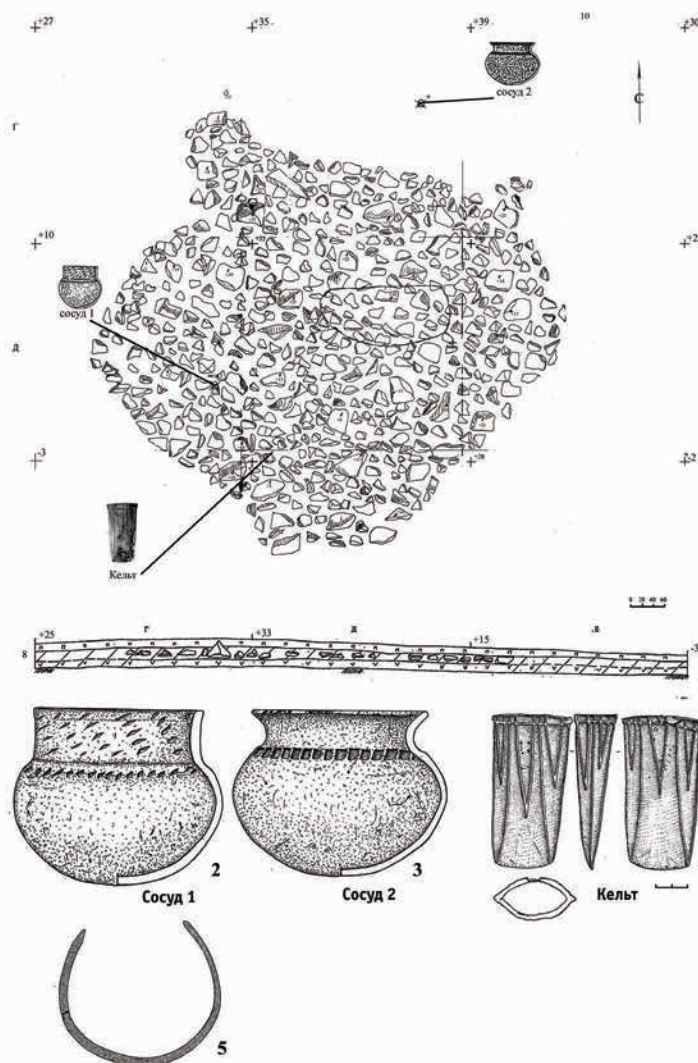

Рис. 3. Мог. Кумкуль-2, к. 2. 1 – план и профиль кургана; 2, 3 – керамика; 4 – бронза

зеркала к краям лучей. В обеих цепочках линий насчитывается по десять таких лучей. Длина оси, соединяющей противоположенные лучи внешнего кольца, составляет 14,32–14,87 см, во внутреннем кольце – 8,36–9,16 см (рис. 4, 7). На зеркале были зафиксированы остатки кожаного чехла, в ручку был продет кожаный ремешок. Близ левого плеча погребенной, между костяком и стенкой могильной ямы был расчищен небольшой жертвенник. Жертвенник был расчищен из красновато-коричневого гранита, эллипсоидной формы. Его размеры составляли 10,3 x 8,4 см, высота жертвенника составляла от 3 до 3,7 см. Он углублен с двух сторон: глубина верхнего углубления составляет 1,4 см, глубина нижнего углубления – 1 см (рис. 4, 6). На нем лежали красная и синяя краски, уголь слоями, над ними – костяная трубочка, размерами 4,3 x 0,9 см (рис. 4, 4). Внутренняя часть была заполнена краской синего цвета. Близ жертвенника была обнаружена бронзовая игла (рис. 4,

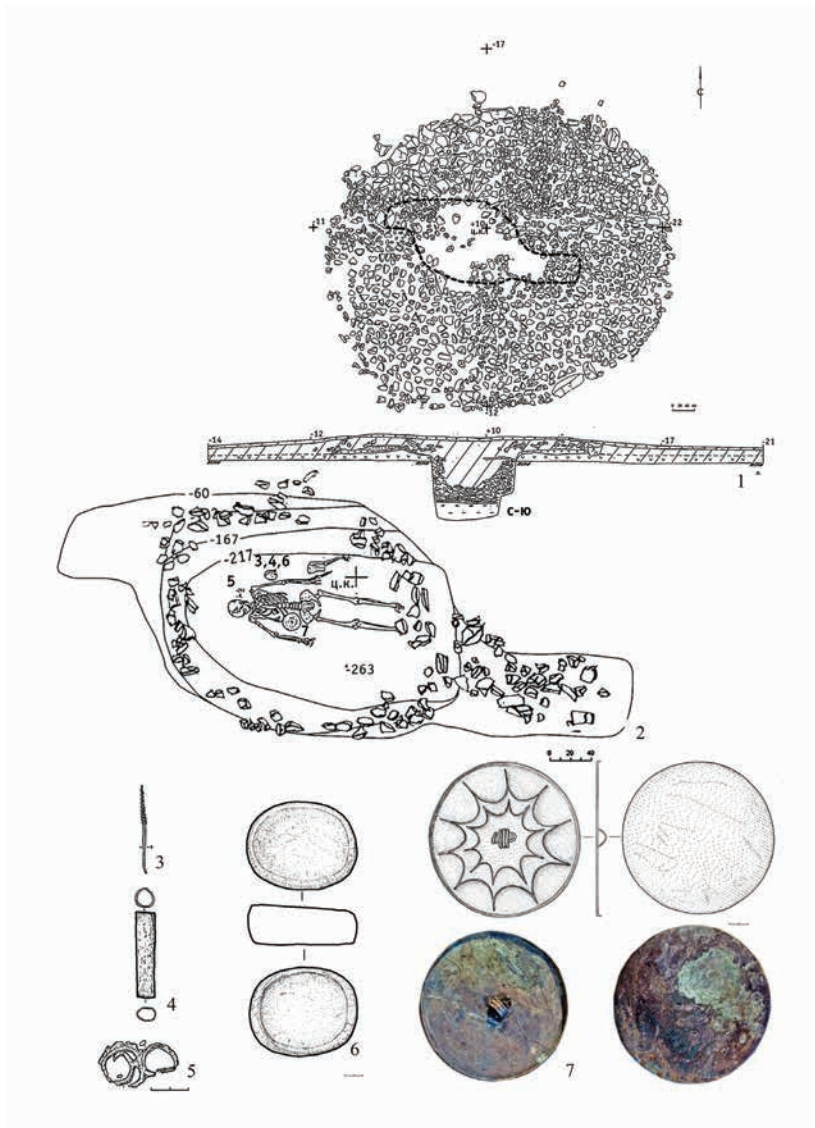

Рис. 4. Мог. Кумкуль-2, к. 3. 1 – план и профиль кургана; 2 – могильная яма; 3, 7 – бронза; 4 – кость; 5 – свинец, олово; 6 – камень

3). Длина иглы составляла 4,9 см. Диаметр сечения – 1 мм. Одно из окончаний было обмотано бронзовой проволокой на длину 2,2 см. В этой части толщина иглы увеличена до 2,5 см. В 15 см к северу от левой кисти погребенной была расчищена сопроводительная пища: лопатка и кости ноги барана. В левой руке погребенной был зажат железный нож плохой сохранности, острие которого было направлено к лопатке барана.

Курган 4 расположен в 18 м к востоку от кургана 2, на пониженной части террасы, на поверхности выражен четко. На поверхности кургана зафиксировались камни.

Насыпь сложена камнями мелких и средних размеров, ее диаметр не превышает 5,2 м. Под насыпью кургана 4 была обнаружена одна могильная яма эллипсовидной формы в плане, ориентированная по линии СВ–ЮЗ. Размеры ямы составляют 2,83 x 1,02 м, глубина не превышает 0,45 м

от уровня материка в сечении яма трапецевидная. Яма разграблена в древности. Судя по расположению костей человека, обнаруженных в ходе исследования ямы, ориентировка погребенного была ВСВ–ЗСЗ. Инвентарь в могильной яме не обнаружен.

Конструкция надмогильных сооружений и погребальный обряд в могильнике Кумкуль-2 (каменные насыпи, отсутствие деревянных конструкций в надмогильных сооружениях и могильных ямах, разнообразие форм могильных ям и ориентировок) относят нас к ранним этапам (бобровский (VII–VI вв. до н. э.), обручевский (VI–V вв. до н. э.)) истории древних кочевников Южного Зауралья.

Ладевидные каменные жертвенники достаточно широко распространены на территории Южного Зауралья и Северного Казахстана в VIII–VI вв. до н. э. В более позднее время они практически исчезают. На их месте появляются каменные блюда-жертвенники [Таиров, 2000, с. 141; Хабдулина, 1994, с. 52].

Небольшие жертвенники также хорошо известны в погребениях женщин-жриц VII–VI вв. до н. э. на территории Южного Зауралья [Таиров, 2000, с. 123, 125]. Практически полную аналогию в данном случае к погребению в кургане 3 могильника Кумкуль-2 представляет жертвенник в погребении кургана 1 Варненской группы курганов [Таиров, Боталов, 1988].

Бронзовые кельты, аналогичные найденному в насыпи кургана 2, имели широкое распространение в лесостепных культурах Урала. Согласно типологии бронзовых кельтов, предложенной А. Х. Халиковым [1977, рис. 41], этот кельт относится к типу I, 2. Этот тип кельтов был широко распространен в VIII–VII вв. до н. э. [Халиков, 1977, с. 119]. Формы для отливки кельтов подобных форм также находили на поселениях иткульской культуры Южного Зауралья [Бельгикова, 1988].

Бронзовые дисковидные зеркала были широко распространены как в скифских, так и в сакских памятниках VIII–VI веков до н. э. По

форме петли центральной ручки зеркала из кургана 3 могильника Кумкуль-2 оно сильно отличается от раннескифских зеркал европейской части России. Такая форма ручки наиболее характерна для сакского времени Центрального Казахстана [Кадырбаев, 1966, с. 390]. При этом следует отметить, что подобный тип зеркал признается исследователями наиболее архаичным, и верхняя граница их распространения определяется как VI в. до н. э. (для Северного Казахстана – VII в. до н. э.) [Кадырбаев, 1966, с. 389; Хабдулина, 1994, с. 69]. На памятниках иткульской культуры лесостепного Зауралья они встречаются на Иткульском-1 городище и городище на мысу Толстик, т. е. на памятниках, возникших в VII в. до н. э. [Бельтикова, 1986; Таиров, 2000, рис. 12, 59]. Практически прямая аналогия зеркалу, найденному в кургане 3 могильника Кумкуль-2, происходит из кургана 19 могильника Тасмола-1 [Кадырбаев, 1966, с. 312-314].

Исходя из всего вышесказанного, можно с большой долей уверенности говорить о том, что погребение женщины-жрицы в кургане 3 могильника Кумкуль-2 относится к сакскому кругу памятников, и датируется в рамках VII–VI веков до н. э. Материалы, полученные в ходе исследования остальных погребальных комплексов могильника Кумкуль-2, не противоречат указанной интерпретации.

Случайные находки из фондов Шадринского краеведческого музея. Целая серия артефактов по обозначенной выше тематике скопилась в фондах Шадринского краеведческого музея. Несмотря на то, что местонахождение абсолютного большинства предметов неизвестно, данная коллекция, бесспорно, представляет собой единый культурно-хронологический комплекс. В общей сложности мы отобрали 11 предметов: бронзовый

меч, два втульчатых копья, бронзовый втульчатый наконечник стрелы, бронзовые кельт и наконечник от рукояти, а также стремечковидные удила, зеркало и три ножа с отверстием на конце рукояти. Безусловно, наиболее ярким экземпляром в этой коллекции является бронзовый меч с зооморфным декором (рис. 5, 11, 12). Общая длина изделия составляет 40,5 см, из них на лезвие приходится 29 см, на рукоять – 11,5 см, клинок имеет явное утолщение примерно на середине. Лезвие обоюдоострое, с обеих сторон на нем видна выпуклая закругленная в сечении нервюра. Наконечие длиной 5,5 см, шириной 2 см представляет собой повернутые в противоположные стороны, симметрично изображенные объемные головы кабанов. Их уши, глаза и ноздри преувеличенно длинные, округлые.

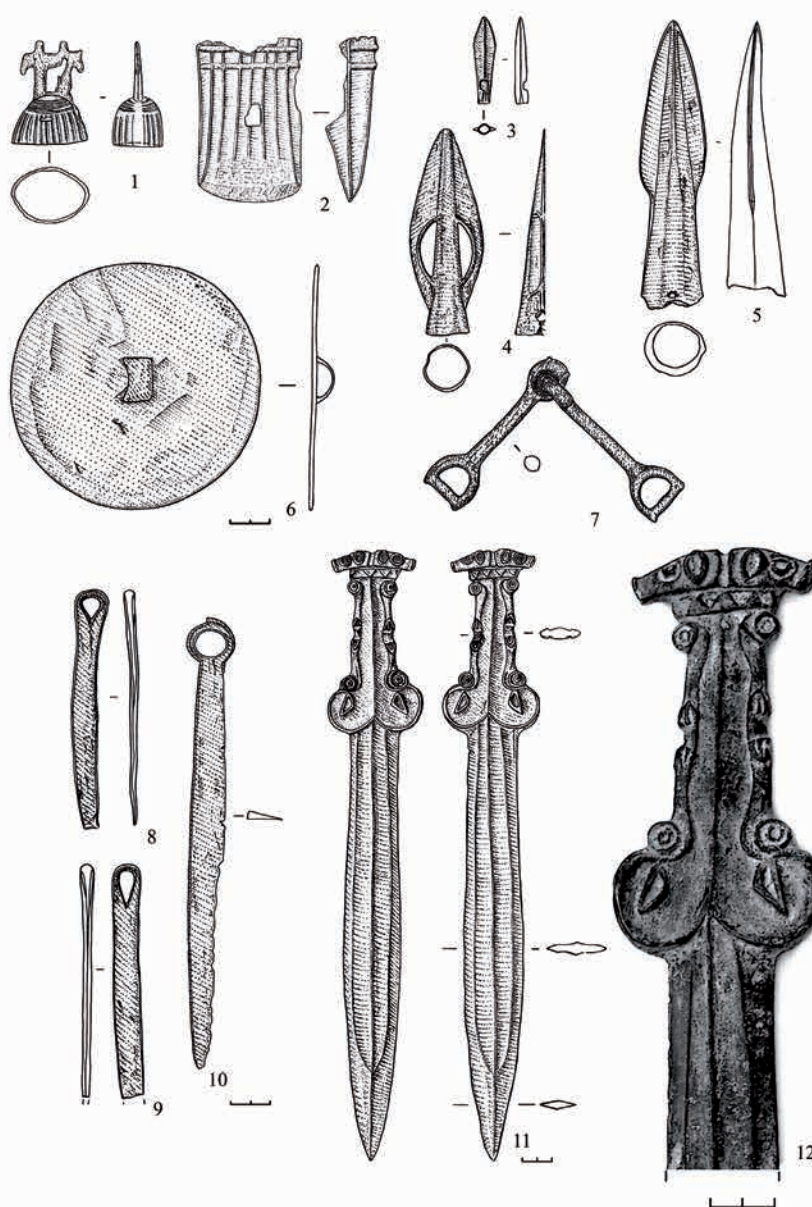

Рис. 5. Случайные находки из фондов Шадринского краеведческого музея. 1–12 – бронза

Перекрестие состоит из двух соприкасающихся выгнутых овалов размерами 3 x 2,5 см, с двух сторон посередине рукояти проходит валик, соединяющийся с нервюрой клинка и доходящий до основания голов кабанов. В овалы на рукояти вписаны сильно стилизованные головы козлов (лошадей?). Их ноги показаны вытянутыми вдоль края рукояти, причем в одну линию (копыто к копыту, как бы оторвано от самого животного), что в целом не свойственно для скифского звериного стиля [Переводчикова, 1995, с. 98]. В целом изображение головы козла типично для раннесарматского периода, но вытянутость морды роднит ее с изображениями на оленных камнях Алая. Законченность композиции придают завитки на ногах в виде двух концентрических окружностей, расположенных симметрично глазам козла, но меньшего радиуса. Возникает ощущение того, что это зеркально уменьшенное отражение изображения козлов, но без ушей подтреугольной формы.

Наконечник стрелы (бронза), общая длина 4,5 см, ширина 1,1 см, втульчатый двулопастной ассиметрично ромбической формы, очень близкой к лавролистной (рис. 5, 3).

Навершие рукояти, вток (бронза). Высота 5,32 см, ширина основания 4,8 см, втулка овальной формы. Внутренние размеры 3,7 x 2,5 см. Верхняя часть представляет собой изобразительную композицию не совсем ясной трактовки. Либо это два птицеобразных облика, спаянных между собой, либо стилизованное изображение верблюда. Основание имеет концентрические нервюры в верхней части (5) и вертикальные (22) в нижней (рис. 5, 1).

Кельт (бронза). Размеры 8 x 5,3 см. Задняя стенка втулки обломана. Вероятные первоначальные размеры внутренней части втулки 5 x 2,8 см. Имеет орнаментальные нервюры, две горизонтальные в верхней части и по пять вертикальных с обеих сторон лезвия (рис. 5, 2).

По информации сотрудников музея, кельт и бронзовый вток поступили одновременно, то есть большая вероятность, что это единый комплекс.

Наконечник копья (бронза). Общая длина 10,45 см, внутренний диаметр втулки 2,1 см лавролистной формы с сигмовидными полостями в средней части. Ширина 3,8 см в нижней части втулки – отверстие (рис. 5, 4).

Наконечник копья (бронза). Общая длина 15,4 см, ширина 3,6 см. Внутренний диаметр втулки 3,65 см. Лавролистной формы с хорошо оформленным вертикальным ребром вдоль верхней части втулки. В нижней части втулки отверстие (рис. 5, 5).

Зеркало (бронза). Диаметр 12,6 см. Толщина 1,5 см. Дисквидное, с широкой (1,2 см) петлей для подвешивания с тыльной стороны (рис. 5, 6).

Удила (бронза) стремечковидной формы. Длина дужки 9,6 см. Внешние размеры окончатая 2,2 x 1,65 см. Внутренний 1,75 x 1,2 см, диаметр разреза дужки 0,9 см (рис. 5, 7).

Бронзовый нож, общая длина 25 см, ширина 1,8. Диаметр кольцевого отверстия 1,5 см (рис. 5, 10). Спинка прямая, толщиной 0,45 см.

Обломок ножа (бронза). Длина 13,2 см. Ширина 1,4 см, спинка округлая, толщиной 0,4 см. Концевое отверстие на рукояти листовидной формы размером 1,1 x 0,9 см (рис. 5, 8).

Обломок ножа (бронза). Длина 13 см, ширина 1,45 см. Спинка слегка изогнута, толщина 0,5 см. Концевое отверстие на рукояти листовидной формы, размеры 1,6 x 0,7 см (рис. 5, 9).

Для специалистов, вероятно, очевидно, что представленный материал в целом ложится в единый хронологический диапазон VII–VI вв. до н. э., однако даже предварительный анализ указывает на два вероятных вектора сравнительных параллелей, восточный и западный. К первому относится бронзовый меч, наконечник стрелы, зеркала, стремечковидные удила и бронзовые ножи с петелькой для подвешивания на конце ручки. Ко второму – кельт с навершием – втоком и оба наконечника, копьё. Бронзовые мечи с подобными орнаментальными сюжетами, разнонаправленных и направленных друг к другу головами травоядных (баранов, горных козлов, лошадей, кабанов) довольно часто встречаются среди материалов Минусы и Алтая [Горелик, 1933, с. 232, 236, 240, 249]. Наиболее близкая параллель этому экземпляру меч из материалов «Ордосских бронз», где аналогично шадринскому, вдоль рукояти вписаны морды горных козлов направленных друг к другу [Тянь Гуаньцзин, Го Сусинь, Бяньчжун, 1986, рис. 6, 1; 175, 8]. Остальные вышеперечисленные категории вещей с восточными параллелями являются частыми находками в раннесакских памятниках Сарыарки и Восточного Туркестана [Таиров, 2007, рис. 3, 2, 6; 5, 15–17, 50; 6, 48, 54, 58, 59; 7, 1, 2, 32, 33; 11, 26, 32; 12, 56; 13, 12].

Что касается западных параллелей, то все описанные предметы, за исключением навершия – втока, хорошо известны в материалах ананьинской культуры [Збруева, 1952, табл. XX, 5, 12, 13, 20; XXIII, 10–13; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 15, 4a, 4b; 39, 2a; 40, 5; 103, 119, 1a; Кузьминых, 1988, табл. XIII, 16–19; XXI, 13, 14; XXXVII; XXXVIII].

Таким образом, материалы из курганов могильника Кумкуль-2 и коллекция приведенных предметов из Шадринского краеведческого музея своеобразно маркируют наиболее северные границы большого раннесакского горизонта VII – первой половины VI вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Бельтикова Г.В.** Иткульское I городище – место древнего металлургического производства // Проблемы Урало-Сибирской археологии. – Свердловск, 1986. – С. 80–86.
- Бельтикова Г.В.** Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск, 1988. – С. 63–78.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д.** Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск, 1996. – С. 131–140.
- Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д.** Иртяш 14 – погребальный комплекс степных кочевников в зауральской лесостепи // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Сер. «Этногенез уральских народов». – Челябинск, 2006. – С. 225–245.
- Горелик М.В.** Оружие древнего Востока (IV тыс. – IV в. до н. э.). – М.: Наука, 1984. – 184 с.
- Збруева А.В.** История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. – М.: Издательство АН СССР, 1952. – Т. V.
- Кадырбаев М.К.** Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
- Кузьминых С.В.** Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). – М.: Наука, 1983. – 258 с.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.** Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник) – М.: Наука, 1982. – 230 с.
- Переводчикова Е.В.** Скифский звериный стиль как изобразительная система (по материалам Прикубанья) // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. – М.: Институт археологии РАН, 1995. – С. 98–114.
- Таиров А.Д.** Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. – С. 4–205.
- Таиров А.Д.** Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 274 с.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г.** Курган у с. Варна // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. – С. 100–125.
- Тянь Гуаньцзин, Го Сусинь, Бяньчжун.** Эрдосы ши цинтун ци (Бронзы ордосского стиля). – Пекин, 1986.
- Хабдулина М.К.** Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым, 1994. – 170 с.
- Халиков А.Х.** Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). – М.: Наука, 1977. – 266 с.

В. В. Варфоломеев

В. В. Варфоломеев

*Карагандинский государственный университет
им. Е. А. Букетова*

V. V. Varfolomejev

*The Karaganda State University of the name
E.A. Buketov*

E-mail: vicvarfolomeev@mail.ru

Каменные жертвенные кольца на р. Карагайлы в верховьях Ишима

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, проект 0286/ГФ4 «Археологическое и антропологическое исследование раннебегазинского могильника Бада»

Аннотация. В статье впервые в научный оборот вводятся материалы, полученные в ходе раскопок каменных жертвенных выкладок в виде колец на р. Карагайлы. Памятник исследовался в 2011 г. по заданию Государственной инспекции по охране историко-культурного наследия Карагандинской области. Полученные материалы расширяют источниковую базу данных о памятниках раннего железного века региона и свидетельствуют о генетической связи между населением предшествующей и последующей эпох.

Ключевые слова: Карагайлы, эпоха бронзы, ранний железный век, жертвенное кольцо, конское снаряжение.

Stone sacrificial rings on the river Karagayly in the upper reaches of Ishim

Abstract. In the present article materials obtained during the excavation of stone sacrificial constructions in the form of rings on the river Karagayly are introduced in the scientific use for the first time. The monument was explored in 2011 on the instructions of the State Inspectorate for the Protection of the Historical and Cultural Heritage of the Karagandy Region. The obtained materials contribute to the database on the monuments of the early Iron Age of the region and testify to the genetic connection between the population of the preceding and subsequent epochs.

Keywords: Karagayly, the Bronze Age, the Early Iron Age, sacrificial ring, horse equipment.

В 2011 г. по заданию Государственной инспекции по охране историко-культурного наследия Карагандинской области проводились раскопки памятника Карагайлы. Он находится в Осакаровском районе Карагандинской области, в 12,5 км к северу от с. Есиль (до 2004 г. – с. Литвинское), в 0,7 км к западу от трассы пос. Осакаровка – с. Тельманское, в 0,3 км к западу от летнего лагеря Есильского дома-интерната (рис. 1, 1). Расположен на мысу, образованном излучиной правого берега р. Карагайлы (местное название – Каргалы), правого притока р. Ишим. В 0,8 м к ССЗ от памятника Карагайлы находится могильник Кудрявая сопка [Ломан, Кукушкин, 2009].

Состоит памятник из шести каменных сооружений.

Сооружение № 1 – кольцо из некрупных камней, диаметром 8–9 м, ширина кольца около 1–1,5 м, высота 0,1–0,15 м относительно уровня окружающей поверхности. Внутреннее про-

странство кольца густо заросло кизильником и почти без камней, но не исключено, что это – разобранный курган. Другие сооружения – каменные кольца разной степени сохранности.

Сооружение № 2 – каменное кольцо размерами 3 х 3,2 м, вытянутое по линии С–Ю. Сложено из восьми валунов средних размеров, от 0,7 х 0,7 х 0,5 м до 0,8–1 х 0,5 х 0,3 м. Высота валунов от современного уровня от 0,1 до 0,25 м. Вокруг кольца был заложен раскоп площадью 5 х 5 м (рис. 1, 2). Под слоем дерна фиксировался гумусированный темно-коричневый грунт, в восточной части кольца отмечен слой глиняного выкида, залегавшего над гумусированным слоем. В восточном секторе внутренней части кольца у камней встречались мелкие фрагменты кальцинированных костей.

Сооружение № 3 – кольцо размерами 2,7 х 2,9 м, вытянуто в широтном направлении, состоит из восьми камней размерами от 0,5–

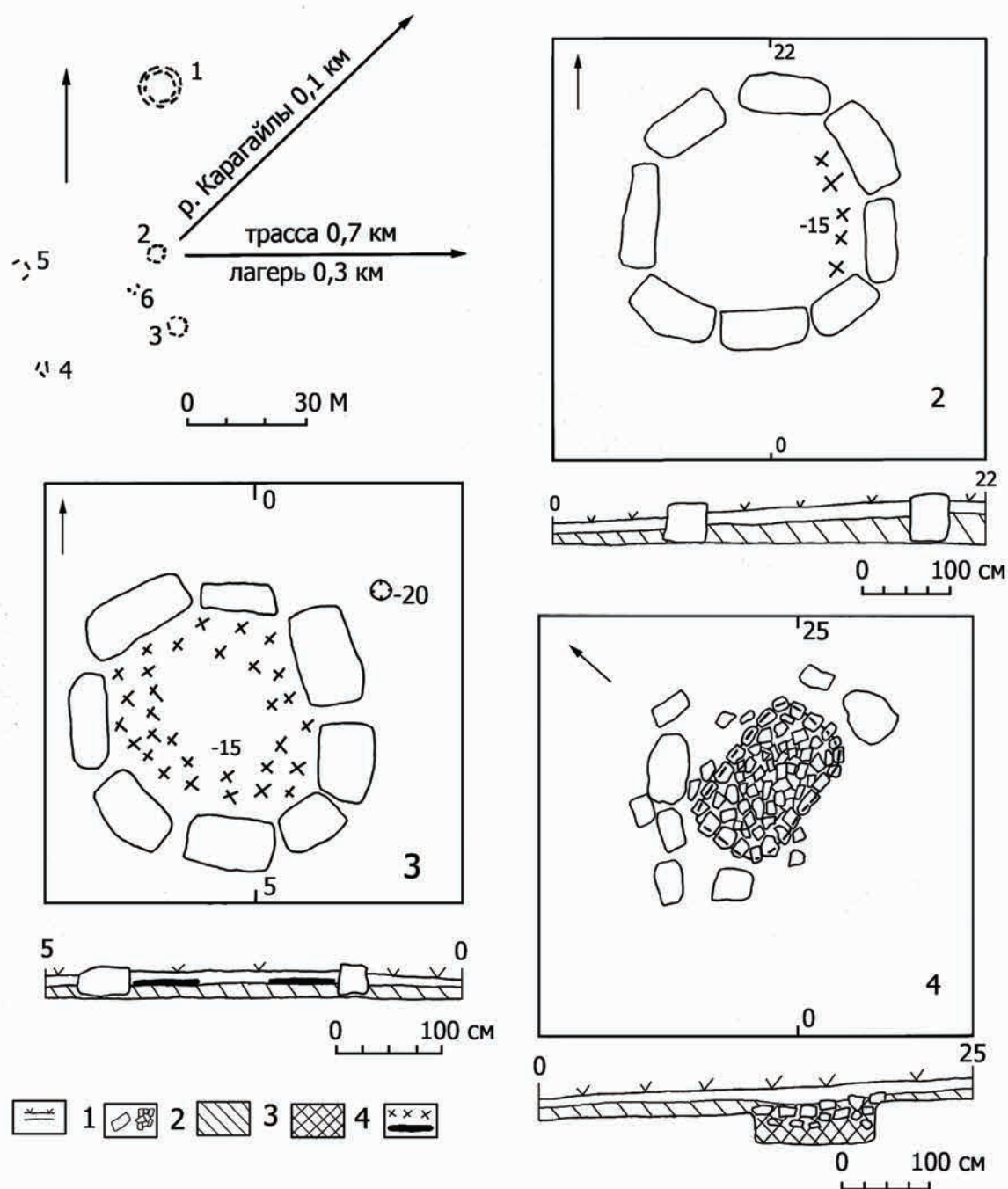

Рис. 1. Карагайлы: 1 – план памятника; 2 – сооружение 2, план и разрез; 3 – сооружение 3, план и разрез; 4 – сооружение 4, план и разрез. Условные обозначения: 1 – дерн, 2 – камни, 3 – коричневый суглинок, 4 – темно-коричневый суглинок, 5 – фрагменты кальцинированных костей и углистая прослойка

0,7 x 0,4 x 0,3 м до 0,3–1 x 0,2–0,4 x 0,5 м. Высота камней над уровнем поверхности от 0,2 до 0,3 м. Исследовано раскопом площадью 4 x 4 м (рис. 1, 3). Под дерном внутри кольца был зафиксирован черный углистый слой около 5 см толщиной, занимавший почти всё внутреннее пространство кольца и содержащий большое количество мелких раздробленных кальцинированных костей. В северо-восточном секторе раскопа, в 30 см от крайнего камня, за кольцом была зафиксирована

ямка диаметром 16 см и глубиной 15 см. В верхнем уровне ямки было найдено шесть скомканных фрагментов золотых пластин (рис. 2), под которыми находились железные предметы (рис. 3).

Сооружение № 4 – разрушенное каменное кольцо диаметром 3,5 м, камни которого были использованы для ограждения каменной выкладки размерами 1,85 x 1,2 м. По краям выкладки камни крупные, в середине – забутовка из окатанных булыжников размером с голову человека и менее.

Внутренние камни выкладки окатаны, вероятно, принесены из русла реки, крупные взяты со скальных обнажений берега. Под камнями забутовки была выявлена грунтовая яма размерами 1,8 x 1,1 м. Выкладка и яма вытянуты в широтном направлении. Глубина ямы от современной поверхности 0,6–0,65 м. Заполнение ямы – темно-коричневый суглинок. В верхнем уровне её заполнения было встречено несколько очень мелких обломков рыхлых костей. В самой яме ничего не найдено.

Сооружение № 5 – прямоугольная ограда, сложенная из валунов средних и небольших размеров, вытянутая по линии ЮЗ–СВ (рис. 4). Юго-западная и юго-восточная стенки ограды отсутствуют. Предположительные размеры ограды 3,4 x 0,95 м.

Сооружение № 6 (названо так условно) – три некрупных камня, лежавших вплотную друг к другу. Под ними и в раскопе вокруг этих камней не найдено ни костей, ни артефактов. Вероятно, это – остатки камней, привезенных для строительства каменных колец.

Хронологическая и культурная атрибуция раскопанных объектов может быть аргументировано установлена только для сооружений №№ 2, 3. Это типичные для ареала памятников сакского времени каменные кольца, атрибутируемые обычно как поминальные или жертвенные комплексы. Они известны как в степях Казахского мелкосопочника [Бейсенов, 2015а], так и за его пределами, в памятниках саков на Тянь-Шане [Табалдыев, 2011, с. 39–41], в пазырыкских комплексах Горного Алтая [Кубарев, 1987, с. 12.] и далее на восток.

Анализ находок

Находки из раскопанных сооружений представлены предметами из железа и золотыми пластинками из ямки у кольца № 3. Было найдено шесть смятых фрагментов золотых листов. С целью выявления орнамента или знаков пластинки были распрямлены, но на них не оказалось никаких следов декора. Пластина 1 размерами 83 x 14 мм, прямоугольной формы. На узких краях пробиты небольшие отверстия подтреугольной формы (рис. 2, 1). Пластина 2 прямоугольной формы (54 x 30 мм), имеется одно отверстие неправильной формы (рис. 2, 3). Пластина 3 неправильной формы, с рваными краями, размерами примерно 20 x 20 мм (рис. 2, 2). Пластина 4 неправильной формы (45 x 10–20 мм), один край

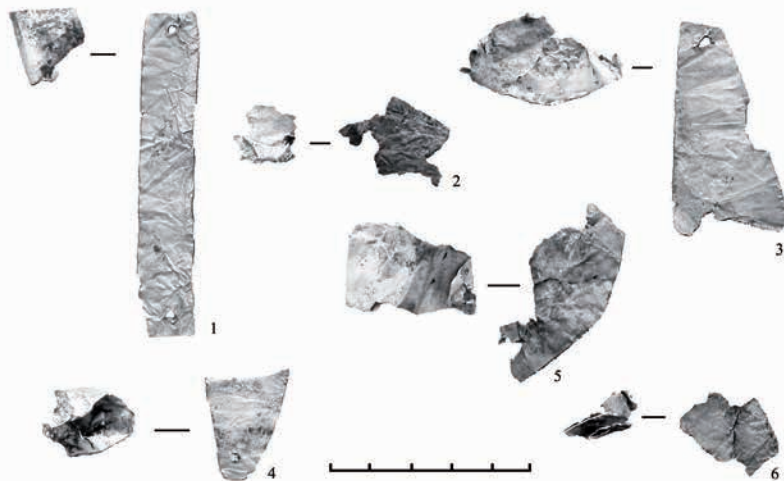

Рис. 2 Находки из ямки у сооружения 3. Золотые пластинки до и после распрямления

скруглен (рис. 2, 5). Пластина 5 подтреугольной формы (25 x 10–20 мм), с одним пробитым отверстием (рис. 3, 4). Пластина 6 неправильной формы (20 x 10–12 мм) (рис. 2, 6). Состояние золотых пластин оставляет впечатление, что они были небрежно и поспешно сняты с деревянных, кожаных или железных изделий, которые они покрывали. Под золотыми пластинами в ямке компактно лежали 11 железных предметов:

1) Бляха с выпуклым щитком диаметром 51 мм, на круглом в сечении стержне высотой 16 мм, диаметром 4 мм. С обратной стороны на ножке крепилась плоская круглая шайба диаметром 52 мм, толщиной 1 мм. Для удержания шайбы свободный конец стержня расклепан (рис. 3, 1);

2) Бляха с выпуклым щитком диаметром 52 мм, на круглом в сечении стержне высотой 17 мм. Диаметр сечения ножки 5 мм. С обратной стороны крепилась плоская круглая шайба диаметром 52 мм, толщиной 1 мм. Для удержания шайбы свободный конец стержня расклепан (рис. 3, 2);

3) Стержень очень плохой сохранности, длиной 72 мм, подпрямоугольный в сечении (рис. 3, 3);

4) Распределитель ремней с выпуклым щитком диаметром 26 мм. Высота предмета 17 мм. Под щитком два сквозных взаимоперпендикулярных четырехугольных отверстия размерами 14 x 5 мм (рис. 3, 4);

5) Распределитель ремней с выпуклым щитком диаметром 25 мм. Высота предмета 17 мм. Под щитком два сквозных взаимоперпендикулярных четырехугольных отверстия размерами 14 x 5 мм (рис. 3, 5);

6) Распределитель ремней с выпуклым щитком диаметром 24 мм. Высота предмета 16 мм.

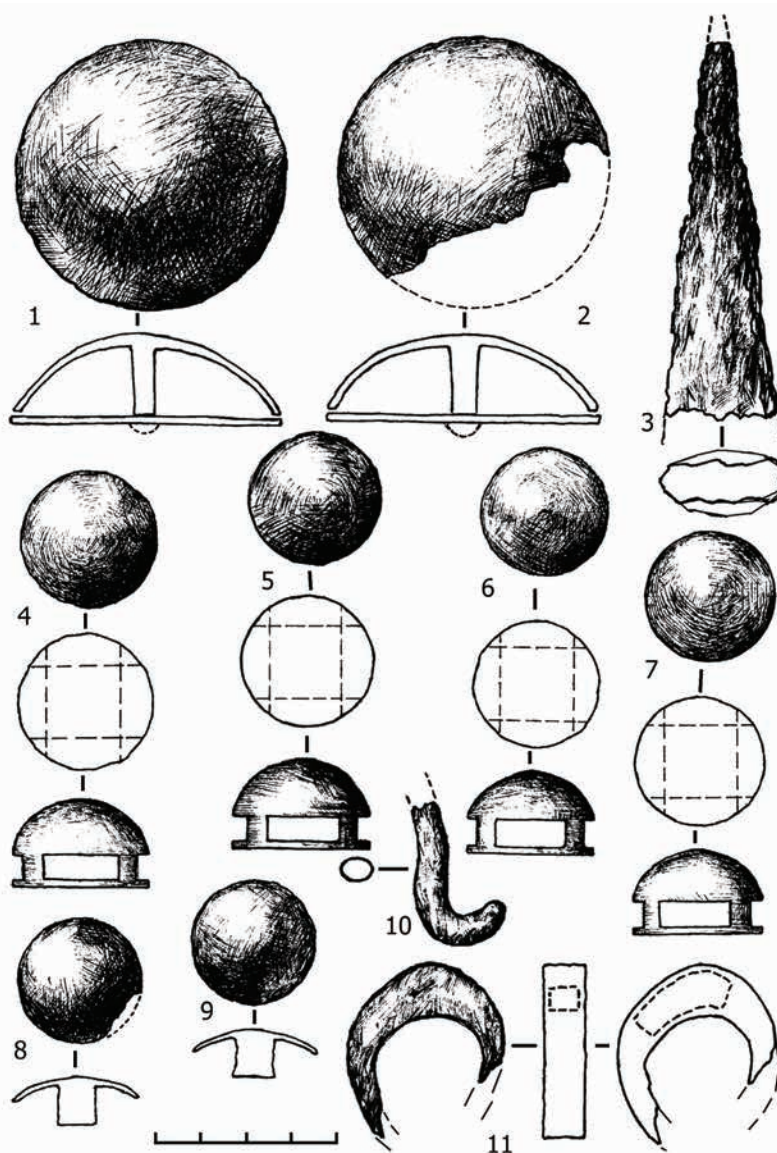

Рис. 3. Предметы из ямки у сооружения 3. Железо

Под щитком два сквозных взаимоперпендикулярных четырехугольных отверстия размерами 14 x 5 мм (рис. 3, 6);

7) Распределитель ремней с выпуклым щитком диаметром 25 мм. Высота предмета 16 мм. Под щитком два сквозных взаимоперпендикулярных четырехугольных отверстия размерами 14 x 5 мм (рис. 3, 7);

8) Бляшка грибовидной формы на округлом в сечении стержне высотой 8 мм, диаметр стержня 7 мм. Поверхность бляшки выпуклая, округлая, диаметром 24 мм (рис. 3, 8);

9) Бляшка грибовидной формы на округлом в сечении стержне высотой 8 мм, диаметр стержня 7 мм, торец слегка расклепан. Поверхность бляшки выпуклая, округлая, диаметром 24 мм (рис. 3, 9);

10) Крюк, сохранившийся частично, изготовлен из овального в сечении прутка, размер

сечения 6 x 4 мм. Сохранившаяся часть крюка длиной 35 мм (рис. 3, 10);

11) Предмет в виде кольца овальной формы, размером 30 x 35 (?) мм. В наиболее широкой части изделия имеется полость, прямоугольная в сечении (6 x 4 мм), длиной примерно 20 мм (рис. 3, 10). Обод (шинка) с нерегулярным сечением, которое изменяется от 10 x 8 мм до 3 x 8 мм.

Некоторые предметы – крюк (рис. 3, 10) и стержень (рис. 3, 3) – плохой сохранности, фрагментированы и поиск аналогий для них затруднен. Не установлено и назначение овального кольца (рис. 3, 10). Возможно, это септум – усмиряющее кольцо в носу быка. Другие изделия имеют аналогии в материалах тасмолинской культуры. Крупные карагайлинские бляхи (рис. 3, 1, 2) конструктивно близки бронзовым пуговицевидным бляшкам из к. 22 мог. Тасмола-1 [Кадырбаев, 1966, с. 315, рис. 8, 4, 5]. Железные распределители ремней (рис. 3, 4–7) близки бронзовым предметам, найденным в к. 19 мог. Тасмола-1 [Кадырбаев, 1966, рис. 8, 7–8]. Грибовидные бляшки, аналогичные карагайлинским (рис. 3, 8, 9)

происходят из погребения к. 9 мог. Карамурун-1 [Кадырбаев, 1966, рис. 66, 49] и из ограды 96Б мог. Акмустафа [Бейсенов, 2015б, с. 114; рис. 3, 8].

Железные бляхи, распределители и бляшки, найденные у сооружения 3, на основании аналогий из тасмолинских памятников следует относить к первому этапу эпохи ранних кочевников Центрального Казахстана, который М. К. Кадырбаев датировал VII–VI вв. до н. э. [Кадырбаев, 1966, с. 311]. Эти предметы были принадлежностями конской сбруи. Все они парные и, вероятно, были положены в ямку у кольца № 3 вместе с кожаными ремнями, на которые и крепились. Приношения сбруйных комплектов – характерное явление для каменных жертвенных сооружений, связанное с поминальными традициями кочевников степной Евразии скифского времени [Бейсенов, 2015а]. Остатки кремированных

костей животных, обнаруженные в кольцах №№ 2 и 3, подтверждают совершение поминальных и жертвенных обрядов на Карагайлы.

Каменные кольца обычно соседствуют с погребальными курганами [Бейсенов, 2015а; Кубарев, 1987, с. 11, 12]. Восьмикаменные кольца Карагайлы не исключение. В 1 км к ЮЗ от колец на пахотном поле находится каменно-земляной курган (d – 30 м, h – ок. 3 м). В центре насыпи кургана – огромная незадернованная воронка глубиной более 2 м и со следами недавних грабительских раскопок. Вероятно, курган и каменные кольца составляли единый погребально-поминальный комплекс тасмолинской культуры.

Каменные кольца, как уже отмечалось, распространены достаточно широко в разных культурах эпохи ранних кочевников. Но происхождение традиции устройства таких поминальников остается не выясненным. А. З. Бейсеновым было высказано предположение о преемственности колец эпохи бронзы и тасмолинских жертвенников [Бейсенов, 2015а, с. 102]. Очевидна функциональная и конструктивная связь с жертвенными кругами эпохи бронзы. Ряд таких кругов исследован и описан в Центральном Казахстане. Обычно это круглые в плане сооружения из восьми-девяти каменных глыб, в том числе из белого кварца. Они невелики по размерам – от 1,5 до 3 м в диаметре. С восточной стороны кольца имели разрыв, обозначавший вход, иногда дорожку, выложенную галькой. Внутри кольца выкапывалась яма глубиной до 0,8 м. В ямах встречаются фрагменты керамики, куранты, слои угля и золы, пережженные кости. В каменном кольце может стоять менгир. А. Х. Маргулан такие каменные кольца датировал андроновским временем [Маргулан и др., 1966, с. 154–159].

В контексте изучения памятников эпохи бронзы, А. Г. Максимова писала о жертвенных местах у аула Канай и с. Трушниково в Восточном Казахстане. В частности, близ поселения Трушниково ею изучены три выкладки. Так, в выкладке № 1 (4 x 4,5 м) до гл. 90 см попадались отдельные обломки сосудов, кости животных, обломки заготовки пряслица, обработанный астрагал и отдельные зольные пятна. В выкладке № 2 (1,5 x 1,25 м) под дерном обнаружилась забутовка из битого камня на гл. до 30 см. Примечательно то, что здесь от внутренней поверхности круга отходили конструктивные элементы наподобие лучей длиной около 0,5 м и шириной около 1 м. Один луч ориентирован на СВ, другой – на Ю. В лучах, по описанию А. Г. Максимовой, найдены

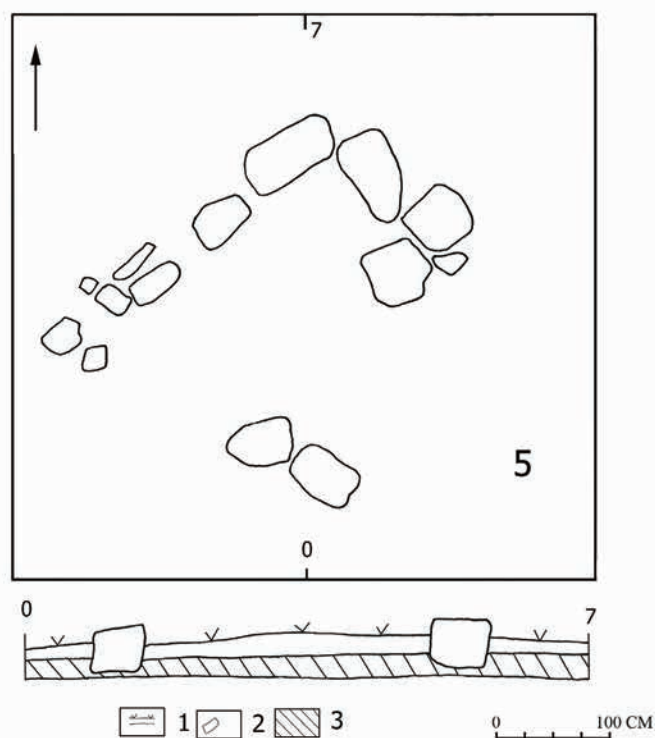

Рис. 4. Карагайлы. Сооружение 5, план и разрез. Условные обозначения: 1 – дерн, 2 – камни, 3 – коричневый суглинок

обломки куранта и песта. После снятия забутовки (до гл. 90 см) попадались фрагменты сосудов, кости животных, голова козленка (?) и отдельные зольные пятна. В выкладке № 3 (диаметр 1,5 м), на гл. 70 см вырисовались дополнительно камни, лежащие как бы кругом. Из находок выявлена привеска из кости (амулет?), а также на гл. от 70 до 90 см встречались зольные пятна, фрагменты сосудов и кости животных [Максимова, 1959, с. 108; рис. 5; табл. XX, 3, 10–12].

Судя по фотографии [Максимова, 1959, рис. 5], трушниковское кольцо № 2 аналогично двум каменным кольцам, раскопанным в бегазы-дандыбаевском (саргаринско-алексеевском) могильнике Донгал. Кольцо № 1 (1,9 x 1,7 м) состоит из семи камней, лежащих в слое дерна. Оно несколько вытянуто по линии С–Ю. Кольцо № 2 (1,8 x 1,7 м) – овальное, сложено из восьми камней. Находок нет [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 51; с. 113, рис. 12].

К бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) культуре относится каменное кольцо из «Большой ограды» поселения Кент. Размеры ограды (по центральным внешним осям) 42 x 57 м. В северо-западной стене отмечен вход в ограду в виде разрыва шириной 2,5 м, к одному из краев которого перпендикулярно к стене примыкает наружный ряд камней, длиной 4 м. В квадрате Б-3 (камера «А») было обнаружено

кольцо из девяти камней, лежавших на золистом слое, на высоте 0,2 м от материка. Внутренний диаметр кольца – 1,25 м. В золистом слое внутри кольца были найдены фрагменты керамики, несколько мелких обломков обгорелых костей, небольшой каменный диск. В кольце были обнаружены остатки конусовидного основания деревянного столба, возвышавшиеся над ее краем на 3–4 см. Столб подпирался двумя камнями, находившимися в противоположной половине ямки. Под одним из камней северной части кольца был найден роговой орнаментированный «жезл». К северу от кольца над слоем золы найдены бронзовые нож, шило, наконечник стрелы, втульчатое тесло, каменные зернотерки, два роговых псаля [Варфоломеев, 2011]. Все находки стратиграфически соотносятся с каменным кольцом. Аналогии предметам из кольца позволяют относить их

к средней фазе эпохи поздней бронзы Казахстана или к XIII–XII вв. до н. э. Это кольцо – единственное, которое надежно атрибутировано хронологически и культурно.

Таким образом, поиск аналогий жертвенным кольцам с р. Карагайлы среди памятников бронзового века Центрального и Восточного Казахстана позволяет заключить, что традиция устраивать анализируемые каменные поминальные сооружения существовала, по крайней мере, с периода поздней бронзы. Дальнейшие исследования в этом направлении, безусловно, принесут новые интересные данные. Памятники в виде жертвенных каменных колец – нить, связывающая культуры населения эпохи поздней бронзы и раннего железного века степей Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейсенов А.З.** Околокурганские жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник ТомГУ. История. 2015а. № 4 (36). – С. 96–104.
- Бейсенов А.З.** Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник ТомГУ. История. 2015б. № 3 (35). – С. 111–122.
- Варфоломеев В.В.** Кент – город бронзового века. Новые исследования в эпоху независимости // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011): сб. научн. статей. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2011. – С. 85–97.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В.** Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. – 138 с.
- Кадырбаев М.К.** Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.
- Ломан В.Г., Кукушкин И.А.** Могильник Кудрявая Сопка 1 // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: «Маргулановские чтения–2008». – Караганда: КарГУ, 2009. – С. 91–96.
- Максимова А.Г.** Эпоха бронзы Восточного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7. Археология. – 1959. – С. 86–139.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука. 1966. – 434 с.
- Табалдыев К.Ш.** Древние памятники Тянь-Шаня. – Бишкек: V.R.S. Company. – 2011. – 320 с.

В. С. Волошин

В. С. Волошин
 ТОО «Алтын-Орта», г. Астана
V. S. Voloshin
 "Altyn-Orta" LLP, Astana
 E-mail: voloshin49@list.ru

Стоянка-мастерская каменного века Ижевская-6

Аннотация. В статье описаны материалы открытой стоянки-мастерской каменного века Ижевская-6 в верховьях Ишима (Аршалинский район, Ақмолинская область). Материал разделен на три хронологические группы, возрастом: первая — палеолит, вторая (основная) — средний-поздний неолит, третья — энеолит — эпоха бронзы. Материалу каждой из групп приведены аналогии с других памятников Казахстана. Сделан вывод, что технико-типологические слагаемые индустрии основной серии идентичны саякскому комплексу, возраст которого традиционно принимается как позднепалеолитический. Предлагается пересмотреть возраст Саяка и уже выработанную практику аргументации культурной эволюции на заключительных этапах палеолита Казахстана.

Ключевые слова: палеолит, неолит, артефакт, бифас, голоцен.

Izhevskaya-6 – a production site of the Stone Age

Abstract. The article describes materials from the Izhevskaya-6, a production site of the Stone Age, discovered in the upper reaches of the Ishim river (Arshaly District, Akmola Oblast). The materials are divided into three age groups: 1st — Paleolithic, 2nd (the main) — Middle-Late Neolithic, 3rd — Eneolithic – Bronze Age. The material of each group is supplied with analogues from other sites in Kazakhstan. Conclusion is drawn that the technique and typological components of the assemblage of the main group are identical to the Sayak complex, whose age is traditionally assumed as that of Late Paleolithic. It is proposed to reconsider the age of Sayak as well as the established practice of reasoning on the cultural evolution at the final stages of the Paleolithic in Kazakhstan.

Keywords: paleolithic, neolithic, artifact, biface, Holocene.

Стоянка-мастерская Ижевская-6 расположена на правом берегу Вячеславского водохранилища напротив Ижевского птицекомплекса (Аршалинский район, Ақмолинская область). В данном месте прослеживается невысокая сопочная гряда, являющаяся частью выработанного на правобережье Ишима рельефа приречного мелкосопочника, отпрепарированного из-под покрова неогеновых отложений в позднем плиоцене — нижнем плейстоцене. Памятник приурочен к северной части гряды, осевая часть которой прямо на месте памятника непосредственно соприкасается с берегом водохранилища и подмывается последним, формируя невысокий уступ возле отмели. Памятник был обнаружен в 1998 г., тогда же были произведены сборы подъемного инвентаря.

Обследование показало, что археологический материал (каменные артефакты) на нем залегают на склоне сопки на месте выхода на поверхность темно-серого ороговикованного

алевролита девона, многочисленные кливажированные обломки которого со следами обработки наблюдаются в средней части склона на месте основных сборов в пункте VI, а также в пункте II возле полевой дороги (табл. 1). В основании сопки и на отмели (пункты I, IV, V) аналогичный археологический материал находится в переотложенном состоянии. В пункте III (в обрыве берега) три артефакта были извлечены из основания гумусированной супеси на глубине 35 см, залегающей на коре выветривания. По характеру внешней поверхности они не отличаются от основной массы артефактов, и, вероятно, залежали в состоянии, близком к первоначальному. Здесь присутствуют заготовка небольшого, вероятно, двойного торцевого нуклеуса с вогнутой оформленной площадкой (рис. 3, 3), заготовка одноплощадочного плоскостного нуклеуса для отщепов, а также наковальня из плоского валунчика серого песчаника со следами круговой обработки небольшими

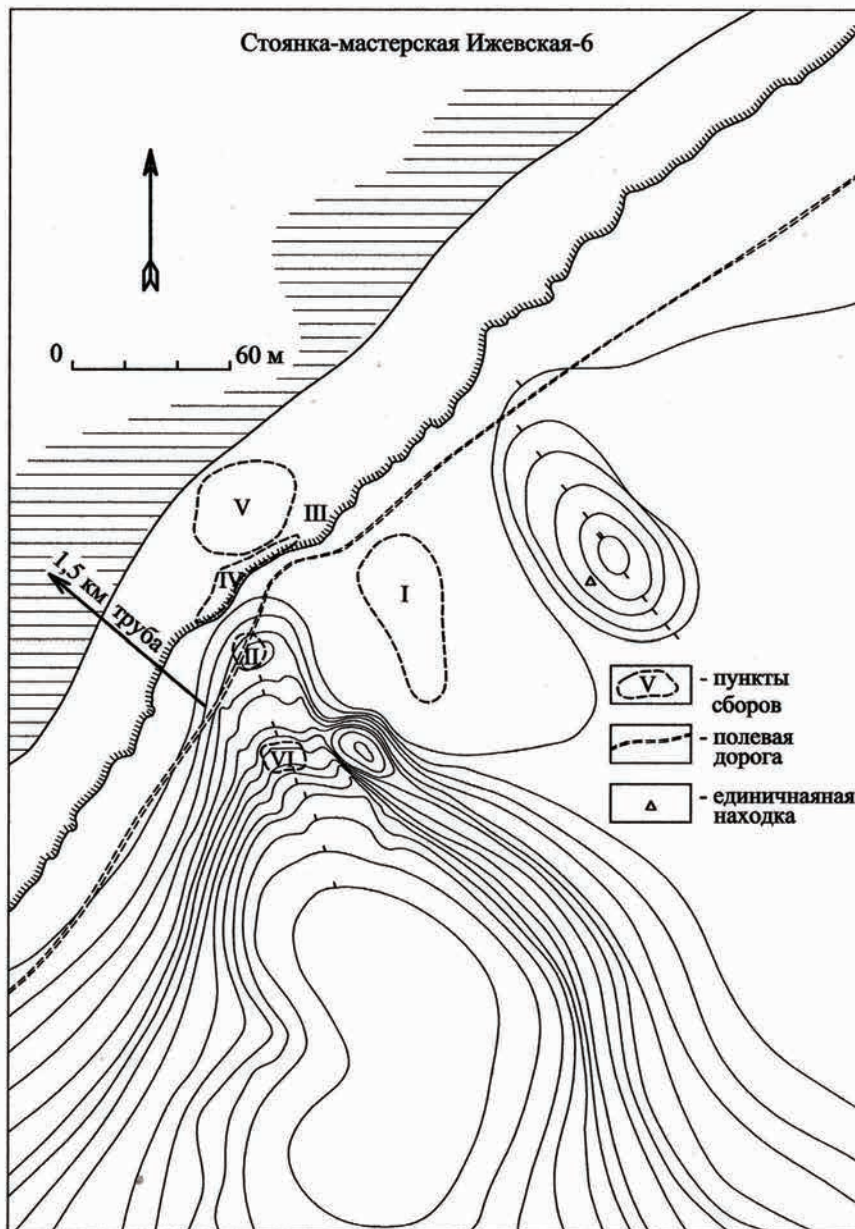

Табл. 1. Ижевская-6, план

фасами и с многочисленными отметинами ударов с обеих сторон. Рядом на отмели среди прочих артефактов был обнаружен характерный для неолита крупный скребок из отщепы кремнистой брекчии. Можно предположить, что немногим севернее нынешнего берегового обрыва на поверхности размытой теперь террасы некогда располагалось поселение древнего человека, одновременно мастерской на сопке.

Коллекция из сборов на памятнике насчитывает 271 предмет. Основная масса материала (247 экз.) представлена артефактами с незначительной степенью химического выветривания и механической коррозии поверхностей. Темно-серый цвет здесь изменен на светло-серый, ко-

ричневатый, «свежий излом» — на гладкую, либо шероховатую ячеистую поверхность, острые ребра — на слегка и даже более заглаженные. Часты случаи, когда разные стороны одного и того же артефакта, обычно, нижняя и верхняя поверхности, относительно значительно различаются между собой по степени сохранности и цвету, что в общем и неудивительно, если принять во внимание особенность сырья — кремнистый алевролит легко поддается различным агентам внешнего воздействия. Несмотря на всяческие попытки, нам так и не удалось расчленить данную группу по степени сохранности на две «хронологические» серии; главной причиной стало отсутствие предметов с четкими и убедительными следами суперпозиции фасов.

От основной группы материала легко отделяется более поздняя небольшая группа артефактов (22 экз.) со «свежими» поверхностями обработки; это разделение четко контролируется серией случаев «суперпозиции фасов». Еще одна, более древняя группа находок (2 экз.) характеризуется высокой степенью эоловой коррозии поверхностей и бесспорно относится к палеолиту. Таким образом, на памятнике выделено три хронологических серии находок, причем между древней серией и основной чувствуется некоторая лакуна. На близком расположенном крупном местонахождении Вишневка-4 данная лакуна заполнена одной или двумя сериями находок, характеризующихся средней и сильной степенью химического выветривания и механической коррозии поверхностей.

К древней группе (эолово-корродированные артефакты) относится массивный одноплос-

дочный плоскостной нуклеус укороченных пропорций со скошенной натуральной площадкой и утонченным двухсторонними фасадами основанием. На широком фронте наблюдаются четыре негатива целевых отщепных снятий. Другой артефакт представляет собой миниатюрное зубчато-ретушированное орудие из плиточки.

Среди основной группы (271 экз.) доминируют нуклеусы (40,1%). За немногочисленным исключением здесь представлены нуклеусы в начальной стадии утилизации, либо заготовки и фрагменты, что свойственно мастерским. Характерно разнообразие форм и использованных приемов обработки и расщепления. Выделены следующие группы нуклеусов.

Одноплощадочные плоскостные нуклеусы укороченных пропорций — 14 экз. Почти половина из них подверглась той или иной степени оформления: приготовление ударной площадки, фронтальной и тыльной сторон фасадами с боков и от основания. Несколько изделий несут на фронте негативы целевых снятий.

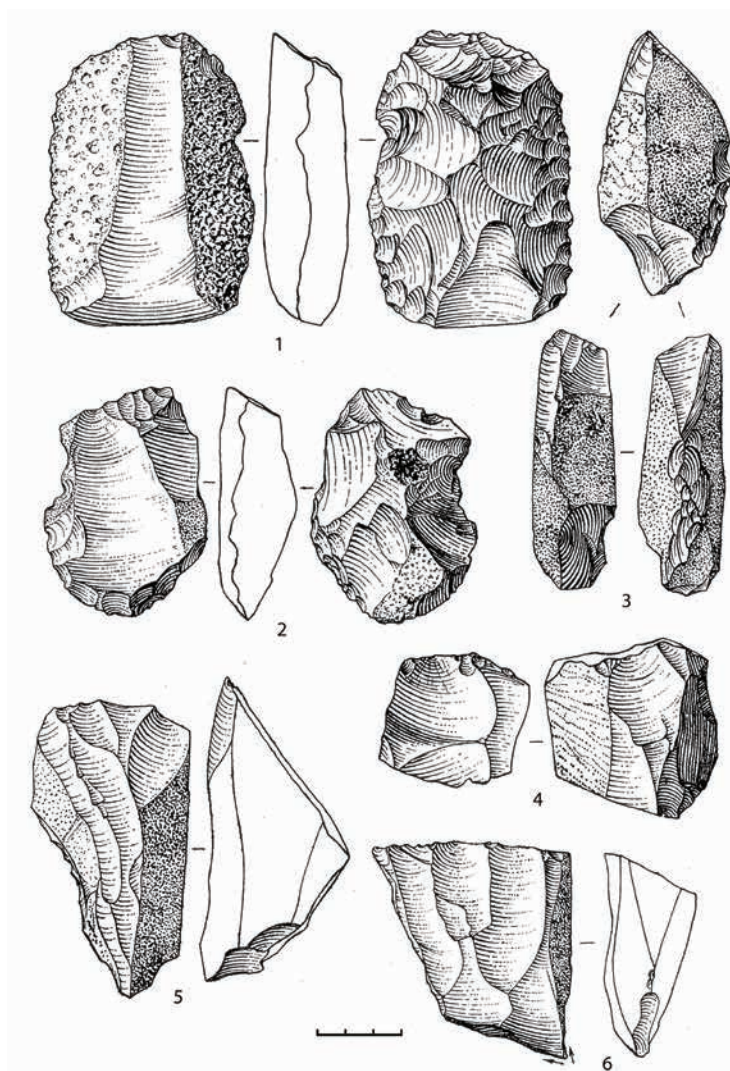

Рис. 1. Ижевская-6. Каменные изделия

Одноплощадочные плоскостные нуклеусы коротких и удлиненных пропорций — 16 экз. Это одна из выразительных групп нуклеусов. Здесь наблюдается более тщательное оформление изделий, в частности уплощение систематическими фасадами тыльной стороны нуклеуса (рис. 1, 1). Несколько изделий определенно леваллуазские для отщепов, оформленные по всему периметру двухсторонними фасадами (рис. 1, 2). Другие являются заготовками леваллуазских, столь же тщательно оформленными (рис. 2, 1, 3). Третьи близки к протопризматическим нуклеусам (рис. 1, 6). У данного изделия на нижнем углу оформлен угловой резец с поперечной кромкой. Еще у одного экземпляра в основании двумя фасадами оформлена диагональная резцевидная кромка. Почти половина нуклеусов данной группы являются заготовками, либо несут на фронте один негатив целевого снятия.

Двухплощадочные нуклеусы — 13 экз. Среди них есть укороченные одно- и двухсторонние, короткие и удлиненные, бочонковидные со встречным расщеплением (рис. 1, 4). Площадки часто прямые и скошенные фасетированные. У пяти изделий на ударной площадке тщательной ретушью приготовлена миниатюрная «шапо», ориентированная для снятия по фронтальному ребру либо оси предшествующего скола основного (целевого) скола (рис. 2, 7).

Торцовые-краевые нуклеусы — 15 экз. Более половины из них являются заготовками, оформленными одно-двухсторонними фасадами из кливажированных обломков породы. Лучшая из них имеет подтреугольную форму и вогнутую фасетированную площадку (рис. 3, 3). У одного изделия на боковом краю наблюдается встречное расщепление — снятие пластин с приготовленных скошенных площадок. Характерно разнообразие в приготовлении площадок, в частности любопытно оформление площадки в форме небольшой глубокой фасетированной выемки со смежным выступом — прием, вероятно, удобный для использования посредника при расщеплении. Использовался также прием намеренного уплощения корпуса нуклеуса латеральными фасадами от площадки. У нескольких нуклеусов утончению подверглось основание, у других — тыльный край (рис. 1, 3).

Клиновидные нуклеусы — 20 экз. Преобладают короткие клиновидные нуклеусы (16 экз.) с одно-двухсторонним клином в равной степени на боковом дугообразном краю или в основании (рис. 2, 4, 6). У трех изделий клин оформлен тщательной односторонней чешуйчатой ретушью «под скребло» (рис. 2, 9). У последнего изделия, а также еще у одного специальной крутой односторонней обработкой заготовки придавалась форма широкого сегмента с фронтальным прямым обушком и клином в основании. Ударные площадки нуклеусов оформлялись по-разному: чаще всего, боковыми снятиями от латерали, реже — удлиненными снятиями от фронтального края. Как и у торцовых нуклеусов часто использовался прием утончения корпуса заготовки латеральными фасами от площадки. Среди укороченных клиновидных нуклеусов (4 экз.) у трех изделий клин односторонний: в одних случаях широкий дугообразный или с выступом, в других — узкий на тыльном боковом краю (рис. 2, 5). У одного массивного нуклеуса с широким сечением основанием клин узкий двухсторонний, охватывает только небольшой участок на тыльном боковом краю. Среди клиновидных нуклеусов нет ни одного изделия с правильной пластинчатой фронтальной огранкой; большая их часть представляют собой заготовки. У других на фронте наблюдаются негативы отщепов (рис. 2, 5) или пластинчатых отщепов (рис. 2, 4), заломившихся неправильных пластин, что явилось, вероятно, результатом отбора на памятнике лучшей продукции.

Одноплощадочные нуклеусы для расщепления под острым углом — 7 экз. Данная форма нуклеуса предусматривала особые правила оформления площадки и фронта; последний на заготовке выделялся в виде широкого выступа, образующего на краю площадки «скребловидное лезвие». При расщеплении этот выступ использовался для пластинчатых снятий (рис. 1, 5).

Нуклеусы с различными комбинациями расщепления — 4 экз. Здесь сочетались приемы расщепления в продольном и поперечном направлениях с одной-двух сторон, а также торцового скалывания.

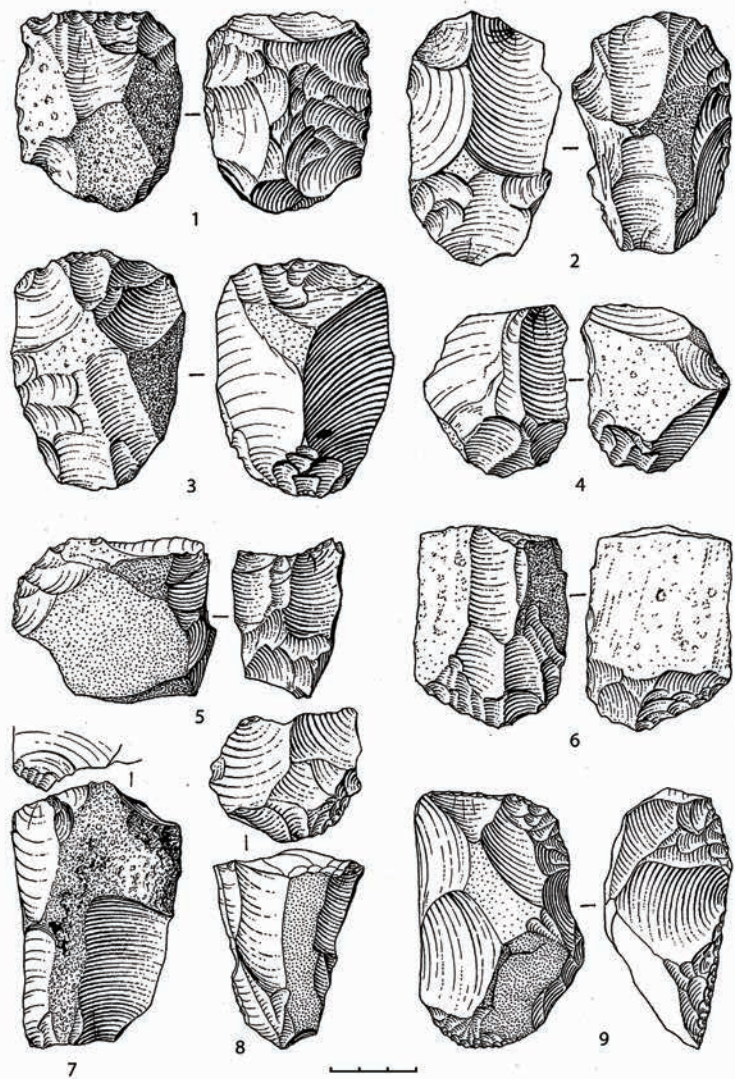

Рис. 2. Ижевская-6. Каменные изделия

Дисковидные и овальные нуклеусы — 3 экз. Это одно-двухсторонние нуклеусы с почти круговой площадкой, у которых фронтальная сторона обычно более уплощенная, чем тыльная; последняя у образца (рис. 2, 2) подверглась обработке фасами по всему периметру.

Нуклеусы в форме одностороннего чоппера — 1 экз. У небольшого образца снятие отщепов производилось от обратной ровной плоскости кливажа (рис. 3, 1).

Конусовидные нуклеусы для пластин — 1 экз. Образец в начальной стадии утилизации имеет прямую фасетированную площадку, на фронте — заломившиеся негативы пластинчатых снятий; при расщеплении использовался посредник (рис. 2, 8).

Нуклеусы-полиэдры — 2 экз. У данной формы нуклеусов расщепление велось в различных направлениях, и в качестве площадок использовались фасы и ребра от предшествующих снятий. У одного небольшого образца была приготовлена

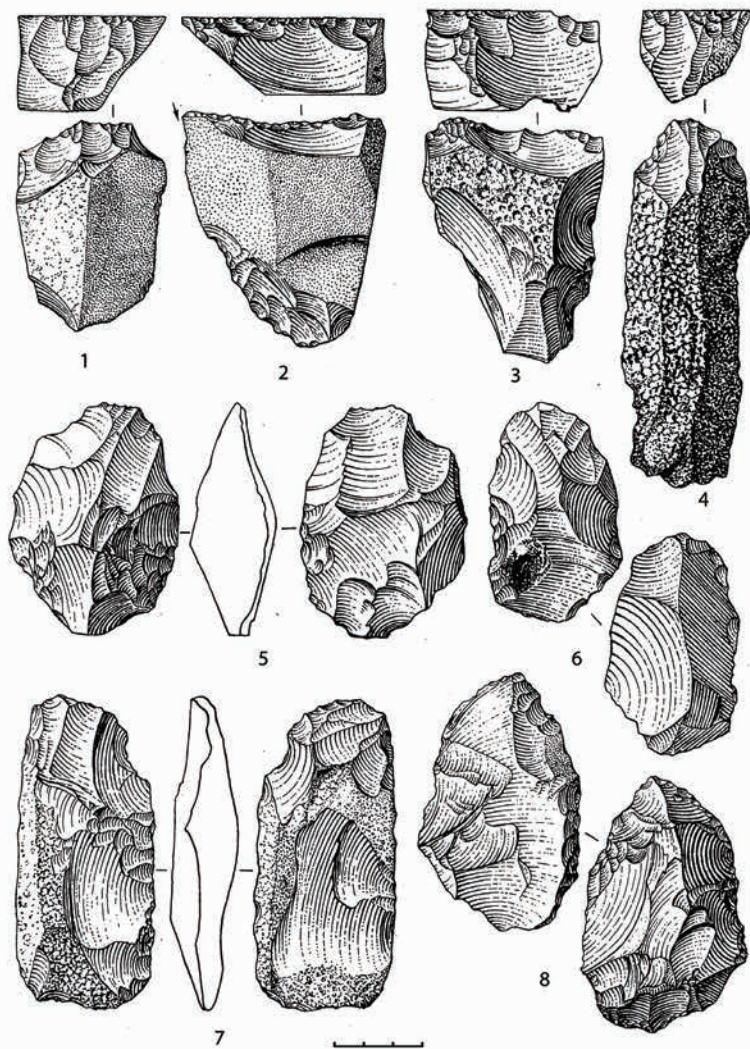

Рис. 3. Ижевская-6. Каменные изделия

миниатюрная «шапо», предназначенная для снятия укороченного отщепа.

Неопределенные нуклеовидные предметы с отдельными фасадами на краях — 4 экз.

Группа изделий с вторичной обработкой насчитывает 77 экз. (31%). Она разделена на две подгруппы — орудия из плиток и обломков (23 экз.) и из отщепов и пластин (54 экз.).

Среди первых обращают на себя внимание небольшой овальный бифас с долотовидным лезвием на окончании (рис. 3, 5), небольшой неправильно-овальный бифас со слегка извилистыми боковыми краями (рис. 3, 6), плоский заостренный бифас с обработанной скошенной пяткой и изломанным альтернативной ретушью краем (рис. 3, 8). Последнее изделие немного повреждено от ретуши более поздней серии. Имеются также фрагмент удлиненно-овального бифаса с извилистыми боковыми краями, заготовка небольшого овального плоского бифаса и заготовка более крупного удлиненного орудия с

уточненным основанием, вероятно, наконечника копья. В коллекции есть также два топора: один крупный высокой трапециевидной формы из кливажированной плитки, асимметричное лезвие которого было обработано небольшими односторонними фасадами; другой — заготовка небольшого и плоского топорика удлиненной подпрямоугольной формы (рис. 3, 7). Отдельную группу составляют долотовидные орудия или струги (7 экз.). Среди них наиболее выразительны односторонне ретушированные орудия типа концевой скребка карене (рис. 3, 4) и подтреугольное изделие с широким вогнутым лезвием (рис. 3, 2); у последнего на углу коротким краевым сколом оформлена поперечная резовая кромка. У других орудий лезвие ретушировалось с одной или двух сторон, было ровным или зубчатым, высоким или низким; сами изделия оформлялись фасадами на краях. В одном случае двухстороннее долотовидное лезвие было приготовлено на фронтальном краю остаточного площадочного нуклеуса. Из других орудий из обломков отметим следующие: два фрагмента боковых скребел с двухсторонне обработанным

лезвием, одно обушковое боковое крупнозубчатое орудие, один клетонский анкош, одно скребловидное-резцевидное орудие и два обломка породы с неясной обработкой. Сюда же относится отмеченная выше наковальня из плоского валунчика.

Группа орудий из отщепов и пластин (54 экз.) достаточно невыразительна: здесь отсутствуют типичные формы скребел, скребков и резцов, ретушь изделий обычно не стандартная, неровная, зубчатая и выемчатая, дорзальная, вентральная или же альтернативная. Здесь присутствует один отщеп леваллуа (рис. 4, 1), один короткий асимметричный остроконечник, пять одинарных боковых скребловидных орудий (рис. 4, 8–9), шесть орудий со скребковым выступом, пять угловых резчиков, два выемчато-ретушированных и два зубчатых орудия, три резцевидных орудия (рис. 4, 7). Имеется шесть орудий с рабочим элементом «неровное скребущее лезвие» (рис. 4, 4). Больше всего орудий с острым, режущим лезви-

ем напротив обушка или с привершинной площадкой (8 экз.). Характерны также комбинированные орудия — их семь экз. (рис. 4, 2, 6). Имеется также два орудия с выступами и три отщеп с ретушью. Среди изделий из пластин (3 экз.) имеется небольшая пластина с выступами на окончаниях (рис. 4, 5), среднее сечение обушковой пластины с острым боковым краем (рис. 4, 3) и пластина с частичной ретушью. В целом, отщепно-пластинчатая группа орудий Ижевской-6 близка индустриям Баршин-3 [Волошин, 1982] и Дузоке-3 [Волошин, 2011].

Кроме орудий с вторичной обработкой к основной группе принадлежат отщепы (61 экз.), длинные двухсторонние реберчатые пластины (2 шт.) и обломки со следами обработки (8 экз.).

Третья хронологическая группа (22 экз.) представлена нуклеусами (6 экз.), бифасами (2 экз.), орудиями из обломков (3 экз.), орудиями из отщепов и пластин (4 экз.), отщепами и пластинами (7 экз.). Среди нуклеусов — два продольных краевых, два одноплощадочных укороченных, одна заготовка; еще один нуклеус представляет собой крупный и массивный выразительный овальный бифас с усеченным прямым окончанием, т. е. заготовка какого-то специфического ядрища. Среди бифасов — неправильно-овальный бифас с долотовидным окончанием и верхняя часть плосковыпуклого в сечении бифаса. Среди орудий из обломков — выразительный частично-бифасный топор высокой трапецевидной формы, слегка ассиметричный (изготовлен из плоского окатыша серого песчаника); узкий удлиненный и плоский топорик с одним боковым обушком (из плитки красного алевролита) и орудие с комбинацией долотовидного лезвия и резца на углу заготовки. Среди орудий из отщепов-пластин — выразительный концевой короткий скребок из крупного отщепы с заполированностью лезвия от использования, отщеп с дорзально-ретушированным шипом на углу, угловой резчик из сечения пластины и выразительный скребок с дугообразным лезвием из отщепы пестроцветной кремнистой брекчии.

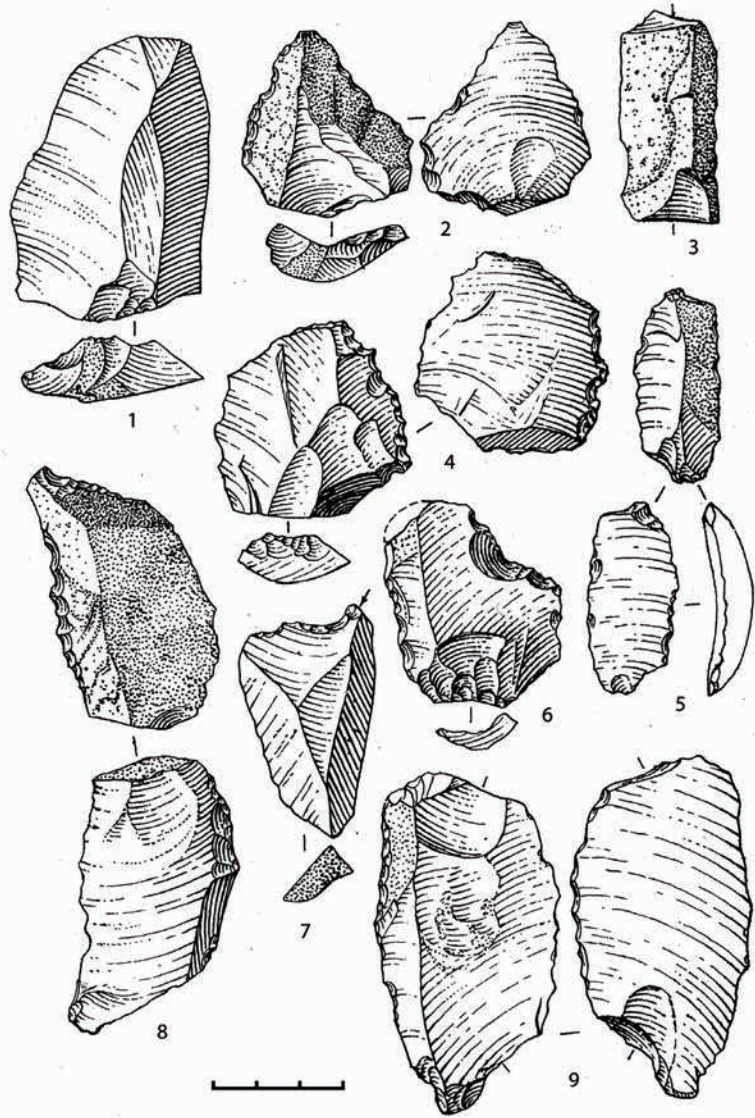

Рис. 4. Ижевская-6. Каменные изделия

Оценивая возраст выделенных групп Ижевской-6, отметим, что палеолитический возраст древней группы у нас не вызывает сомнений. Что касается третьей группы, то учитывая аналогии с богатыми материалами открытых стоянок-мастерских на кварцитах Старого Экибастуза, а также стратифицированного памятника Тургеневка в верховьях Ишима, можно не сомневаться, что возраст данной группы будет в пределах энеолита-эпохи бронзы. Отдельной проблемой является возраст основной группы. Для нее характерно сочетание в технике расщепления нуклеусов площадочных плоскостных, в том числе леваллуазских, а также торцовых, клиновидных и конусовидных; наличие двухсторонне-обработанных орудий и достаточно аморфного орудийного комплекса из отщепов и пластин. Все эти характеристики отвечают так называемому саякскому комплексу позднего палеолита [Медоев, 1982]. Сходство здесь букваль-

но до деталей [Деревянко и др., 1993; Артюхова и др., 2001; Деревянко и др., 2003]. Вместе с тем, у Ижевской-6 имеются бесспорные аналогии с материалом из верхнего культурного горизонта стоянки Вишневка-1, заключенного в гумусированные суглинки голоцена на поверхности террасы Ишима. Имеются также аналогии с памятником Курома-12 в Левобережном Прииртышье. Здесь сходный инвентарь на кварците с поправками на производственно-хозяйственные аспекты памятника происходит из слоя бурого суглинка (древняя каштановая почва) голоцена; последний перекрывает раннеолитический горизонт [Волошин, 2006]. Учитывая данные аналогии, считаем возможным отнести основную группу Ижевской-6 к среднему и позднему неолиту.

Считаем необходимым также отметить, что позднепалеолитический возраст саякского комплекса, который сейчас используется в культурно-эволюционных построениях [Деревянко и др., 2003, с. 119], далеко не бесспорен, поскольку опирается на материалы с открытых памятников. Один из его необходимых компонентов — двухсторонние орудия (бифасы, рубила, наконечники копий) — отсутствует, например, в позднепалеолитических слоях Майбулака [Таймагамбетов, Ожерельев, 2005], а также на двух «жилых поверхностях» Ангрэнсора-2 в Левобережном Прииртышье. Возраст последних мы оцениваем в пределах позднеледниковье–пребореал. С другой стороны, двухсторонние орудия, в том

числе бифасы и рубильца, имеются в неолитических слоях стоянок Караганда-15 и 27, а также в средне-позднеолитических слоях Жанбобека-4. На многослойном памятнике Шидерты-3 они отсутствуют в слоях мезолита и раннего неолита, впервые появляются в среднем неолите (слой 2а), имеются в слое 2 позднего неолита и достигают расцвета в энеолитическом слое 1а [Мерц, 2008]. Близкая картина прослеживается и с использованием элементов леваллуазской технологии — последнее является составной частью многих голоценовых индустрий Сарыарки, например, в неолите Вишневки-1 и Жанбобека-4.

Здесь мы далеки от того, чтобы вовсе отрицать наличие в «слабодефлированной серии» (равно как и в «среднедефлированной серии») элементов и образцов позднего палеолита, также, как и саму идею эволюции в Сарыарке культуры среднего палеолита в культуру позднего палеолита. Речь идет о другом — о том, что на открытых местонахождениях Сарыарки с кремнистым алевролитом и другими легкодоступными для выветривания сырьевыми породами основная масса материала данной серии относится на самом деле к голоцену, и скорее всего, не к самому раннему его этапу. Это обстоятельство требует пересмотра всей выработанной уже аргументации по культурной эволюции на заключительных этапах палеолита Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

- Артюхова О.А., Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – 119 с.
- Волошин В.С. Местонахождение каменного века Баршин 3 в Тенгизской степи // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. – Караганда: КарГУ, 1982. – С. 42–57.
- Волошин В.С. Палеолитическая стоянка-мастерская Дузоке 3 // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. – Вып. 3. – С. 199–211.
- Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу Пункт 2, Ранний – поздний палеолит). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1993. – 114 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Славинский В.С. Каменный век Казахстана. Исследования российско-казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998–2001). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – 183 с.
- Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1982. – 51 с.
- Мерц В.К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2008. – 26 с.
- Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Первая многослойная палеолитическая стоянка Майбулак в Жетысу // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 188–189.

**Л. Гераськова,
И. Пыслару**

Л. Гераськова¹, И. Пыслару²

¹г. Киев; ²г. Мангалия

L. Geraskova¹, I. Pyslaru²

¹Kiev, e-mail:lsg2007@mail.ru;

²Mangalia, e-mail:pslr2007@gmail.com

А. Х. Маргулан и проблемы изучения монументальной скульптуры древних тюрков, кыпчаков и половцев

Аннотация. Открытие уникальной половецкой статуи, изображающей «мадонну» с младенцем на груди, стало тем счастливым случаем, который свел нас с казахским академиком Аликеем Хакановичем Маргуланом. Среди научных интересов исследователя была и монументальная скульптура средневековых тюркоязычных кочевников. К научному наследию А. Х. Маргулана сегодня обращаются специалисты, занимающиеся изучением средневековых изваяний, а также более ранними памятниками. Тем не менее, и до сего времени в изучении скульптуры существуют некоторые проблемы: семантика, материал, художественные особенности, наличие школ и мастерских. Их решение требует комплексного подхода специалистов из разных областей знания. В данной работе мы предложили обратить особое внимание на буддийское влияние в монументальной скульптуре.

Ключевые слова: тюрки, кыпчаки, половцы, скульптура, семантика, материалы, художественные особенности.

A. H. Margulan and problems in study of the monumental sculpture of the ancient Turks, Kypchak and Polovtsian

Abstract. After opening first unique Polovtsian statues “Madonna” with the baby on the breast we was have a happy occasion that brought us together with the Kazakh academician Alikei Khakan Margulan. The monumental sculpture of the medieval Turkic-speaking nomads was among the scientific interests of researcher. The scientific heritage by A. Kh. Margulan has today seek many professionals involved in the study of medieval statues and monuments of the earlier time. However, in the study of sculpture, until this time exist some problems: semantics, materials, artistic features, availability of schools and workshops. Their solution requires an integrated approach specialists from different fields of knowledge. In this paper, we proposed to pay special attention to exist of the Buddhist influence in monumental sculpture.

Keywords: the ancient Turks, Kipchak, Polovtsi, monumental sculpture, semantics, materials, artistic features.

Всё началось в далеком 1971 году после того, как в разрушенном кургане возле села Чернухино Перевальского района Луганской области была обнаружена удивительная каменная скульптура, изображающая женскую фигуру. Она выполнена из твёрдого кварцевого песчаника с вкраплениями крупных зёрен кремня и кварца. Размеры ее 1,3 x 0,45 x 0,26 м (рис. 1). Несмотря на повреждения, скульптура даёт нам ясное представление о её первоначальном виде¹.

На голове у неё шапочка-колпачок, украшенная по краю широкой лентой, орнаментированной вертикальными насечками. Поверх колпачка надет ещё один головной убор, узкий язык которого спускается на лоб и широкой лопастью прикрывает затылок. К лопасти прикреплена застёжка в виде двух квадратов, а на спине лопасть

разделяется на две узкие, заострённые к концам полосы (косы?). От макушки к плечам идут, обрамляя голову, два роговидных украшения. Лицо широкое, с выдающимися скулами. Брови и нос изображены в виде Т-образной фигуры. Рот небольшой, с пухлыми губами. Серьги крупные, круглые, с тремя подвесками. Вокруг шеи – ожерелье из подвесок такого же типа и формы, что и у серёжек. Ниже ожерелья – массивная витая гривна. Статуя изображена в облегающем фигуру кафтане. Рукава кафтана оканчиваются на запястьях узкими манжетами. По плечам и предплечьям проходит плавно изгибающаяся, украшенная полукруглыми фестонами нашивка или «пелерина». Сзади видны зубчатые следы этой «пелерины».

По талии кафтан перепоясан широким гладким поясом; ниже талии он спускается тремя

Рис. 1. Статуя из с. Чернухино

ноги наоборот, короткие; на длинном тельце намечены груди и подчеркнут, как и у матери, признак пола. Ребёнок, несомненно, девочка. Руки женщины не касаются ребёнка, но держат сосуд, дно которого немного шире горла [Писларий, Филатов, 1972; Гераськова, 1974; 1991; Плетнева, 1974].

О находке появились сообщения в местной и центральной союзной прессе, после чего мы получили письмо из Казахстана. Нам писал академик Аликей Хаканович Маргулан, который на протяжении нескольких десятилетий проводил исследования памятников древнего искусства в Центральном Казахстане. Среди обнаруженных им памятников немалое количество составляли каменные средневековые изваяния. Они широко распространены по всему Казахстану и, по словам академика, они лучше всего сохранились в Центральном Казахстане и Жетысу/Семиречье.

фестонами, средний из которых имеет форму овальной лопасти. Бёдра женской фигуры изображены обнаженными, на ногах сапоги с острыми наконечниками. Грудь, как и у преимущественно большинства женских половецких изваяний, открыта. На животе, под грудью изображён младенец. Ребёнок лежит поперёк живота матери, головой касаясь правой груди, а левой рукой держится за левую грудь. Поза его неестественна для сосущего младенца – он изображён в разворот, лицом к зрителю. Руки у него слишком длинные,

Ареал их тянется от верховьев р. Тургай и гор Улытау на восток – через всю территорию Сарыарки – до Алтая и Тарбагатай. На юге их много в горных долинах Каратау, предгорьях Северного Тянь-Шаня и в Жетысу, в долинах рек Талас и Шу/Чу [Маргулан, 2004, с. 36].

И думается, что внимание Аликея Хакановича к нашей находке было привлечено неслучайно. Исследователя интересовало более подробное описание статуи и условий находки. Также он просил прислать ему рисунки и фотографии найденной статуи. Она очень отличалась от каменных изваяний Казахстана. По словам Аликея Хакановича, изваяния Казахстана имеют много общего с изваяниями Южной Сибири и Монголии и представляют собой вытесанные из камня человеческие фигуры, для создания которых древние ваятели применяли породы камня: гранит, диорит, сиенит, габбро, песчаник, мергель, сланцы, диабаз, которыми богат район Сарыарка, где проводил свои экспедиции академик А. Х. Маргулан. Мы выполнили просьбу академика А. Х. Маргулана, но в дальнейшем эту связь, к сожалению, мы не смогли далее продолжать. Оказанное нам казахским академиком внимание способствовало лучшему пониманию важности изучения монументальной скульптуры средневековых кочевников, что привело нас к необходимости усилить поиски новых каменных изваяний. Считалось, что средневековые каменные скульптуры на территории Восточной Европы очень отличаются от аналогичных скульптур, распространенных на обширных пространствах азиатских степей в Южной Сибири, Казахстане, Алтае и Монголии.

Однако, найденные нами ранее изваяния (рис. 2) у сел Красный Кут и у Провалье², а также у г. Свердловска³ убедили нас в том, что эта ситуация намного сложнее, чем представлялось ранее [Писларий, Филатов, 1972; Гераськова, 1973]. Эти изваяния имеют сходство с изваяниями известными в Восточном и Центральном Казахстане.

Изваяния Казахстана, по словам А. Х. Маргулана, имеют много общего с изваяниями Южной Сибири и Монголии, среди которых кроме изваяний дотюркского времени в виде высоких, грубо обработанных столбов четырехгранных форм, установленных у насыпных холмов и курганов, исследователь выделяет: изваяния эпохи Тюркского каганата, врытые в землю у прямоугольных оградок с восточной стороны и представляющие портреты прославленных воинов, племенных вождей или представителей высшей военной аристократии.

Как правило, на изваяниях времени древних тюрков изображен воин с его атрибутами – сабля, кинжал или меч, а также пояс и чаша, которую воин держит в правой руке, левая же рука опирается на рукоятку меча, сабли, кинжала или на

Рис. 2. Изваяния дополовецкого времени Лугаңицины

пояс. Для изваяний представителей знати характерны другие детали – пучок волос *айдар* на макушке и серьги.

По мнению А. Х. Маргулана, каменные изваяния времен карлуков (VIII–IX вв.) и кыпчаков (X–XIII вв.) ставились у погребальных сооружений типа квадратных каменных выкладок (VIII–IX вв.) или курганов (X–XIII вв.), но балбалы уже не ставились. На мужских изваяниях отсутствуют изображения военных доспехов, но при этом сохраняются некоторые этнографические детали – чаша изобилия, айдар, длинные усы и борода. Сосуды на изваяниях имеют цилиндрическую форму и поддерживаются руками на уровне живота.

В кыпчакское время появляются женские каменные изваяния, причем, это только скульптурные портреты. На женских изваяниях ритуальные чаши отсутствуют [Маргулан, 2004]. Идея выделения кыпчакской скульптуры была поддержана последующими исследователями из Казахстана и России.

Большинство изваяний, введенных в научный оборот Аликеем Хакановичем, были оставлены древними тюрками и кыпчаками. Среди изваяний есть т. н. балбалы – простые каменные столбики без изображения человеческого лица, которые служили элементами мемориальных комплексов (их число на разных мемориалах колеблется от 10 до 200 экз.). Такие памятники, по мнению исследователя, устанавливались для увековечения памяти погибших воинов и прославления их военных подвигов (129 экз.).

Интерес Аликея Хакановича к монументальным памятникам средневековья был неслучаен и в меру своих возможностей он подверг анализу найденные им более 50 изваяний в районе Сарыарки и Улытау. По технике обработки А. Х. Маргулан разделил их на изваяния примитивные с едва намеченным подобием лица и туловища человека, а также круглую скульптуру, с хорошей моделировкой лица и фигуры, тщательной отделкой деталей одежды, прически и атрибутов.

Справедливости ради, надо сказать, что скульптура не была основным объектом исследований Аликея Хакановича и тем не менее, некоторые его наблюдения и выводы заслуживают самого пристального внимания. Выделение им в среде Западно-Тюркского каганата кыпчакских изваяний было воспринято последующими исследователями Казахстана и России. К научному наследию, оставленному А. Х. Маргуланом, сегодня обращаются специалисты, занимающиеся изучением средневековых изваяний, а также более ранними памятниками [Ермоленко, Касенова, 2014, с. 20–23].

Скульптура средневековых тюркоязычных кочевников, как ни одна другая область археологических памятников, пользуется постоянным вниманием исследователей вот уже на протяжении более полутора столетий. Ей посвящены многие сотни монографий, статей, публикаций и заметок⁴.

Однако, несмотря на это, и по сей день, спустя полтора века, многие вопросы в изучении данной скульптуры остаются нерешенными и невыясненными. Среди важнейших проблем остаются такие как наличие художественных школ, материалы, место и техника изготовления, система пропорций, этнокультурная атрибуция статуй, их семантика и др. Ниже мы попытаемся охарактеризовать отдельные аспекты названных проблем, наметить пути их исследования и предложить некоторые соображения в их решении.

Необходимость обращения внимания на художественные особенности тюркских и половецких статуй важно потому, что в них находят отражение культурное и религиозное содержание, а также влияния или культурные заимствования у других народов. А среди таковых в некоторых образцах скульптуры средневековых тюрко-язычных кочевников просматриваются греко-индийские и китайские мировоззренческие и художественные традиции, выраженные с помощью буддистской иконографии, на чем мы остановимся ниже.

Археологам при изучении статуарных памятников часто приходится брать на себя выполнение работ, которую должны делать специалисты из других областей знаний. Происходит как в пословице: «И чтец, и жнец, и на дуде игрец».

Археологи выступают в качестве геологов и петрографов, когда определяют материал, из которого сделано произведение; в качестве антропологов, когда судят о расовом типе изображенных; в качестве искусствоведов, рассуждая об иконографических и эстетических достоинствах памятников. Как результат, в большинстве случаев определения данные археологами требуют серьезного уточнения и корректировки. Тем не менее, такое положение имеет и объективное объяснение.

Открывая немалое количество памятников искусства от палеолита до позднего средневековья, археологи не обладают необходимой специальной подготовкой для полноценного и всестороннего их исследования. Казалось бы, что этим должны заняться искусствоведы, но те, однако, обходили стороной изучение памятников «примитивного» первобытного, древнего и средневекового искусства. Необходимость тесного сотрудничества археологии с другими науками, в том числе с искусствоведением, минералогией, петрографией и др. очевидна, равно как и потребность подготовки научных кадров, способных квалифицированно подходить к изучению особых археологических памятников – произведений искусства. Складывается впечатление, что этой проблеме не уделяют соответствующего внимания академические и образовательные учреждения⁵.

Вряд ли есть необходимость говорить о целесообразности применения в изучении памятников искусства соответствующих понятий и терминов, выработанных в области искусствознания. И потому, прежде чем перейти к рассмотрению поднятой темы, кратко коснёмся понятийного и терминологического аппарата, необходимого археологам в работах, посвящённых изучению па-

мятников камнерезного искусства средневековых тюрко-язычных кочевников.

Поскольку, судя по публикациям, посвященных монументальному искусству средневековых тюрко-язычных кочевников речь идет почти исключительно об изваяниях, то и обратимся для начала к такому виду памятников искусства как скульптура.

Начиная разговор о ней, следует указать, что здесь мы должны охватить такие аспекты, касающиеся данной отрасли искусства как: виды и жанры скульптуры, выразительные средства скульптуры – объем, силуэт, пропорции, светотень, фактура, материал, цвет.

Скульптура (лат. *sculptura* от *sculpta* – высекаю, вырезаю) как вид изобразительного искусства, основан на принципе объёмного трёхмерного изображения. По способу изображения в скульптуре выделяют несколько категорий или видов: круглая объемная скульптура. Среди типов круглой объемной скульптуры различают бюсты и статуи. Бюст представляет объёмное изображение головы или головы с частью груди.

В скульптуре надо различать станковую и монументальную скульптуру. А среди жанров скульптуры портрет, исторические, мифологические, бытовые, символические, аллегорические изображения, а также изображения животных.

Произведения *станковой скульптуры* – это образ близкий к натуре, независимый от среды, с размерами близкими к натуре или несколько меньше её.

Монументальная скульптура – это памятники, монументы и мемориалы больших размеров тесно связанных с архитектурной средой. Эта скульптура вписывается в архитектурно-пространственное или природное окружение и имеет крупные масштабы. Её создают в честь

значительных исторических событий или в память знаменитых личностей. Такая скульптура, как правило, является организующим моментом архитектурных ансамблей. Монументальной скульптуре, как одному из древнейших видов скульптуры, вначале было присуще культовое значение, а позднее она приобрела мемориальное значение, обращенная как к современникам, так и к будущим поколениям.

Важной частью монументальной скульптуры является *мемориальная скульптура* или портрет. Поскольку эта скульптура должна сохранить навечно память об изображаемой личности, то скульпторы выбирают подходящие для этой цели особые материалы: твердые кристаллические или метаморфи-

Рис. 3 Каменные изваяния из Казахстана

зованные горные породы, гарантирующие долговечность не только памятника, но и памяти об усопшем.

Для скульптурного образа важны такие выразительные средства как композиция, построение объёма формы, моделировка, силуэт, ритм, движение, фактура, материал и цвет. Под композицией понимается взаимное расположение частей. Для построения композиции очень важны – поза, жест и атрибуты изображаемого персонажа. Неслучайно исследователи скульптуры обращают внимание на позу изображаемого персонажа. Когда скульптор был ограничен в выборе позы, то в этом случае он располагал широким диапазоном для выбора жестов. Язык жестов более понятен. Жестами человек выражает свои эмоции. Именно жест служит важнейшим средством передачи движения в скульптуре, поскольку в течение столетий были выработаны определенные жесты-символы, выражающие клятву, призыв, проклятие, покаяние, скорбь и др.

Анализируя скульптуру, исследователи обращают внимание на изображение элементов одежды, что даёт, по их мнению, возможность для более детальных определений этнической и культурной принадлежности изображенных. В то же время ритм драпировок, жестов, разворот фигуры в пространстве определяют композицию скульптуры. Композиция скульптуры замыкается силуэтом и контуром.

Силуэт является очень важным для скульптурного произведения, поскольку именно силуэт «читается» с большого расстояния и выражает главное содержание памятника. Через силуэт скульптор передает характер движения, выраженного позой и жестом.

Скульптуры иногда имеют пьедестал или постамент, придающие особый смысл композиции скульптуры, отражая иерархические представления, с помощью которых может быть раскрыто значение памятника. Особенно важную роль для скульптурного портрета приобретает постамент в случаях, когда изображается лишь голова человека, погрудное или поясное изображение фигуры (рис. 4). В античном греческом искусстве такое произведение называют гермой⁶. В описаниях древнетюркских изваяний исследователи называют их

каменными столбами с изображением головы, а иногда головы и отдельных частей тела.

В камнерезном искусстве кроме описанных выше категорий скульптуры различают произведения, которые относят к категории рельефа. Такие произведения полностью зависят от плоскости, а изображения не обладают полной объемной формой. Для рельефных изображений характерным является погружение фигуры в плоский фон. В случаях, когда изображение выступает на одну треть над фоном, то данный рельеф называют низким рельефом или барельефом. А когда изображение выступает над фоном более чем наполовину из плоскости, то его называют высоким рельефом или горельефом. Если же рельеф углублен в фон, то тогда такое изображение называют врезным рельефом или контррельефом.

Существует достаточно большое количество памятников искусства, выполненных на каменных плитах, блоках, валунах. В тех случаях, когда на них изображены отдельные животные или их группы, сцены охоты или другие сюжеты, то исследователи называют их петроглифами. Однако, в случаях, когда на них изображены личины или человеческие лица, археологи предпочитают использовать термин «изваяние». Современное же понимание термина «петроглифы» определяется как рисунок на скалах, а также на специально установленных камнях.

Для скульптурного произведения едва ли не важнейшим условием было соблюдение пропорций, которые были основаны на каких-то мерных единицах, которыми пользовались древние мастера⁷. Благодаря изучению пропорций

Рис. 4. Гермы. 1 – Греция; 2, 3 – Алтай; 4 – Луганица

становится возможным выделение определенных художественных школ и направлений, а также и отдельных мастерских. Процесс ваяния средневековыми мастерами естественно должен был опираться на определенную размерно-пространственную структуру (далее – РПС, прим. – авт.), выражавшуюся через соразмерности и пропорции. Она, будучи по сути модульной структурой, подразумевает существование у кочевнических скульпторов некоего эталона измерения. Как правило, исследование объектов искусства не должно ограничиваться геометрической абстракцией, и обязательно включает вопрос о мере соотношения с человеком. Поэтому естественно, что РПС включает понятие масштаба или же пропорции и соразмерности, но определенные в связи с размерами человека. Потому нами было предложено и изучение пропорций, поскольку благодаря им возможно устанавливать размеры частей и целого в отношении одного к другому [Geraskova, 1989; Гераськова, 1991].

Пропорции художественного произведения не сводятся к констатации обнаруженных произвольным приемом соотношений размеров. Они имеют вполне конкретное значение и выступают как связь частей внутри единого целого, в котором движение от размера к размеру, объединяет соразмерности и строит ритмы членений. Пропорция – основа гармонии. Установить пропорцию – значит раскрыть закономерность.

Немаловажную роль для лучшего художественного восприятия скульптуры мастера использовали светотень, проявляющуюся при отражении света на выпуклостях и впадинах поверхности, что является результатом моделирования формы.

Приемы светотеневой моделировки тесно связаны с фактурой поверхности материала. Применяя различные способы обработки поверхностей, мастер придавал скульптуре особые качества. Так, работая с мрамором, скульпторы с помощью насечек выявляли кристаллическую породу камня, а шлифуя и полируя поверхности, добивались его прозрачности.

Рассмотрим материалы, применявшиеся средневековыми мастерами для создания своих скульптурных произведений. Среди них зачастую встречаются твердые горные породы с крупной кристаллической структурой – граниты разных цветов, гнейсы, базальты, песчаники, сланцы и другие. Есть и таковые среди произведений монументальной скульптуры, для изготовления которых были использованы мрамор и дерево. Однако, справедливости ради следует сказать, что в работах, посвященных каменным изваяниям средневековых тюрко-язычных кочевников зачастую о породах использованных материалов публикуемых памятников сведений не приводится.

Древние мастера, естественно, вынуждены были, исходя из размеров камня, подчинять им свои произведения. От конструктивных возможностей материала зависели соразмерности и пропорции. Материал диктовал мастеру предельные размеры произведений и технологию их обработки. От свойств используемого камня зависела высота и другие параметры скульптуры кочевников. Проанализировав весь известный объем средневековой скульптуры евразийских степей по материалу, из которого они изготовлены и увязав их с определенными геологическими районами нами были выделены несколько регионов их сосредоточения, в т. ч. и для Казахстана [Гераськова, 1999].

Говоря о технике исполнения произведений камнерезного искусства, необходимо учитывать два различных этапа: 1 – поиск и определение мест для добычи необходимых материалов, будь то карьеры или естественные россыпи, месторождения, где мастера добывали или находили подходящие заготовки для изготовления памятников; 2 – предварительная и финальная обработка произведений камнерезного искусства. Они заключались в проведении таких операций как ваяние, рубка/высекание (для произведений из камня) и резание (для дерева). Ваяние основано на удалении лишнего материала. Мастер как бы высвобождает из камня или дерева свое произведение. Естественно, что разные по твердости материалы требовали различного и в то же время специализированного инструментария.

Поскольку начало традиции возведения каменных изваяний у средневековых тюрко-язычных кочевников связывается с древними тюрками, то будет резонно начать наш анализ с рассмотрения этих памятников. Обратимся к фундаментальным работам, к которым апеллируют, как правило, многие исследователи.

Первая сводная публикация по каменным изваяниям Южной Сибири была подготовлена М. П. Грязновым и Е. Р. Шнейдером [Грязнов, Шнейдер 1929]. С. В. Киселев при анализе статуй Южной Сибири исходил из степени их рельефности, разделив оные на две группы – плоские и округлые [Киселев, 1951, с. 528].

А вот Л. А. Евтюхова в своем монографическом исследовании, вышедшем в 1952 г., описала 102 изваяния по районам (Алтай – 29 экз.; Тыва – 44 экз.; Хакассия – 6 экз.; Монголия – 23 экз.). Исследовав статуи по уровню моделирования их форм, она выделила три группы: 1 – примитивные, обтесанные каменные плиты либо столбы с нанесенными на них изображениями, либо одной головы, либо с дополнениями отдельных частей тела, главным образом рук человека; 2 – примитивные, но уже скульптурные изображения с относительно разработанными рельефными деталями головы человека; 3 – скульптурные изо-

бражения в качестве фигур людей [Евтюхова, 1952, с. 113]. Однако все названные формы нельзя считать вполне реалистическими. Все они отличаются некоторой схематичностью в трактовке человеческих черт.

Как можно заметить, типы выделены автором на основе объемности и способа обработки материалов, использованных для создания произведений искусства. При этом, определение материалов весьма далеко от совершенства. Так многие изваяния, по словам автора, были сделаны «из плоской плиты», «из камня», «из четырехгранного каменного столба», «из валуна» и т. п. И только семь изваяний выполнены «в виде круглой скульптуры». Таким образом, из 92 описанных памятников сведения о материале отсутствуют для 41 экз. Среди материала, использованного для изготовления изображений, автор указывает на следующие: сланцы (6 экз.), граниты (27 экз.), мрамор (2 экз.) и песчаник (3 экз.). О возрасте и происхождении указанных материалов у автора имеется лишь два квазинаучных определения: «серый девонский песчаник» и «красный девонский песчаник». Простые наименования – сланец, гранит, песчаник, мрамор являются настолько общими, что трудно себе представить о каких именно горных породах идет речь. К примеру, в районе Тывы известны мраморизованные известняки и мраморы, относимые к различным геологическим проявлениям чартысской, нарынской, балыктыг-хемской свит, а также мраморы кувайской серии и сульфидизированные, скарнированные, окварцованные мраморы. О каких мраморах или мраморовидных известняках идет речь – неизвестно.

Такая же картина с гранитами, песчаниками и сланцами, которые имеют большое разнообразие. Эта ситуация говорит о том, что при изучении и определении материалов, из которых были исполнены изображения, специалисты геологи не были привлечены. По этой причине указанные горные породы не могут быть сопоставлены с существующими локальными выходами пород и их месторождениями и местами распространения. А это лишает нас возможности определить место происхождения материала, из которого выполнены статуарные памятники и трудно судить о том, привезены ли памятники в уже готовом виде или они обрабатывались на месте их установки.

А. Н. Бернштам, используя такие же, как и у Л. А. Евтюховой основания, выделил четыре группы среди статуй Жетысу: 1 – схематический рисунок на плоской плите; 2 – статуи с объемной головой и схематическим изображением торса; 3 – статуи, приближенные к подлинному рельефу, где выпукло переданы и детали лица; 4 – монументальная скульптура [Бернштам, 1952, с. 145].

Общая технологическая черта, положенная в основу выше приведенных классификаций, дала

исследователям возможность получить результаты, на базе которых был сделан вывод о путях развития камнерезного искусства от гравирования к круглой скульптуре. Итак, на основе данных классификаций, будто бы, становится возможным проследить уровень и степень скульптурного мастерства средневековых ваятелей. Однако, понять вопрос эволюции скульптуры, опираясь только на технику изготовления, затруднительно, хотя этот фактор и необходимо учитывать.

Важным признаком скульптуры, на который обратил внимание Я. А. Шер, явилась иконография. Анализируя иконографию статуй Жетысу, он разделил их на шесть групп: 1 – мужские с сосудом в правой руке и оружием; 2 – мужские и неопределенные статуи с сосудом в правой руке и без оружия; 3 – статуи с изображением только лица либо головы человека; 4 – статуи с птицами; 5 – мужские статуи с сосудом в обеих руках; 6 – женские статуи с сосудом в обеих руках. По хронологическому принципу исследователь объединил их в две группы или два хронологических типа. Первый тип (группы 1–3) он датировал VI–VIII ст., а второй тип (группы 5, 6) – VIII–X ст. [Шер, 1966, с. 25].

На две хронологические группы разделил средневековую скульптуру с территории Тывы Л. Р. Кызласов. Статуи VI–VIII ст. – «все фигуры высечены с руками, которые держат в одной руке (обыкновенно правой) сосуд для питья». Статуи VIII–X ст. – «это более реалистичные, значительно старательнее изготовленные скульптуры мужчин» [Кызласов, 1969, с. 32, 80].

Беря во внимание всё вышеуказанное разнообразие скульптуры средневековых кочевников, мы пришли к выводу, что скульптура средневековых кочевников, и в частности половцев, может быть описана с помощью пяти признаков, имеющих альтернативные значения: 1) «полнота изображения» (полное - частичное); 2) изображение фона (с фоном - без фона); 3) «наличие рук» (с руками - без рук); 4) «положение рук» (асимметричное - симметричное); 5) «поза» (стоящие - сидящие).

Проанализировав изваяния по указанным признакам, мы пришли к убеждению, что средневековая скульптура европейских степей, ранее определяемая как половецкая, проявляет сходство по всем ведущим признакам со скульптурой азиатских степей. Потому в своей классификации мы выделили группу изваяний, которую обозначили как массив Ае, и которая, с одной стороны, по многим признакам близка азиатской, и с другой стороны, совершенно несходна с остальной скульптурой восточно-европейских степей. Это дало нам возможность сделать вывод, что европейские статуи массива Ае не могут быть половецкими, но их можно относить к кругу древнетюркской пластики [Гераськова, 1982; 1991] и ко-

торые могут сегодня рассматриваться как маркер западной границы Западно-тюркского каганата.

Сравнивая статуи тюркского времени и статуи оставленные половцами, следует отметить и существенную разницу между ними. Она проявляется как в величине статуй, так и в характере изображений, в качестве и уровне художественной обработки. Однако, как показали проведенные нами статистико-математические исследования пропорций, все исследованные скульптуры обладали некими пропорциональными соотношениями, использовавшимися при их изготовлении [Гераськова, Пожидаев, 1982; Geraskova, 1989].

Процесс выбора пропорций для изображения человеческого тела, как мы отмечали, зависел в определенной мере от размеров блока, из которого выались статуи, а изображение элементов одежды и предметов от физических свойств используемого скульптурного материала⁸. Нами было обращено особое внимание на материал, из которого изготавливались статуи [Гераськова, 1980; Гераськова, Багно, 1981]. Мы также установили, что в половецкое время на территории европейских степей, и в частности на Донбассе, для производства скульптур уже велась карьерная добыча камня [Гераськова, Багно, 1981, с. 126-127], в то время, как для изготовления скульптуры азиатских степей средневековые тюркские мастера использовали случайные камни, которые, как правило, представляли собой валуны или отдельные отколотые природные блоки горных пород. В подтверждение этого приведем слова исследователя каменных изваяний Алтая В. Д. Кубарева, который пишет, что «большое число каменных изваяний, открытых на территории Алтая, свидетельствуют об их широко налаженном производстве. Мастерские заменяли каменные карьеры, созданные самой природой. Десятками и даже сотнями в разломах лежат каменные блоки и плиты правильной прямоугольной формы. Они в основном и использовались для изготовления изваяний» [Кубарев, 1984].

Эти обстоятельства особенно важно иметь в виду, поскольку они ярко отражают существование зависимости общих размеров изображения от естественных размеров камня используемого для скульптуры. Тем не менее, это никак не могло повлиять на пропорциональное соотношение и соразмерность, применявшихся мастерами. Следовательно, в основе деятельности скульпторов было некое обязательное правило или свод правил, регламентировавших изображение человеческой фигуры не только по полу, одежде и другим атрибутам, но и по основным требованиям в разметке и изготовлении фигуры.

Обратимся к семантике изваяний. Кого они представляют? Было высказано много идей, вокруг которых шли многочисленные дискуссии, но консенсус в этом вопросе явно не достигнут,

хотя для некоторых исследователей здесь полная ясность. Так в заключении своей работы о каменных изваяниях Алтая В. Д. Кубарев говорит: «В нашей работе не рассматривается семантика древнетюркских изваяний по той причине, что вопрос этот после длительной дискуссии уверенно решился в пользу точки зрения о них как об изображениях самих покойных тюрков, а не их предполагаемых врагов» и «вопрос о назначении основной массы древнетюркских изваяний, очевидно, можно считать окончательно решенным» [Кубарев, 1984].

Многие исследователи средневековой монументальной скульптуры кочевников евразийских степей считают, что все статуи портретны. Мастера изображали «лики конкретных людей, разного возраста и различного социального положения», что якобы прослеживается на статуях святилищ Жайсан и Мерке, на изваяниях Центрального Казахстана, Волжско-Донского региона, Монголии [Плетнева, 1974, с. 75; Маргулан, 2004, с. 44-45; Елеукунова, 1999, с. 61, пл. 72].

Нам представляется, что проблема назначения статуй далека от своего решения. Кем были тюрки на протяжении своей истории и какие религиозные воззрения они имели? Что изменилось в их религиозном сознании в эпоху Западно-тюркского каганата? Как и чем отличаются от них кыпчаки и половцы? И кого же всё-таки изображали средневековые скульпторы, какие представления нашли отражения в их монументальных и величественных произведениях?

Сведений о мировоззрении средневековых кочевников восточноевропейских степей практически не сохранилось. Считается, что основой языческого мировоззрения кочевых племен, говорящих на тюркском, по-видимому, был культ предка и шаманизм, сохранившийся у них вплоть до настоящего времени, несмотря на существование у них буддизма и ислама.

С культом предков связывают исследователи обряд установок изваяний на территории украинских степей. Поскольку зарождение обряда изготовления статуй у тюрко-язычных народов произошло в азиатских степях еще в VI в., то придя в украинские степи, кочевники принесли с собой и обычай изготавливать статуи умерших. В отличие от своих азиатских сородичей, делавших преимущественно мужские изображения, у европейских кочевников большое место занимают изображения женщин.

Женщины представлены во всей своей женской красе. На них изображены богато украшенные кафтаны, гривны, ожерелья, серьги. К поясу половчанок подвешивались зеркала, ножи, гребни и другие предметы кочевого быта женщин. Головы половчанок венчались головными уборами с роговыми украшениями, подобно тем, которые носят и сейчас халхасские женщи-

ны в Восточной Монголии в районе Дариганги [Гераськова, 1988]. Однако, самое удивительное в женских статуях это изображение обнаженной женской груди, что и стало поводом для жаркой полемики.

Мы хотим обратить внимание на художественные особенности тюркских и половецких статуй, в которых находят отражение инокультурные влияния и не в последнюю очередь буддизм. Об этом ещё сказал Я. А. Шер [Шер, 1960]. О влиянии буддизма на культуру народов Средней Азии, вплоть до X в., свидетельствуют памятники Бактрии, Маргианы, Ферганы, Жетысу, Монголии, Тибета и Северо-Западного Китая. Распространение буддизма индийской и среднеазиатской традиции шло по Великому Шелковому пути. В конце VI в. – нач. VII в. некоторые западно-тюркские каганы приняли буддизм и строили буддийские храмы.

Известный мемориальный комплекс древнетюркского принца и полководца Кюль-Тегина представляет собой буддийский храм, в сооружении которого участвовали мастера из Китая. С этим комплексом сходны и другие мемориальные княжеские комплексы. Наличие профессионально выполненных скульптур людей и животных, а также деталей архитектуры и стел из мрамора и твердых пород, внушительных как по размеру, так и по весу, заставляет думать о существовании в районе реки Орхон карьеров и мастерских, где выламывали соответствующие блоки и проводили обработку и валяние произведений скульптуры. При этом исследователи, изучавшие погребально-поминальные «каганские» комплексы ни разу не отметили наличия следов изготовления скульптур на месте или рядом. Присутствие в одном комплексе произведений различного стиля, как по способу изображений, так и по материалам и технике обработки, позволяет говорить или о существовании совместных тюркско-китайских групп мастеров или о более позднем дополнении комплексов, построенных китайскими мастерами, произведениями местных тюркских мастеров. Способам обработки камня для изображения тех или иных фигур, а также материалам, используемым древними мастерами для скульптур, археологи уделяют минимум внимания или не затрагивают их вовсе. Они используют каменные изваяния для решения вопросов хронологии и этнической атрибуции, уделяя при этом большое внимание их семантике.

Что же касаясь представителей искусствознания, то ни специалисты Москвы и Санкт-Петербурга и др. научных центров России, ни ученые Казахстана, Украины, Кыргызстана, Монголии и др. стран пока оставляют эти выдающиеся произведения без внимания. Погребальные комплексы тюрков ещё не подвергались настоящему философско-религиозному изуче-

нию и осмыслению, но пристальное внимание к указанным мемориалам и отдельным образцам скульптуры было приковано благодаря надписям на тюркском, китайском, уйгурском и др. языках.

Археологов, изучающих древнетюркскую скульптуру и мемориальные комплексы, в первую очередь интересовали изображенные персонажи и детали их одежды и другие аксессуары.

Попытаемся сравнить буддийскую иконографию с древнетюркской и половецкой.

Нам представляется, что многие образцы широко известных древнетюркских, кыпчакских и половецких изваяний являются изображениями Будды, бодхисатв, святых и других персонажей буддийского пантеона. Внешний облик Будды опирался на особую систему примет, т. н. икононические признаки. Голову Будды венчает мясистый нарост ушнишу или айдар, лоб широкий, брови в форме лунного серпа, глаза, подобные бутону лотоса, большие уши с серьгами, нос удлиненный, рот полуоткрыт, плечи широкие, руки и пальцы удлиненные.

В определенные периоды лицо Будды и бодхисатв в ранних скульптурах греко-индийской гандхарской школы и китайско-буддийском культовом искусстве изображалось с усиками и бородкой. В буддизме широко распространены сидящая и стоящая позы. В иконографии центральных персонажей буддийского пантеона главной среди поз является поза стояния на прямых ногах, когда персонажи показаны в полный рост. Эта поза стала характерной для иконографии будды Амитабхи, а также бодхисатв и спутников Будды, его первых учеников, главных архатов и монахов. Характерной приметой внешнего облика бодхисатв являются многочисленные ювелирные украшения, такие как браслеты, ожерелья и

Рис. 5. Мужская статуя из с. Чернухино

диадемы (короны) и нарядные одеяния, соответствующая женственности [Кравцова, 2009–2011].

Среди сидящих поз известны «поза лотоса», «неполная поза лотоса», «скрытая поза», «поза отдыхающего царя», «поза Майтрейи» и «поза задумчивости». «*Поза отдохновения*» и «поза царского отдохновения/отдыхающего царя» используются для изображения бодхисатв. «*Поза Майтрейи*» предназначена для изображений Будды будущего – Майтрейи, Будучи единственной асаной, в которой обе ноги персонажа спущены с сидения-трона, эта поза реализовывается в трех вариантах: со скрещенными, расположенными параллельно друг другу и поставленными на высокую подставку ногами. В любом случае спущенные ноги символизируют готовность Будды Майтрейи снизойти в мир людей. Таковой выглядит статуя обнаженного мужчины, найденной в с. Чернухино (рис. 5), имеющая большое сходство со статуями из Дариганги [Казакевич, 1930; Гераськова, 1988; Баяр, 2002]. А половецкая мадонна из этого же села, с которой мы начали нашу

статью является изображением богини Харити. После встречи с Буддой Харити стала защитницей детей и рожающих женщин. Ее изображают как женщину с ребенком на груди и окруженной детьми [Simu, 2007, с. 139]. Примечательно, что ребенок и дети женского пола.

Бодхисаттва Авалокитешвара или Гуань-инь с VIII в. вплоть до X в. изображался в мужской ипостаси, которая после X в. постепенно стала вытесняться женской. Она предстает в облике юной девы или величественной матроны. Весьма вероятно, что ею являются многочисленные женские изображения с девичьей или женской грудью.

Предложенный нами подход в изучении монументальной скульптуры средневековых тюркоязычных кочевников может дать новые интересные результаты. К сожалению, объем данной работы не позволяет нам сделать более детальный анализ и привести более основательную аргументацию.

Примечания

1 – Статуя из с. Чернухино хранится в Луганском областном краеведческом музее.

2 – Изваяния хранятся в городском краеведческом музее г. Свердловска Луганской области.

3 – Изваяние хранится в Луганском областном краеведческом музее.

4 – Мы отсылаем читателя к библиографии, имеющейся в работах следующих специалистов в области изучения камнерезного искусства средневековых тюркоязычных кочевников: Евтюхова, 1952; Фёдоров-Давыдов, 1966; Грач, 1966; Шер, 1966; Плетнева, 1974; Кубарев, 1984; Гераськова, 1991; Ермоленко, 2004; Досымбаева, 2006.

5 – В советское время основное внимание акцентировалось на изучении советского изобразительного искусства и архитектуры, оставляя в стороне проблемы первобытного и древнего искусства. К сожалению, за прошедшие десятки лет постсоветского периода кардинально не изменили ситуацию к лучшему в данном вопросе.

6 – Под гермой понимают четырёхгранный столб, завершавшийся на первых порах скульптурной головой бога Гермеса, а позднее и других богов. Начиная с V в. до н. э. гермы изображают государственных деятелей, философов и пр. Зачастую на гермах помещали эмблему плодородия – фалл.

Памятники с изображениями только лица В. Д. Кубарев называет «лицевыми» изваяниями. Мы не склонны считать их изваяниями. Все эти памятники, изготовленные из разнообразных материалов случайных форм – плит, блоков, валунов, с точки зрения искусства не могут считаться предметами монументальной скульптуры. Это рельефные изображения сродни петроглифам. Ясно одно, что для них необходимо найти подходящее терминологическое определение, чтобы не вносить путаницу при анализе разнообразных памятников, оставленных средневековыми кочевниками.

7 – Изучением пропорций скульптуры средневековых тюркоязычных кочевников археологи никогда не занимались. Впервые анализ пропорций скульптуры средневековых кочевников восточно-европейских степей был проделан в работах искусствоведа Л. С. Гераськовой [Geraskova, 1989, р. 19–27; Гераськова, 1991, с. 54–65].

8 – Так небольшие блоки известняка, из которых выполнялись скульптуры северо-причерноморских степей не могли иметь большую толщину в силу того, что места отложений слоев, где залегают этот камень не имеют достаточно большой мощности. Другое дело статуи из карбонных песчаников на Донбассе. Судя по статуям из этого материала, блоки песчаника из которых они были изваяны имели значительную высоту, ширину и толщину. Вес некоторых экземпляров достигает одной тонны.

ЛИТЕРАТУРА

- Баяр Д.** Иконографические и художественные особенности каменных изваяний средневековых монголов // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ, 2002. – С. 167–178.
- Бернштам А.Н.** Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. – 1952. – № 26. – 344 с.
- Викторова Л.Л.** Монголы. Происхождение народа и истоки культуры – М.: Наука, 1980. – 224 с.

- Гераськова Л.С. Находки древнетюркских «каменных баб» на Украине // УИЖ. – 1973. – № 4. – С. 129.
- Гераськова Л.С. Половецкая статуя из Чернухино // СА. – 1974. – № 3. – С. 256–257.
- Гераськова Л.С. О материалах средневековой кочевнической скульптуры евразийских степей // Археологические исследования на Украине в 1976–1979 гг.: тез. докл. конф. – Днепропетровск, 1980. – С. 161.
- Гераськова Л.С. Классификация скульптуры средневековых кочевников евразийских степей // Новые методы археологических исследований. – Киев, 1982. – С. 119–143.
- Гераськова Л.С. Половцы и Дариганга // Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе: тез. докл. конф. – Перевальск, 1988. – С. 34–36.
- Гераськова Л.С. Скульптура середньовічних кочовиків степів східної Європи. – Киев, 1991. – 132 с.
- Гераськова Л.С. Новое в изучении скульптуры средневековых кочевников евразийских степей // Stratum+. – 1999. – № 5. – С. 408–430.
- Гераськова Л.С., Багно Г.Ф. К проблеме локализации центров изготовления скульптур половцев на основе геологических данных // Тез. докл. конф. молодых ученых. – Киев, 1981. – С. 126–127.
- Гераськова Л.С., Пожидаев В.Ф. Об одном из математических методов анализа количественных признаков археологических материалов // Новые методы археологических исследований. – Киев, 1982. – С. 119–143.
- Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953–1960 гг. – М., 1961. – 96 с.
- Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 63–93.
- Досымбаева А.М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы: типография «Комплекс», 2006. – 168 с.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – 1952. – № 4. – С. 113.
- ЕлеуKENOVA Г.Ш. Очерк истории средневековой скульптуры Казахстана. – Алматы: Ғылым, 1999. – 220 с.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. – Новосибирск: Наука, 2004. – 121 с.
- Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д. Вклад А.Х. Маргулана в изучение древней каменной скульптуры Центрального Казахстана // Вестник КемГУ. – 2014. – № 3 (59), т. 2. – С. 20–23.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний // АЭАЕ. – 2002. – № 3 (11). – С. 78–87.
- Казакевич В.А. Намогильные статуи в Дариганге. Поездка в Даригангу. – Л.: Изд. АН СССР, 1930. – 64 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд. АН СССР, 1951. – 528 с.
- Кравцова М.Е. Буддийское искусство. – Л., 2009–2011.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. – 1964. – № 2. – С. 27–39.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: МГУ, 1969. – 212 с.
- Маргулан А.Х. Каменные изваяния Улытау. Соч. в 4-х т. – Алматы, 2004. – С. 44–45.
- Писларий И.А., Гераськова Л.С. О некоторых аспектах в изучении монументальной скульптуры эпохи меди-бронзы // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: тез. докл. конф. (19–22 февраля 1980 г.). – Оренбург, 1980.
- Писларий И.А., Филатов А.П. Тайны степных курганов. – Донецк: Донбас, 1972. – 134 с.
- Плетнёва С.А. Половецкие каменные изваяния. – САИ. – 1974. – Вып. Е4-2. – 200 с.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археологические памятники. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – 276 с.
- Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.-Л., 1966. – 139 с.
- Geraskova L.S. The analysis of Medieval sculptures from the steppes of Eastern Europe: an application of the Kolmogorov-Smirnov test // New tools from mathematical archaeology: papers presented at the fifth International symposium on data management and mathematical methods in archaeology, organized by Commission 4 of the Union internationale des sciences préhistoriques et protohistoriques, Mogilany/Krakov, Poland, May 24–29, 1989. – Warsaw: Scientific Information Center of the Polish Academy of Sciences, 1990. – 126 p.
- Jisl L. Výzkum Kulteřinova památníku v Mongolské Lidové Republice // Archeologické rozhledy, roc. – Praha, 1960. – Т. XVIII. – ses. 1.
- Nowgorodowa E. Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig: E.A. Seeman Verlag, 1980. – 280 s.
- Octavian Simu, Budismul japonez, istorie, doctrina si traditii. – Bucuresti: Editura Herald, 2007. – 430 p.

**Л. С. Гераськова,
И. Пыслару**

Л. С. Гераськова¹, И. Пыслару²,

¹г. Киев; ²г. Мангалия

L. S. Geraskova¹, I. Pyslaru²

¹Kiev; ²Mangalia,

e-mail: lsg2007@mail.ru; pslr2007@gmail.com

Буддийские черты в монументальной скульптуре средневековых тюрко-язычных кочевников

Аннотация. До сего дня о назначении монументальной скульптуры средневековых тюркоязычных кочевников и ее роли в их духовной жизни ведутся дискуссии. Почти все исследователи соглашаются с тем, что скульптура имела культовое значение, но смысл которого дискутируется учеными. Так кого же изображают статуи: героя, вождя, аристократа, воина, предка или божество?

В данной статье авторы выдвинули предположение, что часть монументальной скульптуры изображает божества буддийского пантеона. Сравнение древнетюркских и половецких памятников с буддийскими изображениями показывает их определенное сходство, что и позволяет авторам видеть влияние буддизма на монументальное искусство древних тюрков и половцев.

Авторы выражают надежду, что монументальное искусство средневековых тюркоязычных кочевников привлечет к себе новых исследователей, в том числе и искусствоведов.

Ключевые слова: тюрки, половцы, кыпчаки, иконография, монументальная скульптура.

Buddhist features in the monumental sculpture of the Turkic-speaking medieval nomads

Abstract. To this day, about the appointment of a monumental sculpture of medieval Turkic-speaking nomads and its role in their spiritual lives are discussions. Almost all researchers agree that the sculpture had a religious significance, but this meaning is debated by scientists. Who is depicted on the statue: a hero, a leader, an aristocrat, a warrior, an ancestor or god?

In this paper, the authors have suggested that part of the monumental sculpture depicts deities of the Buddhist pantheon. Comparison of ancient Turkic and Polovtsian monuments with Buddhist images shows them a certain similarity, which allows authors to see the influence of Buddhism on the monumental art of the ancient Turks and Cumans.

The authors hope that the monumental art of the medieval Turkic-speaking nomads will attract new researchers, including researchers of ancient art.

Keywords: Turks, Cumans, Kypchaks, iconography, monumental sculpture.

В статье, посвященной А. Х. Маргулану* [*См. статью Л. С. Гераськовой, И. Пыслару в настоящем сборнике – прим. ред.] и проблемам изучения монументальной скульптуры кыпчаков, мы говорили о необходимости обращения внимания на художественные особенности тюркских и половецких статуй, поскольку в них находят отражение культурное и религиозное содержание, а также влияния или культурные заимствования у других народов. Среди них есть такие образцы скульптуры, в которых просматриваются греко-индийские и китайские мировоззренческие и художественные традиции, выраженные с помощью буддийской иконографии, о чем мы и будем говорить ниже.

Назначение монументальной скульптуры и место ее в религиозных воззрениях народов, оставивших эти памятники, остается проблемой, которая еще не нашла своего решения. Этот вид скульптуры создавался в честь значительных исторических событий и в память выдающихся личностей. Она, несомненно, имела культовое значение, смысл которого нам ещё не совсем ясен.

Проблема семантики статуй была, есть и, пожалуй, ещё будет общей проблемой для нынешних и будущих поколений исследователей. Не смолкают дискуссии по поводу проблемы: кого же изображают статуи: героя, вождя, аристократа, воина, предка или божество. Этого вопроса

касались почти все исследователи, затрагивавшие тему каменных средневековых изваяний тюрко-язычных кочевников, и вряд ли имеет смысл перечислять всё высказанное ими по этому поводу.

До сего времени все скульптурные изображения средневековых тюрко-язычных кочевников трактовались как изображения конкретных реальных людей – выдающихся исторических личностей [Маргулан, 2003, с. 36] или их поверженных врагов [Грач, 1961; Кызласов, 1964; Шер, 1966], а сама установка памятников рассматривалась в контексте культа предка [Досымбаева, 2010; Ермоленко, 1991; Маргулан, 2003, с. 44–45; Елеукунова, 1999, с. 614]. Поэтому исследователи очень часто подчеркивают портретность скульптурных изображений и немалое внимание уделяют анализу одежды и других атрибутов, изображенных на изучаемых скульптурах [Евтюхова, 1952].

Л. Н. Ермоленко, опираясь на древнетюркские надписи и китайские хроники, а также учитывая иконографию статуй, считает возможным рассматривать изваяния древних тюрков как реалии воинской субкультуры, хотя в то же время они были атрибутами поминального ритуала. Указав на сходство древнетюркских изваяний со скифскими и сарматскими, она приходит к выводу, что все эти изваяния воплощают «образ воина» [Ермоленко, 2006].

Анализируя высказанные исследователями мнения относительно семантики изваяний, можно прийти к выводу, что авторы рассматривают их как результат воздаяния умершему члену того или иного общества знаков внимания, уважения или почитания, произведенных в соответствии с присущими тому обществу религиозных воззрений. Но вот о религиозном мировоззрении древних тюрков и их преломлении в погребальной практике тюрков нет полной картины. Благодаря археологическим раскопкам историки получили определенные представления о погребальных обрядах и культах тюрко-язычных кочевников. Тем не менее, следует признать, что фактологическая база всё же недостаточна и тогда исследователи прибегают к письменным источникам, которые в свою очередь тоже неполны.

Предположив, что среди монументальной скульптуры лишь часть может относиться к историческим персонажам, то возникает вопрос – кого же изображают многочисленные мужские и женские изваяния, а также изваяния в виде столбов-блоков, которые мы называем гермами и чем можно объяснить появление таких памятников, воспроизводящими подобные в древнегреческом искусстве? Что мы знаем о религиозных воззрениях средневековых тюрко-язычных кочевников? Откуда и как проникли в кочевническую среду влияния буддийской религии и искусства? Какова роль буддизма в духовной и культурной жизни этих народов?

Каменные изваяния являются не только одним из элементов погребальных и сакральных комплексов, которым отводилась своя специфическая роль: быть указанием на место погребения или поклонения, передавать потомкам образ и т. п., служить доминантой сакрального пространства того или иного этнического образования. При этом каменные изваяния являются зачастую не отдельным памятником или знаком, а одним из элементов архитектурно-пространственного комплекса, обладающего сакральным значением, в котором заключены исторический и политический смысл, а также отражены культурно-художественные и эстетические идеалы общества, создавшего эти комплексы, на основе чего возможна определенная реконструкция некоторых сторон его духовной жизни.

Религиозная традиция древних тюрков представляла собой смесь шаманизма с «тенгрианством», которое никогда не было организованной религией, и была таковой до времени, пока они не встретились с буддизмом в его северокитайской формой в городах династии Тоба. Эта форма буддизма хорошо сочеталась с племенной иерархией тюркского тенгрианства. Затем, будучи под властью жужаней (400–551 гг.), которые восприняли тохарийскую и хотанскую формы буддизма Восточного Туркестана, древние тюрки встретились с разновидностью буддизма, сформировавшегося под влиянием иранского зороастризма, где Будда считался «царем царей» и «богом богов».

В 551 году Бумын-хан после победы над жужанями объявил себя каганом и основал Тюркский каганат, который двумя годами позже распался на западную и восточную части.

Первый Восточный Тюркский каганат унаследовал тюркские духовные традиции шаманизма и тенгрианства. Но следуя примеру жужаней и династии Тоба Вэй, каган решил утвердить в своем государстве буддизм в сочетании с традиционными тюркскими верованиями. Распространение буддизма среди тюрков получило в Китайском Туркестане.

Китайский посол Уанг Йен Тэ, побывавший в Китайском Туркестане в X веке, отметил около 500 мест поклонения Будде. Множество буддийских текстов имеется среди письменных памятников южных уйгуров, что подтверждает факт распространения буддизма в стране. Китайские письменные источники сообщают, что китайский император Вонг Кунг (570–576) послал Тапу хану из династии Бумин в качестве подарка священную буддийскую книгу «Нирвана Сутра», переведенную на тюркский язык.

Хотя буддизм и был принят тюрками Китайского Туркестана, но следование ему было достаточно условным и неслучайно источники по истории Танской династии в Китае показы-

вают тюрков очень жизнелюбивыми и веселыми людьми, что не характерно для исповедующих буддизм [Садри Максуды Арсал, 2002].

Особенно ярким памятником, в котором нашел отражение симбиоз различных религиозных традиций, является погребальный комплекс (рис. 1).

Это был монументальный храм, сооружённый на цоколе [Jisl, 1960]. Стены храма были снаружи оштукатурены белой глиной и окрашены красной краской. Изнутри сохранились остатки

Рис. 1. Погребальный комплекс, посвященный принцу Кюль Тегину. Реконструкция

полихромной росписи. Посередине находилось святилище, или алтарь. Между алтарём и стенами оставался проход, ведущий вокруг. Храм был перекрыт черепичной крышей, которая покоилась на 16 деревянных столбах-колоннах. Пол был ровно вымощен, вход находился с восточной стороны. Снаружи к храму примыкал мощный двор, ограждённый прямоугольной в плане стеной размерами 67 x 29 м. В восточной части её находилась крытые черепицей ворота. По обе стороны этого входа обнаружены две противостоящие друг другу фигуры баранов. Непосредственно у ворот был расположен прямоугольный резервуар для сбора дождевой воды. Внутри двора, в 8 м от входа, лежала мраморная черепаха с углублением на спине, в которое вставлялся шип стелы с надписью. Над стелой с надписью первоначально был возведен павильон с черепичной крышей. Между воротами и храмом были установлены статуи стоящих и сидящих фигур (сановников и придворных?), двумя рядами окаймлявшие путь от входа к святилищу, где помещен прах сожженного Кюльтегина, а также его скульптурный портретный образ [Базылхан, интернет-ресурс].

По сути, он представляет собой настоящий буддийский комплекс, в центре которого находится храм. Храм по своей прямоугольной конструкции представляет собой шамбалу. Каменная стела, водруженная на спине черепахи символизирует гору Сумеру.

Мы не допускаем мысли, что создание столь пышного поминального комплекса было сделано посланцами Китая вопреки похоронным ритуалам тюрков. Об участии мастеров из Китая свидетельствуют и типы скульптур, и массивный

мраморный куб, а также черепаха со стелой и надписи на ней, в которой есть такие строки: «Чанг Сенгун, племянник китайского Императора, прибыл, чтобы строить мавзолей, сделать скульптуры, украсить и подготовить каменные надписи. ... Мы закончили его мавзолей, статуи и картины, и его камень надписи. ... Туйгун Ельтебер привел всех этих скульпторов и живописцев...». Похоронами и возведением ком-

плекса руководил принц Йоллутегин, племянник Кюльтегина. «...Я, (принц) Йоллутегин, написал все эти надписи на этом камне.»

В надписи на китайском есть такие фразы: «Я привел мастеров от китайского императора, и приказал им высечь мои слова. Они вместили все мои суждения на камне»; «Дворцовые мастера китайского императора приняли участие. Я заставил их строить мавзолей. Они украсили внутреннюю и внешнюю сторону замечательными картинами и скульптурами. Они высекли все мои слова на камнях... тот, кто написал на камне, это племянник Йоллутегин» [Васильев, 1976].

Похожими по своему устройству с поминальным комплексом Кюльтегина являются комплекс Бильге-кагана (родился в 683 г. правил в 717–734 гг.) – брата Кюльтегина, также возведенного китайскими мастерами. Стела Бильге кагана сделана из голубого мрамора и установлена на постаменте-черепахе. На ее верхней дугообразной части изображены три дерущихся дракона. Надпись гласит: «...Я, Йоллутегин, составил тексты. Столь много строений и скульптур ... Я, Йоллутегин, составил и высекал надписи один

месяц и четыре дня. ... С юга писаря Табгачского (Китайского) кагана доставил. ...Дворцовые писари изготовили каменные строения, внутри и снаружи оформили красиво». Во время недавних исследований были сделаны важные находки.

Среди находок особенно нужно отметить золотую корону, украшенную драгоценными камнями и узорами цветов, выполненных из тонкого золота. Форма короны состоит из пяти лепестков-лучей. А на лицевом лепестке короны изображение птицы [Баяр, 2004; 2005]. Головной убор Кюль-Тегина представляет собой изображение пятилепесткового лотоса, который в свою очередь, видимо, включает пять стихий. Сравнение изображения Кюль-Тегина с изображениями Будды позволяет предполагать, что образ лотоса здесь сочетается и с изображением Кюль-Тегина как Будды. Заметим, что скульптурный портрет Кюльтегина трактован мастером как изображение Будды, голову которого венчает корона. Головной убор принца украшен с лицевой стороны изображением птицы, как это имеет место на короне из комплекса Бильге кагана. Изображение птицы на его головном уборе может представлять павлина. Изображения павлинов украшают многие буддистские храмы. Согласно буддизму, павлин переносит души людей в рай. В Китае павлин — солнечный символ и символизирует бессмертие, долголетие, любовь, а также достоинство, высокий ранг, красоту. Ещё одно изображение птицы с распростертыми крыльями имеется на одном из саркофагов из Кули Чура в Монголии (рис. 2).

В Жетысу Я. А. Шер указывает на пять каменных изваяний изображающих сидящих людей с птицами [Шер, 1966, изв. №105–109]. Можно предположить, что птицы символизируют Гаруду,

мистическую птицу — орла, укравшего эликсир бессмертия, которая оказывает помощь в преодолении болезней и вредоносных влияний.

Также в комплексе Кюль-Тегина, как и в другом погребальном комплексе Тоньюкука, были найдены декоративные украшения в виде фантастического существа с огромными глазами, надутыми щеками, четырьмя длинными клыками во рту. В период широкого распространения буддизма так изображали гениев — хранителей буддийской веры.

На основании вышеперечисленных поминальных комплексов можно прийти к выводу, что в своих религиозных воззрениях тюрки отдавали предпочтение буддизму, а не шаманизму и культуре предка.

Буддийским памятникам Средней Азии, созданными в период до принятия ислама и в первые века его существования, посвящена монография Т. К. Мкртычева. Они, по мнению исследователя, обязаны своим появлением влиянию на тюрков со стороны буддийских правителей Восточного Туркестана и Китая, а также Индии. Шло это буддийское влияние на тюркскую верхушку Жетысу, прежде всего, со стороны Китая. К сожалению, автор не коснулся в своей работе поминальных памятников древних тюрков и их монументальной скульптуры, хотя эти памятники достойны рассмотрения специалистами искусствоведами [Мкртычев, 2002].

Распространение буддизма было тесным образом связано с Великим Шелковым путем. Однако, когда персы стали блокировать торговые связи Византии, то караваны из Китая и Средней Азии пошли евразийскими степями в обход державы Сасанидов, огибая Каспийское море с се-

Рис. 2. 1 — голова Будды; 2 — портрет Кюльтегина; 3 — золотая корона из поминального комплекса Бильге кагана; 4 — фрагмент каменной плиты от саркофага из Кули-Чур

вера, через Северный Прикаспий и Северный Кавказ. После VII в. по территории Северного Кавказа был проложен один из маршрутов Великого Шёлкового пути.

Если конец существования буддизма в Жетысу наступил в середине X в., когда правители тюркской династии Караханидов приняли ислам, то на западной окраине тюркского мира ислам не получил распространения, что позволяет предполагать существование там различных религиозных воззрений, в том числе и буддизма.

Как можно судить по находкам изваяний древнетюркского типа на территории Донбасса, Нижнего Дона и Северного Кавказа здесь проживали тюркские племена, входившие в состав Западно-Тюркского Каганата, что позволяет нам предполагать, что проникновение в их среду странствующих буддийских миссионеров, монахов, ремесленников и мастеров-скульпторов могло произойти в VIII–X вв., о чём свидетельствуют мужские и женские изображения в виде столбов-блоков, которые мы называем гермами¹ и чем можно объяснить появление таких памятников, воспроизводящими подобные в древнегреческом искусстве? При этом одни женские гермы изображают юных дев, а другие – взрослых женщин, а среди мужских герм мы видим безусых и усатых мужчин (рис. 3).

Особенно расходятся мнения исследователей, когда идет речь о женских статуях (рис. 4). Так, по мнению С. А. Плетневой: «...при изготовлении женских статуй имелись в виду какие-то вполне определенные умершие женщины, превращенные в покровительниц семьи или рода» [Плетнёва, 1974, с. 74]. Я. А. Шер на основе анализа изваяний Жетысу пришел к выводу, что второй тип изваяний, близкий по стилю половецкой скульптуре получил дальнейшее развитие в монументальной скульптуре кочевников Поволжья и южнорусских степей и что связь такого типа

изваяний с погребальным или поминальным обрядом «недопустима». Скорее всего, женские изваяния по мысли Я. А. Шера могли быть изображениями девы-прародительницы [Шер, 1966, с. 62].

Ранее мы предложили видеть в определенной части монументальной скульптуры средневековых тюрков изображения Будды и других буддийских персонажей. Это касается и женских изображений. Так, бодхисатве Авалокитешваре в VIII–X веках стал придаваться антропоморфный вид. При этом до начала X в. эта бодхисатва выступала только в мужской ипостаси и лишь с X века появляется женский образ этого божества, именуемого в Китае Гуань-инь, которая предстает как юная дева или величественная матрона. Следует, кстати, отметить, что появление статуй, изображающих женщин, археологи датируют IX–X вв. [Шер, 1966].

На территории Донецкой области археологами Донецкого краеведческого музея супругами Приваловыми была открыта прямоугольная каменная ограда с изваяниями древнетюркского типа. А единственная исследованная поминальная каменная ограда, находящаяся аналогии среди памятников древних тюрков VII–VIII вв. Алтая и Тувы, на территории восточноевропейских степей была найдена нами в Провальской степи, у с. Провалье. Она находилась в долине между двумя каменистыми грядами, имела форму прямоугольника размерами 8 х 2 м, сложена из камней и ориентирована по сторонам света, длинной осью по линии С–Ю (рис. 5).

В той же Провальской степи во время наших работ на границе Украины (Свердловский р-н, Луганская обл.) и РФ (Гуковский р-н, Ростовская обл.) нами были исследованы два половецких святилища, расположенные на самой высокой точке каменной гряды. Одно представляло собой оградку прямоугольной формы, сложенное

Рис. 3. Гермы из Алтая, Казахстана и Донбасса, изображающие мужчин и воинов

Рис. 4. Гермы, изображающие дев и женщин. Статуи из восточно-европейских степей

из плит песчаника со входом в центральной части западной стороны. В центре находилась яма для жертвоприношений, возле которой с запада было обнаружено основание каменного изваяния. Поскольку изваяние было сделано из окремненного известняка – опоки, который плохо противостоит атмосферным осадкам, то со временем оно разрушилось.

В жертвенной яме нам удалось найти две головы и другие детали от изваяний, изображавших усатых воинов в шлемах. Это говорит о том, что за святилищем следили и после того как первое изваяние разрушилось, то на его место поставили новое, которое постигла участь первого. Подобная ситуация была прослежена в Крыму и на Нижнем Дону².

Южнее от прямоугольной оградки мы исследовали каменное сооружение круглой формы, где среди многочисленных мелких обломков, на которые распалась каменная статуя из опоки, были обнаружены фрагменты лицевой части, изображавшей женщину, шея которой было украшена ожерельями.

Мы не можем утверждать, что половцы приняли буддизм, но то, что элементы

буддийских воззрений проникли в их среду, уже становится явным. Для нас уже очевидно, что изготовителями каменных и деревянных скульптур, которые приписываются половцам, были

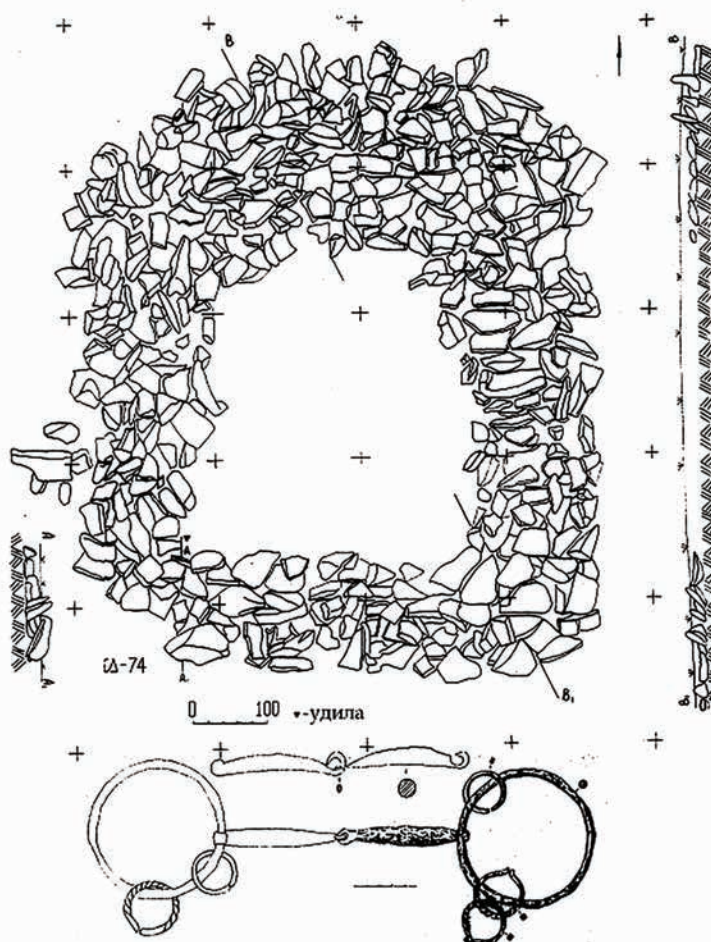

Рис. 5. Каменная оградка. Провальская степь (Луганская обл., Украина)

Рис. 6. Изваяния воинов – локапал

буддийские миссионеры монахи-ремесленники, обладавшие знаниями и умениями по обработке камня и дерева, воспринятыми от Гандхарской греко-буддийской школы. Это и любовь к такому материалу, как песчаник, использование набора камнерезных инструментов, восходящих к греческой античной традиции, а также манера изображения мужских фигур с атлетическим сложением корпуса, etc.

Хорошо известно, что буддийские мастера, оказавшись в определенной этнической среде, создавали свои произведения с учетом существующих местных традиций в одежде, головных уборах, украшениях и вооружении. Этот аспект достаточно эффективно использовался исследователями для анализа элементов материальной культуры с целью установления хронологии, этнической принадлежности и др., представленных на изваяниях.

О присутствии некоторых элементов мировоззрения буддизма у тюрков и половцев могут свидетельствовать обустройство сакральных пространства, формы святилищ, особое отношение к сторонам света и т. п.

Выше мы уже говорили, что прямоугольная форма храмов в поминальных древнетюркских комплексах, прямоугольные каменные оградки с изваяниями при них, а также и половецкие святилища имеют отношение к буддийским представлениям об устройстве Вселенной. Наличие конструкций прямоугольной и круглой формы позволяет выдвинуть предположение об их связи с космогоническими представлениями тюркоязычных кочевых народов, подобных тем, что были распространены и в Китае. Прямоугольная форма (квадрат, куб) отождествляется с Землей и женским началом «инь», а круг (купол) связан с небом и олицетворяет мужское начало – «янь».

Рис. 7. Половецкие женские изваяния

Древние тюрки представляли мир и свою страну четырехугольными [Малов, 1951, с. 36]. По мнению Л. Н. Ермоленко древнетюркская ограда вместе с изваянием и балбалами образовывали культовое сооружение и моделировали мир [Ермоленко, 1991].

Классик персидской поэзии, Абú Мухáммед Ильяс ибн Юсуф, известный как Низамí Гянджеví (1141–1209), женатый на половчанке так писал о святилищах половцев: «Все племена кыпчаков, когда попадают туда, сгибаются вдвое перед этой единственной в своем роде статуей. Пешком ли зайдут они туда с пути, или верхом поклонятся ей как творцу. Всадник, который подгонит к ней коня, кладет стрелу из колчана в честь ее. Пастух, который заведет туда свое стадо, опускает перед ней овцу». Особо отметим слова поэта о поклонении «статуе как творцу», поскольку здесь речь идет о божестве, но не о поклонении предку [Низами, 1968].

Г. А. Федоров-Давыдов в половецком обычае поклонения статуям и приношения им в жертву скота, а также оставление в знак почтения стрел находит многочисленные этнографические параллели в культе предков у тюрков, хотя в западно-кыпчакских степях культ каменных изваяний был связан не только с культом умерших вождей и их жен. Ученый со ссылкой на Низами допускает, что вначале культ каменных изваяний был связан с культом какого-то божества [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 191].

О некоторых аспектах мировоззрения половцев нам сообщает Гильом Рубрук. Из его сообщений мы узнаем об особом отношении половцев к сторонам света: «...Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держашую у себя в руке пред пупком чашу. ...Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещен. Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные, и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сю сторону площади» [Рубрук, 1957].

Описанные выше святилища, исследованные нами в Провальской степи на границе Украины с Россией, словно являются подтверждением слов францисканского монаха XIII века.

А теперь попытаемся сравнить иконографию буддийских персонажей со скульптурными изображениями древних тюрков и половцев.

Непременными элементами буддийской иконографии являются многочисленные атрибуты, среди которых выделим музыкальные инструменты, оружие, чаша-патра и четки, а также предметы ритуального и бытового назначения,

среди которых выделяется зеркало, как олицетворение внутренней чистоты, отпугивающее злые силы. В одеждах буддийские мастера изображали бодхисатв. При этом такие изображения сопровождаются украшениями.

В буддийской иконографии известны почти все основные виды колюще-рубящего и стрелкового вооружения, включая меч, лук со стрелами и др. Оружие связано с идеей победы Учения над злом в любых его проявлениях. Меч – знак мудрости будд и Знания, предмет, способный отсекал сомнения и разрубать узлы ложных противоречий. Лук и стрелы прогоняют злые силы, пороки и человеческие заблуждения.

Кроме Будды в буддизме существуют и другие божества, взятые из древних ведических верований, где основными категориями являются: 1 – будда, 2 – бодхисатва 3 – архан. Заимствованные из Китая с IX в. в Японии известны четыре царя – протекторы основных направлений – локапалы, которых в санскрите называют «дэвы»-боги [Octavian Simu, 2007, p. 127–128]. С IX в. известен образ космического Будды Вайрокана – небесный охранник. У него длинные волосы на половину торса, а в правой руке сабля – символ мудрости и милости [Octavian Simu, 2007, p. 134]. Команда же царей-локапал Дхритарашта – Восток, Вирудхана-Юг, Вирукаша-Запад, Вайсравана-север представлена изображениями воинов в доспехах с саблями, коронами или шлемами, хорошо сделанные прически с аксессуарами.

Женская ипостась Раджа Видья – это раджа с манифестацией любви и сочувствия к людям. Представляют собой с одной стороны – пять стихий (земля, вода, воздух, огонь, пространство), с другой стороны сексуальную любовь. Она сдерживает негативные чувства и успокаивает желания совершать зло. Ее эмблемы – звоночек, колчан со стрелами, лук, крючок.

Ранее, мы, опираясь на находки каменных статуй из с. Чернухино (Луганская обл.), изображавших обнаженные мужскую и женскую фигуры, интерпретировали их как божества буддийского пантеона* [*См. статью Л. С. Гераськовой, И. Пыслару в настоящем сборнике – прим. ред.]. Изображение женщины с девочкой на груди мы отождествили с богиней Харити, что хорошо видно при сравнении ее с аналогичной скульптурой из Гандхары в Пакистане (рис. 8).

Это сидящие изображения в богатых одеждах и с множеством украшений. Ноги опираются на подставку или скамеечку, а, самое главное, ребенок женского пола у груди.

Румынский исследователь буддизма Октавиан Сима говорит, что среди мелких божеств из брахманизма в буддизм с ролью царей-хранителей локапал подобно бодисатве Ваджрапати выступают, пара статуй с голым торсом или наоборот одетых в латы воинов. Они

Рис. 8. Харити. Гандхара, Пакистан и с. Чернухино (Луганская обл., Украина)

ставились у ворот. Один – мужчина, вторая – женщина [Octavian Simu, 2007, p. 137]. Нечто подобное, соответствующее данному описанию, мы можем констатировать в с. Царев Брод (Ендже) в Болгарии, где были найдены мужское и женское изваяния [Geza Feher, 1931] (рис. 9).

Несомненно, что затронутая нами тема не может быть широко развернута в масштабах данной работы. Для доказательства или опровержения идеи присутствия буддийских черт в монументальном искусстве средневековых тюркоязычных кочевников понадобятся большие и углубленные исследования. В том, что после прихода

монгол в восточноевропейские степи половецкая скульптура нашла свое продолжение в скульптуре Дариганги (III–XV вв.) в Монголии, мы говорили еще ранее [Гераськова, 1988; Казакевич, 1930]. Район, где находится основной массив статуй, населяет народность халха. В головных уборах и прическах халхаских женщин нетрудно заметить сходство с роговыми украшениями на половецких женских статуях, а обнаженные мужские скульптуры из Дариганги, несомненно, проявляют сходство с мужской статуей из с. Чернухино Луганской области (рис. 10).

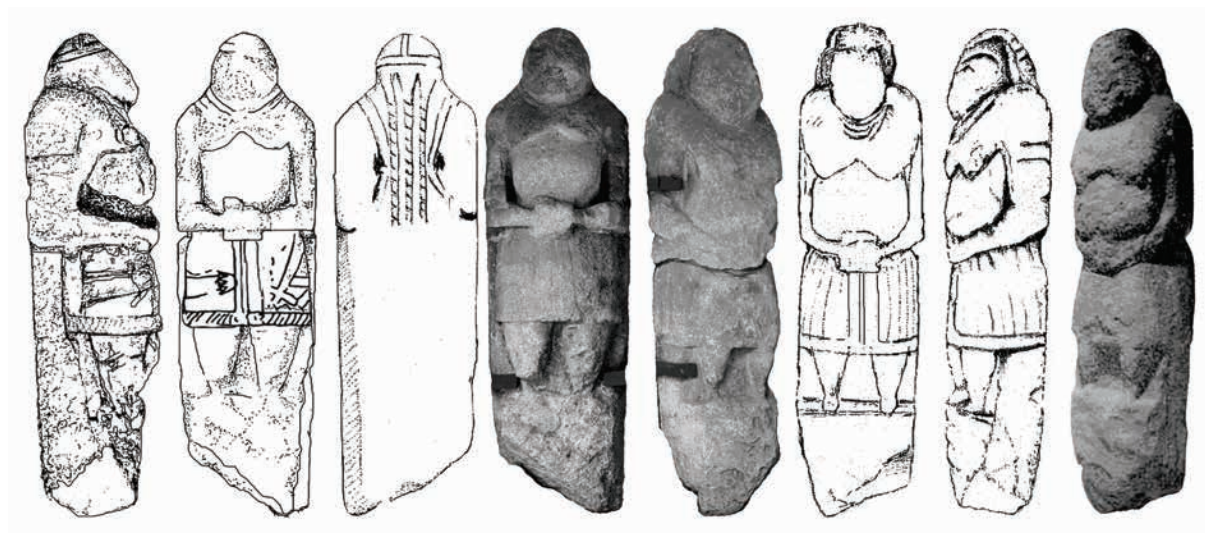

Рис. 9. Цари-хранители. Царев Брод (Шуменский округ, Болгария)

Рис. 10. Половецкие статуи и их аналоги в Монголии. 1, 4 – половецкие изваяния; 2 – Хунт уха, Сухэбаторский аймак; 3 – женщина-халха в традиционном облачении

***

Для нас ясно, что изучение монументальной скульптуры средневековых тюркоязычных кочевников нуждается в специалистах-искусствоведах и религиоведах, поскольку проблемы семантики, культурной и этнической идентификации памятников скульптуры разбросанных на огромных просторах евразийских степей от Китая и Монголии на востоке и до Дуная и Балкан на западе нельзя считать полностью решенными. В них заключены эстетические и мировоззренческие идеалы, отношение к материальному и ду-

ховному миру человека, а также симбиоз с окружающей его природой и миром вообще.

Можно выразить лишь сожаление, что специалисты, обращавшиеся к изучению буддийского искусства, оставляют до сих пор в стороне такие яркие памятники монументальной скульптуры, которые создавались средневековыми тюркоязычными народами в среде пронизанной культурными и религиозными влияниями буддизма. Мы выражаем надежду, что искусство древних тюрков еще привлечет к себе новых исследователей.

Примечания

1 – Герма – вначале была символом бога Гермеса в виде четырёхгранного столба или закругленного ствола столбовидного стержня с грубо или тщательно обработанной головой, с бородой и с подчеркиванием половых органов. У древних типов гермы кроме фалла были и едва намеченные руки. По сообщения Гиппарха, гермы повсеместно почитались и устанавливались на дорогах из Афин. Известны случаи когда гермы помещались в домах частных лиц. Со времен Праксителя гермы превратились в поясные статуи и более не представляли бога. Им стали придавать портретное сходство отдельных лиц [Словарь античности, 1989].

В период архаики Апполон изображался в виде колонны или конуса-obeliska, которые устанавливались перед дверями. В Дельфах Апполон был изображен в виде колонны, а в Дидимах как обелиск. А вот в Амиклах в 6 в. до н.э. была установлена бронзовая статуя Аполлона в виде медной колонны с изображением на ней головы, кистей рук и ступней ног.

2 – Подобная ситуация произошла в случае с изваяниями воинов найденными в Крыму у с. Чокрак. П. Н. Шульц, по-видимому, обнаружил остатки святилища, в курганной насыпи, от которого сохранилась жертвенная яма, рядом с которой было вкопано основание одного изваяния, а части двух разрушившиеся изваяний, изображавшие воинов, упали [Шульц, 1937, с. 254].

Другой подобный случай известен у ст. Кременской на Дону, где в кургане № 4 В. П. Шилов обнаружил в яме нижнюю часть одного из двух изваяний, а основание другого изваяния находилось возле ямы. Г. А. Фёдоров-Давыдов считает, что это остатки культа, посвященного изваяниям, поставленным перед ямой, которая позднее была засыпана, а статуи сломаны [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 192].

Случай находки статуй в кургане описал В. А. Городцов, со ссылкой на И. М. Сулина, описал курган № 428а у балки Средняя Аюла в Сальском округе. Здесь было погребение ребенка, а рядом были вкопаны четыре деревянные статуи, три из которых женские. Сзади статуй в яме были найдены череп собаки и череп и кости овцы [Городцов, 1905, с. 215].

ЛИТЕРАТУРА

- Базылхан Н.** Орхонские письменные памятники (База данных). Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://bitig.org/?lang=r&mod=1&tid>
- Баяр Д.** Білге қағанға арналған ескерткіш кешенінде жүргізілген археологиялық зерттеулері «Shygys/Шығыс» ғылыми журнал. – 2005. – №1. – 115-125 б.
- Баяр Довдойн.** Археологиялық зерттеулерінің нәтижесінде поминального памятника в честь Білге қағана // Орталық музей сәйкестігі. – Алматы, 2004. – №1. – 214-223 б.
- Васильев Д.Д.** Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // Советская тюркология. – 1976. – №1. – С. 71-81.
- Гераськова Л.С.** Половцы и Дариганга // Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе. Перевальск, 1988.
- Городцов В.А.** Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, 1901 г. // Труды XII археологического съезда. – М., 1905. – Т. 1.
- Грач А.Д.** Древнетюркские изваяния Тувы. – М., 1961.
- Досымбаева А.М.** Традиционное мировоззрение средневековых тюрков Жетысу. – Алматы, 2010.
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – 1952. – №24.
- Елеуенова Г.Ш.** Очерк истории средневековой скульптуры Казахстана. – Астана, 1999.
- Ермоленко Л.Н.** Средневековые каменные антропоморфные изваяния Казахских степей: автореф. дис. канд. ист. наук. – Кемерово, 1991.
- Ермоленко Л.Н.** Изобразительные памятники и эпическая традиция (по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Кемерово, 2006.
- Казакевич В.А.** Намогильные статуи в Дариганге. – Л., 1930.
- Кызласов Л.Р.** О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. – 1964. – №2.
- Малов С.Е.** Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л., - 1951. - с. 36
- Маргулан А.Х.** Каменные изваяния Улытау // Соч.: в 14 т. Т. 3–4 / сост. Маргулан Д.А., Маргулан Д. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003.
- Маргулан А.Х.** Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау: соч. – Алматы: Ғылым, 2003. – Т. 34.
- Мкртычев Т.К.** Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). – М.: ИКЦ «Академкнига», 2002.
- Низами:** Пять поэм. Искандер-намэ / Пер. К. Липскерова. М., 1968.
- Плетнева С.А.** Половецкие каменные изваяния. САИ. – 1974. – Вып. Е4-2.
- Рубрук.** Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М. - 1957. - гл.10.
- Садри Максуды Арсал.** Тюркская история и право. – Казань, 2002.
- Словарь античности. Пер. с нем. – М., «Прогресс», 1989.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966.
- Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. – М.-Л., 1966.
- Шульц П.Н.** О работах Евпаторийской экспедиции // СА. – 1937. – Вып. 3.
- Geza Feher.** A Bolgár-török műveltség emlékei és magyar östörténeti vonatkozásaik... - [Памятники на прабългарска култура и връзка им с древната унгарска история]. Ech. int. 358-73. – Budapest, 1931. – 173 p.
- Jisl L.** Výzkum Kulteginova památníku v Mongolské Lidové Republice // Archeologické rozhledy. – Praha, 1960. – Т. XII, №1. – S. 86-115.
- Octavian Simu.** Budismul japonez, istorie, doctrina si traditii. – Bucuresti: Editura Herald, 2007.

**А. А. Горячев,
В. В. Сараев**

А. А. Горячев¹, В. В. Сараев²

¹Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
г. Алматы,

²ТОО «Археологическая экспертиза», г. Алматы

A. A. Goriachev¹, V. V. Saraev²

¹A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty,

²»Archaeological Expertise» LLC, Almaty

E-mail: aga.2805@mail.ru; saraev.53@mail.ru

Поселения раннего железного века на северных склонах Иле Алатау

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, проект 3923/ГФ4
«Генезис древних поселений Северного Притяньшанья»

Аннотация. Природно-географическая ситуация, климатические и экологические условия способствовали возникновению и долговременному функционированию своеобразной структуры жизнеобеспечения населения раннего железного века у северных склонов Иле/Заилийского Алатау. Согласно исследованиям, земледельцы проживали отдельными хозяйственными дворами и небольшими поселками на предгорных равнинах. Крупные поселения на выходе из горных ущелий представляли собой ремесленно-земледельческие центры. Зоной преимущественного развития скотоводства становится территория от устьев горных ущелий до высокогорных плато в районе альпийских лугов. Поселения раннего железного века северных склонов Иле Алатау позволяют проследить исторические процессы древности на базовом материале и существенно дополнить сведения о хозяйстве, быте и культурных традициях населения региона.

Ключевые слова: ранний железный век, хозяйственно-культурный тип, поселение, жилище, саки, усунь, реконструкция.

Settlements of early Iron Age on the north slopes of Ile Alatau

Abstract. Natural geographic situation, climatic and environmental conditions contributed to the beginning and operation, lasting a long time, of the peculiar patterns of livelihood of the Early Iron Age from the Northern slopes of Ile Alatau. According to researches, farmers used to live in a separate household yards and small towns of the foothills. Large settlements at the exit of the gorges were craft and agricultural centers. The territory from the mouths of the mountain canyons to the high plateau in the area of Alpine meadows has been becoming the primary area of development of cattle breeding. Settlements of the Early Iron Age from the Northern slopes of Ile Alatau allow us to trace the historical processes of Ancient times on the base material and significantly expand the information about household structure, lifestyle and cultural traditions of the region's population.

Keywords: Early Iron Age, housekeeping and cultural type, settlement, dwelling, Saks, Usuns, reconstruction.

Северные склоны хребта Иле/Заилийский Алатау, расположенные в центральной части Северного Притяньшанья, с глубокой древности, благодаря особым природно-климатическим условиям, были привлекательны для жизни. Это привело к плотному заселению региона во все исторические эпохи, начиная с каменного века [Горячев, Сараев, 2015, с. 6]. Как показали исследования по программе «Культурное наследие» по теме: «Свод памятников истории и культуры Алматинской области», своеобразный пик хозяйственно-культурного освоения региона в древности пришелся на ранний железный век. Сведения, собранные для Свода, касались преимущественно курганных могильников и не

содержали данных о поселениях этого времени, за исключением тех, которые были опубликованы ранее [Байпаков, 2008]. При всем объеме накопленных знаний отсутствовали достаточно полные статистические данные о поселениях и хозяйственно-культурном развитии населения раннего железного века в регионе.

В результате дальнейших исследований северных склонов Иле Алатау авторами были открыты и исследованы около 60 поселений раннего железного века в предгорной и горной зоне Иле Алатау. Наиболее обжитыми районами, где фиксируются серии поселений этого времени, оказались долина реки Шелек, ущелье Турген/Тургень и плато Асы, ущелье Бутаковка, Большое и Малое

Алматинское ущелья и плато Кокжайляу, ущелья Кайнар, Каргалы и урочище Майбулак, ущелья Ынтымак, Кызылауыз, Кастек и высокогорная долина Сарыжазык, предгорья отдельных горных хребтов Суйыктобе (ущелья Шиен, Когамшил), Басбатыр, Дегерес (урочище Бериктас), Жетьжол (ущелья Сункар, Бесмойнак), Атжайляу (ущелья Актерек, Коянды, Талдыбулак), Актас. Эти данные позволили поднять вопрос о характере расселения древних племен и хозяйственного использования этой территории в раннем железном веке.

Хребет Иле Алатау имеет достаточно четкое зональное районирование на предгорье, среднегорье и высокогорье [Чупахин, 1979, с. 125–135]. Северный склон Иле Алатау расчленен множеством ущелий с глубокими и крутосклонными долинами. От основного хребта по северному склону отходят боковые отроги в виде «прилавок» и менее крупных хребтов. В высокогорьях Иле Алатау на высоте 2600–3000 м над у. м. распространены плосковершинные поверхности – сырты, занятые высокогорными лугами. Предгорья Иле Алатау, называемые «прилавками», занимают пояс от 1000 до 1700 м над у. м. Они сложены толщей лёссовидных суглинков, имеют относительно плоские вершины и крутые склоны. Полоса «прилавок» наиболее развита в районе Алматы и Талгара и имеет ширину до 10–15 км. Западнее и восточнее этих мест она уменьшается до 1–10 км ширины, местами полностью исчезает.

Разнообразие природных богатств северных склонов Иле Алатау привели к освоению древними племенами всех его природно-климатических зон. Они позволяют успешно развивать различные формы хозяйства: богарное и ирригационное земледелие, садоводство и огородничество. Отгонно-пастбищное животноводство здесь сочетается со стойловым содержанием скота и опирается не только на сенокосение естественных кормовых угодий, но и на полевое кормодобывание. Процессам хозяйственно-культурного развития древнего населения в этой природно-географической зоне в раннем железном веке посвящена настоящая работа.

В эпоху бронзы на северных склонах Иле Алатау начинает складываться хозяйственная система, при которой поселения земледельцев сосредотачиваются преимущественно на выходе из горных ущелий, а древние скотоводы осваивают горные ущелья и высокогорные плато [Горячев, Сараев, 2015, с. 8–10]. Подобная специализация и взаимовыгодный товарообмен способствовали увеличению территорий охваченных хозяйственной деятельностью людей, росту численности

населения и усложнению их социальной системы. Окончательное формирование подобной хозяйственно-экономической структуры, которая приводит к освоению всех экологических ниш горной и предгорной зоны Иле Алатау, приходится на ранний железный век.

На всем протяжении предгорной зоны (около 300 км от долины реки Шелек до хребта Киндыктас) в каждом отдельном ущелье, где имеется даже небольшой родничок, обнаруживаются следы поселений раннего железного века. Ширина условной предгорной линии варьирует в зависимости от силы водного потока выходящего из горного массива: чем мощнее горная река, тем дальше в равнину наблюдаются следы древних поселений. В глубину горной территории прослеживается та же тенденция, но значительно короче – 5–8 км с «отходами» стоянок в боковые отщелки, тогда как в низинном направлении, вдоль речных берегов протяженность следов поселений может устойчиво читаться на расстоянии до 15–20 км [Горячев, Сараев, 2015, с. 7].

На выходе из ущелий значительная часть стационарных поселений раннего железного века смещается к основанию предгорных подошв. Наиболее крупными из известных памятников этого времени являются поселения Рахат и Алмаарасан [Байпаков, 2008, с. 71–72; Савельева, 2010, с. 137–140]. Оба памятника представляли собой укрепленные городища раннего средневековья, базировавшиеся на слоях поселений сако-усуньского времени. В предгорной части и в устьях горных ущелий Иле Алатау исследованы жилые строения археологического комплекса ущелья Бутаковка.

Так на поселении Бутақты-1 было исследовано три жилища в составе усадеб с хозяйственными постройками внутри [Горячев, Мотов, 2012, с. 3–9]. Для устройства жилищ использовались предварительно подготовленные площадки округлой формы, диаметром около 5–7 м и глубиной 20–40 см (рис. 1, 1, 2). По окружности и в центре помещения устанавливались опорные столбы, диаметром от 10 до 20 см, которые вкапывались на глубину 20–30 см. Затем площадка заливалась раствором жидкой глины, смешанной с как бы просеянным песком и органическими добавками. В древности, при отсутствии сита для песка, в непромышленных масштабах достаточно было собрать песок с берега заводи горной реки. Вход в жилища с северной или юго-западной сторон обозначался прерыванием столбовых ямок.

Перед входом отмечены выровненные площадки, диаметром 4–5 м для наземной конструкции типа юрты. С южной и западной сторон ее фиксируются мелкие ямки. Они, вероятно, обо-

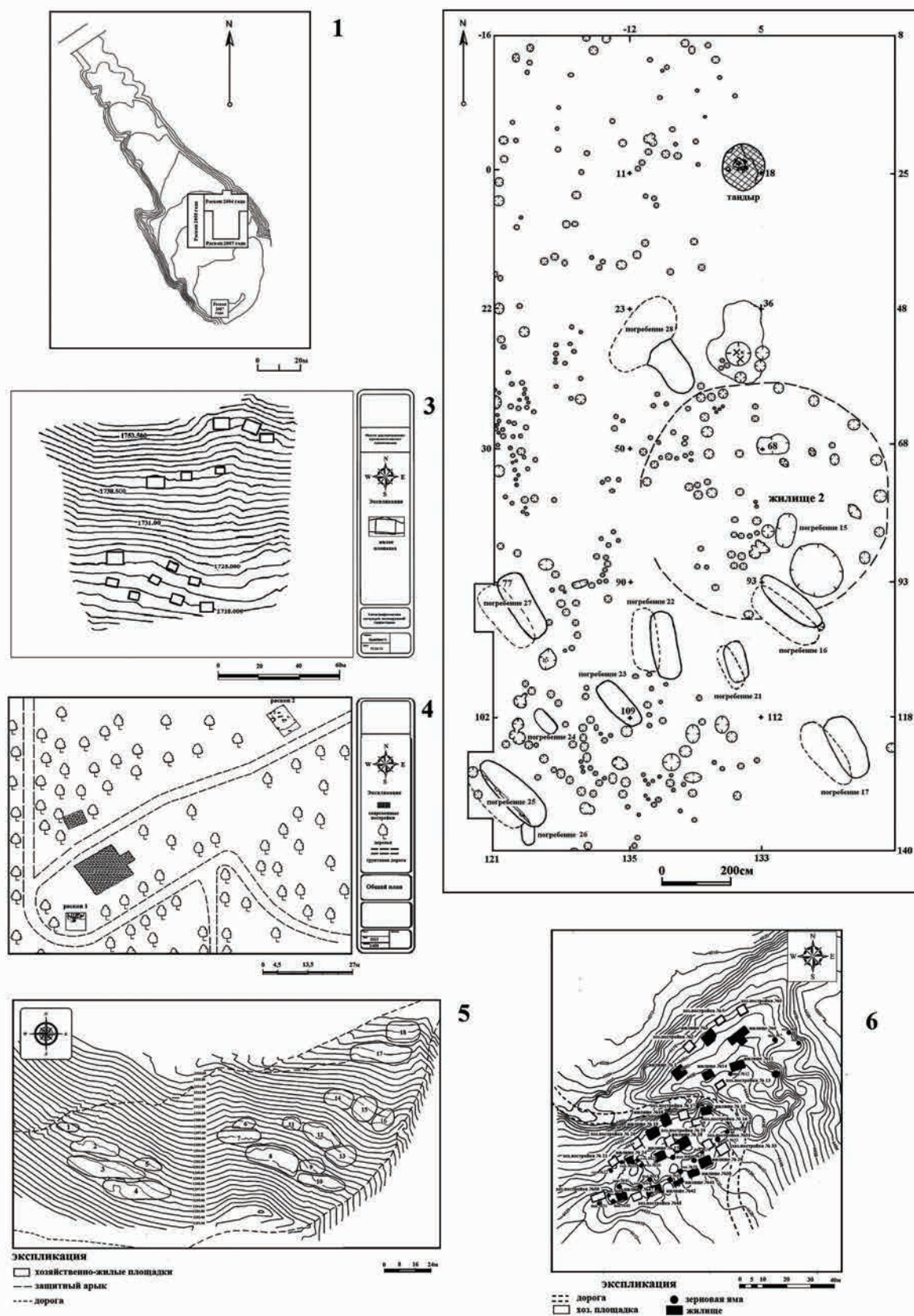

Рис. 1. Поселения раннего железного века предгорной зоны северных склонов Иле Алатау. 1 – топографический план археологического комплекса Бутақты-1; 2 – план раскопа жилища 2 с хозяйственным двором на комплексе Бутақты-1; 3 – топографический план поселения Бутақты-2; 4 – ситуационный план поселения Бутақты-3; 5 – топографический план поселения Нурлытау-2; 6 – топографический план поселения Колсай-1

значают остатки ограждений хозяйственных дворов в виде плетня. Предположительно, они были расположены к западу и северу от жилищ, составляя в ширину около 6 м и в длину около 10 м. Вход во дворы располагался с южной стороны. В 3–6 м к северу от жилищ фиксируются остатки тандыров. Тандыры представляли собой глинобитные сооружения, заглубленные в грунт до 30 см. В основании они составляли около 1 м в диаметре, а в высоту до 70–80 см. На их дне обнаружены кости мелкого и крупного рогатого скота, некоторые из них были значительно обожжены.

К югу от усадьбы 1 и к востоку от усадьбы 3 обнаружен участок с уплотненным полом, с крупными ямами, 30–35 см в диаметре, под опорные столбы. Общие размеры предполагаемой рабочей площадки, в восточной части которой найдено несколько скоплений железорудных шлаков, составляли 10 x 8 м. В ее западной части встречается необычайно плотное скопление битой керамической посуды самых разнообразных форм и керамический шлак. Это дает нам основание определить площадку как ремесленную мастерскую. Факт перекрытия мастерской курганом усуньского времени позволяет определить датировку поселения Бутақты-1 в пределах IV–III вв. до н. э.

Внутри ущелья Бутаковка исследования проводились на хозяйственно-жилых комплексах Бутақты-2 и 3. На таких поселениях обычно насчитывается около 10 полуземлянок прямоугольной и квадратной форм, размерами от 6 x 5 м до 10 x 12 м (рис. 1, 3, 4). Рядом с домами прослеживаются следы хозяйственных наземных построек. Жилища представляли собой заглубленные полуземлянки, врезанные в склоны северного борта ущелья. К этой же группе относится серия поселков в близлежащих от Бутаковки ущельях Нурлытау, Кокшоқы, Колсай/Кольсай, Камыссай и в урочище Медеу (рис. 1, 5, 6). Жилища поселений на склонах с южной экспозицией защищались от схода снега валами и водоотводными каналами. К каждому поселку, расположенному даже на небольшом отдалении от водного источника, подводилась питьевая вода небольшими арыками.

Аналоги округлым жилищам комплекса Бутақты отчасти прослеживаются в материалах ранее рассмотренных стоянок сакского периода из верховьев ущелья Турген. Формирование подобных жилых построек на данной территории начинается с периода финальной бронзы и завершается к середине I тыс. до н. э. [Вайнштейн, 1991, с. 57]. Наиболее близкие аналогии конструкциям турлучного типа представляются в материалах поселений Горного Алтая. Они соответствуют юртообразным жилищам, устанавливаемым на

поверхности земли или заглубленным на 20–25 см [Шульга, 2015, с. 24–28]. Группа подобных поселений связывается с пазырыкской культурой и датируется VI–II вв. до н. э. Полуземлянки поселений Бутақты-2 и 3 по своей структуре являются продолжением развития местной традиции устройства подобных жилищ на северных склонах Иле Алатау, начиная с эпохи бронзы.

Вещевой инвентарь поселений раннего железного века ущелья Бутаковка представлен маленьким железным ножом, металлическим шлаком, коллекцией каменных орудий труда, костяными инструментами и фрагментами керамической посуды. Черешковый железный нож из поселения Бутақты-3 имеет аналогии среди материалов центрально-казахстанских погребений V–III вв. до н. э. [Маргулан, Акишев, Оразбаев, Кадырбаев, 1966, рис. 66, 41] и алтайских поселений конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. [Абдулганеев, 1998, рис. 1, 8]. Наиболее близкие аналогии керамике поселений раннего железного века ущелья Бутаковка обнаруживаются в материалах стоянки сакского времени на археологическом комплексе Турген-2 [Горячев, 2011, с. 325–341] и поселении Осербай-1 [Байпаков, Марьяшев, 2001, с. 53–65]. Данные виды и формы посуды известны на обширной территории Центральной Азии, начиная с сер. I тыс. до н. э. Для региона Жетысу они наиболее характерны в захоронениях, датируемых преимущественно III–I вв. до н. э. (Акишев, Кушаев, 1963, табл. VI, VII, XI). Несмотря на то, что керамический комплекс поселений раннего железного века ущелья Бутаковка близок друг другу, мы можем предположить, что поселения Бутақты-2 и 3 активно функционировали и в усуньский период со II в. до н. э. по I в. н. э.

На предгорной равнине у северных склонов Иле Алатау в долинах рек резко увеличивается численность небольших семейно-родовых поселков, обычно состоящих из одного-трех хозяйственных подворий. Такие семейно-родовые подворья входили в округу крупных стационарных поселков, отделяясь от них полями (рис. 2). Крупные поселения состояли из 12–15 хозяйственно-жилых конструкций. Жилые помещения разделялись на одно-трехкомнатные секции, размеры которых варьировали от 3 x 3 до 6 x 4 м. Встречаются многокомнатные двухэтажные жилые строения. Перед входом обустроивался дворик или площадка. Хозяйственные постройки пристраивались сбоку от жилых конструкций либо располагались напротив на нижних террасах.

Жители таких селений занимались ирригационным земледелием, для чего отводили воду от реки на пологие хребты водоразделов либо

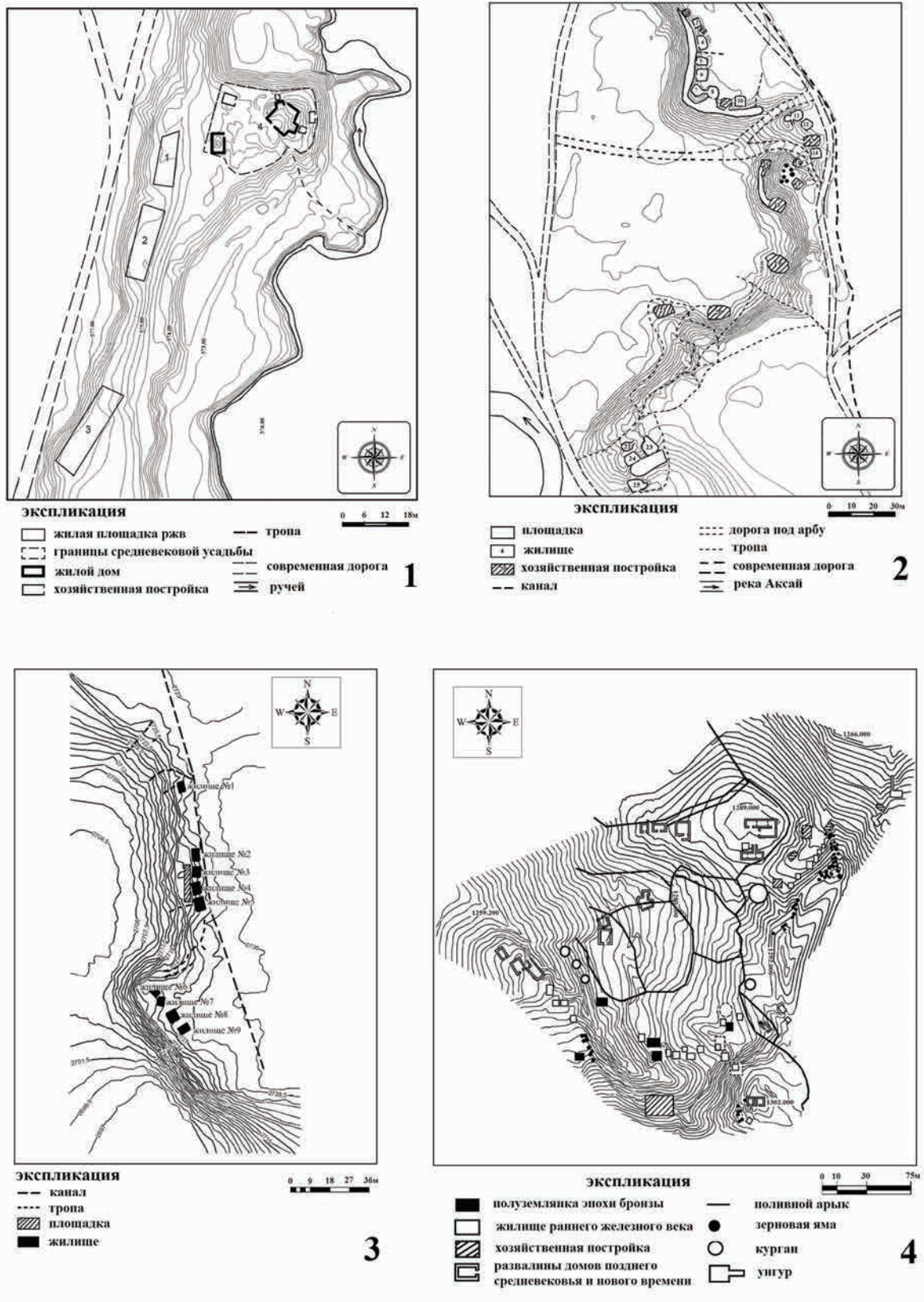

Рис. 2. Топографические планы поселений раннего железного века предгорных равнин у северных склонов Иле Алатау: 1 – Кульджинка-1; 2 – Коксай-2; 3 – Коксай-3; 4 – Когамыш

широкие донья ущелий, расположенные ниже водозабора, где возделывались поля [Сараев, 2010, с. 252–264]. Водоснабжение поселков, как и в

предыдущую эпоху, производилось из ручьев или родников при помощи водоотводных каналов и арыков. В поймах рек, вероятно, население ран-

него железного века занималось придомным скотоводством. Здесь обнаружены крупные загоны, обозначенные по периметру земляными валами.

Наиболее исследованными памятниками предгорных равнин у северных склонов Иле Алатау являются поселения Тузусай, Талдыбулак-2 (Цыганка-2) и Цыганка-8. Культурный слой поселения Тузусай достигает 1,1 м и содержит материалы древних наземных жилищ и вещевого материала, датируемого в пределах IV–I вв. до н. э. [Байпаков, 2008, с. 78]. Поселение Цыганка-8 существовало чуть ранее и было расположено по правому берегу одноименного ручья. Оно простирается на 100 м вдоль восточного берега. Было исследовано четыре землянки каркасно-столбовой конструкции.

Поселение Талдыбулак-2 находится на левом (западном) обрывистом берегу глубокого сухого лога. Подворья врезаны в склон борта в виде жилищ и хозяйственных строений. Всего на участке зафиксировано семь таких усадеб. К жилым полуземлянкам, размерами от 5 x 4 м до 9 x 6 м, пристраивались с южной и северной сторон хозяйственные строения-землянки (от 4 x 3 м до 5 x 5 м). На противоположном склоне лога возле усадеб прослеживаются выровненные площадки хозяйственных дворов, размерами 10 x 8 м. В результате раскопок был выявлен культурный слой толщиной 90 см с несколькими уровнями полов. Жилища на поселении представляли собой полуземлянки каркасно-столбовой конструкции, которые были выявлены в результате двух контрольных шурфов. Вещевой материал и фрагменты керамики датируют поселение позднезакским периодом V–III вв. до н. э. и усуньским временем II–I вв. до н. э. [Байпаков, 2008, с. 77].

Исследования хозяйственно-жилых комплексов равнинной части позволяют установить их взаимосвязь с крупными поселениями предгорной зоны. Как правило, водозаборы оросительных систем в раннем железном веке располагались в устьях горных ущелий [Сараев, 2007, с. 120–128]. Территория вокруг таких поселений предгорной части сохранили следы достаточно разработанной системы орошаемого земледелия (каналы, арыки). Например, выявлены водоотводные каналы протяженностью более 15 км Узын-Каргалы–Узынагаш, длиной 17,5 км Узын-Каргалы–Касымбек. В составе последнего сооружен акведук длиной более 1 км. Приблизительные расчеты показывают, что на возведение акведука, трудозатраты по перемещению грунта, превышают усилия по созданию среднего канала той же длины в 18–20 раз. На создание акведука длиной в 1 км требовалось переместить приблизительно 20 тыс. т грунта, что невозможно без перспектив-

ного планирования и административной организации проведения подобных работ. Небольшие семейные дворы земледельческих хозяйств имеют 3–5 ям для хранения зерна, но у некоторых хозяйств их встречается по 18, 30, 50 и даже 147. В среднем одна яма вмещает 2,5 т зерна [Сараев, 2011, с. 195–199], что позволяет предполагать развитие обменных процессов и торговли. Следовательно, небольшие поселки и усадьбы предгорных равнин являлись пользователями этих систем и представляли собой земледельческую округу крупных поселений предгорной зоны.

В высокогорной зоне поселения раннего железного века устроены в верховьях крупных ущелий и на высокогорных плато [Горячев, 2011, с. 325]. Как показали исследования в верховьях ущелья Турген и на плато Асы, освоение зоны на границе хвойных лесов и альпийских лугов началось еще в эпоху бронзы [Марьяшев, Горячев, 2001, с. 112–123]. Однако в раннем железном веке численность древних поселков резко увеличивается. Помимо крупных компактных селений от восьми до 24 дворов (поселения Турген-2, Кызылбулак-1 и 4, Ойжайляу-1 и 2) появляются небольшие усадьбы от одного до четырех хозяйственно-жилых комплексов (поселения Кызылбулак-2, 3, 5, Ойжайляу-3 и 4). Жилища устраивались на относительно ровных площадках древних морен, либо врезались в склоны увалов с южной экспозицией (рис. 3, 1, 2).

На переходном этапе от эпохи бронзы к раннему железному веку и в сакское время на археологическом комплексе Турген-2 происходят изменения в устройстве жилых помещений. На месте, где раньше фиксировались грунтовые полуземлянки каркасно-столбовой конструкции, устраиваются наземные жилища округлой формы. Вероятней всего, устройство жилищ наземного типа происходило как с использованием заплывших котлованов полуземлянок бронзового века, так и выровненных площадок древних морен. Они расположены в два-три ряда по берегу ручья Кызылбулак.

Полы жилищ сохранились в виде слоя плотной спрессованной глины со следами древесного угля. В традициях древних жителей этого поселения существовал обычай плотно утрамбовывать полы стоянок глиной с целью защитить от капиллярного проникновения внутрь жилого помещения влаги из почвы внешней среды. Строчения имели округлую или овальную форму, диаметром 6–8 м, и заглублялись на 30–40 см от уровня древней поверхности (рис. 3, 3). По их периметру прослеживаются столбовые ямы, диаметром 15–20 см и глубиной до 30 см, на расстоянии 1,5–2 м друг от друга. Между ними выявлены небольшие

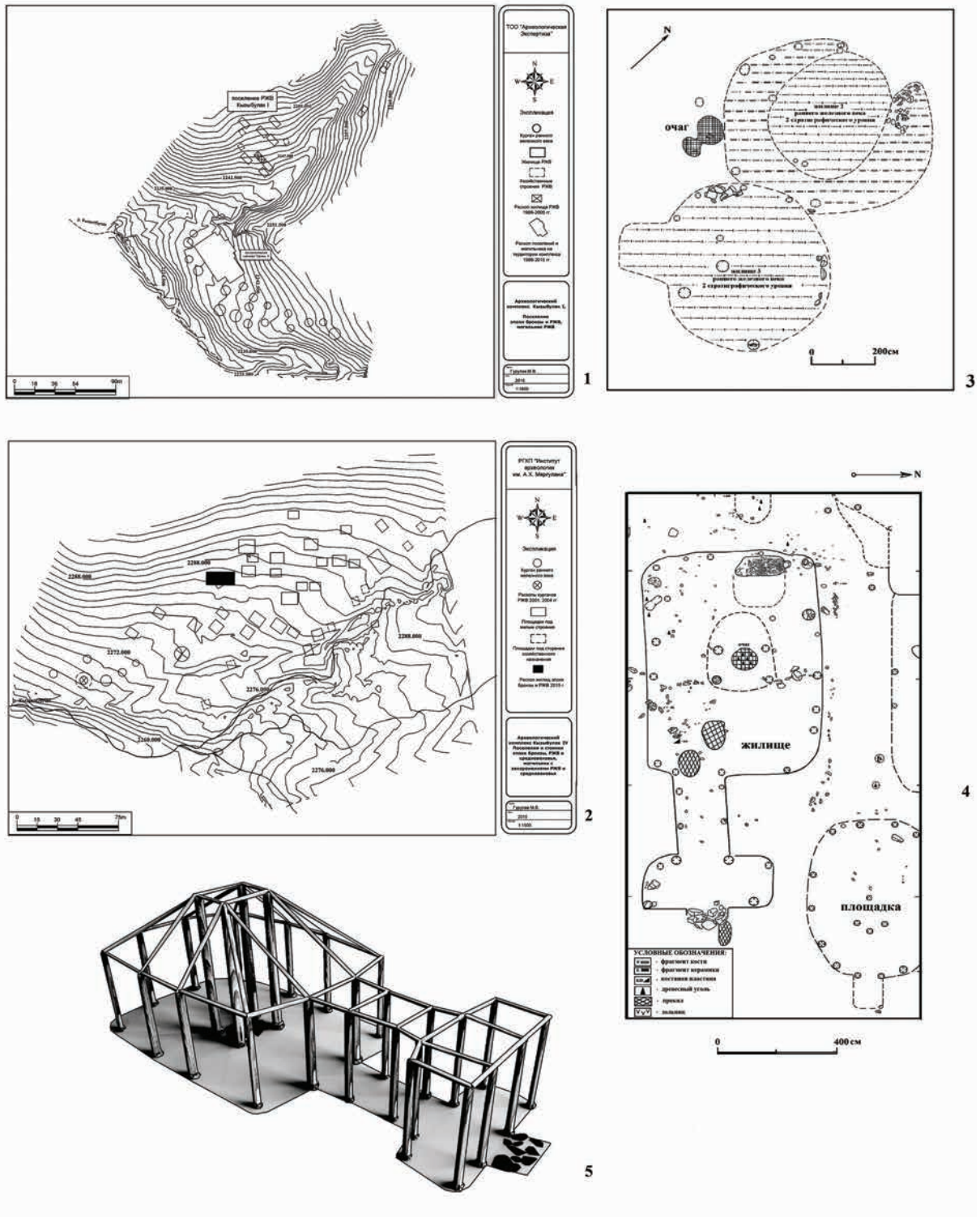

Рис. 3. Материалы поселений раннего железного века в верховьях ущелья Турген. 1 – топографический план поселений Турген-2 и Кызылбулак-1; 2 – топографический план поселения Кызылбулак-4; 3 – план раскопа жилища раннего железного века на поселении Турген-2; 5 – предварительная реконструкция жилища 1 поселения Кызылбулак-4 (художник К. С. Потапов)

ямки, диаметром до 5 см, забутованные щебнем. Вероятно, это следы от вертикально установленных жердей, которые составляли основу стен между опорными столбами. Характер крыши не устанавливается, но, возможно, она имела кону-

совидную форму [Горячев, 2011, с. 326–327].

В центре жилищ отмечаются одна – две крупные столбовые ямы, диаметром до 30 см и глубиной до 35 см. По внутреннему периметру вдоль стен прослеживаются отдельные камни

крупного речного галечника продолговатой формы, уложенные плашмя. Вход в помещение устраивался с северной, западной или южной сторон в виде коридора или обозначался прерыванием столбовых конструкций. Одно или двухкамерные очаги располагались за пределами жилищ и имели округлую или восьмеркообразную форму. Сложносоставной очаг состоял из двух очажных ям округлой формы, соединенных небольшой «перемычкой». Диаметры очажных ям от 0,6 м до 1 м, глубина 0,3 м и 0,4 м. По всему периметру очажных ям в их заполнении фиксируются остатки золы и пятно прокала, мощностью до 10 см.

Вещевой материал раннего железного века из камня, кости и глины комплекса Турген-2 представляет собой набор инструментов для кожевенного ремесла и ткачества [Горячев, Чернов, 2007, с. 106–119]. Наиболее близкие аналогии керамике среди семиреченских материалов имеются на поселениях Бутақты-1 и Осербай-1 [Байпаков, Марьяшев, 2001, с. 53–65]. Определенные аналогии по формам керамики обнаруживаются в материалах поселений Центрального Казахстана [Бейсенов, Ломан, 2007, с. 156–161] и Алтая [Кирюшин, Фролов, 1998, с. 110–112, рис. 1, 2], которые датируются в пределах VII–V вв. до н. э. и соотносятся с культурами раннесакского периода. Отсутствие орнаментации, за исключением налепных валиков, пальцевых защипов и ногтевых вдавлений сближают эту посуду со среднеазиатскими керамическими комплексами, как раннесакского [Вишневская, 1973, табл. XXII, XXIII; Яблонский, 1996, рис. 33, 34], так и позднесакского периодов [Заднепровский, 1962, с. 170].

К более поздним этапам раннего железного века относятся жилища близлежащих комплексу Турген-2 поселений Кызылбулак-1 и 4 (рис. 3, 1, 2). Они представляют собой двухкомнатные полуземлянки каркасно-столбовой конструкции, врезанные в склоны с южной экспозицией северного борта урочища Кызылбулак. На поселении Кызылбулак-1 зафиксировано девять жилищ и пять хозяйственных построек. Котлованы жилищ представляют собой простые грунтовые ямы, основания фундаментов сложены из сравнительно крупных камней речной гальки. Стены жилищ, как и основные несущие конструкции, изготавливались из тянь-шаньской ели.

На поселении Кызылбулак-4 выявлено 28 площадок под жилые конструкции, распределенных в несколько ярусов по всему его периметру, восемь курганов раннего железного века, расположенных в юго-западной части комплекса и шесть площадок под хозяйственные постройки, сосредоточенные преимущественно по берегу ручья. Как показали исследования, на каждой

площадке имеется по два культурных слоя. Конструкции полуземлянок раннего железного века перекрывают котлованы жилищ эпохи бронзы. Вход в жилища устраивался с восточной стороны. Он начинался на отметке уровня древней поверхности и ступенькой понижался на глубину пола. У входа располагалось двухкамерное помещение-хозяйственный отсек (4 x 2 м). Через коридор (3 x 1,5 м) по центру хозяйственной зоны шел проход в жилое пространство, которое обогревалось центральным очагом (рис. 3, 4, 5). Диаметр очага 1 м, мощность прокала – 0,4 м. По его периметру устанавливались столбы, служившие основной опорой конструкций крыши. Над очагом сохранялось открытое «окно», предназначенное для выхода дыма. Внутренний объем помещения состоял из двух комнат (6 x 4,5 м и 6 x 3,5 м).

Опорные конструкции располагались по периметру жилища через каждые 1,5–2 м. Глубина столбовых ям составляла от 10 до 35 см. Внешними подпорками опорных столбов служили речные камни мелких и средних размеров, залитые глинистым раствором. На столбы укладывались балки, длиной до 4 м, которые служили опорой для конструкции кровли. Кровельное покрытие было четырёхскатным и укладывалось на опорные балки и на основные перекладины. Стены штукатурились раствором жидкой глины.

Подобные жилые конструкции раннего железного века в высокогорной зоне Иле Алатау встречаются впервые и аналогии им в хронологически параллельных памятниках нам не известны. Наиболее близкими по устройству представляются жилища тазабагыябской культуры Приаралья [Итина, 1977, с. 53–55, рис. 9], где известны полуземлянки бронзового века с айванами (полукруглые помещения с длинным коридором). Схожие элементы домостроительства зафиксированы в жилищах эпохи бронзы и раннего железного века на поселении Бутақты-1 [Горячев, 2012, с. 169–182].

Вещевой и остеологический материал достаточно традиционно характеризует развитие скотоводства в высокогорной зоне региона. Среди останков животных в целом преобладают кости мелкого (свыше 50%) и крупного (около 40%) рогатого скота. Костные останки лошадей (5%), диких травоядных – козлов, оленей (3%) и хищников (1%) встречаются реже. Ряд материалов представляет собой костяные изделия – проколки, ручки инструментов, астрагалы, трепала и т. д. Близость керамики поселения Кызылбулак-4 материалам усуньского времени долины реки Иле/Или и предгорной зоны Иле Алатау позволяет соотнести поселения с памятниками древних

усуней конца I тыс. до н. э. [Акишев, Кушаев, 1963, табл. XI; Байпаков, 2008, рис. 15]. Находка костяной пластины с гравировкой среди вещевого материала жилища 1 на поселении Кызылбулак-4 позволила уточнить датировку памятника в пределах I–II в. н. э. на основе аналогий с Орлатскими пластинами [Маслов, 1999, с. 219–236].

Окончательное формирование экономической системы в раннем железном веке, основанной на зональном разделении земледельцев и скотоводов северных склонов Иле Алатау, привело к становлению новых форм хозяйствования. В частности, развивается яйлажное скотоводство, при котором часть населения в летний период уходила из поселков на высокогорные пастбища (жайлау). На подобных семейно-родовых зимовках предгорий обнаруживаются остатки ремесленных мастерских. Такие поселения играли роль хозяйственно-ремесленных центров для жителей каждого крупного ущелья.

Изменения в характере жилых и хозяйственных построек раннего железного века помимо социокультурной динамики связаны с тем, что на это время приходится период увлажнения и похолодания климата в Северной Евразии. На позднем этапе раннего железного века в системе расположения древних поселений Иле Алатау наблюдается изменение мест их устройства. В частности, жилища располагаются на склонах гор, а на месте прежних поселков возникают кладбища древних усуней (Бутақты-1, Турген-2). Решающую роль в хозяйственно-экономической системе древнего населения играла предгорная полоса, где располагались наиболее крупные поселения этого времени, которые, вероятно, являлись, не только хозяйственно-ремесленными, но и административными центрами северных склонов Иле Алатау.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуганеев М.Т. Поселение Майма 1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1998. – С. 165–171.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Саки и усунь долины реки Или. – Алма-Ата: Наука, 1963. – 310 с.
- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Новые данные по изучению поселений эпохи раннего железного века в Жетысу // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2001. – № 1. – С. 53–65.
- Байпаков К.М. Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. – Алматы: Credo, 2008. – 173 с.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы: Инжу-Маржан, 2009. – 264 с.
- Вайнштейн И.В. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака). – М.: Наука, 1973. – 160 с.
- Горячев А.А. Поселение и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургенъ-II // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. – Вып. 3. – С. 325–341.
- Горячев А.А. К вопросу о ранней истории Алматы (по материалам археологического комплекса Бутақты-I) // Алматы история тысячелетий: матер. междунар. науч.-практич. конф. «Древняя и средневековая урбанизация Евразии: возникновение, развитие и возраст Алматы» (Алматы, 17–18 ноября 2011). – Алматы: Credo, 2012. – Вып. 3. – С. 169–182.
- Горячев А.А., Чернов М.А. Орудия кожевенного ремесла и ткачества из археологического комплекса Тургенъ-II // История и археология Семиречья. – Алматы: ОФ «Родничок», 2007. – Вып. 3. – С. 106–119.
- Горячев А.А., Могов Ю.А. Результаты исследований археологического комплекса Бутақты-1 на юго-восточной окраине города Алматы в 2010 г. // Изв. НАН РК. Сер. обществ. и гуманитар. наук. – 2012. – № 3. – С. 3–15.
- Горячев А.А., Сараев В.В. К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Изв. НАН РК. Сер. обществ. и гуманитар. наук. – 2015. – № 6 (304). – С. 5–18.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. – М.–Л.: Наука, 1962. – 328 с.
- Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. – М.: Наука, 1977. – 240 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1998. – С. 110–136.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Поселения эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургенъ и на плато Асы // История и археология Семиречья. – Алматы: ОФ «Родничок», 2001. – Вып. 2. – С. 112–123.

- Маслов В.Е.** О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову. – М.: Институт археологии РАН, 1999. – С. 219–236.
- Савельева Т.В.** Новая страница в древней истории Алматы // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие. – Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2010. – С. 137–140.
- Сараев В.В.** Принцип построения оросительных систем в предгорьях древнего Семиречья (к вопросу о земледелии на территории Семиречья в древности) // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд «Родничок», 2007. – Вып. 3. – С. 120–128.
- Сараев В.В.** Перспектива выявления фактов развитого оросительного земледелия в предгорьях Семиречья // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: научн. чтения памяти Н. Э. Масанова: сб. матер. междунар. научн. конф. – Алматы: ТОО «Print-S», 2010. – С. 252–264.
- Сараев В.В.** К вопросу о функциональном назначении хозяйственных ям при поселениях позднего средневековья и нового времени северного склона Заилийского Алатау // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд «Родничок», 2011. – Вып. 4. – С. 195–199.
- Чупахин В.М.** Высотно-зональные геосистемы Средней Азии и Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 256 с.
- Шульга П.И.** Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – 336 с.
- Яблонский Л.Т.** Саки Южного Приаралья. – М.: Изд-во ИА РАН, 1996. – 186 с.

**Г. С. Джумабекова,
Г. А. Базарбаева,
С. А. Нигматова**

**Г. С. Джумабекова¹, Г. А. Базарбаева¹,
С. А. Нигматова²**

¹Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
г. Алматы

²Институт геологических наук им. К. И. Сатпаева,
г. Алматы

**G. S. Jumabekova, G. A. Bazarbayeva,
S. A. Nigmatova**

¹A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty

²K. I. Satpaev Institute of Geological Sciences, Almaty
e-mail: gdzhuma@mail.ru; nigmatova@mail.ru

Археологическое и палинологическое изучение курганов могильника Каспан-6 в Жетысу

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, проект № 2982/ГФ4 «Сарыарка в системе культур раннего железного века Степной Евразии»

Аннотация. В статье представлены материалы по археологическому и палинологическому (спорово-пыльцевому) исследованию кургана 4 могильника Каспан-6, расположенного в юго-восточной части Жетысу. Памятник исследовался на протяжении нескольких полевых сезонов международной казахско-итальянской археологической экспедицией под руководством А. З. Бейсенова. Полученные данные позволяют предположить, что курган был сооружен в течение длительного времени и в несколько этапов.

Ключевые слова: археологическое изучение памятника, палинология, палиноспектр, пыльца, голоцен, курганы, геоморфология.

Archaeological and palynological studies of the kurgans of the burial ground Kaspan-6 in Jetysu

The work was carried out with the financial support of MES of RK, project number 2982/GF4 “Saryarka in the system of early Iron Age Eurasian steppe cultures”

Abstract. The article is devoted to the materials of archaeological and palynological (spores and pollen) studies of the kurgan 4 of the burial ground Kaspan-6, which is located in the southeastern part of Jetysu. Archaeological and palynological data suggests that the kurgan was being built for a long time and in stages.

Keywords: archaeological researches, palynology, pollen spectra, pollen, holocene, kurgans, geomorphology.

Введение

Могильник Каспан-6, на котором проводились исследования, находится близ одноименного села в Кербулакском районе Алматинской области [Бейсенов и др., 2015]. Представляет собой курганную группу, образованную из нескольких объектов, вытянутых в общем по направлению север–юг. Наиболее крупный – курган 1 (южный). Самым северным является полураспаханный мелкий курган № 5 на краю поля.

Курган № 4 имел параметры – высоту более 3 м, диаметр – более 30 м. На вершине кургана под дерном выявлена стела, очевидно первоначально установленная в центре. В результате проведенных раскопок можно предположить, что курган возводили на предварительно выровненной и за-

литой жидкой глиной или, скорее, утрамбованной площадке – платформе. В центре площадки выкопана была могильная яма. После завершения захоронения яму заливали жидкой глиной. Над могилой выявлена глиняная конструкция, первоначально, очевидно, имевшая форму купола. Она представляет собой очень твердую и плотную глиняную заливку (или увлажненную утрамбованную глину) с прослойками из камней. В целом купол закрывал собой яму. Глиняный конгломерат над могильной ямой представляет собой очень твердую и плотную глиняную заливку (?) с прослойками из камней, которые, вероятно, выполняли функцию уплотнителя, и слоем небольших камней на самом верху конструкции. Белые тонкие плотные прослойки в конгломера-

те, возможно, отражают определенное состояние глиняной заливки – отставание, затвердевание. В результате заливки купол получился очень плотным, твердым.

Весь комплекс состоит из двух компонентов - большой могильной ямы с конгломератом в виде купола и небольшой ямы с двумя компактными каменными выкладками по краям с южной стороны от нее.

В разрезе кургана вокруг могильной ямы фиксируется вал, прослеживаются четыре слоя вала. Вероятно, они свидетельствуют о том, что вал насыпали в четыре этапа, каждый раз склоны вала уплотняли жидкой или влажной глиной.

Могильная яма была совершенно разграблена. В ее ЮЗ, СЗ и ЮВ углах зафиксированы ямки с остатками дерева диаметром 3–4 см. На глубине от -2,88 до -3,19 м после удаления мелких камней выявлены плиты конструкции типа ящика вдоль западной стенки могильной ямы. Они, вероятно, были смещены с первоначального положения.

Дно могильной ямы определено по сыпучему серому грунту со щебнем. В придонной части, особенно в западном конце, зафиксировано скопление бронзового (медного) бисера, фрагментов дерева, остатки жердей. Из разрозненных костей человека *in situ*, видимо, сохранился лишь фрагмент затылочной кости черепа в восточном конце ямы. Из находок также можно назвать гребень из рога или кости. Яма по дну приобрела подпрямоугольную в плане форму, ориентированную по линии 3–В.

На расстоянии около 3 м от края насыпи кургана внутрь выявлено кольцо из камней шириной в среднем 3,5 м - крепиды.

Помимо стелы на вершине кургана в процессе раскопок были выявлены еще три с восточной стороны могильной ямы. Стелы найдены в упавшем состоянии, на внутренней границе вала вокруг могильной ямы.

В лаборатории радиуглеродного датирования в г. Белфаст (Великобритания) получена калиброванная дата кургана 4, определяемая интервалом с конца VIII по середину V вв. до н. э., что по времени совпадает с периодом расцвета сакской культуры [Бейсенов и др., 2015].

Кратко обозначим конструктивные элементы кургана 1 - южного в цепочке, самого крупного. Высота – 3 м, диаметр – 36 м. Разрез–профиль кургана по линии 3–В выявил следующие элементы конструкции: глиняная заливка над погребальной камерой, поверх нее - верхний слой наброски - небольшие камни. Заливка – плотная, твердая, из хорошо отмученной однородной глины. Вокруг могильной ямы фиксируется вал. Вал лежит на платформе – плотной глиняной заливке

(?) или утрамбованной глине. Высота вала составила 1,60-1,90 м над платформой. Можно предположить, что вал был сооружен до окончательной засыпки могильной ямы (?) в три этапа.

Поверх вала была насыпана насыпь – курган. Он укреплен по склону рядом из небольших и средних по размеру камней – крепидой. Наконец, поверхность конструкции зафиксированы оловяные (?) отложения.

В грабительском лазе выявлено захоронение животного – собаки. Погребальная камера была перекрыта 30 жердями. Зафиксированы их концы на южном краю погребальной камеры. Они зафиксированы сломанными, прижатыми к стене. Значит ли что камера оставалась какое-то время пустой? Длина жердей составила 3 м. Северные окончания жердей упираются в дно ямы. Это позволяет предположить, что ограбление было совершено после того, как жерди перекрытия ямы обрушились вниз.

В донной части погребальной камеры выявлены ямки от опорных столбов. Всего зафиксировано шесть ямок, которые были залиты глиной после того, как в них вставляли столб. Глубина ямки достигала – 39 см, диаметр – 30 см. Погребение разграблено, выявлены разрозненные кости трех человек, в том числе одного ребенка. С восточной стороны погребальной камеры находился дромос, перекрытый жердями поперек длины. Всего жердей 19. Размеры дромоса: 1,0 x 2,50 м. Длина – 4,45 м, глубина – 0,30–1,80 м.

С западной стороны в полах кургана была выявлена лежащая стела.

Некоторые аналогии объекта Каспан фиксируются в Приаралье [Итина, Яблонский, 1997], Южном Приуралье [Очир-Горяева, 2012]. Некоторые элементы переключаются с памятниками тасмолинской культуры [Бейсенов, 2010; 2014]. М. К. Хабдулина отмечает, что на раннем этапе своей истории (VIII–VI вв. до н. э.) тасмолинцы занимали территорию от Южного Урала до Иртыша и от южной кромки лесостепной полосы Западной Сибири до широты озера Балхаш. Для сакских курганов долины Быжы характерны единые принципы: могильники вытянуты цепочкой вдоль русла рек.

Крупные курганы расположены одиночно или сгруппированы по три – пять насыпей на одном могильном поле [Хабдулина, 2016, с. 137–138].

Параллели прослеживаются и в архитектуре и конструкции с «курганом» Сыгнак (берег Ишима). Диаметр кургана 44 м, высота 3,5 м. Правда, в «кургане» Сыгнак, была символическая могила. Как и на других курганах, в том числе в Каспане, выявлено, что после удаления гумуса,

Сделанные археологами предварительные выводы о конструктивных элементах курганов Каспана требуют каких-либо доказательств. Одним из методов, способных косвенно подтвердить или опровергнуть наши предположения, является палинологический анализ.

Использование данных палинологического (спорово-пыльцевого) анализа прочно вошло в практику археологических исследований. Изучение пыльцы и спор, сохранившихся в осадочных отложениях и отложениях археологических памятников, позволяют получить важную информацию по изменению климата времени формирования объекта, составу растительности, сезонности формирования и др.

Информативность и достоверность палинологических исследований, в особенности в аридной зоне, где растительный покров часто маловыразителен, а условия седиментации и захоронения пыльцы неблагоприятны, напрямую зависят от методически правильно проведенных работ по сбору образцов и их дальнейшей лабораторной обработки.

Палинологические исследования кургана 4 Каспан-6 были направлены на решение вопросов строительства погребально-поминального комплекса, таких как этапы и сезонность возведения кургана, подтверждение или опровержение искусственности слоев.

Палинологический анализ – сложный, трудоемкий и дорогостоящий процесс, который можно разделить на равные по важности и скрупулезности выполнения этапы:

- 1 этап – пробоотбор;
- 2 этап – лабораторная обработка проб;
- 3 этап – исследование под микроскопом полученных мацераций;
- 4 этап – интерпретация полученных данных.

Геоморфологическое описание месторасположения курганов могильника Каспан-6

Курганы могильника Каспан-6 расположены на территории, относимой к юго-восточной части Жетысу – сложного природного комплекса,

где на сравнительно небольшой территории представлены различные ландшафтные пояса, включающие горы, обширные предгорные равнины, песчаные пустыни, многочисленные реки, несущие свои воды в озеро Балхаш.

В геоморфологическом отношении основную часть изученной территории занимают предгорья и хребты Джунгарского/Жетысу Алатау, что обусловило относительно благоприятный климат региона.

По периметру гор расположены наклонные предгорные равнины, сложенные эоловыми (лессы и эоловые пески), аллювиальными, дельтовыми, аллювиально-пролювиальными отложениями конусов выноса, на которых, чаще всего, располагаются населенные пункты. На лессах развит равнинный ступенчатый рельеф, формирование которого связано с денудационными процессами и деятельностью гидросети.

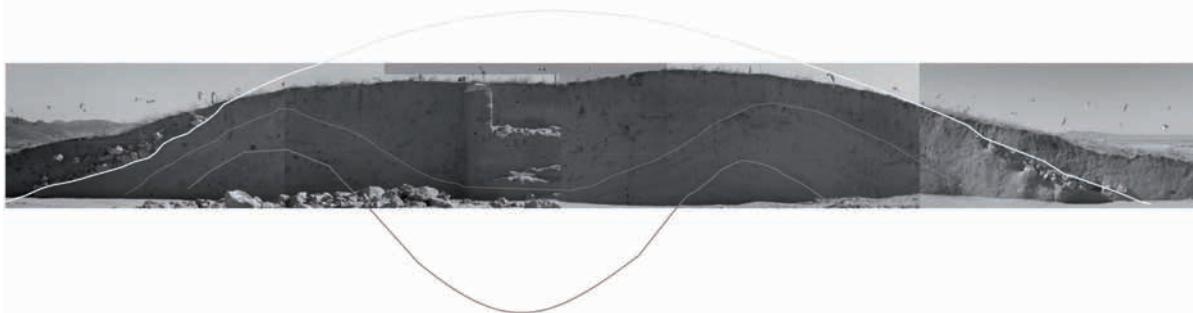
Курганы расположены на денудационной предгорной равнине, сложенной лессами эолового генезиса и эрозионно расчлененными.

Палинологическое описание

Палинологически изученный курган могильника Каспан-6 имеет довольно сложное строение, с чашеобразно вогнутым расположением слоев суглинка различной плотности (синие и красные линии на рис. 1).

На палинологический анализ для выделения пыльцы и спор в лабораторию было передано 22 образца. Пробы были взяты сплошной задиркой, таким образом, чтобы охватить опробованием все видимые слои кургана. Пробы из разреза 2 (над каменной кладкой) характеризуют состав растительности, сформировавшийся уже после возведения кургана. Разрезы 4 и 5, надстраиваются друг над другом, образуя полный разрез кургана, пересекая все видимые слои.

Во всех спектрах присутствует пыльца травянистых растений неопределенной систематической принадлежности, определенная нами как трехлопастная, что значительно осложняет

Рис. 2. Схема расположения слоев кургана

Рис. 3. Схема отбора проб

интерпретацию спектров. К этому типу относят пыльцевые зерна двудольных травянистых растений, таксономическую принадлежность которых достоверно определить достаточно сложно, т. к. нет каких-либо характерных видовых признаков. Возможно, это незрелая, недоразвитая пыльца польни, бобовых и других растений. Обычно в Атласах и специальной литературе приводятся

описания хорошо сформированных пыльцевых зерен, и нигде не рассматривается незрелая, несформированная пыльца. В литературе есть масса упоминаний о том, что в особенно сухие годы (иногда в холодные) многие растения не «пылят», т. е. производят пыльцу в малом количестве, но нигде нет упоминаний о том, какого облика эта пыльца, произведенная в условиях климатиче-

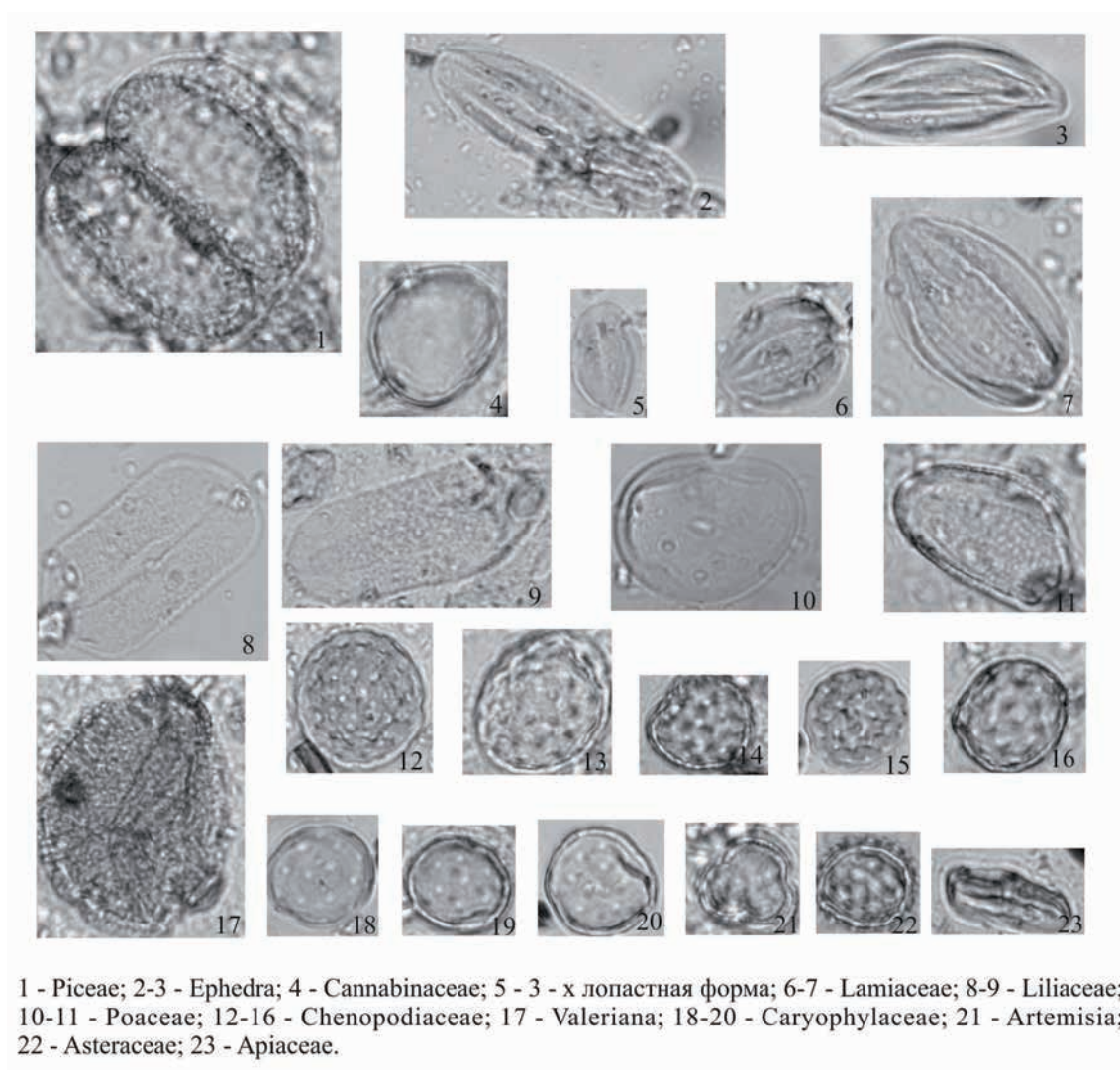

Рис. 4. Фотографии пыльцы из кургана 4 мог. Каспан-6, разрез 2

ского кризиса. Для нашей территории это очень актуальная проблема, т. к. иногда количество трехлопастной пыльцы превышает 50%.

В целом, все спектры отражают в той или иной мере фоновую сухостепную растительность предгорий.

Разрез 2 (снизу вверх)

Слой 1 (образцы 1–3, от каменной кладки до 5 см). Среди травянистых доминирует пыльца трехлопастных – 67–64% и маревых (*Chenopodiaceae*) – 15,6–27%, пыльца полыней составляет от 3% до 7% и эфедры 3–4%. Кроме того, встречена единичная пыльца лилейных, злаков, цикоревых, губоцветных и гвоздичных. В целом этот этап отражает развитие сухих предгорных пустынь и полупустынь, при жарком и сухом климате.

Слой 2 (образец 4, современный, поверхностный, гл. 5–0 см). Встречена единичная пыльца древесных – *Piceae* и *Pinus* (ель и сосна). Здесь также установлены спектры с доминированием пыльцы трехлопастных форм (49%). В большем количестве встречена пыльца полыни (*Artemisia sp.*) – 20%, маревые (*Chenopodiaceae*) составляют 13%, пыльца эфедры (*Ephedra*) 14%, лилейных (*Liliaceae*) – 4% и гвоздичных – 5%. Кроме того, установлена пыльца злаков, цикориевых, губоцветных, зонтичных и *Turpha*. В целом, этот этап также отражает растительность сухих предгорных полупустынь и степей, при несколько более увлажнённом климате, чем на предыдущем этапе.

Разрез 4 (сверху вниз от зачищенной дневной поверхности до гл. 50 см, верхняя prognатая часть кургана)

Образец 1. Здесь доминирует пыльца трехлопастных форм (66,7%) и пыльца маревых *Chenopodiaceae* – 19%. Установлена пыльца эфедры (до 6%) и пыльца полыней (*Artemisia sp.*) до 3%. Единично встречается пыльца цикориевых и губоцветных. Близок по составу современным отложениям над каменной кладкой.

Образец 2. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца древесных *Piceae* и пыльца березы *Betula*. Доминирует пыльца травянистых пустынных растений: трехлопастных форм – 61,8%, полыни (*Artemisia sp.*) – 4%, маревые *Chenopodiaceae* – 15,8%, сложноцветные (*Asteraceae*) – 2%, эфедра – 7% и губоцветных (*Lamiaceae*) – 4%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна лилейных, цикориевых, злаковых.

Образец 3. Здесь также установлены спектры с доминированием пыльцы трехлопастных форм (59,2%) субдоминант – пыльца маревых *Chenopodiaceae* – 18%, и эфедры *Ephedra* – 8%.

Встречена пыльца полыни (*Artemisia sp.*) (9%). Единично встречается пыльца злаковых, лилейных, цикоревых, астровых и губоцветных.

Образец 4. Пыльца трехлопастных форм составляет до 56,4% от общего числа встреченных пыльцевых зерен, присутствует пыльца маревых – 23,6%, полыней – 5%, встречена пыльца сложноцветных, лилейных, эфедры, злаковых, гвоздичных.

В целом, состав достаточно однороден. Вероятно, верхняя часть кургана была выполнена из лессовидных суглинков предгорной равнины.

Разрез 5 (снизу вверх)

Этот разрез представляет наибольший интерес, т. к. здесь палинологически охарактеризованы видимые слои суглинков различной плотности.

Слой 1. Образец 1. Гл. 300–295 см. Доминирует пыльца трехлопастных форм (66,5%) и пыльца эфедры (до 12%). Установлена пыльца маревых *Chenopodiaceae* – 10% и пыльца полыней (*Artemisia sp.*) до 6%. Единично встречается пыльца цикориевых, лилейных, злаковых и губоцветных. В целом, этот спектр характеризует относительно сухие и прохладные условия, возможно, это уровень равнины до сооружения кургана.

Слой 2 (плотный слой). Образец 2. Гл. 280 см. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца трехлопастных форм – 4 шт. и полыни (*Artemisia sp.*) – 8 шт.

Образец 3. Гл. 270 см. Здесь встречается пыльца трехлопастных форм (81,7%), пыльца маревых *Chenopodiaceae* 4% и пыльца полыни (*Artemisia sp.*) (14%).

Вероятно, этот слой формировался из выбросов из могильной ямы более древних, плейстоценовых, отложений. Из выбросов был сформирован валик вокруг могильной ямы.

Слой 3. Образец 4. Гл. 260 см. Крайне малая насыщенность пылью. Много фрагментов растительных тканей. Встречена пыльца трехлопастных форм 5 шт., присутствует единичная пыльца злаковых и губоцветных.

Образец 5. Гл. 250–245 см. Установлена пыльца трехлопастных форм и полыни. Также, встречена единичная пыльца злаков и эфедры. Возможно, эти слои сформировались при смешивании суглинков с водой и соломой, их долгом вымешивании, что привело к утрате пыльцы и насыщению фрагментами растительных тканей. Из этой плотной смеси был выполнен небольшой купол над могильной ямой, после его формирования ему дали высохнуть.

Слой 4 Образец 6. Гл. 240 см. Здесь также доминирует пыльца трехлопастных форм (71%), субдоминант – пыльца полыней (*Artemisia sp.*)

(15%). Встречена пыльца злаковых (*Poaceae*) – 6%, маревых *Chenopodiaceae* – 4% и эфедры (3%). Также встречается пыльца лилейных, губоцветных.

Этот слой отражает естественную фоновую растительность и был насыпан на высохший и достаточно твердый купол, возможно, этот слой был выполнен в раннелетний период, когда отмечается обильное цветение злаков.

Слой 5. Образец 7 Гл. 220–210 см. Обедненный в количественном отношении (насчитано 70 пыльцевых зерен). В палиноспектре доминирует пыльца травянистых пустынных растений: трехлопастных форм до 60%, пыльца полыни (*Artemisia sp.*) составляет 14,2%, эфедры – 3%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна лилейных (*Liliaceae*), губоцветных (*Lamiaceae*).

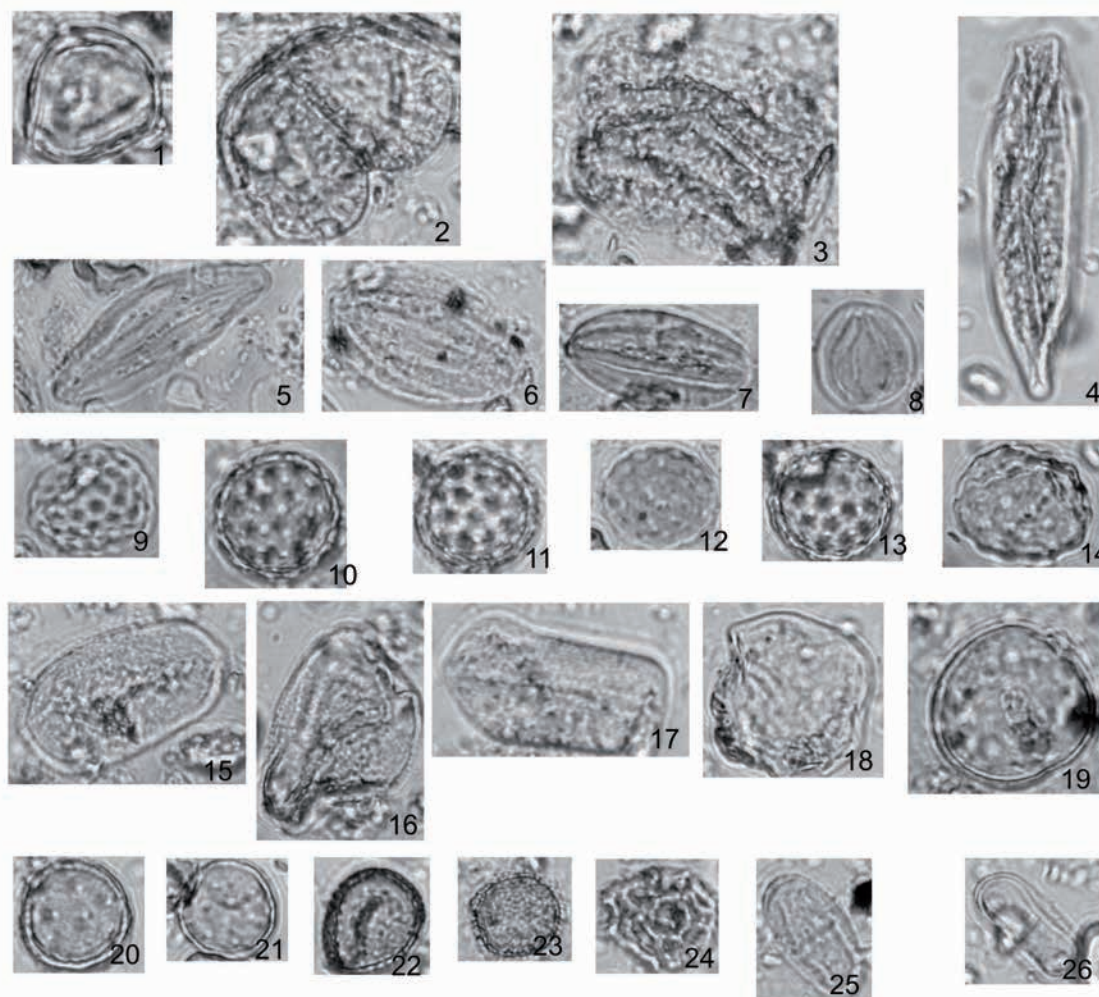
Относительно небольшое количество пыльцы и плотность отложений может также указы-

вать на то, что данные слои были сформированы путем дополнительного увлажнения суглинков, их перемешивания, что повлекло разрушение пыльцевых зерен.

Слой 6. Образцы 8–10. Гл. 200–140 см. Здесь также установлены спектры с доминированием пыльцы трехлопастных форм (55,7%). В большом количестве встречается пыльца полыни (*Artemisia sp.*) (30%), маревые *Chenopodiaceae* составляют 3%, эфедры (*Ephedra*) 5%, злаки (*Poaceae*) – 3%. Кроме того, установлена пыльца лилейных, цикориевых, губоцветных и бобовых.

Образец 9. Трехлопастных форм – 66,5%, полыни (*Artemisia sp.*) – 19,7%, маревые *Chenopodiaceae* – 7,7%, сложноцветные (*Asteraceae*) – 1%, эфедра – 3% и злаковых (*Poaceae*) – 2%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна лилейных.

Образец 10. Среди древесных встречается единичная пыльца березы. Здесь также установ-

1- *Betula*, 2- *Pinus*, 3 - *Piceae*, 4-5 - *Ephedra*, 6-8 - *Lamiaceae*, 9-14 - *Chenopodiaceae*, 15, 17 - *Liliaceae*, 16, 18-19 - *Poaceae*, 20-21 - *Caryophyllaceae*, 22-23 - *Typha*, 24 - *Cyboriaceae*, 25-26 - *Apiaceae*

Рис. 5. Фотографии пыльцы из кургана 4 мог. Каспан-6, разрез 4

лены спектры с доминированием пыльца трехлопастных форм (73,3%) субдоминант – пыльца полыни (*Artemisia sp.*) (14%). Встречена пыльца маревых *Chenopodiaceae* – 5%, злаковых (*Poaceae*) – 3%, эфедры *Ephedra* – 2%. Единично встречается пыльца губоцветных.

Отложения сформированы из отложений предгорной равнины, в раннелетний период.

Слой 7 (плотный слой). Образец 11. Здесь установлен крайне обедненный в количественном и качественном отношении спектр. Насчитано всего 40 пыльцевых зерен, мацерат содержит большое количество растительных тканей.

Установлена пыльца трехлопастных форм, присутствует пыльца полыней, маревых и эфедры.

Этот слой аналогичен слою 3. Из перемешанных и уплотненных суглинков был, вероятно, сформирован очередной плотный купол.

Образец 12. Здесь доминирует пыльца трехлопастных форм (54%), субдоминант – пыльца полыней (*Artemisia sp.*) (37%). Встречена пыльца злаковых (*Poaceae*) – 2%, маревых *Chenopodiaceae* – 5% и эфедры (3%). Также встречается пыльца астровых.

Заполнение над глиняным куполом.

Слой 9. Образец 13. Установлено небольшое количество пыльцевых зерен. Преобладает пыль-

ца травянистых пустынных растений: трехлопастных форм – 55%, пыльца полыни (*Artemisia sp.*) составляет 13%, маревых *Chenopodiaceae* – 20% и эфедры – 4%.

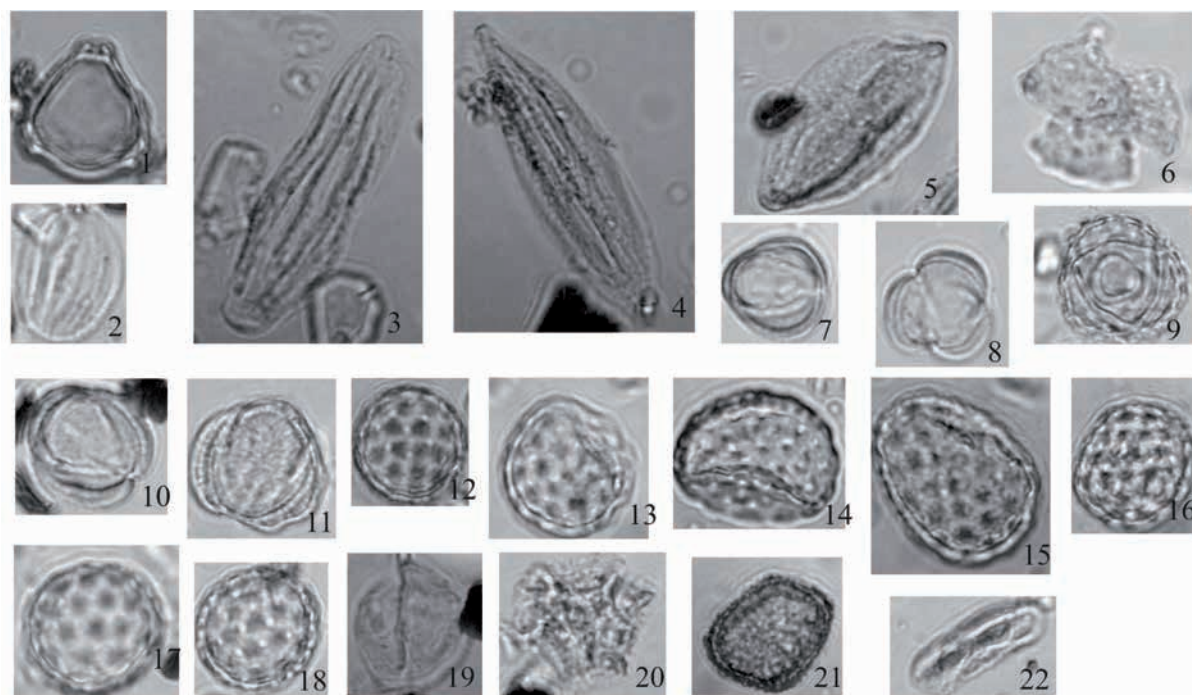
Образец 14. Здесь также установлены спектры с доминированием пыльцы трехлопастных форм (62,5%). Встречена пыльца маревых *Chenopodiaceae* – 16%, эфедры (*Ephedra*) – 10, 2%, полыни (*Artemisia sp.*) – 5%.

Этот слой характеризуется небольшим количеством пыльцевых зерен и обедненным составом. Возможно, этот слой был сформирован путем уплотнения суглинков водой, утрамбовки.

Таким образом, большая концентрация археологических памятников на сравнительно небольшой территории предгорий свидетельствует, что этот регион осваивается человеком в течение нескольких тысяч лет.

Палинологический анализ показывает, что, в целом, лессовидные суглинки, накопившиеся за время, прошедшее после формирования кургана, близки по составу тому материалу, из которого курган сформирован. То есть, для разреза кургана характерен достаточно однотипный набор пыльцы и спор, но с разной степенью их концентрации.

Возведение кургана имело некоторые особенности и трудности: например, необходимость

1 - *Betula*; 2 - 3-х лопастная форма; 3-4 - *Ephedra*; 5 - *Fabaceae*; 6 - *Asteraceae*; 7-8, 10-11 - *Artemisia*; 9 - *Ambrosia*; 12-18 - *Chenopodiaceae*; 19 - *Poaceae*; 20 - *Cichoriaceae*; 21 - *Typha*; 22 - *Apiaceae*

Рис. 6. Фотографии пыльцы из кургана 4 мог. Каспан-6, разрез 5

создания гидроизолирующей прокладки в виде слоя глины, которую получали путем многократного перемешивания лессовидных суглинков с водой. По-видимому, курган давал просадку и требовалась подсыпка материала.

Палинологические данные показывают, что предполагаемый глинистый купол характеризуется почти полным отсутствием пыльцы, что связано, по-видимому, с тщательным перемешиванием лессовых отложений с водой, что приводило к разрушению пыльцы.

Палинологический анализ и интерпретация полученных данных позволяют предположить искусственное создание нескольких слоев кургана различной плотности, а также возможность неоднократного увеличения размеров кургана в течение нескольких месяцев или даже лет, при его естественном проседании.

Для более детального заключения необходимы дополнительные исследования на других, достаточно хорошо сохранившихся курганах в данном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейсенов А.З.** К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения–2010: матер. II междунар. научн. конф. – Актобе, 2010. – С. 77–79.
- Бейсенов А.З.** Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии: сб. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – Вып. 4 (Алтай на перекрестке времен и смыслов.). – С. 7–16.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Баринаева Е., Крешиоли Л.** Археологические исследования могильника раннего железного века Каспан-6 в Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти выдающегося казахского археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 59–70.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.** Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М.: «Российская политическая энциклопедия», 1997. – 187 с., ил.
- Очир-Горяева М.А.** Древние всадники степей Евразии. – М.: Таус, 2012. – 472 с.
- Хабдулина М.К.** Храмы-святые места сакской эпохи Северного Казахстана // Религия и система мировоззрений древних и средневековых кочевников Евразии. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. – С. 137–148.

С. П. Дормина

С. П. Дормина
Музей Истории города Алматы
S. P. Dormina
The Museum of the History of Almaty

Медный сакский котел из окрестностей г. Алматы

Аннотация. В статье в научный оборот вводятся новые данные о котле, который был приобретен у жителя г. Алматы. Предмет бы выявлен в ходе строительства. Предварительный анализ позволяет датировать находку V–III вв. до н. э. Данные спектрального анализа свидетельствуют о том, что котёл медный.

Ключевые слова: окрестности Алматы, ранний железный век, котел, состав металла.

Saka copper cauldron from the vicinity of the Almaty City

Abstract. In the present article new data on the cauldron, which was bought from a resident of the city of Almaty, is introduced into the science. It was revealed during the construction works. The preliminary analysis dates the discovery to 5–3 cc. BC. The data received due to spectral analysis indicate that the cauldron was made of copper.

Keywords: Almaty vicinities, Early Iron Age, cauldron, metal composition.

В 2011 г. Музеем истории города Алматы был приобретен котел (рис. 1) у местного жителя Даурена Талгатовича Кудиярова. Он был обнаружен при строительстве жилого частного дома в пос. Коксай Карасайского района Алматинской области.

По типологическим признакам котел можно датировать V–III вв. до н. э. – сакским временем.

Медные котлы на территории Жетысу часто находили с жертвенными медными столами и курильницами, причем находки имели исключительно случайный характер.

Фиксированные сведения о находках медных котлов и курильниц в Жетысу начинают поступать с 1884 года.

Котел, о котором пойдет речь, имеет полусферическое тулово, литой. С наружной стороны донной части – кольцообразное углубление, вероятно, предназначенное для поддона. К сожалению, он не найден. Высота тулова котла 57 см; диаметр – 76 см.

Венчик резко скошен внутрь. Котел снабжен двумя ручками и двумя петлями, декорированными каннелюрами. Тулово по наибольшему диаметру украшено тремя горизонтальными витыми жгутами, которые кроме декора выполняли и техническую функцию при отливке тулова котла.

Котел отливался по выплавляемо-выгораемой модели. На глиняную болванку накладывали, скорее всего, нутряной жир (при современной отливке церковных колоколов используют воск) и обвязывали жгутами. Поверхность обмазывали глиной и укрепляли землей, затем заливали расплавленный до 1000°C металл. При отливке жир плавился, а с ним сгорали и жгуты. В тех местах, где был неровно наложен жир, металл просачивался, образуя гребешки (швы). Они хорошо видны на поверхности котла, а на месте жгутов образовался орнамент из трех параллельных витых жгутов.

По мнению Е. Ю. Спасской, технику литья сакские мастера заимствовали из Китая эпохи Чжоу [1955].

Техника литья была известна в Китае еще в III тыс. до н. э. Главной особенностью древнекитайской бронзы было признано абсолютное преобладание в ней техники литья, другие способы обработки металла – ковка, чеканка китайскими мастерами не употреблялись. Господство литья и определяло характеристики сплава. Так, содержание меди в древнекитайских бронзах иногда доходит до 93,3%.

Бронзолитейный процесс состоял из трех основных технологических операций: плавки, изготовления модели совместно с формой и от-

Рис. 1. Котел из фондов музея города Алматы. Фото выполнено О. В. Кузнецовой

ливки. Топливом служил древесный уголь, способный дать температуру плавления до 1000°C.

По типологии, предложенной Е. Ю. Спасской, данный котел относится к первой группе «скифского типа». Ареал котлов такого типа достигал Волги, Сибири, охватывал весь Казахстан, Персию, Монголию, Китай – это большая чаша на полой подставке в виде усеченного конуса.

При визуальном исследовании создавалось впечатление, что котел изготовлен из бронзы. Но реставрация и спектральный анализ* [*Спектральный анализ выполнен В. Л. Левиным] показали, что он отлит из чистой красной меди.

Спектр	№	Al	Si	S	Cu	Итого
Спектр	1	0.49	0.21	0.07	99.23	100.00
Спектр	2	0.34	0.11	0.03	99.52	100.00
Спектр	3	0.21	0.36	0.04	99.38	100.00
Среднее		0.35	0.23	0.05	99.38	100.00
Станд. отклонение		0.14	0.13	0.02	0.14	
Макс.		0.49	0.36	0.07	99.52	
		0.21	0.11	0.03	99.23	

Котлы из Жетысу присутствуют в коллекциях всех алматинских музеев, в том числе и в Музее истории города Алматы. Они медные.

Е. Ю. Спасская в своей работе приводит таблицу химического и спектрального анализов семиреченских котлов ЦГМ РК. Процентный состав меди составляет от 95,8 до 99,0%, олова - до 0,14%, а в основном след; сурьма – 0,1% либо отсутствует, либо след; мышьяк – 0,02% либо отсутствует, либо след; серебро – только след; свинец – только след; никель от 0,09 до 0,14%, либо отсутствует, либо след; цинк – отсутствует; висмут – 0,02%, либо след, либо отсутствует; кобальт – только след; железо – отсутствует; марганец – в основном отсутствует, в единичном случае – след, т.е 100,00% медь [Спасская, 1955].

Эти данные позволяют сделать вывод, что отличительная черта алматинских котлов, как и приобретенного Музеем истории города, от котлов, найденных в других регионах Казахстана, состоит в том, что они медные, а не бронзовые. Основной регион распространения находок таких котлов – район Алматы и долина Иссык-Куля.

Все алматинские котлы очень близки по химическому составу. Это предполагает определенное место добычи меди, рудных разработок, которые находились где-то поблизости и обслуживали именно данный регион.

Для изготовления котлов пользовались полуфабрикатами - слитками меди, в данном случае медными «лепешками» весом 4–4,1 кг, которые, возможно, были удобны как при перевозке, так и при обмене на продукты или какие-то товары. В ЦГМ РК имеются две такие «лепешки», одна из

которых передана В. Д. Городецким. «...Слиток найден около кладбища Карабулак, доставлен в музей и записан в каталог под № 163» [цит. по: Спасская, 1955]. Химический состав таких «лепешек» соответствует химическому составу котлов.

Е. Ю. Спасская отмечает, что «существовали излюбленные габариты котлов – 10, 40, 140 литров» [1955]. По-видимому, это зависело от количества материала, потраченного на котел. Емкость котла зависела от количества использования без остатка медных «лепешек». На котел из МИГА, в данном случае емкостью 140 л, понадобилось количество лепешек в прямо пропорциональной зависимости от емкости котла. И изготовители точно знали пропорции.

Кроме того, древние мастера с IV в. до н. э. прекрасно знали об отравляющем действии

чистой меди на организм и поэтому, чтобы образовалась патина, котлы закапывали в землю. Возможно эта одна из причин того, что, как правило, находки котлов случайны.

Вопрос об использовании их в быту остается открытым. Возможно, небольшие котлы и использовались. Но котел на 140 л мог использоваться только в особых случаях, таких как поминальная тризна. Тем более предгорье Иле/Заилийского Алатау, по определению К. А. и А. К. Акишевых, это сакральная страна, священное место, где саки хоронили своих «царей» [Акишев К., Акишев А., 1984]. Такого количества курганов разного статуса и разного времени, как в Жетысу, нет ни в одном регионе Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К., Акишев А.** Жетысу – страна саков // Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Онер, 1984. – С. 49–53.
- Спасская Е.Ю.** Алма-Атинские медные котлы (к 100-летию основания укрепления Верного 1854–1954 гг.) // Архив ИА КН МОН РК. 1955. Ф. 2, д. 55, 66 л.
- Демиденко С.В.** Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. – М., 2000. – 328 с.
- Кравцова М.Е.** Бронза. – М.: Восточная литература, 2006.

А. В. Епимахов

А. В. Епимахов

*Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург
Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск*

A. V. Epimakhov

*Institute of History and Archaeology, South Ural
Department, Yekaterinburg,
South Ural State University, Chelyabinsk
E-mail: epimakhovav@susu.ru*

Военное дело населения бронзового века Урала и его отражение в археологических источниках

Аннотация. Военная сфера бронзового века Южного Урала представлена четырьмя основными категориями: травмы (палеоантропология), фортификация, следы конфликтов на поселениях (пожары, жертвы, оружие и пр.) и комплекс вооружения. Последняя — единственная хорошо документированная категория для всех периодов: ямного, абашевско-синташтинского, срубно-алакульского и финальной бронзы. Остальные представлены неравномерно, что обусловлено характером археологических памятников и особенностями их формирования, а также влиянием идеологии. Хорошо прослеживается тренд на приоритетное развитие дистанционного вооружения. Эволюция военной сферы резко отличается от европейского пути, для которого характерно нарастание доли клинкового оружия, требующего специальных навыков обращения и явно бывшего атрибутом группы высокого статуса. В степной зоне только рубеж III–II тыс. до н. э. можно считать одной из высших точек этой траектории. Вероятно, различия связаны со степенью оседлости, которая, в конечном итоге, обусловлена основой хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: эпоха бронзы, военное дело, фортификации, оружие, конфликты.

Warfare of Ural inhabitants in the Bronze Age and its manifestation in archaeological data

Abstract. The warfare of the Bronze Age of the South Urals is represented by four basic categories: military injury (paleoanthropology), systems of fortification, traces of the conflicts in the settlements (fires, victims, weapons etc.) and weaponry. The latter is the only well-documented category for all the periods: Yamnaya, Abashevo-Sintashta, Srubnaya-Alakul' and the Final bronze. The rest are presented uneven, due to the nature of archaeological sites and the peculiarities of their formation, and the influence of ideology. The trend in the priority development of the distance weaponry well traced. The evolution of the military sphere was very different from the European way, characterized by the increase of the role of blade weaponry which demanded special skills of training and was obviously an attribute of high status. In the steppe zone only the turn of 3–2 millennia cal. BC was, very likely, one of the highest points of the trajectory. It is quite possible that the diversities were related to a different level of sedentism which was determined by the different base of economy.

Keywords: Bronze Epoch, warfare, fortification, weapon, conflicts.

Предваряя изложение, подчеркну, что конкретная методология настоящего исследования исходит из признания фундаментальности тезиса о конфликте, как основе общественного развития. В самом общем виде конфликтом следует считать проявление объективных и субъективных противоречий, которые выражаются в действиях сторон, направленных на нанесение ущерба любого рода противоположной стороне. Конфликт, одновременно, является и способом снятия таких противоречий. Высшим проявлением конфликта считается война как форма организованного насилия [Vandkilde, 2006 и др.]. Для ранних периодов истории, в первую очередь для безгосударствен-

ных социальных систем, наличие самого феномена войны ставится под сомнение рядом авторов, однако это никак не означает полного отсутствия конфликтов в таких обществах, что ярко иллюстрируют отдельные факты и кросс-культурные исследования [Keeley, 2014 и др.]. Впрочем, наряду с этим есть оппоненты, утверждающие, что война не была универсальной чертой всех обществ, т. к. есть прямые иллюстрации обратного [Kelly, 2000]. Несмотря на дискуссию, большинство исследователей готово обращаться к обозначенной тематике при наличии соответствующих атрибутов. Правда, далеко не всегда есть возможность однозначно оценить сумму археологических фак-

тов в свете заведомой неполноты и искажений источников, а также многочисленности возможных интерпретаций.

Для древнейших периодов материалы для суждений о наличии и характере военного дела предоставляют почти исключительно археологические памятники разного рода. Едва ли не главной проблемой их интерпретации является трудность распознавания основных черт этого вида деятельности. Всё перечисленное актуально и для периода бронзового века Южного Урала, хорошо представленного многочисленными поселениями и могильниками. Список свидетельств военной активности не слишком просторен и включает следы травматизма на костях людей, фортификационные системы, вооружение и изображения (при наличии таковых) [Keeley, 2014 и др.]. Этот список иногда дополняется следами пожаров на поселениях и палеодемографическими аномалиями. Для установления закономерностей полезны также кросс-культурные исследования, способные наметить статистически значимую тенденцию в интерпретации. Наряду с этим, отдельные примеры из этнографии способствуют обогащению спектра возможных версий, хотя и не имеют доказательной силы. Очевидно, что каждая из групп археологических фактов может быть интерпретирована не только в рамках «военной версии». К тому же, для периода бронзового века невозможно обсуждать полноценное военное противостояние больших хорошо организованных групп. Скорее всего, речь идет о тактике рейдов и набегов. К сожалению, среди манифестаций военного дела для рассматриваемой территории (в отличие, например, от Центрального Казахстана) не могут быть использованы изобразительные источники.

В свете изложенного есть насущная необходимость насытить фактами общие рассуждения о местной эпохе бронзы Южного Урала, в том числе, и в части эволюции военной составляющей. С точки зрения диахронного анализа, можно констатировать наличие динамики в социальной и экономической сфере [Епимахов, 2009; 2010], прежде всего, за счет существенных различий в облике и составе памятников и артефактов между ямным (XXXII–XXIII вв. до н. э.); абашевско-синташтинским (XXI–XVIII вв. до н. э.), срубно-алакульским (XVIII–XV вв. до н. э.) периодами и периодом финальной бронзы (XIV–X вв. до н. э.) [Молодин и др., 2014]. Это заключение имеет отношение и к сфере военного дела.

Палеоантропологические свидетельства (военный травматизм) зафиксированы для ямного и срубно-алакульского периодов. Если в первом случае мы имеем в распоряжении почти исключительно погребения, то во втором широко

представлены и поселения. Черепа погребенных ямного времени сохранили следы ударов тупым оружием, примеры которого обнаружены в синхронных комплексах [Богданов, 2004].

В отличие от вышеописанных материалов, алакульские следы конфликтов пока обнаружены исключительно на поселениях, среди которых наиболее ярким примером остается Коркино-1 [Чемякин, 2014]. Наряду с многочисленными следами пожара и отдельными частями скелетов (расчленения?) были найдены следы ударов тупым и рубящим орудием на черепах, большая коллекция оружия (наконечники стрел, топоры, копья) и других артефактов. Всего жертвами нападения стали 12–16 человек, по большей части посмертно лишившихся черепов. Интересно отметить, что в погребениях свидетельств травматизма не обнаружено, что, правда, может быть обусловлено плохой сохранностью коллекций взрослых индивидов и недостаточным количеством квалифицированных заключений.

Для абашевско-синташтинского и финального периодов также нет следов травматизма в погребениях, если не считать уникального абашевского Пепкинского кургана [Халиков и др., 1966] на Средней Волге. При этом сослаться на недостаточность исходных данных для синташтинских могильников невозможно. Отметим также, что синхронные и культурно близкие по-таповские материалы Поволжья имеют надежные свидетельства военного травматизма [Кузнецов, Хохлов, 1998].

Абашевские памятники на Урале не столь обильно обеспечены информацией, хотя и для одного из них (Малокизильское селище) также можно предполагать следы военной катастрофы, включая человеческие останки в неестественной позе, следы пожара, внушительный металлокомплекс [Сальников, 1967] и, даже, клад [Епимахов, 2003]. В целом, примеры поселений, подвергшихся нападению единичны, но важен сам факт наличия таковых. К тому же, в упомянутых случаях в результате раскопок найдены не только останки людей, но и следы пожаров, а также многочисленные артефакты, включая редкие предметы вооружения (топоры, копья, наконечники стрел).

Вторая категория военных атрибутов связана с *фортификациями*. В южно-уральской археологии бронзового века хорошо изучены два эпизода — первый связан с синташтинскими и петровскими древностями, второй относится к лесостепной бархатовской культуре зауральской лесостепи [Матвеев, Аношко, 2009], датируемой XIII–VIII вв. до н. э. [Епимахов, 2010]. Синташтинские и петровские фортификации хорошо изучены (как и поселения в целом) и представляют собой замкнутые системы, включаю-

щие ров и массивную грунтовую стену (изредка облицованную каменными плитами) [Зданович, Батанина, 2007]. В некоторых случаях внутреннее пространство, почти целиком занятое застройкой, разделялось на зоны дополнительными стенами в зависимости от округлого или подпрямоугольного абриса внешней стены. Дополнительным элементом фортификации служил небольшой вал в напольной части. На фоне достаточно сложных фортификационных решений парадоксально выглядит отсутствие надежных следов военной активности. Речь не только об отсутствии жертв конфликтов, но и о мизерном числе находок такой распространенной категории находок, как наконечники стрел. Максимальное число этих артефактов обнаружено на поселении Каменный Амбар — более двух десятков [Multidisciplinary investigations, 2013], но и этот показатель радикально отличается от близкой по хронологии Ливенцовской крепости [Братченко, 2012].

Поздний (бархатовский) период фортификационной активности располагает единственным примером Миасского городища со следами пожара и посудой в пределах постройки, сохранившейся *in situ* [Епимахов, Епимахова, 2009]. Следует подчеркнуть, правда, что памятник маркирует южную границу распространения бархатовских древностей.

Наиболее широко и обильно представлено *вооружение*. В данном случае имеются в виду специализированные категории инвентаря, основным (или единственным) предназначением которого было нанесение ущерба или причинение смерти. Наряду с этими формами явно существовали и более простые варианты, ситуативно применявшиеся как оружие при столкновениях. К сожалению, часть интересующих нас артефактов полностью или частично изготавливалась из органических материалов, по этой причине о целом ряде категорий (доспех, щит, лук) приходится судить по косвенным данным [Bersenev et al, 2011]. Не погружаясь в подробности, можно констатировать, что для всех этапов бронзового века рассматриваемой территории сфера вооружения представлена достаточно надежно. Более того, можно говорить о совершенствовании. Другое дело, что в срубно-алакульский период примеры погребений с воинской атрибутикой единичны и хронологически тяготеют к ранней части, т.е. могут рассматриваться как реминисценции предшествующего абашевско-синташтинского периода. Единичность погребений финальной бронзы не позволяет делать однозначных заключений в интересующем нас аспекте, лишь Красногорский могильник наталкивает на мысль, что воинский символизм не был исключен из погребальной практики [Горбунов, Обыденнов, 1980].

Обсуждая траекторию развития военного дела, подчеркну, что его характер в значительной степени определялся занимаемой экологической нишей, системой жизнеобеспечения, доступными ресурсами и ситуативными факторами. Так, в условиях степи была невозможна длительная концентрация населения, что неизбежно снижало мобилизационный потенциал коллективов и сильно ограничивало нарастание *военной специализации* одного из его сегментов. Во всяком случае, линия формирования «воинов-профессионалов» не усматривается. Дальнейшая эволюция военной сферы демонстрирует совершенно отличный от европейского путь, в том числе, в части приоритетного развития дистанционного вооружения. Для европейского бронзового века очевидно нарастание доли клинкового оружия, требующего специальных навыков обращения и явно бывшего атрибутом группы высокого статуса [Harding 2007; Kristiansen 2011; Vandkilde 2015]. В степной зоне только рубеж III–II тыс. до н. э., пожалуй, можно признать одной из высших точек этой траектории. Вероятно, различия связаны со степенью оседлости, которая, в конечном итоге, обусловлена основой хозяйственной деятельности. Для Европы система жизнеобеспечения базировалась на земледелии, что предполагало необходимость защиты угодий и стационарных, длительно функционирующих поселений. В степи в условиях животноводческой специализации защита основного достояния — скота — напротив, требовала высокой мобильности, а смена места проживания не имела трагических последствий для коллектива. Таким образом, ряд предпосылок повышения военной активности (концентрация критически важных ресурсов, оседлость, высокая плотность населения, запасы, социальное разделение коллективных идентичностей, социальная и политическая иерархия или ранжирование, монополизация дальнедистанционной торговли др. [Ferguson 2013, p. 192]) не могут быть надежно прослежены для степного населения бронзового века. Модель военной организации степных социумов типична для сегментированного общества и предполагает в случае необходимости участие большинства взрослых мужчин в военных действиях. Иными словами, наметившийся на рубеже III–II тыс. до н. э. тренд на формирование специализированных военизированных групп не получил продолжения. Не в последнюю очередь это обусловлено сокращением демографических параметров коллективов. Для поздней части бронзового века речь идет о ста или немногим более членах коллектива.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов С.В.** Эпоха меди степного Приуралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 287 с.
- Братченко С.Н.** Ливенцовская крепость: Памятник культуры бронзового века. – Киев: Скиф, 2012. – 308 с.
- Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф.** Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // СА. – 1980. – № 3. – С. 173–182.
- Епимахов А.В.** Бронзовый век Южного Урала: экономическая и социальная эволюция // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 2. – С. 31–37.
- Епимахов А.В.** Абсолютная хронология бархатовских древностей в системе культур бронзового века // Андроновский мир: сб. статей. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. – С. 137–144.
- Епимахов А.В.** Бронзовый век Южного Урала: экономическая стабильность и социальная динамика // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 1 (23). – С. 180–202.
- Епимахов А.В.** Верхне-Кизильский клад — варианты интерпретации // АЭАЕ. – 2003. – № 4. – С. 96–102.
- Епимахов А.В., Епимахова М.Г.** Миасское городище: к вопросу о южной границе бархатовских и гаманских древностей // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: изд. центр ЮУрГУ, 2009. – С. 66–70.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М.** Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). – Челябинск: Изд-во Крокус; Южно-Уральское кн. изд-во, 2007. – 260 с.
- Кузнецов П.Ф., Хохлов А.А.** Следы травматических повреждений людей по материалам погребений эпохи бронзы Волго-Уральского региона (возможности анализа и интерпретации) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб., 1998. – С. 31–37.
- Матвеев А.В., Аношко, О.М.** Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. – Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. – 416 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.** Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 136–167.
- Сальников К.В.** Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.
- Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М.** Пепкинский курган (абашевский человек). – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1966. – 60 с.
- Чемякин Ю.П.** О военных конфликтах в андроновском мире // Маргулановские чтения–2014: матер. междунар. научн. конф. – Алматы-Павлодар, 2014. – С. 97–106.
- Bersenev A., Epimakhov A., Zdanovich D.** Sintashta bow (Bronze Age of the South Trans-Urals, Russia) // Bronze Age Warfare: Manufacture and Use of Weaponry / M. Uckelmann and M. Modlinger (eds.). – BAR. – S 2255. – Oxford: Archaeopress. 2011. – P. 175–186.
- Ferguson R.B.** The Prehistory of War and Peace in Europe and the Near East / D.P. Fry (ed.) War, Peace, and Human Nature. The Convergence of Evolutionary and Cultural Views. – Oxford: Oxford University press, 2013. – P. 191–240.
- Harding A.** Warriors and Weapons in Bronze age Europe. – Budapest: Archaeolingua, 2007. – 228 p.
- Keeley L.H.** War Before Civilization – 15 Years On // The Evolution of Violence / T.K. Shackelford, R.D. Hansen (eds.) –New York, Heidelberg, Dordrecht, London: Springer, 2014. – P. 23–31.
- Keeley L.H.** War Before Civilization: the Myth of Peaceful Savage. – New York: Oxford University Press, 1996. – 245 p.
- Kelly R.S.** Warless society and Origin of War. – Michigan: University of Michigan Press, 2000. – 192 p.
- Kristiansen K.** Constructing Social and Cultural Identities in the Bronze Age / B.W. Roberts and M. Vander Linden (eds.) Investigating Archaeological Cultures: Material Culture, Variability, and Transmission. – NY: Springer, 2011. – P. 201–210.
- Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals / R. Krause, L. Korjakova (eds). – Frankfurt-on-Main: Rudolf Habelt. GMBH. 2013. – 352 p.
- Vandkilde H.** Conflict and War, Archaeology of: Weapons and Artifacts In: J. D. Wright (ed.) International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2nd edition. Vol 4. – Oxford: Elsevier, 2015. P. 607–613.
- Vandkilde H.** Warfare and pre-State Societies — an Introduction // Warfare and Society. Archaeological and Social Anthropological Perspectives / T. Otto, H. Thrane & H. Vandkilde (eds.) –Aarhus: Aarhus University Press, 2006. – P. 105–111.

Д. С. Жусупов,
Д. Т. Шашенов,
И. К. Ахияров

Д. С. Жусупов¹, Д. Т. Шашенов¹, И. К. Ахияров²
¹Карагандинский областной историко-краеведческий музей;
²Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы
D. S. Zhussupov¹, D. T. Shashenov¹,
I. K. Akhiyarov²
¹Karagandy Regional Museum of Local Lore,
²A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty
E-mail: donya_1986@mail.ru, darkhan_57@mail.ru,
islam.akhiyarov@mail.ru

Изучение и сохранение памятников историко-культурного наследия в Центральном Казахстане

Аннотация. Карагандинская область, занимающая основную часть территории Центрального Казахстана, чрезвычайно богата различными объектами историко-культурного наследия. Самую многочисленную часть их составляют памятники археологии. К настоящему времени взяты на учет многочисленные памятники истории, культовой архитектуры. В деле выявления, изучения и осуществления мер по сохранению памятников на территории области участвуют многочисленные специалисты из разных научных учреждений страны. Все научно-исследовательские работы курирует «Центр по сохранению историко-культурного наследия» Управления культуры Карагандинской области. В течение многих лет большой объем научных и научно-реставрационных работ финансируется за счет местного бюджета. Помимо научных археологических исследований, большое внимание уделяется проблемам рекультивации, консервации и реставрации ранее раскопанных объектов. Значительную часть объектов, на которых проводятся дополнительные исследования, а также работы по рекультивации и реставрации, составляют памятники, открытые в свое время Центрально-Казахстанской археологической экспедицией Академии наук Казахстана.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, археологические памятники, реставрация, консервация, рекультивация, памятники культовой архитектуры.

Studies and preservation of the museums of cultural heritage in Central Kazakhstan

Abstract. Karagandy region, which occupies the main part of the territory of Central Kazakhstan, is extremely rich in various objects of historical and cultural heritage. The biggest number of them is represented by the monuments of archaeology. Numerous monuments of history, religious architecture have already been registered. Many specialists from various domestic scientific institutions participate in the identification, study and implementation of measures taken to preserve monuments in the territory of the region. All the research works are supervised by the “Center for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage” of the Culture Department of the Karagandy Region. For many years, the biggest part of scientific and scientific-restoration work has been financed from the local budget. In addition to scientific archaeological research, much attention is paid to the problems of reclamation, conservation and restoration of previously excavated objects. A significant part of the objects, on which additional research works are carried out, as well as works on reclamation and restoration, are monuments that were discovered by the Central Kazakhstan archaeological expedition of the Academy of Sciences of Kazakhstan.

Keywords: Central Kazakhstan, archaeological monuments, restoration, conservation, reclamation, monuments of religious architecture.

В истории становления отечественной науки археологии Центральный Казахстан сыграл выдающуюся роль. Именно здесь началась многогранная деятельность первой в Казахстане академической экспедиции – Центрально-Казахстанской (ЦКАЭ). Исследования древних памятников играли и продолжают играть важную роль в археологии Казахстана и степной Евразии.

До сороковых годов XX века работы по археологическому изучению Центрального Казахстана носили спорадический характер, широкие и систематические археологические раскопки не проводились, не было глубоких научных обобщений и систематизации материалов. Такая ситуация, связанная с отсутствием кадров, ведущего научного учреждения, была характерна и для всего Казахстана.

Настоящим переворотом в области археологической науки стало начало широкомасштабных изысканий ЦКАЭ. Об этом научном учреждении, об открытии Академии наук в Казахстане написано немало, как и о выдающихся личностях, ученых с мировым именем XX столетия К. И. Сагпаеве, А. Х. Маргулане, К. А. Акишеве и многих других, стоявших у истоков археологической науки Казахстана [Восточная Сарыарка..., 2004; Мобилизованные археологией, 2004].

Основную часть Центрального Казахстана занимает Карагандинская область. Она раскинулась на площади свыше 400 тыс. кв. км, что составляет более 15% от всей территории нашей страны. Это самая большая по своей площади область Казахстана.

Карагандинская область чрезвычайно богата различными объектами историко-культурного наследия. Самую многочисленную часть их составляют памятники археологии. Взятые на учет многочисленные памятники истории, культовой архитектуры. В настоящее время выявлены свыше 3000 памятников, из которых под охрану взяты свыше 1600 объектов.

Область занимает основную часть особой географической провинции – Казахского мелкосопочника. Так же можно сказать и про Сарыарку, обширного исторического региона Казахстана [Бейсенов, 2014а].

В деле выявления, изучения и осуществления мер по сохранению памятников на территории Карагандинской области в настоящее время участвуют многочисленные специалисты из разных научных учреждений страны.

Все научно-исследовательские работы, проводимые на территории области, курируются «Центром по сохранению историко-культурного наследия» Управления культуры Карагандинской области», руководимым в течение многих лет Т. С. Тулеуовым. Центр выполняет надзорную и координирующую функции в организации и проведении научных, научно-практических мероприятий. Он укомплектован специалистами, основная часть которых является выпускниками исторического факультета КарГУ им. Е. А. Букетова и других вузов.

В проведении научных исследований, пропаганде археологических памятников и знаний активно участвует областной историко-краеведческий музей, где функционирует отдел общей истории, археологии и этнографии. Как известно, в КарГУ давно работает большой коллектив специалистов-археологов [Бейсенов, 2011а; Усманова, Бедельбаева, 2014], целенаправленно участвующих в разработке многих научно-исследовательских проблем в отечественной и мировой археологической науке.

Как руководитель Центра Т. С. Тулеуов, так и директор областного музея Е. Н. Нурмаганбетов

являются выпускниками истфака КарГУ им. Е. А. Букетова, прошедшими многолетнюю студенческую школу археологических исследований у таких опытных и квалифицированных наставников, как известные ученые, педагоги В. В. Евдокимов, С. У. Жауымбаев, В. В. Варфоломеев, В. Г. Ломан, Ж. Е. Смаилов, И. А. Кукушкин. Нельзя не отметить, что данный фактор положительно влияет на эффективные результаты процесса планирования, организации и проведения современных научных изысканий в сфере изучения и сохранения историко-культурного наследия на территории Карагандинской области. Можно сказать, что в среде специалистов из КарГУ, Центра и областного музея давно сложился своего рода единый коллектив. Часто проводятся встречи для обсуждения текущих вопросов, выслушиваются и обсуждаются результаты проведенных работ, происходит обмен мнениями в ходе подготовки программ и проектов.

Среди многочисленных специалистов из иных учреждений, выполняющих исследования на территории Карагандинской области, следует отметить работу также Ж. Курманкулова, А. З. Бейсенова, археологов, уже достаточно долго и постоянно работающих здесь, хорошо знающих регион, его территорию и памятники, известных интересными и важными результатами в науке.

В течение многих лет в Карагандинской области большой объем научных и научно-реставрационных работ финансируется за счет местного бюджета. Помимо научных археологических исследований, достаточно важное внимание уделяется проблемам рекультивации, консервации и реставрации ранее раскопанных объектов. Как известно, такая обстановка в сфере изучения и сохранения памятников историко-культурного наследия характерна далеко не для всех областей Казахстана.

По материалам многочисленных памятников, исследованных и исследуемых за счет местного бюджета, учеными получены важные научные результаты. Это касается открытия и изучения (раскопок) новых объектов, материалы которых проливают свет на неизвестные стороны данной культуры или эпохи, открытия новых, доселе вообще неизвестных или малоизвестных, категорий памятников, как, например, поселения, изваяния сакской эпохи. Имеющиеся результаты и публикации позволяют отметить, что значительно возрос уровень мультидисциплинарных исследований (керамология, трасология, палеоантропология, археозоология, С14 анализы), увеличилось количество разработок, выполняемых с участием специалистов из зарубежных научных центров. Эти результаты занимают свое важное место в современной отечественной, а также и мировой науке.

Ряд исследований носят характер особо значимых открытий. Не перечисляя все памятники, отметим, что после могильника Талды-2 [Бейсенов, 2011а; 2011б; Бейсенов, Алтынбеков, 2011], давшего уникальные находки в виде многочисленных золотых украшений от парадных костюмов сакских вождей (Карагандинский воин в золотом облачении), совсем недавно к. и. н. И. А. Кукушкиным был открыт уникальный мавзолей эпохи поздней бронзы, имеющий пирамидально-ступенчатую архитектуру. Памятник отнесен к бегазы-дандыбаевской культуре и датирован второй половиной II тыс. до н. э. [Кукушкин, Дмитриев, 2016а].

Советская археология оставила в наследство не только разработанный на долгое время комплекс методико-методологических подходов и знаний, не только богатейший научный материал. В наследство остались и многочисленные места раскопок, не рекультивированных, не закрытых в свое время. На необходимость реставрации объектов, на музеефикацию памятников на территории области в те годы особого внимания не обращалось. Развороченные ограды с оплывшими и заросшими сорной травой отвалами, зияющие могильные ямы с разбросанными вокруг обломками костей создавали весьма неблагоприятную картину. Острота момента наблюдалась особенно в часто посещаемых людьми пунктах и живописных урочищах, например, в долине Кызылкеныш с высокой концентрацией памятников.

Обо всем этом в Карагандинском областном управлении культуры стал вопрос в начале III тысячелетия. С тех пор, с периода 2004–2005 гг., это направление стало одним из важных в деятельности Центра и Управления культуры в целом.

Значительную часть объектов на территории области, на которых проводятся дополнительные археологические исследования, а также работы по рекультивации и реставрации, составляют памятники, открытые и изученные в свое время ЦКАЭ. Среди них есть значительные по объему яркие памятники, давшие высокоинформативные материалы. Особенно сооружения андроновской, бегазы-дандыбаевской эпох по своим особенностям не имеют аналогов в большинстве регионов Казахстана. Отметим некоторые моменты в организации и проведении этих научно-практических изысканий.

Одним из первых стал проект, нацеленный на реставрацию памятников долины реки Кызылкеныш, что в Каркаралинском районе. Местность входит в территорию Каркаралинского Национального парка, посещается туристами. Работы начались с Кызылкентского дворца, который находится в 250 км к юго-востоку от Караганды, в горах Кент. В литературе известен с начала XIX в., раскопки проводились в 1985 г. (Институт «Казпроектреставрация») и в

1986–1987 гг. (экспедиция КарГУ, руководитель темы д. и. н. А. К. Абилов, руководители работ Ж. Е. Смаилов и А. З. Бейсенов). По материалам исследования Ж. Е. Смаилова и А. З. Бейсенова высказали мнения о памятнике как о ламаистском храме, просуществовавшем очень короткое время. Ученые предположили, что мог его построить Хундулен-Убаши (см.: Смаилов, Бейсенов, 2004, с. 254–269). В 2004 г. впервые реставрационные работы были проведены архитектором Т. Турекуловым. В 2011 г. были проведены дополнительные работы на дворце. Проведен был также комплекс охранных мер по другим памятникам долины Кызылкеныш. Это были объемные работы по рекультивации старых раскопок на поселениях Кент, Домалактас, Акимбек, Алат, давшие уникальные материалы по эпохе поздней бронзы Центрального Казахстана [Варфоломеев, 2003; 2011; Евдокимов, Жауымбаев, 2013; Кунгурова, Варфоломеев, 203; Ломан, 2015; Рудковский, 2013; Усачук, Варфоломеев, 2013]. На ряде могильников также выполнены рекультивационные, а также частичные или полные реставрационные работы. Руководитель темы - к. и. н. А. З. Бейсенов, руководитель работ и ответственный исполнитель - к. и. н. В. В. Варфоломеев.

Могильник Ащысу находится в Бухаржырауском районе Карагандинской области, в 80 км восточнее Караганды. Расположен на относительно ровной площадке в 250 м северо-восточнее моста через р. Ащысу (правый приток р. Нуры), в 30 м севернее автодороги Караганды–Каркаралинск. Могильник исследовался в 2005–2010 гг. с перерывом в 2007 г. к. и. н. И. А. Кукушкиным. В элитарных курганах бронзового века захоронены представители военной аристократии, занимавшие высшую ступень в родоплеменной иерархии древнего общества [Кукушкин, 2007; 2011]. Мировой сенсацией стала находка в одном из курганов медного тонкостенного сосуда. В 2010 г. в рамках выполнения Карагандинской областной региональной программы «Культурное наследие» на памятнике были проведены реставрационно-восстановительные работы с целью придания памятнику первоначального облика. За период реставрационных работ были восстановлены (рис. 1) земляные насыпи курганов эпохи бронзы и каменная насыпь кургана раннего железного века, вокруг курганов установлены округлые в плане каменные ограды, по периметру курганов устроены смотровые дорожки, в настоящем аттрактивном виде памятник подготовлен для демонстрации его экскурсионно-туристическим группам. Руководитель темы - к. и. н. А. З. Бейсенов, руководитель работ и ответственный исполнитель - к. и. н. И. А. Кукушкин.

Разновременный могильник Бегазы (Актогайский р-н, Карагандинская обл.) расположен на высокой террасе правого берега однои-

Рис. 1. Ацису. Вид объектов после реставрации. Фото И. А. Кукушкина

менной реки, в долине, окруженной со всех сторон горами, в 40 км на юго-восток от п. Актогай. Он отличается разнообразием погребальных сооружений. В нем сосредоточены могилы начиная с эпохи бронзы и кончая поздними кочевниками и современными казахскими погребениями [Маргулан и др., 1966]. Комплекс открыт в ходе работ ЦКАЭ в 1946 г. А. Х. Маргуланом. Могильник исследовался в ходе работ ЦКАЭ в 1947–1952 гг., с перерывами. Впервые реставрационные, консервационные и благоустроительные работы начаты в 2007 г. в ходе реализации государственной программы «Культурное наследие». Руководитель и исполнитель работ - к. и. н. А. З. Бейсенов [Бейсенов, 2011в]. Научными консультантами выступили архитекторы Н. Д. Егоркина (Алматы) и Е. Т. Суиндигов (Караганда) [Бейсенов, 2014б; Бейсенов, Касеналин, 2011; Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014]. В 2013 г. в ходе благоустроительных работ памятник полностью был огорожен силами Центра и облмузея.

Группы Сангыру, Атасуский микрорайон. Значительные по своему объему работы проведены на памятниках долины Сангыру, что входит в состав Атасуского археологического микрорайона. Всего в долине находится три могильника эпохи бронзы – Сангыру-1-3. Памятники бегазы-

дандыбаевской культуры, как крупные каменные мавзолеи, так и рядовые сооружения, сосредоточены в группах Сангыру-1, 3. Андроновские погребения составляют основную часть объектов Сангыру-2. В период 2014–2016 гг. выполнены работы по рекультивации, консервации и реставрации на памятниках (рис. 2) в составе всех указанных трех могильников [Бейсенов, 2014б; 2015а; 2015б; Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014; Бейсенов, Дуйсенбай, Ахияров, 2015]. Руководитель работ – к. и. н. А. З. Бейсенов. В составе экспедиции помимо всех трех авторов данного сообщения участвовали Н. Алдабаев (областной музей, Караганды), Д. Дуйсенбай, К. Жамбулатов (Алматы).

Позднеандроновский комплекс Аксу-Аюлы-2, впервые исследованный ЦКАЭ в 1952 г., расположен в 3 км к северу от п. Аксу-Аюлы, административного центра Шетского района. Среди наиболее значимых памятников данного комплекса является мавзолей Аксу-Аюлы-2. В 2013 г. проведены реставрационные работы на памятнике сотрудниками Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. академика Е. А. Букетова, руководитель темы к. и. н. В. Г. Ломан [Ломан, Кульмаганбетова, 2013].

Мавзолей Бугулы-3 (Шетский р-н) впервые

Рис. 2. Сангыру-1. Объекты после реставрационных работ: 1 – мавзолей 1, 2 – мавзолей 8. Фото И. К. Ахиярова

исследовался ЦКАЭ в 1955–1956 гг. при участии М. К. Кадырбаева, представляет собой каменную усыпальницу, расположенную на плоском холме, восточнее поселения Бугулы-1 [Маргулан, 1979]. Мавзолей реставрирован в 2012 г. сотрудниками КГКП «Государственная инспекция по охране историко-культурного наследия».

Могильник Беласар – один из крупнейших памятников эпохи бронзы в Центральном Казахстане. Памятник находится в Шетском районе Карагандинской области. Расположен на равнине, окруженной горами Тайаткан – Шунак, Ушкызыл, в 45 км к северо-западу от ст. Мойынты и в 20 км к юго-западу от ст. Киик. Памятник был открыт и исследован в 1957 и 1968 гг., в комплексе имеются памятники разных периодов эпохи бронзы [Маргулан и др., 1966; Маргулан, 1979]. Реставрационные работы проводились в 2016 г., руководитель и исполнитель работ А. Касеналин.

Могильник Бесоба (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.) расположен на территории одноименного сельского округа. Памятник открыт и исследован в 1940-х годах Л. Ф. Семеновым и С. В. Киселевым. В 1968–1969 гг., памятник исследовался ЦКАЭ. В 2015 г. к. и. н. Кукушкин исследовал два элитных кургана эпохи бронзы [Бедельбаева, 2017; Кукушкин, Дмитриев, 2016б]. В том же году под его руководством были проведены реставрационные работы. Территория памятника была очищена от навозных куч, доставлены, установлены и выравнены гранитные плиты на оградах кургана 3, возведен купол сооружения из камня. Установлена металлическая ограда вокруг сооружения 3 и возведена смотровая площадка.

Кульгово-ритуальный сакский комплекс «37 воинов» (Актогайский р-н, Карагандинская обл.) расположен на территории Жидебайского сельского округа, в 2 км к западу от села Корпетай. Памятник выявлен и изучен в ходе полевых исследовательских работ ЦКАЭ. Работы проводились

под руководством А. Х. Маргулана в 50-е годы прошлого столетия, в них участвовал К. А. Акишев. В функциональном плане памятник является погребальным и кульгово-ритуальным комплексом, по культурно-диагностирующим признакам относится к тасмолинской культуре, VIII–V вв. до н. э. В 2012 г. на памятнике были проведены рекультивационные, благоустроительные и реставрационные работы. Руководитель и исполнитель темы - А. З. Бейсенов. Восстановлены все компоненты могильника. Это основной курган, курган-«спутник» и около 100 каменных жертвеников и менгиров. А. З. Бейсенов отмечает, что, возможно, первоначально менгиров было значительно больше [Бейсенов, 2013; 2014в].

Реставрационные работы коснулись памятников архитектуры традиционного казахского зодчества. Речь идет о памятниках культовой архитектуры – мазарах. В настоящее время на территории всех девяти районов Карагандинской области выявлены, осмотрены и в разной степени обследованы многие сотни старинных казахских мазаров. По состоянию на лето 2016 г. только хорошо сохранившихся мазаров в списке было свыше 500. Количество мазаров ежегодно увеличивается и на предмет составления полной документации, полного исследования их предстоит значительная по объему работа.

В ходе последних нескольких лет проводилась реставрация следующих памятников: мавзолеев (мазар) Таттимбета, мавзолеев Агыбай батыра (рис. 3), мавзолеев Байдалы би, мечеть-медресе Ак-Мустафа, мавзолеев Игилик бай, мечеть Кунанбай кажы, Шатырлы бейит (мазар Жангира), кумбез Зылиха, кумбез Шора, мавзолеев Нарманбет Орманбетулы и др.

На 2017 г. по деятельности Центра и Управления в целом среди 16 проектов научных и научно-практических работ, финансируемых за счет местного бюджета, в календарный план проведения реставрационных работ на территории Карагандинской области вошли два археологиче-

Рис. 3. Казахские мазары после реставрации: 1 – мазар Таттимбета, 2 – мазар Агыбай батыра

ских памятника - мавзолей бегазы-дандыбаевской культуры Айбас-Дарасы и Каражаргас. Восемь намеченных на реставрацию объектов являются мазарами.

В завершении нашего краткого обзора следует сказать несколько слов о проектируемом историко-культурном и природном заповеднике «Кызыларай–Бегазы». Как уже сообщалось специалистами [Бейсенов, Мусаева, Жамбулатов, 2012], естественно-научное обоснование (ЕНО) заповедника несколько лет назад было выполнено и прошло ряд согласований. В настоящее время ожидается рассмотрение вопроса в Правительстве. Открытие такого заповедника, на территории которого находятся многочисленные памятники как археологии, так и старинные ка-

захские зимовки, мазары, будет иметь поистине огромное значение: помимо целого комплекса научных, научно-познавательных направлений, в деле сохранения историко-культурного наследия.

В программной статье Лидера нации Н. А. Назарбаева «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» большое внимание уделяется вопросам изучения, сохранения и пропаганды памятников историко-культурного наследия и составления «Сакральной карты Казахстана». В настоящее время становится очевидным, что результаты работ по восстановлению первичного облика памятников, проведенные полномасштабные комплексы мер реставрационного характера могут служить твердой платформой в деле популяризации памятников историко-культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

- Бедельбаева М.В.** Знаки-символы на курганных плитах могильника Бесоба // Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран: матер. междунар. науч.-методич. конф. «Оразбаевские чтения – IX», посвящ. 95-летию А. М. Оразбаева. – Алматы: Қазақ университеті, 2017. – Ч. 1. – С. 71–76.
- Бейсенов А.З.** Центральный Казахстан: история археологического изучения региона // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2011а. – Т. 1. – С. 41–50.
- Бейсенов А.З.** Тасмола зерттеулері. Талды-2: Сарыарқа сақ патшаларының қорымы // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991–2011): ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2011а. – 175–187 бб.
- Бейсенов А.З.** Могильник Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докл. Круглого стола, посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан. – Караганды, 2011б. – С. 14–20.
- Бейсенов А.З.** Бегазы. Орталық Қазақстандағы жаңа ізденістер барысы // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991–2011): ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2011в. – 57–68 бб.
- Бейсенов А.З.** Отчет о проведении научно-исследовательских работ по теме «Проведение реставрационных работ ритуального курганного комплекса «37 воинов», Актогайский район Карагандинской области». Алматы, 2013 // Архив Центра по сохранению историко-культурного наследия.
- Бейсенов А.З.** Древние сокровища Сарыарки: книга-альбом на казахском, русском, английском языках. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2014а. – 196 с.
- Бейсенов А.З.** Отчет о проведении научно-исследовательских работ по теме «Проведение реставрационных работ мавзолея и захоронения эпохи бронзы и раннего железного века Атасуйского микрорайона, Жанааркинский район». Алматы, 2014б // Архив Центра по сохранению историко-культурного наследия.
- Бейсенов А.З.** Погребально-поминальный комплекс «Курган 37 воинов» // Вестник ЮУрГУ. Сер. Соц.-гум. науки. – 2014в. – Т. 15. №1. – С. 6–12.
- Бейсенов А.З.** Отчет о проведении научно-исследовательских работ по теме «Проведение реставрационных работ мавзолея и захоронения эпохи бронзы и раннего железного века Атасуйского микрорайона, Жанааркинский район». Алматы, 2015а // Архив Центра по сохранению историко-культурного наследия.
- Бейсенов А.З.** Отчет о проведении научно-исследовательских работ по теме «Проведение реставрационных работ мавзолея и захоронения эпохи бронзы и раннего железного века Атасуйского микрорайона, Жанааркинский район». Алматы, 2015б // Архив Центра по сохранению историко-культурного наследия.
- Бейсенов А.З., Алтынбеков К.** Опыт создания реконструкции костюма и конского снаряжения для Карагандинского областного историко-краеведческого музея (по материалам памятников Талды-2, Тасмола, Аржан-2 и др.) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докл. Круглого стола, посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан. – Караганды, 2011. – С. 36–39.

- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е.** Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. – 192 с.: ил.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К.** Исследования в Северной Бетпакдале // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул, 2015. – С. 28–31.
- Бейсенов А.З., Касеналин А.Е.** Бегазы қорымы (зерттеу, сактау және насихаттау жұмыстары) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. Под ред. А. З. Бейсенова. – Алматы: НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2013. – Б. 43–58.
- Бейсенов А.З., Мусаева Р.С., Жамбулатов К.А.** О создании естественно-научного обоснования (ЕНО) проектируемого заповедника-музея «Кызыларай-Бегазы» // Археология и история Сарыарки: сб. научн. ст. – 2012. – С. 259–275.
- Варфоломеев В.В.** Кент и его округа (некоторые итоги социокультурного анализа памятников Восточной Сарыарки) // Степная цивилизация восточной Евразии. – Астана, 2003. – Т. 1. – С. 88–99.
- Варфоломеев В.В.** Кент – город бронзового века. Новые исследования в эпоху независимости // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011). – Алматы, 2011. – С. 85–96.
- Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Под ред. К. С. Алдажуманова, А. З. Бейсенова. – Алматы: Эверо, 2004. – 564 с.: ил.
- Евдокимов В.В., Жауымбаев С.У.** Горизонт железоварочных горнов производственной площадки поселения Алат эпохи поздней бронзы // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы: НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2013. – С. 228–237.
- Кукушкин И.А.** Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1. // Историко-культурное наследие Сарыарки: сб. научн. ст. – Караганда, 2007. – С. 40–63.
- Кукушкин И.А.** Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) // РА. – 2011. – №2. – С. 110–116.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.** Казахская «пирамида» // Мәдени мұра. – 2016а. – №5 (68). – С. 78–81.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.** Полевые исследования на могильнике Бесоба (Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2016б. – Вып. XXII. – С. 142–147.
- Кунгурова Н.Ю., Варфоломеев В.В.** Орудия и изделия из камня поселения Кент (по результатам трасологических исследований) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы: НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2013. – С. 198–217.
- Ломан В.Г.** К вопросу о генезисе и составе населения саргаринско-алексеевской культуры (по данным технико-технологического анализа керамики) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: матер. междунар. симпозиума (29–31 октября, 2013 г.). – М.: Институт археологии РАН, 2015. – С. 243–248.
- Ломан В.Г., Кульмаганбетова Г.** Отчет о научно-исследовательской работе «Проведение реставрационных работ мавзолея эпохи бронзы Аксу-Аюлы, Шетский район. Караганды, 2013 // Архив Центра по сохранению историко-культурного наследия.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.
- Мобилизованной археологией. К 80-летию Акишева Кимая Акишевича. Отв. ред. Хабдулина М. К. – Астана: ЕНУ, 2004. – 140 с.
- Рудковский И.В.** Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Отв. ред. А. З. Бейсенов. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. – 192 с.: ил.
- Смаилов Ж.Е., Бейсенов А.З.** Кызылкентский дворец (Кыз Аулие) // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Под ред. К. С. Алдажуманова, А. З. Бейсенова. – Алматы: Эверо, 2004. – С. 254–269.
- Усачук А.Н., Варфоломеев В.В.** Костяные и роговые изделия поселения Кент (предварительный результат трасологического и функционально-типологического анализа) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы: НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2013. – С. 218–227.
- Усманова Э.Р., Бедельбаева М.В.** Археологическая школа КарГУ имени академика Е. А. Букетова (история, исследования, достижения) // Историческая наука Казахстана: современное состояние и перспективы развития. – Караганда, 2014. – С. 25–37.

А. А. Иванов

А. А. Иванов,
Челябинский Многопрофильный Институт
A. A. Ivanov,
Chelyabinsk Multidisciplinary Institute
E-mail: iv171280@yandex.ru

Клинковое оружие как индикатор связей ранних кочевников Урало-Казахстанских степей в VII – первой половине VI в. до н. э.

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению клинкового оружия ранних кочевников Урало-Казахстанских степей. Хронологические рамки работы охватывают период VII – первой половины VI вв. до н.э. Цель исследования - проследить как контакты между населением различных регионов Евразии отразились в типологии оружия ближнего боя. В качестве базовой типологии использованы разработки А. Д. Таирова. В ходе работы границы некоторых типов были уточнены. Были выявлены кинжалы, связанные происхождением с восточными регионами Евразии (нурманбетский тип и кинжалы с рамочным прорезным перекрестием). С влиянием восточноевропейских кочевников мы связываем распространение «келермеского» типа и всей серии восточной группы «муфтовых» акинаков. Развитие клинкового оружия Урало-Казахстанских степей отражает изменение геополитической ситуации в Евразии (крушение государства Западные Чжоу и возвращение «скифов» из Передней Азии).

Ключевые слова: Урало-Казахстанские степи, ранние кочевники, клинковое оружие.

Bladed weapons as an indicator of relationships of early nomads in the Ural-Kazakhstan steppes of 7–the first half of 6 BC

Abstract. The article is devoted to the study of bladed weapons of early nomads in the Ural-Kazakhstan steppes. The chronological scope of work covers the period of 7–the first half of 6 BC. The purpose of the investigation is to trace the contacts between people of different regions of Eurasia what were reflected in the typology of weapons. As a basic typology we used developments of A. D. Tairov. In the course of certain types of boundaries have been clarified. There were found daggers associated with the origin of the eastern regions of Eurasia (Nurmanbet type and daggers with slotted crosshairs). With the influence of Eastern European nomads, we associate the spread of «Kelermes» type and the entire series of the eastern group of “coupling” akinaks. The development of bladed weapons of Ural-Kazakhstan steppes reflects the change in the geopolitical situation in Eurasia (the downfall of the Western Zhou and the return of «Scythians» from Asia Minor).

Keywords: Ural-Kazakhstan steppes, early nomads, bladed weapons.

Каждая эпоха это особая страница в развитии оружия. Отношение людей к нему менялось в зависимости от общенсторической ситуации. В раннем железном веке у кочевников, освоивших степной пояс Евразии, оружие стало важнейшей частью материальной культуры. Об этом свидетельствует, в частности, то, что в значительной части погребений кочевников на территории Урало-Казахстанских степей встречаются предметы вооружения.

Клинковое оружие неоднократно становилось объектом изучения. Это связано с огромным объемом информации нашедшей отражение в мечах и кинжалах. Анализ такого сложного источника позволяет не только уточнить хронологию, но и ответить на множество других вопросов. Так, поиск новых и оптимизация уже

существующих форм, стимулирует развитие технологии в металлургии и металлообработке. Сопровождая человека в повседневной жизни, оружие перемещается с ним в пространстве. Это дает нам возможность проследить миграции. Постоянные конфликты выделяли воинов в особую социальную группу. Оружие в таком случае становилось маркером, определяющим социальную полноценность. Закрепление за воинами определенного социального статуса могло стимулировать развитие воинских культов и приводить к сакрализации отдельных предметов вооружения. Таким образом, оружие является сложным источником, требующим комплексного изучения и разграничения разнообразной информации, заложенной в нем.

Оружие ближнего боя тасмолинской историко-этнографической общности было обобщено и систематизировано А. Д. Таировым [2005, с. 86–98]. Исследователь сформулировал множество вопросов, которые должны стать предметом специального исследования. Одним из них является происхождение и развитие отдельных типов мечей и кинжалов.

Задачей настоящего исследования является установление направления связей кочевников Урало-Казахстанских степей, получившее отражение в типологическом разнообразии мечей и кинжалов VII – первой половины VI вв. до н. э. Для этого рассмотрим несколько характерных для региона типов клинкового оружия.

Первый тип составляют бронзовые кинжалы, найденные у села «Рассвет» в Северном Казахстане и села Мариинское в Южном Зауралье (рис. 1, 8, 9). Они имеют прорезное (рамчатое) перекрестие, навершие, оформленное в виде протом животных, и прорезную рукоять. Датируются большинством исследователей VII–VI вв. до н. э. [Таиров, Ульянов, 1996, с. 139; Хабдулина, Рубе, 1984, с. 229] или VI в. до н. э. [Членова, 1982, с. 39]. Точных аналогий эти кинжалы не имеют, что затрудняет их датировку и этнокультурную интерпретацию.

Наибольшую близость демонстрирует кинжал из Таганрогского музея, место находки которого не известно. Н. Л. Членова [1976, с. 55] отме-

чает, что отдельные детали этого кинжала имеют карасукские аналогии, но не вся их совокупность. В этой же статье она датировала указанный кинжал VIII–VII вв. до н. э. и поставила под вопрос его карасукское происхождение. Этим же периодом датируется обломок бронзового кинжала, найденный в Южном Приуралье и имеющий схожее рамочное перекрестие [Таиров, 2005, с. 89]. К сожалению, эти образцы невозможно использовать для уточнения региона зарождения данного типа.

При отсутствии точных аналогий имеет смысл обратить внимание на идеи, воплощенные в кинжалах из с. «Рассвет» и Мариинское. Навершие выполнено в виде протом животных (кабана и кошачьего хищника). Протомы впервые появляются на тагарском оружии в VII–VI вв. до н. э., а с VI в. до н. э. становятся популярными сюжетами тагарского искусства [Членова, 1967, с. 114, 118]. Форма перекрестия в виде опущенных прямоугольных лопастей (не прорезных) широко представлена на карасукских кинжалах Алтая, которые датируются VIII–VII вв. до н. э., или VII в. до н. э. (рис. 1, 1) [Членова, 1976, с. 30, 40]. Прорезная рукоять также находит параллели на карасукских и тагарских кинжалах и не противоречит датировкам представленным выше.

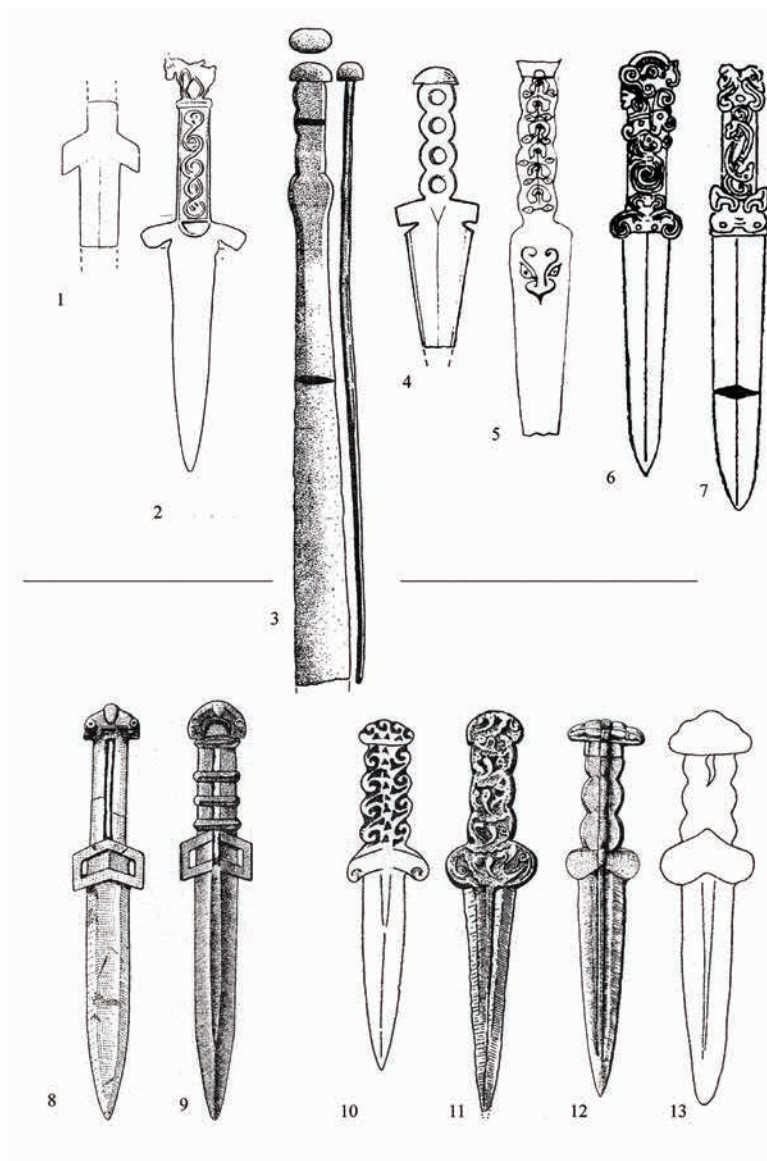

Рис. 1. Кинжалы с рамочным перекрестием и кинжалы нурманбетского типа [по: Членова, 1982; Таиров, 2005; Кан Ин Ук, 1999]. 1 – Алтай; 2 – Бийск; 3 – с. Николаевка; 4 – Тува; 5 – Сигоуцунь; 6 – Юйцунь; 7 – Наньшаньгэнь; 8 – Рассвет; 9 – Мариинское; 10 – Песчаное; 11 – Нурманбет-4, к. 1; 12 – Иртяш-14, к. 2; 13 – Мариинское близ г. Кокиетау

Появление двух бронзовых кинжалов столь необычной формы в рамках одного региона и отсутствие однозначных аналогий позволяют предполагать их урало-казахстанское производство [Хабдулина, Рубе, 1984, с. 230]. Отчасти это подтверждается и данными спектрального анализа кинжала из с. «Рассвет» [Барцева, 1987, с. 72]. Объяснить возникновение подобного типа оружия можно быстрой трансформацией культурных стереотипов. Возможно, это произошло в результате миграции небольшой группы населения с территории, близкой ареалу тагарской культуры.

В литературе существует точка зрения о принадлежности кинжала из Таганрогского музея коллекции генерала П. К. Ренненкампа, привезенной им из Китая [см.: Лукьяшко, 1999, с. 148; Таиров, 2005, с. 87]. Даже если мы согласимся с его «китайским происхождением», это не решает проблему возникновения всего типа, т. к. на территории китайских царств клинковое оружие выглядит иначе.

Примером китайского влияния на клинковое оружие кочевников могут быть кинжалы нурманбетского типа.

К этой группе относятся случайные находки из села Мариинское (Северный Казахстан) и села Песчаное (Центральный Казахстан) (рис. 1, 10, 13). А также кинжалы из кургана 1 могильника Нурманбет-4 (Центральный Казахстан) и кургана 2 могильника Иртыш-14 (в Южном Зауралье) (рис. 1, 11, 12). Западной границей распространения этого типа является находка в погребении С Ананьинского могильника. Восточная граница обозначена случайной находкой из Змеиногорска или Шемонаихи в Восточном Казахстане. Датировка большинства находок VII–VI вв. до н. э.

Характерными чертами всех перечисленных предметов является широкая рукоять с волнистым краем, навершие в виде бруска или треугольника со скругленными углами. Почковидное или сердцевидное перекрестие, рукоять может быть украшена спиральным орнаментом. Некоторые исследователи считают кинжалы этого типа характерным оружием населения Прииртышья в VI в. до н. э. [Хабдулина, 1994, с. 82; Членова, 1981, с. 11].

По мнению Н. Л. Членовой, кинжалы этого типа восходят к карасукским, рукоять которых состоит из прорезных колец. Дальнейшее развитие этой формы приводит к появлению спирального орнамента и волнообразному оформлению краев рукояти [Членова, 1981, с. 11]. Однако, как нам кажется, для карасукских кинжалов в целом не характерны спиральный орнамент, рукоять в виде прорезных колец и перекрестие округлой формы.

Образцы, на которые ссылается Н. Л. Членова, являются скорее исключением из общей линии развития карасукских кинжалов. Появление новых элементов декора на карасукских кинжалах является очень важным моментом. Прежде всего, обращает на себя внимание кинжал, найденный на территории Тувы [Членова, 1976, с. 42]. Он имеет грибовидное навершие, а плоская рукоять состоит из прорезных колец, Н. Л. Членова датирует находку VIII–VII вв. до н. э. (рис. 1, 4). Так же было отмечено, что такое оружие не характерно для населения Тувы [Членова, 1976, с. 42]. Кинжал из Бийска так же выполнен в стиле не характерном для карасукской культуры. Навершием является плоская фигурка козла, особенности изображения сближают его со звериным стилем тагарской культуры [Членова, 1976, с. 39–40]. Для темы нашего исследования важным является оформление рукояти этого кинжала. Она плоская и украшена спиральным орнаментом (рис. 1, 2). Длинный меч, случайно найденный возле села Николаевка на реке Или/Иле, сочетает грибовидное навершие, рукоять с дуговидными выступами и перекрестие округлой формы [Исмагил, 2000, с. 130]. Как справедливо отметил автор публикации, ни оформление рукояти, ни перекрестие не имеют параллелей в карасукской традиции [Исмагил, 2000, с. 129–130]. По мнению Р. Исмагила, датировать находку следует IX–VIII вв. до н. э. (рис. 1, 3).

Все приведенные выше инновации невозможно объяснить естественным развитием карасукских форм клинкового оружия. Но подобные элементы декора встречаются среди «китайского» оружия (рис. 1, 5–7).

А. Д. Таиров [2005, с. 88] высказал предположение, что возможными прототипами кинжалов нурманбетского типа являются кинжалы «типа Цинь». Термин «кинжалы типа Цинь» использовал исследователь Кан Ин Ук [1999, с. 372] для обозначения особой группы клинкового оружия. Для кинжалов этого типа характерны «прямая ажурно орнаментированная рукоять, перекрестие с изображением звериных морд». Кинжалы этого типа встречаются преимущественно в современных китайских провинциях Шеньси, Хэбэй. Из всего многообразия анализируемых предметов нас интересуют самые ранние экземпляры подтипа I-с. Они сочетают плавные «облачные» очертания навершия и «пламеневидный» орнамент рукояти, датированы находки от VII в. до н. э. Некоторые рукояти сделаны из золота, что отражает престижность этого оружия. Подтип II-а, декор рукояти напоминает спираль, перекрестие изогнуто и имеет округлые очертания, датируются началом VIII в. до н. э. [Кан Ин Ук, 1999,

с. 374–375]. Концом VIII в. до н. э. датировал С. А. Комиссаров [1988, с. 74] бронзовый кинжал с волнообразным оформлением рукояти из погребения Сигуоцунань, провинция Шеньси. Как мы видим, основные элементы декора нурманбетского типа: спиралевидный орнамент, подтреугольное навершие со сглаженными углами, изогнутое или округлое перекрестие широко представлены в китайских материалах VIII–VII вв. до н. э.

Провинции Шеньси, Хэбей, Хэнань в IX – начале VII вв. до н. э. являлись большой контактной зоной между племенами «северных варваров» и китайскими царствами Цзинь, Янь, Ци [Ковалев, 1998, с. 128; Комиссаров, 1988, с. 6].

«Северных варваров» ряд исследователей связывает с культурой верхнего слоя Сяцзяня [см. например, Комиссаров, 1988] или комплексом «типа Няньшаньгэнь» [см. например, Ковалев, 1998]. При этом, С. А. Комиссаров [1988, с. 42] погребения из Няньшаньгэнь считает частью культуры верхнего слоя Сяцзяня. Датируются эти памятники IX–VII вв. до н. э. по А. А. Ковалеву, и VIII–VII вв. до н. э. по С. А. Комиссарову. Для нашего исследования важно, что есть возможность связать археологический материал с конкретными историческими событиями. Племена «северных варваров» шаньжунов вторглись в провинции Шеньси, Хэбей, Хэнань в 794 году до н. э. и грабили китайские царства и княжества до 663 года до н. э. [Ковалев, 1998, с. 128]. В 663 году до н. э. шаньжуны были разбиты и исчезли с исторической арены, в это же время исчезают и памятники «типа Няньшаньгэнь» [Ковалев, 1998, с. 128].

На сегодняшнем уровне развития источниковой базы, рассмотрев некоторые карасукские кинжалы и китайские кинжалы «типа Цинь», мы можем отметить у них ряд сходных черт. Как нам кажется, их появление связано с памятниками «типа Няньшаньгэнь» и набегами шаньжунов на китайские царства в VIII–VII вв. до н. э. После поражения шаньжунов часть племен, входивших в этот племенной союз, была вынуждена уйти на запад. В процессе миграции произошло упрощение некоторых стилистических элементов, и появилась новая форма клинкового оружия – кинжалы нурманбетского типа. В VII–VI вв. до н. э. этот тип кинжалов распространяется среди кочевников Урало-Казахстанских степей.

Не следует напрямую отождествлять исторических шаньжунов и культуру кочевников Урало-Казахстанских степей. Этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Но события на территории китайских государств VIII в. до н. э. и появление нового типа клинкового оружия явления, несомненно, связанные.

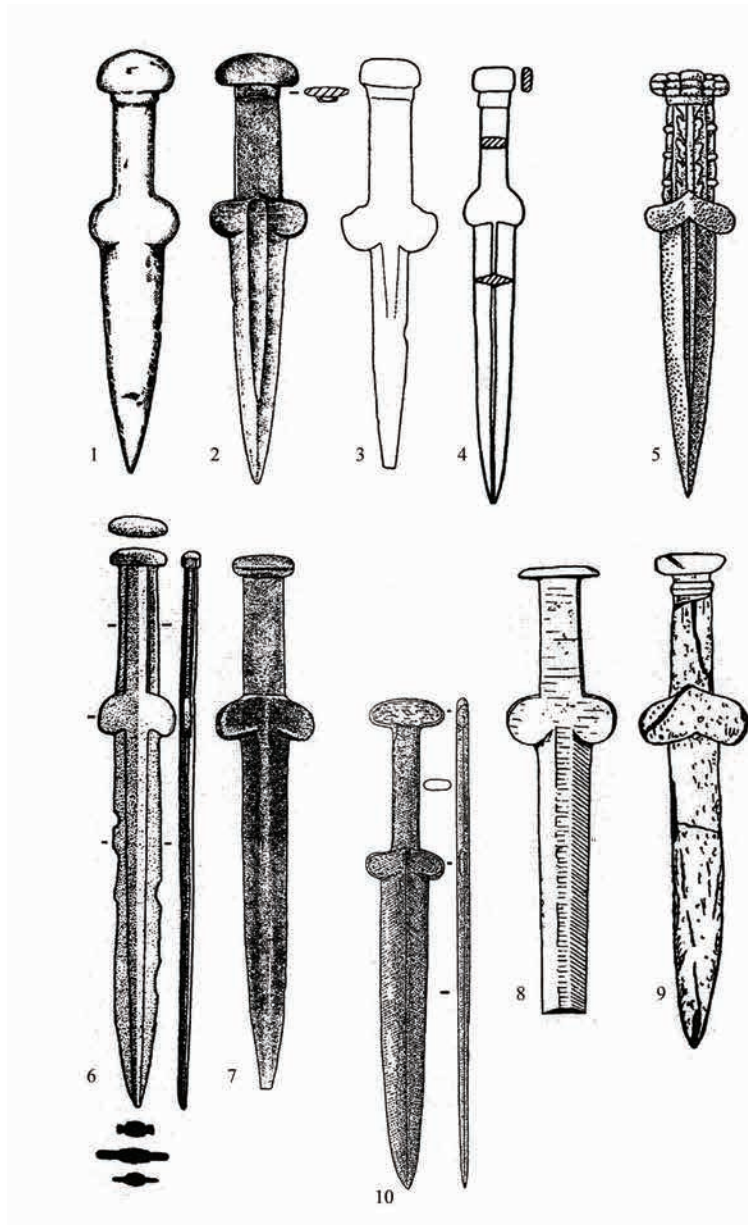

Рис. 2. Кинжалы баландино-уйгаракского типа и его варианты [по: Таиров, 2005]. 1 – Уйгарак, к. 50; 2 – Баландино; 3 – Шидерты; 4 – Бахмутино; 5 – Бобровка, к. 4; 6 – Сергеевка; 7 – Степняк; 8 – кинжал из ЦГМ РК; 9 – Жаман-Тогай, к. 1; 10 – оз. Большая Наного

Несмотря на немногочисленность «кинжалов нурманбетского типа», можно увидеть процесс изменения данной формы. Наиболее древним является кинжал из села Песчаное. Его перекрестие и по форме и по орнаментации напоминает кинжал из Юйцунь, датированный VIII в. до н. э. Более поздними являются клинки, имеющие выраженное сердцевидно-бабочковидное перекрестие [Членова, 1981, с. 11].

К кинжалам нурманбетского типа А. Д. Таиров [2005, с. 88] относит кинжал из кургана 4 могильника Бобровка. Важнейшим признаком кинжалов этого типа является волнистый край рукояти и наличие спирального орнамента. Именно эта черта ярко выделяет нурманбетские кинжалы из клинкового оружия VIII – первой половины VI вв. до н. э. Урало-Казахстанских степей. Бобровский кинжал имеет фигурное оформление рукояти, но у него нет волнистого края (рис. 2, 5). На сегодняшний день мы не можем однозначно отнести этот кинжал ни к одному известному нам типу. Видимо, следует признать, что бобровский кинжал является изделием местных оружейников, обобщивших известные им традиции оформления клинкового оружия.

Следующая группа бронзовых кинжалов имеет более простое оформление (в сравнении с двумя типами, описанными выше). Примером служит кинжал из села Баландино который М. К. Хабдулина [1994, с. 54] отнесла к нурманбетскому типу и датировала VIII–VI вв. до н. э. На наш взгляд, этот кинжал не имеет отношения к нурманбетскому типу, и его датировка нуждается в уточнении (рис. 2, 2). Наибольшую близость он имеет с кинжалом из кургана 50 могильника Уйгарак, датированного VII – первой половиной VI вв. до н. э. (рис. 2, 1) [Таиров, 2005, с. 91]. Если мы сравним перекрестия кинжалов из Баландино и Уйгарака, то следует датировать баландинский кинжал более поздним временем. Невыделенное почковидное перекрестие сформировалось раньше «сердцевидно-бабочковидного». Эта тенденция развития принимается сегодня большинством исследователей.

Обобщив находки клинкового оружия из степей Зауралья и Казахстана, А. Д. Таиров [2005, с. 91] пришел к выводу о том, что можно выделить «отдельную группу ... “баландинский” или “уйгаракский тип”». Для кинжалов «баландино-уйгаракского типа» характерна широкая плоская рукоять, сегментовидное навершие и перекрестие округлых очертаний (почковидное или сердцевидно-бабочковидное). К этой группе А. Д. Таиров отнес кинжалы из села Шидерты (Центральный Казахстан) и деревни Бахмутино (Приуральская Башкирия) (рис. 2, 3,

4). Возможно, кинжал из кургана 4 могильника Бобровка занимает промежуточное положение между кинжалами нурманбетского и баландино-уйгаракского типа.

В качестве варианта баландино-уйгаракского типа А. Д. Таиров [2005, с. 91] рассматривает следующие клинки: кинжалы, найденные у города Степняк (рис. 2, 7), у села Сергеевка (рис. 2, 6) (Северный Казахстан), в кургане 1 могильника Жаман-Тогай на Средней Сырдарье (рис. 2, 9), и кинжал из ЦГМ РК (рис. 2, 8). По его мнению, они «наиболее близки кинжалам усть-буконьского типа» [Таиров, 2005, с. 91].

К усть-буконьскому типу относится случайная находка на берегу оз. Большая Наноба (рис. 2, 10) (Южное Зауралье). Для этой группы кинжалов характерна узкая плоская рукоять, округлое почковидное перекрестие и треугольно-сегментовидное навершие. Четко ответить на вопрос о происхождении этого типа крайне затруднительно. По мнению Н. Л. Членовой [1981, с. 9], на становление этого типа оказали влияние киммерийские и скифские акинаки. Однако, приведенные ею аналогии не убедительны, так как крайне затруднительно сравнивать реальное клинковое оружие и изображенное на каменных стелах. А именно изображения на киммерийских стелах Н. Л. Членова [1981, с. 9] приводит в качестве ранних аналогий. Выше уже отмечалось определенное сходство кинжалов баландино-уйгаракского типа и усть-буконьского. Подобное сходство может отражать определенное генеалогическое родство между этими типами. Этому не противоречит и хронологическое соотношение типов, нурманбетский и баландино-уйгаракский типы существуют в VII – первой половине VI вв. до н. э., а усть-буконьский несколько моложе [Таиров, 2005, с. 91; Членова, 1981, с. 9].

В оружейведении есть множество вопросов, которые до сих пор не имеют однозначного ответа. Один из них – появление «скифского акинака». Однозначных прототипов акинака не имеет. Все попытки отыскать его «родину» также не привели к решению проблемы. Отсутствие ранних аналогий на территории Причерноморья и Северного Кавказа позволили К. Ф. Смирнову [1961, с. 29] предположить, что эта форма клинкового оружия была выработана во время походов кочевников в страны Передней Азии. Традиционно акинаком называют мечи и кинжалы с брусковидным навершием и почковидным, сердцевидным, бабочковидным перекрестием. По мнению А. Ю. Алексева [2003, с. 52, 184], наиболее ранние экземпляры имеют почковидное перекрестие, которое «скорее всего, появилось спонтанно» и имело фаллическую симво-

лику. Распространено почковидное перекрестие на огромной территории от Причерноморья до Китая. Искать прародину акинака можно долго, а принесет ли это результат, скорее риторический вопрос. На сегодняшний день корректнее говорить, что процесс становления акинака мог идти на всей территории распространения оружия с почковидным перекрестием. Вторжение nomadov в Переднюю Азию в конце VIII – начале VII вв. до н. э. могло вызвать трансформацию культурных стереотипов. Если это так, то превращение клинкового оружия кочевников в «акинак» могло не оставить промежуточных форм.

Как бы ни происходил этот процесс, мы должны признать, что наиболее ранние формы мечей и кинжалов с брусковидным навершием и почковидным, сердцевидным, бабочковидным перекрестием появились на Северном Кавказе в первой половине VII в. до н. э. [Ворошилов, 2006, с. 43]. Это биметаллическое оружие, восходящее к доскифским образцам [Ворошилов, 2006, с. 43; Скрипкин, 2007, с. 42]. На территории Урало-Казахстанских степей самой ранней находкой этого типа является кинжал из фондов музея г. Златоуст (Южный Урал). Датирован он первой половиной VII в. до н. э. [Таиров, 2011, с. 162-166]. Так как обстоятельства и место его находки не известно, он является не самым информативным источником, отражающим контакты между населением различных регионов [Таиров, 2011, с. 166].

Хотелось бы обратить внимание на перекрестие кинжала из г. Златоуст (рис. 3, 5). Оно относится к «келермесскому» типу, распространенному в Подонье и на Северном Кавказе и почти не известному к востоку от Волги (рис. 3, 1–4). Исключением является кинжал из села Ушбиик (Восточный Казахстан). Этот кинжал полностью изготовлен из бронзы, но продолжает традицию биметаллического оружия (рис. 3, 6). Его рукоять состоит из трех валиков, которые имитируют

бронзовую рукоять с железным черенком клинка посередине. Перекрестие «келермесского» типа, брусковидное навершие и трехсекторное сечение рукояти сближает его с железным клинковым оружием «келермесского» типа. Эту группу мечей и кинжалов выделил А. Н. Ворошилов [2008, с. 91-96] на территории от Северного Кавказа до Подонья. По мнению А. Н. Ворошилова, распространение этого типа маркирует движение «скифского» населения на восток. Датирует «келермесский» тип серединой – второй половиной VII в. до н. э.

Другой точки зрения придерживается Р. Исмагил [2000, с. 137–139], он относит кинжал из села Ушбиик к восточной группе «муф-

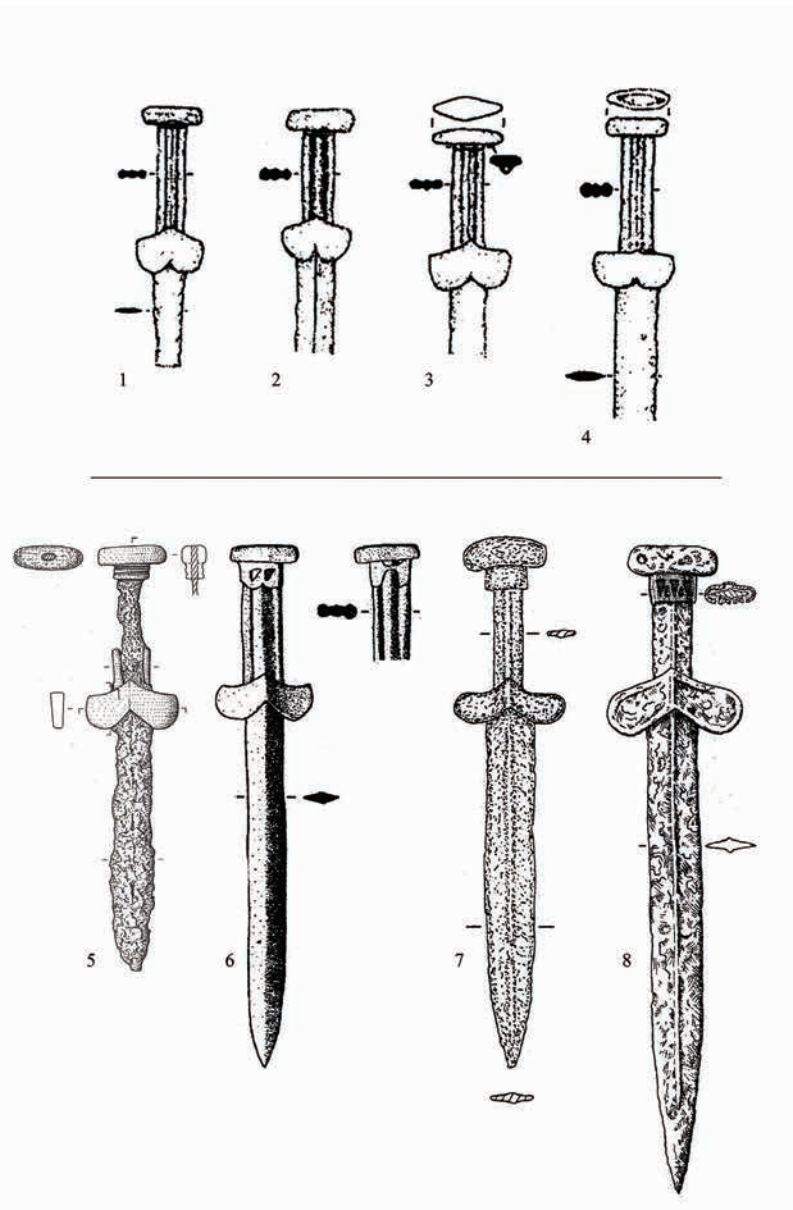

Рис. 3. Кинжалы келермесского типа и муфтовые кинжалы [по: Ворошилов, 2008; Таиров, 2005]. 1–4 – фрагменты железных мечей и кинжалов Подонья; 5 – биметаллический кинжал из г. Златоуст; 6 – Ушбиик; 7 – Варшавское; 8 – Аргаяш

товых акинаков». Этот тип клинкового оружия имеет широкую, как правило, орнаментированную муфту под навершием, узкое бабочковидное перекрестие и брусковидное навершие – распространен от Прикамья до Казахстана [Исмагил, 2000, с. 138]. Западная группа «муфтовых акинаков» имеет широкое сердцевидное перекрестие и узкую муфту как правило с петелькой. Распространены они в Причерноморье и связаны с «дырчато-петельчатыми акинаками». Этот термин Р. Исмагил [2000, с. 138] использует для обозначения клинкового оружия Причерноморья и Северного Кавказа, под навершием которого есть петелька или отверстие. Видимо, мы должны считать «келермесский» тип А. Н. Ворошилова и «дырчато-петельчатые акинаки» Р. Исмагила разными названиями одной группы оружия.

Исходя из западных аналогий, мы должны датировать кинжал из села Ушбиик второй половиной VII в. до н. э.

К «муфтовым акинакам» мы можем отнести два железных кинжала с территории Южного Зауралья. Это случайные находки из окрестностей села Варшавское и из Аргаяшского района (рис. 3, 7, 8) [Таиров, 2005, с. 91-94]. Мощные брусковидные навершия этих кинжалов имеют грибовидные очертания. Наибольшую близость этим кинжалам демонстрирует меч из погребения 57 Луговского могильника ананьинской культуры [Таиров, 2005, с. 91]. По мнению А. Д. Таирова [2005, с. 94], датировать находки из Южного Зауралья следует VII – первой половиной VI вв. до н. э.

Происхождение всей восточной серии «муфтовых акинаков» следует связывать с движением «скифского» населения на восток. Начинается этот процесс еще в первой половине VII в. до н. э. По мнению А. Ю. Алексеева [2003, с. 110], при Ашшурбанипале мог произойти отток части кочевников из Передней Азии в Предкавказье. Распространение кинжалов «келермесского» типа может отражать перемещение «скифского» населения дальше на восток сначала в междуречье Волги и Дона, а затем в регионы, имеющие развитую металлургическую базу [Ворошилов, 2008, с. 92]. Из ареала ананьинской культуры влияние западных номадов распространялось далее на восток, достигая Южного Урала. Однозначно говорить о присутствии «скифов» на территории Урало-Казахстанских степей мы не можем. Но влияние западных традиций в оформлении клинкового оружия, несомненно, прослеживается. Окончательно решить вопрос о формировании «скифского акинака» и проследить его распространение может только накопление материала и уточнение (создание?) типологии мечей и кинжалов на максимально широкой территории.

Разнообразие типов клинкового оружия в VII – первой половине VI вв. до н. э. в Урало-Казахстанских степях говорит не столько о разнице в эстетических вкусах кочевников, сколько о разных традициях в его изготовлении. Именно эта разница в традициях и делает возможным уточнение связей номадов.

Подводя итог вышесказанному, можно сформулировать следующие основные тезисы:

1. В VIII в. до н. э. на территории от Алтая и Тувы до китайских провинций Шеньси и Ганьсу создаются новые принципы оформления клинкового оружия. В результате появляются карасукские кинжалы с рукоятью из прорезных колец, со спиральным орнаментом, с цепочкой из фигурок животных от лезвия до навершия (возможно, что этот сюжет получил развитие на кинжале из погребения 5, могильника Аржан-2). На территории китайских провинций в это же время появляются кинжалы «типа Цинь». Их перекрестие украшено в стиле «тао-тэ» морды зверей, появляется спиральный орнамент и стремление покрыть всю рукоять плотным узором. Края рукояти некоторых кинжалов становятся волнообразными. В это же время развивается «культура верхнего слоя Няньшаньгэнь», в которой представлены разнообразные предметы вооружения.

2. Изменение ситуации в этом регионе привело к началу миграций по нескольким направлениям. В китайских письменных источниках период с VIII по VII вв. до н. э. связан с вторжением «северных варваров». По мнению большинства исследователей, в это же время начинается крупная миграция кочевников на запад.

3. В ходе миграции происходит изменение культуры. Одним из проявлений культурной трансформации является становление новых типов клинкового оружия. Этот процесс происходил очень быстро, в результате чего нам очень сложно проследить генезис многих типов кинжалов. Как следствие этой трансформации в Урало-Казахстанских степях появились кинжалы с рамочным перекрестием, кинжалы нурманбетского и возможно баландино-уйгаракского типа.

4. В первой половине VII в. до н. э. начинает развиваться экспансия «скифского» населения на восток. Отражением этого процесса можно считать кинжал из фондов Златоустовского музея и кинжала из с. Ушбиик. Также, видимо, под влиянием «западных» кочевников развивается вся восточная серия муфтовых акинаков.

Дальнейшее накопление источниковой базы, уточнение типологии поможет глубже понять тенденции развития оружия ближнего боя и уточнить этнокультурную информацию, отраженную в каждом типе.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю.** Хронография Европейской Скифии. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2003. – 416 с.
- Ворошилов О.М.** Бронзовое и биметаллическое клинковое оружие скифского типа Восточной Европы и Кавказа // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2006. – № 1. – С. 34–45.
- Ворошилов А.Н.** Случайные находки архаических акинаков как источник по истории лесостепного Подонья в раннескифскую эпоху // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: матер. тематической научн. конф. – СПб., 2008. – С. 91–96.
- Барцева Т.Б.** Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1987. – С. 65–83.
- Исмагил Р.** Клинковое оружие досакского и сакского времени из Центральной и Северо-Западной Азии // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. – Уфа, 2000. – С. 127–145.
- Кан Ин Ук.** Проблема выделения кинжала «типа Цинь» из ордосских комплексов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. VII Годовой итоговой сессии ИАЭ СО РАН. – Новосибирск, 1999. – Т. 5. – С. 372–379.
- Ковалев А.А.** Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб., 1998. – С. 122–132.
- Комиссаров С.А.** Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. – Новосибирск, 1988.
- Лукьяшко С.И.** Предскифский период на Нижнем Дону // Донские древности. – 1999. – Вып. 7.
- Скрипкин А.С.** Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья в VIII–IV вв. до н. э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: сб. научн. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 38–51.
- Смирнов К.Ф.** Вооружение савроматов. – М., 1961. – 162 с.
- Таиров А.Д.** Оружие ближнего боя кочевников тасмолинской историко-этнографической общности // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2005. – Вып. 2. – С. 86–98.
- Таиров А.Д.** К вопросу о распространении кинжалов с бронзовыми деталями рукояти раннескифского времени // Челябинский гуманитарий. – 2011. – № 1 (14). – С. 162–170.
- Таиров А.Д., Ульянов И.В.** Случайные находки оружия ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: тр. музея-заповедника Аркаим. – Челябинск, 1996. – С. 139–147.
- Хабдулина М.К.** Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы, 1994. – 170 с.
- Хабдулина М.К., Рубе А.А.** Кинжал раннесакского времени из Петропавловского Приишимья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 227–231.
- Членова Н.Л.** Карасукские кинжалы. – М., 1976. – 103 с.
- Членова Н.Л.** Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы Западносибирской археологии: эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 4–42.
- Членова Н.Л.** Четыре древних кинжала из Казахстана // КСИА. – 1982. – Вып. 170. – С. 34–40.

В. А. Иванов**В. А. Иванов***Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа,***V.A. Ivanov***Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa*

e-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Кочевники в этнокультурном пространстве Золотой Орды (Улуса Джучи)¹

Аннотация. Результаты сравнительно-статистического анализа погребального обряда кочевников Золотой Орды (Улуса Джучи) XIII–XIV вв. показывают, что среди них абсолютно преобладают одиночные захоронения под земляными насыпями (77%) и выделяется группа захоронений под насыпями с каменными конструкциями (20%). Статистическая корреляция признаков обряда (корреляция Пирсона) показывает, что земляные курганные насыпи устойчиво сочетаются с наличием в них костей животных, угля (тризна) и ровиком, опоясывающим насыпь у основания, тогда как курганы с каменными конструкциями сочетаются с наличием в могиле конской туши (полный скелет) слева от человека на ступеньке. Они в основном локализируются на территориях, расположенных к востоку от реки Урал. Коэффициенты формально-типологического сходства погребального обряда показывают, что наиболее тесно между собой связаны курганы Поволжья и Степного Предуралья (к западу от реки Урал), а также курганы междуречья Волги и Дона (Улус Бату). Последние являются связующим звеном с курганами Северного Кавказа, Дона и степей Украины. Курганы, расположенные к востоку от Урала, принадлежали населению восточного происхождения, не связанного с кыпчаками, составлявшими население собственно Золотой Орды.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Шибана, кыпчаки, курганы, корреляция.

Nomads in the ethnocultural space Golden Horde (Jochi Ulus)

Abstract. The results of the comparative statistical analysis of the funeral rites of the nomads of the Golden Horde (Ulus Jochi) XIII–XIV centuries. show that among them are absolutely dominated by single burial under mounds of earth (77%) and there is a group of burial mounds under the stone structures (20%). Statistical correlation rite signs (Pearson correlation) shows that the earthen burial mounds consistently combined with the presence of animal bones, charcoal (Funeral feast) and the trench, herpes mound at the base, while the mounds with stone structures combined with the presence of the tomb of horse carcasses (full skeleton) to the left of the person on the step. They are mostly localized in the areas located to the east of the Ural River. Odds formal typological similarities burial rites show that most closely relate to each other mounds and Steppe Volga Urals (to the west of the Ural River), as well as mounds between the Volga and the Don (Ulus Batu). The last are the link with the mounds of the North Caucasus, the Don and the steppes of Ukraine. Mounds, located east of the Urals, belonged to the population of eastern origin, non-Kipchak, actually make up the population of the Golden Horde.

Keywords: the Golden Horde, Ulus Shiban, Kipchak, burial mounds, the correlation.

О значении погребального обряда (естественно, в тех его элементах и остатках, которые доступны археологическому восприятию и фиксации) для этно- и социокультурных интерпретаций и реконструкций написано много. Свою оценку места и значения погребальной обрядности в реконструкции этнокультурной истории средневековых кочевников Евразии автор этих строк также имел возможность высказать печатно [Иванов и др., 2014, с. 180–181]. Поэтому здесь я ограничусь тем, что приведу пространную цитату из небольшой по объему заметки Л. С. Клейна, в которой вполне исчерпывающе сформулирова-

но отношение к погребальному обряду, на мой взгляд, долженствующее быть определяющим в работе археолога с погребальными памятниками (в данном случае — с погребальными памятниками кочевников Золотой Орды): «...нередко под несколькими разными способами погребения скрыта одна и та же эсхатологическая концепция (ЭК) — часть мировоззрения, лежащая в основе каждого из этих способов погребения. Такая концепция может допускать разные формы реализации в обрядах стало быть, выражаться в разных способах погребения, оставаясь инвариантной в своей сущности и отличая определенную этни-

ческую традицию от других в очень масштабном охвате. Она может генетически связывать культуры, казалось бы, совершенно несхожие по способам погребения. **Зато если уж ЭК различны, то это коренное различие** (выделено мной – авт.)...» [Клейн, 2013, с. 383–384].

Начнем с суммарной характеристики погребального обряда кочевников Золотой Орды. Дабы избежать «изобретения велосипеда» и соблазна рассуждения о предметах, для меня ставших давно очевидными, приведу определение необходимости и значения суммарной характеристики признаков археологических объектов, данное основоположниками статистических методов в археологических исследованиях: «В настоящее время в связи с ростом источниковой базы и постановкой сложных познавательных задач, направленных на выявление закономерностей функционирования конкретных обществ древности, метод описания каждого объекта мало эффективен, так как делает упор на единичность факта, его индивидуальность. **При всей полноте и конкретности индивидуального описания при исследовании массовых фактов подобный способ их включения явно неприемлем не только из-за громоздкости, но и потому, что не дает представления о совокупности фактов как определенной целостности. Между тем научный факт — это, прежде всего, обобщенный факт. Такое представление может дать суммарная характеристика** (выделено мной – авт.)» [Генинг и др., 1990, с. 66].

Очевидно, каждому исследователю понятно, что идеальный вариант анализа источников — это работа с их *генеральной совокупностью*, которая представляет собой «модель источника данных». Применительно к археологии это понятие можно интерпретировать как совокупность объектов, объединенных какими-либо признаками или качествами, бывших в употреблении, обиходе, «бытовавших» в определенный период на определенной территории. Это «генеральная совокупность» предметов или явлений недоступна для полного изучения. Некоторое количество элементов этой совокупности превращается в археологический материал и образует *выборку* из генеральной совокупности. Выборку из этой выборки составляет тот археологический материал, который попал в поле зрения исследователя. Таким образом, археологи по выборке пытаются, используя методы и приемы математической статистики, судить о тех или иных свойствах генеральной совокупности. Упрощенно говоря, генеральная совокупность — это то, из чего произведена выборка...» [Федоров-Давыдов, 1987, с. 14–15].

Поскольку в нашем случае «генеральная совокупность» — все захоронения, когда-либо совершенные кочевниками Золотой Орды — для нас действительно недоступна, мы будем работать с

выборкой, представленной 1175 погребениями, внесенными в источниковую базу, собранную автором этих строк.

Выборка должна отвечать двум требованиям: быть **случайной и представительной**. Первое обеспечивает равную вероятность попадания каждого объекта в количество изучаемых единиц (выборку). Тем самым исключается субъективность, тенденциозность и односторонность в подборе фактов [Генинг, Бунятян и др., 1990, с. 61]. Случайность выборки из кочевнических погребений Золотой Орды объективно обеспечивается самим состоянием источниковой базы по археологии этого населения.

Что же касается представительности, т.е. такого количества сравниваемых единиц, которые «будут отражать существенные свойства генеральной совокупности», то они должны быть однородны и их должно быть достаточно много [Генинг, Бунятян и др., 1990, с. 62]. «Выявление оптимального объема выборки в каждом конкретном случае составляет отдельную задачу и зависит от многих причин. Пока в этом плане нет достаточных разработок и потому каждый исследователь по-своему обуславливает тот или иной объем взятых для исследования объектов. Причем нарекания исследователь, как правило, получает за слишком малую выборку, особенно когда у него имеется возможность использования большей. Поэтому если вопрос оптимальности объема выборки сейчас решить затруднительно, то **допустимые минимальные ее размеры определить можно** (выделено мной. – авт.) (конечно, мы не имеем в виду те случаи, когда естественная выборка мала и расширить ее пока нет возможности)» [Генинг, Бунятян и др., 1990, с. 63].

С целью облегчить исследователю процедуру определения минимальных размеров выборки В.Ф. Генингом и его коллегами-соавторами была разработана и опубликована таблица соответствия нижнего уровня процентного показателя и минимального объема выборки [Генинг, Бунятян и др., 1990, с. 64]. Этой таблицей в своих исследованиях я пользуюсь уже много лет.

Исследуя погребальный памятник, информацию об обряде мы получаем в обратном порядке его совершения. А именно:

1. Конструкция и планиграфия надмогильного сооружения.
2. Конструкция могильной ямы (включая все внутримогильные конструкции).
3. Тип сопровождающего конского захоронения.
4. Положение погребенного (поза, ориентировка).
5. Наличие каких-то дополнительных деталей (остатки заупокойной пищи, следы ритуальных действий — окуривание огнем или посыпание мелом).

6. Ассортимент сопровождающего инвентаря.

В этой последовательности мы и будем анализировать имеющийся в нашем распоряжении археологический материал.

Надмогильные сооружения кочевников Золотой Орды — это² *земляные курганы* (77% всех погребений); *каменная наброска-выкладка* над могилой (7,9%); *каменно-земляная насыпь* (3%); *каменное кольцо* вокруг могилы (3%); *каменный «панцирь»* поверх земляной насыпи (2,5%); *каменная насыпь* (2,5%); *ограда из сырцового кирпича* вокруг могилы (1,7%); *каменная ограда* прямоугольной формы вокруг могилы (1%); *какие-то сооружения из жженого кирпича*, конструкция которых, как правило, не устанавливается (0,9%). Выделяется группа погребений, совершенных в *грунтовых (безкурганых)* могильниках (5,6%), и группа погребений, надмогильные сооружения над которыми *не были определены* (4,4%).³

7,3% погребений совершены под земляными курганами, опоясанными по основанию кольцевым *ровиком*; 11,3% — под насыпями, содержащими *разрозненные кости животных (тризна?)*; в насыпях, *перекрывающих* 2,9% погребений находились *следы кострищ, отдельные угольки* (2%), *остатки каких-то деревянных конструкций* (2,5%), *фрагменты глиняной посуды* (2%).

Планиграфия курганов однородная: 89% погребений — *единственные под насытью*; 11% — *парные* для одной курганной насыпи; 13,1% — *впускные* в насыпи более ранних курганов.

Конструкция могильных ям кочевнических погребений Золотой Орды так же однотипна — 66,7% погребений совершены в *простых ямах* с вертикальными стенками и плоским дном. Далее по убывающей: 7% могил имеют *ступеньки-заплевички вдоль длинных стенок*; 5% — *ступеньку вдоль левой, относительно погребенного, стенки*; 5,5% — *подбойные со ступенькой у входа* в подбой; 3,4% — *тоже подбойные, но дно подбоя расположено на одном уровне с дном входной ямы*; 1,8% могил имеют *ступеньки-заплевички вдоль всех четырех стенок*; 1,4% — *одну справа от погребенного*; 0,9% могил *со стенками, расширяющимися ко дну*; 0,8% — *наоборот сужающимися*.

Встречаются могилы со стенками, *обложенными кирпичом (склеп?)* или камнем (по 1,4%) и погребения, конструкцию могилы в которых *проследить не удалось* (8,8%).

В почти каждом третьем из исследуемых погребений прослежены следы *деревянного перекрытия* (29,2%). Из них в 18,7% погребений *перекрытие зафиксировано, как лежащее на насыпи могилы*; 5,1% — *перекрытие опиралось на ступеньки-заплевички*; 3,1% — это *подбойные могилы с подбоем, перекрытым деревом*; 2,3%

— *могилы с перекрытием, опирающимся на ступеньку* вдоль длинной стенки.

Из других внутримогильных конструкций зафиксированы *остатки дощатого гроба* (22,5%), *колоды* (8,5%), *дощатой рамы* (3,8%), *неопределенного сооружения* (0,7%), *подстилки из древесной коры (?)* (6,9%), *травы или камыша (?)* (1,5%), *просто из какой-то органики* (1,9%).

Известно, что характерным признаком погребального обряда средневековых кочевников степной Евразии является наличие в могилах **конских захоронений** в виде шкуры (череп и кости ног) или целой туши (конский остов). Среди кочевнических погребений Золотой Орды захоронения с конями составляют в общей сложности 16,2%. Из них 10,2% — погребения со *шкурой коня*, 6% — погребения с *конской тушей*. Местоположение *конской шкуры*: 4,6% — *слева от погребенного в могиле*; 2,1% — *в насыпи могилы над погребенным*; 1,1% — *справа от погребенного в могиле*; 0,8% — *на перекрытии над человеком*; 1,3% — *местоположение шкуры коня не установлено*.

Местоположение *туши коня*: 3,1% — *слева от погребенного* (из них 2,5% — на ступеньке), 2,2% — *в отдельной яме*, 0,4% — *справа от погребенного*.

Из всех конских захоронений (16,2%) ориентировка коня совпадает с ориентировкой человека в 11,5% погребений, противоположная — 1,3%, не установлена — 3,3%.

Особую группу составляют погребения, содержащие принадлежности конской сбруи — седло, стремяна, удила — но без конского захоронения (23,2%).

Поза погребенных стандартная — *вытянуто на спине* (90,2%), хотя есть *на правом боку* (0,9%), на левом боку или на животе, например, встречаются, но крайне редко (в общей сложности — 0,4%), у 7,9% погребенных *позу установить не удалось*, тем более, что 0,1% погребений совершены по обряду кремации, а 0,3% — *кенотаф без человеческих останков*.

Руки погребенных, как правило, *вытянуты вдоль тела* (68,4%), есть со *слегка согнутыми руками, кисти которых уложены на таз или на живот* (8,5%), с *согнутой правой* (5,7%) или *левой* (5,5%) рукой.

Ориентировка погребенных преобладает *западная* (40,3%), *юго-западная* (12,5%), *северо-восточная* (10,9%), *северо-западная* (9,2%), *северная* (8,4%), *восточная* (5,9%), *южная* (3,1%) и *юго-восточная* (1,2%). *Не удалось установить ориентировку* у 7,7% погребенных.

Из других **деталей ритуала** фиксируются: наличие в могилах *костей животных (заупокойная пища)* — в общей сложности 18%. Из них в 12,9% могил — *кости овцы*, 1% — *лошади*, 0,9% — *КРС*, 3,2% — *вид животных не определен*.

Кости животных размещались в изголовье могилы (8,8%), в ногах — 4,5%, в заполнении могилы — 3,7% и в других местах (у живота, у рук) — 1,3%.

Крайне редко (2,7%) в могилах встречается *глиняная посуда*. Ее ставили у головы (0,5%), у ног (0,8%), но чаще в виде фрагментов она встречается в заполнении могилы (1,4%). Количество погребений с лепной и гончарной посудой примерно одинаково (1,1% и 1,3% соответственно).

Опять-таки крайне редко в могилах встречаются *куски угля* (м. б. — окуривание могилы огнем?) (2,5%) и *меловая подсыпка или отдельные куски мела* (1,4%).

Погребальный обряд — это процедура, состоящая из серии последовательно совершаемых действий, оставляющих, в том числе, и археологически фиксируемые следы: объекты, артефакты. Поэтому более или менее приблизиться к пониманию семантики обряда кочевников Золотой Орды мы можем только в результате выявления устойчивых комплексов следов ритуальных действий, проведя их статистическую корреляцию с помощью стандартной компьютерной программы SPSS, функция «Анализ» → «Корреляция» → «Парная корреляция» → «Корреляция Пирсона». Коэффициенты корреляции являются общепринятой в математической статистике характеристикой связи между двумя случайными величинами. Коэффициент корреляции — показатель степени взаимозависимости, статистической связи двух переменных; изменяется в пределах от -1 до +1. Значение коэффициента корреляции 0 указывает на возможное отсутствие зависимости, значение +1 свидетельствует о согласованности переменных. В исследуемом материале значения коэффициентов корреляции варьируются от 0,620 до отрицательных. Мною было проведено ранжирование этих значений по трем уровням: 1) от 0,200 и выше; 2) 0,100 – 0,199; 3) 0,075 – 0,099. По категории «конструкция и планиграфия курганов» связь первого уровня обнаруживают присутствие в насыпи кургана костей животных и фрагментов керамики и костей животных и отдельных кусков угля. Кости животных, в свою очередь, на уровне показателей 2-го уровня связаны с земляными курганными насыпями, которые, в свою очередь, на этом же уровне связаны с таким признаком, как ровик вокруг насыпи. То есть, для исследуемой выборки, можно говорить о том, что для *земляных курганов* кочевников Золотой Орды характерно наличие в насыпи костей животных и ровика, опоясывавшего либо самое насыпь, либо то пространство, в центре которого находилась могила. Причем, *кости животных устойчиво сочетаются с фрагментами керамики и кусками угля*. Всё это с наибольшей степенью вероятности указывает на такое ритуальное действие, как совершение поминальной тризны над могилой

погребенного сородича: то ли в момент совершения погребения, то ли позже.

География курганов, насыпи которых характеризуются указанными признаками, показывает, что какой-либо типологической закономерности в их локализации не прослеживается. То есть, земляные курганы, содержащие в насыпи кости животных и опоясанные ровиком, встречаются в Нижнем Поволжье (Бахтияровка II), в Волго-Донском междуречье (Адрин, Гува II, Большой Царын) и на Дону (Столетовская).

Для земляных курганов характерно наличие впускных погребений — впусены в насыпи более ранних курганов — причем, не в единственном экземпляре. Их география вообще не обнаруживает никакой закономерности: они есть везде.

В отдельную группу выделяются курганы со смешанной, каменно-земляной насыпью, для которых (на уровне коэффициентов 2-го порядка) характерны каменная наброска над могилой, конские кенотафы или размещение конской туши (полный скелет) слева от человека на ступеньке. Они так же не образуют какой-то локальной группы и встречаются достаточно широко: в степях Южного Приуралья (Тлявгуловский, Новочеркасский VII, у пос. Большевик и др.), Северного Кавказа (Псебайская, Имение Борисово, Раевская), на Левобережной Украине (Рясные могилы, Благодатный, Камышеваха, Житенко, Макеевка и др.).

Третья отчетливо выделяющаяся группа — курганы с насыпью, сложенной из камня, и содержащие погребения, в которых находились принадлежности конской сбруи, но не было самого коня. Их география аналогична группам, перечисленным выше: подобные курганы встречаются на Алтае (Ак-Алаха, Яконур, Сухие Гривы и др.), в Приуралье (Новый Кумак-2, Линевский одиночный, Лебедевка-4, Жаксы-Каргала), на Северном Кавказе (Псебайская) и Левобережной Украине (Черемшино).

Итак, если давать суммарную характеристику погребальных памятников кочевников Золотой Орды, то она (для настоящего времени) будет выглядеть так: захоронения под земляными, реже — каменными курганами, представляющими собою каменно-земляную насыпь, каменную обкладку («панцирь») земляной насыпи, каменную оградку-кольцо вокруг могилы. Насыпь содержит по одному (очень редко — два) погребения, среди которых встречаются впускные в более ранние насыпи, еще реже — захоронения в бескурганных (грунтовых) могильниках, некоторые земляные курганы содержат в насыпи следы костров, отдельные кости животных, фрагменты глиняной посуды (следы тризны?).

Однако известно, что основу административной системы Золотой Орды составляли *улусы* — народ, кочевники, данные во владение, коче-

вавшие по определенной территории — *юрту* или *нутугу* [Федоров-Давыдов, 1973, с. 43–44]. Все названные выше исследователи за основу территориально-административного деления Золотой Орды берут сообщение Плано Карпини (1245 г.) о делении Золотой Орды на улусы и у нас нет оснований не придерживаться его. Во-вторых, сейчас уже ни у кого из исследователей не вызывает сомнения полиэтничность Золотой Орды и, в частности, полиэтничность ее кочевого населения, среди которого, кроме традиционно воспринимаемых кыпчаков-половцев (сарыкыпчаков — по С. Г. Кляшторному), присутствовали племена найманов, карлуков, кушчи, буйраков, «в массе которых кыпчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью» [Костюков, 2006, с. 200–235].

И вот здесь возникает закономерный вопрос: эта полиэтничность отразилась как-то в типологической географии курганов золотоордынских кочевников? Применительно к имеющейся источниковой базе можно попытаться найти на него ответ.

В свое время, для наглядности результатов сравнительно-типологического анализа погребений кочевников Золотой Орды, мною было предложено деление известных тогда погребений на условные локальные группы, выделенные в соответствии с административно-территориальным делением Золотой Орды на улусы, обозначенным Плано Карпини в 1245 г. [Иванов, 2009, с. 16]. Тогда таких локальных групп, соответствующих улусам (по Плано Карпини) было выделе-

но семь: с запада на восток⁴ — Правобережная Украина (включая Прикарпатье); Левобережная Украина (включая Крым); бассейн Дона; Волго-Донское междуречье (это главным образом Калмыцкие степи); Среднее и Нижнее Поволжье; Приуральские степи к западу и востоку от р. Урал. Сейчас я предлагаю следующую географическую номенклатуру:

1. Правобережная Украина – 6,00% погребений;
2. Левобережная Украина – 8,00%;
3. бассейн Дона – 7,56%;
4. Волго-Донское междуречье – 9,35%;
5. Степи Северного Кавказа – 6,54%;
6. Нижнее Поволжье – 17,6%;
7. Среднее Поволжье – 13,75%;
8. Южное Приуралье – 19,9%;
9. Восток Великого пояса степей (Лесостепной и Горный Алтай, Центральный и Восточный Казахстан, Средняя Азия) – 10,8%.

Сравнительно-статистический анализ погребального обряда условно-территориальных групп кочевнических погребений проводится по 96 альтернативным признакам, позволяющим высчитать коэффициент формально-типологического сходства C_3 , учитывающий признаки, одновременно присутствующие и отсутствующие в сравниваемых выборках. Поскольку выборки неравнозначны по своему объему, при анализе учитывались только признаки, **представительные** для каждой из выборок при критерии значимости = 0,95 (табл. 1).

Таблица 1 – Представительные признаки кочевнических курганов Золотой Орды (в %)⁵

Значение признака	Локальные группы									
	Правобережная Украина	Левобережная Украина	Дон	Северный Кавказ	Волго-Донское междр.	Нижняя Волга	Средняя Волга	Южное Приуралье	Восток Великого пояса степей (ВПС)	
1 Насыпь земляная	91,5	74,7	84,6	80,5	99,1	90,8	87,0	65,8	28,7	
2 Насыпь каменная	-	-	4,4	-	-	-	-	3,0	12,4	
3 Земля вперемешку с камнем	-	9,5	-	6,5	-	-	-	6,0	-	
4 Каменная наброска над могилой	-	10,5	-	10,4	-	-	-	25,2	7,0	
5 Каменное кольцо	5,6	10,5	-	-	-	-	-	4,7	4,7	
6 Камен. оградка	-	-	-	-	-	-	-	-	3,9	
7 Каменный «панцирь»	-	-	-	11,7	-	-	-	6,0	-	
8 Оградка из сырцового кирпича	-	-	-	-	-	2,9	-	2,6	3,9	

9	Кирпичное соор.	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Бескурганный	-	10,5	5,5	-	-	6,8	7,4	-	20,9
11	Не определен	-	-	4,4	-	-	1,9	5,6	3,0	17,8
12	Кострище в насыпи	-	-	6,6	-	-	2,9	5,6	2,1	-
13	Отдельные угли в насыпи	-	-	-	-	5,5	2,4	4,3	-	-
14	Кости животных в насыпи	-	8,4	9,9	-	19,1	12,6	14,2	10,7	13,2
15	Ровик у основания насыпи	-	6,3	6,6	-	20,0	14,0	4,9	3,8	-
16	Каменное изваяние	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17	Керамика в насыпи	-	4,2	-	-	-	1,9	3,7	2,6	-
18	Дерев. констр. в насыпи	-	-	-	-	-	-	4,3	-	4,7
19	Одно погребение	94,4	90,5	82,4	85,7	96,4	91,3	89,5	87,6	83,7
20	Два погребения	5,6	9,5	18,7	14,3	-	8,7	10,5	12,4	16,3
21	Погребения впускные	25,4	26,3	19,8	32,5	21,8	7,7	-	7,7	3,1
22	Могила простая	69,0	53,7	51,6	66,2	71,8	58,9	67,3	70,1	86,8
23	Стенки суживающиеся ко дну	-	-	8,8	-	-	-	-	-	-
24	Стенки расширяющиеся	-	-	-	-	-	2,9	-	-	-
25	Ступенька справа	-	-	-	-	-	2,4	-	-	-
26	Ступенька слева	-	-	-	-	-	7,7	9,9	6,4	-
27	Ступеньки вдоль длинных стенок	-	8,4	13,2	-	5,5	10,1	8,6	5,6	3,9
28	Ступеньки вдоль всех стенок	-	-	14,3	-	-	-	-	-	-
29	Подбой без уступа	-	-	-	5,2	6,4	6,3	-	3,0	-
30	Подбой с уступом	-	18,9	5,5	-	4,5	7,7	-	4,3	-
31	Перекрытие на насыпи	11,3	20,0	9,9	13,0	28,2	21,3	13,6	20,5	23,3
32	Перекрытие на заплечиках	-	-	13,2	-	-	5,8	8,0	4,7	4,7
33	Перекрытие на ступеньке	-	-	-	-	-	3,9	5,6	2,6	-
34	Перекрыт подбой	-	9,5	-	-	-	5,8	-	2,6	-
35	Могила обложена камнем	-	-	-	6,5	-	-	-	-	5,4
36	Склеп или заклад кирпичом	-	-	-	-	-	4,8	-	-	-
37	Форма могилы не известна	16,9	14,7	9,9	20,8	5,5	5,8	8,0	8,1	-
38	Череп и ноги коня слева	8,5	4,2	-	-	5,5	6,8	7,4	3,4	-
	Череп и ноги коня справа	-	-	-	-	-	-	-	-	-
39	Череп и ноги коня на насыпи могилы	-	4,2	-	5,2	-	2,9	-	-	-
40	Череп и кости ног коня на перекрытии	-	-	-	-	-	-	-	-	-
41	Череп и кости ног коня у ног чел-ка	-	-	-	-	-	-	-	-	-

42	Череп и кости ног коня в отд. яме	-	-	-	-	-	-	-	-	-
43	Местополож-е шкуры коня не установлено	-	-	-	-	-	-	-	-	-
44	Остов коня слева	11,3	5,3	-	-	-	1,9	-	5,6	-
45	Остов коня справа	-	-	-	-	-	-	-	-	-
46	Остов коня на ступеньке	-	-	6,6	-	-	3,4	-	3,8	-
47	Остов коня в отдельной яме	7,0	4,2	-	-	-	3,4	-	-	-
48	Конский кенотаф	-	-	-	-	-	-	-	-	-
49	Ориентировка коня совпадает с человеком	21,1	14,7	13,2	5,2	11,8	16,9	12,3	9,4	-
50	Ориентировка коня противоположная	-	-	-	5,2	-	-	-	-	-
51	Ориентировка коня не известна	5,6	5,3	-	-	-	2,9	3,1	2,6	-
52	Сбруя без коня	25,4	25,3	36,3	14,3	27,3	19,3	14,2	20,1	36,4
53	Ориентировка погребенного: запад	36,6	29,5	30,8	39,0	35,5	53,1	57,4	40,2	21,7
54	восток	9,9	4,2	6,6	10,4	8,2	4,8	7,4	3,0	3,9
55	север	-	12,6	23,1	5,2	9,1	1,9	-	10,3	10,1
56	юг	-	-	-	-	-	4,8	-	6,4	-
57	Юго-запад	-	5,3	-	13,0	14,5	17,9	5,6	15,0	24,0
58	Юго-восток	-	-	-	-	-	-	-	-	-
59	Северо-запад	9,9	6,3	6,6	-	-	6,8	4,3	9,0	25,6
60	Северо-восток	-	11,6	19,8	10,4	21,8	6,8	13,6	9,4	-
61	Ор-ка не определ.	7,0	25,3	5,5	13,0	6,4	1,9	6,8	5,1	9,3
62	Вытянуто на спине	94,4	71,6	91,2	87,0	91,8	95,2	90,7	91,9	90,7
63	На правом боку	-	-	-	-	-	-	-	-	3,1
64	На левом боку	-	-	-	-	-	-	-	-	-
65	Поза другая	-	-	-	-	-	-	-	-	-
66	Поза не определена	5,6	27,4	7,7	6,5	5,5	3,9	8,6	6,0	6,2
67	Руки вытянуты вдоль	83,1	58,9	72,5	76,6	76,4	67,6	61,7	70,9	58,1
68	Правая согнута	-	6,3	5,5	-	-	8,2	6,8	7,7	3,9
69	Левая согнута	-	-	-	5,2	5,5	8,2	6,2	6,4	4,7
70	Обе согнуты	-	6,3	9,9	-	8,2	9,7	13,6	6,0	13,2
71	Парное погр.	-	-	-	5,2	-	-	-	-	-
72	Кенотаф	-	-	-	-	-	-	-	-	-
73	Кремация	-	-	-	-	-	-	-	-	-
74	В дощатом гробу	39,4	22,1	20,9	28,6	16,4	30,0	29,0	13,7	12,4
75	В колоде	5,6	10,5	-	-	-	16,4	11,7	5,6	10,9
76	В раме из досок	-	4,2	-	5,2	-	1,9	-	2,1	17,1
77	Не определ.	-	-	4,4	-	-	-	-	-	-

78	Подстилка из коры	-	-	8,8	-	10,9	4,8	6,8	6,8	14,0
79	Подстилка травяная	-	-	-	-	-	3,4	-	2,6	-
80	Вид подстилки не установлен	-	-	7,7	-	-	-	4,9	-	-
81	Кости овцы в могиле	-	13,7	24,2	-	30,0	15,5	8,6	8,5	11,6
82	Кости КРС	-	-	-	-	-	-	-	-	-
83	Кости лошади	-	-	-	-	-	2,4	-	-	-
84	Кости птицы	-	-	-	-	-	-	-	-	-
85	Кости животного не определены	-	-	-	-	5,5	1,9	3,1	6,4	-
86	Кости животных у головы	-	8,4	17,6	-	19,1	9,2	7,4	8,5	3,1
87	Кости животных у ног человека	-	-	-	-	10,0	5,8	3,7	3,8	7,0
88	Кости животных в заполнении могилы	-	7,4	5,5	-	7,3	2,9	-	3,8	-
89	Кости жив-х в других местах	-	-	4,4	-	-	1,9	-	-	-
90	Сосуд у головы	-	-	-	-	-	-	-	-	-
91	Сосуд у ног	-	-	-	-	-	-	-	-	-
92	Сосуд в засыпи могилы	-	-	-	-	-	-	-	-	-
93	Сосуд лепной	-	-	-	-	-	-	-	-	-
94	Сосуд гончарный	-	-	-	-	-	-	-	-	-
95	Угли в могиле	-	-	-	-	-	-	7,4	2,6	4,7
96	Мел в могиле	-	-	-	6,5	-	-	-	-	-
Всего погребений:		71 (5%)	95 (4%)	91 (4%)	77 (5%)	110 (4%)	207 (2%)	162 (3%)	234 (2%)	129 (3%)

Таблица 2 – Упорядоченная таблица коэффициентов формально-типологического сходства (C_3) кочевнических курганов Золотой Орды (значимые коэффициенты выделены полужирным шрифтом)

	Правобер Украина	Левобер Украина	Дон	Северный Кавказ	Волго-Донское междр.	Нижняя Волга	Средняя Волга	Южное Приуралье	Восток ВПС
Правобер Украина	-								
Левобер Украина	0,74	-							
Дон	0,72	0,76	-						
Северный Кавказ	0,79	0,74	0,64	-					
Волго-Донское междр.	0,77	0,78	0,77	0,77	-				
Нижняя Волга	0,59	0,77	0,70	0,58	0,74	-			
Средняя Волга	0,52	0,75	0,77	0,61	0,80	0,76	-		
Приуральская	0,63	0,80	0,68	0,62	0,74	0,85	0,79	-	
Восток ВПС	0,72	0,74	0,73	0,68	0,74	0,64	0,76	0,74	-

Полученные результаты показывают, что наибольшую типологическую близость обнаруживают между собой курганы кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья ($C_3 = 0,85$). За ними (при критерии значимости $R = 0,95$) следуют курганы Среднего Поволжья, Волго-Донского междуречья и Южного Приуралья (соответственно, $C_3 = 0,80$ и $0,79$), курганы Северного Кавказа и Правобережной Украины ($C_3 = 0,79$) и т.д. Значения коэффициентов сходства ниже $0,77$ при заданном критерии значимости уже не учитываются.

Как полученные показатели могут быть интерпретированы? С точки зрения археологической номинации — как локальные группы (варианты) **одной археологической культуры** [Федоров-Давыдов, 1987, с. 166–167; Генинг и др., 1990, с. 132]. С точки зрения этнокультурной интерпретации, необходимо обратиться к факту выделения из состава улуса Джучи отдельного улуса его младшему сыну Шибану. Вопрос этот вполне исчерпывающе освещен В. П. Костюковым, поэтому здесь я ограничусь кратким изложением выводов исследователя, имеющих непосредственное отношение к контексту настоящей работы. Западная граница Улуса Шибана проходила по р. Урал, северная включала лесостепное Зауралье, восточная доходила до владений Тай-Буги с центром на Ишиме, южная включала Западное Приаралье, а также низовья рек Чу и Сарысу [Костюков, 2010, с. 97–98].

Население улуса Шибана составляли племена *найманов, карлуков, кушчи, буйраков* — все

тюркского алтае-сибирского происхождения, но не кыпчакского [Костюков, 2010, с. 99–109]. Последнее обстоятельство маркируется преимущественной локализацией погребений под каменными конструкциями именно на очерченной В. П. Костюковым территории. Наличие погребений, совершенных под каменными конструкциями, к западу от Волги, по-видимому, может быть объяснено участием кочевников алтае-сибирского происхождения в походах Бату на Восточную Европу и далее на запад⁶.

Таким образом, если исходить из формальных признаков государственного статуса, то территориальные границы Золотой Орды (фактически — Улуса Бату) в период ее расцвета (вторая половина XIII – первая пол. XIV вв.) простирались от устья Дуная⁷ на западе и далее на северо-восток по границе степи и лесостепи до Самарской Луки. От Самарской Луки на север начиналась территория Булгарского Улуса Золотой Орды с оседло-земледельческим населением, а территория «кочевых ордынцев» по р. Самаре шла до западной излучины р. Урал (за Уралом уже начинался улус Шибана) и вниз по его течению до Каспия и дельты Волги. Южная граница Золотой Орды четко маркируется памятниками Северного Кавказа. В этническом же контексте, если исходить из номинации, использованной в свое время В. П. Костюковым [Костюков, 2006], Золотая Орда была все-таки «Кипчакским ханством».

Примечания

1 – Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014–2016 гг.). Тема НИР: «Кочевники Золотой Орды XIII–XV вв. и казачество Урала XVI–XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (Проект № 2936).

2 – В порядке снижения частоты встречаемости.

3 – Сумма, превышающая 100%, обусловлена тем, что некоторые из перечисленных признаков встречаются одновременно над одним и тем же погребением, о чем подробнее будет сказано ниже.

4 – По маршруту следования Плана Карпини.

5 – В строке «Всего погребений» в скобках указан нижний порог значимости признака для данной статистической выборки.

6 – В котором, кстати, Шибан принимал самое активное участие [Костюков, 2010, с. 83–84].

7 – Маркёрами здесь и далее выступают курганы соответствующего времени и типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). – Киев: Наукова думка, 1990. – 304 с.
- Иванов В.А. Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах // Золотоордынское наследие: матер. Междунар. научн. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» (17 марта 2009). – Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. – Вып. 1. – С. 15–23.
- Клейн Л.С. Этногенез и археология. Том 1: Теоретические исследования. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. – 528 с.
- Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник 2005. – 2006. – С. 199–237.
- Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. – Казань, 2010. – 200 с.
- Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: изд-во Московского университета, 1973. – 179 с.
- Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. – М.: «Высшая школа», 1987. – 215 с.

П. Б. Коновалов

П. Б. Коновалов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

P. B. Konovalov

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS, Ulan-Ude

E-mail: konpb@yandex.ru

Хуннская ветвь этногенеза во Внутренней Азии

Аннотация. Империя Хунну образовалась на динлинско-дунхуском этническом субстрате карасукско-скифской эпохи Центральной Азии, представлявшем собой начало пратюрко-монгольских этнокультурных контактов. В Хуннской империи и следующих за ней государственных образованиях кочевников продолжалась дальнейшая интеграция тюркоязычных и монгольскоязычных этносов раннего средневековья. Поэтому историю этнополитических образований от Хунну до Уйгуров автор определяет как хуннскую ветвь суперэтнического культурогенеза во Внутренней Азии, которая характеризуется явлениями этнотрансформации и этноэволюции. В хуннской ветви проходит одна из линий монгольского этногенеза с тюрко-монгольским взаимодействием.

Ключевые слова: хуннская ветвь, этногенез, этническая история, суперэтнический культурогенез, этнотрансформация, этноэволюция.

Hunnu branch of ethnogenesis in Inner Asia

Abstract. The empire of Hunnu was formed on Dinlin-Dunkhu ethnic substratum of Karasuk-Scythian era of Central Asia representing the beginning of the Proto-Turkic-Mongolian ethnocultural contacts. In the Hunnu Empire and the following nomad state had been proceeded further integration of the Turkic and the Mongol speaking ethnoses of the early Middle Ages. Therefore, history of ethnopolitical nomadic states from Hunnu to Uighurs the author defines as a Hunnu branch of super-ethnic cultural genesis in Inner Asia, which is characterized by the ethnotransformation and ethnoevolution phenomena. In the Hunnu branch there passes one of lines of the Mongolian ethnogenesis with the Turkic-Mongolian interaction.

Keywords: Hunnu branch, ethnogenesis and ethnic history, super-ethnic cultural genesis, ethnotransformation, ethnoevolution.

В авторской монографии «Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье)» нами была высказана концепция о «двух ветвях этногенеза монголов» — дунхуской и хуннской: первая связана с территорией Маньчжурии и Приамурья, вторая — с Центральной Азией [Коновалов, 1999, с. 103–106].

В настоящей статье автор намерен вернуться к обозначенной теме с позиции теоретического осмысления проблемы, подробнее остановиться на хуннской ветви этногенеза и этнической истории и раскрыть ее как историю ранних тюрков и монголов. Постановка темы предполагает проследить перманентный этногенетический процесс в длительном суперэтническом феномене рассматриваемого региона, показать этногенез как явление, включен-

ное в этническую историю и представляющее конкретное проявление этнотрансформации и этноэволюции.

В Центральной Азии корни двух ветвей этногенеза уходят в дуализм этнических процессов позднего бронзового и раннего железного веков. Ключевой вопрос для объяснения всей сложности центрально-азиатской этнической истории заключается в учете этого дуализма, начиная с поздней древности и в период всего средневековья. Этот феномен явился следствием начавшихся в указанное время контактов древних культур, представлявших ранние праэтнические массивы. Археологами признаны реальность двух макрокультур эпохи поздней бронзы и раннего железа — культуры плиточных могил (КПМ) и культуры курганов-керексуров (ККК) на территории Монголии и

Забайкалья [Коновалов, 1987; Худяков, 1987; Цыбиктаров, 1998]. Новые данные исследований этих культур, относящихся к кругу «карасукоидных» и отчасти «скифоидных», позволяют говорить об их разном генезисе, связанном с востоком и западом Центральной Азии. Но в результате расширения ареалов этих макрокультур за счет встречного движения произошло совмещение их памятников на обширной территории среднемонгольской зоны. Картина взаиморасположения этих выдающихся памятников на одних и тех же некрополях Монголии и Забайкалья указывает на выразительные следы их наслоения друг на друга (плиточная могила иногда бывает сооружена в ограде керексура или, сооруженная рядом с оградой, частично накладывается на нее), а вещевые материалы позволяют говорить о скрещении и синтезе культур [Коновалов, 1992, с. 112–118].

Вместе с тем есть трудная и ответственная проблема этнической идентификации пракультур КПМ и ККК. Сделать это, исходя из материалов самих культур по отдельности, весьма сложно, проблему можно решать пока лишь в гипотетическом плане, исходя из общеисторических соображений, с учетом исторической географии, исторической антропологии, этнографии и языковой картины всеазиатского масштаба. В такой ситуации допустимо предложить следующие подходы к трактовке этнических аспектов сосуществования и взаимодействия культур плиточных могил и курганов-керексуров Центральной (Внутренней) Азии.

Распространено представление о принадлежности курганных памятников восточного Туркестана, Алтае-Саянского региона, сходных с ними курганов-керексуров Монголии и Забайкалья индоиранским этносам. Однако некоторые авторы в монголо-забайкальских керексурах справедливо усматривают своеобразный тип памятников и указывают на разный антропологический состав населения [Волков, 1967; Цыбиктаров, 1999]. Археология и антропология карасукско-скифской эпохи указывают на сложную историко-культурную общность Центральной Азии, сложившуюся на контактной культурной и расовой (европеоидно-монголоидной) основах.

В качестве одного из компонентов карасукской общности обсуждаются также возможные южные и юго-западные азиатские истоки, которые представляются палеоевразийским субстратом «в лице» енисейско-язычных этносов, в частности, кетов [Алексеенко, 1980, с. 118–140; Вернер, 1973, с. 174–175; Гохман, 1982, с. 77–80; Николаев, 1985, с. 10–32; Членова, 1975, с. 223–232]. Однако при этом кетская гипотеза никем не связывалась с курганами-керексурами, для чего не было оснований.

Поэтому не случайно здесь более привычным было индо-иранское решение проблемы ККК, однако и оно не может быть принято однозначно и безоговорочно.

Тем не менее, если допустить индоиранскую концепцию ККК, то контактирующая с ней КПМ может рассматриваться как культура пратюркских этносов, что и допускается рядом исследователей [Диков, 1958, с. 68; Тиваненко, 1989, с. 8–13]. Но в этом случае не остается места в рамках Внутренней Азии для прамонгольских этносов, с чем трудно согласиться.

Казалось бы, учитывая тюрко-монгольское родство в рамках алтайской языковой семьи, плиточные могилы можно рассматривать как культуру недифференцированных (на тюрков и монголов) этносов. Но этому противоречит лингвистика: в алтаистике всё больше утверждается мнение о сложении языкового родства на основе сближения изначально разных языков, а не разветвления генетически единого праязыка. Поэтому такой путь исследования этнической идентификации КПМ также неприемлем, хотя в литературе имеется попытка подобного решения вопроса [Гришин, 1975, с. 105–106]. Остается иной вариант концептуального решения этнических аспектов двух макрокультур Центральной Азии.

Более обоснованной все же является гипотеза о протомонгольской принадлежности КПМ [Викторова, 1980, с. 114–119; Волков, 1967, с. 102–103; Ларичев, 1959, с. 63–73; Наваан, 1974; Новгородова, 1989]. Если население плиточных могил рассматривается в качестве прамонголов, то в противовес распространенному бездоказательному представлению о принадлежности курганных памятников западного ареала Внутренней Азии индоиранскому населению, считаю возможным выдвинуть гипотезу о постепенном формировании там пратюркских этносов и признании по крайней мере монголо-забайкальских керексуров памятниками этих этносов. Под таким углом зрения вышеупомянутая картина дислокации, наслоения и скрещенния КПМ и ККК может быть истолкована как контакты и взаимодействие прамонголов и пратюрков.

Отметим, что изложенная трактовка этнокультурной ситуации на огромной территории северной зоны Центральной Азии, конечно же, гипотетична, поскольку основана лишь на оценке взаиморасположения безмолвных археологических комплексов, без использования каких-либо письменных источников. Однако такая оценка не является только умозрительной, она опирается на ретроспективный анализ этнических черт в памятниках последующих археологических культур региона, на этноисторический контекст всего евразийского степного пояса.

По южную сторону Гоби, археология того же периода (карасукско-скифского) не столь представительна, но по доступной нам археологической литературе из Китая реконструируется этнокультурная ситуация, связанная с формированием исторически известных хунну. Кроме того, там имеем возможность использовать письменные источники — древнекитайские исторические хроники, этнонимы и т. п. Всё это позволяет перейти к следующему тезису — об этническом аспекте истории и культуры хунну.

Относительное разнообразие погребальных комплексов и этнической номенклатуры в китайских источниках обуславливают разность мнений исследователей на происхождение и формирование ранних хунну (прахунну) [Тянь Гуаньцзинь, 1983, с. 7–24; У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцэн, 1990, с. 88–101; Полосьмак, 1990, с. 101–107; Миняев, 1991, с. 108–120; Варенов, 1995, с. 123–125; Ковалев, 2002, с. 103–131; Комиссаров, 1988, с. 100–102]. Наша точка зрения по вопросу этногенеза хунну до державного периода (т. е. до прихода их в степи Монголии [Коновалов, 1996, с. 58–63]) заключается в следующем: в своих корнях хунну произошли из группы племен ху (варваров) — обитателей южной части Маньчжурии по соседству с древнекитайскими царствами. В результате вековых контактов ху (хуньюй//сюньюй) с их соседями, обитавшими к западу от них такими же варварскими племенами с названиями жуны, ди, жун-ди и другие — обособилась и выделилась хуннская группировка этносов, противостоявшая теперь своим прежним соплеменникам на востоке, которые стали называться дунху (восточные ху). Этот процесс был отмечен в китайской исторической хронике как появление хунну и дунху. Согласно нашей трактовке этого события произошло разделение исходной этнической общности на две ветви — хуннскую и дунхускую [Коновалов, 1996, с. 103–106].

Процесс этот нашел свое отражение в археологии Северного Китая — в погребальных комплексах эпохи чжоу–чуньцю на территориях провинций Ляонин, Шаньси, Шеньси, Нинься и Ганьсу, а также в так называемых «ордосских бронзах». В них просматривается сочетание элементов погребальных обрядов и инвентаря дунхуского и жун-диского круга этносов, вошедших в хуннский археологический комплекс.

Образование прахунну по южную сторону Гоби в период чжоу–чуньцю, по китайской исторической хронологии, совпадает с карасукско-тагарской эпохой археологической периодизации центрально-азиатских и южно-сибирских

культур, а по культурно-историческому содержанию если не тождественно, то эквивалентно процессу скрещения и интеграции культур КПМ и ККК на территории Монголии и Забайкалья. В связи с этим становится актуальным вопрос корреляции этнокультурных процессов на севере и юге Центральной Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа, который требует отдельного исследования. Здесь лишь обозначим условия поставленной задачи. Они скрыты за разными археологическими комплексами: на севере — контакты и взаимодействия двух макрокultur, результатом чего был сложный этнически субстрат; на юге — аналогичное явление этнических контактов, воплощенное в других формах памятников, интегрировавшихся в хуннский археологический комплекс.

Известно, что на юге «действующими лицами» были этнические группы разного таксономического уровня, из которых такие как ху (хуньюй /сюньюй) и ди (дили /динлин) в тот период были обитателями больших пространств Внутренней Азии, возможно, по обе стороны Гобийской пустыни. Не случайно о ди/дили/динлинах сложилось представление как о различающихся на южных (чиди — красные ди, «рыжеволосые») и северных (бай ди — белые ди, «белокурые») [Грум-Гржимайло, 1926; Гумилев, 1959]. В целом, древние динлинские этносы считаются автохтонной расой Центральной Азии, и с нашей точки зрения вполне вероятно, что динлинский пласт может оказаться корневой основой пратюркской этнокультуры. Подобного мнения придерживался один из авторов «Истории Тувы» Л. П. Потапов [История Тувы, 1964, с. 55]: «В советской науке высказано мнение, опирающееся на археологический и антропологический материалы из раскопок на Саяно-Алтайском нагорье, Тянь-Шане и Памире, о том, что всюду, где фиксируются заведомо известные тюркские народности, первоначально прослеживается динлинский слой племен». Так что, по нашему мнению, различные варианты курганных памятников западного ареала Центральной Азии, которые идентифицируются не только как индоиранские, но и как динлинские, позволяют говорить о тюрко-иранской древней общности, из которой отделилась пратюркская культура курганов-керексуров, особенно это касается монголо-зabayкальских керексуров.

Аналогичную ситуацию мы можем видеть в восточном ареале Центральной Азии на примере КПМ, многие исследователи которой отметили ее близость и родство с археологическими памятниками Дунбэя (Маньчжурии), в частности, с культурой каменных ящиков и (или) культурой Сяцзядянь. Иными словами, там во всем видны связи с куль-

турами региона, который является ареалом монголо-тунгусо-маньчжурской общности и частично подпадает под понятие дунху китайских летописей. К тому же нами только что на примере происхождения и ранней истории хунну были обозначены южноманьчжурские истоки прахуннской культуры, которые также являются дунхускими.

Таким образом, восточные (маньчжурские) связи культуры хунну и ее интеграция с культурой жун-диских племен более западных районов Северного Китая, с одной стороны, и маньчжурские же связи КПКМ и ее интеграция с ККК, с другой — такая ситуация позволяет нам говорить о нечто большем, чем отвлеченная эквивалентность этнокультур севера и юга Центральной Азии, а также предполагать их тождество.

Тем не менее, проблему корреляции культур севера и юга надо решать прежде всего археологическими методами — конкретным сравнительно-типологическим анализом материалов. Попытки в этом направлении предпринимались рядом исследователей, правда, с несколько иной целью — выяснить соотношение культуры плиточных могил и культуры хунну имперского периода, в плане их этнической преемственности. А. П. Окладников [1952] и Н. Н. Диков [1958, с. 69–70] такую преемственность отрицали. В. В. Волков и Д. Наваан, напротив, считали такие связи возможными. Волков в обоснование своего мнения привел ряд общих черт в погребальных обрядах и инвентаре «плиточников» и хунну, но в выводах был осторожен, написав, что этих фактов недостаточно, чтобы категорически утверждать этническое родство этих племен [Волков, 1967, с. 102–103]. Монгольские археологи Ц. Доржсурэн, Д. Наваан и Н. Сэр-Оджав считали, что культура плиточных могил явилась одним из источников формирования культуры северных хунну [Наваан, 1974, с. 152–155]. По Ю. С. Гришину судьба населения КПКМ могла быть различной: если в Западном Забайкалье и Монголии оно вошло в состав государства Хунну, то на востоке Забайкалья и Монголии оно было ассимилировано волной переселенцев сяньби, что выразилось в смене КПКМ памятниками бурхатуйской культуры, причем с оговоркой, что последнюю нельзя считать следующим этапом развития предыдущей [Гришин, 1975, с. 105–106].

Итак, вопрос прямой этноисторической преемственности КПКМ и Хунну остается неясным. Можно лишь высказать в нейтральной, теоретической, форме следующую мысль: на смешанный культурный субстрат из КПКМ и ККК наложился пришлый хуннский этнокультурный комплекс и наступил новый период

истории Центральной Азии. Или немного конкретнее: изгнанные из Северного Китая хунны, перейдя Гоби, покорили и возглавили смешанное население потомков КПКМ и ККК, положив начало суперэтническому феномену культуры и политической организации кочевников Центральной Азии. Впрочем, данный тезис подтверждается письменно-историческим свидетельством. Из военно-политической истории хунну известно, что в результате походов Модэ на север и северо-запад были подчинены следующие племена: хуньюй (судя по названию — родственные завоевателям) на территории Монголии, динлины в Саянах между Байкалом и верховьями Ангары и Енисея, кюешэ/цюешэ на Алтае, гэгунь и синьли (или цайли) на западе Монголии [Материалы по истории..., с. 39, 41, 46].

По мере изучения истоков и путей формирования прахуннского культурного комплекса мы имеем возможность подробнее исследовать его сложный композитный характер, а в культуре хунну периода великодержавия начинаем просматривать такое же сочетание элементов южного, северного, восточного и западного происхождения, тем не менее ее следует понимать, как монолитную государственную культуру.

В связи с этим интересно и важно сопоставление археологических и антропологических материалов по хунну. Надо отметить, что при повсеместном археологическом (вещественном) единообразии культуры она представлена разными антропологическими типами ее носителей — от численно преобладающих монголоидов центрально-азиатского типа до типов с европеоидной примесью, причем последние распространены достаточно дисперсно по всей территории Монголии и Забайкалья, но в западной Монголии встречаются чаще. Это обстоятельство определенно указывает на сложность этнического состава населения Хуннской державы — ясно, что здесь исключена какая-либо однозначная этническая дефиниция. Напомним, что вариации этноидентификации азиатских хунну обсуждаются обычно в рамках двух гипотез — тюркоязычия и монголоязычия, хотя также существуют гипотеза о палеоазиатском енисейском языке (языке кетов) и еще одна сравнительно новая гипотеза о неизвестном нам вымершем языке хунну [Дерфер, 1986, с. 71–134; Дульзон, 1968, с. 137–142; Пуллиблэнк, 1986, с. 29–70].

Однако мы склонны придерживаться всё же традиционных двух первых гипотез. Дело в том, что как бы ни толковали этническую историю Центральной Азии, трудно отрицать тот факт, что все послехуннские этнополитические образования кочевников являли собой комби-

нации в основном монголоязычных и тюркоязычных кочевников, пребывавших не только и не всегда в состоянии противоборства и подчинения одних другими, но и находившихся в дуальном брачном родстве между собой. Думается, что в одной из своих работ под названием «К истокам этнической истории тюрков и монголов» [Коновалов, 1993, с. 5–29] мне удалось показать, путем анализа генеалогических легенд и тотемических культов, тюрко-монгольское родство и его истоки, уходящие своими корнями в хунну–дунхускую древность. А это косвенным образом способствует решению вопроса корреляции исторических процессов на севере и юге Центральной Азии в аспекте этнокультурного сопоставления.

Суть этнических процессов длительного, почти в тысячу лет, периода кочевых государственных образований — Хуннской и Сяньбийской держав, Жужаньского, Тюркского и Уйгурского каганатов — и их результаты можно определить как тюрко-монгольское суперэтническое развитие, в котором проявляются (сочетаются) этноэволюционные и этнотрансформационные (одновременно) процессы, не получившие, однако, своего завершения и прерываемые каждый раз очередной сменой династии. Через эти процессы прошла история племен раннего и развитого средневековья Центральной Азии, исторических преемников хунну — тюрко- и монголоязычных этносов, также историческая судьба потомков хуннского рода волка — предков будущей царской династии «великих» монголов племени Буртэ-Чино, в тотемическом имени которого закодировано историческое тюрко-монгольское родство. Многочисленные роды волка, в том числе и предки Чингисхана, прошли свой путь через историю Сяньбийской державы и Жужаньского каганата, а после разгрома последнего тукюэсами, говоря языком легенды, ушли в Эргунэ-Кун. Разгром жужаней тюрками, вероятно, стал исторической основой монгольской легенды об Эргунэ-Куне, повествующей о бегстве разгромленных предков монголов Кияна и Нукуса в местность с названием Эргунэ-Кун [Коновалов, 1999, с. 107–131].

И, наконец, еще один тезис теоретико-методологического плана формулируется нами так: «Этноэволюция и этнотрансформация тюрко-монгольских племен и формирование средневековых монголов (татарско-монгольский период)». По версии «Алтантобчи» Мэргэн Гэгэна народ Буртэ-Чино по выходе из Эргунэ-Куна пришел в Бэдскую землю и в лице своего предводителя породнился с народом бэдэ/бэди/бидэ и стал правителем [Балданжапов, 1970, с. 214–215]. По-видимому, бэдэ — самоназвание населения северных

степей Монголии, восходящее к названию древних ди, северные группы которых именовались в китайских источниках бэйди, т. е. это было, очевидно, одним из подразделений телеских племен — потомков древних ди/дили той же хуннской ветви этносов. Позднее среди них распространилось наименование да-да/да-да, которым до Чингисхана обозначались все будущие монгольские племена [Балданжапов, 1970, с. 214–215].

Активизация монгольской линии этногенеза произошла под влиянием киданьского фактора, под которым имеется в виду образование очередной империи под властью монголоязычных киданей. Под «киданьским натиском» с востока начались большие этнические сдвиги, в результате которых не только тюркоязычные племена были оттеснены далеко на запад, но и монголоязычные оказались в западной части Центральной Азии. На территории Монголии за это время эволюционировали в направлении монголизации тюрко-монгольские этнические группы, формировались племенные объединения (такие как керейты, меркиты, тайджиуты, джалаиры, найманы, урянхай, ойраты, баргуты, хори, туматы, туласы и др.), образовывались малые ханства. Племена, находящиеся восточнее от этих группировок — потомки шивэйских групп — сохраняли свое прежнее имя да-да т. е. татары, известное в истории Центральной Азии с эпохи тюркских каганатов, а в китайских источниках сунского периода имя татар перешло не только на монгольские, но и на тюркские племена.

В этот период будущий царский род монголов — потомков легендарного Буртэ-Чино — породнился с племенем хори. Это событие запечатлено в сюжете женитьбы Добу-Мэргэна, потомка Буртэ-чино в 11-м поколении, на Алан-Гоа, дочери Хорилардай-Мэргэна и Баргуджин-Гоа — дочери Баргудай-Мэргэна. Монголоведами предположительно вычисляется дата этого сюжета — 970 г. н. э. [Пэрлээ, 1978, с. 50–51]. С этого легендарного события продолжается отсчет родословной Чингисхана теперь уже как царского рода с эпитетом Алтан уруг «Золотой род». Примерно через два столетия от данного рубежа истории «Золотого рода» на свет появился Тэмуджин — будущий великий хан, создавший мировую империю.

Характер этнических процессов в период Монгольской империи — это особая тема. Хорошо известно, какие происходили войны, передвижения племен при создании государства и какой политический расклад сложился в образовавшейся империи. Этническая картина того периода характеризуется динамичностью и является следствием не только миграционных, но и этнотрансформационных процессов.

Археологическая обеспеченность эпохи средневековья Северной Монголии и Байкальского региона, к сожалению, небольшая. Однако имеющиеся материалы не исключают того, что с этими территориями (Хангай, Хэнтэй, Прибайкалье и Забайкалье) связан исторический путь, пройденный создателями Монгольского государства. Автор в полной мере отдает отчет в том, что известные на сегодня памятники отражают неоднозначную этническую картину того периода, и что какую-либо из выявленных групп погребальных комплексов трудно атрибутировать по племенным образованиям, которые в китайской, мусульманской и европейской традициях, как уже упоминалось, назывались татарами. Тем не менее, здесь важно отметить то, что археологические памятники на территории Монголии и Забайкалья, демонстрируют смену погребальных комплексов с тюркскими чертами на комплексы с монгольскими элементами обрядности. Это явление мы рассматриваем не столько как смену этносов, сколько как динамику культурных черт в рамках тюрко-монгольской интеграции (изменения, трансформация, эволюция), нашедшей отражение в трудно дифференцируемых археологических памятниках средневековья.

То же можно говорить в связи с исторической этнографией. Обращаясь к этнографическим особенностям отдельных бурятских племен, так называемые тюркские черты и элементы в языке, мифологии, фольклоре, родоплеменной номенклатуре не только основных племен (булагатов, эхиритов, хонгодоров, хори), но тем более некоторых других «малых» племенных и родовых групп следует трактовать как результат такой интеграции и трансформации.

В заключение приведем несколько обобщений и выводов.

1. Праэтнические истоки и длительное состояние контакта и смешения этносов карасукско-скифской эпохи определяются нами как динлинско-дунхуский период, историко-

географические параметры которого мы распространяем на всю территорию Центральной Азии, от юга до севера, от запада до востока.

2. Основным результатом этнокультурного развития этого периода было формирование и ранняя история хунну, чью этническую характеристику нельзя определять однозначно: термин «хунну» надо понимать, как политоним.

3. Хуннская ветвь этногенеза в Центральной Азии — это часть истории региона, в котором шел процесс сближения и интеграции тюркоязычных и монголоязычных этносов.

4. В контексте тюркологии — это ранний этап этногенеза тюркских народов, а в контексте монголоведения и истории монгольских народов — одна из ветвей этногенеза монголов, часть которых прошла свой путь через хуннскую ветвь.

5. С точки зрения алтаистики — это часть истории алтайской семьи языков, но в этом контексте даже не ветвь, а древо тюрко-монгольской интеграции, корнями которого были древние праэтнические массивы эпохи конца бронзового и начала железного веков, а завершением его является окончательное разветвление на тюркские и монгольские народы позднего средневековья.

6. Дальнейшую историю Центральной Азии эпохи сменяющих друг друга кочевых государственных образований от Хунну до Уйгуров, ее этнокультурное содержание мы определяем как суперэтнический культурогенез тюрко-монгольских племен.

7. Завершающий этап развитого средневековья, начиная от образования Киданьской империи до периода Монгольской империи, его этническое содержание и исторические результаты мы характеризуем как этноэволюцию и дифференциацию тюркоязычных и монголоязычных этносов татарско-монгольского периода.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Е.А.** Кетская проблема // Этногенез народов Севера. — М., 1980. — С. 118–140.
- Балданжапов П.Б.** Алтантобчи. Монгольская летопись XVIII века. — Улан-Удэ, 1970. — 416 с.
- Варенов А.В.** Скифские памятники Алтая, Ордоса и происхождение сюннуской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: тез. докл. конф. — Барнаул, 1995. — С. 123–125.
- Вернер Г.К.** К вопросу об этнической привязке енисейцев к древним культурам Южной Сибири // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. конф. — Новосибирск, 1973. — С. 174–175.
- Викторова Л.Л.** Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. — М., 1980. — 224 с.
- Волков В.В.** Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. — Улан-Батор, 1967. — 148 с.
- Гохман И.И.** Антропология кетов // Кетский сборник. — Л., 1982. — Вып. 3. — С. 7–83.
- Гришин Ю.С.** Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. — М., 1975. — 136 с.
- Грум-Гржимайло Г.Е.** Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. — Л., 1926. — 900 с.
- Гумилев Л.Н.** Динлинская проблема // Известия ВГО. — 1959. — Т. 91, вып. 1. — С. 17–26.

- Дерфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. – М., 1986. – С. 71–134.
- Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ, 1958. – 140 с.
- Дульзон А.П. Гунны и кеты // Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук. – 1968. – Вып. 3, № 11. – С. 137–142.
- Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ, 2002. – С. 103–131.
- Комиссаров С.А. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. – Новосибирск, 1988. – 120 с.
- Коновалов П.Б. К истокам этнической истории тюрков и монголов // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993. – С. 5–29.
- Коновалов П.Б. Культура курганов-керексуров Центральной Азии // Проблемы археологии Степной Евразии: тез. докл. – Кемерово, 1987. – Ч. 1. – С. 120–124.
- Коновалов П.Б. Плиточные могилы и курганы-керексуры Монголии и Бурятии: проблема синтеза протокультур // 6-й Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 1992): докл. рос. делегации. – М., 1992. – Вып. 1. – С. 112–118.
- Коновалов П.Б. Происхождение и ранняя история хунну // 100 лет хуннской археологии. Номадизм: прошлое и настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: матер. междунар. конф. – Улан-Удэ, 1996. – Ч. 1. – С. 58–62.
- Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). – Улан-Удэ, 1999. – 214 с.
- Коновалов П.Б. Две ветви монгольского этногенеза // VIII Международный конгресс монголоведов: доклады российской делегации. – М., 2002. – С. 60–66.
- Ларичев В.Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник–I. – Улан-Удэ, 1959. – С. 63–73.
- Маннай-оол М.Х. Тува в скифское время. (Уюкская культура). – М., 1970. – 118 с.
- Материалы по истории сюнну. (По китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В. С. Тащина. – М., 1968. – 176 с.
- Миняев С.С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул, 1991. – С. 108–120.
- Наваан Д. Керамика из плиточных могил по р. Онон // Бронзовый и ранний железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 110–113.
- Наваан Д. Бронзовый век Монголии в истории Центральной Азии // Тов Азийин иргэншилд нуудэлчдийн роль. – Улаанбаатар, 1974. – С. 211–213.
- Наваан Д. Дорнод Монголын хурлийн уе. – Улаанбаатар, 1975. – 200 с.
- Николаев Р.В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. – Красноярск, 1985.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 284 с.
- Окладников А.П. О датировке забайкальских писаниц // Записки Бурят-Монгольского института культуры. – 1952. – Вып. 16. – С. 57–62.
- Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у дер. Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск, 1990. – С. 101–107.
- Пуллблэнк Э. Язык сюнну // Зарубежная тюркология. – М., 1986. – С. 29–70.
- Пэрлэ Д-Х. Некоторые вопросы истории кочевой цивилизации древних монголов: доклад по совокупности науч. тр., представл. на соискание степени д. и. н. – Улан-Батор, 1978.
- Тиваненко А.В. Каменные изваяния Забайкалья и проблема пратюркского этноса в Центральной Азии // Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья. (Препринт). – Владивосток, 1989.
- Тянь Гуаньцзинь. Цзиньняньлай нэймэнгу дицюдэ каогу. Археологические исследования сюнну в районе Внутренняя Монголия за последние годы // Каогусюэбао. – 1983. – № 1. – С. 724. (Перевод Т. А. Постновой)
- У Энь, Чжун Кань, Ли Циньцэн. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. – Новосибирск, 1990. – С. 88–101.
- Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987. – С. 136–162.
- Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ, 1998. – 288 с.
- Цыбиктаров А.Д. Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ, 1999. – С. 65–76.
- Членова Н.Л. Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири // Этногенез и этническая история народов Сибири. – М., 1975. – С. 223–230.

**О. Н. Корочкова,
И. А. Спиридонов**

О. Н. Корочкова¹, И. А. Спиридонов²
*Уральский федеральный университет,
¹кафедра археологии и этнологии; ²Центр
археологических исследований, г. Екатеринбург*
O. N. Korochkova¹, I. A. Spiridonov²
*Ural Federal University,
¹The Department of Archaeology and Ethnology;
²Center of Archaeological Research, Ekaterinburg*
E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru¹; z-is5@mail.ru²

Степные знаки в металлическом собрании святилища Шайтанское озеро II

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 16-06-00174а

Аннотация. В публикации рассматриваются свидетельства связей аборигенов горно-лесного Зауралья начала II тыс. до н. э. и степного населения, воплощенные в металлических изделиях, обнаруженных на святилище Шайтанское Озеро II в Свердловской области.

Ключевые слова: Урал, Западная Сибирь, бронзовый век, тайга, степь, металл, сейминско-турбинский.

The steppe signs in the metal collection of the sanctuary Shaitanskoe ozero II

Abstract. The publication focuses on the evidence of contacts of the Trans-Urals and steppe population on the beginning of the Second Millennium BC. The main sources are metal tools of the sanctuary of Shaitanskoe Ozero II in the Sverdlovsk region.

Keywords: Ural, Western Siberia, Bronze Age, taiga, steppe, metal, Seima-Turbino.

В центре внимания — свидетельства связей населения Среднего Зауралья в начале II тыс. до н. э. с производящими центрами степного мира. Информационным поводом для обращения к данному сюжету послужили материалы культового памятника Шайтанское Озеро-2 (далее Шайтанка), сопоставимого со знаменитыми мемориалами сейминско-турбинского типа [Черных, Кузьминых, 1989, с. 14–36]: Сейма [Бадер, 1964], Турбино [Бадер, 1970], Ростовка [Матющенко, Синыцына, 1988], Юринский (Усть-Ветлуга) [Соловьев, 2005], Сатыга-16 [Беспрозванный и др., 2011].

Памятник расположен на западном побережье оз. Шайтанское в Кировоградском районе Свердловской области. Представляет собой комплекс автономных культовых объектов эпохи бронзы, рассредоточенных на площади примерно 1100 м². Среди них: «рассеянные» и «точечные» скопления металлических и каменных предметов (преимущественно наконечников стрел характер-

ной формы) в сопровождении керамики коптыковского типа, погребения (условные и совершенные по обряду кремации). Подавляющее большинство артефактов бронзового века обнаружено в западной части святилища, удаленной от береговой линии, тогда как в прибрежной — преобладали находки других периодов (мезолит, неолит, энеолит, ранний железный век). Детальное представление о специфике памятника и артефактного собрания, можно получить из публикаций разных лет [Сериков и др., 2009; Корочкова, Стефанов, 2010; 2013]. Коротко отметим следующее. В культурном слое найдено более 200 металлических артефактов, среди них 72 целых, остальное — фрагменты, лом и отходы металлопроизводства. Специфику шайтанской коллекции передают предметы типичного сейминско-турбинского (СТ) и евразийского облика, синкретичные экземпляры, сочетающие черты СТ и евразийской металлообработки. Кроме того, присутствуют специфические орудия, характерные исключительно для Зауралья.

Выделяется целая серия изделий, которые определенно указывают на связи со степным миром. Среди них двулезвийные ножи-кинжалы с перекрестием и выделенным черенком (рис. 1, 6, 7, 9, 12), кинжалы с прилитой рукоятью (рис. 1, 13, 16–18) и цельнолитые (рис. 1, 14, 15). Особого внимания заслуживают экземпляры с прилитой рукоятью. Адреса находок прямо сообщают, что основная часть подобных кинжалов локализуется в Среднем Зауралье и прилегающих районах Южного Зауралья и лесостепного Притоболья (11 кинжалов из 21). Тем не менее, мы склонны рассматривать их как достижение степных центров. Подобные технологии были известны уже абашевским мастерам. На это указывает, в частности, литейная форма, обнаруженная на поселении Серный Ключ под Нязепетровском [Борзунов, Бельтикова, 1999, рис. 2, 4) и кинжал из погребения Новоусманского могильника [Пряхин, Матвеев, 1979, рис. 2, 54; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 65, 4]. Еще одна примечательная деталь: прилитые рукояти, как правило, сопряжены с двулезвийными клинками евразийского типа, но не пластинчатыми, характерными для СТ-металлообработки. Окончание рукоятей обычно подчеркнуто наверху (грибовидной, крестовидной формы), и напоминает подобный прием оформления каменных булав степного пояса [Малов, 1991, с. 33–37]. В большинстве случаев анализика показывает различный состав сплава рукояти и клинка [Черных, Кузьминых, 1989; Луньков и др., 2009; Луньков и др., 2011, 2013].

На степные традиции указывает кельт-тесло с несомкнутой втулкой (рис. 1, 5). Подобные изделия известны в Решном и Сейме [Бадер, 1970, с. 110, рис. 39; Бадер, Черников, 1978, с. 131, рис. 1, 9]. Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых подчеркивают абашевские корни технологии раскованных втулок и обращают внимание на химический состав подобных орудий — мышьяково-сурьмяная бронза [Черных, Кузьминых, 1989, с. 39]. В нашем случае, кельт-тесло отлит из медно-оловянного сплава, с примесью мышьяка. Специально обозначим круг степных аналогий данному изделию, которые адресуют к петровской и алакульской культурам. Подобные изделия были найдены в могильниках Нураталды-1 в Центральном Казахстане [Кукушкин и др., 2015, фото 3] и Танаберген-2 [Ткачев, 2007, с. 283]. Еще один тип предметов — долота, втулки которых свернуты в результате проковки (рис. 1, 4, 8) — также отсылают к степным памятникам: Большекараганский могильник [Зданович Д.Г. и др., 2002, рис. 75, 1], Верхне-Кизильский клад [Сальников, 1967, рис. 6, 11].

Как безусловно степной знак воспринимается находка фрагмента серпа (рис. 1, 3), предположительно, кундравинского типа [Дергачев,

Бочкарев, 2002, с. 43]. Подобные изделия обнаружены на памятниках Черняки-3 [Стоколос, 1972, рис. 6, 1], Камбулат-2 [Чебакова, 1975, рис. 5, 10, 11], Ук-3 [Стефанов, Корочкова, 2000, рис. 15, 4, 5], Высокая Грива [Потемкина, 1985, рис. 48, 1].

Не столь категорично мнение относительно найденных на Шайтанке втульчатых наконечников стрел. Подобные экземпляры известны в Центральном и Восточном Казахстане, на Алтае, в Прииртышье [Грушин и др., 2006, с. 6–8]. В этом месте хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. В коллекции Шайтанки много каменных наконечников стрел, сделанных в характерной для СТ-комплексов технологии. На их фоне немногочисленные металлические экземпляры воспринимаются как инокультурное достижение.

Другая серия предметов — украшения: бронзовые желобчатые браслеты (рис. 2, 11–12, 15–20) — целые (8) и во фрагментах (порядка 30 обломков); височные кольца — целые (3), сломанные (1), сохранившиеся частично (2); подвески (2). Нет необходимости напоминать, что подобные изделия — специфический атрибут женских гарнитуров петровской и алакульской культур [Куприянова, 2008; Усманова, 2010]. Среди найденных желобчатых браслетов особенно выделяются фрагменты с массивными конусовидными окончаниями (рис. 2, 4, 5). Они также адресуют к андроновским параллелям, подобные украшения известны в могильниках Центрального и Северного Казахстана [Аванесова, 1991, рис. 54, 19–25, 28, 31, 34; Усманова, 2005, рис. 71, 5]. Иные принадлежности степного костюма представлены височными кольцами, сделанными при помощи бронзовой фольги, обернутой вокруг деревянной основы (рис. 2, 6–9, 13, 14), которые также характерны для петровских и алакульских комплексов [Куприянова, 2008, рис. 15]. Как типично степной атрибут воспринимаются листовидная подвеска (рис. 2, 10), обнаруженная в парном комплекте (лежала на клинке кинжала с прилитой рукоятью) и украшения со спиралевидными розетками (рис. 2, 1, 2) [Куприянова, 2008, рис. 7, 10, 14]. Интересной находкой является литая подвеска, выполненная в виде петельки с отогнутыми концами, один из которых оканчивается гвоздевидной шляпкой, тогда как другой слегка уплощен (рис. 2, 3). Наиболее близкими аналогиями данному украшению являются серьги с раструбом, в том числе имеющие подобную форму [Аванесова, 1991, рис. 45, 22, 23].

Яркие степные интонации передает и часть керамической посуды святилища. Среди сосудов есть экземпляры, которые определенно указывают на близость петровским и алакульским образцам (рис. 2, 21–27).

Как можно интерпретировать подобные знаки? Прежде всего, они сообщают о тесном

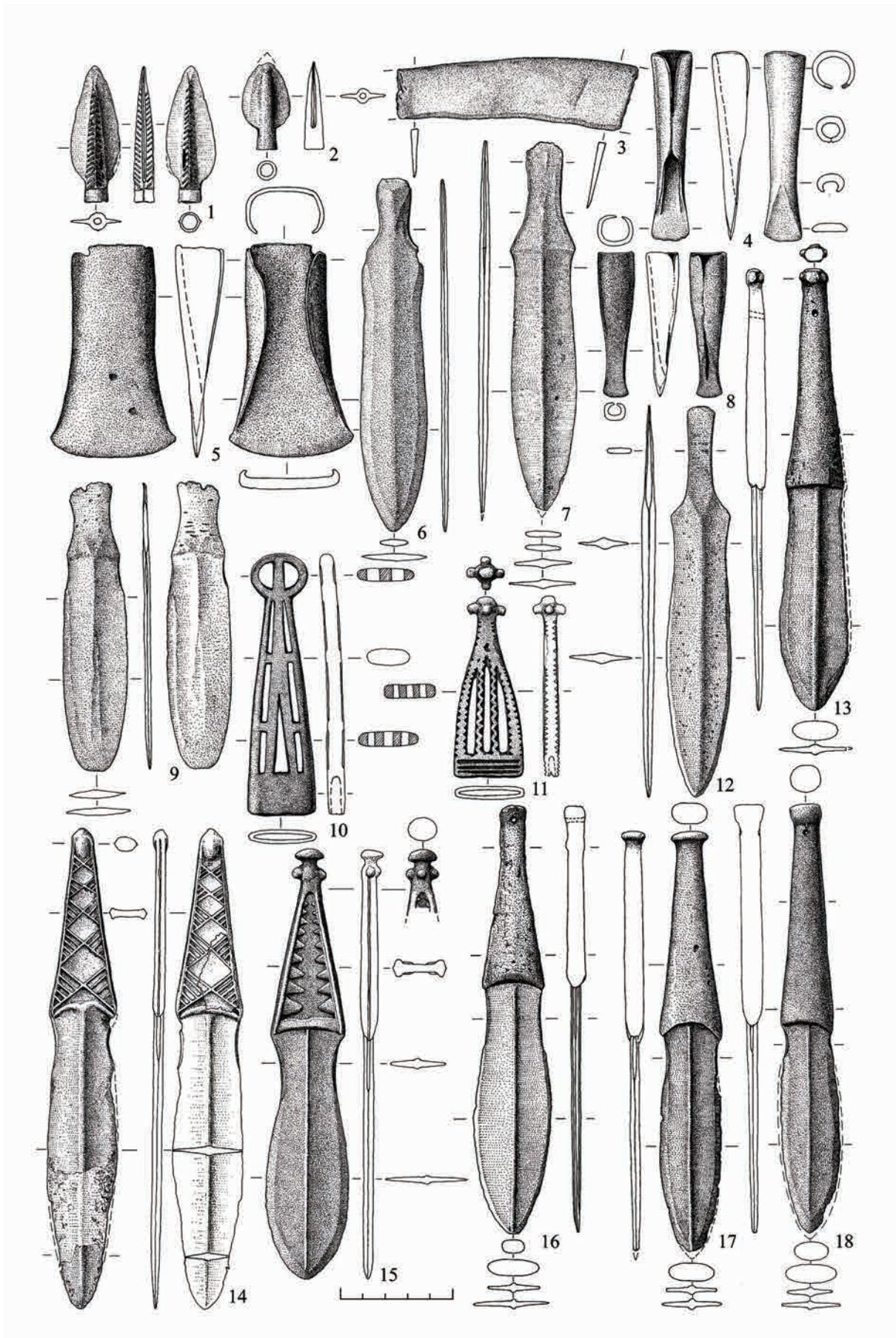

Рис. 1. Шайтанское Озеро II. Изделия из металла

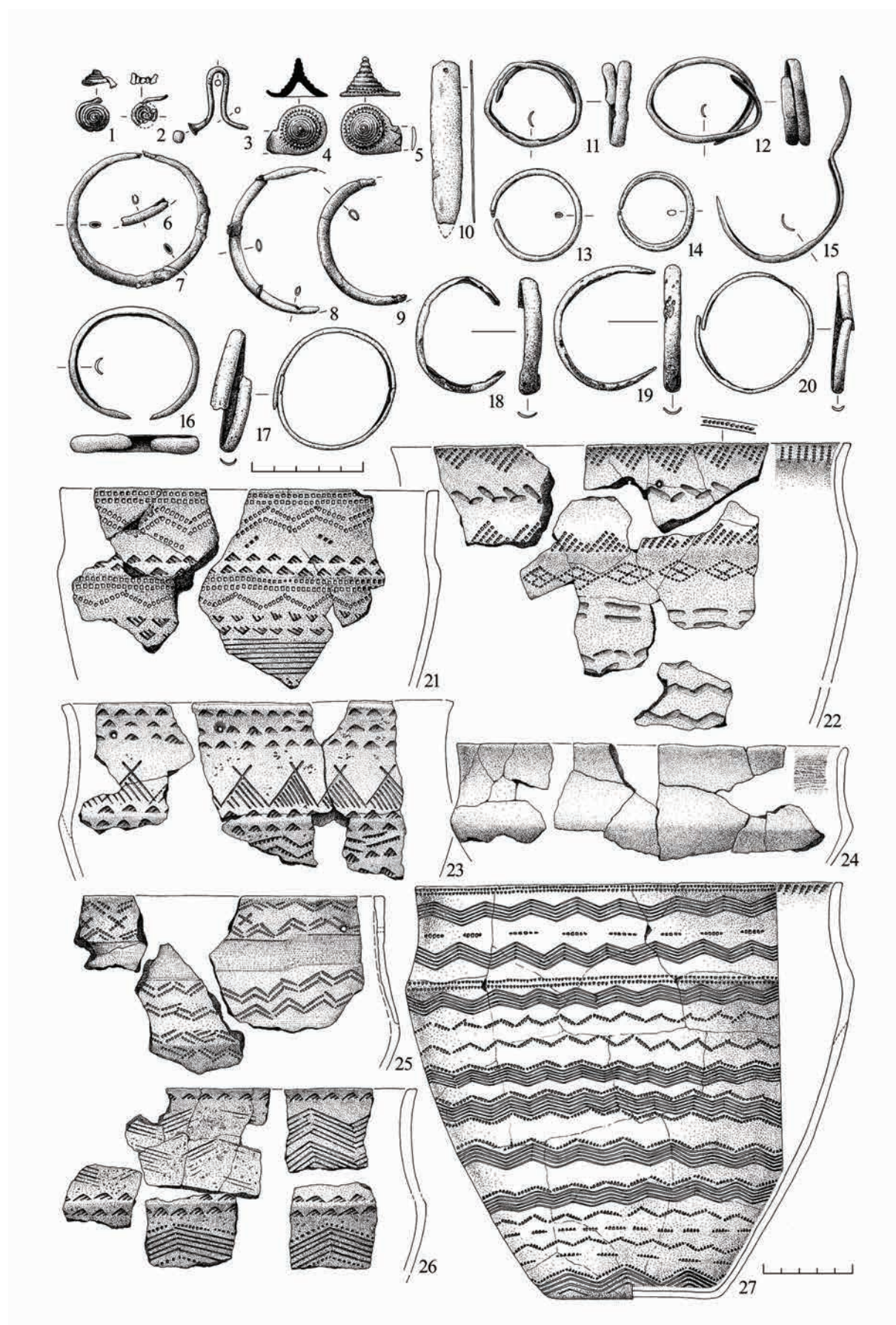

Рис. 2. Шайтанское Озеро II. 1–20 – изделия из металла; 21–27 – керамика

диалоге между Средним Зауральем и степным миром. Судя по металлическим репликам и керамике, подобное взаимодействие не ограничивалось традиционными для общества той поры актами дарообмена, но имело иные коннотации. В частности, перед нами вполне очевидные примеры взаимодействия разных технологических традиций. В составе шайтанского собрания есть очевидные подражания степным образцам. Например, цельнолитые кинжалы с орнаментированной рукоятью, имитирующей прилитую (рис. 1, 14, 15). Не исключено, что подобные процессы носили взаимный характер, однако собственно СТ-заимствования в евразийской металлообработке не столь существенны. С СТ-импульсом исследователи определенно связывают переход к оловянистым сплавам в мастерских андроновского мира. Впоследствии были восприняты и технологии втульчатого литья, однако они применялись ограниченно для отливки орудий, характерные типы которых были выработаны в степных центрах форм (долота, наконечники копий). Не исключено, что прототипами для кельтов с пещеркой послужили тесла со свернутой втулкой).

Модели интеграций степного и зауральского населения в начале II тыс. до н. э. сейчас прогнозировать сложно. Петровско-алакульские черты в артефактах Шайтанского комплекса указывают на несимметричное взаимодействие. Более активной инициативной стороной в этих контактах выглядит степной компонент, представленный в собрании Шайтанки весомо. Изделия уральских мастеров не имели широкого хождения в обиходе степного населения. В целом, уральские орудия были востребованы в культурах таежного мира. Об этом сообщают кельты с ложными ушками — характерная продукция среднеуральского центра металлообработки [Корочкова, Спиридонов, Стефанов, 2015, с. 66].

Отмеченную модель передают и керамические материалы. Петровско-алакульские формы и

орнамент воспроизведены в характерной для гончарства коптяковской культуры манере. При этом собственно коптяковская керамика неизвестна южнее широты Челябинска и Миасса, где проходила южная граница коптяковской культуры. Сегодня известен только один сосуд, обнаруженный в погребении петровской культуры могильника Троицк-7 [Костюков, Епимахов, 1999] на р. Уй, имеющий очевидные параллели в посуде коптяковского типа.

Таким образом, регистрируется заметный дрейф степных изделий и технологий на север, в среду населения, обитавшего в горно-лесном Зауралье и подтаежном Притоболье [Корочкова, 2011, с. 22–34]. Говорить об обратном движении вещей, идей и людей оснований нет. Об этом сообщают материалы местных культур: коптяковской, ташковской. Их следы в синхронных петровских и алакульских комплексах не читаются либо выглядят малозаметными.

Перед нами вполне очевидная тенденция того времени. Более контактными и ориентированными на различные формы и направления связей являются степные культуры. Это согласуется с феноменом катализации открытий, связей, миграций в обществах, которые переходят к производящей экономике, основанной на скотоводстве, и отличаются высокой степенью мобильности и открытости. Население горно-лесного Зауралья, втянутое в бурные процессы распространения металл-инноваций, реагировало иначе. Будучи связаны тесными контактами, прежде всего, с соседними таежными культурами присваивающего образа жизни, они транслировали собственные достижения в их среду. Об этом сообщают немногочисленные металлические вещи, отлитые в уральском центре металлообработки, найденные в таежном Обь-Иртыше [Корочкова, Спиридонов, 2015, с. 102–105].

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А.** Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Изд-во «Фан», 1991. – 200 с.
- Бадер О.Н.** Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1970. – 176 с.
- Бадер О.Н.** Древнейшие металлурги Приуралья. – М.: Наука, 1964. – 176 с.
- Бадер О.Н., Черников В.Ф.** Новые находки сейминского типа на Оке // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – С. 130–132.
- Беспрозванный Е.М., Дегтярева А.Д., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И., Косинская Л.Л.** Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. – Екатеринбург–Сургут: Уральский рабочий, 2011. – 192 с.
- Борзунов В.А., Бельтикова Г.В.** Стоянка абашевских металлургов в горно-лесном Зауралье // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга. – Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. – Екатеринбург: УрГУ, 1999. – С. 43–52.

- Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю. Материалы эпохи бронзы из Павлодарского Прииртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул: изд-во АГУ, 2006. – С. 18–32.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. – Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. – 348 с.
- Зданович Д.Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1 / Сост. Д. Г. Зданович. – Челябинск: Юж.-Урал. книж. изд-во, 2002. – 216 с.
- Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: факторы, механизмы, динамика: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2011. – 37 с.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. О судьбах инноваций в культурах присваивающего мира Урала и Западной Сибири // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 3. – С. 6–107.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А., Стефанов В.И. О металлообработке эпохи поздней бронзы горно-лесного Зауралья: кельты кижировского типа // Вестник КемГУ. – 2015. – № 2 (62). – С. 61–67.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. – 2010. – № 4. – С. 120–129.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // РА. – 2013. – № 1 – С. 87–96.
- Костиюков В.П., Епимахов А.В. Предварительные результаты исследования могильника эпохи бронзы Троицк–7 // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга. – Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. – Екатеринбург: УрГУ, 1999. – С. 66–70.
- Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шохатаев О.С., Елибаев Т.А., Бейсенбаев Е.Е. Проведение научно-археологических исследований комплекса Нураталды (результаты полевых работ) // Сарыарқаның тарихы мен археологиясы. – Қарағанды, 2015. – Б. 135–141.
- Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как текст. – Челябинск: АвтоГраф, 2008. – 244 с.
- Луньков В.Ю., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Рентгено-флуоресцентный анализ меди и бронз: серия 2009–2010 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М.: ИА РАН, 2011. – Вып. 2. – С. 116–136.
- Луньков В.Ю., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа: серия 2011–2013 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М.: ИА РАН, 2013. – Вып. 3. – С. 56–88.
- Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В. Рентгено-флуоресцентный анализ: начало исследований химического состава древнего металла // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М.: ИА РАН, 2009. – Вып. 1. – С. 84–110.
- Малов Н.М. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1991. – Вып. 2. – С. 15–42.
- Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: изд-во Томского ун-та, 1988. – 136 с.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Новоусманский могильник эпохи бронзы в Воронежской области // Древняя история Поволжья. – Куйбышев: КуйбГПИ, 1979. – С. 71–78.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала – М.: Наука, 1967. – 408 с.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // ААЭЕ. – 2009. – № 2 (38). – С. 67–78.
- Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. – 2005. – № 4. – С. 103–111.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург: Полиграфист, 2000. – 108 с.
- Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. – М.: Наука, 1972. – 169 с.
- Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе: Актыобинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 384 с.
- Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: Факты и параллели. – Караганда–Лисаковск, 2005. – 232 с.
- Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкции. – Караганда–Лисаковск, 2010. – 176 с.
- Чебакова Т.Н. Андроновские поселения верховьев р. Увельки // ВАУ. – 1975. – Вып. 13. – С. 92–108.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

**И. А. Кукушкин,
Е. А. Дмитриев**

И. А. Кукушкин, Е. А. Дмитриев
САИ при КарГУ им. Е. А. Букетова, Караганды
I. A. Kukushkin, E. A. Dmitriev
Saryarka Archaeological Institute of the E. Buketov
Karagandy State University
E-mail: sai@ksu.kz; yevgenii1992@mail.ru

Итоги работ на могильнике бронзового века Бесоба

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, проект № 1344/ГФ4
“Исследование социально-стратифицированных погребальных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы”

Аннотация. Пёстрая этнокультурная картина на территории Центрального Казахстана в бронзовом веке со сложными процессами ассимиляции и интеграции сформировала своеобразную россыпь памятников синкретического облика и значительно усложнила понимание историко-культурных процессов, протекавших в древности. Традиционно регион позиционируется как предполагаемая прародина носителей фёдоровской культуры, однако, до недавнего времени количество «чистых» в культурном отношении памятников было исследовано немного.

В начале XXI в. интенсификация полевых исследований позволила выявить ряд новых фёдоровских памятников, демонстрирующих «чистую» линию развития (Дарьинский, Коржар, Жыланды-3, Бада, и др.). В этом ракурсе показательны материалы могильника Бесоба, где в 2015 г. раскопками изучены два погребальных комплекса родоплеменной знати и несколько рядовых оград. Полученные материалы отражают материальную и духовную культуру, а также высокий уровень социальной дифференциации носителей фёдоровской культуры Центрального Казахстана.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, эпоха бронзы, фёдоровская культура.

Results of operations for the Bronze Age burial ground Besoba

The work was carried out with the financial support of MES of RK, project number 1344/GF4 “Research of the socio-stratified burial complexes of Saryarka in the Bronze Age”

Abstract. Patchwork ethno-cultural situation in Central Kazakhstan of the Bronze Age with complex assimilation and integration processes have formed a kind of syncretic sites and considerably complicated the understanding of the historical and cultural processes occurring in the region in ancient times. Traditionally, Central Kazakhstan is positioned as alleged ancestral home of Fedorov culture, however, until recently, the number of “clean” sites has been investigated a little.

At the beginning of XXI century intensification of field research revealed a number of new Fedorov sites (Darya, Korjar, Jylandy-3, Bada, etc.). In this perspective, Besoba cemetery materials are illustrative, where in 2015, two funerary complexes of tribal aristocracy and a number of ordinary fences were studied. These materials reflect the material and spiritual culture, as well as a high level of social gradation of Fedorov culture in Central Kazakhstan.

Keywords: Central Kazakhstan, Bronze Age, Fedorov culture.

Предварительные результаты полевых исследований на могильнике Бесоба ранее уже освещались. В предыдущей публикации приведена история археологического изучения памятников округа одноимённого посёлка и дана краткая характеристика раскопанных сооружений [Кукушкин, Дмитриев, 2015]. Однако материалы столь крупного и, что более важно, «чистого» в культурном отношении фёдоровского памятника региона требуют полной обобщающей публикации, что реализовано в настоящей работе.

Могильник находится на территории Бесобинского сельского округа (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.), в 56 км юго-восточнее

п. Ынталы, в 2 км южнее реки Байкожа, в 0,9 км северо-западнее гор Жаман-тас и занимает относительно ровную площадку на южной окраине посёлка Бесоба. На поверхности памятника визуально фиксировались остатки 23 погребальных сооружений (рис. 1А), однако их число могло быть гораздо больше, т. к. современный населённый пункт был устроен на территории обширного могильника, на что указывает наличие отдельных оград бронзового века, сохранившихся на территории посёлка.

Погребальную площадку памятника можно условно разделить на северо-западную часть, где находятся три крупных земляных кургана (диа-

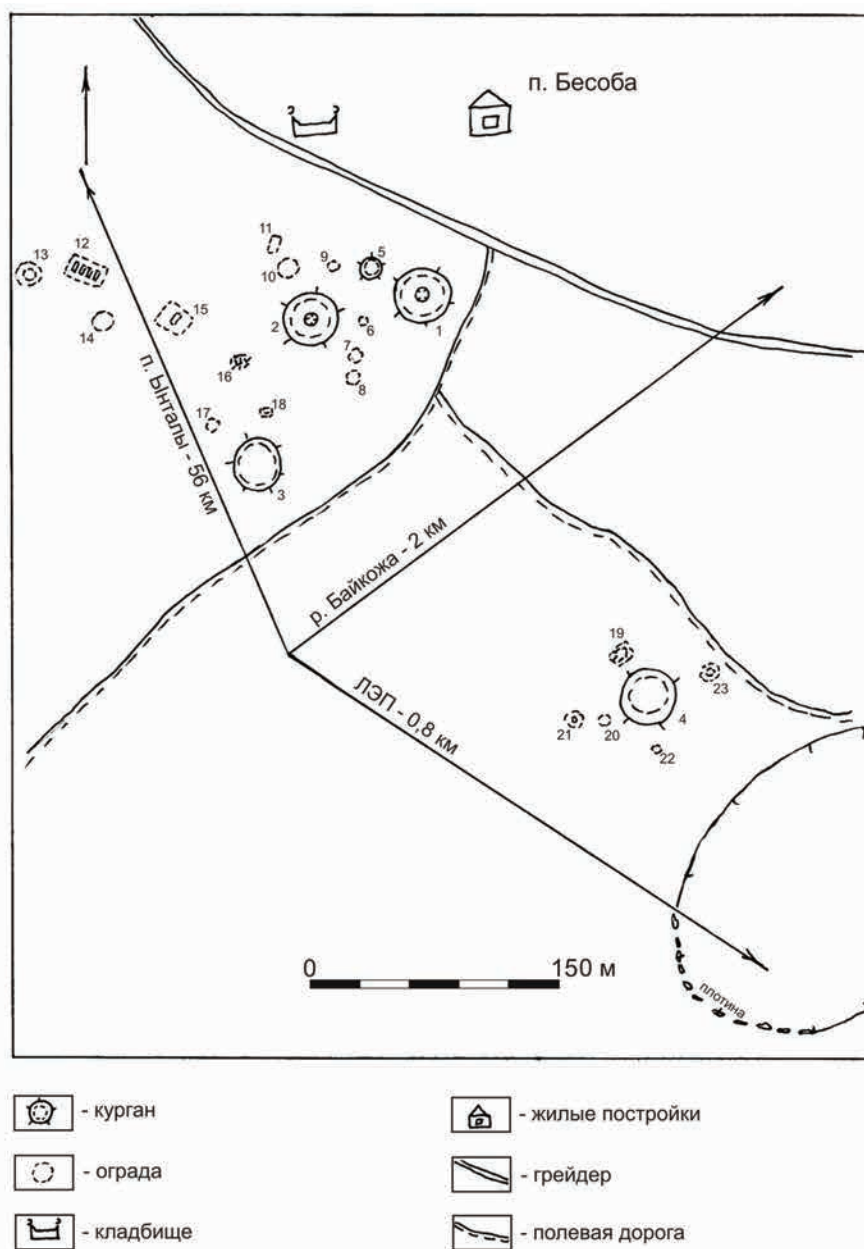

Рис. 1А. Могильник Бесоба. План местности

метром от 26 до 32 м, высотой до 2,5 м), окружённые рядовыми захоронениями, и юго-восточную, где расположен один крупный земляной курган (диаметром 28 м, высотой 1,5 м) со своей периферией рядовых сооружений. Некоторая обособленность между ними может указывать как на хронологические различия, так и на родственные связи отдельных групп населения, оставивших это древнее кладбище.

Юго-восточнее могильника зафиксирована крупная западина овальной в плане формы, занимающая площадь порядка 20 000 м². Скорее всего, в древности она являлась искусственным водоёмом для сбора талых и дождевых вод. В её западной части сохранились значительные фрагменты каменных выкладок оставшихся, очевид-

но, от фундамента сооружённой в древности плотины.

Показательно наличие на могильнике как небольших оград рядовых соплеменников, так и несоизмеримо более крупных земляных курганов, окруженных массивными гранитными плитами, безусловно, указывающих на значительную социальную градацию общества в эпоху бронзы.

На основании отчётных данных установлено, что могильник был открыт в 1939 г. В 1940 г. экспедицией под руководством директора Карагандинского областного музея Л. Ф. Семёнова и профессора МГУ С. В. Киселёва на памятнике проведены рекогносцировочные раскопки нескольких рядовых оград, давших материалы бронзового века [Киселёв, 1940].

В 1969 г. раскопочные работы были продолжены академиком А. Х. Маргуланом. На погребальном поле он исследовал

два крупных земляных кургана (№№ 1, 2) и ряд периферийных сооружений. К сожалению, в силу различных причин материалы, полученные экспедициями, так и не были введены в научный оборот. Однако А. Х. Маргулан неоднократно упоминал в публикациях могильник Бесоба и его принадлежность к эпохе бронзы Центрального Казахстана [Маргулан и др., 1966, с. 55; Маргулан, 1979, с. 58].

Объектами исследования в 2015 г. были выбраны два крупных кургана (№№ 3, 4), а для сравнительного анализа погребальных характеристик рядовые ограды №№ 17, 21 и отдельно расположенное на территории посёлка сооружение, индексированное № 24.

- дёрн	- материк
- светло-серый слой	- камни
- тёмно-серый слой	- кальцинированные кости
- коричневая супесь	- следы красной краски
- глинистый слой	- кости
- чёрный слой	- керамический сосуд
- белая глина	- керамика
- погребённая почва	- серьги
- балластный песок	- бляшки
- курган	- изделие из камня
- ограда	- жилые постройки
- кладбище	- грейдер
	- полевая дорога

Рис. 1. Условные обозначения

Северо-западная группа погребальных сооружений.

Курган 3 имел земляную насыпь, диаметром 26 м, высотой – 1,5 м, которая была окружена пятью равномерно расположенными западинами диаметром от 6 до 10 м, из которых брался грунт для возведения насыпи. На объекте был разбит раскоп общей площадью 530 м² с оставлением двух контрольных бровок, ориентированных по линии С–Ю и З–В (рис. 2).

Рис. 2. Могильник Бесоба, курган 3. Вид с северо-запада

На подкурганной площадке выявлены внешняя и внутренняя ограды, сооруженные из мощных вертикально установленных гранитных плит, высотой до 160 см, шириной до 200 см, толщиной до 20 см. Диаметр внешней ограды составлял 14 м, внутренней – 6 м. Ширина обходного коридора достигала 8 м.

Внешняя ограда сохранилась достаточно фрагментарно. Часть плит отсутствует, повалена или обломана у основания. Все сохранившиеся плиты ограды имели наклон во внутреннюю сторону, что достигалось системой подпорок в виде прямоугольных блоков и крупных камней. Причем для большей устойчивости плиты помещали в кольцевую канавку на глубину 25–30 см и укрепляли у основания глиной.

Особенностью погребальной архитектуры является наличие с внутренней стороны внешней ограды кольцевого рва, разомкнутого с севера, ширина которого составляет 110–130 см, глубина 75–80 см от уровня материка. Весь ров заполнен беспорядочно лежащими крупными камнями и обломками (рис. 3).

Внутренняя ограда сохранилась практически полностью. Для её возведения использовали обработанные и плотно подогнанные плиты, которые устанавливались вертикально. Внутренняя часть постройки заполнена большим количеством крупного камня вперемешку с землей, что, видимо, предполагало наличие в древности какой-то конструкции в центре погребального сооружения.

В северо-восточном секторе с внешней стороны внутренней ограды на плите выбита и хорошо прошлифована восьмилучевая звезда

диаметром 12 см. На другой плите изображен небольшой крестовидный символ размерами 10 x 10 см (рис. 4) [Бедельбаева, 2017].

При удалении насыпи в юго-восточном секторе кургана с внутренней стороны внешней ограды на глубине 23–56 см от условного нуля были найдены фрагменты керамики от одного сосуда, который графически реконструируется.

Керамический сосуд имеет горшечную форму, плавную профилировку и округлое плечо. Шейка хорошо выражена и слегка отогнута наружу. Венчик округлый. Диаметр по устью составляет 32 см, доньшка – 14 см. Высота сосуда – 30 см, толщина стенок – 6–8 мм, доньшка – 20 мм.

Верхняя часть шейки орнаментирована равнобедренными наклонно заштрихованными треугольниками. Нижняя часть и плечики украшены желобками, расположенными в восемь рядов. На тулово нанесен шестирядный горизонтальный зигзаг. Рисунок выполнен техникой гребенчатого штампа (рис. 5, 3).

В северо-западном секторе насыпи и в пределах руинированной постройки на глубине 23–45 см были обнаружены отдельные кости лошади и барана.

После расчистки внутренней ограды выявлено два погребения: основное и впускное.

Погребение 1. Основное, расположено в центральной части внутренней ограды. Частично сохранившиеся плиты перекрытия зафиксированы на уровне материка. Захоронение совершено в каменном ящике размерами 1,7 x 1,1 м, глубиной 1,2 м, ориентированном по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 5, 1). При выборке заполнения встречались разрозненные кости посткраниального скелета мужчины зрелого возраста до 55 лет* [*Палеоантропологические определения выполнены к. и. н. К. Н. Солодовниковым], под которыми зафиксирован тлен от подстилки бурого цвета.

В заполнении могилы собраны фрагменты керамики от одного сосуда, который частично реконструируется.

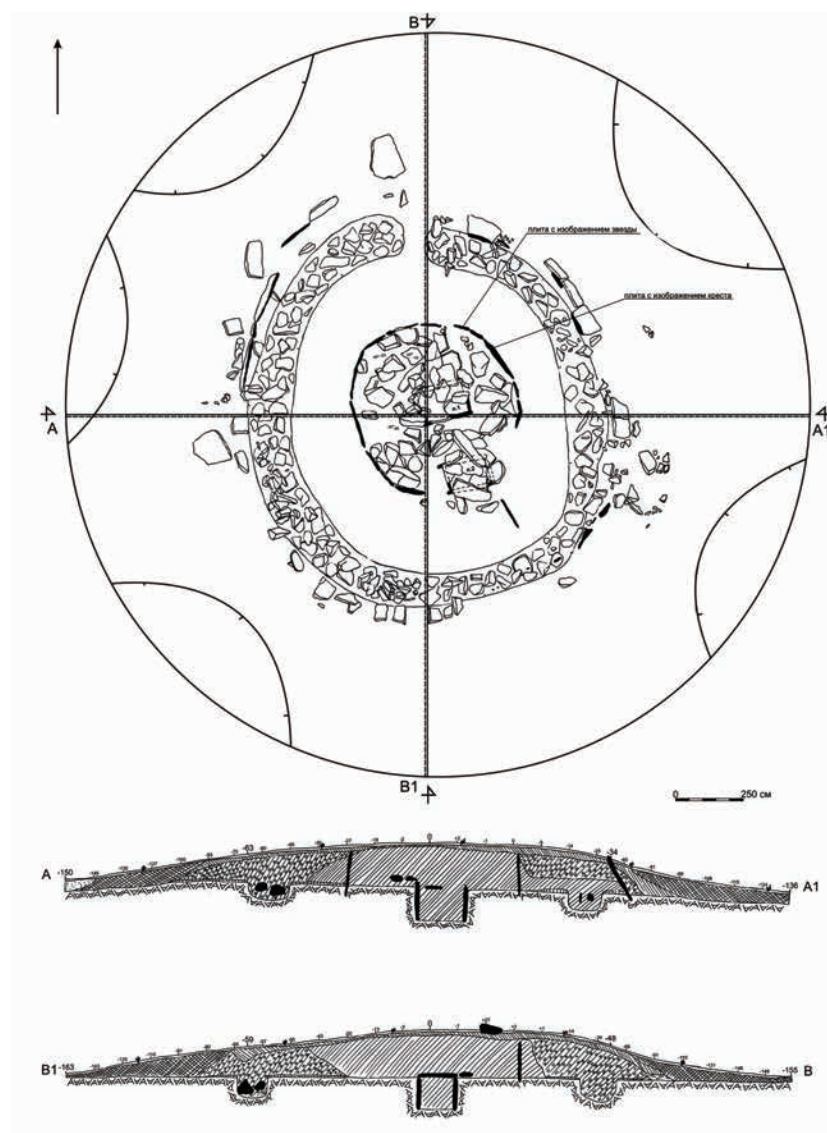

Рис. 3. Могильник Бесоба, курган 3. План и профили бровок

Керамический сосуд плавно профилированный с округлым плечом. Шейка хорошо выражена и слегка отогнута наружу. Венчик округлый. Диаметр по устью составляет 23 см, доньшка – 12 см. Высота – 27 см, толщина стенок – 8–10 мм.

Верхняя часть шейки украшена косыми, наклонно заштрихованными треугольниками. Нижняя – орнаментирована двойными наклонными заштрихованными флажками. На перегибе шейки и по плечикам отмечаются желобки. По верхней части тулова нанесена тонкая лента, заполненная внутри наклонными отрезками. Придонная часть украшена равнобедренными наклонно заштрихованными треугольниками. Рисунок нанесен техникой гребенчатого штампа (рис. 5, 2).

Погребение 2. Впускное, расположено 1,5 м южнее основного захоронения. Для его устройства была разобрана часть плит внутренней

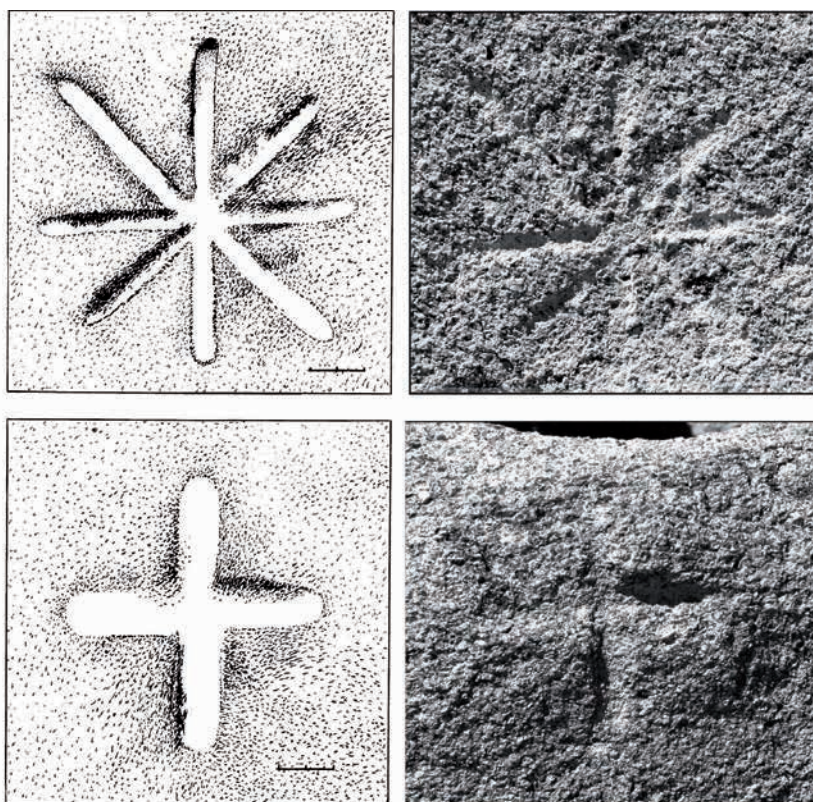

Рис. 4. Могильник Бесоба, курган 3. Солярно-астральные знаки, выбитые на ограде

ограды. Оно представляет собой каменный ящик размерами 1,8 x 0,8 м, глубиной 1 м, ориентированный аналогично погребению 1. Ящик был частично заглублен в грунт и выступал над уровнем материка на 0,5 м (рис. 5, 4). Сверху имелось перекрытие из нескольких слоев плит с проломом в юго-западном углу. При расчистке заполнения фиксировались разрозненные кости мужчины зрелого возраста до 50 лет и несколько фрагментов керамики от шейки сосуда с уплощенным венчиком, украшенного каким-то орнаментом, который ввиду сильного разрушения внешней поверхности установить не удалось.

На глубине 90 см у северной стенки ящика было расчищено скопление изделий, входящих в категорию головных украшений: две серьги с раструбом и три полусферические бляшки (рис. 5А).

Серьга 1 – литая, изготовлена из золота. Один конец оформлен в виде конического раструба, на котором с внутренней стороны пробито отверстие. Второй конец загнут и приострен. Отверстие в раструбе использовалось как замковая застежка. Серьга округлой в плане формы. Диаметр 20 мм, диаметр раструба – 9 мм, высота – 4 мм (рис. 5, 5).

Серьга 2 – литая, изготовлена из золота. Один конец оформлен в виде конического раструба, второй – загнут и приострен. Отверстие,

пробитое изнутри раструба, использовалось в качестве замковой застежки. Серьга овальной в плане формы размерами 26 x 14 мм. Диаметр раструба составляет 9 мм, высота – 4 мм (рис. 5, 6).

Три нашивные выпукловогнутые округлые бляшки характеризуются стандартными размерами. Диаметр – 13 мм, высота – 3 мм. По краям пробито два отверстия, по одному с каждого края (рис. 5, 7-9). Изделия изготовлены на бронзовой основе, плакированной золотым листом.

В 20 м северо-восточнее кургана исследовано сооружение 17, в виде двух концентрических оград, внешняя имела диаметр 7 м, внутренняя, овальной формы – 5 x 3,8 м (рис. 6, 1). Во внутреннем пространстве выявлено два погребения, совершённые в каменных ящиках.

Погребение 1 размерами 1,44 x 1,02 м, глубиной 1 м. Ориентировано по линии 3–В (рис. 6, 2). Перекрытие отсутствует. После выборки заполнения на глубине 80 см в центральной части ящика расчищена линза кальцинированных костей, принадлежащих ребёнку до 7 лет. В юго-западном углу захоронения у торцевой стенки ящика отмечен керамический сосуд.

Сосуд имеет горшечную форму, плавную профилировку и округлое плечо. Шейка хорошо выражена, слегка отогнута наружу. Венчик округлый. Диаметр по устью 17 см, по доньшку – 8 см. Высота составляет 15 см. Толщина стенок 5-6 мм, доньшка – 10 мм.

Верхняя часть шейки украшена прямоугольными наклонно заштрихованными треугольниками, направленными вершинами вверх. Остальная часть шейки покрыта двумя рядами равнобедренных косо заштрихованных треугольников, направленных вершинами друг к другу. На перегибе шейки и по плечу нанесены желобки. Тулово украшено трехчастными наклонными отрезками и пирамидками, составленными из равнобедренных заштрихованных треугольников. На придонную часть нанесены равнобедренные заштрихованные треугольники. Рисунок выполнен техникой гребенчатого штампа (рис. 6, 3).

Погребение 2 размерами 1,4 x 0,6 м, глубиной 1 м. Ориентировано по линии 3–В. Перекрытие отсутствует. На глубине 75 см расчищено погребение ребёнка 7-8 лет брахикранного европео-

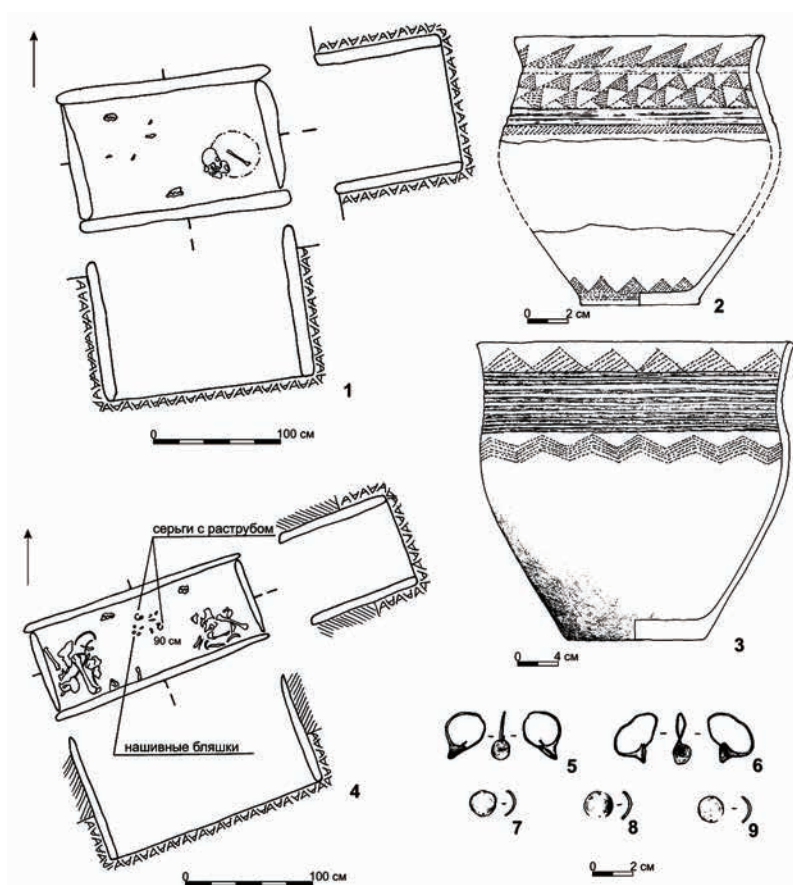

Рис. 5. Могильник Бесоба, курган 3. 1, 4 – планы и разрезы погребальных камер; 2–3 – керамика; 5–9 – украшения

идного антропологического типа. Умерший был уложен на левом боку в скорченном положении головой на запад. Череп был несколько смещен от первоначального положения и перевернут на тыльную часть (рис. 6, 4). Не исключена деятельность норных животных. Каких-либо находок не обнаружено.

Стоит отметить, что, как и в погребении 1, западная торцовая стенка могилы была несколько выше остальных.

Юго-восточная группа погребальных сооружений.

Курган 4 имел земляную насыпь диаметром 28 м, высотой 1,5 м, которая была окружена шестью относительно равномерно расположенными западинами диаметром 5-6 м. Их глубина в центральной части составляет 0,3 м от современной поверхности. На объекте был разбит раскоп общей площадью 615 м² с оставлением двух контрольных бровок ориентированных по линиям С–Ю и З–В.

На подкурганной площадке выявлены округлая в плане ограда из вертикально установленных плит диаметром 15 м и аналогичная по форме внутренняя постройка диаметром до 6 м, несколько смещённая от центра, сооружённая из крупного, подобранного по размерности уплотнённого камня (рис. 7).

Внешняя ограда сохранилась фрагментарно. Основная часть плит отсутствует. Высота сохранившихся плит достигала 160 см, ширина до 130 см, толщина до 20 см. Сохранившиеся плиты ограды имеют наклон во внутреннюю сторону. По всей окружности ограды прослеживается система подпорок из крупных камней, фиксирующих плиты в наклонном положении. Для большей устойчивости их помещали в специальную кольцевую канавку на глубину 25–30 см и обваловывали у основания глиной.

Внутренняя постройка была сооружена методом строительной кладки из уложенных в связке камней, сохранившихся до трех слоев в высоту. Все развалы камней отмечают только внутри сооружения и имеют некоторое возвышение к центру, думается, что это руинированные остатки сводчатого купола, устроенного над основным захоронением.

При удалении насыпи в северо-восточном секторе кургана на глубине 31 и 42 см найдены

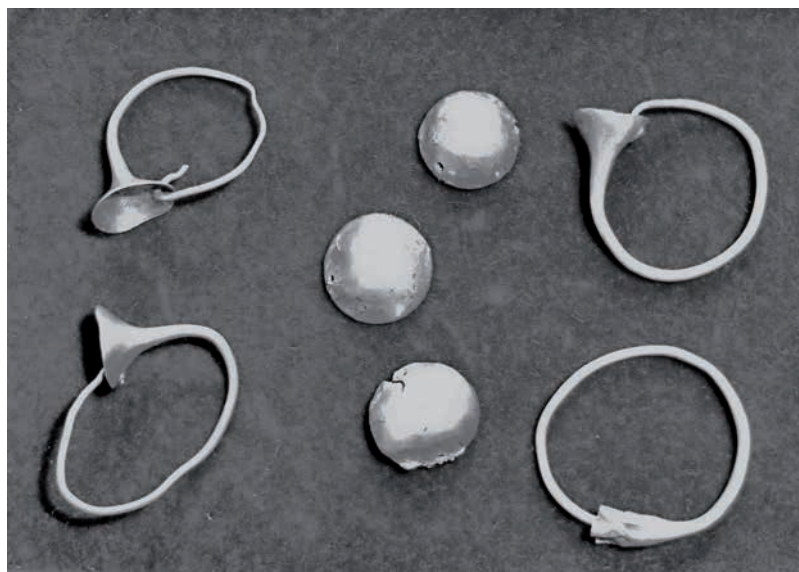

Рис. 5А. Могильник Бесоба. Золотые и биметаллические украшения

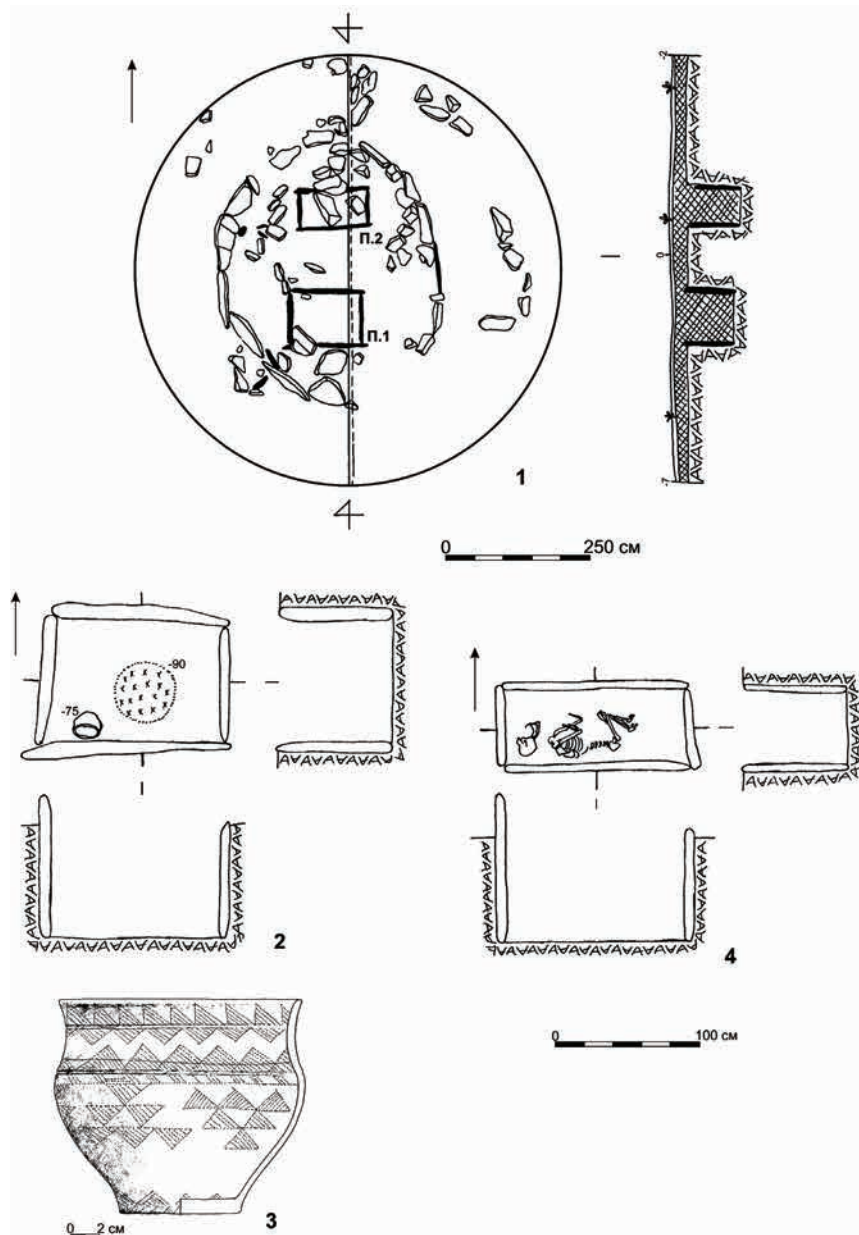

Рис. 6. Могильник Бесоба, ограда 17. 1 – план и профиль сооружения; 2, 4 – планы и разрезы погребальных камер; 3 – керамический сосуд

отдельные фрагменты керамики, украшенные наклонно заштрихованными треугольниками и меандром, которые выполнены гребенчатым штампом (рис. 8, 8–9), а на глубине 90 см обнаружен каменный пест из песчаника. Он имеет вытянутую округлую рукоять и утолщенную рабочую часть. Одна сторона изделия выровнена и заглажена. Длина орудия составляет 19,5 см, в сечении округло-грушевидной формы: рукоять – 6 см, рабочая часть – 8 см (рис. 8, 7).

В ходе расчистки развала камней внутреннего сооружения выявлено два погребения, основное и впускное.

Погребение 1 расположено в центральной части внутренней постройки. Сохранившиеся

плиты перекрытия зафиксированы на уровне материка, лишь в западной половине отмечен пролом. Захоронение устроено в каменном ящике, размерами 2 х 0,9 м, глубиной 1,3 м, ориентированном по линии 3–В (рис. 8, 1). При расчистке заполнения, на глубине 100–120 см расчищены разрозненные кости мужчины возмужалого возраста до 35 лет, фрагменты керамики от одного сосуда и две серьги с раструбом (рис. 5А).

Сосуд частично реконструируется. Имеет плавный профиль и округлое плечо. Шейка хорошо выражена и слегка отогнута наружу. Венчик скруглён. Диаметр по устью составляет 19 см, сохранившаяся высота – 13,5 см, толщина стенок – 6–7 мм.

Верхняя часть шейки украшена «падающими» косо заштрихованными треугольниками. Нижняя часть шейки орнаментирована двумя рядами остроугольных наклонно заштрихованных треугольников, направленных вершинами друг к другу. На перегибе шейки и по плечу проходят желобки. На тулово нанесен меандр, обрамленный треугольными фестонами. Рисунок выполнен техникой гребенчатого штампа (рис. 8, 2).

Серьга 1 – изготовлена из золота. Один конец оформлен в виде колоколовидного раструба, второй – загнут и приострен. На раструбе отмечено отверстие, пробитое изнутри, служившее в качестве замковой застежки. Серьга округлой в плане формы диаметром 23 мм. Диаметр раструба составляет 8 мм, высота – 4 мм (рис. 8, 3).

Серьга 2 – изготовлена из золота. В качестве заготовки, видимо, использовался прут, утолщенный с одной стороны. В этой части заготовка была раскована и свернута в раструб. Второй конец приострен и согнут до образования кольцевой формы. В дальнейшем приостренный конец соединили с раструбом, который плотно сжали. Серьга имеет округлую в плане форму диаметром 23 мм, высота раструба 7 мм (рис. 8, 4).

Погребение 2 расположено в 1,5 м северо-западнее. Представляет собой каменный ящик размерами 2 x 0,9 м, глубиной 1 м, ориентированный по линии ЮЗ–СВ (рис. 8, 5). Сверху отмечена крупная плита перекрытия, проломленная с северо-западного угла. После выборки заполнения в центральной части погребения на глубине 75 см отмечена линза кальцинированных костей. По сохранившимся мелким пережжённым фрагментам черепа методами палеоантропологии установлено, что захоронение принадлежало взрослому человеку, вероятно, женщине. В северо-западном углу ящика выявлен керамический сосуд. Для устройства впускной погребальной камеры была специально разобрана часть внутренней конструкции.

Сосуд имеет горшечную форму, плавную профилировку и округлое плечо. Шейка хорошо выражена и слегка отогнута наружу. Венчик округлый. Диаметр по устью составляет 16,5 см, доньшка 8,5 см. Высота – 16 см. Толщина стенок – 7–8 мм.

Верхняя часть шейки украшена прямоугольными заштрихованными треугольниками. Нижняя часть шейки орнаментирована прямоугольным меандром, переходящим в «хоровод» равносторонних заштрихованных треугольников. На перегибе шейки и по плечу проходят желобки. Тулово орнаментировано пирамидками, составленными из равнобедренных наклонно заштрихованных треугольников вершинами вверх. На придонной части отмечаются прямоугольные заштрихованные треугольники вершинами вверх, под которыми проходят две каннелюры.

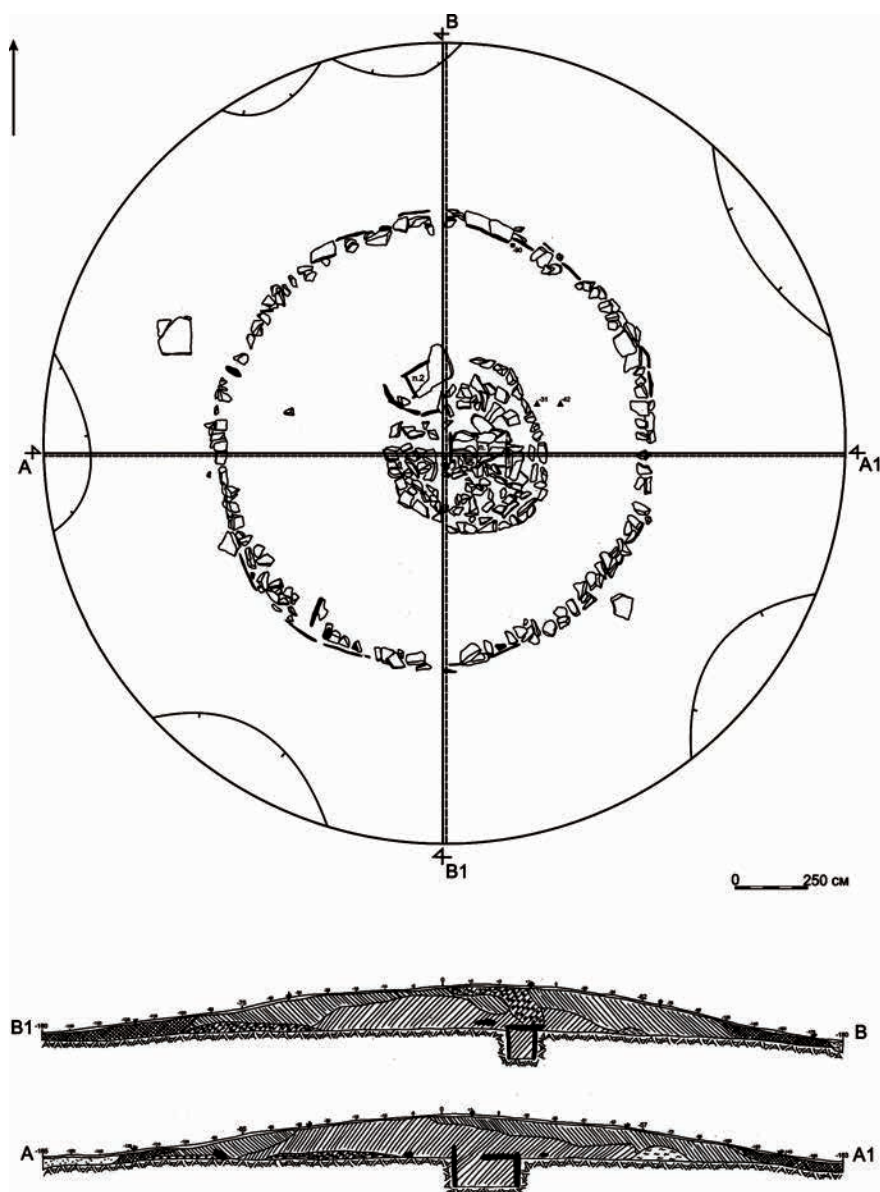

Рис. 7. Могильник Бесоба, курган 4. План и профили бровок

На доньшко помещена левосторонняя свастика. Рисунок нанесен техникой гребенчатого штампа (рис. 8, 6).

В 15 м западнее кургана 4 было исследовано рядовое погребальное сооружение, индексированное № 21.

Ограда 21 диаметром 5,5 м. На объекте был заложен раскоп общей площадью 24 м² с оставлением контрольной бровки по линии С–Ю. После удаления грунта в виде супеси коричневого цвета, на уровне материка проведена зачистка. Надмогильная конструкция состояла из двух концентрических оград, сооруженных из плашмя уложенного камня. Диаметр внешней ограды составлял 5,5 м, внутренней – 3,25 м (рис. 9, 1). В конструкции внутренней ограды местами прослеживается трёхслойная каменная кладка высотой до 0,3 м.

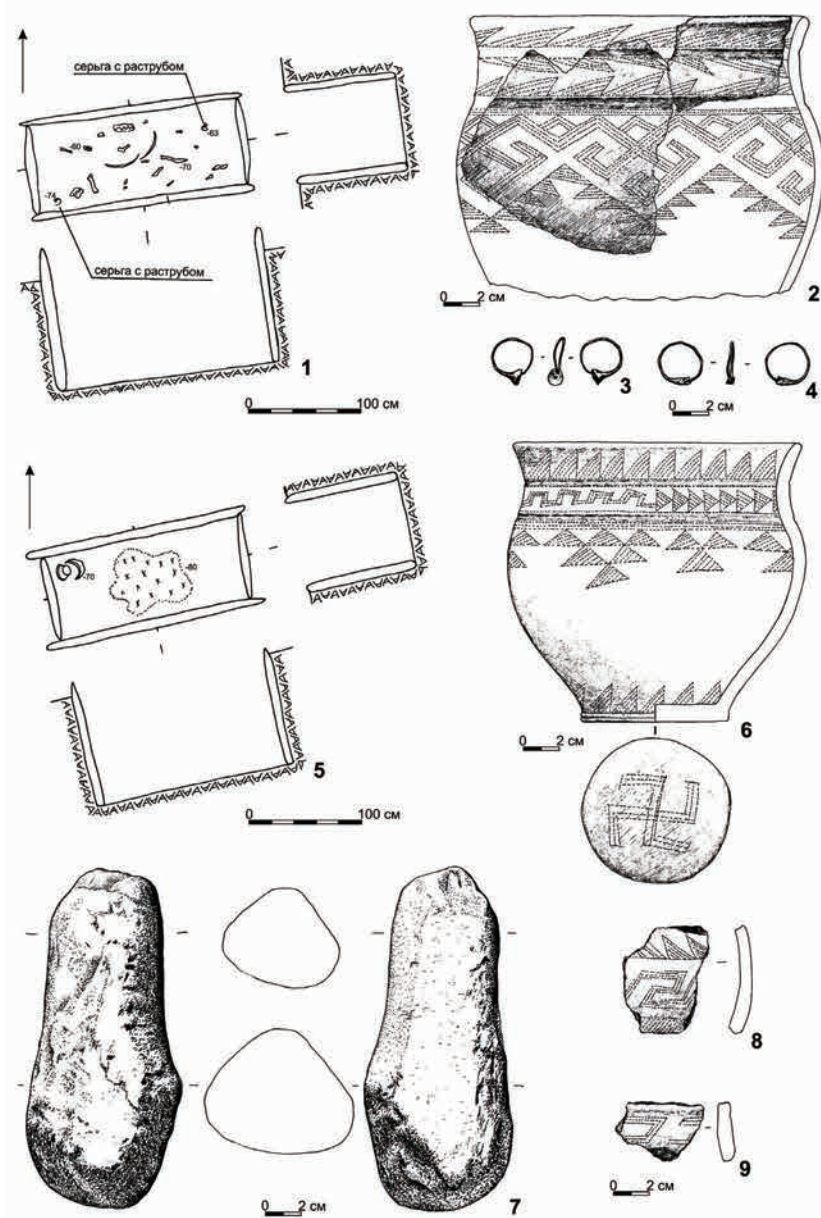

Рис. 8. Могильник Бесоба, курган 4. 1, 5 – планы и разрезы погребальных камер; 2, 6, 8, 9 – керамика; 3, 4 – украшения; 7 – каменный пест

В процессе выборки заполнения внутренней ограды, на глубине 10 см обнаружены фрагментированные кости животного.

В центральной части сооружения, которая была заглублена в материк на 20 см, выявлен каменный могильный ящик с перекрытием из двух гранитных плит, которые частично разрушены при проникновении в древности. Размеры ящика составляют 1,5 x 0,94 м, глубина 0,9 м, ориентирован по линии ЮЗ–СВ. После выборки заполнения в центральной части ящика на глубине – 80 см, выявлено скопление кальцинированных костей ребёнка от 3 лет (рис. 9, 2).

По просьбам местных жителей на территории поселка Бесоба дополнительно была ис-

следована отдельно стоящая ограда, находящаяся в аварийном состоянии. Значительная часть сооружения была разрушена траншеей при прокладке водопровода. Условно ограда обозначена № 24.

Ограда расположена в 1 км северо-восточнее могильника Бесоба и практически примыкает к дороге и жилому дому. По словам хозяйина, 50 лет назад при строительстве дома ограды не было видно и камни сооружения появились только в последнее время, что не исключает наличия на этом участке древнего погребального поля.

На объекте был заложен раскоп общей площадью 20 м² с оставлением контрольной бровки по линии С–Ю. После удаления грунта в виде супеси коричневого цвета, на уровне материка проведена зачистка. Надмогильная конструкция представлена фрагментарно сохранившейся западной частью ограды из плашмя уложенных камней. Восточная разрушена при строительстве дороги и водопровода (рис. 10, 1).

В центральной части выявлено два погребения с частично сохранившимся перекрытием в виде гранитных плит.

Каменный ящик 1, размерами 1,72 x 0,93 м, глубиной 1 м. Ориентирован по линии ЗЮЗ–ВСВ. При выборке заполнения на разных глубинах встречены кости посткраниального скелета мужчины возмужалого или зрелого возраста. В восточном углу на глубине 80 см расчищен череп лошади (рис. 10, 2).

Каменный ящик 2, размерами 1,9 x 0,9 м, глубиной 0,9 м. Ориентирован по линии ЗЮЗ–ВСВ. После выборки заполнения в центральной части ящика на глубине 80 см выявлено скопление кальцинированных костей, которые могли принадлежать субъекту юношеского возраста либо взрослой женщине. У западного угла ящика обнаружен керамический сосуд. Под сосудом и кремацией фиксировался тлен бурого цвета (рис. 10, 3).

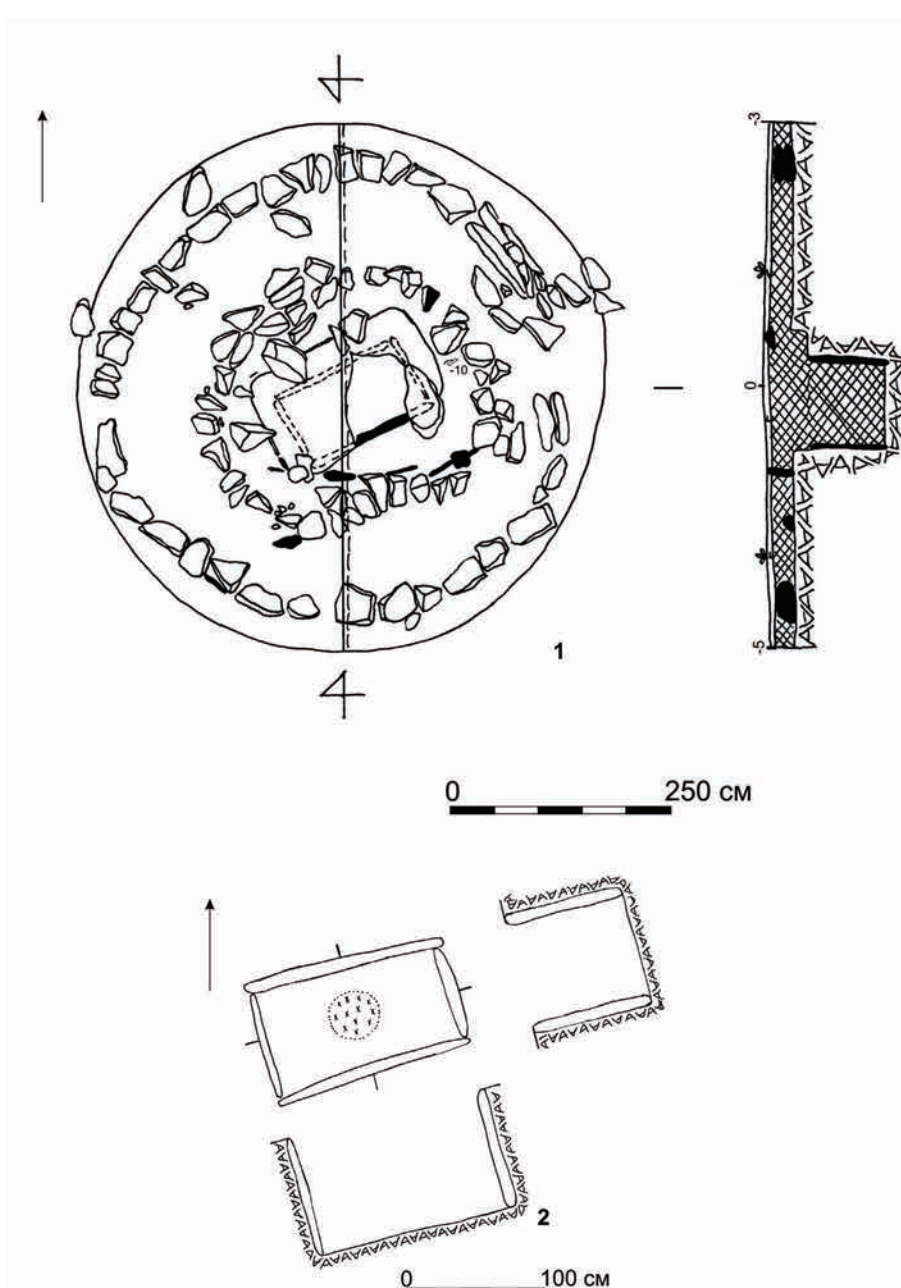

Рис. 9. Могильник Бесоба, ограда 21. 1 – план и профиль сооружения; 2 – план и разрезы погребальной камеры

Сосуд горшечно-баночной формы, слабо профилирован, с закраиной у доньшка. Срез венчика прямой, неровный. Орнамент отсутствует. Диаметр по устью 17 см, по доньшку – 10,5 см. Высота – 17 см. Толщина стенок – 7–8 мм. Поверхность неравномерно бугристая (рис. 10, 4).

Исследованные курганы №№ 3, 4 могильника Бесоба по своим параметрам, безусловно, принадлежат к захоронениям родоплеменной знати фёдоровского социума. Простой сравнительный анализ показывает, что трудозатраты на их возведение превышали рядовые в 650 раз. Только для устройства кургана № 3 было необходимо 1200 чел/дней.

Наблюдается любопытная закономерность, параметры каменных ящиков достаточно стандартны как для элиты, так и для рядовых членов общества. Разница, безусловно, огромная, состояла только в масштабности и сложности сооружения надгробных конструкций.

Думается, носители фёдоровской культуры представляли собой высокоцентрализованное и хорошо организованное родоплеменное общество, т. к. на исследованном могильнике при двух десятках рядовых погребений зафиксировано четыре социально-стратифицированных сооружения, строительство которых было явно не по силам для одной родовой общины.

Крупные захоронения родоплеменной знати, сопоставимые с бесобинскими курганами, известны на памятниках: Аксу-Аюлы-2, Ортау-2, Байбала-2 [Маргулан и др., 1966, с. 164–182], Бельсар [Маргулан, 1979, с. 46–50], Атасу-1, Мыржык-1 [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 105–108, 119–120], Аккойтас-5 [Байтанаев, Ахатов, Казизов, 2014, с. 663–665], Сухое Озеро-1 [Максименков, 1978, с. 17–19], Синеглазово, Сухомесово, Фёдорово, Нурбаково, Туктубаево [Сальников, 1967, с. 165; Дурылин, 1927, с. 56–71], Урефты-1 [Стефанов, Корочкова, 2006, с. 55].

На данном этапе исследований можно констатировать, что фёдоровские социально-стратифицированные памятники имеют несколько иное опредмеченное выражение в отличие от статусных захоронений синташтинской, петровской и алакульской родоплеменной знати. Ключевой маркер элитарности выражался не столько в наличии богатого сопроводительного инвентаря и крупных размерах погребальных

камер, а в масштабности и сложности надмогильного сооружения.

Выявленные в ходе исследования могильника Бесоба девять захоронений совершены в каменных ящиках из гранитных плит. Ориентировка погребальных камер распределилась следующим образом: ЗЮЗ–ВСВ – четыре случая, З–В – три, ЮЗ–СВ – два.

В качестве способа обращения с телом умершего использовали кремацию (4) и труположение (5). Сожжение осуществлялось на стороне, с последующим помещением кальцинированных костей в центральную часть могилы, которые фиксировались при расчистке в виде линз округлой в плане формы. Причём отмечен случай сожжения детских останков (п. 1, соор. 17), что само по себе довольно редкое явление, т. к. во всех ареалах фёдоровской культуры дети погребались по обряду труположения. Отдельные детские кремации известны на могильниках Сухое Озеро-1 [Максименков, 1978, с. 20], Чекановский Лог-10 [Ветров, 2006, с. 36], Уйтас-Айдос [Усманова, Варфоломеев, 1998, с. 57]. При ингумации умерший, очевидно, укладывался в скорченном положении на левый бок, головой в западный – юго-западный сектор, что отмечено и при расчистке погребения 2, ограда 17. На западное направление указывают также целые сосуды, найденные в этой части погребальных камер, которые обычно ставились в изголовье умершего.

Материалы могильника дают также некоторое представление о постпогребальных обрядах у фёдоровцев. Свидетельства ритуального «ограбления» чётко фиксируются по материалам погребения 2 кургана № 3 и погребений 1, 2 кургана № 4. Все перекрытия обозначенных могил имеют проломы в западной части. Причем, несмотря на сильную потревоженность погребенных, золотые украшения остались нетронутыми, хотя находились в свободной досягаемости для предполагаемых «грабителей». Принимая во внимание известную в широком смысле биритуальность в выборе способов обращения с телами умерших

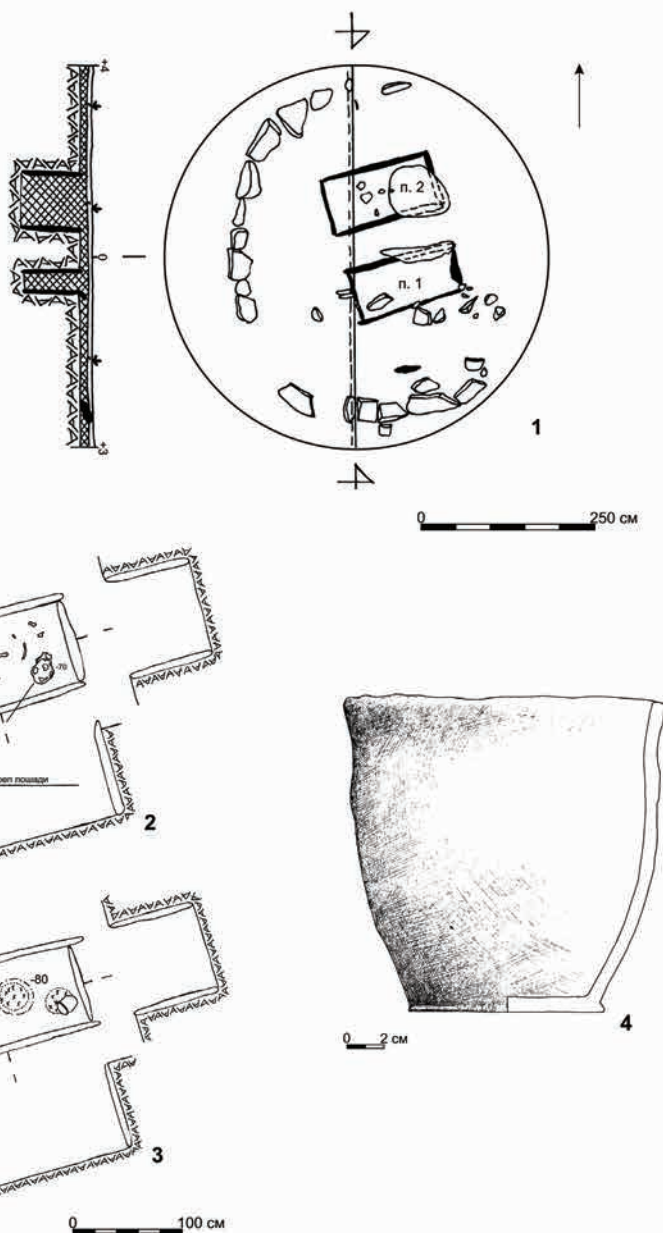

Рис. 10. Могильник Бесоба, ограда 24. 1 – план и профиль сооружения; 2, 3 – планы и разрезы погребальных камер; 4 – керамический сосуд

у носителей фёдоровской культуры, можно сделать следующее предположение. При кремации, которая приводила к уничтожению тела умершего, видимо, предполагалось быстрое освобождение души от телесных оков, однако при труположении оно было невозможно в короткие сроки. Думается сплошная «ограбленность» фёдоровских могил может также объясняться проведением постпогребального обряда, направленного на освобождение души умершего по завершении разложения останков.

В кургане № 3 в северо-восточной части внешней ограды на двух плитах выбиты знаки, предполагающие солярно-астральную символику: крест и восьмилучевая звезда [Бедельбаева, 2017].

Изображения многолучевой звезды и крестообразной фигуры встречены на плитах ограждения фёдоровской культуры впервые. Восьмилучевая звезда нанесена на плиту серого гранита способом глубокой выбивки и последующей внутренней шлифовки. Длина отрезков лучей составляют 6-7 см. Общие размеры условного диаметра составляют 12-14 см. Один из лучей приострен, остальные на концах имеют округлое завершение. Прямых совпадений в петроглифах не зафиксировано. Отдаленные аналогии отмечаются с изображением из Сулейман-Тоо в Киргизии [Tashbaeva, 2001, рис. 95], наскальными рисунками Тувы [Дэвлет, 1998, рис. 13], Северного Пакистана [Vemann, König, 1994, рис. 126, 2] и ряда других местонахождений [Shvets, 2012, рис. 84].

Прямой крест нанесен на плиту серого гранита аналогичным способом. Размеры составляют 9,5 x 10 см, ширина желобка до 1,5 см. Концы креста имеют округлое завершение. Ближайшие аналогии выбивки символа в виде креста отмечены на каменной плитке в материалах могильника Новоильиновский, который входит в систему андроновских памятников Лисаковской округи (Костанайская обл.) [Усманова, 2011]. Показательно, что предмет также не имеет утилитарного назначения. Плитка обнаружена в восточной половине рва кургана и была сопряжена с ритуальным комплексом, состоящим из костей животных и костяных орудий.

Определенные аналогии крестовидной фигуры сопоставимы с наскальными изображениями из Акбаура, Восточный Казахстан [Марсадоллов, Самашев, 2000, рис. 7], Хобд-Сомона, Северо-Западная Монголия [Окладников, 1980, рис. 155], Шатиала, Северный Пакистан [Vemann, König, 1994, рис. 141, 7].

На наличие у фёдоровского населения скотоводческого направления хозяйственной деятельности указывают череп лошади, найденный в ограде 24, а также единичные кости КРС и МРС, отмеченные в насыпи и заполнении могильных камер. В Центральном Казахстане изредка отмечаются находки лошадиных черепов в фёдоровских захоронениях, что, видимо, связано с определенными традициями. Так, на могильнике Бугулы-1 в погребении ограды 10 обнаружен череп лошади, уложенный мордой на юго-восток, а лбом на запад [Маргулан и др., 1966, с. 76, 78]. Известно также изображение лошади, выбитое на плите ограждения в могильнике Самара [Ткачёв, 2002, с. 58].

Аналогичная бесобинской обрядность зафиксирована при раскопках могильника Еловка-2. В могиле 133а обнаружено захоронение черепа лошади, без каких-либо иных материальных остатков [Матющенко, 2004, с. 100].

Иную семантическую нагрузку имел ритуальный комплекс могильника Лебяжье-1 на Енисее, где три кучки из черепов и нижних челюстей лошадей находились около оград [Вадецкая, 1986, с. 44]. В Южном Зауралье в фёдоровские погребения с кремацией помещали исключительно ребра этого животного [Сальников, 1967, с. 267, 269].

Получен выразительный керамический комплекс, состоящий из девяти целых и фрагментированных сосудов, восемь из которых горшечной и один горшечно-баночной формы. Орнамент нанесен на посуду зубчатым штампом по обеим орнаментальным сеткам и представляет собой различные сочетания геометрических мотивов, составленных преимущественно из треугольников. На одном из сосудов на дне нанесена левосторонняя свастика.

Фрагмент сосуда из погребения 1 кургана № 4 по форме и орнаменту аналогичен обнаруженному на могильнике Алпымса [Ткачёв, 2002, рис. 152, 5], а присутствие фестонов из треугольников, которые обрамляли основную композицию, находит отклик в фёдоровских материалах могильников Сангуыр-2 [Кадырбаев, 1961, табл. III, 1], Котанэмель-1 [Кадырбаев, 1972, рис. 4, 3], Бегазы, Бугулы-1 [Маргулан и др., 1966, табл. V, LVIII, 2] и Аяпберген [Ткачёв, 2002, рис. 168, 5].

Мотив в виде «хоровода» треугольников, выполненный на сосуде из п. 2 к. № 4, известен в материалах Канаттаса [Оразбаев, 1959, рис. 17, 2]. На некоторые параллели с могильниками Дандыбай и Канаттас указывает орнаментальная композиция на сосуде из п. 1 ограды 17.

Несколько выбиваются из общей канвы материалы кургана № 3, например, флажки из треугольников по шейке известны в Центральном Казахстане по сосудам, происходящим из смешанных алакульско-фёдоровских захоронений в Сангуыр-2 [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 84, 2], Тасырбай-2 [Кукушкин, 1989, рис. 3, 8], Шапат [Ткачёв, 2002, рис. 182, 17; 185, 4], Тегисжол [Варфоломеев, 2007, рис. 13, 2] и чистых алакульских комплексов (Тасырбай-2) [Кукушкин, 1989, рис. 3, 1-2]. Однако в Южной Сибири они известны в материалах могильников Фирсово-14 [Кирюшин и др., 2015, рис. 14, 1; 98, 3] и Еловка-2 [Матющенко, 2004, рис. 29, 4; 35, 2; 183, 2; 207, 4; 222, 6].

В целом, форма и орнаментальные композиции керамических сосудов, а также отсутствие явных алакульских черт в гончарстве фёдоровцев Бесобы позволяет констатировать «чистый» характер исследованного комплекса.

Серьги с раструбом представлены тремя вариантами: 1 – с конусовидным раструбом (2 экз., к. № 3); 2 – с колоколовидным раструбом (1 экз., к. № 4); 3 – с раскованным и свёрнутым на конус раструбом (1 экз., к. № 4). На трёх серьгах

с монолитными раструбами отмечены отверстия, пробитые с внутренней стороны раструба, куда входил крючковидный заострённый конец серьги, что предполагает замковый способ крепления. Данная деталь характерна для всех среднеазиатских изделий [Аванесова, 1991, с. 51], хотя встречаются они и в материалах Южной Сибири [Кирюшин и др., 2006, с. 33–35; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 30].

Изделия с колоколовидным раструбом известны в материалах могильников Еловка-2 (Верхнее Приобье), Рублёво-8 (Кулундинская лесостепь), Меновое-9 и Березовский (Верхнее Прииртышье) [Кирюшин и др., 2006, с. 34], видимо, к ним следует отнести и экземпляр из южной группы могильника Бесоба.

Серьги с раструбом изготавливались двумя технологическими способами: цельным литьем (Зевакино, Предгорное, Черноозерье, Ордынское, Кытманово, Еловка-2) и ковкой (Боровое, Малый Койтас, Зевакино) [Аванесова, 1991, с. 51].

Технологией изготовления чистых золотых серег владели этнокультурные группы, оставившие могильники Кытманово [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, цв. вкл. II, 12, 13; Грушин, 2007], Предгорное, Муминабад [Аванесова, 1991, с. 51], Чекановский Лог-10, Рублёво-8 [Кирюшин, Папин, Федорук, 2015, с. 53], Волчиха, Пригородное хозяйство ЦРК и Кожзавод [Грушин, 2007]. В Центральном Казахстане золотые серьги с раструбом известны из могильников Бесоба-1 [Аванесова, 1991, рис. 44, 21–22, 25–26], Аккойтас-5 (на бронзовой основе, плакирована золотым листом) [Байтанаев, Ахатов, Казизов, 2014, фото 4] и Аксу-Аюлы-2* [*Золотая серьга с раструбом была найдена Ж. Е. Смаиловым при исследовании памятника в 2002 г.].

Заслуживают внимания обстоятельства находки золотых серег с раструбом на могильнике Бесоба. Согласно антропологическим определениям, оба комплекта серег были обнаружены в захоронениях взрослых мужчин, устроенных в социально-значимых курганах. Одна пара серег была зафиксирована в центральном погребении (к. 4, п. 1), другая – в дополнительном (к. 3, п. 2). Иными словами, золотые серьги маркировали собой не женские, как принято считать, а мужские захоронения, представлявших собой высокостатусную элиту фёдоровского общества.

На могильнике Кытманово (Южная Сибирь) было исследовано погребение 4, принадлежащее мужчине зрелого возраста, уложенного в скорченном положении на левом боку головой на ЮЗ. В изголовье были найдены две кованые золотые серьги с раструбом [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 9–10].

При исследовании могильника Устье-Бири-4 (Приенисейские котловины), в могиле 10, устроенной в цисте, принадлежащей мужчине 40–50 лет, найдена бронзовая серьга с раструбом, обнаруженная во фрагментированном состоянии [Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н., 2006, с. 68].

Видимо, некоторые типы фёдоровских украшений (серьги с раструбом, подвески в 1,5 оборота, трубчатые серьги) могли выступать в качестве этнокультурного и социального критерия, но не всегда служили индикатором половой принадлежности, о чём свидетельствуют, к примеру, материалы могильника Фирсово-14 [Кирюшин и др., 2015, с. 10–11, 13–14]. Интересна гендерная идентификация мальчиков, которая проявлялась в наличии собственно «мужских» украшений (кольцевидные трубчатые серьги), обнаруженных в погребениях младенцев [Фёдорук, 2013, с. 19].

Датировка фёдоровских комплексов могильника Бесоба определяется по таким показателям, как орнамент, аналогии металлическим изделиям и погребальному обряду. Близкий бесобинскому по орнаменту фрагмент сосуда обнаружен на могильнике Алпымса в едином погребальном комплексе с бронзовым наконечником стрелы [Ткачёв, 2002, с. 42, рис. 152, 1], который близок экземпляру из Меновое-9 [Ткачёва, Ткачёв, 2008, рис. 101, 10] по форме, но последний имеет несколько отличий – нервюру и орнамент по втулке. Памятник отнесён Н. А. Ткачёвой и А. А. Ткачёвым к кызылтаскому этапу, который является естественным продолжением марининского [Ткачёва, Ткачёв, 2008, с. 272–273].

Древности марининского типа Верхнего Прииртышья по наличию некоторой «петровской» вуали на керамических сосудах аналогичны балыктинскому типу [Ткачёв, 2002, с. 148; Ткачёва, Ткачёв, 2008, с. 262] в Центральном Казахстане, который формировался при взаимодействии пришедших петровских племён с автохтонными фёдоровскими этнокультурными группами, следовательно, материалы могильника Бесоба следует датировать постпетровским временем.

Таблица – AMS ^{14}C дата образца из к. 3, мог. Бакыбулак (Центральный Казахстан) [по: Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 169]

Лабораторный номер	Памятник	^{14}C ВР	Калиброванная дата (1 Сигма, 68.3)	Калиброванная дата (2 Сигма, 95.4)
UBA-28367	Курган 3, могильник Бакыбулак	3405±43	Cal BC 1747–1643(1.000)	CalBC 1877–1840 (0.064) 1825–1795 (0.035) 1783–1613 (0.901)

В настоящее время радиоуглеродные определения фёдоровской культуры Центрального Казахстана выполнены только для могильника Бақыбулак (табл.) [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 169]. Анализируемая дата вписывается в хронологию фёдоровских памятников Южного Зауралья и Сибири, возраст которых в целом определяется в рамках первой половины II тыс. до н. э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, рис. 2].

Таким образом, предварительный анализ полученных материалов позволяет датировать исследованные сооружения могильника Бесоба второй четвертью II тыс. до н. э., с возможным удревнением в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А.** Культура пастушеских племён азиатской части СССР (по материалам металлических изделий). – Ташкент: Изд-во «ФАН» УзССР, 1991. – 200 с.
- Байтанаев Б.А., Ахатов Г.А., Казизов Е.С.** Культурно-погребальный комплекс Каракойтас и Аккойтас «Долины батыров» // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К. А. Акишева. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. – С. 659–668.
- Бедельбаева М.В.** Знаки-символы на курганных плитах могильника Бесоба // Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран: матер. междунар. научн.-методич. конф. «Оразбаевские чтения–9». – Алматы: «Қазақ университеті», 2017. – Ч. 1. – С. 71–76.
- Бейсенов А.З, Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е.** Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. – 192 с.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986. – 177 с.
- Варфоломеев В.В.** Могильник Тегисжол по раскопкам 2005 г. // Историко-культурное наследие Сарыарки. – Караганда, 2007. – С. 65–84.
- Ветров А.А.** Обряд сожжения в фёдоровской погребальной традиции (по материалам могильника Чекановский Лог X) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: Археология, этнография, устная история. – Барнаул: БГПУ, 2006. – Вып. 2. – С. 34–37.
- Грушин С.П.** Андроновские золотые украшения из могильника Кытманово (Верхнее Приобье) // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии: чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1966). – Уфа, 2007. – С. 35–49.
- Дурылин С.Н.** Челябинские курганы // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. – Челябинск, 1927. – Кн. 1. – С. 56–71.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М., 1998. – 243 с.
- Кадырбаев М.К.** Археологические раскопки в Северном Прибалхашье // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 107–122.
- Кадырбаев М.К.** Могильник Сангуыр II // ТИИАЭ АН КазССР.– 1961.– Т. 12. – С. 48–54.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.** Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). – Алма-Аты: Гылым, 1992. – 247 с.
- Кирушин Ю.Ф., Папин Д.В., Тур С.С., Пилипенко А.С., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В.** Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – 208 с.
- Кирушин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А.** Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – 108 с.
- Кирушин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б.** Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублёво-VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. – С. 33–42.
- Киселёв С.В.** Предварительный отчёт о раскопках Карагандинского областного музея в местности Бесоба, Каркаралинского района, Карагандинской области в сентябре 1940 // Архив Карагандинского областного историко-краеведческого музея. 1940. Д.Ф. 1721.
- Кукушкин И.А.** Андроновские могильники Кзылкентского ущелья // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: КарГУ, 1989. – С. 67–75.

- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.** Полевые исследования на могильнике Бесоба (Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2016. – Вып. XXII. – С. 142–147.
- Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н.** Могильник андроновской культуры Устье Бири IV // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2006. – Вып. 3–4. – С. 66–78.
- Максименков Г.А.** Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 191 с.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.
- Марсадолов Л.С., Самашев З.** Изучение археологических памятников Западного Алтая. – СПб., 2000. – 76 с.
- Матющенко В.И.** Еловский археологический комплекс // Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – Ч. 2. – 468 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.** Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Т. 13: Археология и этнография. – 2014. – Вып. 3. – С. 136–167.
- Окладников А.П.** Петроглифы Центральной Азии: Хобд-сомон (гора Тэбш). – Л., 1980. – 228 с.
- Оразбаев А.М.** Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. – 1959. – Т. 7. – С. 59–74.
- Сальников К.В.** Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.** Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. – 160 с.
- Ткачёв А.А.** Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – Ч. 2. – 243 с.
- Ткачёва Н.А., Ткачёв А.А.** Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. – Новосибирск, 2008. – 304 с.
- Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П.** Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. – 132 с.
- Усманова Э.Р.** Каменная плитка с изображением креста // Шестые Берсовские чтения. – Екатеринбург, 2011. – С. 123–124.
- Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В.** Уйтас-Айдос – могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы–М., 1998. – Вып. 2. – С. 46–60.
- Федорук О.А.** Погребальный обряд и социальная структура андроновского населения степного и лесостепного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2013 – 24 с.
- Bemann M. König D.** Die Felsbildstation Oshibat // Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans 1. – Mainz. 1994. – P. 28–45.
- Shvets I.** Studien zur Felsbildkunst Kasachstans // Materialien zur Archäologie Kasachstans. Band 1. – Darmstadt/Mainz. 2012. – 266 с.
- Tashbaeva K.** Petroglyphs of Kyrgyzstan // Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek, 2001. – P. 9–79.

А. Е. Қасеналин

А. Е. Қасеналин

ҚР Ұлттық музейінің «Халық қазынасы» ғылыми-зерттеу институты, Астана

А. Е. Қасеналин

Национальный музей РК, НИИ «Халық қазынасы», г. Астана

e-mail: aibar.kassenalin@gmail.com

Сарыарқаның өтпелі кезең ескерткіштерінің кезеңделуі мен мерзімделуі

Аннотация. Мақалада Сарыарқаның қола мен ерте темір дәуірлері арасындағы өтпелі кезең ескерткіштерін мерзімдеу мен кезеңдеудің кейбір аспектілері қарастырылған. Автор өтпелі кезеңді кезеңдеу мен мерзімдеу мәселелері бойынша тарихнамалық талдау жасаған, далалық жұмыстардың қысқаша мәліметін берген. Қызыл қорымындағы жерлеу құрылыстары мен Тағыбайбұлақ қонысының көміртегілік мерзімдемесі келтірілген. Қазіргі таңда жинақталған деректер негізінде өтпелі кезең екі сатыға жіктеледі: бірінші, ерте саты – б. д. д. XI–X ғғ.; екінші, кейінгі саты – б. д. д. X–IX ғғ. Бірінші сатыға Донғал, Бұғылы-1, Қаратал-2, Суықбұлақ қоныстары, ал екінші сатыға Тағыбайбұлақ қонысының № 1 баспанасы, Едірей-2 қоныстары жатады. Зерттеу тақырыбы бойынша толыққанды деректік қор қалыптаспағаны айтылады. Көптеген мәселелердің шешімі қазба материалдарын қажет етеді.

Тірек сөздер: Орталық Қазақстан, қола дәуірі, ерте темір дәуірі, өтпелі кезең.

Хронология и периодизация памятников переходного периода Сарыарки

Аннотация. В публикации рассматриваются некоторые аспекты хронологии и периодизации памятников переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку Сарыарки. Автор делает историографический обзор по проблемам периодизации и хронологии переходного периода, дает краткое описание полевых работ. Приведены данные по радиоуглеродному анализу погребальных сооружений могильника Кызыл и поселения Тағыбайбулак. Анализ современных материалов по памятникам переходного периода позволяет разделить переходной период на два этапа: первый, ранний этап – XI–X вв. до н. э.; второй, поздний этап – X–IX вв. до н. э. На первом этапе существуют поселения Донгал, Бугылы-1, Каратал-2, Суықбулак; на втором этапе поселение Тағыбайбулак, жилище 1, Едирей-2. Отмечается, что полновесная источниковедческая база по теме исследования еще не создана. Многие вопросы требуют накопления раскопочных материалов.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, эпоха бронзы, ранний железный век, переходной период.

Сарыарқа археологиясында ғылыми тұрғыда әлсіз зерделенген уақыттардың бірі – қола мен ерте темір дәуірлері арасындағы өтпелі кезең. Аталмыш кезеңнің отандық археологиядағы толыққанды бейнесінің қалыптаспауына бір қатар себептері бар. Олардың ішінде негізгі орында бұл кезеңнің ескерткіштерінің далалық жағдайда анықтауының қиындығы, бұл бағыттағы жүйелі ізденістердің атқарылмауы және жалпы отандық археологияның даму деңгейімен байланыстыра аламыз.

XX ғ. 80 жж. Сарыарқаның қола дәуірі археологиясы тың мәліметтер берген жаңа ескерткіштердің зерттелуімен ерекшеленеді. Ескерткіштерді зерттеу ісінде ҚазССР ҒА Тарих,

археология және этнография институтымен бірге Қарағанды мемлекеттік университетінің ғалымдары қомақты үлес қосты. Алынған деректердің негізінде бірқатар қорытындылар жасалды. Солардың қатарында қола мен ерте темір дәуірлері арасындағы уақыттық межені қамтитын «өтпелі кезең» ұғымын кең ғылыми айналымға ұсынудың алғашқы қадамдары байқалады.

Бұл мақалада Сарыарқаның қола мен ерте темір дәуірлері арасындағы өтпелі кезеңнің кезеңдемесі мен мерзімдемесіне қатысты осы уақытқа дейін жасалған тұжырымдардың тарихнамалық сараптамасы және жаңадан жүргізілген далалық зерттеулер мен зертханалық сараптама нәтижелері ұсынылады.

Сарыарқаның қола мен ерте темір дәуірлері арасындағы өтпелі кезеңді кезеңдеу мен мерзімдеу мәселесіне тарихнамалық шолу. Сарыарқаның қола мен ерте темір дәуірлері арасындағы өтпелі кезең бойынша алғашқы мерзімдемені академик Ә. Х. Марғұлан ұсынды. Өтпелі кезеңнің мерзімдемелік шекарасын академик Ә. Х. Марғұлан б. д. д. VIII–VII ғғ. белгіледі. Өтпелі кезеңнің әрі қарай өзгерістерін ғалым Тасмола мәдениетінің классикалық нысандарымен, яғни: Жамбай-Қарасу (Толайғай), Тасмола (1, 5, 6), Қарамұрын (1), Нұрманбет (1, 2, 4) ескерткіштерімен байланыстырды [Марғұлан, 1979, с. 160].

Академик Ә. Х. Марғұланның ізденістерінен кейінгі жұмыстар тек XX ғ. 80–90 жж. өз жалғасын тапты. Оған себеп, өтпелі кезеңнің қыш ыдыстарын жеке қыш кешен ретінде бөліп шығарылуы болды.

Бұл кешенді бөліп шығарған В. Г. Ломан – доңғал типтес қыш кешенді б. д. д. VIII ғ. мерзімдеді. Оған екі негіз болды: біріншісі, сол кезде Қаратөзіз, Азов пен Еділ бойындағы ұқсас ескерткіштерден алынған қыштармен салыстыру болса, екіншісі, кейінгі қола дәуірінің Кент қонысындағы қазбаның стратиграфиясы, яғни сарғара-алексеев мәдениетінің тұрғынжайларының үстіне доңғалдықтардың баспана салуы [Ломан, 1987, с. 127].

Доңғал жәдігерлерін жеке мәдениет деңгейінде қарастырған В. В. Евдокимов та бұл кезеңді алғашқыда б. д. д. VIII–VII ғ. мерзімдеуді қолдады [Евдокимов, 1988, с. 102]. Дегенмен, 2000-жылдардың басында орындалған докторлық диссертациясында доңғал кезеңінің мерзімделу мәселесіне қатысты пікірін өзгертіп, б. д. д. IX ғ. ғана шектеді [Евдокимов, 2000, с. 44].

Доңғал көнелерін б. д. д. VIII–VII ғғ. мерзімдеуін бастапқыда Сарыарқаның кейінгі қола дәуірі бойынша маманы В. В. Варфоломеев те қабылдады. Алайда, кейіннен доңғалдық ескерткіштерді тек б. д. д. IX ғ. мерзімдеуді ұсынды [Варфоломеев, 1987, с. 66; 1991, с. 18].

Солтүстік Қазақстандағы сақ мәдениеті бойынша зерттеу жүргізген М. К. Хабдулинаның өтпелі кезең түсінігін талқылай келе, яғни, ескерткіштерді өтпелі кезеңмен мерзімдеудің алғышарты ретінде ескі мен жаңа сипаты бар жерлеу алға тарта отырып, аталмыш кезеңді б. д. д. IX–VIII ғғ. мерзімдеді [Хабдулина, 1994, с. 7].

Соңғы жылдары Солтүстік Қазақстан жерінде өтпелі кезеңнің жерлеу ескерткіштерінің уақытын қайта қарастыру керек екені айтылуда. Негізінен бұл тұжырымды А. Д. Таировтың еңбектерінен кездестіреміз. Оның пікірінше М. К. Хабдулинаның өтпелі кезеңге жерлеу ескерткіштерінің ішінде тек қана Бірлік қорымы № 5 оба мен Бүрлік қорымы № 13 обаны жатқызуға болады. Ал қалған ескерткіштер

ерте немесе кейінгі уақытпен мерзімделуі шарт [Таиров, 2007, с. 28].

Қола дәуірінің көнелері зерттеу бойынша білікті маман Е. Е. Кузьмина Доңғал, Тағыбайбұлақ, Кенттің жоғарғы қабаты, Жасыбай сынды ескерткіштерді доңғал типтес ескерткіштер түсінігі аясында қарастырады және олардың жақын ұқсастықтық ретінде Еділ өңіріндегі нұр типтес ескерткіштер мен Шығыс Қазақстанда С. С. Черников зерттеген Трушников ескерткішін айтады. Сонымен қатар, Каспий сырты мен Түркіменстан жеріндегі тұрақтармен салыстырылғанын ескертеді. Трушников пен Кент қонысының стратиграфиясын назарға ала отырып доңғал көнелерін б. д. д. IX ғасырмен мерзімдейді [Кузьмина, 1994, с. 125].

Сарыарқа жерінде ғұрыптық сипаттағы қоршаулар бар. Қазба жұмыстары барысында бұл құрылыстардан көбінесе ат-әбзелді құраушы бөлшектер табылады. Орталық Қазақстанда олардың қатарына Толағай, Ақмұстафа мен Талдысай қорымдарындағы қоршауларын атасақ болады. Соңғы жылы Бақыбұлақ қорымындағы қоршаулар да тың дерек берді [Бейсенов, 2015, с. 98]. А. А. Ткачевтың зерттеген Красные горы қорымындағы № 7 қоршау мен Меновное 8 қорымындағы 29 қоршауды жоғарыда көрсетілген тізімге кіргізсек болады. Бұл қоршаулардың көпшілігі табылған заттай деректер бойынша б. д. д. VIII ғ. екінші жартысы мен б. д. д. VII ғ. аралығымен мерзімделеді [Қадырбаев, 1958, с. 97; Хабдулина, 1994, с. 22; Бейсенов, Смаилов, 1998, с. 271; Ткачев, Ткачева, 1999, с. 141].

Жоғарыда аталған қоршаулардың бірі, яғни Талдысай кешенінде табылған жәдігерлерді сараптау барысында, А. З. Бейсенов Орталық Қазақстандағы ерте сақ уақыты мерзімделетін кешендерінің қалыптасуы жөнінде пікір білдірді. Бұл орайда ғалым ерте сақ көнелерінің генезисін мерзімдемелік кестеде оның алдында тұрған мәдениеттермен байланыстырады, сонымен бірге доңғалдық нысандардың мерзімін б. д. д. IX–VIII ғғ. аясымен белгілейді [Бейсенов, Смаилов, 1998, с. 271]. Бұл Орталық Қазақстан өлкесінен тың деректердің әлі алына қоймаған уақыты болатын. Уақыт өте келе А. З. Бейсеновтың доңғал мен ертесақ хронологиясы жайлы тұжырымдары өзгерді.

Өтпелі кезеңнің мерзімделуіне қатысты жаңа кезеңдемені Орталық Қазақстан жерінде қола дәуірінің нысандарын зерттеген А. А. Ткачев жасады [Ткачев, Ткачева, 1999, с. 220]. А. А. Ткачевтың ойынша қола дәуірінің соңында Орталық Қазақстан даласында доңғал мәдениеті өркендеп, ол б. д. д. X–VIII ғғ. аралығын қамтыды. Бұл мәдениет мерзімдемелік тұрғыда екі сатыдан тұрады: доңғал сатысы – б. д. д. X–IX ғғ. аралығы; красногор сатысы – б. д. д. IX ғ. аяғы – б. д. д. VIII ғ.

А. А. Ткачевтың жасаған кезеңдемесі қисынға келгенмен, бірқатар пікір білдіруіміз қажет. Біріншіден, бұл кезеңдеме де басқа ғалымдардың жасаған кезеңдемелік кестесі сынды салыстырмалы-типологиялық әдіске негізделген. Сонымен бірге, красногор сатысын бөліп шығаруға негіз болып отырған Красные горы кешенінде табылған деректері ерте сақтық сипатқа ие. Ғылыми әдебиет беттерінде Красные горы кешеніндегі № 7 қоршаудың қоныстық мәнге ие екендігі айтылуда [Беделбаева, Варфоломеев, 2008, с. 241]. Біздің пікірімізше де Красные горы кешеніндегі № 7 қоршау соңғы қола немесе доңғал емес, ерте сақ кезеңімен мерзімделуі шарт.

Доңғалдық қыш кешен тек қана Орталық Қазақстан жеріне тән құбылыс емес. Қазіргі таңда аталмыш қыш кешен Жетісу мен Оңтүстік Қазақстанда, Алтай жерлерінде табылып отыр. Сонымен қатар, ерте уақыттарда оның үлгілері Қырғызстан жерінде де кездескені айтылды [Бернштам, 1950, табл. XXX, 5].

Жетісу жеріндегі Түрген-2, Теренқара, Асы-1, Тасбас-1 және т. б. қоныстарында жүргізілген қазба жұмыстары барысында доңғалдық қышқа ұқсас ыдыстар табылған. Жетісу жеріндегі өтпелі кезеңі ескерткіштеріне қатысты мерзімдеме де толықтай бір қалыпқа түспеген. Зерттеушілердің пікірлері бойынша аталмыш кезең б. д. д. IX–VIII ғғ. аралығын қамтиды [Горячев, 2013, с. 367; Марьяшев, Гумирова, 2011, с. 277].

Б. Ә. Байтанаевтің Оңтүстік Қазақстандағы Бүркілік өңіріндегі зерттеу жұмыстары кезіндегі қазба деректерін сараптау, қазба авторына қыш кешенді жеке қаржантау типтес қыш ретінде ажыратуға мүмкіндік берді. Зерттеушінің пікірінше қаржантау қышы доңғалдық қышпен сыртқы сипаттары бойынша ұқсас және б. д. д. IX–VIII ғғ. мерзімдейді [Байтанаев, 2011].

Алтай жеріндегі қола дәуірі ескерткіштерін зерттеу ісінің белсенді түрде жүргізілуі аталмыш өлкеде бірқатар ескерткіштердің ашылуы мен зерттелуіне себеп болды. Бізді қызықтырып отырған тақырыпқа қатысты Советский Путь-1, Калиновка-2, Чекановский Лог-1, Рублево-6, Жарково-1, Курейка-3, Новоильинка қоныстарын айта аламыз. Аталмыш ескерткіштердегі қазба жұмыстары барысында көптеген заттық мәдениет үлгілері табылған. Соның ішінде қыш кешен толықтай зерделенген. Ғалымдардың пікірінше аталмыш ескерткіштер, жалпы өтпелі кезең, қазақстандық ғалымдарға сілтеме жасала отырып, б. д. д. IX–VIII ғғ. мерзімделеді [Ситников, 2015, с. 119].

Әрине, доңғалдық қыштың әуелгі мерзімдеу кезінде Еділ бойындағы нұр типтес қышқа баса назар аударылған болатын. Н. К. Качалованың пікірі бойынша нұр типтес қыштарға Еділден

батыс бағытта ұқсас кешен жоқ. Оның есесіне шығыс тарапындағы байланыс жақсырақ байқалады [Алексеев, Качалова, Тохтасев, 1993, с. 59]. Бастапқы уақытта нұр типтес қыш ыдыс кешені б. д. д. VIII ғ. мерзімделсе, қазіргі таңда кейбір ғалымдар бұл қыштарды б. д. д. X ғ. дейін апаруда [Потапов, 2003, с. 121]. Міне, бұл заманауи зерттеулер барысын көрсететін пікір.

Өтпелі кезең ескерткіштеріндегі далалық зерттеу жұмыстары. Сарыарқа жеріндегі өтпелі кезең ескерткіштерін зерттеу ісі 1990-ж. үзіліп қалғанмен, 2000-ж. басынан қайта қолға алына бастады. Бұл тенденцияның бастауында Сарыарқадағы ерте темір дәуірінің қоныстарының ашылуы мен зерттелуі үлкен себеп болды. Қазіргі таңда ерте темір дәуірі қоныстарының бірқатар аспектілері бойынша тың мағлұматтарға қол жеткізілді. Сақ мәдениетінің қоныстарының ашылуы олардың генезис мәселесіне назар аударуға итермеледі. Осы орайда ғалымдар тарапынан өтпелі кезең мәселесіне де көңіл бөліне бастады.

Айтып өткеніміздей, зерттеулер қоныстық ескерткіштерде атқарылды, оның негізгі бөлігі қола және ерте темір дәуірімен мерзімделетін қоныстардың зерттеу аясында жүргізілді. Нәтижесінде, қола дәуірінің әр кезеңіне жататын Қаратал-1-2, ерте темір дәуірінің Беғазы-1-2, Керегетас-2, Едірей-1, Едірей-3, Сарыбұйрат сынды қоныстары қазылды. Сонымен қатар, Доңғал мен Бұғылы қоныстарында жаңа қазба салынды [Бейсенов, Ломан, 2009].

Қоныстық ескерткіштер ішінде өтпелі кезең тақырыбы бойынша ерекше деректер берген Едірей-2 қонысын атап өте аламыз. Едірей-2 қонысында атқарылған қазба жұмыстарынан табылған қыш ыдыс сынықтары күн тәртібі жаңа мәселе қойды. Ол – доңғалдық-ертесактық сипаттағы ескерткіштер. Яғни, басты ерекшелік қыштардың бір жағынан доңғал типтес қыш ыдысқа жақындығы анық байқалса, екінші қырынан ерте сақ қоныстарынан табылатын қыштарға ұқсастығы жатады. Бұл орайда Едірей-2 қонысындағы қазба жұмыстарының нәтижесі 1974 жылы қазылған Тағыбайбұлақ қонысының деректерін қайта саралауға түрткі болды. Жалпы, Тағыбайбұлақ қонысының қыштарының доңғалдық сипаттары жөнінде алғашқы болып В. Г. Ломан жазып кеткен болатын.

Осы мәселені ескере отырып, 2013 жылы Тағыбайбұлақ қонысының № 2 құрылысы зерттелді. Жалпы аумағы 374 ш. м. қазба салынды. Ашылған қазба ауданынан негізгі құрылыс пен оған солтүстік-шығысынан жалғастырылып салынған қосымша құрылыс орындары анықталды. Негізгі құрылыстың ауданы 16 x 13 м болса, қосымша құрылыстың аумағы 9 x 7 м. Қазба барысында қыштан, тастан, сүйектен

жасалған заттық мәдениет бұйымдары, сонымен қатар, үй және дала жануарларының сүйектері табылды.

Ескі қазбамен арасындағы ара-қашықтық 10 м шамасында болғанына қарамастан, Тағыбайбұлақ қонысындағы № 2 қазбадан доңғалдық қыш үлгілері табылмады. Қазба алаңынан ерте темір дәуірінің қыш үлгілерінің мол данасы жиналды. Сараптау барысында бұл қоныстағы бірі ертеректе, екіншісі жаңадан зерттелген екі тұрғын-үй екі сатыға жататыны анықталды, доңғал және ертесак [Бейсенов, 2014, с. 35].

Өтпелі кезең мәселелерін зерделеуде жерлеу ескерткіштерінің алар орны ерекше. Бұл орайда Сарыарқа археологиясындағы жаңалықтардың бірі ретінде Беғазы тауының етегінен аталмыш кезеңнің жерлеу орындарының анықталуы жатады. Қызыл қорымы деп шартты атау берілген қорымның жерлеу деректері өтпелі кезең мәселесінде алғашқы рет жерлеу мәселесі бойынша сөз қозғауға мүмкіндік берді. Екі далалық маусымда өтпелі кезеңмен мерзімделетін 8 жерлеу құрылысы зерттелді. Оның екі құрылысы өлшемдері бойынша ірі, әрі қорымдағы орталық

бойынша мерзімдеулер мен кезеңдеулер соңғы уақытқа дейін тек қана салыстырмалы-типологиялық әдістер бойынша жүргізілді. Жалпы мұндай мерзімдеулер археологиялық мәдениеттердің арақатынастарын белгілеу үшін қажет-ақ. Дегенмен, қазіргі таңда отандық мен шетелдік зерттеулердің басым бөлігі жаратылыстану ғылымдарының әдістерімен алынған мерзімдеулерге баса назар аударуда. Осы тенденция Сарыарқаның көне жәдігерлерін мерзімдеуде соңғы уақыттарда жиі қолданысқа түсе бастады. Соның нәтижесінде қола мен ерте темір дәуірлеріне тиесілі көптеген ескерткіштердің нақты жасы анықталуда [Beisenov et al., 2016].

Жаратылыстану ғылымдарының әдістер бойынша өтпелі кезеңге қатысты ескерткіштерден де сараптамалар жасалды. Сараптамалар Ұлыбританияның Белфаст қаласындағы «The 14CHRONO Centre for Climate, the Environment, and Chronology» зертханасында жасалды (жоба кураторы – С. Святко). Төмендегі кестеде беғазы-дәндібай мәдениетінің Саңғыру қорымы, өтпелі кезеңнің Қызыл қорымы, ерте темір дәуірінің Тағыбайбұлақ қонысының сараптамалары ұсынылып отыр [Кесте-1].

Кесте-1. Сарыарқаның көне дәуір ескерткіштернен алынған үлгілер бойынша жасалған AMS ¹⁴C мерзімдемелер [Beisenov et al., 2016]

№	Зерт. ном	Ескерткіш	¹⁴ C BP	Калибрленген жасы (2 σ)
1	UBA-28364	Саңғыру-1 қорымы, кесене №7	3179±30	б. д. д. 1505–1408 жж.
2	UBA-28368	Саңғыру-3 қорымы, қоршау №2	3158±32	б. д. д. 1502–1387 жж.
3	UBA-25478	Қызыл қор., №6 жерлеу	3148±46	б. д. д. 1506–1292 жж.
4	UBA-25477	Қызыл қор., №8 жерлеу	3079±37	б. д. д. 1427–1258 жж.
5	UBA-28365	Саңғыру-1 қорымы, қоршау №13	3055±29	б. д. д. 1406–1256 жж.
6	UBA-23670	Ақбейіт қорымы, оба 1	2583±44	б. д. д. 829–735
7	UBA-24075	Тағыбайбұлақ кон., №2 баспана	2461±30	б. д. д. 769–678 жж.

бөлікті алып жатыр. Қалғаны шағын құрылыстар қатарына жатады. Қазба жұмыстары кезінде жерлеу құрылыстарынан адам қаңқасы мен қыш және сүйектен жасалған ғұрыптық заттар табылды. Табылымдар бойынша жерлеулердің нақты жасын анықтау, қыш ыдыстардың техникотехнологиялық сараптамасы, антропологиялық сараптамалар жасалды. Зерттеу жұмыстарының кейбір нәтижелері мақала түрінде жарияланған [Бейсенов, Ломан, Касеналин, 2013, с. 59].

Әрине, ашылған 8 жерлеу өтпелі кезеңнің жерлеу ескерткіштеріне қатысты барлық мәселені түбегейлі шешіп тастайды дегеннен аулақпыз. Дегенмен, бұл бағыттағы талдаулар әлі де ізденістерді қажет етеді.

Ескерткіштердің нақты мерзімдемесін анықтау бойынша зертханалық сараптамалар. Сарыарқаның қола мен ерте темір дәуірі

Қорытынды. Өтпелі кезеңді мерзімдеуді тиянақтау қола мен ерте темір дәуірлері арасындағы бірқатар күрделі мәселелердің шешімін табуға септігін тигізетіні анық. Алайда, қазіргі таңда өтпелі кезең ескерткіштері бойынша мерзімдеуде ғылымда қалыптасқан нақты пікір әлі де болса жоқ.

Сарыарқа үшін қазіргі уақытта жаратылыстану ғылымдарының әдістері бойынша алынған мерзімдемелік даталар бар. Осыған байланысты Сарыарқа көнелерінің уақыттары едәуір өзгеруде. Соның ішінде, әсіресе, біз қарастырып отырған беғазы-дәндібай мен тасмола мәдениеттерінің уақыттары жылжуда. Мәселен, беғазы-дәндібай мәдениетінің Саңғыру-1 қорымыныңдағы № 7 кесенеден табылған сүйек үлгісі бойынша датасы б. д. д. XV ғ. көрсетуде. Бұл ғылымда қалыптасқан кейінгі қола дәуірінің уақытын едәуір көнертуде.

Жаңадан жүргізілген далалық зерттеу жұмыстары өтпелі кезеңмен мерзімделетін кешендер бойынша кейбір қорытындылар жасауға мүмкіндік береді. Әсіресе, жерлеу ескерткіштеріне қатысты. Жерлеу ескерткіштері бойынша жүргізілген зерттеу жұмыстары негізінде өтпелі кезең тұрғындарының кейінгі қола дәуірінің жерлеу ғұрыпының сарқыншақтары байқалатындығы анықталды. Ұқсастықтар жерлеу ескерткіштерінің сыртқы рәсімделуі мен адамдардың қабір шұңқырында орыналастыруында жанасады.

Қоныстық ескерткіштер санатына жататын Тағыбайбұлақ қонысы бойынша ғылымда көп жылдар бойы мерзімдемесі мен мәдени қатыстылығы жөнінде өткір пікір талас болған еді. Аталмыш қонысқа салынған қазбаның жаңа деректері және жаратылыстану әдістері бойынша жасалған сараптама № 2 баспананы шартты түрде б. д. д. VIII–VII ғ. мерзімдеуге негіз бола алады. Сәйкесінше, оның алдында М. Қадырбаев зерттеген № 1 баспана деректерінде архаикалық сипат болғандықтан, оны б. д. д. IX ғ. мерзімдеуіміз қажет. Яғни, Тағыбайбұлақ қонысындағы құрылыстардың ішінде өтпелі кезең уақытына № 1 құрылыс қана жатады.

Жасалған радиокөміртегілік сараптамалар өтпелі кезеңге ескерткіштерін нақты мерзімдеудің алғашқы талпыныстар болғандықтан кейбір тұстары әлі де болса нақтылау қажет етеді. Мысалы, қазіргі кездің өзінде мәселелік тақырып ретінде Қызыл қорымы бойынша жасалған радиокөміртегілік сараптамалардың нәтижесін айтуға болады. Оған сәйкес Қызыл қорымындағы №№ 6, 8 құрылыстардан алынған сүйек қалдықтары бойынша жасалған сараптама нәтижесі б. д. д. XIV ғ. көрсетіп отыр. Бірақ бұл әзірге толықтай сенімділік туғызбайды. Өтпелі кезең бойынша жаратылыстану ғылымдарының әртүрлі әдістері бойынша мерзімдемелік *үлкен серия* жасалған уақытта ғана нақты қорытындылар жасауға болады.

Қазіргі таңда доңғал көнелерін б. д. д. VIII ғасырмен мерзімдеуге негіз азая түсуде.

Сарыарқа үшін бұл уақыт ерте темір дәуірінің бастапқы уақыт ретінде саналады. Оны

кестеде келтірілген радиокарбон сараптамалары да дәлелдеп отырғандай [Бейсенов, 2015, с. 24].

Қордалаған деректерді сараптай келе өтпелі кезеңді бірін-бірі алмастыратын екі сатыға бөлуге болады:

- бірінші, ерте саты – б. д. д. XI ғ. – X ғ. Бұл уақытта Доңғал, Бұғылы-1, Қаратал-2, Суықбұлақ сияқты қоныстары қызмет атқарады. Доңғал типтес қыш кешеннің қалыптасу үдерісі жүреді;

- екінші, кейінгі саты – б. д. д. X ғ. – б. д. д. IX ғ. Бұл саты кезінде Тағыбайбұлақ қонысы № 1 баспана, Едірей-2 қоныстары салынады. Бұл саты барысында жәдігерлер ерте темірлік сипатқа ие бола бастайды. Қыш кешен трансформацияға ұшырайды.

Б. д. д. IX ғ. аяғы мен VIII ғ. басынан бастап ертесак мәдениеттеріне тікелей қатысты жаңа кезең басталады деген пікірді қазір көптеген ғалымдар қолдап отыр. Тасмола зерттеушісі А. З. Бейсенов те осыны қолдауда.

Қазіргі таңда доңғалдық тақырып тек қана қыш төңірегінде қарастыру деңгейінен өтіп, бүтіндей өтпелі кезеңді сипаттайтын ұғым санатына дендеп енуде. Бұл түсінікті кейінгі қола дәуірінің жеке сатысы ретінде қарастырамыз ба, әлде өтпелі кезең ретінде жеке ұғым аясында қолданамыз ба – ол зерттеуші ғалымдардың еншісіндегі мәселе. Бір ескеретін жағдай, ол – доңғалдық қышқа ұқсас кешендер бүгінгі күні тек қана Сарыарқа жеріне тән ерекшелік емес, Алтай мен Жетісу, Оңтүстік Қазақстан мен Еділ бойын (нұр типтес қыш) байқап отырмыз. Алдағы уақытта Сыр өңірінен де доңғалдық қышқа ұқсас үлгілердің табылып қалуы бек мүмкін.

Бүгінгі таңдағы өтпелі кезеңге қатысты қордаланған түйткіл мәселелер кең көлемде деректік қордың қалыптасқан уақытында ғана өз шешімін табады.

Алғыс. Мақала авторы ғылыми жұмыстар барысында кеңес берген Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас ғылыми қызметкері, т. ғ. к. Арман Бейсеновке өз алғысын білдіреді.

ӘДЕБИЕТ

- Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. – СПб., 1993. – 122 с.
- Байтанаев Б.А. Древности Бургулюка. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Марғұлана, 2011. – 224 с.
- Бедельбаева М., Варфоломеев В.В. Кыштан – Центрально-Казахстанское поселение раннего железного века // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифосакской эпохи. – Астана, 2008. – С. 241–245.
- Бейсенов А.З. Околокурганские жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник ТомГУ. История. – 2015. – № 4(36). – С. 98–104.
- Бейсенов А.З. Поселение Тағыбайбулак в Центральном Казахстане // Изв. АлтГУ. – 2014. – № 4–1(84). – С. 35–41.
- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 11–38.

- Бейсенов А.З., Ломан В.Г.** Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы: «Инжу-маржан» полиграфия, 2009. – 264 с.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г., Касеналин А.Е.** Новое в археологии Сарыарки: донгальские погребения могильника Кызыл // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. – С. 59–73.
- Бейсенов А.З., Смаилов Ж.Е.** Талдысайские удила раннетасмолинского времени в Центральном Казахстане // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. – Алматы, 1998. – С. 271–275.
- Бернштам А.Н.** Чуйская долина // МИА. – 1950. – № 14. – 158 с.
- Варфоломеев В.В.** Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд. КарГУ 1987. – С. 56–68.
- Варфоломеев В.В.** Сарыарка в конце бронзовой эпохи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1991. – 21 с.
- Горячев А.А.** Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. – С. 348–370.
- Евдокимов В.В.** О выделении донгальской культуры переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Центральном Казахстане // Проблемы археологии Степной Евразии: матер. научн. конф. – Кемерово, 1988. – С. 101–103.
- Евдокимов В.В.** Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. – Алматы, 2000. – 140 с.
- Кадырбаев М.К.** О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. ист., археол. и этногр. – 1958. – Вып. 1 (6). – С. 95–104.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? – М., 1994. – 464 с.
- Ломан В.Г.** Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд. КарГУ 1987. – С. 115–129.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.
- Марьяшев А.Н., Гумирова О.Н.** Раскопки поселения Асы-1 в 2008–2009 гг. // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. – Вып. 3. – С. 265–278.
- Потапов В.В.** К вопросу об относительной хронологии нурских стоянок // РА. – 2003. – № 1. – С. 117–123.
- Ситников С.М.** Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. – Барнаул: АлтГПУ, 2015. – 254 с.
- Таиров А.Д.** Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VII вв. до н. э. – Челябинск: изд-во ЮУрГУ, 2007. – 274 с.
- Ткачев А.А., Ткачева Н.А.** Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994–1998 гг.) // ВААЭ. – 1999. – Вып. 2. – С. 136–145.
- Хабдулина М.К.** Степное Приишимье в эпоху раннего железного века. – Алматы: Гылым, Ракурс, 1994. – 170 с.
- Beisenov A.Z., Svyatko S.V., Kassenalin A.E., Zhambulatov K.A., Duisenbai D., Reimer P.J.** First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period) // Radiocarbon. – 2016. – Volume 58. – Issue 01. – P. 179–191.

**В. Г. Ломан,
Е. А. Дмитриев,
И. А. Кукушкин,
А. И. Кукушкин**

**В. Г. Ломан¹, Е. А. Дмитриев², И. А. Кукушкин³,
А. И. Кукушкин⁴**
САИ при КарГУ им. Е. А. Букетова, г. Караганды
**V. G. Loman¹, E. A. Dmitriev², I. A. Kukushkin³,
A. I. Kukushkin⁴**
SAI of the Buketov Karagandy State University
E-mail: lvg7@yandex.ru¹; yevgenii1992@mail.ru² ;
sai@ksu.kz³; tatarlandia@mail.ru⁴

Золотоордынские погребения могильника Нураталды-2

Аннотация. С XI в. территория Центрального Казахстана вошла в зону расселения кыпчакских племен, которые в качестве этнического субстрата сыграли ключевую роль в сложении казахского народа. Археологическими исследованиями на могильнике Нураталды-2 в 2011 и 2015 гг. были изучены кыпчакские захоронения золотоордынского времени: безынвентарное мусульманское и два языческих с богатым сопроводительным инвентарем, состоящим из украшений, предметов вооружения и конской упряжи. Внешняя и внутренняя погребальные структуры сооружений отражают влияние ислама и трансформацию традиционных языческих верований.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, средневековье, кипчаки, исламизация.

The Golden Horde burials of the burial ground Nurataldy-2

Abstract. Since the XI century, the territory of Central Kazakhstan entered the zone of settlement of the Kypchak tribes, which, as an ethnic substratum, played a key role in the formation of the Kazakh people. The article is devoted to archaeological research of the burial ground of Nurataldy-2 in 2011 and 2015, where the burial places of the Golden Horde kypchaks were studied: the non-inventory Moslem and two pagan with a rich accompanying inventory consisting of jewelry, weapons and horse harness. The outer and inner funerary structures reflect the influence of Islam and the transformation of traditional pagan beliefs.

Keywords: Central Kazakhstan, Middle Ages, Kipchaks, islamization.

Сведения о племенах, населявших Центральный Казахстан в эпоху развитого средневековья, основаны преимущественно на сохранившихся письменных свидетельствах. Археологическими исследованиями данный период истории региона слабо освещен. Несмотря на ежегодно проводимые раскопки памятников данной эпохи, лишь единичные материалы вводятся в научный оборот. Публикация результатов работ на могильнике Нураталды-2 призвана дополнить наши представления о погребальном обряде и материальной культуре населения золотоордынского времени, а также позволяет проследить некоторые аспекты процесса исламизации и его взаимодействия с языческими обрядами и верованиями степных племен.

Могильник Нураталды-2 находится в Шетском районе Карагандинской области, в 85 км к юго-востоку от г. Караганды и занимает относительно ровную площадку левого берега реки Талды. На поверхности памятника визуаль-

но фиксируются семь погребальных сооружений в виде двух земляных и пяти каменных курганов. Экспедицией Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. Е. А. Букетова в 2011 и 2015 гг. были раскопаны оба земляных сооружения (№№ 1, 2).

Сооружение № 1 до раскопок представляло собой оплывший курганообразный земляной холм, диаметром 12 м, высотой до 0,4 м. На вершине холма, на уровне современной дневной поверхности, располагалась аморфная выкладка из крупных камней, размерами 2,1 x 1,7 м, вытянутая в меридиональном направлении. Между камней были обнаружены отдельные кости барана — остатки поминального обряда/тризны (?).

После расчистки была выявлена квадратная в плане (5 x 5 м) ограда из сырцовых кирпичей, ориентированная углами по сторонам света с незначительным отклонением к востоку (рис. 1, 1). Кирпичи имели размеры 20–25 x 15–20 x 8–10 см и были уложены на грунтовый раствор до четырех рядов в высоту.

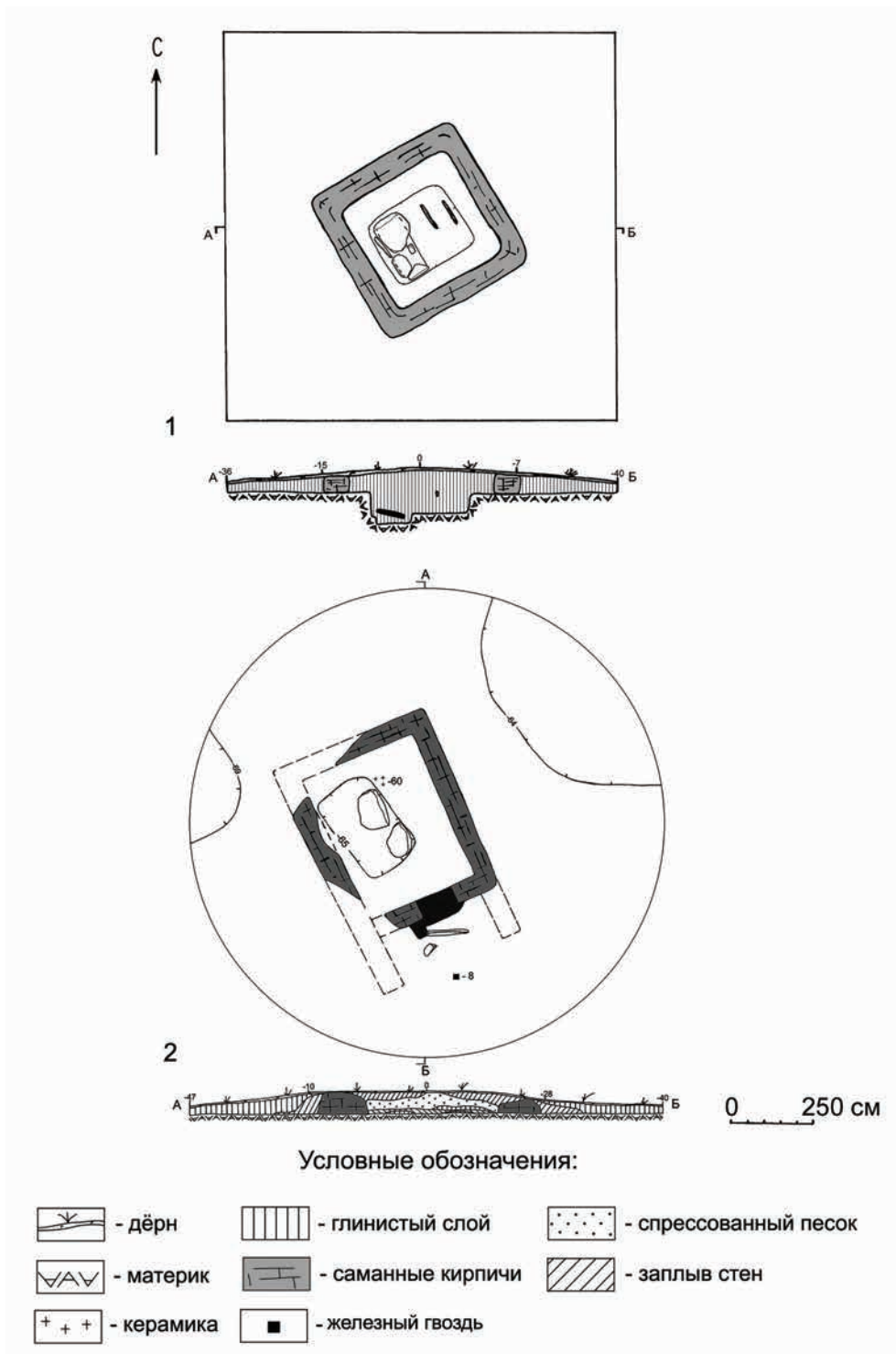

Рис. 1. Могильник Нураталды-2. Сооружения № 1 и № 2

В центре ограды, на глубине 0,5–0,6 м от центра холма были зафиксированы контуры грунтовой погребальной камеры прямоугольной в плане формы, размерами 2,7–2,1 x 2,38–2,3 м, ориентированной более длинной осью по линии «СВ–ЮЗ». При вскрытии камеры в северо-восточном секторе сверху были расчищены два бревна, лежавших параллельно друг другу и являвших собой, вероятно, остатки перекрытия. В камере обнаружено два погребения (рис. 2).

Погребение № 1 совершено в грунтовой могиле прямоугольной в плане формы со скругленными углами, размерами 2,25 x 0,7 x 0,4 м, вытянутой длинной осью по линии «СЗ–ЮВ» и перекрытой массивными гранитными плитами, завалившимися вовнутрь; глубина фиксации могилы от края погребальной камеры — 0,7 м. На дне расчищены останки мужчины 30–35 лет* [*Половозрастные определения выполнены к. и. н. К. Н. Солодовниковым]. Умерший был

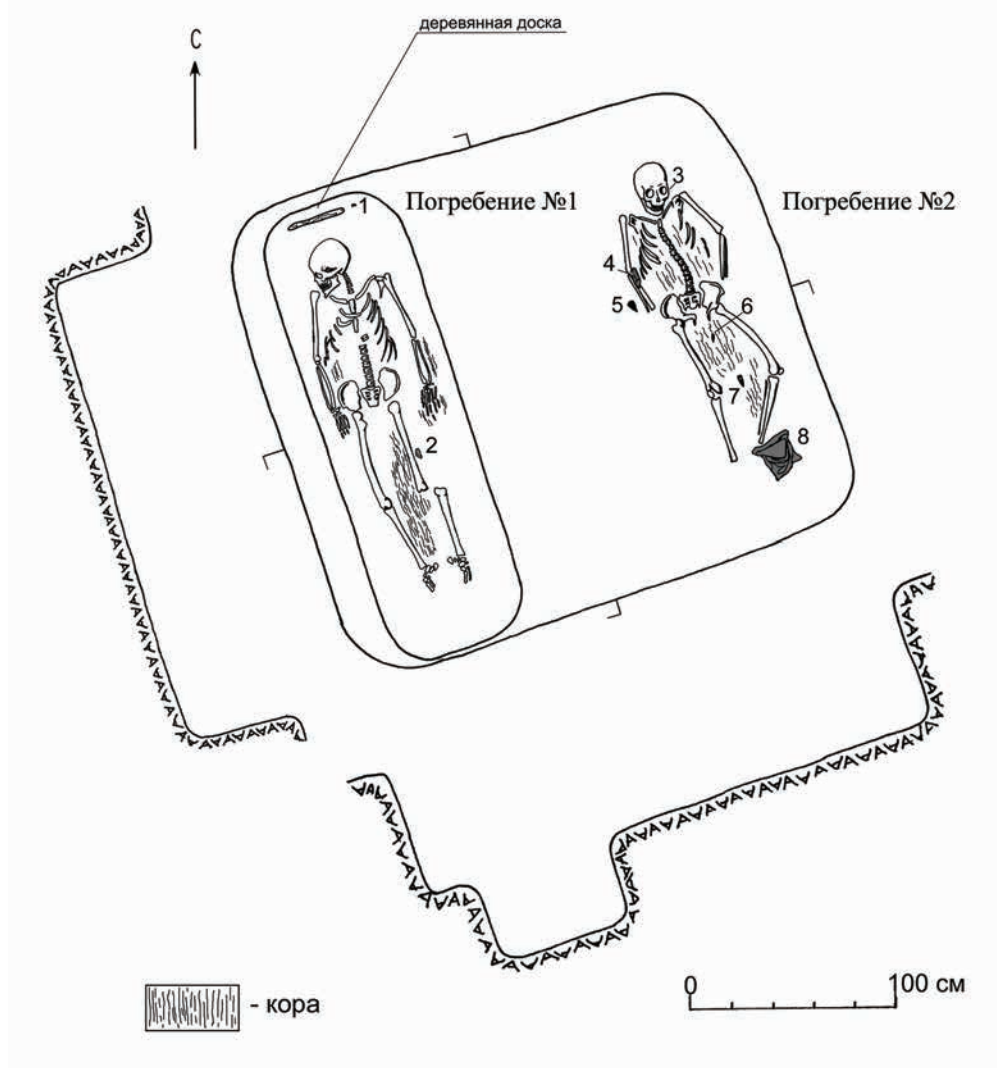

Рис. 2. Могильник Нураталды-2, сооружение № 1. Погребения. 1 – раковина; 2 – кожаное изделие; 3 – серьга; 4 – кожаный сверток с зеркалом и гребнем; 5 – железный наконечник стрелы; 6, 7 – костяные накладки; 8 – кожаное седло

уложен на спину в вытянутом положении, руки располагались вдоль тела. С внешней стороны левой берцовой кости расчищены плохо сохранившиеся остатки какого-то кожаного изделия, представлявшие собой фрагмент прямоугольной формы с одним закругленным торцом, размерами 4,5 x 7 см; с трех краев и по центру расположены отверстия для пришивания (рис. 4, 2). Череп, направленный лицевым отделом на ЮЗ, лежал на правом боку, нижняя челюсть касалась приподнятого правого плеча. Под костями скелета выявлены остатки древесной коры, в изголовье сохранилась доска от гробовища, стоявшая на ребре поперек могильной ямы. У северной стенки ямы найдена половина двустворчатой раковины (рис. 4, 1).

Погребение № 2. Непосредственно на дне погребальной камеры было расчищено захоронение женщины 20–25 лет, лежавшей на спине в вытянутом положении, на подстилке из коры. Череп был ориентирован на ССВ и слегка на-

клонен на левый бок. Слева от него обнаружена металлическая серьга с налипшими на нее остатками полотна. Руки согнуты в локтях и располагались вдоль тела, плечи приподняты. Левая нога была согнута в колене. Между грудной клеткой и локтевым сгибом правой руки размещался сверток из кожаного лоскута (рис. 5, 2; фото 1, 1), около которого фиксировались фрагменты бересты. В свертке находились бронзовое зеркало и деревянный гребень. Зеркало было помещено в отдельный кожаный чехол, повторявший контуры изделия (рис. 5, 1). С внешней стороны правого предплечья выявлены фрагменты железного наконечника стрелы с куском древка, окрашенного красной краской. Между ног, в районе коленных суставов, обнаружены две костяные накладки. У костей стоп расчищены остатки деревянного седла, обтянутого кожей.

Железный наконечник стрелы (рис. 4, 6) — плоский, черешковый, ромбовидной формы. Общая длина изделия — 8,5 см, максимальная

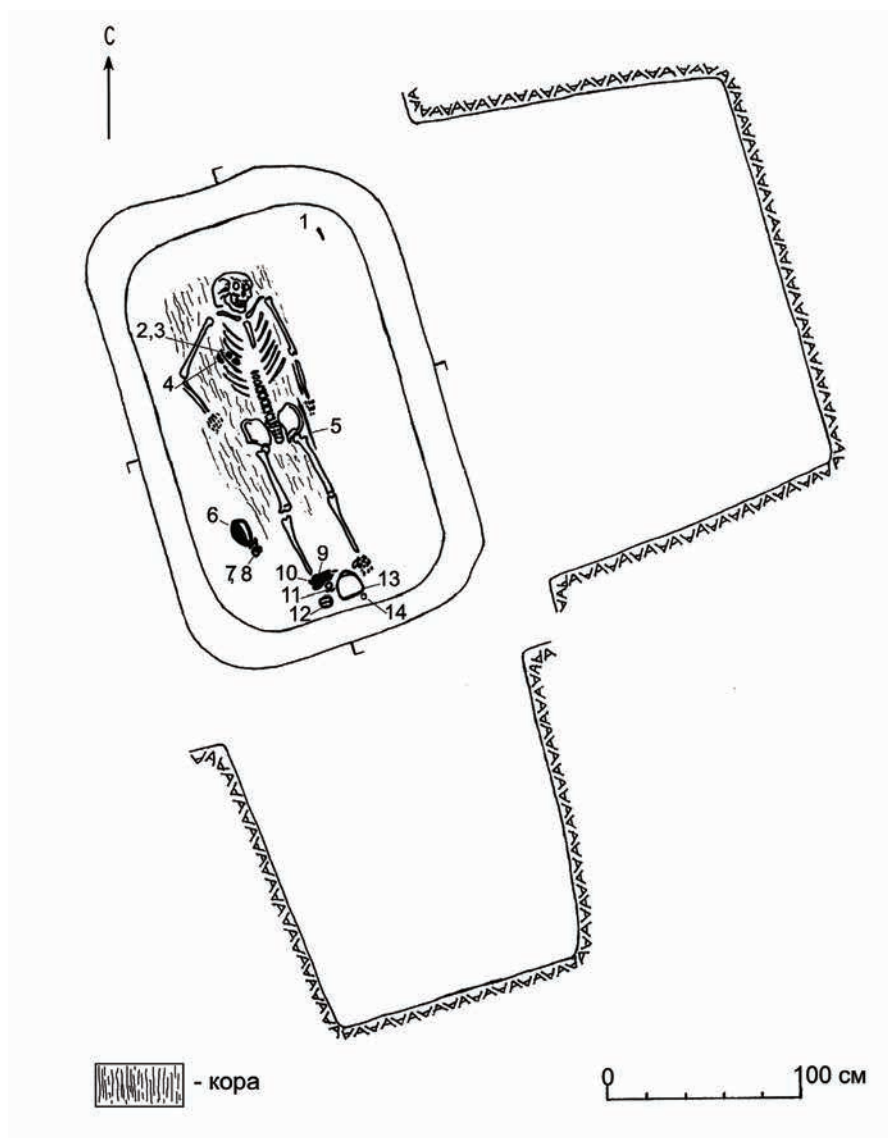

Рис. 3. Могильник Нураталды-2, сооружение № 2. Погребение. 1 – железный наконечник стрелы; 2, 3 – костяные колчаные накладки; 4 – берестяной колчан; 5 – железный нож; 6, 13 – железные стрелы; 7, 8 – железные удила; 9 – кожаное изделие; 10 – железная подвеска; 11, 12 – железные пряжки; 14 – железное кольцо

ширина в верхней части — 4,9 см. Округлый в сечении черешок имел диаметр около 1,2 см.

Серьга из белого металла (серебро?) — имеет форму вопросительного знака, длиной 4,6 см, изготовлена из проволоки толщиной 0,15–0,2 см, согнутой в овальное кольцо, размерами 2,4 x 2,2 см. На противоположном прямом конце прикреплен округлая с плоским основанием металлическая бусина золотистого цвета, диаметром 0,7 см (рис. 4, 3).

Кожаный футляр для зеркала (рис. 5, 1) имел диаметр 7,2 см и состоял из двух частей, сшитых по краю. Одна из частей имела «хвостик» длиной 4,5 см, к которому была пришита ленточка из золототканой парчи (фото 1, 4).

Кожаный лоскут (рис. 5, 2), в который были завернуты гребень и зеркало, имел размеры 12,5 x 28 см, состоял из двух одинаковых слоев, сшитых по краю двойной строчкой.

Деревянный гребень (рис. 4, 4; фото 1, 3) — двусторонний, цельный, прямоугольной формы, размерами 8 x 7 x 0,7 см. Верхний край гребня состоит из частых, тонких зубчиков, размерами 3,4 x 0,7 x 0,05 см. Нижний край имеет более редкие зубья, размерами 2,9 x 0,7 x 0,1 см. Основания зубьев с обеих сторон подчеркнуты двумя параллельными резными линиями.

Обломок костяной накладки (рис. 2, 6; 4, 7) — треугольной формы, длиной 6 см, шириной 1,7 см, толщиной 0,4 см. По краю основания прослеживается гравированная двойная пунктирная линия.

Костяная накладка (рис. 2, 7; 4, 8) — треугольной формы, длиной 7,7 см, с максимальной шириной у основания 2,3 см, толщиной 0,3 см. В верхней половине имеется сквозное отверстие округлой формы, диаметром 0,45 см.

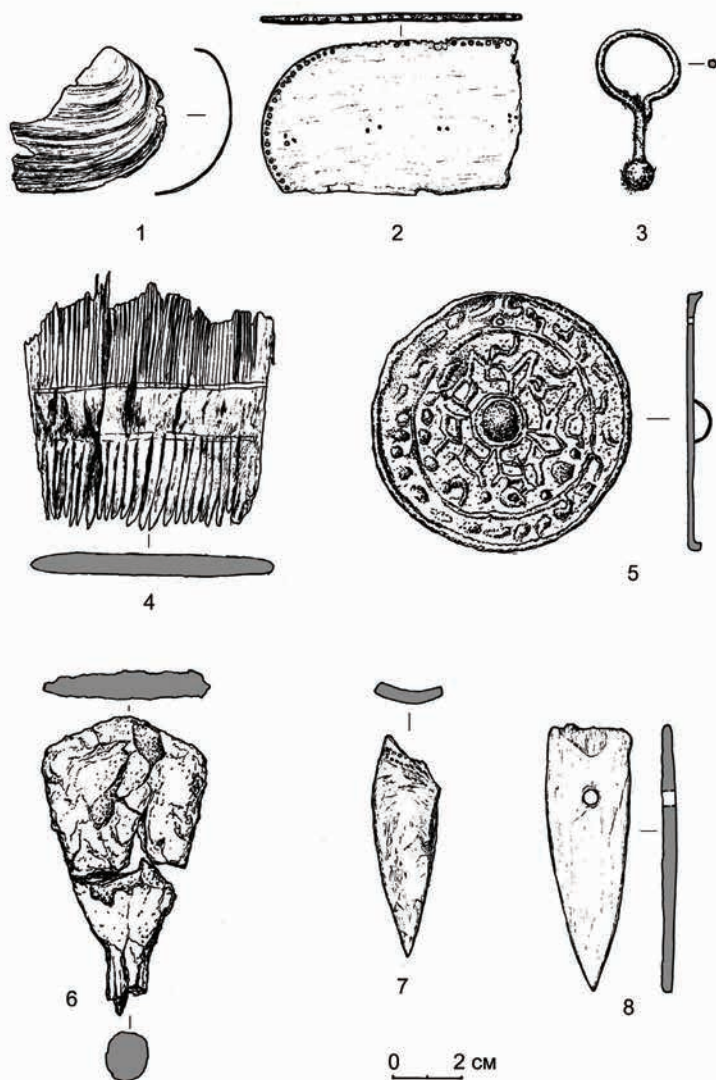

Рис. 4. Могильник Нураталды-2, сооружение № 1. Находки. 1 – раковина; 2 – кожа; 3 – серебро (?); 4 – дерево; 5 – бронза; 6 – железо; 7, 8 – кость

Бронзовое зеркало (рис. 4, 5; фото 1, 2) — круглой формы, диаметром 7,2 см, толщиной 0,2 см, с отверстием для подвешивания (диаметр 0,15 см). Лицевая сторона заполирована, со следами патины. Обратная сторона имеет бортик высотой 0,2 см и покрыта неясным орнаментом из выпуклостей и рельефных линий. В центральной части припаяна полая округлая шишка, диаметром 1,1 см, высотой 0,4 см, изготовленная из тонкого, толщиной до 0,1 см листа металла.

Сооружение № 2 представляло собой земляной курган с оплывшей насыпью, округлой в плане формы, диаметром 13 м, высотой 0,4 м. В процессе снятия насыпи, у южной стенки раскопа на глубине 8 см от современной поверхности обнаружен железный гвоздь (рис. 6, 2). На подкурганной площадке были выявлены остатки стен частично разрушившейся ограды из сырцовых кирпичей (рис. 1, 2). Она представляла собой постройку

прямоугольной формы, размерами 5,8 x 4,7 м, ориентированную по линии «ССЗ–ЮЮВ» и, видимо, имела пристроенный с южной стороны пештак, длиной 1,5 м, от которого осталось лишь основание. Пештак и основная ограда соединялись через завалившийся в южной стене проход. Снаружи ограды в этом месте лежала узкая каменная плита и несколько отдельных камней. Наблюдение за стратиграфией позволило установить, что надмогильная постройка возводилась на предварительно освобожденной от дерна площадке. После устройства могилы и совершения обряда захоронения пол внутреннего пространства ограды обмазывался слоем глины вперемежку с мелким камнем. С течением времени процессы эрозии способствовали накоплению песка внутри ограды, а также вызвали частичное разрушение ее стенок, что фиксировалось в виде запыльва глиняной массы, контрастной по цвету от остальных слоев.

С запада и северо-востока от сооружения обнаружены округлые в плане формы углубления в материковом грунте, которые, возможно, использовались для замеса сырца при возведении ограды.

Во внутреннем пространстве сооружения, с некоторым смещением к западной стенке,

на глубине 0,65 м от центра насыпи, выявлены контуры грунтовой могилы, размерами 2,5 x 1,6 м, глубиной 1,6 м, ориентированной длинной осью по линии «СЗ–ЮВ». Могила имела перекрытие из массивных каменных плит, которые с течением времени завалились внутрь. Возле северного угла могильного пятна, на глубине 0,6 м от центра насыпи найдено несколько орнаментированных фрагментов кругового керамического кувшина с горлышком, украшенным пальцевыми желобками (рис. 6, 1); толщина стенок сосуда 1,8 см.

На дне ямы расчищен скелет мужчины 25–35 лет (рис. 3). Он был уложен на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад. Череп был слегка наклонен к левому плечу. Левая рука располагалась вдоль тела и касалась железного ножа, который находился в районе тазовых костей. Правая рука была согнута в локте, ноги лежали на ширине плеч, причем правая голень рас-

полагалась выше остального костяка, так как стопа опиралась на какое-то кожаное изделие, плохо сохранившиеся остатки которого были расчищены в ногах погребенного. Под костями скелета и поверх них фиксировались остатки деревянной коры. На этом перекрытии, над грудной клеткой костяка, обнаружены фрагменты берестяного колчана и две костяные накладки на колчан. У ног расчищены остатки вышеупомянутого кожаного изделия с железной подвеской среди них и набор конской упряжи: два железных стремена, удила, подпружная пряжка, седельное кольцо, лировидная пряжка. В северном углу могилы обнаружен железный наконечник стрелы.

Фрагмент берестяного колчана (рис. 6, 3) — сохранившаяся часть имела длину 14 см. Реконструируемая ширина колчана достигала 9–10 см, толщина коробки составляла около 4–5 см. На сохранившейся боковой стороне изделия имеются пары отверстий на расстоянии 2,5 см друг от друга, оставшиеся от крепления накладки.

Костяная накладка на колчан № 1 (рис. 6, 4; фото 1, 5) — представляет собой фрагмент тонкой пластины с рваными краями, размерами 11 x 5,4 см. На внешней стороне выгравирован орнамент в виде двух полосок из тройного зигзага-

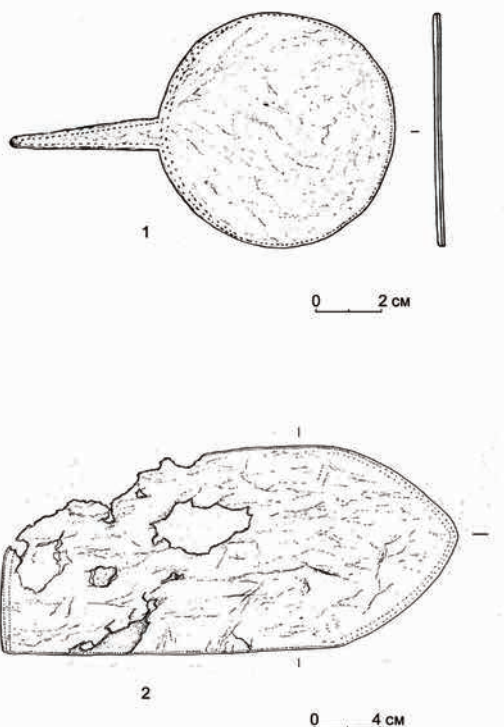

Рис. 5. Могильник Нураталды-2, сооружение № 1. Находки. 1, 2 — кожа

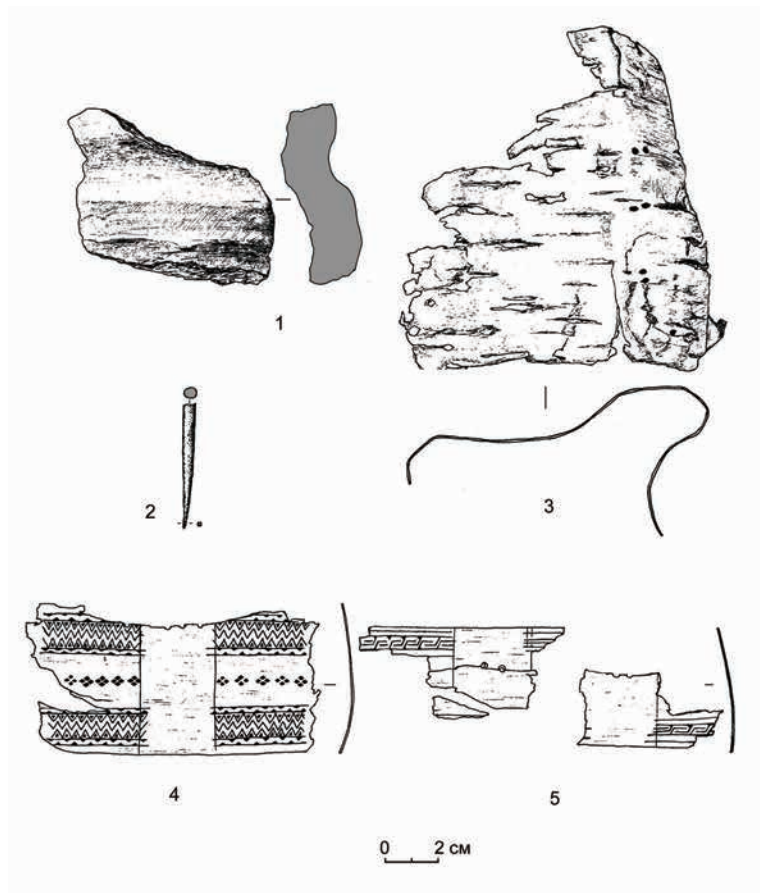

Рис. 6. Могильник Нураталды-2, сооружение № 2. Находки. 1 — керамика; 2 — железо; 3 — береста; 4, 5 — кость

га и обрамления в виде противоположающихся треугольников. Срединная часть пластинки покрыта рассеченными ромбами. Гравировка заполнена черной краской. По краю излома в центральной части прослеживаются отверстия для крепления.

Костяная накладка на колчан № 2 (рис. 6, 5; фото 1, 6) — фрагментирована, края пластины с обеих сторон обрамлены полоской из гравированного косога меандра. Линии гравировки заполнены черной краской. В центральной части имеются парные сквозные отверстия.

Железный гвоздь (рис. 6, 2) — представляет собой округлый в сечении стержень, диаметром 0,5 см, длиной 4,7 см. Острие четырехгранное, квадратное в сечении, со сторонами 0,1–0,15 см.

Железный черешковый наконечник стрелы (рис. 7, 1) — плоский, имеет короткие, сходящиеся под тупым углом, верхние ударные грани. Общая длина изделия — 6,5 см, максимальная ширина в верхней части — 2 см, диаметр округлого в сечении черешка — 0,7 см.

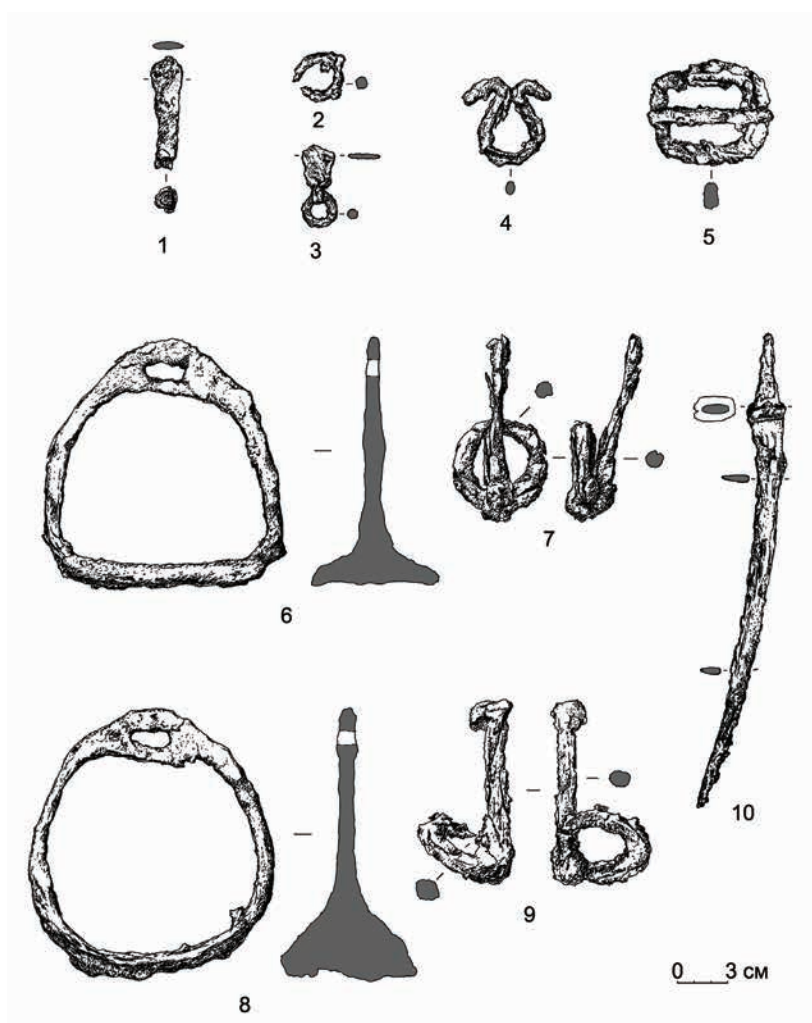

Рис. 7. Могильник Нураталды-2, сооружение № 2. Находки. 1–10 – железо

Железное кольцо (рис. 7, 2) — диаметром 3 см, изготовлено из железного прута с диаметром сечения 0,6 см.

Железный предмет (рис. 7, 3) — представляет собой подвеску в виде железной пятиугольной пластины, размерами 2,3 x 1,9 см, толщиной до 0,2 см, с припаянным к ней ушком, через которое пропущено кольцо, диаметром 2 см, толщиной до 0,4 см. Данный предмет был обнаружен в ногах погребенного среди остатков кожаного изделия.

Железная пряжка (рис. 7, 4) — лировидной формы, размерами 5 x 4,5 см, изготовлена из железного прута, овального в сечении, диаметром 1 см.

Железная подпружная пряжка (рис. 7, 5) — в виде прямоугольной со скругленными углами рамки, размерами 6,5 x 6,2 см. Стороны рамки имеют прямоугольное сечение, размерами 1,5 x 0,8 см. К короткой стороне прикреплен вращающийся по оси язычок, несколько уплощенный к дистальному концу, длиной 7,2 см, квадратный в сечении, со сторонами 0,9 см. Для конца язычка на противоположной стороне рамки устроен аналогичный по ширине паз.

Железные стремена имеют расплюснутую верхнюю часть дужки, в которой находится овальное ушко (размеры — 2,5 x 0,9/1 см) для крепления путлища. Широкие плоские подножки изготовлены путем расковки железного прута. Длина подножек 11–12 см, ширина — 7,5–8 см. Высота стремян 14,5–16 см, толщина дужек 1–1,3 см. Одно стремя — арочной формы (рис. 7, 6), другое имеет округлый контур (рис. 7, 8).

Железные удила (рис. 7, 7, 9) — двусоставные кольчатые, без псалиев. На концах по одному подвижному кольцу. Общая длина изделия — 23 см, диаметр кольца — 6 см. Изготовлены из железного прута, округлого в сечении, диаметром до 1,2 см.

Железный нож (рис. 7, 10). Узкий и длинный клинок изогнут по продольной оси, причем лезвие располагается с внутренней стороны дуги. Длина клинка 23,5 см, ширина у острия 0,4 см, ширина у основания 2,2 см, длина черенка 4,5 см. Между клинком и черенком расположена железная кольцевидная обойма размерами 2,5x1,5x0,5-0,6 см.

Общая длина изделия составляет 28,5 см. Полные аналогии ножу не найдены, так как все известные нам ножи имеют прямые клинки.

Обнаруженный на могильнике Нураталды-2 разнообразный погребальный инвентарь в территориальном плане распространен довольно широко и характерен для развитого средневековья. С целью установления конкретных временных рамок рассмотрим более детально вопросы хронологии отдельных изделий.

В настоящее время известно несколько работ, посвященных типологии и хронологии средневековых стремян [Федоров-Давыдов, 1966; Неверов, 1998]. Согласно типологии С. В. Неверова, беспластинчатые стремена из Нураталды-2 близки к типам 25 и 26, которые появляются в начале II тыс. н. э., становясь характерными для XIII–XIV вв. Предполагается, что на Алтае они следуют за стременами округлой и арочной форм с прямоугольным выступом в верхней части дужки [Неверов, 1998, с. 150], что, думается, справедливо также для Центрального Казахстана.

Широкое территориальное распространение обусловило формирование нескольких вариантов стремян данного типа [Археология..., 1981, рис. 72, 23, 43, 44, 64, 79, 91], которые встречаются вплоть до Хакассии [Археология..., 1981, рис. 74, 1 (XIII–XIV вв.), 4, 5 (кон. X–XII вв.), 58]. Показательно, что наибольшее сходство имеется с экземплярами XIII–XIV вв. На аналогичный хронологический интервал указывают находки из погребений могильника Кудыргэ [Неверов, 1998, с. 150].

В Европейской части России подобные стремяна обнаружены среди находок из южнорусских городищ домонгольского времени (XII – начало XIII вв.), соответствующих слоев Новгорода, городищ Княжая Гора, Райки [Федоров-Давыдов, 1966, с. 15] и ранее XII в. не встречаются [Федоров-Давыдов, 1966, с. 16].

На могильнике Нураталды-2 обнаружены два наконечника стрел с некоторыми формально-типологическими различиями, заключающимися в ширине верхних ударных граней. Экземпляр из погребения сооружения № 2 имеет более короткие грани и как тип, видимо, появляется в начале II тыс. н. э., что маркируется находками в Ждановском могильнике (материалы XI–XII вв.) [Археология..., 1981, рис. 72, 32] и кыпчакском памятнике XII в. [Археология..., 1981, рис. 83, 5]. Такие наконечники получают распространение в период монгольского завоевания и встречены в погребениях часовенного типа (XIII–XIV вв.) могильников Кудыргэ [Гаврилова, 1965, табл. XXV, 4], Яконур, а также в городищах XIII–XIV вв. — Хорхора, Дон-Терек [Федоров-Давыдов, 1966, с. 28, сноски 184], Старая Рязань [Медведев, 1966, табл. 24, 6], Тушков городок [Медведев, 1966, табл. 26, 30] и Каракоруме [Медведев, 1966, табл. 29, 2].

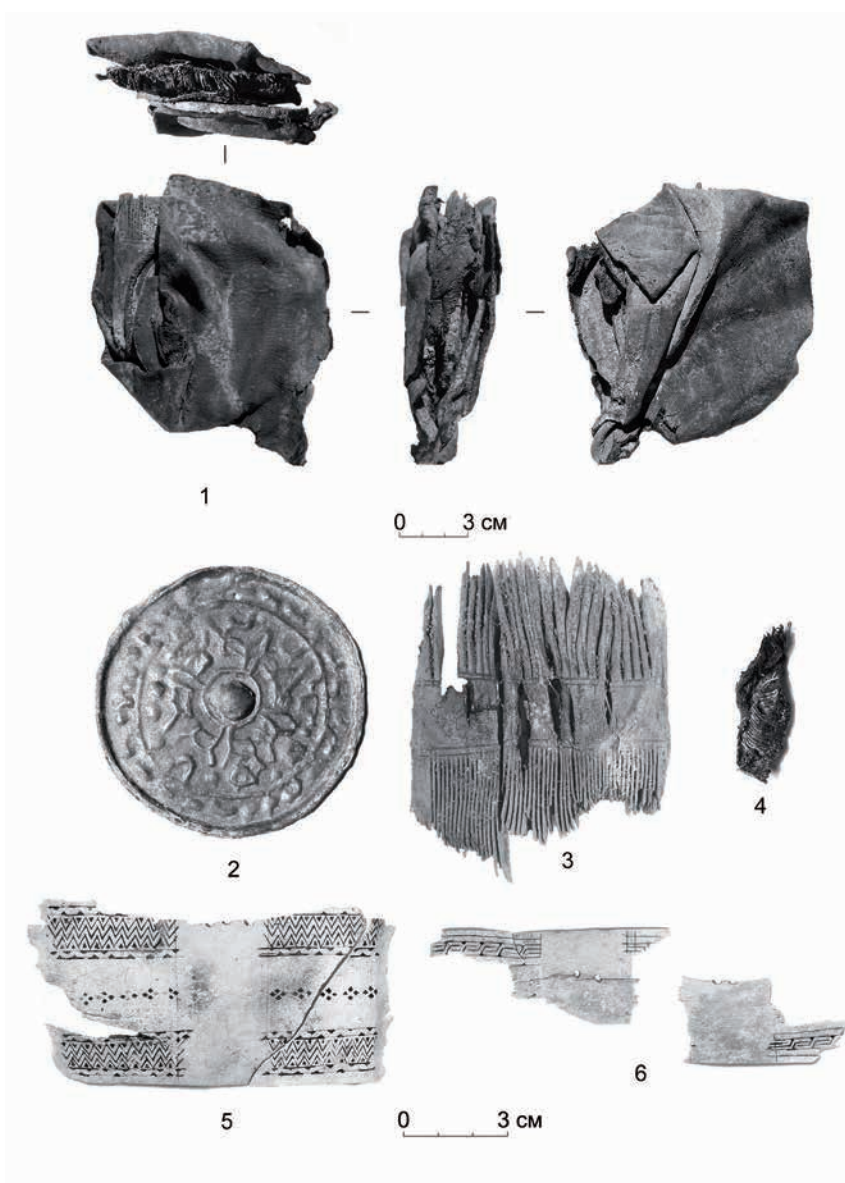

Фото 1. Могильник Нураталды-2. Находки. 1 – кожаный сверток с зеркалом и гребнем; 2 – бронзовое зеркало; 3 – деревянный гребень; 4 – фрагмент золототканой парчи; 5, 6 – костяные колчаные накладки (1–4 – сооружение № 1; 5, 6 – сооружение № 2)

Наконечник из погребения № 2 сооружения № 1 имеет более широкие ударные грани и близок изделиям XIII–XIV вв. лесостепного Алтая [Тишкин, 2009, рис. 4, 19; рис. 54, 1–3].

Некоторые исследователи используют плоские черешковые железные наконечники в качестве этнического маркера монголов. Однако, как справедливо отмечал И. Л. Кызласов [Кызласов, 1980], они не только распространены на огромной территории расселения кыпчаков, но и обнаружены в собственно кыпчакских погребениях более раннего времени, предшествующего монгольскому завоеванию, что документируется находками в Ждановском могильнике.

Подобные нураталдинским удила известны в материалах Горного Алтая [Тишкин, 2009,

рис. 134, 2; 134; 135, 16; 118, 7; 105, 7], Киевского некрополя, в памятниках Волжской Булгарии: Танеевском могильнике, Булгарах, Биляре, домонгольских слоях Изясавля, в Борисовском могильнике и памятниках сросткинской культуры (IX–X вв.), в Аткарском могильнике (XIV в.). С. В. Киселев предполагал, что они появились в Сибири в IX–X вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 20].

Лировидная пряжка обнаружена в погребении 8 могильника Ближние Елбаны-6 в Лесостепном Алтае [Тишкин, 2009, рис. 36, 8]. Комплекс находок из могилы датируется монгольским временем [Тишкин, 2009, с. 72].

Берестяные колчаны были в обиходе довольно длительное время и широко известны в тюркских, кыпчакских и монгольских памятниках. Зачастую их украшали костяные и роговые накладки с богатым, разнообразным орнаментом, порой образовывавшим причудливые композиции. Аналогии орнаменту на нураталдинских накладках известны на изделиях XIII–XIV вв. Как писал Г. А. Федоров-Давыдов, они стилистически очень близки друг другу и образуют один тип костяных накладок [Федоров-Давыдов, 1966, с. 31; рис. 4, 2]. Похожие орнаментальные композиции или отдельные элементы встречаются в Восточной Европе [Археология..., 1981, рис. 82, 72], Башкирии [Археология..., 1981, рис. 90, 28], Казахстане [Археология..., 1981, рис. 72, 61] и в целом характерны именно для золотоордынского времени [Археология..., 1981, рис. 99; Горелик, 2002, с. 59]. Причем стоит отметить, что полоски косоугольного меандра накладок № 2 больше характерны для монгольской орнаментальной традиции, что заметно на соответствующих экземплярах [Горелик, 2002, с. 59].

Подтверждает датировку комплекса серьга в виде знака вопроса, сопоставимая с находками близ аула Айдархан в Западном Казахстане [Марыксин, 2012, с. 112, рис. 4, 1, 3], Алтае [Тишкин, 2009, рис. 62, 4] и изделиями ювелиров Волжской Булгарии [Археология..., рис. 79, 4–6].

Деревянные двусторонние гребни были широко распространены в Восточной Европе в период развитого средневековья [Тишкин, 2009, с. 124–125, рис. 80, 2], а на Руси бытовали с конца X до середины XIV вв. [Иванов, Иванова, 2012, с. 128–129]. В захоронениях Казахстана, Алтая и Тянь-Шаня они немногочисленны, авторам известны три экземпляра, происходящие из могильников Телеутский Взвоз-1, Усть-Алейка-5 (Алтай) и Сутуу-Булак-1 (Тянь-Шань) [Тишкин, 2009, с. 125].

Показательна находка бронзового зеркала, орнамент которого не имеет аналогий среди известных экземпляров. Расположение его в районе груди указывает на возможную атрибуцию в качестве магического амулета [Тишкин, Серегин,

2011, с. 114], что может подкрепляться наличием отверстия для подвешивания. Бронзовые зеркала довольно часто встречаются в погребениях поздних кочевников [Федоров-Давыдов, 1966, с. 78], они известны во множестве в захоронениях монгольского и золотоордынского времени [Тишкин, 2009, с. 124] и являются иногда репликами китайских образцов [Тишкин, Серегин, 2011, с. 119].

Для установления хронологии исследованных комплексов важную роль имеют материалы кургана 2 могильника Тасмола-4 (Павлодарская область), где были найдены сопоставимые с нураталдинскими пара стремьян, наконечники стрел, нож, костяные накладки на колчан и удила. Дата захоронения надежно установлена по обнаруженным во рту погребенного серебряным монетам, которые чеканились при ханах Золотой Орды Токтогу (689–712 гг. х.) и Узбеке (712–741 гг. х.) [Кадырбаев, Бурнашева, 1970], то есть в первой половине XIV в.

Переходя к характеристике погребального обряда и его аналогий, обратим внимание на одну планиграфическую особенность сооружения № 2. Надмогильная ограда смещена относительно могилы, с которой имеет различную ориентировку. Западная стенка ограды располагается почти вплотную к погребению, касаясь его северо-западного угла. Таким образом, большая часть внутриоградного пространства остается почти полностью свободной. Возможно, свободное пространство было приготовлено для следующего погребения.

Сырцовые оградки этого времени известны на огромных пространствах от казахстанских степей до нижнего течения Дона. Возведенная в сооружении № 2 двухкамерная постройка из основной камеры и дополнительной пристройки с юго-юго-восточной стороны, напоминающей пещтак [Васильев, 2007, с. 38], является достоверным отражением влияния мусульманского зодчества на погребальную архитектуру XIV в. [Васильев, 2006, с. 210–211]. О связях сырцовых оградок с исламизацией писал А. И. Ракушин [Ракушин, 1993, с. 171–173], однако это положение остается дискуссионным [Васильев, 2006, с. 218]. Разработанная исследователем типология при этом признается, и наиболее поздними считаются сооружения, копирующие планиграфическое строение двухкамерного или портално-купольного мавзолея с пристройкой с юга в виде портала-пещтака [Ракушин, 1993, с. 171–173]. Наличие в сооружении № 2 заложенного или завалившегося «прохода» у юго-юго-восточной стороны, а также обнаруженные фрагменты керамики указывают на совершение поминальных обрядов и функционирование оградки до завершения курганоустроительных работ.

В результате исследований можно сказать, что захоронения совершены по мусульманским

и языческим канонам, сочетавшимся в пределах одного погребального комплекса (сооружение № 1). В погребении № 1 сооружения № 1 захоронение проведено в соответствии с киблой: лицевой отдел черепа направлен на юго-запад, т. е. в сторону Каабы, сопроводительный инвентарь отсутствует. Этому не противоречит устройство ямы без подбоя (ляхада), что подтверждается статистикой мусульманских могил золотоордынского времени, где простые ямы составляют 70,1% от общего числа погребений, причем в 11,9% зафиксированы остатки деревянных гробов [Васильев, 2006].

Сакральная сторона обряда захоронения в погребении № 2 сооружения № 1 и погребении сооружения № 2 не имеет ничего общего с киблой: разнообразный сопроводительный инвентарь, и ориентирование лицевого отдела черепа не в сторону Каабы. В данном случае опредмеченное выражение погребального обряда отражает практику кыпчакских племен [Федоров-Давыдов, 1966, с. 129–131] (в языческом аспекте).

Для погребального обряда кыпчаков была характерна северная и северо-западная ориентировка умерших [Археология..., 1981, с. 190], которых укладывали на спине в вытянутом положе-

нии в деревянные колоды, гробовища в виде рамы без дна, на подстилку или в гробы [Археология..., 1981, с. 190–193]. Одной из особенностей являлось помещение в могилу целых лошадей или их чучел [Археология..., 1981, с. 191, 192; Федоров-Давыдов, 1966, с. 134–147], исчезновение этого обычая фактически происходит к XIII–XIV вв. [Археология..., 1981, с. 194; Федоров-Давыдов, 1966, с. 160], т. е. в золотоордынское время.

По ряду таких признаков, как ориентировка умерших, состав и типы сопроводительного инвентаря, помещение тела в деревянное гробовище, нураталдинские языческие захоронения имеют полные аналогии с кыпчакским погребальным обрядом. Отсутствие захоронения туши коня позволяет сузить хронологические рамки.

Таким образом, исследованные сооружения могильника Нураталды-2 отражают процесс поступательной исламизации территории Казахстана, на что указывает возведение сырцовых оградок с пештаком и захоронение по мусульманскому обряду. Время совершения захоронений относится к XIII–XIV вв., т. е. к более узкому хронологическому интервалу, нежели это было установлено в предварительной публикации [Кукушкин и др., 2015, с. 137].

ЛИТЕРАТУРА

- Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
- Васильев Д.В.** Статистический анализ золотоордынских захоронений в подкурганых оградках // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2006. – № 1–2. – С. 208–220.
- Васильев Д.В.** Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. – Астрахань, 2007. – 201 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л., 1965. – 144 с.
- Горелик М.В.** Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М., 2002. – 84 с.
- Иванов И.В., Иванова Н.Ю.** Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // АВ. – 2012. – № 18. – С. 124–144.
- Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З.** Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 42–53.
- Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шохатаев О.С., Елибаев Т.А., Бейсембаев Е.Е.** Проведение научно-археологических исследований комплекса Нураталды (результаты полевых работ) // Сарыарканың тарихы мен археологиясы. – Қарағанды, 2015. – С. 135–141.
- Кызласов И.Л.** Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // СА. – 1980. – № 2. – С. 80–93.
- Марыксин Д.В.** Комплекс сырцовых оградок у аула Айдархан // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2012. – № 1. – С. 111–119.
- Медведев А.Ф.** Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел (VIII–XIV вв.). – САИ. – 1966. – Вып. Е1-36. – 184 с.
- Неверов С.В.** Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998. – С. 129–151.
- Ракушин А.И.** Подкурганые кирпичные сооружения золотоордынского времени в Нижнем Поволжье (предварительные выводы) // АВ. – 1993. – Вып. 1. – С. 170–175.
- Тишкин А.А.** Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). – Барнаул: Азбука, 2009. – 208 с.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н.** Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). – Барнаул: Азбука, 2011. – 144 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.: МГУ, 1966. – 276 с.

А. М. Мамедов

А. В. Денисов

А. М. Мамедов¹, А. В. Денисов²

¹Актюбинская областная государственная инспекция по охране историко-культурного наследия; г. Актобе

²Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

A. M. Mamedov¹, A. V. Denisov²

¹Regional State Inspectorate for Historical and Cultural Heritage, Aktobe,

²Samara State Socio-pedagogical University,

E-mail: mamedovaslan@mail.ru;

sarmat_samara@mail.ru

Ранние мечи и кинжалы Волго-Уральского региона с навершием в виде изогнутого бруска

Работа выполнена в рамках реализации проекта № 33.1907. 2017/ПЧ

Аннотация. В данной статье рассматривается одна из разновидностей клинкового оружия ранних кочевников – мечи и кинжалы с навершием в виде изогнутого бруска. Анализируемые мечи и кинжалы датируются в рамках VI – начала IV вв. до н. э. В результате исследования авторы пришли к выводу, что на рассматриваемой территории мечи и кинжалы с навершием в виде изогнутого бруска появляются уже в VI в. до н. э. На основе анализа находки были разделены на две группы. Первые датируются VI, VI–V вв. до н. э. По своему внешнему облику они тяготеют к западным образцам. Вторые датируются V, V–IV вв. до н. э. Клинковое оружие этой группы уже не несет следов западного влияния. В тоже время, в оформлении рукоятей этих находок можно отметить некоторые восточные черты.

Ключевые слова: Волго-Уральский регион, ранний железный век, мечи, кинжалы.

Early swords and daggers of the Ural-Volga region with toppings in the form of curved whetstone

This investigation is supported by project 33.1907. 2017/PCN

Abstract. In this article one of varieties of blade weapon of early nomads is examined are swords and daggers with toppings as the bent bar. Analysable swords and daggers are dated within the framework 6–4 BC. As a result authors came to the conclusion, that on the examined territory swords and daggers with as the bent bar appear already in 6 BC. On the basis of analysis of find were divided into two groups. The first are dated 6, 6–5 BC. On the appearance they gravitate to the western standards. The second are dated 5, 5–4 BC. The blade weapon of this group does not carry tracks of western influence already. In too time, in registration of the handle of these finds it is possible to mark some east.

Keywords: Ural-Volga region, Early Iron Age, swords, daggers.

Первое тысячелетие до н. э. было ознаменовано колоссальными переменами в истории народов Евразии: освоение новых материалов для производства орудий труда и оружия, переход племен, проживающих в степном регионе к новому экономическому укладу, социальные и идеологические перемены в жизни обществ. В это время в степях Самаро-Уральского региона сложилась археологическая культура савромато-сарматского круга.

Важную роль в жизни кочевых обществ древности, в том числе и у населения Самаро-Уральского региона, играло военное дело. В от-

дельные периоды истории кочевники Южного Урала становились законодателями своеобразной «моды» в изобретении предметов вооружения. В среде специалистов по сарматской археологии до сих пор остаются дискуссионными вопросы происхождения мечей и кинжалов «прохоровского» и «переходных» типов. Данная статья позволяет скорректировать традиционные представления о происхождении последних.

В последние годы была опубликована серия мечей и кинжалов, имеющих навершие в виде изогнутого бруска, датировка которых с той или иной вероятностью укладывается в рамки VI –

начала IV вв. до н. э. Возникла необходимость проанализировать этот материал. Степень изогнутости навершия у всех экземпляров разная: от чуть заметной до практически серповидной формы. В работе также учтены мечи и кинжалы навершия, которых, строго говоря, не являются изогнутыми брусками, но могут рассматриваться как варианты такой формы.

Рассматриваемые кинжалы и мечи были систематизированы по предложенному К. Ф. Смирновым [1961, с. 9] принципу, при котором отдел определяется формой навершия, а тип – формой перекрестия.

Начать обзор целесообразно с двух кинжалов, брусковидные навершия которых имеют легкий прогиб в средней части (всего 3–4 мм). Подобный небольшой изгиб мог возникнуть по естественным причинам в ходе насаживания навершия на рукоять.

Мечи и кинжалы с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Кинжал был найден у с. Красные Ключи Самарской области (рис. 1, 3). Он имеет перекрестие широкой бабочковидной формы. Рукоять снабжена по бокам двумя валиками, покрытыми горизонтальной насечкой. Общая длина кинжала 35 см [Денисов, 2010а, с. 223, рис. 2, 2]. Наиболее близкими аналогиями с территории Волго-Уралья можно назвать находки у пос. Луговск, с. Владыкино, Аркадакский музей, Бугор Степана Разина все они датируются пределами VII–VI вв. до н. э. [Попов, 1982, с. 52; Скрипкин, 2007, с. 42, 44–45, рис. 2, 1, 6, 7].

Мечи и кинжалы с брусковидным навершием и сердцевидным перекрестием. Кинжал был найден на территории г. Бузулук (рис. 1, 5). Его рукоять имеет два валика по бокам и перекрестие сердцевидной формы. Общая длина кинжала 23,8 см [Денисов, 2010а, рис. 2, 1]. Бузулукский экземпляр имеет валики, что позволяет его датировать в пределах VI в. до н. э.

Стоит отметить, что в Волго-Уралье кинжалы этого типа не получили широкого распространения. С территории Южного Приуралья происходит всего один бронзовый кинжал, случайно обнаруженный в обрыве р. Каргала близ г. Актобе, датирующийся VII – началом VI вв. до н. э. [Смирнов, 1961, с. 15–16, рис. 1, 1]. В фондах краеведческого музея г. Жигулевска хранится кинжал VI в. до н. э., близкий бузулукскому, с брусковидным навершием, широким сердцевидным перекрестием и рукоятью с валиками по бокам [Мышкин, Денисов, Сташенков, 2007, с. 39, рис. 2, 1]. Еще два экземпляра найдены в Саратовской области у сел Инясево и Чиганак. А. С. Скрипкин [2007, с. 44, рис. 1, 8, 9] соотнес их с древностями VII – первой половины VI вв. до н. э.

Л. И. Бабенко выделил серию кинжалов VII – первой половины V вв. до н. э., происходящих

с территорий западнее Дона. Для них, как и для кинжалов, найденных у с. Красные Ключи и в г. Бузулук, характерно сочетание широкой формы перекрестия с рукоятью снабженной боковыми валиками. Некоторые из них имеют навершие в виде слегка изогнутого бруска в сочетании с бабочковидным или сердцевидным перекрестием [Бабенко, 2009, с. 25–26; рис. 2, 14; 3, 1, 4, 9–10].

Далее следует описание мечей и кинжалов, навершия которых имеют хорошо выраженный изгиб.

Мечи и кинжалы с изогнутым брусковидным навершием и перекрестием «марычевского» облика. Первый из них был найден в 1907 г. у ст. Марычевка (рис. 1, 2). Полное описание этого кинжала было дано К. Ф. Смирновым. Навершие данного экземпляра немного изогнуто к низу. Рукоять с невысокими валиками, имеет орнамент, в виде рельефных кружков по центру. Длина кинжала 35 см [Смирнов, 1961, с. 13, рис. 1, 10].

Второй кинжал, хранится в фондах Бугурусланского краеведческого музея (рис. 1, 1). Он отличается от предыдущего наличием трех валиков на рукояти и изгибом навершия вверх [Исмагил, Сунгатов, 2004, с. 127, рис. 1, 3].

К. Ф. Смирнов, анализируя кинжал у ст. Марычевка, указал на связь его декора с Северным Причерноморьем и Кавказом. При этом он также обратил внимание на наличие сибирских черт в оформлении перекрестия [Смирнов, 1961, с. 13–14]. Оба кинжала датируются VI в. до н. э.

Близок бугурусланскому кинжал из кург. 1. у ст. Хапры (Нижнее Подонье), датирующийся не позднее VI в. до н. э. Его отличает только отсутствие валика и зооморфных мотивов [Максименко, 1983, с. 25, рис. 9, 3].

Мечи и кинжалы с серповидным навершием и сердцевидным перекрестием. К этой группе нами было отнесено два экземпляра. По некоторым типологическим особенностям они схожи с кинжалом найденным в г. Бузулук.

Один из них был найден у с. Челно-Вершины Самарской области (рис. 1, 6). Авторами публикации было отмечено, что перекрестие данного кинжала с одной стороны имеет почковидную форму, а с другой – сердцевидную [Мышкин, Денисов, Сташенков, 2007, с. 39–40, рис. 2, 2]. На наш взгляд, обе стороны перекрестия изначально имели сердцевидную форму. Почковидная форма возникла в результате коррозии. Рукоять имеет боковые валики. Общая длина кинжала 27,5 см.

К этому же типу относится меч из кург. 8 мог. Нагорное (рис. 1, 7). Его отличают довольно большие размеры: общая длина 132 см, длина рукояти от навершия до перекрестия 11 см. [Васильев, 2001, с. 33, рис. 3, 1]. Клинок прямой, резко сужающийся к концу, линзовидный в сечении. В хронологическом отношении более древним вы-

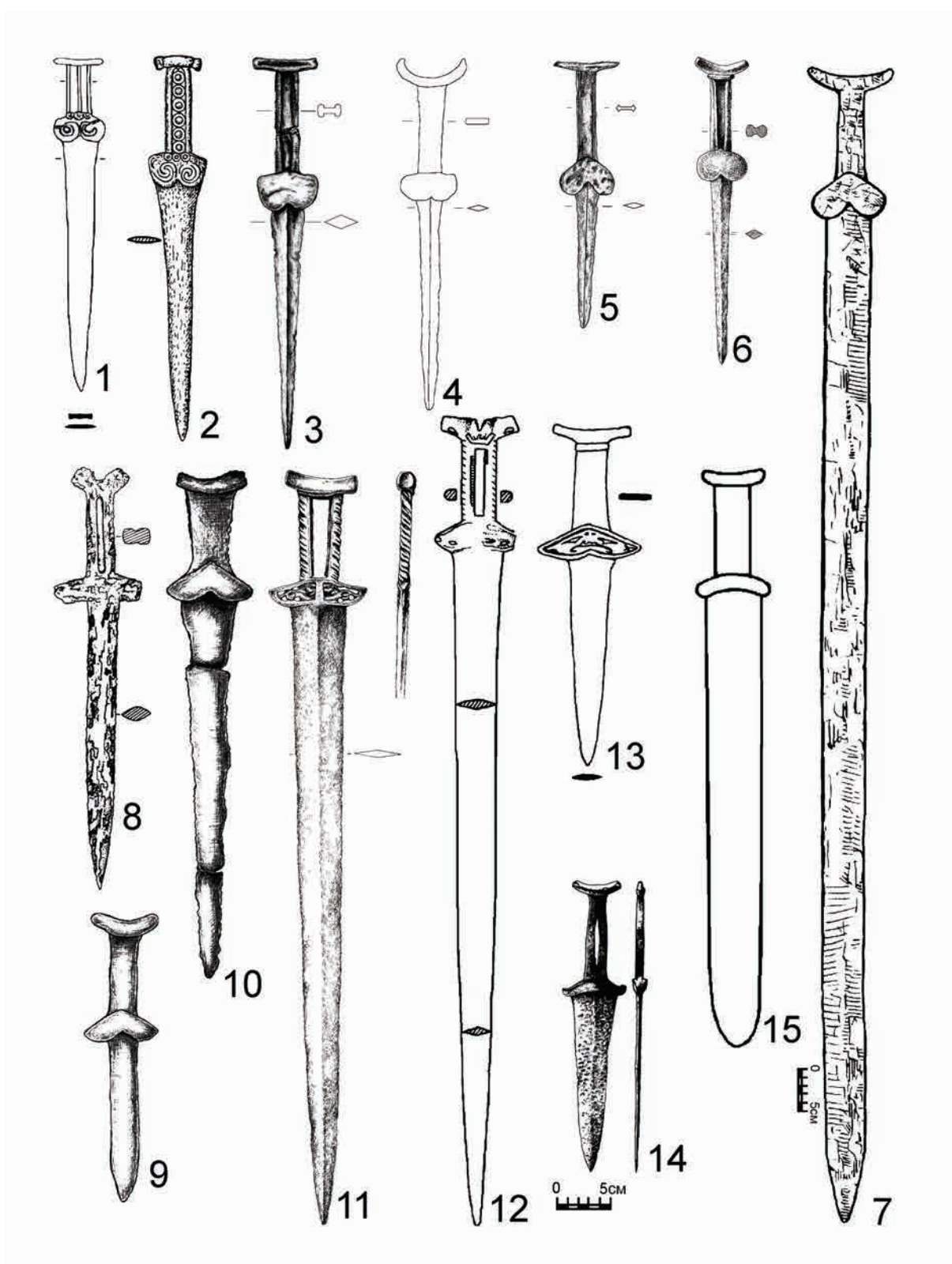

Рис. 1. Ранние мечи и кинжалы с навершием в виде изогнутого бруска. 1 – Бугурусланский краеведческий музей, 2 – станция Марычевка, 3 – с. Красные Ключи, 4 – с. Палимовка, 5 – г. Бузулук, 6 – с. Челно-Вершины, 7 – кург. 8 мог. Нагорное, 8 – кург. Жалгыз-Оба, 9 – кург. 1 мог. Бесоба, 10 – кург. 3 мог. Берёзки I, 11 – дер. Измайлово, 12 – г. Белебей, 13 – с. Верхний Альштан, 14 – п. Новоберёзовский, 15 – кург. 4 погр. 1. мог. Три Мара

глядит кинжал из с. Челно-Вершины. По наличию валиков на рукояти он может быть датирован VI в. до н. э., а меч из мог. Нагорное в пределах второй половины VI–V вв. до н. э.

Интересна случайная находка длинного меча (80 см) у с. Горьковское в приалтайских степях. Меч имеет серповидное навершие и сердцевидное перекрестие. Форма перекрестия и абрис клинка сближают его с мечом из мог. Нагорное, а наличие двух боковых валиков на рукояти перекликается с кинжалом из с. Челно-Вершины. В. А. Могильников датировал алтайский меч в рамках V–IV вв. до н. э. Есть мнение и о более ранней дате (конец VI–V вв. до н. э.) меча из с. Горьковское [Могильников, 1997, с. 45, рис. 39, 1].

Мечи и кинжалы с серповидным навершием и широким бабочковидным перекрестием. К этому типу условно был отнесен кинжал из с. Палимовка (рис. 1, 4). Он имеет ярко выраженное серповидное навершие и перекрестие необычной формы. Левое «крыло» перекрестия может быть трактовано как почковидное, правое – широкое бабочковидное. Рукоять в сечении прямоугольной формы. Общая длина кинжала 31,5 см [Денисов, 2010а, рис. 2, 5]. Мечи с широким бабочковидным перекрестием в Южном Приуралье выходят из употребления в начале V в. до н. э. [Гуцалов, 2004, с. 27]. В Нижнем Поволжье они использовались до второй половины V в. до н. э. Примерно в это же время, в V в. до н. э. в Нижнем Поволжье выходят из обихода мечи с почковидным перекрестием [Скрипкин, 2007, с. 50]. Учитывая этот факт, палимовский кинжал можно датировать второй половиной VI–V вв. до н. э.

Мечи и кинжалы с серповидным навершием и узким бабочковидным перекрестием. К этому типу относятся семь экземпляров. Наиболее архаичным среди них выглядит кинжал из кургана Жалгыз-Оба (рис. 1, 8), условно отнесенный к данному типу. Он имеет рогатковидное навершие и перекрестие близкое к бабочковидной форме. На обеих сторонах рукояти присутствует вертикальный ложок. Длина кинжала 38,4 см. Погребение, в котором он был обнаружен, датируется рубежом VI–V вв. до н. э. [Гуцалов, 2004, с. 28, табл. 16, 7]. С. Ю. Гуцаловым было отмечено сходство меча из кург. Жалгыз-Оба с железным кинжалом VII–VI вв. до н. э. из погр. 139 мог. Тли в Центральном Кавказе [Гуцалов, 2004, с. 28; Техов, 1980, с. 32, рис. 11, 1].

Кинжалы с рожковидными навершиями были известны носителям тасмолинской культуры Северного и Центрального Казахстана. Наиболее ранним является биметаллический кинжал из кург. I мог. Айдабуль II, датирующийся VI–V вв. до н. э. Он имеет рожковидное навершие, бабочковидное перекрестие и рукоять с двусторонним продольным ложком. Сохранившаяся

длина кинжала 35 см [Акишев К.А., 1959, с. 20, рис. 15; Хабдулина, 1994, с. 54, табл. 52, 7]. Еще один кинжал с рожковидным навершием и ложнотреугольным перекрестием был найден в кург. 6 мог. Берлик II, датируемый V–IV вв. до н. э. [Хабдулина, 1994, с. 54–56, табл. 52, 9].

Типологически близкий кинжал был найден в районе оз. Иссык-Куль (Жетысу/Семиречье). Он имел бабочковидное перекрестие, рогатковидное навершие и рубчатую рукоять. Автор публикации датирует его концом V–IV вв. до н. э. [Иванов, 2008, с. 41, рис. 1, 6].

Кинжал со схожим оформлением рукояти, но более позднего времени (конец V–IV вв. до н. э.) происходит с территории северо-западного Алтая из кург. I мог. Гилево Х. Рожковидное навершие сочетается со сломанным под углом перекрестием, на рукояти присутствует неглубокий ложок [Могильников, 1990, с. 83, рис. 1, 6]. Серия кинжалов с рожковидными навершиями и перекрестиями, по форме близкими к узкой бабочке, была обнаружена в Новотроицком некрополе. Могильник предварительно датируется VI–IV вв. до н. э. [Могильников, 1997, с. 43, рис. 37, 2, 5–7; Уманский, Шульга, 2005, с. 125, 128, рис. 4, 1–3].

Далее в хронологическом порядке следуют кинжалы из кург. I мог. Бесоба (рис. 1, 9) и кург. 3 мог. Березки I (рис. 1, 10). Экземпляр из мог. Бесоба был охарактеризован М. К. Кадырбаевым как кинжал с серповидным навершием и бабочковидным перекрестием. Его длина 26 см. Погребение, в котором он был обнаружен, датируется V в. до н. э. [Кадырбаев, Курманкулов, 1977, с. 113, рис. 2, 8]. Кинжал из мог. Березки I мало отличается от предыдущего и может датироваться в пределах V в. до н. э. Его длина 46 см [Денисов, Мышкин, 2008, с. 63, рис. 3, 4].

Меч из дер. Измайлово (рис. 1, 11) имеет слабоизогнутое навершие, прорезную рукоять с винтовой нарезкой боковин и узкое бабочковидное перекрестие с прорезными фигурами волков. Его общая длина 68 см [Денисов, 2010а, рис. 3, 1]. Изначально меч датирован К. Ф. Смирновым [1961, с. 13] V в. до н. э. На наш взгляд, дату измайловского экземпляра необходимо скорректировать в пределах второй половины V – начала IV вв. до н. э. В пользу этой даты говорит наличие прорезных рукояти и перекрестия. На территории Южного Приуралья подобные детали оформления рукоятей встречены среди находок из мог. Филипповка [Золотые олени..., кат. 7, 121; Сокровища сарматских вождей..., № 68]. Наиболее широкая дата мог. Филипповка вторая половина V–IV вв. до н. э. Схожие конструктивные особенности имеет меч, найденный в г. Белебей (рис. 1, 12). Автором публикации он был датирован второй половиной V – на-

чалом IV вв. до н. э. [Исмагилов, 1980, с. 227]. Навершие данного экземпляра оформлено в виде двух фигур медведей, обращенных друг к другу головами. Если же отвлечься от зооморфизма, то форма навершия может быть рассмотрена как изогнутый брус.

Дополнительную связь между этими двумя мечами и находками из мог. Филипповки дает кинжал, найденный у с. Устиново Челябинской обл. [Зайцев, Иванов, 2009, рис. 1]. Его прорезная рукоять украшена витым орнаментом, а перекрестие как у измайловского прорезное с изображением волков. В то же время у этого кинжала в прорезь на рукояти вставлены головки хищной птицы (грифона?), как и у меча из кург. 1 мог. Филипповка.

Еще один кинжал с навершием в виде изогнутого бруска и узким бабочковидным перекрестием был найден у с. Верхний Алыштан (рис. 1, 13). Он может быть датирован достаточно широко V–IV вв. до н. э. На перекрестии кинжала изображены грифоны в геральдической композиции [Исмагилов, 2001, с. 119, табл. II, 16]. Данный орнамент находит аналогии на перекрестии меча из с. Новая Богдановка [Смирнов, 1961, рис. 4, 5]. Последний имеет когтевидное навершие, осложненное перекладиной, и датируется второй половиной V–IV вв. до н. э. Таким образом, кинжал из с. Верхний Алыштан также может быть датирован в пределах второй половины V–IV вв. до н. э.

Нельзя исключать V в. до н. э. и при датировке кинжала из п. Новоберезовский (рис. 1, 14). Он имеет навершие с хорошо заметным изгибом, прорезную рукоять и дуговидное перекрестие с приподнятыми вверх концами [Мышкин, Денисов, Сташенков, 2007, с. 39, рис. 3, 2]. Как и вся серия ранних кинжалов с прорезными рукоятями, он может датироваться в пределах второй половины V–IV вв. до н. э. [Денисов, 2010б, с. 202]. Форму перекрестия новоберезовского кинжала можно рассматривать либо как вариант бабочковидного перекрестия, либо как подражание ему. Дата мечей с узкими бабочковидными перекрестиями, найденных в Нижнем Поволжье, – вторая половина V – первая половина IV вв. до н. э. [Скрипкин, 2007, с. 47–48]. В Южном Приуралье вторая половина V в. до н. э. характеризуется тенденцией к смене бабочковидных перекрестий брусковидными, перегнутыми посередине [Гуцалов, 2007, с. 13]. Поэтому возможная дата новоберезовского кинжала – вторая половина V – первая половина IV вв. до н. э. В пользу этой даты свидетельствует, на наш взгляд, один из кинжалов, найденный в Новотроицком некрополе на Алтае. Этот экземпляр имеет узкое бабочковидное перекрестие и серповидное навершие, которое сочетает в себе черты рожкового и «грифогого» [Шульга, 2007, с. 144, рис. 2,

8]. Кинжалы с узкими бабочковидными перекрестиями на Алтае, в том числе и отмеченный нами, происходят из комплексов, предварительно датированных V–IV вв. до н. э. [Шульга, 2007, с. 147].

Помимо названных выше с территории Евразии происходят еще несколько мечей и кинжалов с серповидным или рожковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Меч из кург. 16 мог. у с. Суворово (Крым) с серповидным навершием и бабочковидным перекрестием. Длина 75 см. Датируется находка второй половиной V – первой половиной IV вв. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 47, 61, рис. 27, 7]. Железный кинжал V в. до н. э. из погр. № 4 Сухумской горы (Закавказье) с узким бабочковидным перекрестием. Его антенное навершие слабо напоминает серповидное навершие [Есаян, Погребова, 1985, с. 48–49, табл. 1, II]. Железный меч из знаменитого кургана Иссык со слабоизогнутым брусковидным навершием и узким бабочковидным перекрестием. Погребение датируется второй половиной V–IV вв. до н. э. Сохранившаяся длина 20 см [Акишев К.А., 1978, с. 30, 35, ил. 43]. Кинжал из мог. Джал-Арык II (Тянь-Шань) имеет навершие в виде изогнутого бруска и узкое бабочковидное перекрестие. [Заднепровский, 1992а, с. 88, табл. 32, 3]. Бронзовый кинжал из мог. Ак-Кем (Горный Алтай). Он имеет изогнутое брусковидное навершие. К сожалению, рисунок дан с частью кожаных ножен, поэтому о форме перекрестия можно судить только по одной половинке крыла. Судя по нему, кинжал имел узкое бабочковидное перекрестие. Его общая длина 15–16 см [Погожева, 1978, с. 72, рис. 5, 2]. С территории распространения тагарской культуры также происходят несколько кинжалов с навершием в виде изогнутого бруска и перекрестиями близкими по форме к бабочковидным. Н. Л. Членова [1967, табл. 2] датирует их V–IV вв. до н. э.

Кинжалы с изогнутым брусковидным навершием и дуговидным перекрестием. К этому типу относится всего один экземпляр, обнаруженный в погр. 1 кург. 4 мог. Три Мара (рис. 1, 15). Данное погребение датируется V в. до н. э. [Смирнов, 1981, с. 84, рис. 7, 7]. Мечи и кинжалы с подобным сочетанием формы навершия и перекрестия характерны для памятников степных районов Поволжья и Южного Урала IV в. до н. э. Если говорить о ранних аналогиях мечу из кург. 9 мог. Памирская I. Он имеет серповидное навершие и дуговидное перекрестие. Погребение датируется не позднее VI в. до н. э. [Бернштам, 1952, рис. 132, 5; Заднепровский, 1992б, с. 97, табл. 36, 6].

Таким образом, можно констатировать, что на территории Самарского Поволжья и Южного Приуралья мечи и кинжалы с навершием в виде

изогнутого бруска появляются уже в VI в. до н. э. Все эти находки можно разделить на две группы: мечи и кинжалы с широкой формой перекрестия (сердцевидное, широкое бабочковидное и «марычевского» облика) и с узкой формой перекрестия (узкое бабочковидное, дуговидное). Первые датируются VI, VI–V вв. до н. э. По своему внешнему облику они тяготеют к западным образцам. Вторые датируются V, V–IV вв. до н. э. Клинковое оружие этой группы уже не несет следов западного влияния. В тоже время, в оформлении рукоятей этих находок можно отметить некоторые восточные черты: прорезные рукояти, перекрестия дуговидной формы и дуговидной с приподнятыми вверх концами.

Закономерно возникает вопрос: был ли исходный регион, в котором появилась традиция изготовления мечей и кинжалов с серповидным (изогнутый брусок) или рожковидным навершием? В процессе работы над статьей нами было проанализировано клинковое оружие с обширных территорий Евразии (от Центральной Европы до северо-западного Китая). В результате нам так и не удалось выявить подобный район. На территории таких географических регионов, как Средняя Азия, Алтай, Северное Причерноморье, количество находок с подобной формой навершия, датирующихся VII–V вв. до н. э., как правило, не превышает одного десятка. Из этого можно сделать вывод, что традиция изготовления клинкового оружия с навершием в виде изогнутого бруска появилась самостоятельно в разных регионах. Иногда изгиб навершия мог появиться независимо, к таковым могут относиться кинжалы,

найденные у с. Красные Ключи и г. Бузулук. В других случаях появление подобной формы навершия можно рассматривать, как попытки найти оптимальную форму или результат творчества кузнеца (кинжал, найденный у ст. Марычевка).

Хотелось бы сказать несколько слов о мечах и кинжалах т. н. «переходных» типов. По традиционным представлениям они формируются в исследуемом регионе в IV в. до н. э. [Мошкова, 1963, с. 33–34; Смирнов, 1961, с. 24–28, 31]. При этом исследователи не исключают определенных влияний с востока [Смирнов, 1961, с. 31; Таиров, 2006, с. 71].

Приведенные в данной работе материалы позволяют сделать вывод, что мечи и кинжалы «переходных» типов начинают формироваться на территории самаро-уральского региона еще в V в. до н. э. Стоит отметить, что помимо навершия в виде изогнутого бруска в V в. до н. э. в исследуемом регионе встречаются (правда, в небольших количествах) перекрестия дуговидной формы и в виде сломанного под углом бруска [Агеев, Сунгатов, Вильданов, 1998, рис. 6, 2; Исмагилов, 2001., табл. 1, 5; Мышкин, Денисов, Шашенков, 2007, рис. 3, 1]. Безусловно, нельзя исключать определенные культурные влияния восточных регионов (прежде всего, это касается формы перекрестия) на формирование клинкового оружия т. н. «переходных» типов. При этом, на наш взгляд, новые формы воспринимались местным населением как нечто близкое в культурном и идеологическом плане, что и обеспечивало достаточно быстрое их усвоение.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б., Сунгатов Ф.А., Вильданов А.А. Могильник Биш-Уба I // УАВ. – 1998. – Вып. 1. – С. 97–115.
- Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1959. – Т. 7.
- Акишев К.А. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.
- Бабенко Л.И. Новые находки скифских кинжалов на Харьковщине // Эпоха раннего железа. – Киев-Полтава, 2009. – С. 19–29.
- Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н. э. – Уфа: Гилем, 2001. – 150 с.
- Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. – Уральск, 2004. – 136 с.
- Гуцалов С.Ю. Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н. э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск, 2007. – С. 11–15.
- Денисов А.В., Мышкин В.Н. Клинковое оружие кочевого населения бассейна р. Самары в VII–IV вв. до н. э. // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2008. – Вып. 9. – С. 62–75.
- Денисов А.В. Случайные находки клинкового оружия раннего железного века с территории Самарского Поволжья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. – Самара, 2010а. – Вып. XV. – С. 222–230.
- Денисов А.В. Мечи и кинжалы с прорезными рукоятями с территории Самарского Поволжья и Южного Приуралья // XVIII УАС: культурные области, археологические культуры, хронология: матер. XVIII УАС. – Уфа, 2010б. – С. 202–204. Режим доступа: <http://www.alabin.ru/files/biblioteka/217.pdf>
- Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. – М.: Наука, 1985 – 152 с.
- Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Археология СССР. Степная полова Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992а. – С. 87–95.

- Заднепровский Ю.А.** Ранние кочевники Памира // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992б. – С. 95–100.
- Зайцев И.А., Иванов А.А.** Кинжал из села Устиново Челябинской области // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. научн. тр. – Челябинск, 2009 – С. 83–87.
- Иванов С.С.** Кинжалы ранних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул, 2008. – С. 37–41.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф.А.** О генезисе акинаков марычевского типа // УАВ. - 2004. – Вып. 5. – С. 127–133.
- Исмагилов Р.Б.** Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // СА. – 1980. – № 1. – С. 219–227.
- Исмагилов Р.Б.** Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. – 2001. – Вып. 3. – С. 117–147.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.** Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С. 103–114.
- Колотухин В.А.** Киммерийцы и скифы Степного Крыма (Подкурганые погребения Степного Крыма начала железного века): матер. по археологии Крыма. – Симферополь: СОНАТ, 2000. – 120 с.
- Максименко В.Е.** Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1983. – 224 с.
- Могильников В.А.** Памятник эпохи раннего железа на верхнем Аллее // Охрана и использование археологических памятников Алтая: тез. докл. и матер. к конф. – Барнаул, 1990. – С. 78–83.
- Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. – М., 1997. – 195 с.
- Мошкова М.Г.** Памятники раннесарматской (прохоровской) культуры. – САИ. – 1963. – Вып. Д1-10. – 56 с.
- Мышкин В.Н., Денисов А.В., Сташенков Д.А.** Находки клинкового оружия савроматского времени в Самарском Поволжье // Самарский край в истории России: матер. Межрегиональной научн. конф., посвящ. 120-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина. – Самара, 2007. – Вып. 3. – С. 39–45. Режим доступа: <http://www.alabin.ru/files/biblioteka/216.pdf>
- Погожева А.П.** Погребения ранних кочевников на западе Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978. – С. 68–73.
- Попов С.А.** Тайны Пятимаров: [очерки по древней и средневековой истории Оренбургского края]. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. Изд-во, 1982. – 248 с.
- Скрипкин А.С.** Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н. э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск, 2007. – С. 38–50.
- Смирнов К.Ф.** Вооружение савроматов. – МИА. – 1961. – № 101. – 162 с.
- Смирнов К.Ф.** Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа, 1981. – С. 68–90.
- Сокровища сарматских вождей [Материалы раскопок Филипповских курганов]. – Оренбург, 2008. – 144 с.
- Таиров А.Д.** Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине V – IV вв. до н. э. // РА. – 2006. – № 1. – С. 71–78.
- Техов Б.В.** Скифы и Центральный Кавказ в VII – VI вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника). – М.: Наука, 1980. – 93 с.
- Уманский А.П., Шульга П.И.** Предварительные результаты исследования предметов вооружения из Новотроицкого некрополя // ТПАИ. – 2005. – Вып. 1. – С. 121–133.
- Золотые олени Евразии. – СПб., 2001. – 248 с.
- Хабдулина М.К.** Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым, 1994. – 171 с.
- Членова Н.Л.** Происхождение и ранняя история племен татарской культуры. – М., 1967. – 300 с.
- Шульга П.И.** Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н. э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск, 2007. – С. 142–156.

В. К. Мерц

В. К. Мерц

*Павлодарский государственный университет
им. С. Торайгырова, Павлодар*

V. K. Mertz

*Pavlodar State University after S. Toraygyrov,
Pavlodar*

Email: v_mertz@mail.ru

О реконструкции обломка каменного «утюжка» из Талдысай

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке КН МОН РК, проект № 0044/ГФ4 «Ранний бронзовый век Левобережного Прииртышья»

Аннотация: В работе предлагается вариант реконструкции обломка каменного «утюжка» с нетиповым зооморфным изображением, найденного на поселении Талдысай в Центральном Казахстане. По скульптурному изображению на нем прослеживается линия культурных связей со степной художественной традицией палеометаллической эпохи Восточной Европы и Южной Сибири. Аналогии его декоративного оформления указывают в основном на юго-западные культурные связи, где подобный декор применялся в широком хронологическом диапазоне и имел определенное семантическое значение.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, эпоха палеометалла, «утюжки», каменная скульптура, изобразительная традиция, миграции.

On the reconstruction of the fragment of the stone iron from Taldysay

The present work was partially financed by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, project № 0044/GF4 “The early Bronze Age of the left bank Irtysh area”

Abstract: The article presents an option of the reconstruction of the piece of the stone “iron” with unusual zoomorphic image found in the settlement Taldysay in Central Kazakhstan. Based on the sculptural image depicted on it, the link of cultural ties with the art tradition of the Paleometal epoch of East Europe and South Siberia is traced. Analogies with its decorative design mainly depict south-west cultural connections, where this type of the decor was used in wide chronological diapason and had certain semantic value.

Key words: Central Kazakhstan, Paleometal epoch, ‘irons’, stone sculpture, decorative tradition, migration.

Среди редких находок древней каменной скульптуры Центрального Казахстана есть один экземпляр обломка каменного «утюжка» с зооморфным изображением. Предмет был выявлен в ходе раскопок на поселении древних металлургов эпохи поздней бронзы Талдысай в 2008 г. Памятник изучается с 1994 г. по настоящее время Центрально-Казахстанской экспедицией под руководством Ж. Курманкулова. Это базовый объект экспедиции, расположенный в одноименном урочище, на слиянии рек Жезды и Талдысай (Бала-Жезды), в 82 км на северо-запад от г. Жезказгана [Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, 2012, с. 44–45]. На территории урочища Талдысай, в радиусе 3–5 км, известно большое количество памятников разных эпох, в том числе стоянок каменного века.

В 200 м на запад от поселения, выше по течению реки, выявлена разрушенная стоянка, материалы которой могли попадать на территорию поселения. Частыми находками на нем являются кремневые наконечники стрел, дротики, ножевидные пластины, скребки, сверла, проколки [Ержанова, Мерц, Ченченкова, 2011].

Возможно, происхождение этих архаичных изделий связано с более ранней фазой функционирования поселения, относящейся к энеолиту и раннебронзовому периоду, следы которой были уничтожены в последующее время. Одним из таких изделий, не связанных с основным культурным слоем, является обломок каменного «утюжка» со скульптурным изображением. Он найден на полу жилища-мастерской, в восточном участ-

ке жилищно-производственного комплекса поселения, в квадрате Г-13, связанного с населением эпохи поздней бронзы, специализировавшемся на металлургическом производстве [Ержанова, Мерц, Ченченкова, 2011].

В целом «утюжки» являются редкой категорией находок. В Казахстане они обычно встречаются на стоянках позднего неолита – энеолита или на разновременных памятниках, в том числе поселениях эпохи бронзы, как и рассматриваемый экземпляр. Однако они не связаны с основными комплексами этих поселений. Вероятнее всего, такие экземпляры где-то находились и приносились обитателями поселений, либо они происходят из остатков культурного слоя более ранних стоянок, существовавших на этом месте, но разрушенных поселенцами эпохи бронзы в результате своей жизнедеятельности.

«Утюжки» известны с эпохи мезолита, наибольшее распространение получили в неолите и энеолите степной зоны Евразии. Им посвящена обширная литература и специальные исследования, в которых дано формально-типологическое определение как поперечно-желобчатых изделий (ПЖИ) [Усачева, 2013, с. 7]. Это изделия из камня (реже глины) овальной или ромбовидной формы, с плоским основанием и одним или несколькими желобками на выпуклой поверхности. Встречаются плоские и прямоугольные экземпляры. Иногда они имеют продольные желобки на выпуклой и плоской поверхности, где также встречаются односторонние литейные формы [Логвин, Ченченкова, 2006, с. 143], что указывает на универсальный характер их использования. Часто они имеют декоративное оформление [Усачева, 2013, с. 52].

В энеолите появляются нетиповые экземпляры (с зооморфными и антропоморфными изображениями), а в эпоху бронзы «утюжки» исчезают [Пушкарев, 2002, с. 65]. Существует множество версий их утилитарного или культового применения, связанного с выравниванием тростниковых древков стрел и дротиков путем термического воздействия [Усачева, 2013, с. 137] и металлообработкой в качестве абразивов для «протяжки металла и доводки поверхностей после отливки» [Кунгурова, Белоусов, 2010, с. 106].

Однако возвращаясь к талдысайской находке, первоначальная информация о которой и описание уже давались [Ержанова, Мерц, Ченченкова, 2011], хотелось бы отметить, что фрагментарность предмета не дает целостного представления о нем. В связи с этим, нами была предпринята попытка графической реконструкции предмета, позволяющая представить его в законченной форме. Поиски аналогий приемов художественного оформления позволили определить еще одну линию культурных связей, повлиявших на декор его внешнего оформления как скульптуры.

«Утюжок» изготовлен из темно-зеленого глинисто-хлоритового сланца тонкозернистой структуры и однородной массивной текстуры, легко поддающейся тонкой обработке. Изделие вторично использовалось металлургами эпохи бронзы для правки металлических изделий, о чем говорит сточенность на одном из обломанных краев предмета. Длина «утюжка» – 9 см, средняя ширина – 3,5 см, высота – 2,8 см, глубина желобка – 0,5 см, средняя ширина желобка – 1 см, диаметр глаз зооморфа – 0,8 см, глубина глаз – 0,3 см.

К сожалению, фрагментарность предмета (рис. 1, 3), затрудняет определение персонажа, изображенного на талдысайском «утюжке», а также представление о его форме и декоративном оформлении. Мы видим лишь голову животного с раздутыми ноздрями и округлыми выпуклыми глазами. Широкая рельефная полоска, опускающаяся со лба, видимо, изображает рог – это позволяет предположить, что изображен бык (рис. 1. 2). Подобные приемы изображения рогов хорошо демонстрируют каменные жезлы из Минусинской котловины, связанные с окуневской традицией [Ченченкова, 2004, с. 138–150], с которыми может быть сопоставлен по внешнему виду персонаж этого «утюжка». В подобной манере создавались навершия конеголовых скипетров из протоямных и ямных комплексов в степях Восточной Европы от Поволжья до Балкан [Дергачев, 2007, с. 72–90].

В казахской степи, расположенной между этими регионами, скульптуры такого рода до сих пор не встречались, а до недавнего времени были неизвестны и памятники ямного и окуневского типа. Однако в последние десятилетия в Центральном [Евдокимов, Ломан, 1989] и Северо-Восточном Казахстане [Мерц, 2007] был открыт ряд раннебронзовых памятников, связанных с ямной традицией. Находка талдысайского «утюжка», таким образом, не только расширяет источниковую базу по археологии Центрального Казахстана эпохи палеометалла, но и открывает новую территорию распространения древней скульптуры специфического типа, расположенной между ямно-катакомбными и афанасьевско-окуневскими памятниками. Это позволяет объединить все три ареала различных типов каменной скульптуры, имеющих общие стилистические признаки в рамках единой культурной общности/изобразительной традиции. Малочисленность подобных предметов на территории Казахстана и вообще памятников палеометаллической эпохи объясняется слабой изученностью обширной территории казахской степи и, видимо, тем, что она являлась транзитной зоной в период древних миграций.

Если скульптурное изображение предмета в целом легко поддается реконструкции в виду

лучшей сохранности, то остальная, полностью утраченная, часть предмета может быть только гипотетически реконструирована. Это позволяют сделать некоторые элементы оформления, сохранившиеся на боковой части в виде сетчатого орнамента. Исходя из наиболее типичных форм «утюжков», имеющих овально-вытянутую форму, попытаемся реконструировать его по принципу симметрии, предположив, что зооморфное изображение представляет голову быка (буйвола) с опущенными вниз рогами. Находящийся за головной желобок, также скошенный на боковую сторону, мог сходиться с таким же желобком, сделанным с другой стороны. Такое расположение желобков на «утюжках» не типично и не имеет аналогов, поэтому еще один типичный желобок мог находиться в средней части «утюжка», как на предмете с антропоморфным изображением из Тургая [Логвин, Ченченкова, 2006, с. 143]. Однако он не был показан на реконструкции, так как мы не имеем возможности утверждать это наверняка.

Сохранившийся на боковой части изделия орнаментальный элемент в виде сетчатого декора, вероятно, покрывал всю его поверхность (рис. 1, 1), имитируя, таким образом, волосяной покров животного, в данном случае быка. Такие предположения подтверждаются большим количеством аналогий с подобными декоративными элементами на древней каменной и костяной скульптуре различных регионов Европы, Азии и Северной Африки, начиная с эпохи палеолита

до бронзового века и средневековья.

Аналогичным образом декорирована поверхность прически на палеолитической женской скульптуре из Брассемпуи (рис. 1, 4); лобковая часть неолитической женской скульптуры из Йемена (рис. 1, 5); прическа на женской скульптуре (рис. 1, 6) и ежовые колючки (рис. 1, 8) на каменных и фаянсовых изделиях эпохи бронзы из Египта; щетинистое покрытие на каменной скульптуре ежей из Элама (рис. 1, 7), Синьцзяна (рис. 1, 9), ахеменидского Ирана (рис. 1, 10) и других предметах мобильного искусства древ-

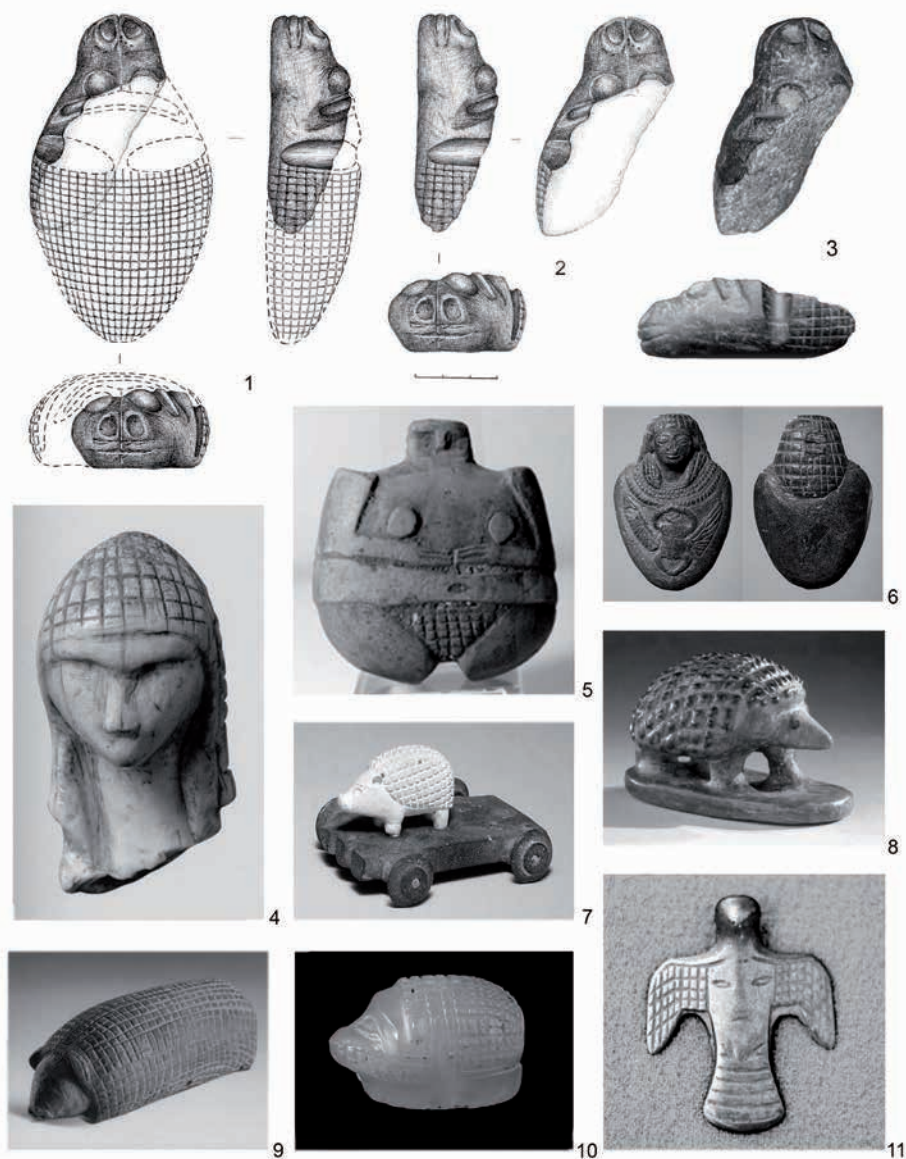

Рис. 1. Талдысайский «утюжок» и некоторые аналогии декоративному оформлению предмета. 1 – вариант реконструкции «утюжка»; 2 – обломок «утюжка», рисунок; 3 – обломок «утюжка», фото; 4 – голова женской скульптуры из Брассемпуи, палеолит, Франция; 5 – каменная скульптура из Йемена, неолит; 6 – каменная скульптура, древний Египет; 7 – ёж, каменная скульптура, Элам; 8 – ёж, фаянсовая скульптура, Египет, XII–XIII династии; 9 – ёж, каменная скульптура, Синьцзян; 10 – каменная скульптура, халцедон, ахеменидский Иран; 11 – бронзовая личина, Павлодарское Прииртышье, средние века

ности. Даже на средневековой бронзовой личине из Павлодарского Прииртышья, похожим изобразительным приемом показаны перья птицы (рис. 1, 11).

Все приведенные аналогии подобного декоративного элемента, изображающего волосистой и щетинистой покров, шерсть животного, использовались в основном мастерами южных культур, среди которых он, видимо, применялся, как определенный знак, семантика которого была понятна представителям различных культур, возможно, имевших общее происхождение, и расселившихся на огромной территории. Определить культурную принадлежность талдысайской скульптуры, найденной вне аутентичного комплекса, сейчас не представляется возможным. Очевидно лишь одно: она не связана с основным комплексом по-

селения, относящегося к эпохе поздней бронзы [Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, 2012, с. 66]. Но все приведенные аналогии изобразительного приема декорации поверхности изделия указывают на его южные связи, и еще раз свидетельствуют о некоем импульсе передвижения южного населения на северо-восток, с которым связывают происхождение ряда западносибирских культур эпохи неолита и палеометалла. С распространением утюжков может быть также связан один из этапов миграции пастушеского населения с ближневосточного региона в степную зону Евразии, совпадающий с зоной раннего распространения индоевропейских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Дергачев В.Л.** О скипетрах, лошадях, о войне: Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. – СПб.: «Нестор-История», 2007. – 488 с.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г.** Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989. – С. 34–46.
- Ержанова А.Е., Мерц В.К., Ченченкова О.П.** Зооморфный «утюжок» из поселения Талдысай // Шестые Берсовские чтения. – Екатеринбург, 2011. – С. 73–74.
- Княшко В.Я.** Еще раз о проблеме «утюжков» в мезолите-энеолите Евразии // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб., 2002. – Кн. 1. – С. 157.
- Кунгурова Н.Ю., Белоусов Р.А.** Оригинальный «утюжок» из степных районов (по результатам трасологического анализа) // III Северный археологический конгресс: тез. докл. – Екатеринбург–Ханты-Мансийск, 2010. – С. 106–107.
- Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е.** Поселение Талдысай – памятник древней металлургии. – Алматы: Институт археологии им. А. Маргулана, 2012. – 132 с.
- Логвин В.Н., Ченченкова О.П.** Утюжок с личиной из Южного Тургай // РА. – 2006. – № 1. – С. 12–23.
- Мерц В.К.** К проблеме миграций в эпоху раннего металла (о погребении ямного типа на Иртыше) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. К 70-летию Т. М. Потемкиной. – Курган, 2007. – С. 71–75.
- Пушкарев В.Е.** К проблеме интерпретации «утюжков» // Вестник общества открытых исследований древности: Научный альманах. – Челябинск, 2002. – Вып. № 1. – С. 65–66.
- Усачева И.В.** Утюжки Евразии. – Новосибирск: «Наука», 2013. – 352 с.
- Ченченкова О.П.** Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III – I вв. до н. э. – Екатеринбург: «Тезис», 2004. – 336 с.

**В. Ю. Мурзин,
В. Г. Шлайфер**

В. Ю. Мурзин¹, В. Г. Шлайфер²

¹*Бердянский университет менеджмента и бизнеса;*

²*Запорожский Музей истории оружия,*

V. Yu. Murzin¹, V. G. Shlayfer²

¹*Berdyansk University of Management and Business;*

²*Zaporozhye Museum of the History of weapons,*

E-mail: vjmurzin@ukr.net

Амазонские мотивы по данным археологии и литературы

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о сущности и реальности мифов об амазонках. На основании письменных и археологических источников авторы приходят к выводу, что в древности и средневековье действительно существовали отряды вооруженных девушек и женщин.

В особенности это характерно для кочевых обществ, в которых мужчины значительное время проводили в длительных грабительских походах. В этих условиях защита основного богатства кочевников – скота, а также ответственность за безопасность малолетних и престарелых членов их семей, ложилась на плечи женщин. Это делало из женщин умелых воительниц, уверенно владевших оружием, прежде всего мощным сложным луком.

Ключевые слова: Амазонки, Скифы, Сарматы, Саки, Нарты.

Amazon motives on data of archaeology and literature

Abstract. Question of the essence and the reality of myths about Amazons is considered in the article. Based on written and archaeological sources, the authors concluded that in ancient times and the Middle Ages armed detachments of women and girls really existed.

This is especially typical of nomadic societies in which men spent considerable time in long predatory wars. In these conditions, the protection of basic wealth of nomads - cattle, as well as responsibility for the safety of infants and the elderly members of their families, fell on the shoulders of women. This made the women skilled female warriors who could confidently wield weapons, especially powerful complex bow.

Keywords: Amazons, Scythians, Sarmatians, Sakas, Nartes.

Большинство людей считает, что воинская доблесть и мастерское владение оружием присущи лишь мужчинам. Но это не совсем так – вспомним хотя бы греческие мифы о воинственных женщинах-амазонках. Существует целый цикл рассказов о борьбе греков с этими отважными женщинами, так называемая «Амазономахия». Сцены боя греков с амазонками украшают расписные греческие сосуды и фризы храмов (рис. 1–2).

Однако даже героев, которые тем или иным образом отличились в боевом соперничестве с амазонками, ждала, согласно древнегреческим мифам, нелегкая судьба. Так Геракл, который убил царицу Ипполиту и завладел ее волшебным поясом, кончил жизнь в страшных мучениях; Тезей, который силой взял в наложницы сестру Ипполиты Антиоппу, был лишен царства и погиб; Ахилл, который убил царицу Пентесилею и влюбился, затем, в ее безупречное, но уже бездыханное тело, якобы был поражен самым Аполлоном в свое единственное незащищенное место – правую пятю.

Мы считаем, что эти древнегреческие мифы, как и миф о знаменитом Кентавре – получеловеке, полуконе, связаны своими истоками с территорией степной части Северного Причерноморья.

Ведь во времена Великой греческой колонизации в VII в. до н. э. эллины начали активно осваивать северное побережье Черного моря. Здесь они непосредственно соприкоснулись с номадами, которые кочевали степями Восточной Европы. Действительно, кочевник и его конь представляли словно бы единое целое, что и породило легенду о Кентавре. Показательно, что за тысячи километров от Греции – в древнем Китае, на северных границах которого жили кочевые племена, также слагаются сказки о богатырях с человеческими туловищами и лошадиными ногами, которые покрыты шерстью... Они хлестали сами себя ногайками по ногам и носились по степи быстрее ветра с криками « га-га-га », словно дикие гуси в осеннем небе [Юань Кэ, 1987, с. 201-202].

Еще более интересным является сюжет о древних амазонках. Согласно стойкой античной

Рис. 1. Бой Геракла с амазонками. Изображение на античном керамическом сосуде. Лувр [по: Интернет-ресурс-3]

традиции, именно скифы и амазонки были причастны к формированию савроматов как исторического народа, который жил восточнее скифов – за р. Танаис (современный Дон).

Согласно рассказу Геродота [IV, 110-117] о происхождении савроматов и их обычаях, эллины нанесли поражение амазонкам в битве вблизи р. Термадонт, что находилась в Малой Азии, и пленили часть амазонок, которых отправили на трех судах в Грецию.

Но в открытом море амазонки уничтожили греческих мореплавателей. Поскольку они не умели управлять кораблями, то отдалились на волю волн, которые, наконец, прибили суда к северному побережью Азовского моря. Оказавшись на суше, амазонки начали грабить скифские кочевья. Когда скифы узнали, что их врагами являются воинственные девушки, то решили – от браков скифских юношей и амазонок могут родиться выдающиеся воины.

Постепенно лагерь скифских юношей и лагерь амазонок сближались, что завершилось целиком ожидаемым результатом, то есть браками скифов и амазонок. Но амазонки отказались жить

Рис. 2. Битва греков с амазонками [по: Интернет-ресурс-4]

в Скифии и уговорили своих мужей откочевать за Танаис. Это, по Геродоту, и положило начало возникновению савроматского народа. Согласно Геродоту, савроматские женщины ездили верхом и выходили на войну вместе с мужчинами. К тому же, савроматская девушка не имела права вступить в брак, пока не убьет одного врага.

Правда Гиппократ [О воздухе, водах и местностях, 24], увеличивает этот брачный «ценз» до трех врагов.

Продолжительное время считалось, что воинственность савроматских женщин объясняется пережитками матриархата [Граков, 1947].

Но со временем выяснилось, что на территории Великого пояса Евразийских степей, который протянулся от западной части современной Монголии до Дуная, на территории которого жили родственные племена иранских кочевников, количество женских погребений с оружием приблизительно одинаково – от 20% до 30%. Например, у скифов они составляли 29%, у савроматов – 20% [Бунятян, 1985, с. 70].

Довольно полная сводка погребений скифских женщин в сопровождении оружия недавно была приведена Е. Е. Фиалко [2011]. По ее наблюдениям, их возраст колеблется от 16 до 60 лет, однако половина из них – молодые женщины в возрасте 25–35 лет.

С. В. Махортых [2011], который подверг анализу состав вооружения скифских «амазонок», выделил четыре группы скифских женских погребений с оружием – от погребений с одним типом вооружения (главным образом, наконечниками стрел) до погребений с четырьмя видами вооружения, включая защитный доспех. Последние С. В. Махортых считает погребениями своеобразных военных предводительниц амазонок.

Определенное представление о социальном положении таких предводительниц дает погребение 3 кургана № 5 у с. Зеленое, что на Херсонщине [Фиалко, 2012]. Здесь в могилу молодой девушки были положены копье и дротик, а также полный комплект защитного доспеха, подобный которому не часто встречается даже в могилах скифских мужчин-воинов. Кроме того, погребение воинственной девушки сопровождалось погребениями двух девочек в отдельных могилах, где были найдены одиночные наконечники стрел.

Вполне возможно, что, кроме лука, достаточно распространенным оружием скифских амазонок были кинжалы. На территории Северного Причерноморья выявлена целая серия изделий этого типа. Согласно А. И. Мелюковой [1964, с. 50], от обычных акинаков они отличаются своими размерами – их длина составляет от 17 до 40 см. К сожалению, практически все известные скифские кинжалы были найдены вне комплексов. Однако косвенным свидетельством тому, что данный тип оружия был рассчитан именно на женщин, может свидетельствовать их короткая

рукоять, не соответствующая ширине мужской ладони [Мурзин, Шлайфер, 2012].

В этом плане представляет интерес раннескифское погребение с оружием, обнаруженное у с. Новокиевка Херсонской области [Евдокимов, Мурзин, 1984].

В нем (рис. 3), наряду с 35 бронзовыми и двумя костяными наконечниками стрел, был обнаружен очень короткий – длиной 42,5 см, акинак (лишь немного длиннее кинжала). Однако оружие в этом погребении сочеталось с такими характерными для женских захоронений веща-

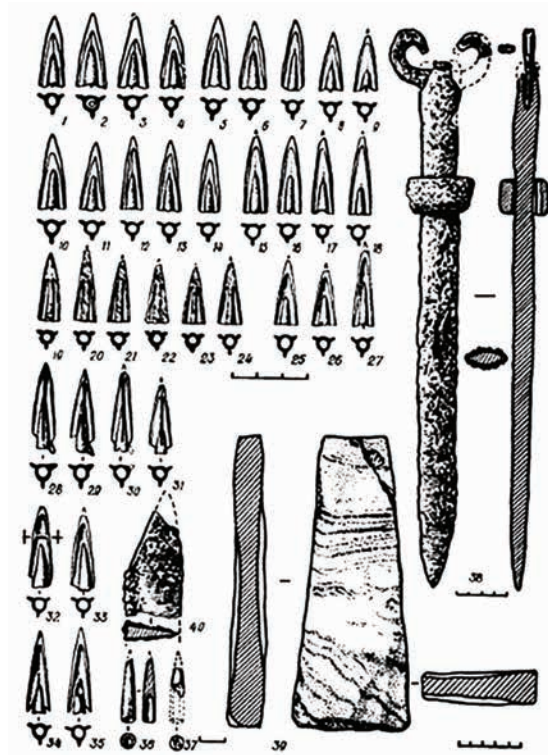

Рис. 3. Инвентарь раннескифского погребения у с. Новокиевка [по: Евдокимов, Мурзин, 1984, рис. 2]

ми, как плитка для растирания краски и комком самой красной краски (охры). Это может свидетельствовать в пользу трактовки данного погребения как захоронения скифской амазонки.

Не отличалась особым миролюбием и прекрасная половина массагето-сакского общества. Хорошо известны рассказы древних авторов о царице массагетов Томирис, вдоволь напоившую отрубленную голову коварного персидского царя Кира человеческой кровью, сакских цари-

цах Зарине и Спаретре. Примечательно, что последняя возглавила войско, состоявшее, согласно Ктесию, из 300 тыс. мужчин и 200 тыс. женщин. Эти этюды неоднократно привлекали внимание современных историков, в частности, они стали предметом исследования И. В. Пьянкова [1975].

О воинственности сакских женщин свидетельствуют и археологические данные, в частности, достаточно многочисленные женские погребения с оружием.

Одним из них, можно сказать – эталонным, является погребение 2 в кургане № 1 могильника Ак-Алаха (Горный Алтай). Здесь, в деревянной колоде лежала девушка 16 лет европеоидного облика [Полосьмак, 1994, с. 26-33]. Среди прочих вещей ее сопровождал колчан с деревянной основой, наполненный стрелами, железный чекан и железный кинжал в деревянных ножнах (рис. 4–5).

Более того, все еще остается открытым вопрос о половой принадлежности знаменитого «золотого человека» из кургана Иссык. К сожалению, тщательные антропологические исследования его костных останков так и не были проведены, а вещевой комплекс имеет двоякий характер. Ведь наряду с набором вооружения, которое встречается как в мужских, так и в женских погребениях, здесь была выявлена такая характерная именно для женских захоронений вещь [Акишев К.А., 1978, с. 23, 31; ил. 49], как бронзовое зеркало (рис. 6), хранившееся в шелковой сумочке вместе с комком красной охры. Поэтому остается лишь гадать, кем был погребенный в кургане «Иссык» – то ли молодым представителем царского рода, то ли воинственной сакской принцессой.

По мере накопления археологических данных стало понятным, что владение оружием женщинами кочевников не было обусловлено пережитками матриархата, а было следствием кочевого образа жизни. Ведь для кочевника заниматься то ли ремеслами, то ли земледелием, было, согласно его менталитету, унижительным делом. Делом каждого настоящего мужчины был выпас скота и война. И тогда, когда мужчины отправлялись в далекие грабительские походы, защиту основного богатства – скота, от хищных зверей и не менее хищных соседей, а также обеспечение безопасности семьи, брали на себя женщины.

Чаще всего в женских погребениях встречаются бронзовые наконечники стрел. Но так называемый «скифский» лук, распространенный

Рис. 4. Деревянная основа колчана из п. 2 к. 1 мог. Ак-Алаха [по: Полосьмак, 1994, рис. 21]

Рис. 5. Железный чекан из п. 2 к. 1 мог. Ак-Алаха [по: Полосьмак, 1994, рис. 25]

на всей огромной территории Южной Евразии в эпоху раннего железа, был достаточно грозным оружием.

Он был, в подавляющем большинстве, луком сложного типа, то есть изготавливался из нескольких слоев дерева разных пород, соединенных между собой клеем или за счет обмотки сухожилиями. Длина скифского лука составляла, в среднем, около 60 см, иногда немного больше. Поскольку подлинных скифских луков почти не сохранились, то их длину можно приблизительно определить по изображениям скифских лучников на предметах торевтики. Б. Н. Граков [1930] заметил, что длина луков достигала от 1/5 до 1/2 человеческого роста.

Часто на концах лука, а также посередине, были закрепленные костяные или роговые накладки. Это уменьшало рабочую, гибкую часть лука, что добавляло ему большую мощность, которая позволяла посылать стрелу, как отмечают античные письменные источники, на расстояние свыше 500 м. К сожалению, в памятниках археологии скифские луки сохранились лишь в единичных случаях. Е. В. Черненко [1981, с. 17] склонен объяснять это тем, что лук, как основное оружие степняка, передавался в наследство сыну или дочке умершего воина. Известно, что для натяжения такого лука было необходимо приложить усилия в 40–60 кг. Если ловкий лучник выпускал за минуту 10–12 стрел, можно представить себе, какую физическую подготовку имели степные амазонки (рис. 7).

Но в IV в. до н. э. в Южном Приуралье и окружающих регионах формируются новые мощные объединения ираноязычных кочевников, которые постепенно начинают продвигаться на запад. Особенно этот процесс становится ощутимым в III–I вв. до н. э. [Смирнов, 1984, с. 116–118]. С востока накатываются последовательные волны кочевников, которые, накладываясь друг на друга, и смешиваясь с Геродотовыми савроматами, образуют новые орды, которые древние

Рис. 6. Бронзовое зеркало из кургана Иссык [по: Акишев К.А., 1978, ил. 49]

авторы объединяют общим именем «сарматы». Преодолев сопротивление ослабевшей Скифии, сарматы овладели ее степями и вышли к границам Римской империи, которые простирались вдоль Дуная. Римский историк Тацит [История, 3, 5] сообщает, что римские императоры для защиты только одного их участка, что протянулся, приблизительно, между современными Венной и Будапештом, были вынуждены держать наготове четыре легиона.

Что стало причиной гибели скифской кочевой империи и до сих пор остается дискуссионным вопросом. Например, Н. А. Гаврилюк [1999, с. 307–312] практически сводит ее к абсолютизации негативного влияния антропогенного фактора на естественные ресурсы. Более точно – к деградации степных пастбищ вследствие содержания на них чрезмерного количества скота. Согласиться с таким мнением довольно трудно. Ведь само бытие кочевников предусматривало их тесную связь с окружающей средой и интуитивное регулирование своего взаимодействия с последней: «Без травы нет скота, без скота нет пищи» – констатирует монгольская поговорка [Крадин, 1996, с. 20–21]. По нашему мнению, к гибели скифского государства привели, во-первых, истощение экономических ресурсов Лесостепи как составляющей Великой Скифии вследствие чрезмерной эксплуатации населения этого региона со стороны кочевников и, во-вторых, субъективный фактор.

Ведь скифское государство, как все раннеполитические объединения (и не только раннеполитические – вспомним, например, СССР), зиждились на так называемой пирамидальной

Рис. 7. Степная амазонка. Графическая реконструкция М. В. Горелика [по: *Етнічна...*, 2000, рис. 35]

структуре власти. То есть каждый сегмент этой пирамиды повторяет организацию власти на самой верхушке пирамиды. Это приводит к тому, что пирамидальная структура власти содержит в себе симптомы самоуничтожения. Ведь каждый сегмент имеет свою систему управления, и, отколовшись от «пирамиды», может существовать самостоятельно. Пирамидальная структура власти способна существовать лишь при наличии харизматического лидера – вспомним лишь Александра Македонского, Чингис-Хана, Аттилу и других деятелей, оставивших заметный след в мировой истории.

Одним из таких лидеров был и скифский царь Атей, который погиб в битве скифов с войском Филиппа Македонского в возрасте свыше 90 лет [Лукиан Самосатский, *Долговечные*, 10]. Понятно, что его преемниками были люди довольно преклонного возраста, о чем свидетельствуют скифские царские курганы второй половины IV в. до н. э., между возведением которых нет значительных хронологических разрывов. Таким образом, прервалась нить, связующая тех, кто укреплял могущество и единство Скифии [Мурзин, *Ролле*, 2000].

Главной ударной силой сармат были отряды из аристократов, так называемые катафрактары.

Именно они, облаченные в панцири и панцирные штаны, наводили ужас на своих врагов.

Основным наступательным оружием катафрактариев были длинные копья-пики с узким наконечником. По свидетельству современников, такой пикой сарматский воин мог поразить сразу двух противников, если они стояли в сомкнутой шеренге в несколько рядов. И это вполне возможно, ведь сила удара обеспечивалась скоростью коня и суммарной массой коня и всадника.

Относительно сарматских воительниц, то, разумеется, пользоваться таким тяжелым доспехом и длинным копьем им было не под силу. По-прежнему, их главным оружием был лук. Так, например, в погребении 26 кургана № 6 Мечетсайского сарматского могильника, который расположен на берегу р. Илек, была похоронена женщина около 45–55 лет. Ее погребальный инвентарь составляли как типично женские вещи – ожерелье, пряслице, бронзовое зеркалаце, бронзовая игла, так и оружие – кожаный колчан с 29 стрелами (древки сохранились на 50 см) с бронзовыми наконечниками [Смирнов, 1975, с. 108, рис. 37]. Не исключено, что степные амазонки использовали также такое простое, но эффективное оружие, как аркан и пращу.

Но письменные свидетельства и археологические данные о воинственных девушках касаются не только скифских, савроматских, сарматских, сакских племен и других, родственных с ними этносов.

Например, амазонские мотивы присутствуют в знаменитом Нартском эпосе, который сложился в осетинской среде на основе иранского, прежде всего – аланского, фольклора, и рассказывает о легендарных предках осетин – нартах [Кузнецов, 1980].

В текстах Нартского эпоса сохранился рассказ о воинственной девушке – дочери Даргавсара (ее собственное имя неизвестно). В свое время на ее родной аул напали воины некоего Бархана, которые разгромили поселок и уничтожили всех его жителей. Не пострадали только девушки, которые жили в ауле. Это не совсем понятно, поскольку девушки всегда были лакомой добычей для завоевателей. Возможно, это объясняется менталитетом горцев – ведь даже во время кровной мести, разгоревшейся между родами, девушки и женщины сохраняли статус неприкосновенности.

Девушки, во главе с дочерью Даргавсара, строят склеп, где погребают своих односельчан, после чего скрываются в лесу. Здесь они начинают отдавать военным искусством.

«Стрела и меч знакомы девам стали,
Из лука все без промаха стреляли,
Готовились без устали к сраженью,
Их вдохновляло будущее мщенье»
[Нарты, с. 40].

Так в военных упражнениях прошел год, после чего девы в конной схватке разгромили

войско Бархана, убили его самого, а его голову водрузили на склеп своих родственников.

М. С. Туганов [1946, с. 184] отмечал, что эта легенда – одна из наилучших мировых легенд об амазонках.

Однако не менее поэтическим является каракалпакский эпос «Кирк киз» («Сорок девушек»), где рассказывается, как богатырша Гулайм и ее подруги побеждали врагов в кровавой сече, когда «от ослепительно несущихся стрел крошечная ночь озарялась ярко». Исследовательница этих мотивов Л. С. Толстова, считает, во-первых, что древнейший пласт этой легенды восходит к сако-массагетской культурной традиции, и, во-вторых, что в ней речь идет об отдельных девичьих гарнизонах. Они играли роль своеобразного форпоста на отдаленных границах племени. Как и другие ученые, Л. С. Толстова связывает это явление с институтом возрастных классов, когда именно на молодежь возлагалась охрана своей земли [Толстова, 1984, с. 188-195].

Этот вывод позволяет считать, что упоминавшийся Геродотом отдельный лагерь «амазенок» нужно рассматривать как свидетельство в пользу существования у савроматов подобных же девичьих отрядов, которые были расположены вблизи Танаиса, на рубеже скифских и савроматских земель, в которых девушки, помимо прочего, могли доказать свою готовность к браку.

Но воинствующие женщины-воительницы существовали не только в среде кочевников.

Как известно, древнерусский князь Святослав в конце своего короткого, но яркого

жизненного пути вторгся на Балканы, где захватил тогдашнюю Болгарию, Македонию, но встретил сильное сопротивление со стороны армии византийского императора Иоанна Цимисхия. Он был вынужден отступить к древнеболгарской крепости Доростол (современный г. Силистрия). Под ее стенами 22 июля 971 г. состоялась битва 20 тыс. русичей с 40 тыс. византийцев. Воины Святослава ее проиграли. Как пишет византийский историк Лев Диакон [Интернет-ресурс], когда ромеи начали собирать трофеи, то обнаружили среди погибших воинов Святослава женщин. Они имели мечи, копья, луки, боевые ножи и топоры.

Достаточно хорошо известны и женщины-воины у кочевых тюрок и монголов [см. например: Хазанов, 1975, с. 85-86]. В этой связи можно вспомнить также сохранившийся отрывок из знаменитой Ясы Чингис-Хана, повелевавшему, чтобы женщины, сопутствующие войскам, исполняли труды и обязанности мужчин в то время, как последние отлучались на битву.

Кстати, это повеление Чингис-Хана может пролить свет и на эпизод, описанный Львом Диаконом. Поверженные в битве под Доростолом женщины, конечно же, не были профессиональными воительницами. Они сопровождали дружину Святослава и несли на своих плечах все тяготы нелегкого походного быта. Но в момент крайней опасности, когда со всей очевидностью встала дилемма: «победа или смерть», за оружие взялись все, кто мог держать его в руках, в том числе и женщины.

Рис. 8. Дагомейские амазонки [по: Интернет-ресурс-2]

Безусловно, заслуживает отдельного, глубокого и всестороннего изучения тема «амазонок» в эпоху позднего средневековья, нового времени и в современный период. Впрочем, последнее (служба женщин в современных армиях и силовых структурах) имеет отношение не столько к истории, сколько к современной гендерной политике.

Что касается амазонок Средневековой Европы, Азии, Океании, Африки и Америки, то ныне эта тема привлекла внимание С. Н. Рослякова [2004].

Например, очень интересна история африканских амазонок. В XVII в. на берегах Гвинейского залива возникает государство Дагомея (ее территория приблизительно соответствует территории современного африканского государства Бенин). Функции телохранителей королей этого государства, которое существовало до конца XIX в., пока его не захватили французские колонизаторы, выполняли специальные отряды женщин [Интернет-ресурс2], которые мастерски владели оружием, в том числе огнестрельным (рис. 8).

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А.** Курган Иссык. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.
- Бунятян Е.П.** Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV–III вв. до н. э. – Киев: Наукова думка, 1985. – 226 с.
- Гаврилюк Н.А.** История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н. э. – Киев: Наукова думка, 1999. – 420 с.
- Граков Б.Н.** Техника изготовления металлических стрел у скифов и сарматов // Труды секции археологии Российской ассоциации НИИ обществ. наук. – М., 1930. – Т. 5. – № 78. – С. 70–90.
- Граков Б.Н.** ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 100–121.
- Евдокимов Г.Л., Мурзин В.Ю.** Раннескифское погребение с оружием у с. Новокиевка // Вооружение скифов и сарматов. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 75–82.
- Етнічна історія давньої України. – Киев, 2000.
- Интернет-ресурс. Битва при Доростоле. Режим доступа: <http://www.hrono.ru/sobyt/0900sob/0971dorostol.php>
- Интернет-ресурс-2. «Черные амазонки» – кровавый ужас Дагомеи. Режим доступа: http://www.repin.info/mystery/Black_Amazon-the_bloody_terror_of_Dahomey
- Интернет-ресурс-3. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/амазонки>
- Интернет-ресурс-4. Режим доступа: <http://agent-40.livejournal.com/12305.html>
- Крадин Н.Н.** Империя хунну. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 312 с.
- Кузнецов В.А.** Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. – Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1980. – 136 с.
- Махортых С.В.** Вооружение «амазонок» степной Скифии // Восточноевропейские древности скифской эпохи. – Воронеж: Научная книга, 2011. – С. 37–52.
- Мелокова А.И.** Вооружение скифов. – М.: Наука, 1964. – 91 с. (САИ, Вып. Д1-4).
- Мурзин В.Ю., Ролле Р.** Гибель Великой Скифии и царь Атей // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. – М.: Институт археологии РАН, 2000. – С. 216–220.
- Мурзин В.Ю., Шлайфер В.Г.** Скифские кинжалы с короткими рукоятями // История оружия. – Запорожье, 2012. – № 5–6. – С. 20–24.
- Нарты. Эпос осетинского народа. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 412 с.
- Полосьмак Н.В.** «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.
- Пьянков И.В.** Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. – Л.: АН СССР, 1975. – С. 84–91.
- Росляков С.Н.** Амазонки в ярости и любви. – Николаев: Возможности Киммерии, 2004. – 247 с.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 175 с.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы и утверждение их господства в Скифии. – М.: Наука, 1984. – 184 с.
- Толстова Л.С.** Исторические предания Приаралья. – М.: Наука, 1984. – 246 с.
- Туганов М.С.** Новое в нартовском эпосе // Известия Южно-осетинского НИИ. – 1946. – Вып. I. – С. 170–186.
- Фиалко Е.Е.** Амазонки причерноморских степей // Восточноевропейские древности скифской эпохи. – Воронеж: Научная книга, 2011. – С. 23–37.
- Фиалко О.Є.** Поховання дівчат зі зброєю в скифському кургані на Херсонщині // Археологія. – 2012. – № 1. – С. 82–92.
- Хазанов А.М.** Социальная история скифов. – М.: Наука, 1975. – 343 с.
- Черненко Е.В.** Скифские лучники. – Киев: Наукова думка, 1981. – 166 с.
- Юань Кэ.** Мифы Древнего Китая. – М.: Главная ред. восточной лит-ры изд-ва «Наука», 1987. – 527 с.

**В. Ю. Мурзин,
В. Г. Шлайфер**

В. Ю. Мурзин¹, В. Г. Шлайфер²

¹Бердянский университет менеджмента и бизнеса

²Запорожский Музей истории оружия

V. Yu. Murzin¹, V. G. Shlayfer²

¹Berdyansk University of Management and Business

²Zaporozhye Museum of the History of weapons

e-mail: vjmurzin@ukr.net

Сакский (?) жертвенный нож из собрания Музея истории оружия в г. Запорожье

Аннотация. В данной публикации вводится в научный оборот изготовленный из диабазы жертвенный нож, хранящийся в коллекции Музея истории оружия в г. Запорожье. По словам продавца, передавшего этот нож Музею, данная вещь происходит откуда-то из Южной Сибири, т. е. той территории, которая в древности была занята племенами саков.

Клинок ножа листовидной формы, на спинке клинка и верхней части рукояти имеются декоративные косые рельефные валики. Навершие ножа украшает гравированная протомы волка, выполненная в традициях скифо-сибирского звериного стиля. Особенности иконографии этого изображения позволяют датировать этот нож в рамках VI в. до н. э. Следует заметить, что украшение публикуемого нами ритуального ножа, примененного при совершении кровавых жертвоприношений, протомой кровожадного и не знающего пощады волка вполне логично и объяснимо.

Ключевые слова: Южная Сибирь, племена саков, жертвенный нож, волк, скифский звериный стиль.

Saka (?) sacrificial knife from the collection of the Museum of history of weapons in Zaporozhye

Abstract: Made of diobaz sacrificial knife that is stored in the collection of the Museum of the history of weapons in Zaporozhye is introduced into scientific use in this publication. According to the seller who gave this knife to the Museum, this thing is from somewhere in the Southern Siberia, that is the territory that was occupied by tribes of Saks in ancient times.

The blade of the knife is leaf-shaped and there are decorative oblique relief rolls on the back of the blade and the upper part of the handle. The pommel of the knife is decorated with engraved protomai of the wolf, made in the traditions of the Scythian-Siberian animal style. Features of the iconography of the image allow us to date the knife in the VI century BC. It should be noted that the decoration of the published ritual knife that was used in the commission of the bloody sacrifices by the protomai bloodthirsty and no mercy wolf is quite logical and explicable.

Keywords: Southern Siberia, the tribes of the Sakas, the sacrificial knife, the wolf, the Scythian animal style.

В фондах Музея истории оружия, что в г. Запорожье, хранится нож, изготовленный из диабазы (вулканического стекла) серого цвета. По словам продавца, принесшего этот нож в Музей, он происходит откуда-то из южных районов Сибири, т. е. с той территории, которая в I тыс. до н. э. была занята носителями сакской культуры. К сожалению, точного места находки он назвать не смог.

Нож имеет клинок листовидной формы, спинка клинка и верхняя часть рукояти декорированы рядом косых рельефных валиков. Навершие рукояти украшено гравированной протомой волка с ощеренной зубастой пастью, круглыми глазами и треугольными ушами, в целом соответствующее канонам скифо-сибирского звериного стиля.

Общая длина ножа – 265 мм, длина клинка – 165 мм, ширина клинка у основания – 40 мм. Ширина рукояти – 33 мм. Наибольшая толщина ножа – 17 мм (рис. 1).

Естественно, первый вопрос, который возникает при публикации данного ножа, это вопрос о его подлинности. На наш взгляд, о том, что это действительно древняя вещь, а не подделка, свидетельствуют три момента: 1) нож покрыт достаточно толстым слоем патины; 2) фальсификаторы обычно изготавливали свои реплики по образцу уже известных подлинных вещей, иногда их творчески переосмысливая или стилизуя. Самый яркий пример – история со знаменитой «тиарой Сайтафарна». В данном же случае мы имеем дело с вещью уникальной; 3) изготавливая подделки, современные мастера обычно используют

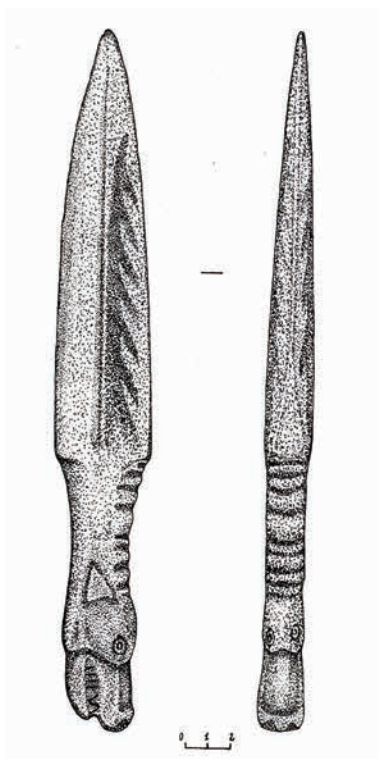

Рис. 1. Ритуальный нож из коллекции Музея истории оружия в г. Запорожье (рисунок Р. А. Доли)

территории Скифии выявлено шесть пар таких ножей, изготовленных из реликтового металла – бронзы, среди которых наиболее известны две пары ножей из Репяховатой Могилы [Ильинская, 1975, с. 155; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 49-51, рис. 17, 5–8, рис. 22-23]. Обломок еще одного такого ножа (случайная находка) хранится в Киевском историческом музее [Шрамко, 1965, с. 137].

Образ волка в скифо-сибирском искусстве звериного стиля по количеству изображений несколько уступает таким классическим сюжетам, как изображения оленей, кошачьих хищников, грифонов или сцен терзания травоядных хищниками.

Мы не будем перечислять все известные изображения волкообразного хищника – это займет слишком много места. Скажем лишь, что изображения волков, украшавшие различные вещи, прежде всего – оружие, обнаружены в скифских, сарматских, сакских памятниках, памятниках Горного Алтая, Тувы, Монголии, Ордоса (Внутренняя Монголия), а также в памятниках северных провинций собственно Китая – Синьцзянь и Ганьсу. На территории Северного Китая обнаружены также предметы вооружения скифского типа.

более ценные материалы, в том числе драгоценные металлы, а не камень, который едва ли способен обеспечить высокую продажную стоимость изделия.

Если публике мы нож подлинный, он, несомненно, относится к категории жертвенных ножей, которые изготавливались из реликтовых материалов.

Обычно в комплексах жертвенные ножи присутствуют парно. Так, на

обычно эти инновации связывают с кочевниками «ди» (например: [Ковалев, 2001, с. 124]). Вряд ли этих номадов можно непосредственно связывать со скифами, но все же их принадлежность к «скифскому миру» не вызывает сомнения. Вероятнее всего, прародину кочевников «ди» следует искать на исконных территориях саков в Южной Сибири или в Центральной Азии.

Одним из наиболее ранних изображений этого круга является скульптурное изображение волка на бронзовом ноже карасукской культуры позднего бронзового века (рис. 2), найденном на территории Минусинской котловины [Артамонов, 1973, рис. 115, б].

Как известно, восточный импульс, частично связанный с носителями карасукской культуры, сыграл значительную роль в формировании киммерийской культуры на ее черногоровском этапе (кинжалы минусинского облика, стремляковидные удила и трехдырчатые псалии, киммерийские антропоморфные стелы, прототипом которых послужили знаменитые «оленные камни») и киммерийского этноса [Тереножкин, 1973; Членова, 1975, с. 88]. Надо сказать, что черногоровские бронзовые наконечники стрел и детали узды настолько близки аналогичным компонентам скифской материальной культуры, что некоторые черногоровские комплексы (например, киммерийское погребение в кургане Малая Цимбалка) долгое время считались собственно скифскими.

Возникновение в Восточной Европе скифского раннеполитического объединения и формирования раннескифской культуры, мы связываем с проникновением сюда второй волны протоскифской культуры из «глубин Азии» (по

Рис. 2. Карасукский кинжал из Минусинской котловины [по: Артамонов, 1973, рис. 115, б]

определению А. И. Тереножкина), поскольку в отличие от западных регионов Южной Евразии, где существовала «стерильная» новочеркасская прослойка, разделяющая во времени черногоровские и скифские древности, развитие протоскифской культуры происходило там непрерывно, начиная с эпохи поздней бронзы [Клочко, Мурзин, 1987].

Племена карасукской культуры сыграли немалую роль и в сложении сакского этноса [Пьянков, 1995, с. 56].

Что касается возможной даты публикуемого нами ножа, следует отметить, что изображение протомы волка лаконично, лишено дополнительных деталей и боязни «пустого пространства», что характерно для раннего этапа в развитии зооморфного стиля. Наиболее близкой в иконографическом смысле является, пожалуй, протомы изготовившегося к прыжку волка, выгравированная на костяном предмете из с. Абрамовка (рис. 3), что в Южном Приуралье [Смирнов, 1976, рис. 1, 8].

Впрочем, близкие по стилю изображения волкообразного хищника известны и в более позднее время. Яркий пример тому – резное изображение протомы волка на костяном наконечнике нагайки (рис. 4) из Бердянского кургана IV в. до н. э. [Мурзин, Фіалко, 1998, с. 109, рис. 7].

Однако следует заметить, что все известные нам ритуальные ножи, обнаруженные на территории Северного Причерноморья, датируются раннескифским периодом. Все это позволяет нам датировать и публикуемый нами ритуальный каменный нож ранним периодом истории саков, т. е. приблизительно VI в. до н. э.

Следует сказать, что волк в той или иной ипостаси зафиксирован в мифологии многих древних народов. Не будем вспоминать классический миф об основателях Рима – Ромуле и Реме, поскольку он возник в иной этнокультурной среде, а обратимся к более близким параллелям.

Так, прародителем наиболее известного рода легендарных нартов – а нартовский эпос, несомненно, складывался под влиянием мифов ираноязычных кочевников – в какой-то мере скифов, но, прежде всего, более поздних аланов, был Уархаг [Дюмизиль, 1976, с. 174, 176–177]. Согласно В. И. Абаеву [1949, с. 187], это имя происходит от иранского слова «*warka*» – волк.

Не менее интересен сюжет, повествующий о происхождении знатного рода Ашина, правившего во многих кочевых тюркских образованиях – от объединения хуннов до Хазарского каганата.

Согласно китайской летописи Таншу, в древности существовал хуннский род Ашина. Этот род был разбит и истреблен соседями, но осталась одна беременная женщина, которая скрылась в горах на северо-западе Алтая, в горной пещере. Это было волчье логово. Во время родов женщина скончалась, а мальчика вскормила волчица, которая имела шестерых волчат, а мальчик был седьмым. От этого мальчика берет свое начало хуннский царский род Ашина, который впоследствии стал правящим родом во многих тюркских образованиях, в том числе Первого тюркского каганата, одного из крупнейших в истории человечества древних государств Азии, созданное племенным союзом тюрков (тюркютов) во главе с правителями из рода Ашина и достигшего своего наибольшего могущества в конце VI в.

Не случайно изображение волка было геральдическим символом тюрков, а также помещалось на их боевых знаменах. Как отмечает С. Г. Кляшторный [1965, с. 280–281], в тюркских языках название этого рода не находит надежного объяснения, тогда как «в качестве одного из гипотетических прототипов имени можно выделить сакское «*asana*» — «достойный, благородный», отражённое в агнийском, кушанском «*asam, asana*».

Н. В. Полосьмак [1990, с. 105] также считает, что в состав хуннов входили европеоидные кочевники. Учитывая время и место формирования хуннского объединения, такими кочевниками могли быть только ираноязычные номады, занимавшие в эпоху раннего железного века огромные территории Великого евразийского пояса степей, до Западной Монголии включительно.

Особую роль хищников семейства псовых (в данном случае нас интересуют волки, а также их подвид – домашние собаки) в идеологии и воинских обычаях ираноязычных кочевников рассматривает А. И. Иванчик [1988] на примере скифского вождя эпохи переднеазиатских походов Ишпакая и его воинов.

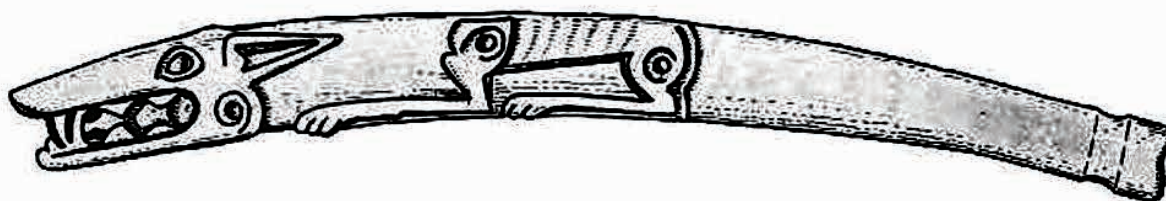

Рис. 3. Костяной предмет из Абрамовки [по: Смирнов, 1976, рис. 1, 8]

Рис. 4. Резное украшение рукояти нагайки из Бердянского кургана [по: Мурзин, Фіалко, 1998, с. 109, рис. 7]

В этой связи он, прежде всего, отметил этимологию имени предводителя скифов – Ишпакай, производного от иранского слова «*spaka*» – собака.

По мнению этого автора, собака и волк почитались ираноязычными народами, особенно их молодыми воинами, что связано с институтом возрастных классов. Молодые воины обычно представляли собой особое подразделение кочевого войска и входили в состав мужских союзов. Зачастую они именовались «волками» и отличались жестокостью и неустрасимостью. Согласно А. И. Иванчику, это, по видимому, относилось и к воинам Ишпакай – «воинам-псам», сражавшихся с неистовостью бойцовских псов.

У Геродота [IV, 105] зафиксированы интересные данные о неврах – северных соседях скифов, но живущих по скифским обычаям. Согласно «Отцу истории», невры один раз в году были способны на несколько дней обращаться в волка. Скорее всего, здесь зафиксированы какие-то элементы воинской магии невров, их способность превращаться в воинов-волков.

Саги викингов, этих средневековых кочевников морей, также полны упоминаний о бесстрашных берсерках (воинах-медведях) и улфедхиннах (воинах-волках), которые, под воздействием каких-то наркотических средств – возможно, галлюциногенных грибов (вспомним священный напиток индоиранцев – сома, изготавливаемый из отвара красных мухоморов) бесстрашно бросались в бой и не чувствовали боли от полученных ран.

Почитание древними кочевниками волка вполне объяснимо. Волк достаточно крупный хищник (его вес может достигать 85 кг). Узкая и обтекаемая грудная клетка и сильные ноги позволяют ему во время погони достигать скорости до 65 км/час, а строение лап позволяет ему свободно передвигаться по любой поверхности, в том числе и по глубокому снегу.

Волк – очень чуткое и внимательное животное, обладающее прекрасным зрением и обонянием. Как известно, волки практически всегда

выходят на охоту стаями. Каждая стая представляет собой четкую иерархическую организацию, отличающуюся повышенной агрессивностью.

Именно такими – агрессивными, бесстрашными и неуловимыми должны были быть отряды кочевников, подчиненные строгой дисциплине и необходимости неукоснительного выполнения приказов своего предводителя – вождя «волчьей стаи».

Следует отметить, что в последние годы на территории современного Казахстана, в местности Ак-Кайнар [Интернет-ресурс], наряду с другими изображениями были обнаружены изображения мужчин в волчьих масках (рис. 5), которые датируются андроновской или сакской эпохой. Несомненно, эти рисунки отображают какой-то обряд, связанный с перевоплощением мужчины-воина в воина-волка.

Суммируя все, сказанное выше, становится понятно, что украшение публикуемого нами ритуального ножа, применявшегося при совершении кровавых жертвоприношений, протомой кровожадного и не знающего пощады волка вполне логично и объяснимо.

Рис. 5. Изображение человека-волка на скалах Казахстана [по: Интернет-ресурс]

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.** Осетинский язык и фольклор. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 1. – 601 с.
- Артамонов М.И.** Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 278 с.
- Дюмезиль Ж.** Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука, 1976. – 272 с.
- Иванчик А.И.** Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. – 1988. – №5. – С. 38–48.
- Ильнская В.А.** Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. – Киев: Наукова думка, 1975. – 221 с.
- Ильнская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И.** Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 31–63.
- Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://ru.nomad-kazakhstan.kz/2181.html>
- Ключко В.И., Мурзин В.Ю.** О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 12–19.
- Кляшторный С.Г.** Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина) // Новое в советской археологии (МИА №130). – М.–Л.: Наука, 1965. – С. 278–281.
- Ковалев А.** Древние кочевники на границах китайских государств // Miras. – 2001. – №2. – С. 124–176.
- Мурзин В.Ю., Фіалко О.Є.** Зброя з Бердянського кургану. – Археологія. – 1998. – №3. – С. 103–112.
- Полосьмак Н.В.** Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Дао-дуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 101–107.
- Пьянков И.В.** Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток – Oriens. – 1995. – №6. – С. 27–46.
- Смирнов К.Ф.** Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 74–89.
- Тереножкин А.И.** Киммерийцы. – Киев: Наукова думка, 1976. – 220 с.
- Членова Н.Л.** О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху // Studia Thracica. – София: Изд-во Болгарской АН, 1975. – Вып. 1. – С. 69–90.
- Шрамко Б.А.** Металеві знаряддя виробництва Лісостепової Скіфії (ножі) // Питання історії народів СРСР. – Харків: Вид-во Харківського університету, 1965. – Вип. 1. – С. 137–152.

В. А. Новоженев

В. А. Новоженев
САИ при КарГУ им. Е. Букетов, г. Караганды
V. A. Novozhenov
Saryarka Archaeological Institute near Karagandy
State University
E-mail:vnovozhenov@gmail.com

Роль инноваций в системе древнейших коммуникаций Евразии

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, проект 1344/ГФ4 «Исследование социально-стратифицированных погребальных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы»

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли инноваций в системе древнейших коммуникаций кочевого населения степной Евразии в эпоху бронзы в условиях формирования трансконтинентальной глобальной мир-системы. Выделены ключевые инновации, их территориальное распространение и исторические последствия этого процесса.

Ключевые слова: инновации, коммуникации, наскальные изобразительные памятники, петроглифы, каналы коммуникации, самоидентификация, культурогенез, глобализация, мир-система.

Innovations in the ancient communications network

Abstract. The article studies of innovation's role in the ancient communications network of earliest Bronze Age population of Eurasia steppes, when trans-continental global World-System was created. There are some innovations of that period, which distributed in the territory of continental steppes and formatting the historical development of the local clans and the Bronze Age societies.

Keywords: innovations, communications, rock art monuments, petroglyphs, communication channels, self-identification, cultural genesis, globalization, world-system.

Из всего многообразия коммуникаций выделяются системы базовых и традиционных внутренних каналов, которые человечество формировало тысячелетиями своей истории: письменность, музыка, танец, живопись и различные виды художественного творчества, мировые религии. Это также налаженные каналы внешних коммуникаций — миграции, обмена, торговля, постепенно превратившиеся в глобальные мировые транспортные артерии. Это вся транспортная инфраструктура, созданная человеческой цивилизацией и определяющая уровень ее развития [Новоженев, 2012, с. 12–20].

В процессе формирования каналов внешней коммуникации исключительное значение имеет объект самого коммуникативного канала, иными словами — то, ради чего и на основании чего этот канал создается. Как правило, эти инновационные предметы, технологии (традиции), объекты, создаются (рождаются) на правах монополии либо самим социумом, либо могут отсутствовать в практической жизни социума или не могут им производиться в силу недостаточно развитых знаний, навыков и отсутствия соответствующих технологий и необходимого сырья. Для полу-

чения таких важных товаров и знаний древние социумы уже на заре своего существования выстраивали очень значительные по своей протяженности, даже по современным меркам, каналы обмена [Бродель, 1988, с. 12–156].

Исходя из вышесказанного, наиболее перспективным объектом для исследования древнейших систем коммуникации представляются инновации древних социумов и их распространение на просторах Евразийского континента. Обладание этими преимуществами обеспечивало как сам процесс глобального освоения новых территорий, так и превосходство над менее развитыми в данном плане социумами.

Изобразительные памятники, прежде всего скопления петроглифов на скалах, фиксируют факт пребывания носителей этих традиций на конкретной территории, и географическое распространение сходных знаков одного изобразительного ряда (кода) может свидетельствовать о территориальных передвижениях конкретного социума [Новоженев, 2012; 2012а; 2014, с. 17–267; 2015а].

При рассмотрении крупномасштабных событий и процессов бронзового века Евразии (на-

чина с рубежа IV–III тыс. до н. э.) невозможно ограничиться «традиционными» объяснительными моделями: эволюция, миграция, импорты и др. [Клейн, 2012; 2013; Ольховский, 1992, с. 30–33; Подольский, 2007, с. 113–128; Chase-Dunn, 2007; Childe, 1957]. Одним из возможных решений может стать использование концепции глобализации, которая стала мировым трендом, начиная с 70-х годов прошлого века [Wallerstein, 1974]. Мир-система в классическом понимании характеризуется наличием границ, структуры и правил легитимации. Она ориентируется на самовоспроизведение, основанием которого является широкое разделение труда, культурное многообразие; динамика развития по преимуществу имеет внутрисистемный характер. Если основатель концепции, И. Валлерстайн, сформулировал ее основные положения применительно к событиям мировой истории последних 500 лет, то его последователи достаточно быстро попытались расширить хронологические рамки [Гринин, 2009; 2011, с. 80–81; Kristiansen, 1998; 2007].

Бронзовый век характеризуется массовым формированием комплексных обществ, куда входят не только государства, но также огромное разнообразие масштабных по демографическим параметрам и территориальному охвату социумов, не сформировавших государственных систем. Впервые складывается система зонирования «государства — «догосударственная периферия». Для аридной зоны перспектива создания государственности (в ее классическом понимании), видимо, отсутствовала в силу ряда причин, детерминированных, в конечном итоге, особенностями существующих экологических ниш, природным ландшафтом и достигнутым уровнем развития производства [Епимахов, 2005; 2009, с. 92–104; 2010, с. 31–37; 2012, с. 5–9]. Речь идет о системе жизнеобеспечения, которая на протяжении III–II тыс. до н. э. базировалась почти исключительно на комплексном животноводстве [Масанов, 2011; Мерперт, 1974; Мерц В.К., Мерц И.В., 2010, с. 134–144; Бочкарев, 2010; 2012; ср.: Евдокимов, Варфоломеев, 2002]. Именно для этого времени улавливаются разнохарактерные дальние связи, реконструируются миграционные потоки [Гринин, 2011, с. 86; Епимахов, 2010, с. 17–18].

Сегодня мы не всегда располагаем возможностью оценить скорость распространения и направления технологических и других древнейших инноваций. Отображением такого положения можно считать попытки терминологически выйти за рамки концепции археологической культуры (АК) путем объединения групп культур в рамках культурно-исторических общностей/областей (КИО), металлургических провинций, блоков АК и горизонтов АК. Применительно к древним сообществам степных животноводов Евразии име-

ется своя специфика: в отличие от классической схемы обменов и миграций, когда оседлый, ориентированный на земледелие, социум выстраивает географически фиксированную карту своих коммуникаций с другими сообществами, то подвижные, ориентированные на животноводство, социумы формируют «мобильную» карту таких внешних, постоянно изменяющихся коммуникаций, зафиксировать которую оказывается значительно сложнее.

В дописьменный период степная АК, применительно к мобильным животноводам, является понятием достаточно условным, атрибутом профессионального словаря археологов и отражает своеобразие массовых артефактов материальной культуры: керамики и ее орнаментации, предметов ремесла, вооружения, охоты, погребального обряда, характерных для определенной территории (экологической ниши).

Иными словами, любая АК, выделенная в степных регионах, в силу своих естественных ограничений и малочисленности других видов источников информации, фиксирует только незначительную часть артефактов и данных, сохранившихся до наших дней в древних могилах и очень редких поселениях. Как только мы выходим на новый этап в процессе познания — пытаемся выйти на уровень реконструкции исторических, социальных процессов по археологическим материалам, или в данном случае — реконструкции древнейших каналов коммуникации, процессов этно- и культурогенеза, мы неизбежно сталкиваемся с этими естественными ограничениями [Новоженев, 2014, с. 17–267].

Представляется, что факт внешней коммуникации и возможная миграция социума имеют место быть, когда существует объект, стимулирующий такую миграцию, а именно: поиск новых пастбищ для скота или, например, лигатуры для производства металлических орудий или специфического сырья для изготовления гончарной посуды, а также других предметов повседневного спроса. Специфика миграций [Клейн, 2012; 2013] состоит в естественном освоении обширных новых территорий континента, прежде всего, как пастбищ для домашних животных, воспроизводство поголовья которых, в свою очередь, есть залог развития и процветания этих социумов. Такая естественная и гармоничная модель территориального расселения социумов, чаще совсем и не похожая на миграцию, а скорее подобная классическому кочевью [Масанов, 2011], наиболее полно соответствует накопленным сегодня археологическим данным. Нет оснований рассматривать этот процесс как военную и агрессивную экспансию и захват чужих территорий со всеми ужасами насильственной ассимиляции и геноцида [Кузьмина, 2007; 2010].

Природно-географический фактор является определяющим в процессе самой миграции в полупустыне, лесостепи, степи — основных ландшафтах континента, где проходили маршруты кочевий. Наличие воды и достаточного количества кормов для домашних животных определяют «механизм» освоения новых целинных степных пространств — по берегам, вдоль бассейнов многочисленных протекающих на этих территориях рек.

Представляется вполне нормальным на современном этапе исследований, что любая вновь сгенерированная концепция древней миграции, основанная даже на самом детальном анализе и сходстве археологических материалов, всегда будет предметом острых дискуссий [Клейн, 2012; 2013] и основанием для происхождения новых и новых вариантов реконструкции исторических процессов и новых вариантов возможных исторических реальностей. В этих условиях целесообразно использование терминов «коммуникации», «каналы коммуникации», которые более нейтрально характеризуют взаимосвязи различных социумов и описывают совокупность как внешних, так и внутренних их взаимовлияний, и связей, включая в себя и собственно миграции, импульсы возможных культурных (этнических) взаимодействий и другие виды самоидентификации социума.

В этом смысле знаковые коммуникации и реконструкция некоторых этапов процесса этногенеза и элементов древних систем коммуникации и идентификации по принципу «свой-чужой», безусловно связанных с социальными и культурными явлениями, могут ответить на многие вопросы древнейшей истории «живых» и «мертвых» народов Евразии именно в условиях ограниченной базы источников и, прежде всего, письменных [см. подробнее: Новоженев, 2015б, с. 57–88; 2015в, с. 40–45].

Основной задачей коммуникации, которую решали древние социумы, стала проблема самоидентификации или предполагаемой собственной идентичности по принципу «свой – чужой». На просторах степной Евразии, где, вероятно, происходило формирование этой идентичности, процесс культурогенеза носил специфический характер, поскольку изначально был ориентирован на подвижный образ жизни животноводов-пастухов. Мобильная основа хозяйства определяла многочисленные переселения и смешение небольших (25–30 человек) производственных групп (или кланов) животноводов — носителей степных АК (рис. 1; 2; 3).

Важнейший фактор, характеризующий этнос — территориальный — стал приобретать мобильный и глобальный характер. В результате

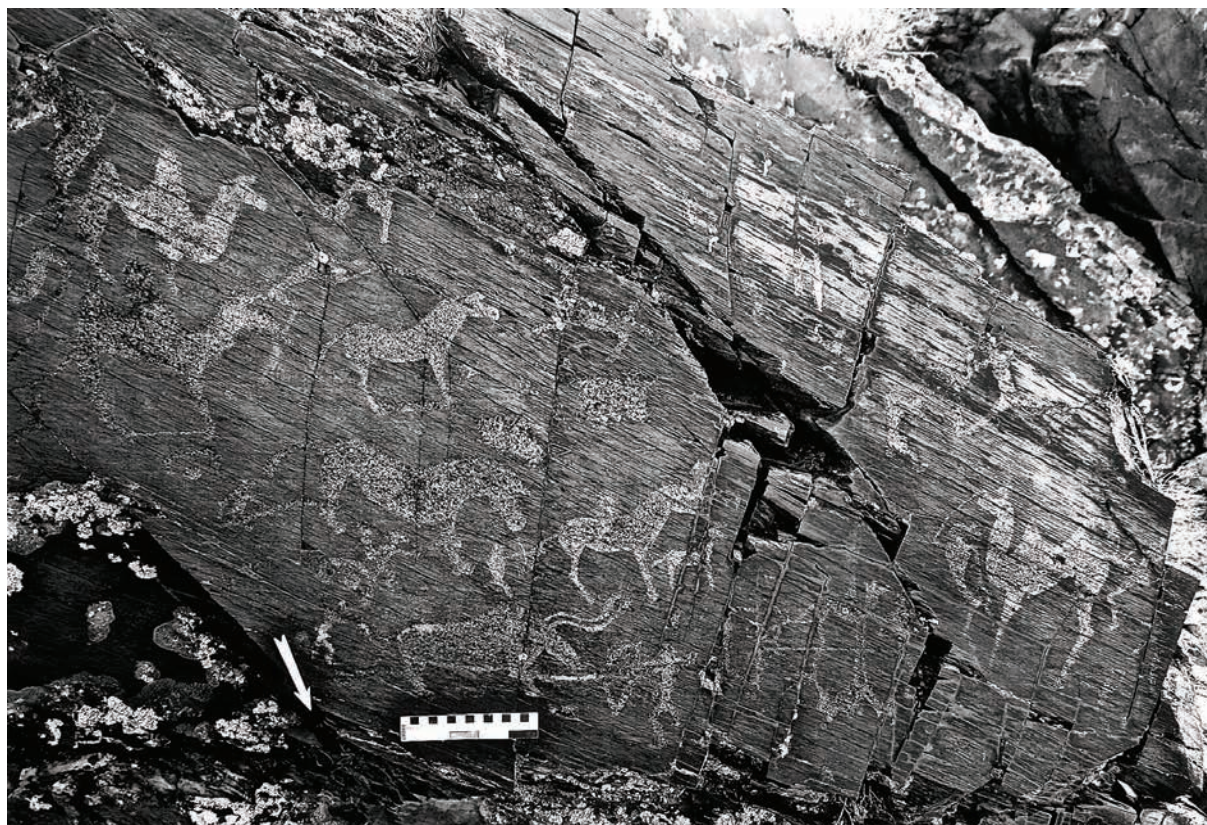

Рис. 1. Сарыарка. Долина реки Байконур. Группа III. Наскальные изображения лошадей, верблюдов, быков, сцена охоты лучников, двуколка, запряженная парой верблюдов. Фрагмент многофигурной композиции. Начало II тыс. до н. э. Андроновская (сейминско-турбинская) изобразительная традиция. Фото автора

Рис. 2. Сарыарка. Долина реки Байконур. Группа Н. Наскальные изображения верблюдов, человека и повозки. Верблюд при помощи оглобелей запряжен в четырехколесную телегу открытого типа. Фрагмент многофигурной композиции. Первая половина II тыс. до н. э. Андроновская изобразительная традиция. Подновления. Фото автора

естественного освоения этими кланами животноводов степных просторов Евразии самые передовые инновации, изобретенные в Месопотамии, — гончарный круг, колесный транспорт, технология бронзолитейного производства изделий в формах, изобразительная, мегалитическая, статуарная традиции, очень быстро распространились на огромных территориях, сложились каналы коммуникации, посредством которых эти новые изобретения распространялись в самые отдаленные регионы континента (рис. 4; 5).

Таким образом, наряду с движением вещей (импортом и обменом товарами), материальных свидетельств выделенных АК, происходило распространение «транскультурных» инноваций — новых технологий, идей, образов, знаков, их сочетаний и кодов, мифологем, мемов, выразившихся в определенных культурных, изобразительных, погребальных, мегалитических традициях, обрядах и ритуалах, носителями которых выступали отдельные мобильные кланы животноводов. Именно эти «транскультурные» инновации и традиции могут рассматриваться как индикаторы или маркеры собственной уникальной идентичности социума или клана.

Такие «транскультурные», традиционные, иррациональные черты в степных АК вероятно наиболее близки этнической основе древних социумов. В узком смысле — это артефакты, определенно связанные со сложившимися в социуме

традициями, культовой и ритуальной деятельностью, в широком — особенности погребального обряда, изобразительная традиция, мифотворчество, некоторые инновации, изобретения, технологические навыки (технологии). В той или иной мере эти виды деятельности всегда связаны с ритуалами, отражающими какие-то определенные мифологические (шире — культурные и даже идеологические) представления.

Довольно часто такие сочетания и структуры проявляются в совершенно разных АК, например, распространенные на обширных территориях курганы или каменные ящики в оградах, сопровождающие их мегалитические конструкции (менгиры или стелы) распространены в эпоху бронзы достаточно широко и в достаточно удаленных друг от друга регионах степной Евразии. Но при таком глобальном сходстве базовых элементов погребальных конструкций, различия между выделенными степными АК и собственно культурная принадлежность самих погребений зачастую определяются лишь отличиями в типах сопровождающей керамики или погребального инвентаря.

«Транскультурные» инновации часто распространяются в виде мифологем, мемов и связанных с ними знаков, орнаментов и образов, за которыми, как это ни странно, могут стоять реальные знания. Часто они формируются в устойчивые знаковые или изобразительные и

Рис. 3. Иудея. Лакшиш. Фрагмент многофигурной монументальной (более 12 м) композиции, повествующей о героической обороне города Лакшиш от ассирийских захватчиков. IX–VIII вв. до н. э. Иерусалим. Музей Израиля. Фото автора

даже технологические традиции, которые так же отражают уникальную идентичность социума. Доказано, что для человека в дописьменный период истории существовала только одна возможная форма познания и осмысления окружающей действительности — мифологическая.

Из этой особенности происходит и фантазмагория, и животный натурализм, и иррациональность как самих древнейших каналов коммуникации, так и формирующихся на их основе изобразительных и прочих традиций. Но именно они наиболее точно определяют идентичность социума (и возможную фантастичность и иррациональность некоторых ее черт), поскольку отражают наиболее устойчивые, консервативные, и, главное — узнаваемые сочетания знаков-образов, расположенных в определенном порядке в изобразительных рядах или кодах, зафиксированных археологами фигуративных или статуарных памятников.

Показательным в этой связи представляется распространение на территории Евразии в III–II тыс. до н. э. индоевропейского мифа о сотворении человека и его вариантов, отмеченных практически у всех народов континента [Березкин, 2012, с. 35–39]. Причем, распространялись не только мифологемы, но и иллюстрирующие их изобразительные коммуникации: знаки (например, свастика), орнаменты (например, заштрихованный треугольник, меандр и др.) и целые

сюжеты, и определенные наборы образов (например, колесниц в сочетании с оленями и собаками). При этом, в петроглифах и других изобразительных памятниках Центральной Азии, Европы и Ближнего Востока (за исключением Египта) наблюдается поразительное структурное сходство именно колесничных сюжетов и задействованного в них конкретного набора персонажей (так же, как и элементов погребального обряда с повозками, см.: рис. 1–5). Поскольку скалы с петроглифами не могли перемещаться в пространстве, то, следовательно, двигались сами носители этой отличной от других идентичности.

Этот тезис подтверждается и распространением на степных просторах континента мегалитической традиции, связанных с ней антропоморфных изваяний чемурчекского, ямно-афанасьевского и окуневского типа — с запада на восток континента в период ранней бронзы, а оленных камней и раннескифских балбалов — с востока на запад в эпоху поздней бронзы и позже.

Очевидно, что статуарные и фигуративные артефакты также, как и любые иные следы художественной активности социума, свидетельствующие о наличии определенной изобразительной традиции и обнаруженные в результате исследований в археологических памятниках, в случае их системного и массового изучения являются достаточно надежным индикатором некой идентичности социума.

Любая археологическая классификация построена по принципу выделения отдельных классов или типов вещей. Как правило, в основе типологических изменений предметов лежат инновации в их производстве или в способах их практического функционального применения. Такому классическому пониманию АК как совокупности датированных и уникальных классификаций и типологий вещей соответствует представление о технологических традициях, которые не только сохраняют и распространяют технические изобретения и инновации в пространстве и во времени, но и отражают способность социума их реализовать в повседневной жизни.

Чаще всего такие традиции — это совокупность, состоящая из самого артефакта; из набора определенных специальных инструментов, позволивших произвести этот конкретный артефакт; и из неких правил, как этот предмет правильно изготовить или неких предписаний, строгое соблюдение которых даст социуму нечто полезное и нужное.

В силу особой значимости для выживания социума, обладание такими технологиями (а проще говоря, знаниями, как это сделать — «ноу-хау») принимало сакральный характер, канонизировалось и передавалось в виде секретов (технологических традиций) из поколения в поколение. Так, например, сакрализация профессии кузнеца характерна для всех без исключения народов мира. Изобретение колесницы в степной среде

— революционный прорыв в технологиях бронзового века непосредственно связывается с передвижениями на континенте социумов (элитарных групп) индоевропейского корня и, прежде всего, индоиранцев или ариев — носителей секретов их грамотного производства и правильного военного использования (рис. 4; 5).

Такие технологические традиции не могли распространяться путем заимствования только одних идей или простой передачей технических инноваций, они требовали еще и владения приемами и навыками их изготовления, т. е. личного участия самого носителя «ноу-хау» в процессе производства, что чаще всего подразумевало перемещение в пространстве самих носителей этой традиции или их производственную коммуникацию с соплеменниками и соседними кланами (изготовление на заказ), но в любом случае — определяло их уникальную идентичность [см. подробнее Новоженев, 2014; 2015в, с. 40–45].

Процессы культурогенеза, происходившие в эпоху бронзы в Восточной Европе, на западе континента, обстоятельно анализируются в ряде работ В. С. Бочкарева [2010; 2012, с. 13–24]. В качестве определяющих факторов, обусловивших культурогенез степных социумов, выделены инновации в следующих сферах хозяйственной деятельности: развитии животноводства и его различных форм, напрямую зависящих от природно-климатических условий обитания; металлообработки и формировании металлургических

Рис. 4. Ассирия. Классическая сцена «царской охоты» на льва. Каменный рельеф. VIII в. до н. э. Берлин. Остров музеев. Музей Пергамон, азиатская коллекция. Фото любезно предоставлено А. В. Епимаховым

центров, в которых генерировались инновации в бронзолитейном производстве и соответственно возможности производить инновационные виды оружия; а также — в изменениях на социальном уровне [Бочкарев, 2012, с. 13–24; см: Кузьмина, 1994; 2007; 2010].

Археоботанические исследования, проведенные в последнее время, свидетельствуют «о крайне слабом развитии земледелия в эпоху бронзы на всем пространстве степи и лесостепи от Зауралья до Поднепровья» и напротив — «имеется множество материалов, которые говорят о широчайшем распространении скотоводства», что позволяет утверждать, что восточноевропейская археология бронзового века, по преимуществу, является археологией животноводческих культур [Бочкарев, 2012, с. 14–15]. Как справедливо полагает автор, уже «существовало несколько типов животноводства (придомное, стойловое, отгонное, кочевое и т.д.)», и далее он поддерживает сложившуюся у этнографов концепцию культурно-хозяйственных типов (КХТ), применительно к степным АК, в ее адаптированном виде. Именно мобильный характер хозяйства определял подвижность и многочисленные переселения носителей АК, что приводило к их «смешению и размыванию отчетливых границ между ними. В результате возникла культурная непрерывность, которую Е. Н. Черных назвал «степным синдромом» [Черных, 2009]. Археологически это выражается в том, что иногда соседние культуры

столь слабо различаются друг от друга в типологическом отношении, что остается неясным, где кончается одна из них и начинается другая. Особенно трудно различимыми бывают АК, входящие в одну общность, такую, например, как ямная» [Бочкарев, 2012, с. 16].

Металлопроизводство животноводов Восточной Европы в некоторые периоды эпохи бронзы оказывалось одним из самых передовых во всей Северной Евразии. Уже в IV тыс. до н. э. сначала на Кавказе, а затем и в степях распространились мышьяковые и сурьмяные бронзы, разнообразный ассортимент изделий (проушные топоры, тесла, долота, ножи, украшения и пр.). Безусловно, лидирующая роль тогда принадлежала кавказскому центру [Бочкарев, 2012, с. 17]. Как следствие — значительное развитие получила система вооружения. Она имела ряд своеобразных черт и значительно отличалась от аналогичных систем земледельческих АК Европы бронзового века, в которых решительно преобладало оружие ближнего боя, предназначенное для пешего воина. Совсем иная система вооружения сложилась на юге Восточной Европы и в казахстанских степях. Главную роль в ней играли не меченосцы и копейщики, а лошади и стрелки из лука. Лучники действовали в составе мобильных соединений, которые могли вести дистанционный бой в скоростном режиме. Основными их тактическими приемами стали внезапное нападение и столь же быстрый откат назад в случае неудачи. В оконча-

Рис. 5. Хадату (*Hadatu* – город в Ассирии, современное название Асланташ). Колесница и всадник. Фрагмент многофигурной композиции с участием жрецов и шествием палиценосцев и копейщиков. Каменный рельеф (базальт). Период Тиглат-Паласара III (744–727 гг. до н. э.). Стамбул. Археологический музей. Инв. № 1995. Фото автора

тельном виде эта система оформилась в начале железного века [Бочкарев, 2012, с. 17–18].

В социальном плане В. С. Бочкарев отмечает высокий уровень развития степных социумов эпохи бронзы и так их характеризует: «они представляли собой сложные социальные организмы, хорошо структурированные как по вертикали, так и по горизонтали. Судя по целому ряду данных, их население было дифференцировано в половозрастном, социальном и профессиональном отношениях. В этих обществах выделилась родоплеменная знать, которая, как правило, была сильно милитаризирована. В то время сложилась некая система территориального управления. Продолжался процесс ремесленной специализации, который начался еще в предыдущую эпоху. Наиболее интенсивно он протекал в металлопроизводстве и в оружейном деле. Эти общества имели хорошо налаженные связи с соседними и отдаленными территориями. Необходимость импорта и экспорта металла объединяла их в большие ассоциации. Несмотря на все эти достижения, ни одна из них так и не вышла за рамки первобытности. На протяжении всей эпохи бронзы большинство из них оставались т. н. племенными (сегментированными) обществами. Только колесничные культуры (синташтинская, потаповская, петровская, покровская и алакульская — В.Н.) продвинулись несколько дальше. У них, по мнению ряда исследователей, возникли комплексные общества (вождества)» [Бочкарев, 2012, с. 19].

Колесный транспорт и прагматическая идея использования колеса и мобильного жилища — практическая необходимость развития таких подвижных животноводческих социумов — другая не менее важная инновация. Мобильный характер животноводства и потребность изготовления транспортных средств неизбежно требовали развития навыков в производстве самых современных бронзовых орудий, которые не только обеспечивали сам производственный процесс, но и гарантировали необходимую оборону (или нападение) в случае необходимости и собственно само появление таких инноваций.

Мегалитическая и изобразительная традиции [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2011, с. 263–271; Новоженев, 2013; 2015, с. 20–36; Ковтун, 2013; Рогожинский, 2011; Самашев, 2006; *Nomads and networks*, 2012; *Shvets*, 2012] имели ключевое значение в системе, прежде всего, внутренних коммуникаций этих производственных коллективов и стали определяющими в их самоидентификации. Это наиболее изменчивая и сложная инновация, и вероятно первоначальное формирование ее имело несколько исходных вариантов и оформилось в устойчивую традицию (или в несколько художественных традиций — рис. 1; 2).

Роль коммуникационных систем в становлении и развитии человечества трудно переоценить, даже если отринуть крайности диффузионистского подхода. Исходным пунктом дальнейших заключений является признание высокой мобильности человека и социума на протяжении большей части его истории, что нашло афористическое воплощение в формулировке *Homo mobilis* [Головнев, 2009].

В целом бронзовый век — один из наиболее ярких, без всяких оговорок, переломных периодов в истории Северной Евразии и человечества в целом. Это время характеризуется системой взаимосвязанных инноваций — технологических, экономических, социальных и идеологических. Минеральные богатства Урало-Казахстанского и Алтайского регионов естественным образом определили их одним из основных центров добычи руды и выплавки меди, включив в широчайшую сеть культурных связей и миграций обще-евразийского масштаба от Китая до Балкан. Необходимым условием возникновения и поддержания таких коммуникаций стало развитие сухопутных средств транспорта [Littauer, Crouwel, 1996; Piggott, 1983; Кожин, 1985; 2015; Anthony, 2007; Новоженев, 2012; Чечушков, 2013]. По сути, на протяжении бронзового века поэтапно формируется Мир-Система, обретая ныне планетарный масштаб. В рассматриваемое время складывается только ядро этой глобальной евразийско-африканской системы [Епимахов, 2005; 2009; 2010; 2012, с. 5–9].

Изобразительную, фигуративную (статуарную) и мегалитическую традиции раннебронзовых, а также более поздних социумов азиатской части степной Евразии и развитие этих и других традиций в пространстве и во времени мы относим к изобразительным коммуникациям [Новоженев, 2012; 2013; 2015]. Эти традиции стали важным средством внутренней и внешней активности местных социумов, которые зафиксированы здесь археологическими методами в виде выделенных АК и КИО. Они стали надежным индикатором самоидентификации этих обществ, а их изучение и анализ позволяют прояснить многие спорные вопросы этнокультурной истории [Новоженев, 2014; 2015а; 2015в, с. 40–45].

Совершенно очевидно, что многие изобретения кардинальным образом могли менять повседневную жизнь древних сообществ, а порой и определяли историческое содержание целых эпох, становились основой каналов коммуникации этих социумов и помогали, облаченные в «чуждые» одежды, создавать древнейшие шедевры мировой архитектуры и искусства, формировать этническую идентификацию социума, регулировать социальные и морально-нравственные установки древних сообществ. Особенно важна была такая коммуникация в степных, мобиль-

ных социумах, где не было государственных или иных институтов бюрократического воздействия на социум, где образ жизни не позволял вести многовековые записи, хроники или летописи, где господствующим каналом передачи информации был вербальный, либо знаково-образный, а может быть, и музыкальный.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.** Мир образов в искусстве населения Сарыарки // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию независимости РК и 20-летию ИА КН МОН РК. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2011. – Т. II. – С. 263–271.
- Березкин Ю.Е.** Реконструкция сюжета создания человека у степных индоевропейцев // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 35–39.
- Бочкарев В.С.** Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб., 2010. – 310 с.
- Бочкарев В.С.** О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 13–24.
- Бродель Ф.** Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. – М.: Прогресс, 1988. – Т. 2. – 631 с.
- Головнев А.В.** Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург: УрО РАН, «Волот», 2009. – 496 с.
- Гринин Л.Е.** Социальная макроэволюция: генезис и трансформации Мир-Системы. – М., 2009.
- Гринин Л.Е.** Истоки глобализации: мир-системный анализ // Век глобализации. – 2011. – № 1.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В.** Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Учебное пособие. – Караганда: КарГУ, 2002. – 138 с.
- Епимахов А.В.** Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. – Кн. 1. – 192 с.
- Епимахов А.В.** От археологии памятника к археологии социума: эпоха бронзы Южного Зауралья // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2009. – Вып. 3 (25). – С. 92–104.
- Епимахов А.В.** Бронзовый век Южного Урала: экономическая и социальная эволюция // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 2. – С. 31–37.
- Епимахов А.В.** К оценке свидетельств дальних связей в эпоху палеометалла // Вестник ЧелГУ. – 2012. – № 34 (288). История. – Вып. 53. – С. 5–9.
- Клейн Л.С.** Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. – Донецк: ДонНУ, 2012. – Кн. 1. – 622 с.
- Клейн Л.С.** Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. – Донецк: ДонНУ, 2013. – Кн. 2. – 599 с.
- Ковтун И.В.** Предыстория индоарийской мифологии. – Кемерово: Азия–Принт, 2013. – 702 с.
- Кожин П.М.** К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. – М.: Наука, 1985. – С. 169–183.
- Кожин П.М.** Древний колесный транспорт: состояние проблем и рабочие гипотезы // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2015. – № 1 (9). – Сер.: археология. – Вып. 2. – С. 2–18.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Российский институт культурологии РАН и МК РФ, 1994. – 464 с.
- Кузьмина Е.Е.** Предыстория Великого шелкового пути: диалог культур Европа – Азия. – М: КомКнига, 2010. – 240 с.
- Масанов Н.Э.** Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Издание 2-е, дополненное. – Алматы: Print-S, 2011 – 740 с.
- Мерперт Н.Я.** Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М.: Наука, 1974. – 152 с.
- Мерц В.К., Мерц И.В.** Погребения «ямного» типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 134–144.
- Новоженков В.А.** Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. – М.: Таус, 2012. – 500 с.
- Новоженков В.А.** Петроглифический канал коммуникации // Методика исследования культовых комплексов. – Барнаул, 2012а. – С. 57–65.

- Новоженев В.А.** Изобразительные коммуникации населения Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита и ранней бронзы // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. – Омск: Издательский дом «Наука», 2013. – С. 185–197.
- Новоженев В.А.** Великая степь: человек в системе древних коммуникаций // Тайнство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии: коллект. моногр. памяти Е. Е. Кузьминой. – Алматы: Остров Крым, 2014. – С. 17–267.
- Новоженев В.А.** Изобразительные коммуникации населения Центральной Азии в эпоху бронзы // РА. – 2015а. – № 3. – С. 20–36.
- Новоженев В.А.** Происхождение индоевропейцев — аргументы и мифы // Статья и дискуссия на сайте Генофонд.рф: http://xn--c1accbaafalcl.xn--p1ai/?page_id=3668; дата обращения: 03.10. 2015а.
- Новоженев В.А.** Колесный транспорт и евразийские коммуникации ранних кочевников // *Stratumpulplus*. – 2015б. – № 3. – С. 57–88.
- Новоженев В.А.** Археологические маркеры идентичности // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. VI Всерос. научн. конф. – Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015в. – С. 40–45.
- Ольховский В.С.** Об археологических признаках миграций в эпоху бронзы и раннего железа // Маргулановские чтения–1990. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 30–33.
- Подольский М.Л.** Феномен и парадоксы Минусинской степи (смена культурных доминант) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. – СПб., 2007. – С. 113–128.
- Рогожинский А.Е.** Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. – Алматы, 2011. – 342 с.
- Самашев З.** Петроглифы Казахстана. – Алматы: Өнер, 2006. – 200 с.
- Черных Е.Н.** Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 624 с.
- Чечушков И.В.** Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – М.: ИА РАН, 2013. – 27 с.
- Anthony D.W.** The horse, the wheel and language. How Bronze-Age riders from the steppes shaped the modern world. – Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press, 2007.
- Braudel F.** Les Jeux de l’Echange. Civilisation materielle, economie et capitalisme XV–XVIII siècle. – Paris: Librairie Armand Colin, 1979. – Т. 2. – 633 p.
- Chase-Dunn C.** World-System in the Biosphere: Urbanization, State Formation and Climate Change since the Iron Age: global socio-environmental change and sustainability since the Neolithic / C. Chase-Dunn, T. D. Hall, P. Turchin // *The World System and the Earth System*. – Walnut Creek, 2007.
- Childe V.G.** The down of European civilization. – London, 1957.
- Kristiansen K.** Europe before History. – Cambridge, 1998.
- Kristiansen K.** Eurasian Transformations: Mobility, Ecological Change, and Transmission of Social Institutions in the Third Millennium and Early Second Millennium B.C.E. // *The World System and the Earth System*. – Walnut Creek, 2007.
- Kuzmina E.E.** The Origin of the Indo-Iranians. – Leiden, Boston, 2007.
- Littauer M.A., Crouwel J.H.** The origin of the true chariot // *Antiquity*. – 1996. – Vol. 70, № 270. – P. 934–939.
- Nomads and Networks: The Ancient Art and Culture of Kazakhstan.** – Princeton, 2012. – 347 p.
- Piggott St.** The Earliest Wheeled Transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea. – L.: Thames & Hudson, 1983. – 263 p.
- Shvets I.N.** Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archäologie Kasachstans. – Bd. 1. – Darmstadt/Mainz: Philipp von Zabern, 2012. – 417 s.
- Wallerstein I.** The Modern World-System: Capitalist Agriculture of the European World Economy in the Sixteenth Century. – L., 1974.

Б. Н. Нурмуханбетов

Б. Н. Нурмуханбетов

B. N. Nurmukhanbetov

Комплекс раннесакского времени из Жетысу*

Аннотация. Набор предметов вооружения и конского снаряжения, полученный вне основного погребения в могильнике Иссyk в Жетысу, представляет собой характерный для раннесакского времени ритуальный комплекс. В виду малочисленности подобных комплексов для Жетысу, описываемая находка имеет огромное значение для реконструкции культурно-исторических процессов в восточной части Евразии в раннесакский период.

Ключевые слова: Жетысу, раннесакский период, удила, наконечники стрел.

Early Saka complex from Jetysu

Abstract. A set of armament and equestrian equipment, received during the works outside the main burial in the burial ground Issyk in Jetysu, represents a ritual complex common for the early Saka time. Due to the fact the number of such complexes for Jetysu is relatively small, the described finding is of great importance for the reconstruction of cultural and historical processes in the east part of Eurasia in the early Saka period.

Keywords: Jetysu, early Saka period, bits, arrowheads.

В июне 1991 г. в ходе археологических работ на территории г. Есик, проводимых совместной Казахско-Американской научно-исследовательской экспедицией, был вскрыт жертвенный отсек кургана 14 группы 1 мог. Иссyk. Сам курган представлял собой каменный прямоугольник размерами 10 x 30 м и был ориентирован по линии север-юг с небольшим отклонением на запад. Жертвенный отсек находился в южной оконечности кургана, часть которого (около 3-х м), была снесена под карьер. Центральная и северная части кургана не были вскрыты, поэтому характер и тип погребального сооружения остались невыясненными. Комплекс выявленных предметов представляет собой 15 бронзовых наконечников стрел, два медных ножа и бронзовые удила без псалий. Наконечники стрел делятся на две основные группы по способу насада: втульчатые и черешковые, которые в свою очередь, делятся на отделы.

Втульчатые наконечники представлены восемью экземплярами. Наконечники данной группы двухлопастные, имеют асимметрично-ромбовидную форму боевой головки и разделяются на два отдела.

Отдел А представлен шестью экземплярами (рис. 1, 1–6). Наконечники этого отдела

характеризуются массивной втулкой, доходящей до самого острия, имеющего в сечении ромбовидную форму (кроме рис. 1, 2). Четыре наконечника имеют выступающую втулку (рис. 1, 1–3, 6). У одного из этих наконечников в нижней части втулки имеется отверстие (рис. 1, 2), у другого отверстие, примыкающее к нижней части пера, соединено с основанием (рис. 1, 5). По форме пера наконечники настоящего отдела имеют незначительные расхождения. Два наконечника имеют несколько закругленную нижнюю часть пера (рис. 1, 1, 2). У одного экземпляра в нижней части пера имеется полукруглая выемка (рис. 1, 3), очевидно, для увеличения поражающего действия. Все представленные выше наконечники являются довольно массивными среди втульчатых: четыре экземпляра имеют в длину 5,0 см, другие два – 4,0 см.

Наконечники данного отдела относятся к одному из наиболее ранних типов. В Северном Причерноморье они появляются еще в доскифское время [Смирнов, 1961, с. 41; Мелюкова, 1964, с. 118]. На территории Казахстана они тоже получили достаточно широкое распространение. В Центральном Казахстане этот тип наконечников представлен находками из комплекса

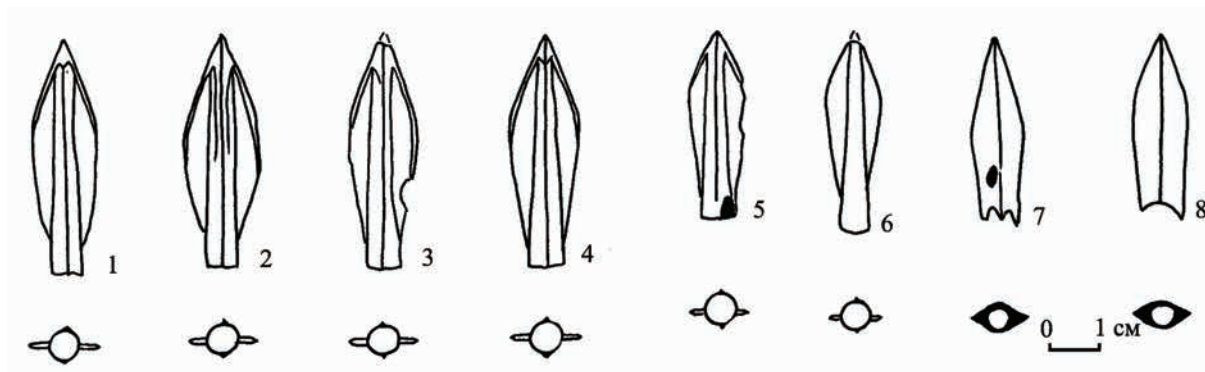

Рис. 1. Могильник Иссык, курган 14. Втульчатые наконечники стрел

могильников Карамурун, Нурманбет, Тасмола [Кадырбаев, 1966, с. 377–361] и другими. По мнению М. К. Кадырбаева, истоки этого типа находятся в андроновской эпохе [Кадырбаев, 1966, с. 379]. В степях Приишимья были обнаружены и описаны восемь экземпляров таких наконечников [Хабдулина, 1994, с. 47]. Известны они также и в Восточном Казахстане [Черников, 1965, с. 27]. Достаточно широкое распространение они получили у савроматов [Смирнов, 1961, табл. I]. У населения тагарской культуры такие наконечники появляются к концу VII в. до н. э.

Ю. Ф. Кирюшин и А. А. Тишкин выделяют тип II бронзовых втульчатых двухлопастных наконечников стрел ромбовидной формы для раннескифских памятников Алтая. Втулка хорошо выражена. На некоторых изделиях по втулке прослеживается нервюра, которая усиливает «проникающие и разрушающие способности стрел». Форма пера может быть как симметрично-ромбическая, так и асимметрично-ромбическая. Авторы отмечают широкое распространение этого типа стрел в Обь-Иртышском междуречье, в Средней Азии, Казахстане в VII–VI вв. до н. э. Наличие подобных стрел в кургане Аржан позволяет опустить нижнюю границу до VIII в. до н. э. [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 81–82].

Такие же хронологические рамки имеют наконечники типа III - вытянуто-ромбовидной (асимметрично-ромбовидной) формы пера и с отверстием на втулке. Эти особенности предназначены для поражения определенных целей. Тип VI стрел с листовидной формой пера и выступающей втулкой. Датировка – VII–VI вв. до н. э. [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 82–83].

Таким образом, мы видим, что двухлопастные втульчатые наконечники стрел были широко распространены по всему Великому степному поясу Евразии. Датировку данных наконечников, по нашему мнению, следует производить в сравнении с идентичными

наконечниками из твердо датированных погребений. По мнению К. Ф. Смирнова, асимметрично-ромбовидные наконечники употреблялись только в VII в. до н. э. и к концу столетия уже не использовались [Смирнов, 1961, с. 41]. О. А. Вишневская по материалам курганных комплексов Уйгарака нижнюю дату распространения этих наконечников определяет рубежом VII–VI вв. до н. э. [Вишневская, 1973, с. 96]. Казахские исследователи также датируют их этим временем [Акишев, Кушаев, 1963, с. 119; Кадырбаев, 1966, с. 379 и др.]. Следует отметить их различное предназначение. Об этом можно судить по упомянутым выше различиям в массе и длине.

Отдел Б представлен двумя экземплярами. Четырехгранные ромбовидные в сечении наконечники стрел с внутренней втулкой имеют выемки у основания, образующие подобие шипов (рис. 1, 7, 8). У одного наконечника на грани имеется отверстие, видимо, для крепления древка (рис. 1, 7).

Наконечники данного типа встречаются практически на всей территории обитания сако-скифских племен от Болгарии [Мелюкова, 1964, с. 11] на западе до Памира [Литвинский, 1968, с. 93] и Алтая [Членова, 1972, с. 263] на востоке. Схожие наконечники мы встречаем в тагарской культуре [Кулемзин, 1976, с. 47]. Костяные наконечники данной формы были обнаружены в среднем течении Днепра [Ковпаненко, 1981, с. 31]. В Приаралье было найдено наибольшее количество таких наконечников [Вишневская, 1973, с. 91]. Материалы могильников Северного Казахстана также имеют в своем предметном комплексе ромбические в сечении наконечники стрел [Кадырбаев, 1966, с. 377–379; Хабдулина, 1994, с. 48].

Датировку данного типа наконечников по всему ареалу следует считать концом VIII–VII - началом VI вв. до н. э., что практически совпадает

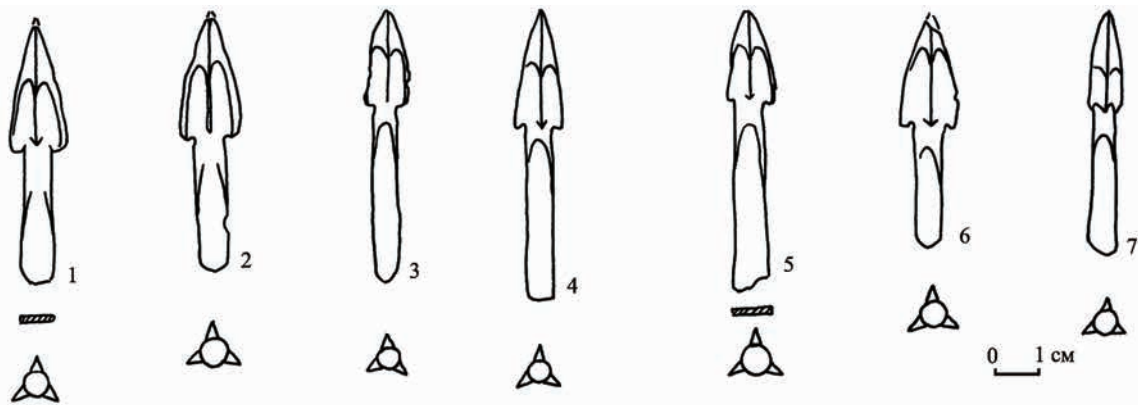

Рис. 2. Могильник Иссык, курган 14. Черешковые наконечники стрел

ет с хронологическими рамками двулопастных наконечников с асимметрично-ромбовидной формой боевой головки.

Черешковые наконечники представлены семью экземплярами и являются, по сути, однотипными: трехгранными со сводчатой формой боевой головки (рис. 2). Различия между наконечниками заключаются в различной степени изношенности боевой головки и некоторой разнице длины черешка. Шесть наконечников имеют чуть опущенные вниз жальца, у одного основание боевой головки более прямое.

Трехгранные черешковые наконечники стрел являются сугубо восточным типом, развиваясь вместе с трехлопастными [Кадырбаев, 1968, с. 26]. Западнее Приаралья они встречаются единично [Исмагилов, 1988, с. 29–43].

Еще в конце II тыс. до н. э. этот тип приобретает устойчивые формы (Алеп-аул, Бегазы), отличаясь только более длинным черешком и лучшей формой литья [Кадырбаев, 1968, с. 26]. Идентичные наконечники встречаются в центрально-казахстанских коллекциях по материалам могильников Тасмола, Карамурун и Нурманбет [Кадырбаев, 1966, с. 353, 377–379]. Датировку, вероятно, следует производить по материалам Центрального Казахстана, в частности - по могильнику Тасмола, то есть VII-VI вв. до н. э. Хронологические рамки черешковых трехгранных наконечников стрел полностью совпадают со временем распространения втульчатых двухлопастных наконечников.

Ю. Ф. Кирюшин и А. А. Тишкин выделяют VIII тип наконечников стрел на Алтае – черешковый, трехгранно-трехлопастной. Форма контура пера сводчатая. У основания лопастей фиксируется утолщение черешка, играющего роль слабо обозначенного упора. Хронологические рамки бытования этого типа VII–VI – до V в. до н. э. Массовое распространение получили в VI в. до н. э. [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 83].

Обе представленные группы наконечников, по всей видимости, являются, так называемыми «тасмолинскими». Помимо Иссыка, такие типы наконечников стрел в Жетысу известны в материалах мог. Бешатыр: со скрытой втулкой и опущенными в виде шипов четыремья гранями, а также втульчатые трехлопастные, трехгранные и черешковые трехгранно-трехлопастные наконечники [Акишев, Кушаев, 1963, с. 69–72, рис. 65]. Согласно последним данным, абсолютная датировка мог. Бешатыр укладывается в промежуток конца IX – первая пол. VI в. до н. э. [Алексеев и др., 2005, с. 182; Панюшкина, Григорьев, Лейндж, 2015].

Это говорит о связях между племенами, населявшими Центральный Казахстан и Жетысу. Можно предположить, что в начале VI в. до н. э., когда в Центральном и Северном Казахстане уже практически не пользовались втульчатými двухлопастными наконечниками, они стали распространяться в Жетысу, хотя не столь широко, как в других районах. Практически равное количество черешковых и двухлопастных наконечников говорит в пользу известного мнения об их параллельном существовании. Таким образом, Жетысу не осталось в стороне от характерной для всей территории Казахстана особенности - распространения двух групп наконечников и их развития.

На основании вышеизложенного мы видим, что некоторые предметы тасмолинской культуры проникали каким-то неизвестным нам пока образом на территорию Жетысу.

Удила (рис. 3). Бронзовые удила без псалий со стремечковидными окончаниями имеют литой декор в виде квадратиков в три ряда. Удила такого типа, со стремечковидными окончаниями, определены по классификации А. А. Иессена, в четвертый тип [Иессен, 1953, с. 52]. Родиной этого типа предполагается

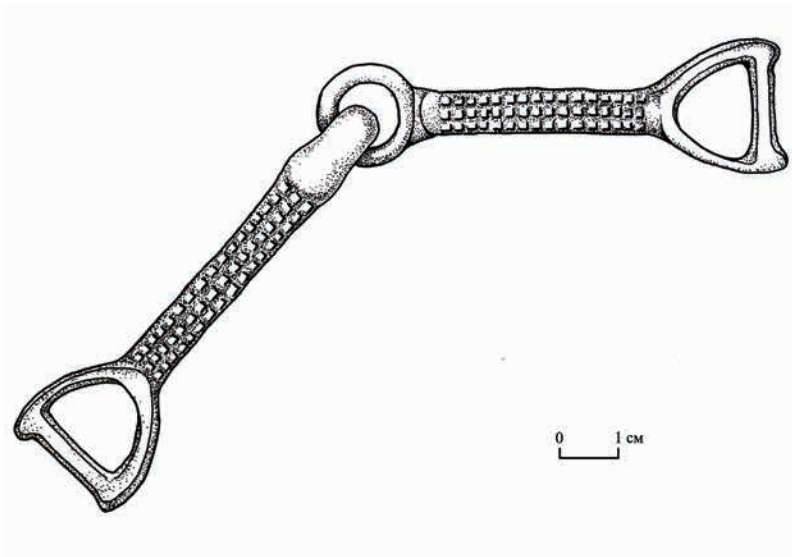

Рис. 3. Могильник Иссык, курган 14. Удила

Южная Сибирь [Иессен, 1953, с. 105], но они были распространены по всему Великому степному поясу Евразии [Кадырбаев, 1966, с. 384; Вишневская, 1973, с. 100], поэтому, обнаружение их на территории Жетысу не является неординарным событием. Однако, не правильно было бы утверждать, что данные удила были изготовлены местными мастерами, но и опровергнуть эту мысль мы не имеем права. В пользу не местного характера удил такого типа говорит значительное распространение их среди предметов материальной культуры Центрального и Северного Казахстана. Встречаются они и в курганных комплексах Тасмолы [Кадырбаев, 1966, с. 385, рис. 66]. Удила с рифлением в виде двух рядов квадратов с отверстием пешковидной формы и упором, но прямоугольным окончанием, известны в Центральном Казахстане - на мог. Акмустафа, ограда 96Б. Они найдены в комплексе с другими предметами конского снаряжения. Датированы VIII–VII вв. до н. э. [Бейсенов, 2011, с. 114; рис. 3, 3].

На основе материалов Уйгарака мы видим распространение удил со стремечковидными окончаниями и с рифленой поверхностью в Приаралье [Вишневская, 1973, табл. I, VII, XI, XXVI и др.]. Все исследователи дают единую датировку такого типа удил – конец VII - начало VI вв. до н. э., что сходится с хронологическими рамками распространения вышеописанных наконечников.

Этот тип удил имеет широкое распространение, так в раннескифских памятниках Алтая Ю. Ф. Кирюшин и А. А. Тишкин выделяют в

тип VII – удила бронзовые, двух-составные, соединеннокольчатые, с гладкими, с рельефными, подквадратными в поперечном сечении стержнями звеньев, имеют стремевидные окончания с внутренним отверстием колокольчиковидной формы. Отличие состоит в характере рельефа [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 69].

П. И. Шульга для раннескифских памятников Алтая выделяет группу 3 удил: тип 7 - с треугольными окончаниями; тип 8 - удила с окончаниями в виде широкого стремечка с овальной или округлой вершиной [2008, с. 71]. По заключению П. И. Шульги,

различные варианты «стремечковидных» удил существовали до полного угасания раннескифской культуры и применялись со всеми видами псалиев [2008, с. 73].

Для более западных территорий (Северный Кавказ, юг Восточной Европы, Днепровская лесостепь) оформление одной стороны бронзовых удил в виде рядов выпуклостей - «рядов квадратиков» - становится господствующим в позднее предскифское время. В раннескифский период продолжается традиция рифления одной стороны стержней бронзовых удил (стремевидных) в виде 1–4 рядов выступов [Могилов, 2010, с. 282–284]. Тип удил со стремевидными наружными петлями является ведущим для конской упряжи VII в. до н. э. на юге Восточной Европы. Представительная коллекция бронзовых стремечковидных удил с рельефно орнаментированными стержнями в виде многорядных врезных квадратиков выявлена на Северном Кавказе, в Закубанье и Центральном Предкавказье [Махортых, 2014].

Вероятно, наиболее ранним памятником, содержащим в предметном комплексе удила со стремечковидными окончаниями (в том числе с рифленой поверхностью) и ромбовидные втульчатые наконечники стрел, является Аржан [Грязнов, 1980].

К. В. Чугунов для комплекса Аржан-2 выделяет несколько сходных, хотя полностью не идентичных вариантов наконечников стрел, тем не менее, типологически сходных. Втульчатые двухлопастные: вариант 1С16 – с гладкими гранями, короткие шипы моделированы трапециевидным вырезом в основании;

вариант 1С3а – с сильно выступающими шипами. Черешковые: вариант 2А2 - со сводчатой головкой и выделенным бойком; вариант 2В1а - с бойком, занимающим почти половину длины головки, и лопастями, образующими с основанием бойка П-образную выемку; вариант 2В1б - с бойком, занимающим почти половину длины головки, с вильчатым узором в основании.

Для Саяно-Алтая К. В. Чугунов наличие двухлопастных втульчатых наконечников датирует не позже VII в. до н. э., в VI в. до н. э. они выходят из употребления [Чугунов, 2011, с. 310].

Расположение бронзовых раннескифских удил, в том числе со стремечковидными окончаниями, а также комплексов из черешковых наконечников с трехгранно-трехлопастным в сечении пером и наконечников с втульчатым насадом, ромбическим сечением пера и двухлопастных удлинненно-ромбической и вытянуто-прямоугольной формы характерно для памятников алды-бельской культуры в Туве. Это прослеживается по современным исследованиям [Худяков и др., 2013].

В целом, с учетом последних данных, комплексы из Тувы и Приаралья позволяют предположить хронологические рамки описанных типов наконечников стрел от середины VIII в. до н. э. и не позже VII в. до н. э. [Чугунов, 2011, с. 311–312]. Стоит обратить внимание на то, что сводчатая головка трехлопастных и трехгранно-трехлопастных черешковых наконечников – сравнительно поздний признак в пределах раннескифского времени [Чугунов, 2011, с. 324].

Таким образом, сопоставительный анализ показывает, что представленный инвентарь из кургана 14 датируется рубежом VIII–VII вв. до н. э. Более точную датировку можно дать лишь при вскрытии самого погребения кургана, которое дало бы, помимо типа захоронения, дополнительный материал. В данный момент трудно точно установить причину появления предметов материальной культуры Тасмолы в Жетысу. Этот вопрос можно решить только при дальнейших работах в Жетысу и установлении более точных датировок для находок современными методами.

*От редколлегии: Данная работа подготовлена к печати Г. С. Джумабековой. Рукопись статьи и рисунки были переданы Б. Н. Нурмуханбетовым с пожеланием подготовить совместную публикацию. Однако, в виду объективных обстоятельств просьба оказалась невыполненной при жизни археолога. Подготовка рисунков к настоящему изданию выполнена Д. Джанабаевым под руководством А. З. Бейсенова и Г. С. Джумабековой. Ножи, упоминаемые в рукописи Б. Н. Нурмуханбетова, на рисунках отсутствовали.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А., Кушаев Г.А.** Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: АН КазССР, 1963. – 320 с.
- Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Й. ван дер Плихт, Поснерт Г., Семенов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В.** Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. - СПб: «Теза», 2005. – 290 с.
- Бейсенов А.З.** Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник ТомГУ. История. - 2015. - № 3 (35). - С. 111–122.
- Вишневская О.А.** Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака) // Тр. ХАЭЭ. - М.: Наука, 1973. - Т. VIII. – 160 с.
- Грязнов М.П.** Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 64 с.
- Исмагилов Р.Б.** Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. - 1988. - Вып. 29. - С. 29–47.
- Иессен А.А.** К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. - 1953. - № XVIII. - С. 49–110.
- Кадырбаев М.К.** Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
- Кадырбаев М.К.** Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1968. - С. 21–36.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.** Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннесакское время. - Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. - 232 с., ил.

- Ковпаненко Г.Т.** Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. - Киев: Наукова думка, 1981. - 160 с.
- Кулемзин А.М.** Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Известия кафедры археологии. - Кемерово, 1976. - Вып. 8. - С. 43–57.
- Литвинский Б.А.** Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время // Материальная культура Таджикистана. - Душанбе, 1968. - Вып. I. - С. 69–115.
- Махортых С.** Узденные принадлежности VII–VI вв. до н. э. из скифских памятников Предкавказья // Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка. Серія: Історичні науки. - 2014. - Вип. 21. - С. 100–113.
- Медведская Н.Н.** Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. - 1972. - № 3. - С. 76–89.
- Мелюкова А.И.** Вооружение скифов. - САИ. - 1964. - Вып. Д.1-4. - 90 с., ил.
- Могилев А.Д.** «Строгие» детали узды раннего железного века // Stratum plus. - 2010. - № 3. - С. 281–288.
- Панюшкина И.П., Григорьев Ф.П., Лейндж Т.** Возраст третьего бесшатырского кургана по дендрохронологическим и радиоуглеродным данным (около 550 г. до н. э.) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. - Алматы: НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2015. - С. 202–207.
- Смирнов К.Ф.** Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - 170 с.
- Хабдулина М.К.** Степное Приишимье в эпоху раннего железа. - Алматы: Гьлым, 1994. - 171 с.
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Митько О.А., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж.** Особенности погребальной обрядности раннескифского населения долины реки Ээрбек в Туве (по материалам раскопок могильника Бай-Даг I) // АЭАЕ. - 2013. - № 1 (53). - С. 104–113.
- Черников С.С.** Загадка Золотого кургана. - М.: Наука, 1965. - 190 с.
- Членова Н.Л.** Хронология памятников карасукской эпохи. - МИА. - 1972. - № 182. - 248 с.
- Чугунов К.В.** Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. - 2011. - № 1. - С. 262–335.
- Шульга П.И.** Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1: Раннескифское время. - Барнаул: Азбука, 2008. - 276 с.

Я. В. Филиппчук

Я. В. Филиппчук

Институт востоковедения НАН Украины, г. Киев

Ya. V. Pylypchuk

Institute of Oriental Studies of NAS of Ukraine, Kiev

E-mail: pylypchuk.yaroslav@gmail.com

Кыпчакский именовослов по данным европейских источников

Аннотация. Статья посвящена антропонимам кыпчаков в европейских источниках. Впервые в мировой историографии в этой статье объединены материалы славянских, европейских латиноязычных, византийских грекоязычных и грузинских источников. Наибольшие массивы данных об именах кыпчаков содержатся в венгерских латиноязычных документах и древнерусских славяноязычных летописях. Большинство имен имеют надежную тюркскую этимологию и только для незначительной части имен она не обнаружена. Вопреки распространенному стереотипу, змеиная и драконья символика в кыпчакской антропонимии не была сильно распространена. Имена кыпчаков часто характеризовали какие-то качества или особенности внешности. Также среди имен иногда встречались титулы. Некоторые кыпчакские имена вошли в тюркские эпосы.

Ключевые слова: Европа, кыпчаки, имена, антропонимия, источники.

Names of Kypchaks in european sources

Abstract. This paper deals with antroponyms of Kypchaks in European sources. In this article combined materials of Slavic, European latin, Greek-speaking Byzantine and Georgian sources for the first time in world historiography. The largest massive of names of Kypchaks contained in Hungarian latin documents and Old Rus chronicles. Most names have reliable Turkic etymology and only for a small part of the etymology of names can not be found. Snake and dragon symbolism in Kypchak anthroponymy was not distributed. Names of Kypchaks often characterized what that quality or appearance. Also among the names sometimes met titles. Some names entered in Kypchak Turkic epics.

Keywords: Europe, Kypchaks, names, antroponymy, sources.

Очень интересным вопросом истории является проблематика кыпчакских имен. Существуют некоторые работы, посвященные кыпчакской антропонимии. Л. Рашони записал кыпчакские имена в Венгрии [Rasonyi, 1965]. Н. Баскаков составил реестр кыпчакских имен в славянских летописях [Баскаков, 1985]. Д. Моравчик и Н. Илиев зафиксировали кыпчакские имена в византийских источниках [Moravcsik, 1983; Илиев, 2013]. М. Лазареску-Зобиан записала кыпчакские имена в Молдавии и Валахии [Lăzărescu-Zobian, 1984]. Но до сих пор не составлено полного списка имен кыпчаков, упомянутых в европейских источниках. Назрела необходимость создать полную базу данных касательно кыпчакских имен. Также стоит исследовать количественный состав имен, то есть отметить сколько их есть в разных источниках, разделить имена на группы по происхождению.

Абоска. Венгерский кыпчак, который упомянут в венгерском источнике под 1459 г. Л. Рашони считал, что это имя производное

от куманского *abušqa* (в переводе – “старый”) [Rasonyi, 1967, с. 135].

Аепа. Так звали двух кыпчакских вождей в 1107 г., которые выдали замуж своих дочерей за сыновей Владимира Мономаха и Олега Святославича. Один из них был сыном Асеня, а второй – сыном Гиргеня. Один из Аеп конфликтовал с волжскими булгарами в 1117 г. и во время мирных переговоров с ними был отравлен. Касательно имени Аепа Н. Баскаков высказал предположение, что оно происходит от слов *Au* (луна) + *oba* (племя), то есть “лунное племя”. Но, по мнению П. Голдена, имя могло происходить от *Qau* + *oba*, то есть “племя кай”. Начальное “к” выпадает в среднекыпчакском. Н. Баскаков приводил и другие формы. *Aj* (луна) + *apa* (дядя), то есть “лунный дядя”. *Aja-eje-ije* (господин) + *apa* (вежливое обращение к старшим), дословно “дядя со стороны отца”. Также возможны такие варианты: *Aju* (медведь) + *abu* (имя существительное), *aja* (господин) + *abu* (имя существительное), *aju* + *apa*. О. Прицак считал, что Аепы принадлежали

к племени кай и династии Асенидов [Баскаков, 1985, с. 80; Прицак, 2008, с. 241; Лаврентьевская 1962, с. 250, 282–283; Федоров-Давыдов, 1966, с. 226].

Азгулуй. Этот кыпчакский вождь упоминался под 1086 г. как князь Таревский, то есть вождь племени тарев. Был упомянут в “Поучении Мономаха”. Погиб во время одной из кампаний Владимира Мономаха. Н. Баскаков предложил такие возможные объяснения этимологии его имени: *Az* (мало) + *külüik* (прославленный герой). Также возможен и другой вариант: *Azyq* или *azyg* + *Ly*, что дает *Azyqly* (тот, кто владеет клыками, клыкастый) [Баскаков, 1985, с. 80; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225; Лаврентьевская, 1962, с. 250].

Айдар. Он упомянут только в поздней Никоновской летописи, а в Лаврентьевской и Новгородской Первой летописях о нем упоминания нет. Скепсис касательно Айдара высказал П. Голден, но Н. Баскаков и Г. Федоров-Давыдов считали его целиком реальным. Н. Баскаков рассматривал несколько этимологий имени Айдар. Первая гипотеза – от *ajdar* (тюркский чуб на голове мальчика), вторая – от *hajdar* (лев). Существование вождя с таким именем не исключено, но касательно упоминания его в других летописях ответ негативный [Баскаков, 1985, с. 80; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Айсупа/Асупа/Аксупа. Один из вождей лукоморских кыпчаков. Упомянут под 1103 г. среди погибших кыпчакских ханов в битве на реке Молочной (Сутень). Н. Баскаков рассматривал несколько этимологий. От *ajaz* (ясный) + *apa*, то есть “ясный дядя”, от *öküz* (бык) + *apa*, от *oguz* (простой, грубый) + *apa*, и от *aqus* (благословение) + *apa*, и от *asov* (помощь) + *apa* [Баскаков, 1985, с. 80; Федоров-Давыдов, 1966, с. 224; Лаврентьевская, 1962, с. 279; Ипатьевская, 1962, с. 225].

Аклан. Принадлежал к Бурчевичам, то есть кыпчакскому племени бурдж-оглы. Упоминался в Лаврентьевской летописи под 1110 г. Н. Баскаков предлагал такие гипотезы: *aq* (белый) + *lan* (сокол), *aq-olan*, то есть “чистый” или “честный”, *aq* (белый, честный) + *ulan* или *oglan* (юноша) [Баскаков, 1985, с. 80; Лаврентьевская, 1962, с. 250; Федоров-Давыдов, 1966, с. 226].

Акочай. Такое имя, вероятно, имел один из придунайских или лукоморских кыпчаков. Упоминаний в летописях о таком вожде нет. Упомянуто лишь, что существовал Бегбарс Акочаевич. При этом это имя не отчество, поскольку отцом Бегбарса был Акум. Акочай, вероятно, был родоначальником клана. По версии Н. Баскакова, имя происходит от соединения слов *Aq* + *uça* (белая спина) [Баскаков, 1985, с. 81; Ипатьевская, 1962, с. 761; Федоров-Давыдов, 1966, с. 226].

Акум. Отец Бегбарса Акочаевича. Подобное имя было у отца Аккуша из лукоморских кыпчаков. А еще так звали отца Асеня. По мнению Н. Баскакова, этимология этого имени имела три варианта. По первому из них, имя происходило от тюркского слова *Öqüm* (куча), по второму – от тюркского *öküm/üküm* (большой), по третьему – от тюркского *Oqum* (опора) [Баскаков, 1985, с. 81; Ипатьевская, 1962, с. 671, 761; Федоров-Давыдов, 1966, с. 226].

Аккуш. Такое имя имел вождь дунайских кыпчаков, которые в 1090 г. вторглись в Венгрию. Также так звали одного из вождей лукоморских кыпчаков в конце XII в. Возможно, он принадлежал к клану Урусобичей. По мнению Н. Баскакова, этимология этого имени *Aq* (белый) + *quš* (орел, птица), то есть “белый орел” или “белый лебедь”. Он не исключал и иной возможности – происхождения имени от тюркского слова *Aqiš* – “благословение”. О. Прицак считал более правильной форму *Aq-quš* – “белая птица” [Баскаков, 1985, с. 81; Прицак, 2008, с. 180; Ипатьевская, 1962, с. 675; Федоров-Давыдов, 1966, с. 226; Шушарин, 1997, с. 327–328; Thorau, 1987, 121; Scriptorum Rerum Hungaricarum, 1766, 163–164; Chronicon Pictum, 1883, 196–197].

Алак. Вождь с таким именем упомянут в Лаврентьевской летописи под 1184 г. Был одним из кыпчакских вождей, которые попали в плен к Святославу. По одной из гипотез Н. Баскакова, имя происходит от тюркских *Ylaq-ylag-ulaq* (маленький конь, новорожденный козленок). По другой гипотезе этого же исследователя, имя происходит от тюркского слова *Ulaq* (тупой) [Баскаков, 1985, с. 81; Лаврентьевская, 1962, с. 396; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Алдимир. В византийских источниках Елитимириис, в венгерских источниках – Олдамур. Жил во второй половине XIII в. Был одним из кыпчакских беков в Венгрии. Не согласился с решением сейма в Тетени. В 1280 или 1282 г. потерпел поражение от венгров в битве на озере Ход. Бежал в Болгарию. В 1285 г. инициировал поход монголов на Венгрию. Был родственником Георгия Тертера и, очевидно, мог быть родственником и Котяна. Принадлежал к племени дурут. П. Павлов предлагает свою этимологию – *Al* (красный) + *Temir* (железо) = “разогретое (алое) железо”. Й. Заимов предложил гипотезу, по которой этимология имени Алдимир такая: *Al* или *El* (рука) + *Demir* (железо), то есть Алдимир – это “железная рука”. В. Стоянов предлагал иную этимологию – Айдемир: *Au* (луна) + *demir* (железо), то есть “лунное железо”. Л. Рашони предложил такую гипотезу: *El-temiri* – железная держава, то есть “управление государством железной рукой”. Н. Илиев предлагает вариант “носить железо”, то есть “быть воином”. Интересно, что “железная рука” по-турецки – Демирель [Moravcsik, 1983,

124, 361; Stotanow, 2001; Илиев, 2013, с. 100–101; Chronicon Dubnicense, 1884, 106–107; Scriptores Rerum Hungaricarum, 1766, 188; Павлов, 2000; 2009, с. 400; Hudud al-Alam, 1937, 226].

Алпамыш. У Никиты Хониата этот кыпчакский вождь упомянут как Елпумис. О нем также упоминает Феодор Скутариот. Этот кыпчакский вождь упомянут около 1185 г. Тюркский вариант имени – Алпамыш. Это имя производное от тюркского *Alp* (герой, смелость, мужественность). Возможно это имя значит “мужество” или “гигант”. Алпамыш – это герой тюркских эпосов. Сам эпос “Алпамыш” считают кыпчакским [Илиев, 2013, с. 98; Moravcsik, 1983, с. 124, 361].

Алпра/Алпер. Упомянут рядом с Узуром под 1279 г. Этот кыпчакский бек в Венгрии жил во второй половине XIII в. и входил в окружение короля Ласло IV Куна. Происхождение имени Алпра (Алпар) имеет два объяснения. По первой гипотезе, которой придерживаются Л. Рашони и Н. Беренд, это слово производное от тюркского *al* (красный) + *burā* (верблюд) = *albura* (красный верблюд мужского рода). По второй – от тюркских *Alp* (богатырь) + *är* (мужчина, муж) = *Alper* (мужчина-герой), то есть от тюркского обозначения отважного и сильного мужчины. По версии Л. Рашони, это имя могло иметь форму *Olper*. В этой форме имя кыпчакского бека упомянуто под 1255 г. В форме Алпра имя упоминается в 1284 г. [Constitutio Cumanorum, 1849; Berend, 2001a, 106, 108–109; 2001b, 252; Zimonyi, 2007; Fontes Rerum Bohemicarum, 1874, 310–316, 330; Articuli Cumanorum, 1849; Rasonyi, 1967, 135–136].

Алтабарз. Кыпчак упомянут в венгерском документе под 1347 г. под именем *Altabarz*. Имя происходит от *alti barz* – шесть барсов [Rasonyi, 1967, 136].

Алтунопа. Кыпчакский вождь конца XI в. – начала XII в. Алтунопа принял участие в битве на Вягре в 1097 или 1099 г. Осуществил притворное отступление и заманил венгерское войско в засаду. В 1103 г. был врагом Руси. Погиб в 1103 г. в авангардном бою близ р. Сутени. По версии Н. Баскакова, это имя происходит от *Altun* (золото) + *apa* (дядя, отец). Возможен также вариант, что *Altun* (золото) + *apa* (вежливое обращение к человеку). Его имя должно быть тождественным с летописным Алтун-опой. П. Голден предлагал вариант *Altun + oba*, то есть “Золотой род” [Баскаков 1985, с. 81; Лаврентьевская, 1962, с. 271, 279; Ипатьевская, 1962, с. 254–255; Федоров-Давыдов, 1966, с. 224; НПЛ, 1950, с. 19, 203; Golden, 1997, 108].

Амурат. Историчность этого кыпчака П. Голден поставил под сомнение. Этот вождь упомянут лишь в Никоновской летописи, но не упомянут в Ипатьевской, Лаврентьевской,

Новгородской Первой летописях. По мнению Н. Баскакова, это имя должно трактоваться как “обязательство”. С монгольского языка *amyrad* переводится как “мирный”, “спокойный”, “любимый” [Баскаков, 1985, с. 81; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Арбуз. Один из кыпчакских беков второй половины XIII в. Входил в окружение короля Ласло IV Куна. Вероятно, принимал участие в битвах при Кресенбруне в 1260 г. и при Дюрнкурте в 1278 г. на стороне венгров против чехов. Согласился с условиями сейма в Тетени. А. Палоци-Хорват считает, что имя этого вождя происходит от тюркского *arbus* (кавун) [Paloczi-Horvath, 1989, 54–55, 79–80; Berend, 2001b, 106, 108–109; Zimonyi, 2007; Fontes Rerum Bohemicarum, 1874, 310–316, 330; Annales Bohemiae, 1874; Rasonyi, 1965, 136].

Арсланопа. Один из лукоморских кыпчаков. В летописях упомянут под 1103 г. Был одним из казнёных русинами вождей во время битвы на р. Сутени. Н. Баскаков предлагал такую этимологию: *Arslan + apa* (лев + дядя) и *Arslan + apa* (лев + вежливое обращение). О. Прицак указывал, что *arslan* переводится как “лев”. П. Голден предлагает *arslan + oba*, то есть “клан льва” [Баскаков 1965, с. 81; Лаврентьевская, 1962, с. 279; Ипатьевская, 1962, с. 255; Прицак, 2008, с. 40].

Асадук. Упомянут в “Поучении Мономаха”. Принимал участие в событиях 1078 г., когда помог Олегу Святославичу вернуть под свой контроль Чернигово-Северскую землю. Н. Баскаков для имени предлагал единственную этимологию – *Äsa (esi)* (его ум, сознание) + *oduq* (внимательный) = “живой ум, смекалистый” [Баскаков, 1985, с. 81; Лаврентьевская, 1962, с. 248; Федоров-Давыдов, 1966, с. 224].

Асень. Кыпчакский вождь второй половины XI в. Он умер в 1082 г. и оставил нескольких сыновей. Асень (в летописях – Осень) был братом Бегубарса и Сакза. Осеневом назывался один из городов донецких кыпчаков, возможно Шарукань. Асаном или Асенем Никита Хониат называл одного из христианизированных кыпчаков, который был федератом Византийской империи и имел владения в Подунавье. Получил при крещении имя Иван. Воспользовался помощью дунайских кыпчаков, владов и бродников в 1186 г. в Мезии против византийцев. Н. Баскаков считает возможными две этимологии имени Асень – от тюркского имени существительного *Äsän* (здоровый) или от глагола *össin* (пусть растёт). Византийская греческая форма его имени – Асанис. Осень – славянская форма имени *Äsän/Esen*. Асень – производная форма от имени Есен, то есть “здоровый”, которая, по мнению О. Прицака, была названием и династии и клана. В. Стоянов считает, что имя Асан может

происходить от тюркютского Ашина, и предложил свою этимологию имени вождя от тюркского имени подлежащего *esen* (здоровый, радостный, жизнерадостный, умный). И. Вашари считал древнерусскую форму имени Асень – Осень – производной от тюрк. *esen* (музыка, здоровый, безопасность). В “Синодике Борила” Асень назван Бельгуном. Это имя производное от тюрк. *bilgün* (знающий, умный). Скорее всего это кличка Асеня [Баскаков, 1985, с. 81; Moravcsik, 1983, 73–75, 361; Stoyanow, 2001; Прицак 2008, 240–241; Лаврентьевская, 1962, с. 249; Федоров-Давыдов, 1966, с. 226; Vasary, 2005, 38–47].

Бейбарс (в летописях Багубарс, Багбарс, Бегбарс). Так звали нескольких кыпчакских вождей. Первый из них жил в конце XI в. и был родственником Асеня и Гиргеня. В “Поучении Мономаха” сказано, что Владимир Мономах помиловал нескольких его сыновей. Другой кыпчакский вождь жил в конце XII в. и принадлежал к клану Акочая. Бейбарсом звали еще одного кыпчакского вождя. Он происходил из племени бурдж-оглы. В 40–50-е гг. XIII в. был мамлюком в Египте. Благодаря личным качествам стал эмиром. Находился на службе у египетских и сирийских Аийубидов. Сыграл важную роль в победе над монголами при Айн Джалут в 1260 г. В 1260–1277 гг. был султаном Египта и осуществил несколько десятков кампаний против крестоносцев, монголов, киликийских армян. Н. Баскаков предполагал, что имя Бейбарс, упомянутое в летописях, происходило от *baqu* (холм) + *bars*, то есть “барс, живущий между холмов” или от слов *buq* или *bug* (корпус, осанка), откуда *Bugybars* (с осанкой барса). С. Ковач предлагала вариант *Beybars*, то есть “господин-барс” [Баскаков, 1985, с. 81–82; Ипатьевская, 1952, с. 671, 761; Гаркавец, 2011; Kovacs, 2005, 257]. Существуют и другие формы имени. В более позднее время имя носило форму Бегбарс. *Vars* означает “барс”, а *beg* – “господин”. В. Стоянов предлагает форму “господин-барс” [Stoyanow, 2001]. Имя “Бейбарс” в арабской графике читалось в разных формах – *Baybars*, *Baibars*, *Baibars*, *Beybars*, *Beyburs* (*Beybars*), *Veibars* и *Bibars* (*Baybars*). Зеркальное арабское отображение этого имени – Барсбай или Барсбей. При этом Бейбарс – это огузская форма этого имени. Казахской формой этого имени является Байбарыс. Для татарского, карачаевского, кумыкского языка характерна форма Бийбарс. Древнетюркская форма этого имени – Бегбарс. Собственно древнетюркскую форму имени заимствовали летописцы Руси, сообщая о Багбарсе, Бегбарсе, Бегварсе. При этом характерно, что практически все упомянутые вожди владели кочевьями в восточноевропейских степях [Гаркавец, 2011].

Балиар. Под 1322 г. в венгерском документе рядом с Битером упомянут Балиар. Он был сыном

Тешенча. Л. Рашони высказал гипотезу, что это имя происходит от *Bay-er* [Rasonyi, 1967, 138].

Балык. Так звали одного из христианизированных и болгаризированных кыпчаков. Его можно считать скорее болгаринном, чем кыпчаком. Вместе с Добротицей Балык правил Карвунским (Добруджанским) деспотатом (княжеством) в середине – второй половине XIV в. В. Стоянов считает, что это имя могло иметь две этимологии. По первой, оно происходило от тюркского обозначения города, а по второй – от тюркского обозначения рыбы – *balıq*. Имя могло приобрести также формы Балик или Белек [Stotanow, 2001; Прицак, 2008, с. 224–225].

Барамук. Под 1354 г. в венгерских документах упомянут Барамук (сын Кабака). Л. Рашони указывал на афикс *-muq* в этом слове [Rasonyi, 1967, 137].

Барак. Так звали одного из кыпчакских вождей, которые попали в плен к Святославу в 1184 г. Н. Баскаков считал, что это имя происходит от тюркского слова *Baraq* (собака). Под 1521 г. в венгерском документе упомянут Деметрий Бараг [Баскаков, 1985, с. 82; Stoyanow, 2001; Лаврентьевская, 1962, с. 395; Ипатьевская, 1962, с. 632; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225; Rasonyi, 1967, 137].

Басараб. Так звали основателя правящей династии Валахии. Он был сыном Тихомира. По мнению П. Павлова, М. Лазареску-Зобан и А. Гекбеля, Басараб, как и его род, имел кыпчакское происхождение. Обычно это имя считают производным от тюркских слов *bas* (подавлять, править, управлять) + *är* (мужчина, муж) + *oba/aba* (отец, дядя, старший брат, род). Басараб в переводе это “правлящий род”, или “тот, кто происходит из правящего рода”. В латиноязычных источниках имя упоминалось как *Bazarab*, *Bazarad*, *Bazaras*, *Bozorab*, *Basarat*. Окончание «-d» может быть объяснено венгерской адаптацией этого тюркского имени [Илиев, 2013, с. 101; Lăzărescu-Zobian, 1984, 267; Павлов, 2009, с. 400; Vasary, 2005, 152]. И. Вашари указывает, что имя Басараб происходит от куманского *Basar-oba* [Vasary, 2005, 149–152]. А. Гекбель считает, что имя отца Басараба – Тохомер происходит не от Токтомер, а от Токомер [Gökbel 2002, 654; Vasary 2005, 152].

Басты. Кыпчакский вождь с таким именем упомянут под 1223 г. По данным галицко-волынского летописца, он принял христианство. Племенная и клановая принадлежность неизвестна. Н. Баскаков считал имя производным от *bas* (подавлять) + афикс *dy/di*. *Basty* в переводе – “тот, кто победил” [Баскаков 1985, с. 82; Ипатьевская 1962, с. 741; Федоров-Давыдов 1966, с. 226].

Башкорт. Это имя несколько раз упоминалось в летописи. Первый раз упомянуто под 1159 г. Башкорт помогал князю-изгою Ивану Ростиславичу Берладнику осуществить по-

ход на Галицкое Понизье. Попытка добиться от него дани пленными русинами была неудачной. Под 1160 г. Башкорт помогал Изяславу овладеть Киевом, но эта кампания также была неудачной. К Башкорму убежала одна княжна из Руси. Другой вождь с именем Башкорт был упомянут в 1184 г. как попавший в плен к Святославу. По мнению Н. Баскакова, имя происходит от тюркских *baš* (голова) + *qurt* (волк), то есть дословно – “вожак волков” [Баскаков, 1985, с. 78; Лаврентьевская 1962, с. 396; Ипатьевская 1962, с. 501; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Бачкольда. В венгерских документах был упомянут под 1267 г. как собственник села *Aranylábúbács*. Л. Рашони предлагал несколько этимологий. По одной из них имя происходит от крымско-татарского и османско-турецкого *badž* + *goldi* (обращение (просьба) старшей сестры) [Rasonyi, 1967, 136].

Беглюк/Белук/Белюк. Кыпчакский вождь племени бурдж-оглы в середине – второй половине XII в. был тестем Рюрика и отцом Гзы. Упомянут в летописях под 1162 г., когда стал свояком Ростиславичей. В 1167 или 1168 гг. Ярослав Всеволодович напал на кочевья Беглюка, и с того времени начались активные походы бурдж-оглы на Русь. Н. Баскаков считал правдоподобной такую этимологию его имени: *bek/berk* (крепкий) + *lyq/liq* = *beklik* (крепость, твердость, крепкий, твердый) [Баскаков, 1985, с. 82; Ипатьевская, 1962, с. 532; Прицак, 2008, с. 182].

Беке. В 1347 г. под этим именем упомянут сын Атлабарза. Существует этимология с казахского и татарского языков: *beki* – “знатная дама” [Rasonyi, 1967, 137].

Бельдюз. Один из вождей лукоморских кыпчаков. Упомянут под 1103 г. как один из казненных кыпчакских вождей. Был богатым и предлагал за себя выкуп. Святополк хотел его помиловать, но Владимир Мономах настоял на его казни. Н. Баскаков предлагал несколько вариантов этимологии этого имени. По первой из них, имя происходит от *Bil-düz* = *Bildüz* (сообщить). По иной этимологии – *beli* (от *bel* – талия) + *düz* (прямой). То есть имя означало “его прямая осанка”. Была еще одна версия, по которой имя связано со словом *balduz* (свояк) [Баскаков 1985, с. 82; Лаврентьевская, 1962, с. 279; Ипатьевская, 1962, с. 255; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Бильге-тегин. Упомянут под именами Белкатгин и Балкатгин в “Поучение Владимира Мономаха”. В 1078 г. помогал вместе с двумя другими кыпчакскими вождями отвоевывать Чернигово-Северскую землю. В 1086 г. воевал под Новгородом-Северским. По мнению Н. Баскакова, этимология прозрачная – от *Bilge* (мудрость, мудрый) + *tegin* (принц). Бильге-тегин значит “мудрый принц”. По мнению исследователя, возможна и другая этимология – *bel* (талиа,

поясница, осанка) + *qat* (твердеть). К слову прибавлен афикс *gin/qyn/kin*, в результате чего получаем *Beli qaqdyn*, то есть “крепыш” [Баскаков, 1985, с. 82; Лаврентьевская, 1962, с. 248].

Битер. Под 1292 г. в венгерском источнике упомянут Битер, сын Тешенча. Л. Рашони считал, что это имя происходит от тюркского слова *bit* (готовый, расти) [Rasonyi, 1967, с. 137].

Бердаша. Историчность существования этого вождя под сомнением. Упомянут только в Никоновской летописи. Возможна этимология – *Ber* (давать) + афикс *dy/di*, то есть *Berdi*. Возможно, форма происходит от *Alla, Hudaj, Tengri berdi*, то есть “Бог дал”. Окончание *ša* (Бердаша) – это славянская адаптация имени Берди. По мнению П. Голдена, это имя монгольского или даже постордынского времени [Баскаков, 1985, с. 82; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225; Golden, 1979/1980, 300].

Бердибек. Историчность существования этого вождя под сомнением, поскольку он упомянут только в Никоновской летописи. Н. Баскаков предложил этимологию *Tengri Berdi* (Бог дал) + *bek* (господин), то есть “Богом данный господин”. К тому же имя Бердибек не встречается до монгольских времен [Баскаков 1985, с. 82; Федоров-Давыдов 1966, с. 225].

Болден. Под 1322 г. в венгерском документе упомянут как сын Ямула. Этимология имени не выяснена [Rasonyi, 1967, с. 138].

Бокмиш. Кыпчакский вождь 80-х гг. XII в., принадлежал к племени ит-оглы. Был братом Тоглыя (Итылыя). Упомянулся в Ипатьевской летописи в 1183 и 1184 гг. В 1184 г. попал в плен к Святославу. Н. Баскаков предложил этимологию имени производную от *baq* (смотреть за выпасом скота) + *myš* или *miš*, что в итоге дает “тот, кто смотрит за выпасом скотом” [Баскаков, 1985, с. 82–83; Ипатьевская, 1962, с. 632; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Болуш. Кыпчакский вождь середины XI в. Упомянут в летописях под 1054 и 1055 гг. Был первым кыпчакским вождем, который установил контакт с Русью и, вероятно, вытеснил огузов из Днепровского Левобережья. Н. Баскаков высказал две гипотезы касательно этимологии его имени. Первая – вот слова *büliüş* (опустошение), вторая – от *boluš* (помощник или тот, кто помогает) [Баскаков, 1985, с. 83; Лаврентьевская, 1962, с. 162; Ипатьевская, 1962, с. 152].

Боняк. Был союзником Византии, в 1091 г. возглавлял дунайских кыпчаков. В 1097 или 1099 гг. оказал помощь галицким Ростиславичам и победил венгерское войско в битве на р. Вягре. В венгерских источниках упомянут как Миркода. Ожесточенный враг Руси. Совершал походы в 1095 и 1096 гг. на Русь и чуть не ворвался в Киев. В 1105 и 1107 гг. совершал нападения на границы Руси. В битве на Суле вместе с Шаруканом

был побежден русинами. В 1116 г. против него совершил поход Владимир Мономах. Умер ориентировочно в первой четверти XII в. У него был сын Севинч. Еще один Боняк жил в середине XII в. По Н. Баскакову, есть несколько гипотез касательно этимологии его имени. По первой гипотезе, имя происходит от *bänäk* (родинка). По второй – имя происходит от *bojun-mojun* (шея) + *aq* = *boj(u)naq*. Боняк – это “белошей”. По третьей – Боняк происходит от *bojnaq* (ящерица). П. Голден считает возможной этимологию от уйгурского имени *Bongaq*. Л. Рашони считал имя производным от тюркского *bön* (старый). Такое имя, по мнению П. Голдена, как и Кыпчак, было одним из защитных имен [Баскаков, 1985, с. 83]. В форме Маниак оно упоминалось у Анны Комнины. Д. Моравчик и О. Прицак считали его формой согдийского *Mani-ax*, то есть “товарищ” (брат) Мани [Moravcsik, 1983, 181, 361; Анна Комнина, 1965, кн. 8, §§ 4–6; Федоров-Давыдов, 1966, с. 224; Golden, 1979/1980, 300].

Бортц. Вождь племени кунун, жил в первой половине XIII в. Вероятно, ему принадлежала инициатива нападения на венгерские комитаты Фегераш и Брашов. Был побежден тевтонскими рыцарями. В 20-х гг. XIII в. пошел на сближение с Римом и Венгрией. Принял христианство в 1228 г. В 1229 г. должен был принимать участие в кампании венгров по овладению Галичиной. Был погребен не по традиционному для кыпчаков обряду, а в какой-то башне. С. Ковач указывает, что в латиноязычных хрониках встречались и другие формы имени этого кыпчакского вождя – *Brut*, *Bauch*, *Bruch*. В Хронике Эмоны он упомянут как вождь вальвов *Boricus*. Согласно этому источнику, вождь был крещен в 1227 г. Касательно этимологии имени, некоторые исследователи считают его производным от тюркского слова “перец”. По мнению П. Голдена, тюркское имя Бортца звучало как *Bars*, *Borč* или *Burč*. В Спинеи считал возможной формой имени Бортц форму Буртчи. С. Ковач выдвинула несколько гипотез касательно этимологии имени кыпчакского вождя. По одной из них, имя Бортц – это слово Барс. Исследовательница связывала эту форму с именем Бегуварс в Ипатьевской летописи. Этимология от *Bars* (барс) возможна, если брать во внимание, что у тюрков были популярны тотемы, в частности кошачьи. По второй гипотезе – Бортц означает *Borč/Borz*, то есть “долг”. По третьей – имя происходит от *Burč*, то есть “перец”. Но эти объяснения казались С. Ковач неубедительными, и она связывала имя Бортц с этнонимом “бурджоглы” [Голден, 2008, с. 326; Осипян, 2005, с. 4–5; Spinei, 1986, с. 52; Kovacs, 2005, 256–259; Spinei, 2008, с. 423–424].

Бузкан. В венгерском документе под 1333 г. упомянут Бузкан (сын Арбуза). Л. Рашони считает, что это имя производное от тюркского *Buzgan*

(уничтожить) [Rasonyi, 1967, 138].

Букур. В венгерском документе под 1352 и 1354 гг. упомянут *Buchuer* или *Bochwr*. Л. Рашони считает, что это имя похоже на *buçur* из древнетюркских рунических надписей. Этимология имени не выяснена [Rasonyi, 1967, 138].

Бутемер. Кыпчакский бек из племени Илончук (йылан). Упомянут в венгерском документе под 1342 г. Находился на службе у венгров. Служил Карлу Роберту и Людовику из династии Анжу. Этимология имени не выяснена [Mandoky-Kongur, 1972; Mandoky-Kongur, 1976; Paloczi-Horvath, 1989, 59; Rasonyi, 1967, 138].

Бякоба/Бякоб. Кыпчакский вождь, упомянутый в Ипатьевской летописи под 1180 г. По гипотезе Н. Баскакова, это имя происходит от *bek* или *berk* (крепкий) + *apa* (дядя по отцу) [Баскаков 1985, с. 83; Ипатьевская, 1962, с. 623; Федоров-Давыдов, 1966, с. 155].

Ванчук. Под 1333 г. в венгерских документах упоминался Кунчек (сын Ванчука) из племени чертан. Ванчук был кыпчакским аристократом. Этимология имени не выяснена [Rasonyi, 1967, 146].

Гзак/Гза/Кза. Сын Белюка из племени бурджоглы и отец Романа Кзича из этого же племени. Жил во второй половине XII в. Отметился походами на Русь в 1169, 1185, 1193 гг. Ожесточенный враг Игоря Святославича. Блокировал “путь из варяг в греки”. Вероятно, вождь Гза упомянут как Котзас в хронике Никиты Хониата. Этот вождь принимал участие на стороне болгар в Адрианопольской битве. И. Вашари считал, что Котзас византийской хроники соответствует тюркскому *Qoja* [Ипатьевская, 1962, с. 632, 641, 675; Morabcsik, 1983, 164, 361; Vasary, 2005, 50; Никита Хониат 1862]. По мнению Н. Баскакова, имя Гза происходит от тюркского *qozu* (ягненок). Вторая этимология – от *göz-i* (тот, кто с бельмом). О. Прицак считал, что более правильна первая этимология, но высказал ряд уточнений. В Восточном Туркестане *qozı* (ягненок) звучало как *Qoza*. Славянская калька этого имени звучала как “Коза”. Гзак в славянском варианте появился вследствие прибавления деминутивного аффикса “-ак” [Баскаков, 1985, с. 83; Прицак, 2008, с. 235–236; Федоров-Давыдов, 1966, с. 266].

Гыргень. Упоминался в летописи лишь один раз (в 1107 г.) и только в связи с браком дочерей Аеп с Рюриковичами. Был братом Асеня из племени кай и дядей Аепы из того же племени. По Н. Баскакову, *girgin* – “ласковый, достойный, дерзкий”, *kirgin* – “тот, кто достиг цели”, или “тот, кто хочет достигнуть цели”, *kürgen* – “зять” [Баскаков, 1985, с. 83; Ипатьевская, 1962, с. 259; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225; Лаврентьевская, 1962, с. 283].

Дорман. В венгерских документах люди с этим именем упомянуты под 1285 и 1406 гг.

В сербском “Житии Милутина” Дорман упомянут как правитель области вблизи Браничева и Белграда, брат Куделина. Они воевали против сербов в 1292 г. и были союзниками видинского деспота Шишмана. Касательно имени Дорман, В. Стоянов предложил несколько этимологий. Дорман на тюркском имеет несколько форм написания: *Derman, Durman, Darman*. Тюркское слово *Dur/tur* означает “стоять”, “останавливаться”. “*Derman*” происходил от тюркского глагола “*dera*” (бороться). Н. Илиев считал возможным болгарский перевод “пусть живет” [Данило Други, 1988; Stoyanow, 2001; Илиев, 2013, с. 100; Vasary, 2005, 101–104, 107–108; Павлов, 2009, с. 398–400; Димитров, 1998, с. 192–193; Rasonyi, 1967, 140].

Дулеп. Этот кыпчакский вождь упомянут один раз в Никоновской летописи, что дает основания в его существовании. Н. Баскаков дает два варианта этимологии этого имени: 1) от азербайджанского *dülâb* (колесо, интриги, хитрости); 2) от тюркского слова *tilbâ/dilbâ* (дурной). По мнению П. Голдена, это имя монгольского или постордынского времени [Баскаков, 1985, с. 83; Golden 1979/1960, 300].

Дьолма. В венгерском документе под 1292 г. упомянут Келдеч (сын Дьолмы). По мнению Л. Рашони, имя происходит от тюркского *Yul* или *yol* (путь) [Rasonyi, 1967, 140].

Дьолча. В венгерском документе под 1455 г. упомянут Бенедикт, он же Дьолча. Л. Рашони производит этимологию слова от *Jolči* (путешественник) или *Yolči* [Rasonyi, 1965, с. 140].

Эдуа/Ай-дога. Кыпчакская любовница короля Ласло IV, упоминалась в венгерских хрониках в XIII ст. Этимология от *Au* (луна) + *Doga* (расти), то есть “растущая луна” [Rasonyi, 1967, 136].

Ексн/Ексна. В летописях упомянут под 1184 г. как попавший в плен к Святославу. По гипотезе Н. Баскакова, имя происходит от *jaq* (толстеть, быть приятным) + *syn* = *jaksyn* – “пусть полнеет, пусть нравится” [Баскаков, 1985, с. 84; Лаврентьевская, 1965, с. 395; Федоров-Давыдов, 1965, с. 225].

Енфем. Вождь дунайских кыпчаков второй половины XI в. Упоминался вместе с Копульхом во время похода на Венгрию в 1090 г. Погиб в битве на р. Паганти (Поганч), когда венгры победили кыпчаков. Этимология имени не выяснена [Шушарин, 1997, с. 121, 327–328, 357; Scriptores Rerum Hungaricarum, 1766, 163–164; Chronicon Dubnicense, 1884, 196–197].

Эржебет. Дочь Сейхана из племени чертан. В 1247 г. вышла замуж за венгерского принца Иштвана, который потом стал королем Иштваном V. Любовница Йоахима Гюткеледа. Мать венгерского короля Ласло IV. Владела землями в Мачве и Боснии. У нее была собственная

печать, где было написано “Божьей милостью королева Венгрии и дочь императора куманов” [Vasary, 2005, 99, 102–103; Berend, 2001a, 261–263; Paloczi-Horvath, 1989, 53, 77–78].

Ельтут. Брат Кончака и сын Отрока. От него происходило ответвление династии Шаруканидов – Ельтуковы. Погиб в 1180 г. во время похода русинов на кыпчаков. Н. Баскаков, П. Голден и О. Прицак приводили единственную этимологию этого имени – *el* (народ) + *tut* (держать) = *eltut* (правь государством, держи рукой) [Баскаков, 1985, с. 84; Golden, 1979/1980, 306].

Емгазя. Историчность сей особы под сомнением, поскольку он упомянут под 1107 г. только в Никоновской летописи. Этимологию этого имени Н. Баскаков считал производной от *jem* (еда) + *qodža* (господин), по-другому “повар” [Баскаков, 1985, с. 84].

Итылтый/Тоглтый. Кыпчакский хан второй половины XII в. Возглавлял племя ит-оглы. По мнению Н. Баскакова, имя Итылтый происходит от *jeti* (*сім*) + *lik* = *jetilik* (семерка, седьмой). По О. Прицаку, Тоглтый происходит от тюркского *it-ogli*, то есть “сын собаки” [Баскаков, 1985, с. 79; Прицак, 2008, с. 180].

Итларь. Кыпчакский посол в Переяславе в 1095 г. Был убит по приказу Владимира Мономаха. Его казнь привела к продолжительной войне Боняка с Русью. Имя Итларь Н. Баскаков считал производным от *it* (собака) + *lär* = *itlär* (собаки). Аналогично считали и А. Зайончковский и О. Прицак [Баскаков, 1985, с. 79; Прицак, 2008, с. 185].

Иона. Христианское имя кыпчакского правителя, который бежал от монгольского завоевания в Болгарию. Умер в 1241 г. Его похороны были описаны Жаном де Жуанвилем. О нем упоминал и Альберик де Труа Фонтене [Жуанвиль, 2007, с. 118; Albrici, 1874, 949–950].

Кабак. В венгерском документе под 1351 г. упомянут Барамук (сын Кабака). Этимологию имени Л. Рашони выводил от тюркского *Qabak* (тыква) [Rasonyi, 1965, 141].

Кайтор. В венгерских документах под 1428, 1448, 1473, 1484 гг. упомянут Фома, он же Кайтор де Пабе. Л. Рашони считал это имя производным от тюрк. *Qayt* (возвращение) [Rasonyi, 1967, 142].

Калотан. Известно только, что он был отцом хана Коряза. Н. Баскаков считал возможными несколько этимологий. Первая из них – *qul* + *ata*, то есть “отец раба”. Вторая – *qul* + *aba*, то есть “дядя раба”. По третьей имя Калотан – это искаженное *qul atan*, то есть “раб верблюда” – как символ величия. Однако, сам Коряз был малоизвестным и вряд ли его отец был могущественным [Баскаков, 1985, с. 84; Ипатьевская, 1962, с. 632; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Камоса. Сын Оселука, брат Тюрнака, дядя

Святослава Олеговича. Жил в середине XII в. Происходил из одного из племен приднепровских кыпчаков. Принадлежал к так называемым “диким половцам”. Этимология имени не выяснена [Golden, 1979/1980, 298; Ипатьевская, 1962, с. 334].

Карач/Карас. В латинской графике его имя было написано как Karaz. В болгарской историографии обычно употребляется форма Karač. Был одним из трех кыпчакских беков, которые восстали против царя Борила в 1213 г. По мнению Н. Илиева и Л. Рашони, это имя происходит от турецкого и огузского имени Караджа. Есть две этимологии: 1) от турецкого обозначения серны; 2) от шимени подлежащего имени черный. Более верным является перевод как “серна”. По мнению И. Вашари, более правильной формой является Karas. Именно в такой форме это имя упоминалось в Венгрии. Кроме того, встречалось имя Караца [Илиев, 2013, с. 99; Vasary, 2005, 59; Rasonyi, 1967, 141].

Карлы. Известно, что он был отцом вождя лукоморских кыпчаков Кобяка. Его имя известно только благодаря сыну, которого летописцы упоминали по отчеству. Н. Баскаков считал возможной единственную этимологию: qar (снег) + ly, то есть qarly (снежный). П. Голден переводил qarlı как “покрытый снегом” [Баскаков, 1985, с. 84; Федоров-Давыдов, 1966, с. 226; Golden, 1979/1980, 308].

Качман. Под 1247 и 1340 гг. в венгерских документах упомянуты кыпчаки по имени Качман. Л. Рашони считает возможной этимологию Kač + man [Rasonyi, 1967, 141].

Кейран. Кыпчакский бек второй половины XIII в. В источниках упомянут как правитель из племени бурдж-оглы. Упоминался в венгерских документах как бек кыпчаков под 1266 и 1288 гг. Возможно имя имело форму Кайран. В “Юань-ши” упомянут кангл Кайран-бай (дед Бухуму) [Mandoky-Kongur, 1976; Baski, 2006, 44; Кадырбаев, 1990, с. 35–36; 2003, с. 99–100; 2004, с. 23; Golden, 2000, 28–29; Rasonyi, 1967, 142].

Келдеч. Под 1292 г. в венгерском документе упомянут Келдеч (сын Дьолми). Этимология имени не ясна [Rasonyi, 1967, 142].

Келдечыни. Под 1268 г. в венгерском документе упомянут Келдечыни. Л. Рашони считает это имя производным от имени Келдеч [Rasonyi, 1967, 142].

Кеменече. Один из кыпчакских беков второй половины XIII в. Входил в окружение короля Ласло IV Куна. Вероятно, принимал участие в битве при Кресенбруне в 1260 г. и при Дюрнкурте в 1278 г. на стороне венгров против чехов. Согласился с условиями сейма в Тетени. Был одним из убийц короля Ласло IV. Этимология этого имени – от тюрк. kāmānče (небольшой лук) [Berend, 2001a, 54–55, 79–80; Dobre, 2003, 106,

108–109; Осипян, 2005, с. 7, 9; Голубовский, 1889, с. 13; Zimonyi, 2007; Fontes Rerum Bohemicarum, 1874, 310–316, 330; Annales Ottokatiani, 1874; Berend, 2001b, 252].

Кечел. Под этим именем (Kechel, Keczel) под 1412 и 1493 гг. упомянуты кыпчаки. Л. Рашони считал его искаженной формой тюрк. Qizil (красный) [Rasonyi, 1967, 142].

Кистра. В венгерском документе под 1347 г. упоминался как сын Япзы. Это слово было производным от qış-tura (зимовье, зимовник) [Rasonyi, 1967, 142].

Китанопа. Кыпчакский вождь конца XI – начала XII в. Упомянут среди кыпчакских вождей, которые погибли во время битвы на р. Сутени (Молочной) в 1103 г. Вероятно, что он принадлежал к лукоморским кыпчакам. Н. Баскаков предлагал форму Qitan + ora – племя киданей. Также возможными он считал формы Kötän (кишечник) + ара и Qutang (благословенный). О. Прицак приводил форму Qitay/Qitan. Во множественном числе антропоним звучал как Qitat. В летописях также упоминался кыпчакский посол Китан, который был казнен Владимиром Мономахом в 1095 г. Версии о происхождении имени от племени киданей придерживается П. Голден [Баскаков, 1985, с. 84–85; Прицак, 2008, с. 245; Лаврентьевская, 1962, с. 227, 279; Ипатьевская, 1962, с. 217, 255; Федоров-Давыдов, 1966, с. 224–225; Golden, 1979/1980, 302].

Клеопа. Эллинизированная форма имени кыпчакского вождя, который находился на службе в Византийской империи в середине XIII в. Это имя упомянуто у Феодора Скутариота и в письме Феодора II Ласкариса. По мнению Н. Илиева, возможна ошибка переписывателя, который перепутал альфу и лямбду. Как считает болгарский исследователь, имя могло звучать как Каепа, то есть Qay-apa. Возможный перевод – “мужчина из племени кай”. Возможные варианты – Аепа, Айапа, Кайапа. Другой возможный вариант, аналогичный переводу имени Аепа [Moravcsik, 1983, 161, 361; Илиев, 2013, с. 99; Павлов, 2009, с. 391].

Кобан. Упомянут в Ипатьевской летописи под 1190 г. Указано, что он был братом Колдечи. Принадлежал к “лукоморским” кыпчакам. После войн с Русью в 1190–1191 гг. вероятно участие в событиях на Балканах. Имя встречается в испорченной форме Guban на латыни. Вероятно, Кобан принимал участие в войне болгар против венгров в 1202 г. в районе Мачвы. Также вероятно его участие в общих походах болгар и кыпчаков против Византийской империи в конце XII – в начале XIII в. На владения Кобана мог несколько раз нападать волынский князь Роман Мстиславич. Похоже на то, что Кобан принадлежал к клану Урус-оба. По мнению Н. Баскакова, возможны два варианта этимологии – Qoran (высокий, великий, победоносный, здоровый) или Qaban (свинья).

По нашему мнению, более вероятным является первый вариант, поскольку этот хан был одним из наиболее влиятельных кыпчакских вождей своего времени [Баскаков, 1985, с. 85; Zimonyi, 2007].

Кобяк. Вождь лукоморских кыпчаков, правил во второй половине XII в. Принадлежал к клану Урус-оба. Его отцом был Карлы. Отметился общим с Кончаком походом на Русь в 1170 г. Кобяк погиб во время похода русинов в 1183 г. Отмечен в “Слове о полку Игореве” как “Кобяк поганый”, то есть язычник. Н. Баскаков предполагал этимологию имени Кобяк от Көрек (Köbek) “большая собака”. П. Голден предположил подобную гипотезу с переводом Көрек (Köbek) – то есть “пес” [Баскаков, 1985, 85; НПЛ, 1950, с. 395; Ипатьевская, 1962, с. 632; Лаврентьевская, 1962, с. 226; Golden, 1979/1980, 308].

Козл Сотанович. Упоминался в Ипатьевской летописи под 1180 г. Погиб во время общего с Кончаком похода. Касательно этимологии имени, Н. Баскаков предложил несколько вариантов. Первый – Козл производное от тюркского Qozy/quzu (ягненок, овца). Второй вариант – от Qozyly, то есть, “тот, кто родился под знаком Овна”, или “собственник овцы”. Третий вариант – имя происходило от тюркского глагола Qozyl (присоединяйся). Четвертый вариант – от Quzy (красный). Пятый вариант – от Qazal (деревянный молот) [Баскаков, 1965, с. 85; Лаврентьевская, 1962, с. 225; Ипатьевская, 1962, с. 632].

Кокусь. Он же Коксус. В летописи упоминают рядом с Акланом Бурчевичем. Необходимо отметить, что перед именем Аклан употреблено слово сын, то есть Аклан мог быть сыном Кокуся. Бурчевич – это не по отчеству, а признак принадлежности к племени бурдж-оглы. По данным “Поучения Мономаха” Кокусь вместе с Акланом и Азгулуем русины казнили, а их тела кинули в р. Славлю. По предположению Н. Баскакова есть несколько гипотез этимологии этого имени. По первой из них, имя производное от тюркского köküs/kögy (сердце, груди) + ly = köküsl (хладнокровный, храбрый). По второй и маловероятной от kök (род) + süz = köksüz (без рода). По третьей гипотезе, имя происходило от köküsk (синеватый) [Баскаков, 1962, с. 85; Лаврентьевская, 1962, с. 250].

Кол. В источниках упоминался как отец Копульха. Один из вождей дунайских кыпчаков. Должен был жить во второй половине XI в. Венгерские источники также зафиксировали племя qol. И. Башки связывал это имя с тюркским qul (раб) [Baski, 2006, 46].

Колгуна. Под таким именем в венгерском документе под 1332 г. упоминался кыпчак, который был сыном Боклова. Л. Рашони считал возможной этимологию от монг. Qulquna и тюрк. Qulgana (мышь) [Rasonyi, 1967, 143].

Колдечи. Кыпчакский хан конца XII – нач. XIII в. Брат Кобана, принадлежал к клану Урус-оба. Был упомянут в связи с походом русинов на Ивлю (Ингулец), в 1190 г. потерпел поражение от русинов. Этимологию имени Н. Баскаков производил вот qolda (помогать, давать руку) + сложный афикс da-g-çy = qoldagçy (тот, кто помогает). Н. Баскаков рассматривал и альтернативную версию, по которой Колдечи происходит от qoldaçy (злыдень) [Баскаков, 1985, с. 85; Ипатьевская, 1962, с. 761; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Кондам. В венгерских документах под 1315 и 1385 гг. упомянуты Кондам и Юпухо (Ябгу) из племени кол (кулаба-оглы). Этимология имени не ясна [Rasonyi, 1967, 143].

Кончак. Кыпчакский вождь, который принадлежал к династии Шаруканидов и к племени токсоба. Отметился походами на Русь в 1170, 1174, 1185 гг. и принимал участие в русских усобицах в 1179–1180 гг., победил Игоря Святославича в 1185 г. и взял Римов. В 1187 г. стал тестем Игоря Святославича, отдав замуж за него свою дочь. Этимологию этого имени Н. Баскаков производил от qongçaq (кольчужные кольца на бедрах, наколенники). М. Рясанен и О. Прицак считали возможной этимологию от копçак (старые дубленые штаны) [Баскаков, 1985, с. 85; Прицак, 2008, с. 236–237; Baski, 2006, 53].

Копульх. Один из вождей дунайских кыпчаков. Сын Кола. Совершил нападение на Венгрию в 1090 г. Опустошил страну до Бихара. На обратном пути венгры во главе Ласло I, победили Копульха на р. Паганти (ручей Поганч) вблизи Тимишоары [Шушарин, 1997, с. 327–328; Spinei, 2009, 121; Scriptores Rerum Hungaricarum, 1776, 163–164; Chronicon Pictum, 1883, 196–197].

Кордук. Кордук был упомянут в венгерском документе под 1340 г. Л. Рашони считал возможной этимологию от тюрк. Qurduq или qur (готовиться, установить) [Rasonyi, 1967, 143].

Коряз Калотанович. Кыпчакский вождь, один из незначительных вождей. Упоминался при событиях 1183 г., когда русины победили кыпчаков. В 1184 г. попал в плен к Святославу. По мнению Н. Баскакова, имя Коряз происходит от тюркского слова körä (приятель). Исследователь предлагал и иные этимологии, в частности, qoraz (петух) или kiräs (заветный) [Баскаков, 1985, с. 86; Ипатьевская, 1962, с. 632; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Костук. В источниках известен Обовлы Костукович, мелкий кыпчакский правитель на границе с Чернигово-Северской землей. По мнению Н. Баскакова, имя Костук может происходить от тюркских слов köstek или köstök, что означает “пути для коней”. По альтернативной гипотезе исследователя, имя должно происходить от перс. Küstāx. Непонятно, зачем использовать

иранский термин, если есть тюркский аналог [Баскаков, 1985, с. 86; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225; Ипатьевская, 1962, с. 663].

Котян. Так звали вождя племени дурут. Этот хан принимал участие в усобицах между Рюриковичами в 1205, 1211, 1235 гг. В 1229 г. он поддержал Даниила Романовича против венгерского королевича Коломана и вождя племени кунун Бортца. Известно, что он был упомянут Рогерием и Альбериком де Труа Фонтене как вождь тех кыпчаков, которые переселились в Венгрию до Пасхи 1239 г. В латиноязычных источниках имя Котян имеет форму Kuthen. По сведениям Рогерия, Котян принял крещение и придерживался католицизма. По мнению Н. Баскакова, есть несколько версий этимологии имени Котян. Возможно, имя происходит от тюркского kötäp/köten (кишечник). В византийских источниках упоминался Котаниц Торник. Возможно, его имя происходит от тюрк. Qotan [Баскаков, 1985, с. 86; Головкин, 2007, с. 81–82; НПЛ, 1950, с. 62, 265; Ипатьевская, 1962, с. 742, 747–751, 753–754, 761; Rogerii, 1892, 946; Тизенгаузен, 1884, с. 541–542; Кумек, 1990; Рогерий, 2012, с. 18; Paloczi-Horvath, 1989, 50–51; Rogerii, 1892, 549–550, 556; Павлов, 2009, с. 392; Rasonyi, 1967, 143–144].

Кочола. Кыпчак под таким именем упоминался под 1340 г. в венгерском документе. Л. Рашони считает возможной этимологией этого слова от тюрк. Qoĵa (господин, богатый) [Rasonyi, 1967, 142].

Кубасар. Кыпчакский бек из числа так называемых “прежних кыпчаков” (картвелизированные кыпчаки-токсоба, которые пришли в Грузию с Отроком), жил в Грузии в середине – второй половине XII в. Принимал участие в борьбе за власть в Грузии на стороне Юрия Андреевича [История и восхваление венценосцев, 1954; Golden 1984].

Куделин. Кыпчакский вождь, который правил болгарскими владениями в районе Мачвы. Упомянут в “Житии Милутина” в сочинении сербского архиепископа Даниила II. Брат Дормана. Воевал с венграми в 70–80-х гг. XIII в. Побежден в начале 90-х гг. XIII в. Как и его брат Дорман, он искал помощи у видинского деспота Шишмана. По мнению Н. Илиева, имя переводится с болгарского как несчастливый. В тюркских языках его аналог кыбчак [Данило Други, 1988; Илиев, 2013, с. 100; Vasary, 2005, 101–104, 107–108; Павлов, 2009, с. 398–400; Димитров, 1998, с. 192–193].

Кутлу-Арслан. Кыпчакский бек, жил в Грузии в середине и во второй половине XII в., принимал участие в борьбе за власть в Грузии в 80-е гг. XII в. Был союзником Юрия Андреевича (сына Андрея Боголюбского). Этимология имени прозрачная от тюрк. Qutlug (счастливый) + Arslan (лев), то есть “счастливый лев” [История и восхваление венценосцев, 1954].

Куман/Кунам. Кыпчакский вождь упомянут под 1103 г. в славянских летописях. Был казнен русинами после победы в битве на р. Сумень. Н. Баскаков предложил несколько версий этимологии этого имени. По одной из них – имя происходит от тюркского quman (желтый, бледный). По другой его же гипотезе – куман – производное от тюркского quw + man (лебедь) [Баскаков, 1985, с. 86; Лаврентьевская, 1962, с. 279; Ипатьевская, 1962, с. 255; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Кунчег/Кумчег. В венгерских источниках под 1333 и 1347 гг. упоминались вожди Кунчег и Кумчег. Они происходили из племени чертан. Л. Рашони считал эти имена испорченной формой имени Кончак [Rasonyi, 1967, 143].

Кунуй. Кыпчакский вождь упомянут Нестором под 1096 г. По мнению Н. Баскакова, это имя происходит от тюркского qonuk (гость). Исследователь также считал возможными варианты qonuj, qunuj, то есть производные от тюркского künü (друг) [Баскаков, 1985, с. 86].

Кунячюк, Кюнячок. Вождь с таким именем упомянут среди этих кыпчаков, кто погиб в усобице на Руси в 1180 г. Н. Баскаков высказал шесть вариантов этимологии этого имени. По первому из них, имя происходит от köni (прямой, справедливый, открытый, надежный, друг, приятель) + çük = köniçük (справедливенький, надеженький или küniçük завистливый). По второму – имя производное от тюркских küneç/küneš + çük = küneççük (солнышко). По третьему – Кунячюк происходит от тюркского kündädžik (герой, богатырь). Четвертый вариант маловероятный. Исследователь производил его от kiniçük (любовник, любовница). По пятому – это уменьшительная форма от konček (штаны). А шестой вариант невероятен – от küngçük (раб, рабыня) [Баскаков, 1985, с. 86–87; Ипатьевская, 1962, с. 623; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Куртк/Куртык. Кыпчакский вождь, упомянутый под 1103 г. Был одним из вождей “лукоморских кыпчаков”. Н. Баскаков рассматривал несколько гипотез касательно происхождения имени вождя. По первой гипотезе, имя происходит от qurtqa (старая женщина), и это маловероятно. По второй – имя происходило от тюркского числительного (qurtqa) – сорок. По третьей – от qurt (волк) + uk = qurtuk (волчонок). Последняя гипотеза, кажется нам наиболее убедительной [Баскаков, 1985, с. 86; Лаврентьевская, 1962, с. 279; Ипатьевская, 1962, с. 255; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Курия. Кыпчакский вождь конца XI в. Установить племенную принадлежность сложно. Возможно, он из того же племени (ит-оглы), что и Тугоркан. В 1096 г. Тугоркан и Курия взяли в осаду Переяслав. Под именем Курия известен и правитель одного из племен печенегов середины X в. Н. Баскаков предлагал несколько вариантов

этимологии. По первому из них, имя происходит от тюркского *küräk/körek* (красивая фигура, красивое). По второму – от тюркского названия бурундука – *küräk/kögük*. По третьей гипотезе, имя Куря происходит от тюркского названия лошади – *kürtä* [Баскаков, 1985, с. 86; Ипатьевская, 1962, с. 221; Федоров-Давыдов, 1966, с. 224].

Кучмек. Под 1283 г. упомянуты Иван и Кучмек – христиане-кыпчаки. Л. Рашони считал возможной этимологию от тюрк. *Коџмек* [Rasonyi, 1967, 143].

Кчий. Под именем Кчий (Кочий, Кичик, Кучук) под 1103 г. в летописях упоминался один из вождей лукоморских кыпчаков. Вождь с таким именем был казнен русинами. Что касается этимологии этого имени, то Н. Баскаков предлагает два варианта. По первому – это имя производное от тюркского *kiči/kičik* (маленький, молодой, небольшой). Еще ранее эту гипотезу выдвинули П. Мелиоранский и А. Зайночковский. По второму, предложенном Н. Баскаковым варианту, – имя происходит от тюркского *küčük* (щенок) [Баскаков, 1985, с. 86; Лаврентьевская, 1962, с. 279; Ипатьевская, 1962, с. 255].

Лазарь. Кыпчакский вождь с христианским именем. Вероятно, принадлежал к дунайским кыпчакам. Жил в середине XII в. и в 1148 г. попал в плен к ромам поблизости Тенуормона, где, вероятно, находился его лагерь [Moravcsik, 1983, 177, 361].

Манастр/Манастрас. Это имя упоминалось в византийских источниках в связи со смертью Калояна. Манастр занимал высокий пост в царской гвардии и был любовником царицы Анны-Анисии. Что касается этимологии этого имени, то Н. Илиев считал маловероятным предположение о том, что это имя происходило от современного турецкого обозначения монастыря. В книге А. Курышжанова возможной этимологией этого имени названо диалектное казахское *Manas* (обозначенная судьба чего-нибудь). Н. Илиев предложил гипотезу, что Манастр это производное от тюркского *Manase*, то есть будь как Манас. Манас – это герой кыргызского эпоса. Имя Манас имеет кыпчакское происхождение и популярно у казахов [Moravcsik, 1983, с. 192, 361; Илиев, 2013, с. 98–99; Павлов, 2000; Vasary, 2005, 53].

Мандула. Кыпчакская княжна *Mantula*, любовница венгерского короля Ласло IV. Л. Рашони считал, что это имя монгольского или венгерского происхождения, но убедительного объяснения никто не предлагал. Под 1347 г. упоминался Пал Чита, сын Мандулы. Этимология имени не ясна [Rasonyi, 1967, 144].

Менк. Под 1279 г. в венгерском документе упоминался князь (бек) Менк из кыпчаков. Л. Рашони предложил две версии этимологии его имени. Первая – от тюрк. *man* (большой), вторая

– от *min* (тысяча) [Rasonyi, 1967, 144].

Мемборк. Кыпчакский вождь 20–30-х гг. XIII в. Сын кыпчакского вождя Бортца из племени кунун. Выступал как посредник во время переговоров Бортца с католическими клириками и венгерским королем. В 1228 г. вместе с отцом был крещен и принял католицизм. Имя Мемборка упоминалось европейскими латиноязычными хронистами разных форм: *Vembroch*, *Vereth*, *Bibrech*, *Betnboch*, *Membork*. С. Ковач высказала предположение, что имя состоит из двух частей. Вторая часть означает имя Бортца, а первая – это тюрк. слово *men/man* (большой). По мнению Д. Дьорффи, первая часть имени Мемборка в форме *Bibrech* могла обозначать тюрк. *bey* (правитель). В “Кодекс Куманикус” слово *bey/beg* было синонимом титулов эмир или князь [Spinei, 1986, 52; Kovacs, 2005, 256; Spinei, 2008, 423–424].

Мичи. В венгерском источнике под 1266 г. упомянут бек кыпчаков *Michi*. Этимология имени не ясна [Rasonyi, 1967, 144].

Обовл. Это был один из незначительных правителей кыпчакского пограничья в 80-х гг. XII в. В летописях упоминался какой-то Обовлы Костукович. На его владение осуществил набег Игорь Святославич. Н. Баскаков предложил четыре гипотезы этимологии этого имени. Все они допускали славянскую кальку тюркских слов. По первой из них, Обовлы происходил от *aba-jly* (осторожный). По второй гипотезе, Обовлы – это славянская калька тюркского *oba* (войлочная кибитка) + *ly* = *obaly* (кибиточник, кочевник). По третьей – это калька тюркского имени существительного *abawly* (крик ужаса, крик отчаяния). По четвертой – это калька тюркского *Obal* (большая семья) + *ly* = *Obally* (тот, кто имеет большую семью) [Баскаков, 1985, с. 87; Ипатьевская, 1962, с. 633; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Овчин, он же Гиргень. Кыпчакской вождь второй половины XI в. из племени кай. Был отцом одного из Аеп, которые заключили договор с русинами в 1107 г. Имя этого кыпчакского вождя, по мнению Н. Баскакова, является калькой с тюркского *aw* (охота) + *čy* = *awčy* (охотник). По мнению О. Прицака, в монгольских языках имя звучало как *irgen*, а форма гиргень появилась в древнерусском языке. “*Irge*” с монг. означает “овца” [Баскаков, 1985, с. 87; Прицак, 2005, с. 240–241, 245].

Она. В венгерском источнике под 1266 г. упоминался бек кыпчаков Она. Возможно, это имя было искаженным христианским Йона [Rasonyi, 1967, 144].

Оргован. В венгерском источнике под 1451 г. был упомянут Иоанн, он же Оргован. Л. Рашони предлагал этимологию от тюрк. *arguvan* (бузок) [Rasonyi, 1967, 144].

Оре. Под таким именем известен кыпчакский кобызчи (певец и музыкант). Сырчан направил его в Грузию, чтобы он напомнил Отроку о родных степях. По гипотезе Н. Баскакова, это имя производно от тюрк. *Öre* (опора юрты) [Баскаков, 1985, с. 87; Ипатьевская, 1962, с. 715–717].

Оселук. В летописях это имя упомянуто как Осалук, Оселук, Селук, Селелук. Оселук отдал замуж за Олега Святославича свою дочь. Вместе с Ташем действовал против Руси в походе 1127 г. Был отцом кыпчакских вождей Тюпрака и Камосы. Он должен был происходить из одного из кыпчакских племен Поднепровья, которое граничило с Русью. Н. Баскаков предложил несколько вариантов этимологии этого имени. По первому из них – имя происходит от тюрк. *Osuluq* (рассудливый), по второму – от тюрк. *osal/usal* (ленивый) + *lyk* = *osallyk* (бездельник, лень), по третьему – от тюрк. *Syjly/syjluq* (честный, уважаемый), по четвертому – от *suuluq* (удила), по пятому – от *saglyk/sawlyq* (овца). По мнению П. Голдена, возможен вариант с караимского языка *Suluk/Seluq* (пиявка) [Баскаков, 1985, с. 87; Лаврентьевская, 1962, с. 296; Ипатьевская, 1962, с. 291; Федоров-Давыдов, 1966, с. 226; Golden, 1980, 299].

Отрок/Атрак упоминался в Галицко-Волынской летописи и грузинской хронике “Жития царя царей Давида”. В Ипатьевской летописи сообщалось, что сыном Отрока был Кончак, а отцом – Шарукан. Сырчан и Сугр приходились ему дядями. Период 1118–1125 гг. Отрок провел в Грузии. Его войска помогли грузинам победить в битвах при Бардави и Дидгори в 1121 г., совершили поход на лезгинов и “дербентских кыпчаков” в 1123 г. Также они освободили от мусульман Тбилиси в 1122 г. Н. Баскаков предложил несколько гипотез касательно этимологии имени этого кыпчакского вождя. По первой из них, имя Отрок происходит от тюркского *artuq* (высший, лучший). Интересно, что в грузинском источнике о нем сообщалось как о наиболее могущественном среди кыпчаков, так что первая этимология более вероятна. Вторая гипотеза, по которой это имя происходит от *ortaq* (товарищ, приятель), менее вероятна. Третья гипотеза, согласно которой имя Отрок происходит от тюркского *ortaq* (стойбище), невероятна. П. Голден также предложил несколько версий этимологии. По одной из них, *Äträk* обозначало светложезого человека. По другой гипотезе, которую еще ранее высказал З. Валиди-Тоган, это человек с красным лицом. Имя Атрак было популярным среди тюрков. В частности, по сведениям Ибн Фадлана, так звали одного из огузских вождей [Баскаков, 1985, с. 87; Ипатьевская, 1962, с. 715–717; Golden, 1979/1980, 305; Жития царя царей Давида, 1998].

Парабуг. В венгерских документах под 1266, 1332, 1338 гг. упомянуты кыпчакские аристокра-

ты по имени Парабуг. Один из них, который жил в XIV в., был отцом комита Иштвана, который воевал против валахов. Этимология имени не выяснена [Rasonyi, 1967, 144].

Петр. Брат Асеня, христианизированный кыпчак. Как и его брат, он имел владения в придунайских землях Византийской империи. Один из инициаторов Болгарского восстания. Вместе с братом призвал на помощь кыпчаков, валахов и бродников. Победил ромеев под Верроей и Лардеей. В 1189 г. вошел в контакт с Фридрихом I Барбароссой [Бибииков, 1981, с. 124; Хониат Никита, 1862; Литаврин, 1960, с. 437–439, 446–448, 451–459; Vasary, 2005, 38–47].

Санмчуга. Упомянутый только в Никоновской летописи под 1147 г. Историчность этой персоны сомнительна, поскольку более ранние летописи ничего не сообщали о нем. По Н. Баскакову, этимология этого имени происходит от *sajma* (уважение, уважаемый) + *čuq* = *sajmčug* (уважаемый) [Баскаков, 1985, с. 88; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Сакз. Кыпчакский вождь второй половины XI в. В Лаврентьевской летописи упомянут как брат Багубарса, и похоже, что был и братом Асеня. Этимологию этого имени Н. Баскаков выводил от тюркского числительного *sägiz/sekiz* (восемь). То есть сакз, вероятно, *sekiz* (восьмой) [Баскаков, 1985, с. 88; Ипатьевская, 1962, с. 249; Федоров-Давыдов, 1966, с. 224].

Салават. Брат кыпчакского вождя Севинча, который правил вождеством “дербентских кыпчаков” в конце XII в. Управлял отрядом грузинского войска из так называемых “новых кыпчаков” во время битвы в Шамхоре в 1195 г. Во время триумфального парада в Тбилиси в 1195 г. возглавил авангард [Golden, 1984, 64, 82–83; Анчабадзе, 1960, с. 122–124; 1980, с. 343].

Самогур. Кыпчакский вождь начала XIII в. Принимал участие в борьбе за Галичину как враг Романа Мстиславича и его потомков. Н. Баскаков объясняет этимологию имени от тюркского *samgur/samur* (соболь) [Баскаков, 1985, с. 88; Ипатьевская, 1962, с. 717; Федоров-Давыдов, 1966, с. 226].

Сангуз. Кыпчакский вождь второй половины XII в. Упоминался в Ипатьевской летописи под 1160 и 1180 гг. Н. Баскаков считал возможными две этимологии имени. Первая этимология – *san* (достоинство) + *tüz* (оправдай) = *santüz* (оправдай свое достоинство). По второму варианту, имя производное от тюркских слов *syn* (фигура, статья) + *tüz* (прямой, равный, стройный) = *syn(y)tüz* (прямая осанка, стройный) [Баскаков, 1985, с. 88; Ипатьевская, 1962, с. 505].

Сароний в латинских источниках, он же **Ситзиган** в византийских источниках. И. Вашари считает более правильной формой его имени христианское имя Сир Янни. Возможна форма

Сиргиан. Иоанн Кантакузин считал, что греческое имя Ситзиганос – это искаженное Ситзиган. Тюркской формой имени кыпчакского вождя была *Siġgan* (мышь). Этот кыпчакский вождь жил в первой половине – середине XIII в. Упомянут Альбериком де Труа Фонтене рядом с вождем Йоной. Его внук Сиргиан играл важную роль в гражданской войне в Византии между двумя Андрониками. Возможно, Сичган возглавлял кыпчакское племя орунгут [Moravcsik, 1983, 277, 361; Vasary, 2005, 67–68; Павлов, 2009, с. 393–394; Осипян, 2005, с. 8].

Сатмаз. Кыпчакский вождь второй половины XII в. У него было двое сыновей, которые в 1159 г. были захвачены в плен. П. Голден выводил этимологию его имени от тюркского *sat* (продавать) + *maz* (негативная форма аориста), то есть неподкупный [Golden, 1979/1980, 303; Ипатьевская, 1962, с. 479, 504–509, 517–521; Лаврентьевская, 1962, с. 345].

Саук. Кыпчакский вождь, который жил во второй половине XI в. Был союзником Олега Святославича в 1078 г. и помогал отвоевывать Чернигово-Северскую землю. Касательно этимологии имени, Н. Баскаков предлагал несколько гипотез. По одной из них, имя производное от тюрк. *sawuq* (будь здоровый, выздоравливай). По второй гипотезе, Саук происходит от тюркского *sawuq/suwuq/sawux* (холодный). По третьей гипотезе, Саук производное от тюркского *sagoq/sagqol* (правое крыло). По четвертой – имя происходит от тюркского *saguyq* (ум, сознание) [Баскаков, 1985, с. 88; Лаврентьевская, 1965, с. 248; Федоров-Давыдов, 1966, с. 224].

Севенч/Севинч. Под этим именем известен сын Боняка, который мечтал о славе отца, но так и не воплотил свои замыслы в реальности. Умер в 1151 г. Жил, очевидно, в первой половине – середине XII в. Вторым кыпчакским вождем с таким именем был хан “дербентских кыпчаков”, который жил во второй половине XII в. Этот кыпчакский хан был союзником Грузии в конце XII в. По предположению Н. Баскакова, имя Севинч происходит от тюркского *sewünč/sivinč* (радость, радостный) [Баскаков, 1985, с. 88; Ипатьевская, 1962, с. 432; Федоров-Давыдов, 1966, с. 224; История и восхваление венценосцев, 1954].

Сейхан. Кыпчакский вождь первой половины и середины XIII в. Был ханом племени чертан и упомянут в венгерском документе под 1255 г. как *Zeyhanus*. Переселился из Болгарии в Венгрию в 1246 г. Отдал замуж свою дочь Эржебет за принца Иштвана. Этимология имени не ясна [Vasary, 2005, 99, 102–103; Berend, 2001a, 261–263; Paloczi-Horvath, 1989, 53, 77–78].

Сокал. Упомянулся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях как кыпчакский вождь, который первый напал на Русь в 1060 или 1061 гг. В более позднее время в Молдавии жил вождь по

имени *Sucal*. Для имени Сокал/Искал Н. Баскаков считал правильной этимологию от *saqal* (борода) или *Yüksäl* (поднимайся). О. Прицак указывал лишь одну этимологию – от *saqal* (борода) [Баскаков, 1985, с. 88; Прицак, 2008, с. 32; Федоров-Давыдов, 1966, с. 224; Лаврентьевская, 1962, с. 163; Kurat, 1972, 77; НПЛ, 1950, с. 17; Ипатьевская, 1962, с. 152; Lăzărescu-Zobian, 1984, 270–271].

Сотан. Самого Сотана в источниках не упоминали, писали о его сына Козле. Н. Баскаков высказал четыре гипотезы касательно происхождения этого имени. По первой из них, имя происходило от тюркского *sotan(aq)* (непоседа). По второй – имя было производным от тюркского *süddön* (красивая внешность). По третьей – имя происходит от тюркского *satang* (красивый, человек с прямой осанкой). По последней, четвертой гипотезе, Сотан – это славянская калька тюркского *satun* (самотверженный) [Баскаков, 1985, с. 88; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225; Ипатьевская, 1962, с. 623].

Судемир Кучебич. Кыпчакский вождь середины XII в. Возглавлял племя куч-оба, которое кочевало где-то в Поднепровье. Был союзником Святослава Ольговича. П. Голден предполагает, что в летописи произошла славянизация тюркского имени. По его мнению, имя происходит от тюркского *sü* (войско) + *temir* (железо) = *sütemir* (железное войско) [Rasonyi, 1967, 299].

Сурбар. Один из вождей лукоморских кыпчаков. Принимал участие в битве на р. Сутень в 1103 г. Казнен русинами. По предположению Н. Баскакова, существовало несколько этимологий этого имени. По первой гипотезе, Сурбар означает *sür* (крик) + *mär(bär)* = *sürbär* (молчаливый). По второй гипотезе, имя производное от тюркского *sür-i bär* (красивый, красивая внешность). По третьей гипотезе, имя происходит от тюркского *süre ber* (преследуй) [Баскаков, 1985, с. 88; Лаврентьевская, 1962, с. 279; Ипатьевская, 1962, с. 255; Федоров-Давыдов, 1966, с. 224–225].

Сутой. Отец Котяна. Происходил из племени дурут. Самостоятельно имя в источниках не упоминалось, а только как отчество Котяна. Жил во второй половине XII в. Принимал участие в битве на Каяле в 1185 г. В конце XII в. возглавил переселение своего племени из Днепровского Левобережья в Поднепровье. Касательно этимологии имени Н. Баскаков высказал две гипотезы. По первой из них, имя происходит от тюркского *süt* (молоко) + *daj/dej* = *süttei* (подобный молоку). По второй гипотезе, имя производное от тюркского *süttöj aq* (белый) [Баскаков, 1985, с. 89; Лаврентьевская, 1962, с. 505; Ипатьевская, 1962, с. 544, 741].

Сдвак. Упомянут в летописи как Сдвак Кулобицкий, то есть вождь кыпчакского племени кулаба-оглы. В 1184 г. попал в плен к Святославу.

Один из малозаметных вождей кыпчаков. Убедительных тюркских этимологий имени нет. Н. Баскаков считал, что имя происходит от персидского *sadä/sade* (простой, скромный, простодушный) + *bäk* = *sädäväk* [Баскаков, 1985, с. 89; Ипатьевская, 1962, с. 632; Федоров-Давыдов, 1966, с. 226].

Сырчан. Правитель частивладений донецких кыпчаков – на Северном Кавказе. Приходился братом Сугру и дядей Отроку. Принадлежал к племени токсоба и династии Шаруканидов. В 1125 г. попросил Отрока вернуться из Грузии. После возвращения Отрока из Грузии во владения конфедерации донецких кыпчаков отошел на второй план. Касательно этимологии этого имени Н. Баскаков предлагал три варианта. Первый – от *sarysan* (желтоватый, бледный), второй вариант – *surčan* (тот, кто просит), третий – от *sur* (привязывать) + *čang* = *surčan* (тот, кто привязывает) [Баскаков, 1985, с. 89; Ипатьевская, 1962, с. 716; Федоров-Давыдов, 1966, с. 224].

Сугр. Сын Шарукана и брат Сырчана, принадлежал к династии Шаруканидов. Один из вождей донецких кыпчаков. Принимал участие в общем походе Шарукана и Боняка на Лубны. Был побежден в битве на Суле. В его честь был назван город. По мнению Н. Баскакова, имя происходит от тюркского *sugur*, то есть “сурок”. О. Прицак считал более правильной караханидскую форму *sugur* (горностай) [Баскаков, 1985, с. 74; Прицак, 2008, с. 225; Лаврентьевская, 1962, с. 282; Федоров-Давыдов, 1966, с. 224].

Таз. Брат Боняка, один из вождей дунайских кыпчаков. Принимал участие в битве с русинами вблизи Лубен в 1107 г. Погиб в битве. Вероятно, принимал участие в более ранних походах Боняка. Н. Баскаков предлагал единственно правильную этимологию. По ней, имя происходит от тюркского *taz* (шелудивый) [Баскаков, 1985, с. 89].

Тастра. Под 1347 г. упоминался в венгерском документе как отец Кистры. Л. Рашони выводил этимологию этого имени от тюркского *Taş-tura* (каменный дом) [Rasonyi, 1967, 145].

Тарсул. Один из малоизвестных кыпчакских вождей. Попал в плен к Святославу в 1184 г. Н. Баскаков предлагал гипотезу, по которой имя происходит от тюркского *torsuq* (бурдюк или мешок, в который наливают воду или кумыс). В венгерском документе под 1277 г. упоминался *Thorzok* [Баскаков, 1985, с. 89; Ипатьевская, 1962, с. 632; Лаврентьевская, 1962, с. 395; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225; Rasonyi, 1967, 146].

Тарх/Тарг. Один из малоизвестных кыпчакских вождей. Попал в плен к Святославу в 1184 г. Н. Баскаков предложил две версии этимологии имени. По первой из них, имя происходило от тюркского *taryq* (кровный родственник). По второй – имя производное от тюркского *taryg* (зерно) [Баскаков, 1985, с. 89; Федоров-

Давыдов, 1966, с. 225; Ипатьевская, 1962, с. 632; Лаврентьевская, 1962, с. 395].

Татур/Тотур. Один из вождей донецких кыпчаков, принадлежал к династии Шаруканидов. Дядя Юрия Кончаковича. По гипотезе Н. Баскакова, Татур/Тотур – сын Кончака. Упомянут в Ипатьевской летописи под 1180 г. В “Юань-ши” рядом с Юйлицзы упомянут Татахаер. По предположению Р. Храпачевского, имя этого вождя – Татур. Этот вождь жил в первой четверти XIII в. Н. Баскаков предлагал несколько гипотез касательно этимологии этого имени. Первая – от *tatar* – маловероятна. По второй гипотезе, имя происходит от тюркского *tatu* (мир, мирный) + *är* (муж) = *Tatur*. По третьей гипотезе, имя производное от тюркского *tat* (пробовать) + *ur* = *Tatur* (дать пробовать) [Баскаков, 1985, с. 89; Ипатьевская, 1962, с. 632].

Таш. Вождь поднепровских кыпчаков, который жил в первой половине XII в. Совершил нападение на пограничье Руси в 1127 г. По гипотезе Н. Баскакова и П. Голдена, имя происходит от тюркского *taş* (камень). Эта гипотеза не вызывает возражений [Баскаков, 1985, с. 89; Лаврентьевская, 1962, с. 296; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225; Golden, 1979/1980, 299].

Темир. Упомянут лишь в поздней Никоновской летописи. По гипотезе Н. Баскакова, имя Темир происходит от тюркского *temir* (железо, железный). По мнению П. Голдена, это имя монгольского или даже постордынского времени [Баскаков, 1985, с. 89; Федоров-Давыдов, 1966, с. 219, 225; Golden, 1979/1980, 300].

Тертер. Кыпчакский вождь, племянник Котяна и сын его брата. Жил во второй половине XIII в. Был болгарским царем в 1280–1292 гг. В Болгарии принял христианское имя Георгий. Н. Илиев считает имя производным от этнонима “тертер-оба”, то есть “племя четырех мужчин” [Илиев, 2013, с. 100; Moravcsik, 1983, 306–307, 361].

Тетня/Тетий. Малозаметный кыпчакский вождь. Попал в плен к Святославу в 1184 г. Н. Баскаков считал возможными три варианта этимологии этого имени. По первой гипотезе, имя производное от *tetig/tetij* (сметливый). По второй гипотезе, имя происходит от тюркского *tete/tetä* (следующий). По третьей – имя происходит от тюркского *teti inä* (младший брат) [Баскаков, 1985, с. 89–90; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225; Ипатьевская, 1962, с. 632].

Тешенч. Под 1322 г. в венгерском документе упоминался Тешенч, отец Битера. Л. Рашони считал возможной этимологию от тюркского *Täzgänč* (*Täzgän*) (повернуться) [Rasonyi, 1967, 145].

Тигак. Кыпчакский бек середины – второй половины XIII в. По мнению В. Отрощенко, погребен в Чингульской могиле. Служил Даниилу Романовичу во время битвы при Ярославле (1245)

и в походе на Литву (1251–1252). По мнению П. Павлова, в 1256 г. воевал на стороне болгар против ромеев и кыпчаков Клеопы [Грушевский, 1992, с. 547; Ипатьевская, 1962, с. 802, 811, 816–818; Отрощенко, Рассемакин, 1986].

Тирий/Тирей. В летописях самостоятельно это имя не упоминается, есть сведения только о Глебе Тиреевиче под 1185 г. Этническое происхождение этой персоны не ясно, хотя он и упоминается как враг Руси. Н. Баскаков считал возможными три гипотезы. По первой из них, имя Тирей производное от тюркского *tiri* (живой, бодрый). По второй гипотезе, имя происходит от тюркского *tirov* (жизнь). По третьей – имя происходит от тюркского *tiri bala* (баловень) [Баскаков, 1985, с. 90; Лаврентьевская, 1962, с. 395; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Тоглый/Товлый/Толгый/Туглый. Упомянут в летописях под 1169 и 1185 гг. Принадлежал к племени ит-оглы, соответственно, лукоморским кыпчакам. Был братом Бокмыша и, вероятно, ханом. В 1169 г. ходил походом на Русь. Был в плену у Святослава в 1184 г. По мнению Н. Баскакова, имя происходит от тюркского *togly*, то есть “трехмесячный ягненок”, “овца”. Иная этимология от *tug* (флаг) + *ly* = *tugly* (тот, кто с бунчуком, флагом). А. Зайончковский и О. Прицак предлагали форму *togly* – “маленький баран” [Баскаков, 1985, с. 90].

Толун. Под 1279 г. вместе с Узуром в венгерском документе упоминался Толун. Аналогичное имя было у тюркского мамлюка, который при Саманидах правил Бухарой. Его потомки правили Сирией и Египтом от имени Аббасидов. Л. Рашони выводил этимологию имени от тюркского *Tolun* (полная луна) [Rasonyi, 1967, 146].

Томзак. Само имя Томзак не упоминалось, в Ипатьевской летописи были только данные о Ярополке Томзакевиче о 1190 г. Он упомянут вместе с лукоморскими кыпчаками. Этническое происхождение его не ясно, хотя он и упоминается как враг Руси. По гипотезе Н. Баскакова, имя Томзак происходит от тюркского *temsyk* (бодрый) [Баскаков, 1985, с. 90].

Томпор. Под 1418 г. упоминался правитель племени чертан Томпор. Этимологию этого имени Л. Рашони выводил от итальянского *Tombur*, немецкого *Trommel* (барaban) [Rasonyi, 1967, 146].

Тортел. Один из кыпчакских беков второй половины XIII в. Согласился с решением сейма в Тетени в 1279 г. Вероятно, принимал участие в битве при Кресенбруне в 1260 г. и при Дюрнкурте в 1278 г. на стороне венгров против чехов. Был одним из убийц короля Ласло IV Куна, имя упоминается в форме *Turtel* (*Turtul*, *Turtule*). Более поздняя форма этого имени – *Törtély* (*Törtél*). *Törtél*, по мнению И. Башки, – производная форма от *tört* (*türt*) + *-el* (*-il*). *Törtél* – это племя четырех

родов. Исследователь также предполагал другую этимологию этого этнонима – *tört* или *türt* + *ogul* (то есть племя четырех сыновей). П. Голден считает, что в тюркской форме числительное *dört* (четыре) соответствует кыпчакскому *tört*. Но Тергер-оба (Тертробичи) считает племенем, отдельным от дурут. Он считает этот этноним производным от тюркских *teriter* и *terit*, а не от кыпчакского *tört* [Baski, 2006, 50–51; Golden, 1997, 112, 117; Paloczi-Horvath, 1989, 54–55, 79–80; Berend, 2001b, 106, 108–109; Осипян, 2005, с. 7, 9; Голубовский, 1889, с. 13; Zimonyi, 2007; *Articuli Cumanorum*, 1849, 310–316, 330; *Annales Ottokariani*, 1874; Pritsak, 1968, 146].

Тугортак/Тугоркан/Тугорткан. Вождь племени ит-оглы. Вместе с Боняком помог ромеям в битве при Левунионе победить печенегов. В 1093 г. совершил поход на Русь и победил Святополка на Стугне. Стал тестем Святополка, выдав за него свою дочь. Погиб при осаде Переяслава в 1096 г., когда Владимир Святославич совершил контрудар. Н. Баскаков считал это имя производным от *tugar* (рожденый) + *tegin* = *tugar-tegin* (рожденый принцем). Исследователь также считал возможными вариантами этимологии от слов *togurtaq*, *togurtqy* (дятел) та *togrutaq* (*togrutaqan*) – тот, кто исправляет. О. Прицак предлагал форму *togri* (верный) + *tarhan* (тархан, привелигированный), то есть “верный тархан” [Баскаков, 1985, с. 90–91; Moravcsik, 1983, 316, 361; Прицак, 2008, с. 244–245].

Турбей. Упомянут только в Никоновской летописи, поэтому само его существование сомнительно. Н. Баскаков высказал несколько гипотез касательно этимологии этого имени. По первой из них, имя происходит от тюркского *törpi/dörpi* (пила). По второй гипотезе, имя производное от тюркского *tör* (угол дома) + *bij* (господин) = *törbij*, которое является синонимом казахского, киргизского *tör aga* (глава, в значении роли человека) [Баскаков, 1985, с. 91; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Турундай. Был тестем Кобяка, попал в плен к Святославу в 1184 г. Должен был играть заметную роль в степной политике, поскольку его свояками стали Урусобичи. Вероятно, происходил из одного из племен поднепровских кыпчаков. Н. Баскаков высказал три гипотезы касательно происхождения имени Турундай. По первой из них, имя происходит от тюркского *turundaj/turumtaj* (название птицы). По второй – имя происходит от тюркского *torun/turun/torum* (молодой верблюд), то есть *turun* + *daj* = *Turundaj* (подобный молодому верблюду). По третьей гипотезе – имя Турундай происходит от тюркского *turna* (журавль) + *daj* = *turnadaj* (подобный журавлю) [Баскаков, 1985, с. 91].

Тюрнак. Сын Оселука, брат Камосы и дядя князя Святослава Ольговича. Совершил набег на

пограничье Руси в 1127 г. Касательно этимологии имени, то, согласно П. Голдену, имя происходит от тюркского *tün* (ночь) + *rak/raq=tünraq* (черный, темнота) [Golden, 1979/1980, 298].

Узур (Узуз). Кыпчакский бек второй половины XIII в. В 1279 г. согласился с условиями “Грамоты о куманах”, принятой на сейме в Тетени. Вероятно, принимал участие в битве при Кресенбруне в 1260 г. и при Дюрнкурте в 1278 г. на стороне венгров против чехов. Этимология не ясна [Annales Ottokariani, 1874; Constitutio Cumanorum, 1849; Paloczi-Horvath, 1989, 54–55, 79–80; Berend, 2001b, 106, 108–109; Rasonyi, 1967, 146].

Умул. Под 1367 г. в венгерском документе упоминался Умул из племени чертан. Этимология имени не ясна [Rasonyi, 1967, 146].

Урусоба. Кыпчакский вождь конца XI – начала XII в. Выступал за переговоры с русинами, но в 1103 г. после поражения от Рюриковичей был казнен. Был родоначальником клана Урусобичей, которые взяли власть над лукоморскими кыпчаками во второй половине XII в. Касательно этимологии имени, то Н. Баскаков предлагал несколько вариантов. По первому из них, Урусоба происходит от тюркских *ura* (яма) + *apa*. По второй версии, Урусоба производное от *urus* (битва, бой, борьба) + *aba*. По третьей – производное от *urus* (счастье) + *aba*. Четвертая гипотеза – невозможна, и по ней Урус-оба происходит от *urus* (русин) + *oba*. Фахр ад-Дин Мубаракшах упоминал об урусоба как о племени *Urus (wrws)* [Golden, 1992, 230, 279; 1997, 120; Лаврентьевская, 1962, с. 277–279; НПЛ, 1950, с. 19, 203; Ипатьевская, 1962, с. 252–256]. Ад-Димашки упоминал о кыпчаках ал-арс. Происхождение этого этнонима связано с ал-арсийа [Баскаков, 1966, с. 91; Golden, 1997, с. 120–121].

Учуган. Кыпчак, упомянут под 1288 г. в венгерском документе. Сын Кейрана из бурдж-оглы. Этимология не ясна [Rasonyi, 1967, 146].

Чемгура. Существование кыпчакского вождя с таким именем сомнительно, поскольку он упомянут лишь в Никоновской летописи. По Н. Баскакову, этимология его имени – от тюркского *čatgur* (репа, редька) [Баскаков, 1985, с. 91; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Ченегрепа. Один из вождей лукоморских кыпчаков. Принимал участие в битве на р. Сутени в 1103 г. Казнен русинами. По версии Н. Баскакова, касательно этимологии имени есть две версии. По первой из них, имя происходит от *čangar* + *apa/čingir* + *apa/čangyr* + *aba* = *senggire* (кричать, радоваться). По второй – имя производное от тюркского *čagyr*, *čagry*, *čongyr* (сокол) + *apa*. О. Прицак считал Ченегрепу вождем племени *Jenger*. П. Голден считает, что Ченегрепа — это отдельный кыпчакский клан. Название племени происходит от тюркских *Čenegir-apa*, *Čengir-apa*, *Čengir-pa* [Баскаков, 1985, с. 91; Федоров-

Давыдов, 1966, с. 224; Ипатьевская, 1962, с. 253, 255, 279; Прицак, 2008, с. 40; Golden, 1997, 113].

Чибук. Под 1266 г. в венгерском документе упомянут бек кыпчаков Чибук. Л. Рашони считает, что это имя представляет собой кыпчакское имя Чилбук (*čibuk*) и в переводе значит “слуга” [Rasonyi, 1967, 139].

Чидбе. В венгерском документе под 1340 г. упомянут кыпчак Чидбе. Этимология имени не ясна [Rasonyi, 1967, 139].

Чита. В венгерском документе под 1347 г. упомянут кыпчак Чита. Этимология имени не ясна [Rasonyi 1967, 139].

Чоба. В венгерском документе под 1347 г. упомянут кыпчак Чоба. Этимология имени не ясна [Rasonyi, 1967, 139].

Чумо. В венгерском документе под 1347 г. упомянут кыпчак Чумо. Л. Рашони считал его имя производным от тюркского *džuma*, которое, в свою очередь, происходит от арабского названия пятницы [Rasonyi, 1967, 139].

Чугай. Человек с таким именем упоминался под 1180 г. в Ипатьевской летописи. Н. Баскаков считал его сыном Кончака. Но для этого нет достаточных оснований. По предположению Н. Баскакова, имя имеет два варианта этимологии. Первый вариант – имя происходит от тюркского *čugaj* (несчастный, бедный, злыдень). По второй версии, Чугай происходит от тюркского *čuga* (тонкий) [Баскаков, 1985, с. 91; Ипатьевская, 1962, с. 623; Федоров-Давыдов, 1966, с. 225].

Шарукан, он же Шарукан Старый. Вождь донецких кыпчаков из племени токсоба, родоначальник династии Шаруканидов и отец Отрока (в грузинских источниках Артака Шарганисдзе). Г. Пулая сопоставил имя Шарукан (*Šarağan-i*) с именем Шарагас Армазийской билингвы. Имя Шарагас считалось аланским. М. Джанашили сопоставлял Шарганис-дзе с Шаруканом. Но в грузинском источнике разговор шел не о нем, а об Атраке Шарганис-дзе, то есть об Отроке из рода Шарукана. Тождество этих персоналий доказал Я. Цинцадзе [Цулая, 2008, с. 130–131, 135–136; Мургулия, 1984, с. 11].

Касательно происхождения имени Шарукан исследователи придерживались разных мнений. П. Голден в одной из своих ранних статей предполагал, что имя происходит от *Šari/Šaru* + *gan* = *Šariqan* – вождь племени шари. Исследователь также считал возможным огурское происхождение этого имени. На болгарском или на чувашском *Saragan* значит “дракон”. И. Добродомов, например, придерживался мнения о его болгарском происхождении, а О. Прицак придерживался мнения о протомонгольском происхождении этого имени. По его мнению, оно было производным от монгольского *Šir(a)qan*. Интересно, что на венгерском языке слово *sárkány* также значит “дракон”. А на тюркских языках *sarağan* или *sazağan* – это

рыба хариус. Вождь племени ит-огли Тугоркан в русских былинах имел имя Змеевич. В Галицко-Волынской летописи при описании победы русинов над кыпчаками на р. Сутинь (Сут-су, Молочная) кыпчакских вождей сравнивали со змеиными головами. Нужно отметить, что рядом с именами Шаруканидов не было каких-либо эпитетов, связанных с животными. Так, Шарукан был назван Шарк-Гигант. Никаких змей и драконов, как мы видим, тут не было упомянуто [Прицак, 2008, с. 30–31, 185, 219; Ипатьевская, 1962, с. 255; Чулая, 2008, с. 136–137; Мургулия, Шушарин, 1998, с. 63–64; Баскаков, 1985, с. 91; Golden, 1979/1980, 306; Шаркань, Интернет-ресурс].

Шишман. Кыпчакский вождь второй половины XIII в. Родоначальник династии Шишмановичей. Правил Видинским деспотом. Был вассалом Ногай и оказывал помощь Дорману и Куделину в войне против сербов в 90-х гг. XIII в. Сын Шишмана Михаил стал болгарским царем. *Šiž* на тюркском “толстый” или “набухать” [Stotanow, 2001; Vasary, 2005, 101–104, 107–108; Павлов, 2009, с. 398–400].

Юргуче. Под 1330 г. в венгерском документе упомянут кыпчак Юргуче. Л. Рашони выводил этимологию этого имени от *yargučī* или *yergičī* (судья, глава поселения) [Rasonyi, 1967, 147].

Юрий Кончакович. Кыпчакский вождь конца XII в., принял христианское имя Юрий. Он был сватом владими́ро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо – выдал за его сына свою дочь. Наиболее могущественный правитель восточноевропейских кыпчаков в начале XIII в. Возглавлял конфедерацию донецких кыпчаков. Упомянут как Юйлицзы в “Юань-ши”. По сведениям “Юань-ши” и галицко-волынского летописца, он не погиб в 1222/1223 гг. и в конце 20-х гг. XIII в. покорил вождество “дербентских кыпчаков”. У ан-Насави он упомянут как Гурка. В славянских источниках – как Гюргю или Юргии Кончакович. Он заключил союз с хорезмшахом Джелал ад-Дином Манкбурни в 1229 г., но не смог взять Дербент. С переменным успехом воевал против вождества Котяна из племени дурут. Языческим именем Юрия было Аккубуль (дословный перевод “белее белого”). По сведениям арабских источников, покорился монголам, используя их помощь в войне с племенем дурут [Ипатьевская, 1962, с. 740–741; Храпачевский, 2004, с. 541–542].

Ямул. Под 1347 г. упомянут как отец кыпчака Болдена. Л. Рашони предлагал этимологию от куманского *yamov + lu* (заплата или почта, курьер) [Rasonyi, 1967, 146].

Япза. Кыпчак с этим именем упомянут в венгерском документе под 1347 г. По мнению Л. Рашони, этимология этого имени – от алтайского, телеутского и лебединского *yapsi* (покрывать, закрывать, накрывать, застилать) [Rasonyi, 1967, 147].

Ярдар. В венгерском документе под 1266 г. упомянут кыпчакский бек Ярдар. Л. Рашони считал, что этимология этого имени происходит от куманского *yarat* (создавать) [Rasonyi, 1967, 147].

Список имен в Судакском синаксаре это отдельный вопрос, поскольку в нем сложно отделить кыпчакские имена от общетюркских и монгольских. Кроме того, этот вопрос был специально рассмотрен И. Вашари в отдельной статье [Vasary, 1988, 260–271].

Кыпчакская антропонимия была богатой на животные (тотемные) имена. Пользовались популярностью имена, которые принадлежали названиям собачьих или кошачьих. Также широко использовались имена, которые имели названия птиц, полевых животных и скота (верблюдов, баранов, коз). Змеиная и драконья символика не получила распространения в кыпчакской антропонимии. Имена кыпчаков также довольно часто отображали некоторые качества или особенности внешности человека. Среди имен иногда встречались титулы. Некоторые кыпчакские имена стали прототипом для героев тюркских эпосов. Касательно имен, упомянутых в Никоновской летописи, они частично принадлежали к монгольскому и постордынскому периодам. Что касается количества имен, то наиболее богаты на них летописи Руси и венгерские документы. Меньше всего кыпчакских имен в сербских (три имени – Дорман, Куделин, Шишман) и грузинских хрониках (всего шесть, причем собственно кыпчакских имен пять). Византийские грекоязычные и европейские латиноязычные хроники (при этом большинство имен зафиксировано у венгров) также содержат незначительное количество имен кыпчакских вождей (10 в византийских и 12 в латиноязычных европейских), но их все же больше, чем грузинских.

ЛИТЕРАТУРА

- Анна Комнина.** Алексиада / Пер., вступит. статья, комм. Я. Н. Любарского. – М.: Наука, 1965. – 688 с.
- Анчабадзе З.В.** Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV веков // Материалы сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – С. 113–126.
- Анчабадзе Г.З.** Кыпчаки в Грузии // Проблемы современной тюркологии. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. – С. 342–344.

- Бибиков М.В.** Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: 1980. – М.: Наука, 1981. – С. 5–151.
- Гаркавец А.Н.** Бейбарс (619–676/1222–1277) // IV Международный тюркологический конгресс (13–14 мая 2011). – Туркестан: Международный Казахско-Турецкий университет им. Ясауи, 2011. – С. 419–438.
- Голден П.** Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Т. 6: Золотоордынское время. – Донецк: ДонГУ, 2008. – С. 309–340.
- Головко О.Б.** Половецкий хан Котян Сутоевич у політичному житті Центрально-Східної Європи першої половини XIII ст. // XI сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (Київ, 7–8 червня 2007). – Київ: Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України, 2007. – С. 80–83.
- Голубовский П.В.** Половцы в Венгрии. – Отдельный оттиск. – Киев: Университетская типография, 1889. – 28 с.
- Грушевський М.С.** Історія України-Руси. – Т. 2. – Киев: Наукова думка, 1992. – 640 с.
- Данило Други.** Животи краља и архиепископа српских. Службы / Приредили Гордон Мак Данијел, Дамиан Петрић, данашња језичка варијанта Лазар Мирковић, Димитрије Богдановић, Дамњан Петровић. – Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1988. – 335 с. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIV/Danilo_II/Vita_Urosi/text.htm, http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIV/Danilo_II/Vita_Milutini/frametext.htm
- Димитров Хр.** Българско-унгарски отношения през средновековието. – София: Марин Дринов, 1998. – 423 с.
- Жития царя царей Давида // Символ. – 1998. – № 40. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XI/1080-1100/David/frametext1.htm>
- Жан де Жуанвиль.** Книга благочестивих речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофранц. Цыбулько Г.Ф., под ред. Карачинского А.Ю., научн. ред. Малинин Ю.П. – СПб.: Евразия, 2007. – 400 с.
- Илиев Н.** Десять половецких имен // Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники: сб. матер. междунар. научн. конф., посвящ. 1100-летию Кимекского государства, в рамках Дней тюркской письменности и культуры. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, МКИ РК, Комитет по языкам, 2013. – С. 98–104.
- Ипатьевская летопись / Воспроизведение текста издания 1908 г. // Полное собрание русских летописей. – Т. 2. – М.: Восточная литература, 1962. – XVI, 938, 87, IV с.
- История и восхваление венценосцев / Пер. и ред. Кекелидзе К.С. Тбилиси: Академия наук ГрузССР, 1954. 112 с. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Istor_vencenoscev/frametext1.htm
- Кадырбаев А.Ш.** Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 160 с.
- Кадырбаев А.Ш.** О миграциях и расселении кыпчакских племён в степях Евразии до эпохи Чингис-хана // Altaica. – М.: Институт востоковедения РАН, 2003. – Вып. VIII. – С. 96 – 106.
- Кадырбаев А.Ш.** Персидские и китайские источники о переселении кыпчакских племен в Дашт-и Кипчак (в XI – начале XIII вв.) // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв.: матер. Междунар. круглого стола. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК, Центр иранистики, 2004. – С. 21–30.
- Кумеков Б.Е.** Об этническом составе кыпчаков XI – нач. XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1990. – Вып. 2. – С. 118–130.
- Лаврентьевская и Суздальская летопись по Академическому списку / Под ред. акад. Е.Ф. Карского. Воспроизведение текста изд. 1926 – 1928 гг. // Полное собрание русских летописей. – М.: Восточная литература, 1962. – Т. 1. – VIII, 578 с.
- Лигаврин Г.Г.** Болгария и Византия в XI–XII вв. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – 472 с.
- Мургулия Н.П.** Половцы южнорусских степей (до переселения орды Отрока в Грузию) // Труды Тбилисского ордена Трудового Красного знамени университета. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ордена Трудового Красного знамени университета, 1984. – Вып. 216. – С. 5–16.
- Мургулия Н.П., Шушарин В.П.** Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII вв. – М.: Институт славяноведения и балканоисследования РАН, 1998. – 336 с.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и предисл. А. Н. Насонова. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 640 с.
- Осіпян О.** Поширення християнства серед половців XI–XV ст. // Київська старовина. – 2005. – № 2. – С. 3–22.
- Отрошенко В.В., Рассмакин Ю.Я.** Половецкий комплекс Чингульского кургану // Археологія. – 1986. – Вып. 53. – С. 14–36.
- Павлов П.** Бунтари и авантюристы в средневековна България. Велико Търново: Абагар, 2000. URL: http://liternet.bg/publish13/p_pavlov/buntari/
- Павлов П.** Половцы во внутривосточной жизни Византии и Болгарии XIII–XIV вв. // Stratum Plus. – 2009. – № 6. – С. 388–404.

- Прицак О.** Коли і ким було написано “Слово о полку Ігоревім”. – Киев: Обереги, 2008. – 360 с.
- Магистр Рогерий.** Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами: пер. с лат. Досаев А.С. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. – 304 с.
- Тизенгаузен В.Г.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб.: Издано на иждивении С.Г. Строганова, 1884. – Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. – XVI, 563, [1] с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.: Изд. МГУ, 1966. – 274 с.
- Хониат Никита.** История со времени царствования Иоанна Комнина / Перевод редакции Н.В. Чельцова. – СПб.: Санкт-Петербургская Духовная Академия, 1862. – Т. 2 (1186 – 1206). – 540 с. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/Xoniat/index.html>
- Храпачевский Р.П.** Военная держава Чингисхана. – М.: ООО Издательство «Аст»: ОАО ВЗОИ, 2004. – 557, [3] с.
- Шаркань. URL: <http://www.bestiary.us/sharkan> Дата обращения: 06.06.2017
- Шушарин В.П.** Ранний этап этнической истории венгров. – М.: РОССПЭН, 1997. – 512 с.
- Цулая Г.В.** Отрок Шарукан – Атрака Шарганис-дзе (к вопросу об антропологическом источниковедении народов Северного Кавказа) // Силуэты Грузии. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2008. – Вып. 2. – С. 112–148.
- Annales Bohemiae 1196–1278 // Fontes rerum Bohemicarum. Т. II/1. Pragaе, 1874. S. 282–303. URL: <http://www.clavmon.cz/clavis/FRRB/chronica/ANNALES%20BOHEMIAE%201196.htm>
- Annales Ottakariani // Fontes rerum Bohemicarum. Т. II/1. Pragaе, 1874. S. 308–335. URL: <http://www.clavmon.cz/clavis/FRRB/chronica/ANNALES%20OTTAKARIANI.htm>
- Albrici monachi Triumfontinum. Chronicon / edidit P. Sheffer-Boichorst – 1241 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. –Т. XXIII. –Hannover: Societas Aperiendis Fontibus Rerum Germanicarum Medii Aevi, 1874. S. 631–950.
- Articuli Cumanorum // Rerum Hungaricarum Monumenta Arpadiana – Sangalli: Scheitlin und Kollikoper, 1849. S. 554–558.
- Baski I.** On the ethnic names of the Cumans of Hungary // Kinship in the Altaic World / Proceedings of the 48th PIAC. – Wiesbaden: Otto Harrasowitz Verlag, 2006. – P. 43–54.
- Berend N.** At the gate of Christendom: Jews, Muslims, and “pagans” in medieval Hungary, c. 1000 – c. 1300. – Cambridge UK: Cambridge University Press, 2001. – 340 p.
- Berend N.** Cuman integration in Hungary // Nomads and Sedentary World. – Budapest: Curzon, Library of the Central European University, 2001. – P. 103–127.
- Chronicon Dubnicense: Cum codicibus Sambuci Acephalo et Vaticano, cronicisque Vindobonensi picto et Budensi accurate collatum // Historiae Hungaricae fontes domestici. – Pars prima. Scriptorum; 3. – Quinque-Ecclesiis : [s. n.], 1884. – S. 1–207.
- Chronicon pictum Vindobonense / ad fidem codicum recensuit, observationes, disquisitionem de aetate Belae regis notarii, et animadversiones criticas adiecit M. Florianus // Historiae Hungaricae fontes domestici. – Pars prima. Scriptorum; 2. – Lipsiae, 1883. – S. 110–245.
- Constitutio Cumanorum // Rerum Hungaricarum Monumenta Arpadiana. – Sangalli, 1849. – S. 559–565.
- Dobre C.F.** The Mendicants mission in an Orthodox Land: A case of Study in Moldavia in the Thirteenth and Fourteenth Centuries // Annual of Medieval Studies at Central European University. – Vol. 9. – Budapest: Central European University Press, 2003. – P. 225–248.
- Golden P.B.** The “Polovci Dikii” // Harvard Ukrainian Studies. – Vol. III–IV. (1979/1980). – Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1980. – P. 296–309.
- Golden P.B.** Cumanica I: The Qipčaq in Georgia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – Vol. IV. – Wiesbaden: Otto Harrasowitz Verlag, 1984. – P. 45–87.
- Golden P.B.** An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. – Wiesbaden: Otto Harrasowitz Verlag, 1992. – 483 p.
- Golden P.B.** Cumanica IV: The Cumano-Qipčaq Clans and Tribes // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – Vol. IX (1995–1997). – Wiesbaden: Otto Harrasowitz Verlag, 1997. – P. 16–29.
- Golden P.B.** “I will give the people unto thee”. The Chinggisid Conquests and their aftermath in the Turkic World // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. – Vol. 10. – Part 1. – Cambridge UK: Cambridge University Press, 2000. – P. 21–41.
- Gökbel A.** Kipchaks and Kumans // The Turks. – Vol. 1. – Ankara: Yeni Türkiye Yayinlary 2002. – P. 643–659.
- Fontes Rerum Bohemicarum. – Т. II. Cosmae Chronicon Boemorum cum continuatoribus / Prameny dějin českých. Díl II. vydavane z nadani Palackeho / Kosmuv letopis cesky s pokracovateli / vydavatel Dr. Jos. Emler, prekladatel V. V. Tomek. – Praha: Nakladem Kralovstvi Ceskeho, 1874. URL: <http://147.231.53.91/src/index.php?s=v&cat=11&bookid=169>
- Hudud al-Alam.** The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D. / Tr. and expl. by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold. – London: Luzac & co., 1937. – [VII] – XX p., 1 L., 524 p. URL: <http://odnapl1yazyk.narod.ru/hududalal.htm>
- Kovacs Sz.** A Bortz, Cuman chief in the 13th century // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Vol. 3 (58). – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. – P. 255–266.

- Kurat A.N.** IV–XVIII. Yüzyıllarda Karadenizin Türk Kavimleri ve Devletleri. – Ankara: Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları, 1972. – 511 s.
- Lăzărescu-Zobian M.** Cumania as the name of thirteenth century Moldavia and Eastern Wallachia: some aspects of Kipchak-Rumanian relations // *Turks, Hungarians and Kipchaks. A Festschrift in Honor of Tibor Halasi-Kun/Journal of Turkish Studies.* – Vol. 8. – Harvard: Harvard University Press, 1984. – P. 265–272.
- Mándoky-Kongur I.** A hantos-széki kunok // *Székesfehérvár évszázadai – 2. Középkor.* – Székesfehérvár, 1972. URL: <http://www.terebess.hu/keletkultinfo/kunhantos.html>
- Mándoky-Kongur I.** A kunok ulas törzse és törökségi kapcsolatai // *Jáskunság – XXII.* – 1–2. – Szolnok, 1976/ URL: <http://www.terebess.hu/keletkultinfo/kunulas.html>
- Moravcsik Gy.** Byzantinoturkica. – Vol. 1–2. – Leiden: Brill, 1983. – 730 s.
- Paloczi-Horvath A.** Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe Peoples in Medieval Hungary. – Budapest: Corvina Kiadó, 1989. – 141 p.
- Pritsak O.** Two Migratory Movements in the Eurasian Steppe in the 9th–11th centuries // *Proceedings of 26th International Congress of Orientalists.* New Delhi, 1964. – Vol. 2. – New Delhi: Organising Comitet of 26 International Congress of Orientalist, 1968. – P. 157–163.
- Rasonyi L.** Anthroponymes Comans de Hongrie // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricum.* – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. – Vol. XX. – P. 135–147.
- Rogerii.** Miserabile carmen super destructione regni Hungariae per Tartaros facta // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* – T. XXIX. – Hannover: Societas Apiriendis Fontibus Rerum Germanicarum Medii Aevi, 1892. – S. 547–567.
- Scriptores Rerum Hungaricarum Veteres ac Genuni. Cura et Studio Joannis Georgii Schwandtneri.* – Pars Prima – Vindibonae: Typis Joannis Thomae nob. de Trattner, Caes. Reg. Aulae Typographi et Bibliopolae, MDCCCLXVI (1766)/ URL: <http://mek.oszk.hu/08800/08829/08829.pdf>
- Spinei V.** Moldavia in the 11th – 14th Centuries. – București: Editura Academiei Republicii Socialiste Romania, 1986. – 276 p.
- Spinei V.** The Cumanic Bishopric: genesis and evolution: Genesis and Evolution // *The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans.* – Leiden–Boston: Brill, 2008. – P. 413–456.
- Spinei V.** The Romanians and the Turkic nomads North of Danube Delta from tenth to the Mid-Thirteenth Century. – Leiden–Boston: Brill, 2009. – XVII, 545 p.
- Stoyanow V.** Cumanian Anthroponymics in Bulgaria during the 15th Century // *Studia in Honorem Professoris Verae Mutafčievae.* – Sofia: Amicita, 2001. – P. 315 – 332. URL: http://www.ihist.bas.bg/CV/Valery_Stojanow/VS_Anthroponymis.htm
- Thorau P.** Lion of Egypt. Sultan Baybars I and the Near East in the Thirteenth Century. – London–New York: Longman, 1987. – XI, 297 p.
- Vasary I.** Orthodox Christian Qumans and Tatars of the Crimea in the 13th–14th centuries // *Central Asiatic Journal.* – 1988. – Vol. 32. – P. 260–271.
- Vasary I.** Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – XVI, 230 p.
- Zimonyi I.** History of the Turkic speaking peoples in Europe before Ottomans. URL: <http://www.Lingfil.uu.se/afro/turkiskasprak/ip2007/Zimonyi I.P.pdf>

**М. Л. Плешанов,
С. Ю. Гуцалов**

М. Л. Плешанов¹, С. Ю. Гуцалов²

¹Челябинский Многопрофильный Институт

²Орский Гуманитарно-Технологический институт

M. L. Pleshanov¹, S. Yu. Gutsalov²

¹Chelyabinsk Multidisciplinary Institute

²Orsk Humanitarian Institute of Technology

e-mail: pleshanov_mike@mail.ru;

stepewolf_59@mail.ru

Погребения прохоровской культуры из Южного Зауралья

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов раннего железного века, полученных при проведении полевых исследований могильника Айгыр-1 и кургана у с. Новобаландино. В могильнике Айгыр-1 были исследованы три могильные ямы, давшие материал V–IV вв. до н. э. Особый интерес представляет собой погребение воина в могильной яме 5, давшее разнообразный и весьма характерный материал. Исследования кургана у с. Новобаландино расширили представления об архитектуре надмогильных сооружений. Единственное погребение было разграблено в древности. Однако, полученные данные позволили уверенно отнести комплекс к прохоровской культуре IV–III вв. до н. э. В работе дано описание погребального обряда и вещевого инвентаря. Приведена хронологическая и культурная характеристика полученных данных.

Ключевые слова: могильник Айгыр-1, прохоровская культура, архитектура надмогильных сооружений.

Prokhorov's burials of the Southern Trans-Urals

Abstract. The article is devoted to the publication of materials of the early Iron Age received during the field researches of a burial ground of Aigyr-1 and mound near Novobalandino village. There were investigated three burials in the cemetery Aigyr-1, which gave the materials of 5–4 BC. The burial of a warrior in the burial 5, which gave a diverse and distinctive material is of particular interest. Archaeological investigations near Novobalandino village expanded notions of specialists about architecture of mounds in early Iron Age. The only burial was looted in antiquity. But, the data obtained allowed to attribute the complex with Prokhorov culture of 4–3 BC. There are describing of a funeral ceremony and things there. The chronological and cultural characteristic of the received data is resulted.

Keywords: burial ground of Aigyr-1, Prokhorov culture, architecture of mounds.

С конца VI в. до н. э. до рубежа н. э. территория степей Южного Урала стала территорией обитания кочевников – носителей прохоровской археологической культуры. Следует заметить, что пространства к западу и востоку от Уральского хребта оказались неравномерно изученными – в силу сложившихся обстоятельств, гораздо лучше сложилась ситуация с памятниками Южного Приуралья. Данная работа посвящена публикации отдельных материалов погребений ранних кочевников степной части Зауралья, исследованных в последние годы.

Могильник Айгыр-1¹ находился в предгорной зоне северной лесостепи в 35 км к северо-востоку от г. Учалы, в 0,85 км к юго-востоку от с. Выдрино. Он располагался на береговом мысу

высокой надпойменной террасы правого берега р. Айгыр. Памятник расположен на относительно ровной площадке. Помимо кургана 1, являвшегося наиболее рельефной частью площадки, небольшое возвышение фиксировалось в западной части памятника, и сильно распаханная, местами полностью разрушенная «валовая» система в центральной части площадки. Вся площадь возвышенности, кроме наиболее каменистых частей (собственно каменных кладок), постоянно распахивалась в последней трети XX века. Впервые могильник был обследован в ходе разведки по верховьям реки Уй С. Г. Боталовым [2005].

Изучаемые погребения располагались в пределах позднесредневекового мавзолея Тубал-Оглы [Самигулов, 2006]. Сам мавзолей (к. 1)

представлял собой прямоугольную каменную ограду, ориентированную по линии ССЗ–ЮЮВ, диаметром около 8 м, высотой 0,5 м, сложенную из камней мелких и средних размеров. В северо-восточном секторе была обнаружена могильная яма эпохи раннего железа (м. я. № 1), что позволило с большей долей вероятности предполагать в близлежащем возвышении сильно распахнутую насыпь кургана. Диаметр этой возвышенности превышал 15 м при высоте не более 5 см. При исследовании этой насыпи, были обнаружены еще две могильные ямы, относящиеся к раннему железному веку (м. я. № 4, 5).

Могильная яма № 1 располагалась в северо-восточном секторе кургана 1 (рис. 1). При про-

ведении исследований в данном секторе, была зафиксирована широкая «воронкообразная» подрезка материка, глубина которой не превышала 10 см. Могильная яма была обнаружена зачисткой по уровню материка, на глубине (-25) от условного «0».

В плане яма имела эллипсовидные очертания. Размеры ямы составляли $2,2 \times 1,17$ м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. В южной части ширина могильной ямы сужалась до 73 см. Глубина могильной ямы не превышала 25 см от верхнего уровня фиксации. В южной части ямы дно относительно ровное, глубина (-40); в северной части ямы дно плавно опускается до уровня (-46). В образовавшейся выемке был установлен сосуд.

На дне по центру ямы лежал вытянуто на спине скелет взрослого человека, головой на ЮЮВ. Череп слегка повернут вправо. Ноги, в целом, сохраняя ориентировку тела, слегка согнуты в коленях с отклонением вправо. Левая рука была вытянута, отведена в сторону от основного костяка, кисть находилась в естественном положении на уровне тазобедренного сустава. Правая рука была полусогнута в локте, кости кистевой части не сохранились. Первоначально кисть располагалась в районе таза погребенного (рис. 2, 1).

В ногах погребенного, слева, в северном окончании ямы был расчищен развал неорнаментированного сосуда 1. Диаметр венчика сосуда – 15 см. Реконструируемая высота не превышает 25 см. Дно сосуда слегка уплощено, тулово конически расширяется вверх. Диаметр сосуда по основанию плечиков 26 см. Верхняя часть сосуда плавно профилирована. Диаметр у основания шейки составляет 13,5 см. Венчик сосуда отогнут наружу, слегка уплощен (рис. 2, 2). В районе тазовой кости на глубине (-32) был обнаружен фрагмент железного ножа плохой сохранности,

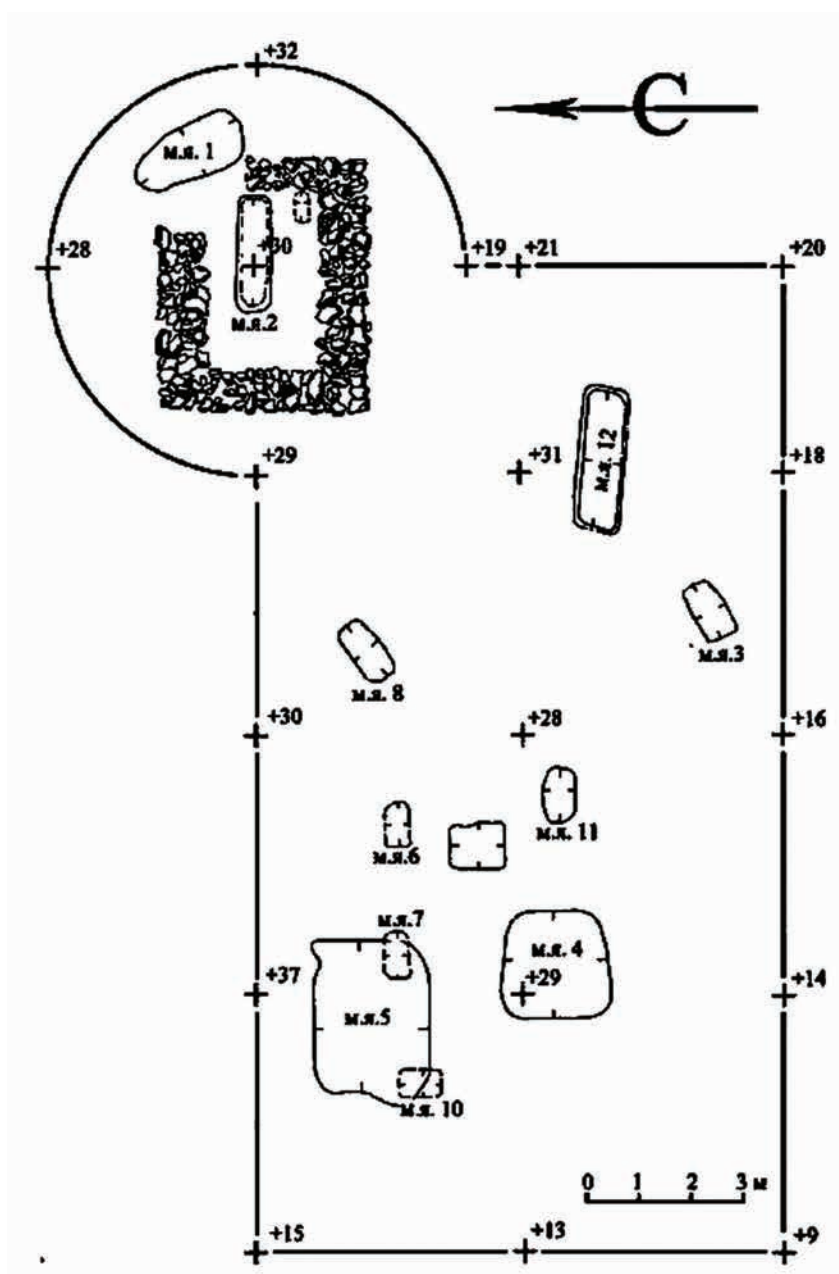

Рис. 1. Могильник Айгыр-1. Общий план раскопа

не поддающийся реконструкции. Другого сопровождающего инвентаря в могильной яме 1 не было.

Могильная яма № 4, была расположена в 10 м к югу от мазара (рис. 1). В плане яма имеет трапециевидную форму, с сильно скругленными углами. Размеры ямы составляют 2,1 × 2 м, ориентирована по сторонам света. Ширина ямы слегка сужается (до 1,8 м) к востоку. Западная часть сильно разрушена норами животных. Глубина ямы составляет 24 см. В сечении она трапециевидная, с сильно скошенными стенками и слегка скругленными углами.

Погребение разграблено. В северо-западном углу на глубине (-17) были расчищены кости голени взрослого человека. В центральной части могильной ямы на уровне дна (-64) были обнаружены два бронзовых трехлопастных наконечника стрел со скрытыми втулками и сводчатыми головками (рис. 2, 3–4).

Могильная яма № 5 выявлена в 2,5 м к западу от могилы № 4 (рис. 1). На участках исследования, прилегающих к могильной яме № 5, была зафиксирована широкая, округлая в плане подрезка материка (диаметр ~ 15 м, глубина не превышала 30 см). Контуры могильной ямы № 5 были зафиксированы в центральной части подрезки на уровне материка (-55).

В заполнении ямы на глубине (-16) – (-20) были найдены железные предметы – меч и железное звено от удила. Меч длиной 58 см был сломан пополам в 8 см от основания рукояти. Он имеет уплощенное брусковидное навершие и узкое бабочковидное перекрестье. Рукоять, возможно, имела продольные желобки (рис. 3, 7). Длина звена от удила 8 см (рис. 4, 8), верхняя часть загнута вкруговую, диаметр петли – 2,5 см. В сечении звено представляет собой квадрат с длиной стороны 4 мм.

Яма в плане представляла прямоугольник с сильно скругленными углами размерами 3,1 × 2,15 м, ориентированный в широтном на-

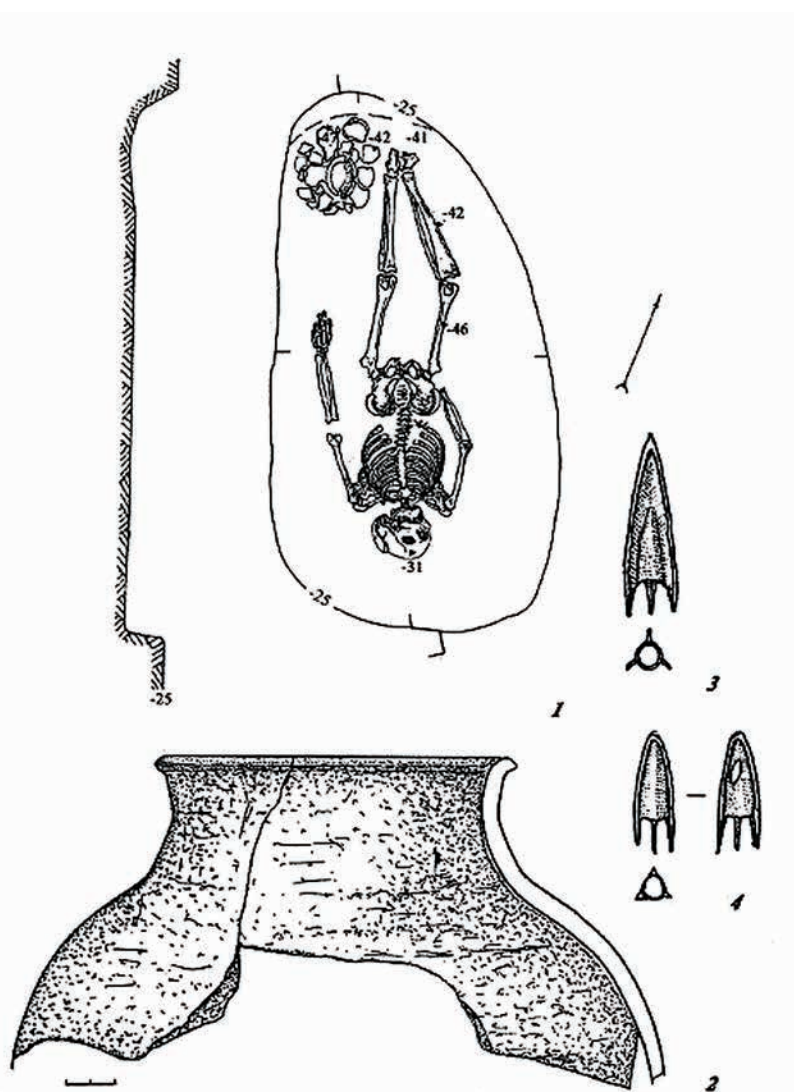

Рис. 2. Могильник Айгыр-1. Могильные ямы № 1, 4. 1, 2 – могильная яма № 1; 3, 4 – могильная яма № 4. 2 – глина, 3, 4 – бронза

правлении. В северной части ямы фиксируется выступ трапециевидной формы размерами 1 × 0,4 м. Вдоль восточной, северной и западной стенок могильной ямы фиксировались ступени шириной от 0,2 до 0,4 м (уровень фиксации –62 –67). Дно ровное. Фиксируется на уровне (-85).

На дне ямы лежал на спине, головой на юг, скелет взрослого человека. Погребенный был ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ. Направление ног смещено к западу от основной оси тела. Ноги слегка согнуты в коленях. Фаланги ступней не сохранились. Левая рука погребенного лежала вдоль тела, фаланги кисти покоились под тазовой костью. Правая рука была слегка отставлена, фаланги пальцев лежали на лезвии меча (рис. 3, 1).

Железный меч плохой сохранности находился с правой стороны от костяка. Длина сохранив-

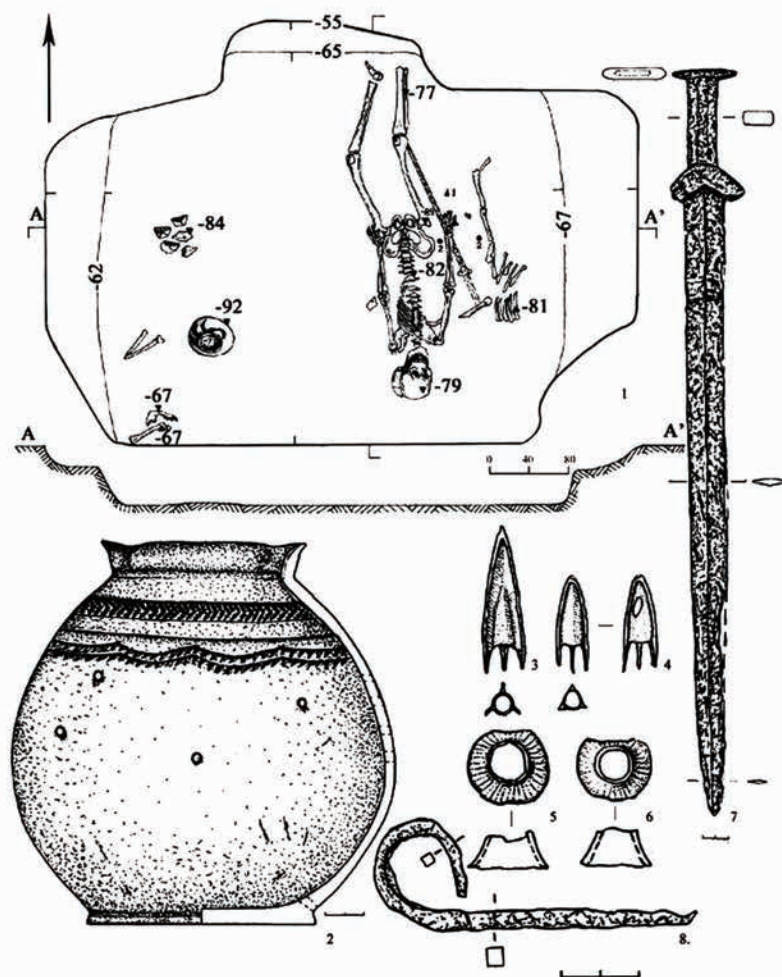

Рис. 3. Могильник Айгыр-1. Могильная яма № 5. 2 – глина, 3–6 – бронза; 7, 8 – железо

шейся части составляет 78 см. Слабоизогнутое серповидное навершие и узкое бабочковидное перекрестие были зафиксированы во время расчистки погребения. На верхней плоскости меча фиксировался органический (древесный) тлен, который является, судя по всему, остатками ножен. Меч лежал острием на северо-запад, острие располагалось под правым коленом погребенного. В восточной части могильной ямы, в 20 см от костяка лежали кости конечности и ребра животного (МРС). В юго-западной части могильной ямы был расчищен развал сосуда с примесью талька в тесте. Сосуд стоял в неглубокой материковой выемке (глубина до 5 см). Лепной горшок имел грушевидную форму. Диаметр венчика – 10,4 см, высота – 19,2 см. Венчик неровный, отогнут, скруглен. Дно плоское. На плечиках сосуда различается две орнаментальные зоны, разделенные сплошной прочерченной линией: в верхней части орнамент представляет собой два ряда наклонных насечек, направленных под прямым

углом друг к другу. Нижняя зона орнамента представляет собой две волнистые линии, сделанные с помощью цепочек треугольных вдавлений. В центральной части тулова сосуда фиксируются четыре отверстия, диаметром 3 мм, расположенные бессистемно. Еще одно отверстие расположено у дна сосуда. Диаметр этого отверстия меньше – 2 мм (рис. 3, 2). Вблизи южного края ямы, в ее западной части, на глубине (-62) была расчищена кость крупного животного, лежащая на шлифованном камне, сломанном в древности. Бронзовые изделия представлены в погребальном комплексе двумя наконечниками стрел и двумя ворворками. В сечении ворворки трапецевидные, стенки слегка вогнуты внутрь (рис. 3, 5, 6). Диаметр ворворок – 20 мм, высота сохранившихся частей – 7 и 9 мм, соответственно, диаметр в верхней части не превышает 9 мм. Толщина стенки – 1–1,5 мм. Наконечники стрел трехлопастные, со скрытыми втулками и сводчатыми головками.

На двух гранях одного наконечника читается орнамент – крест (рис. 3, 3–4).

Курган у с. Новобаландино находился в пределах границы подзоны предгорной лесостепи и подзоны северной лесостепи [Левит, 2001, с. 87, 88] Территория близ села занята лесными массивами (смешанные леса), перемежающимися небольшими озерами и болотами.

Исследуемый курган располагался на возвышении на опушке березового колка в 1,5 км к В–ЮВ от с. Новобаландино и в 1,8 км к СВ от озера Хохлатое, на старой пашне. Насыпь земляная, вследствие пахоты полностью с nivelирована распашками и изборождена неровными канавками. На ее поверхности отмечались кусочки прокаленной земли. Диаметр кургана составляет 14 м, высота небольшая – не превышает 23 см от уровня современной поверхности пашни.

В ходе снятия пахотного слоя в верхних горизонтах насыпи кургана фиксировались прокалы различной интенсивности. Слои, содержащие

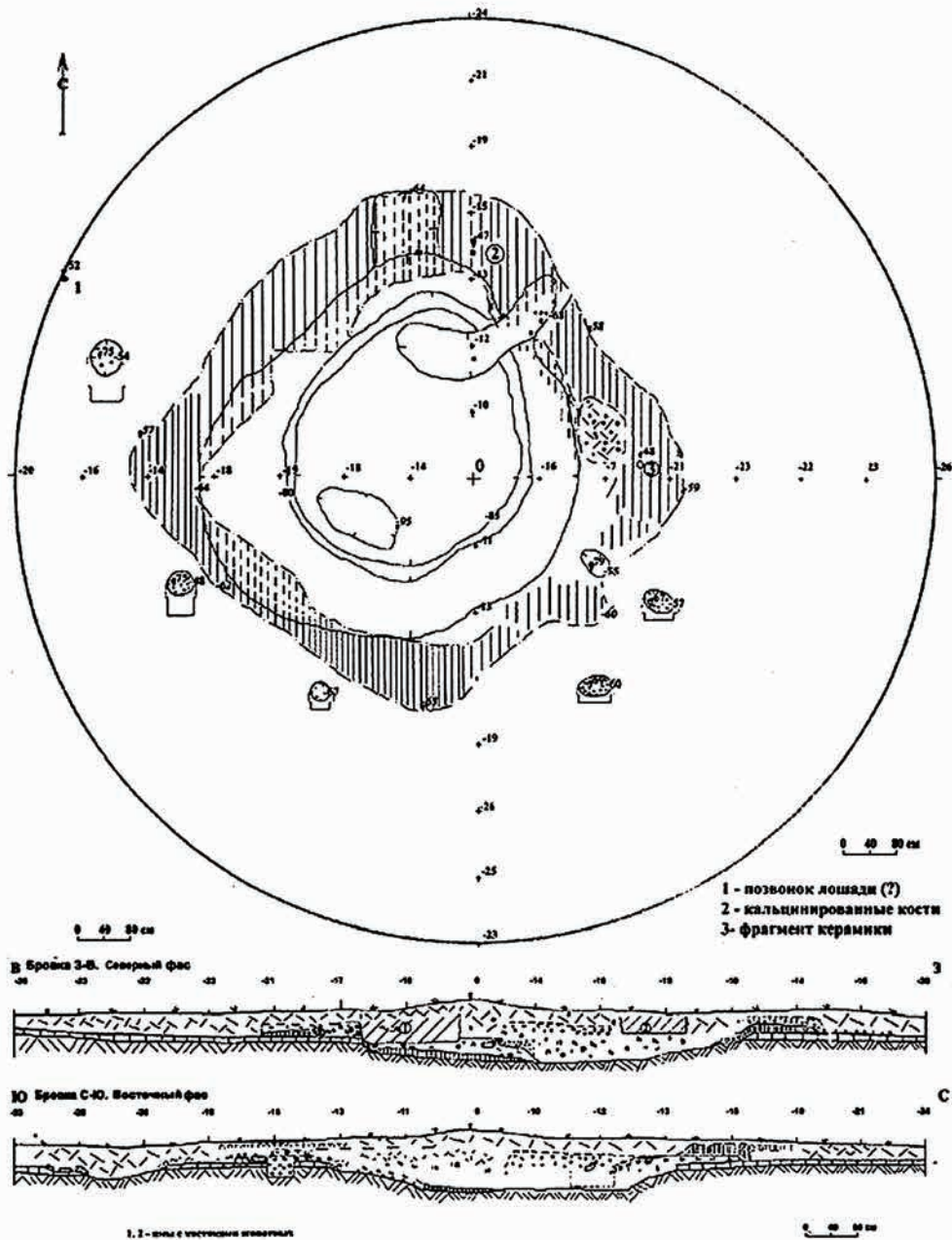

Рис. 4. Курган у с. Новобаландино. Планиграфия кургана на уровне материка и стратиграфические разрезы

прокаленные грунты, лежали полосой, которая в плане представляет собой неправильный квадрат с сильно скругленными углами, ориентированный углами по сторонам света. Размеры его составляют 7 (ЮВ–СЗ) × 8,5 (СВ–ЗЮ) м. Ширина вала составляет 1,5–2,5 м (по углам конструкции).

В насыпи сделаны следующие находки: кость КРС — в 3,3 м к западу от «0» на глубине —24 от «0»; фрагмент желтоглиняного лепного

сосуда — в 1 м к западу от и 0,5 м к югу от «0» на уровне (-46); фрагменты керамики — в 0,5 м к востоку и в 0,3 м к югу и в 2 м к востоку и 1 м к югу от «0» на уровне (-46–-48) (рис. 5, 2, 7).

На уровне погребенной почвы в 6,5 м к северу и в 1 м к западу на погребенной почве в ямке аморфной формы (нижний уровень -56 - -60) лежал в анатомическом положении скелет мелкого животного на боку, туловищем ориентирован-

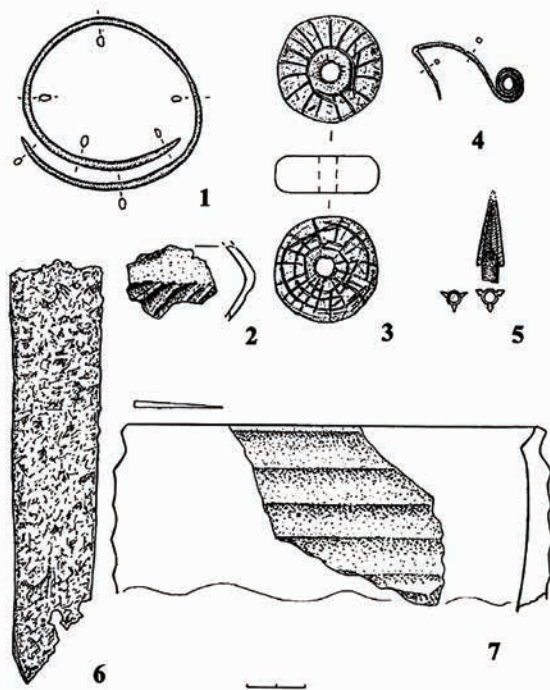

Рис. 5. Курган у с. Новобаландино. Инвентарь:
1 – серебро; 2, 7 – глина; 3 – талькит;
4, 5 – бронза; 6 – железо

ного на юг, со склоненной в противоположную сторону головой (на С) с вытянутыми к востоку конечностями (рис. 4, 1). В 3,5 м на запад и в 6 м к югу от «0» на уровне древнего горизонта был зафиксирован фрагмент деревянной конструкции, в виде обожженных остатков (брусков) двух бревен, шириной 0,2–0,3 м, лежавших друг над другом и, по-видимому, представлявших собой угловую (стыковочную) часть деревянной конструкции срубного типа (рис. 4).

На уровне погребенной почвы в 3 м на север и в 6,5 м на запад обнаружен позвонок коровы. Еще одна группа костей коровы наблюдалась в северо-западном секторе в 2,6 м на 3 и 0,6 м на С от «0» на глубине -43. Данный скелет почти полностью разрушен в ходе распашек, но, судя по оставшимся костям (кости шейных позвонков, ребра, часть черепа и фрагмент передней ноги), он лежал на левом боку, с конечностями, вытянутыми на запад и мордой на ССЗ. Они также не были обожжены и вокруг них фиксировались стенки впускной ямы (рис. 4), то есть, данный скелет находился в слое чернозема.

По центру кургана в юго-восточном секторе на данном уровне зафиксирован скелет коровы, лежавшей на боку с вытянутыми конечностями, головой на С. Следует заметить, что кости не подверглись обжигу. Скелет животного находился внутри прямоугольного пятна чернозема длиной

2–2,5 м и шириной 1,7–2 м, ориентированного длинной осью с 3–СЗ на В–ЮВ, прорезавшего слой прокаленной почвы до глубины (-60), а далее прослеживался слой прокала. Данное наблюдение – свидетельство более позднего происхождения захоронений коров, совершенных уже после пожара на погребальном склепе. Полный скелет восточной коровы лежал на левом боку, мордой на ССВ и конечностями, вытянутыми на восток. Череп сильно разрушен в ходе пахоты. Под брюхом коровы была обнаружена железная пластина (нож) шириной 3 см (рис. 5, 6), лежавшая по диагонали. На уровне -50 под этим же скелетом найден рог КРС, обломанный еще в древности.

Захоронения коров, совершенные на западной и восточной перифериях склепа, были совершены намного позднее. Об этом говорит тот факт, что по бровке и на плане раскопа четко фиксировались пятна вкопа, а заполнение ям представляло собой стерильный чернозем.

На погребенной почве в 3 м на север и в 2 м на восток от «0» обнаружено кальцинированное копыто лошади.

На курганной площадке был обнаружен вал шириной около 1 м, сложенный тяжелыми суглинками желтого или светло-серого оттенков. Высота вала незначительная – 10–12 см от уровня погребенной почвы. Вал, прокаленный в результате пожара, располагался на погребенной почве. Частично вал сполз в могильную яму, располагавшуюся по центру сооружения (рис. 4).

Планиграфия и характер разрушения грунтовой подкурганной конструкции говорят о том, что остатки данной погребальной конструкции, скорее всего, представляют собой руины земляного склепа-мавзолея, сооруженного из глиняных блоков. Вокруг склепа была возведена деревянная конструкция, вероятно срубного типа. Деревянное сооружение, скорее всего, опиралось на столбы, о чем говорят ямки в западной и южной половинах кургана. Ямки располагались по внешнему периметру вала, приблизительно в 1 м от него. Диаметр ямок, углублены в материк на 20–25 см – 0,3–0,5 м (рис. 4).

В результате пожара, организованного после совершения захоронения, деревянное сооружение стorerело, а глиняный склеп подвергся обожжению и последующему разрушению. Отдельные фрагменты «кирпичей» фиксировались во всех секторах на 1-м уровне. Значительная часть из них прокалилась докрасна, подвергшись сильному воздействию пламени. На периферии местами наблюдались блоки из белой глины, неподверженные горению. В плане указанное сооружение представляло собой квадрат, ориентированный

углами по сторонам света, с длиной сторон 8,5 м (рис. 4). По периферии кольца прослеживался мощный слой прокаленных блоков и глиняных комьев, между которыми местами встречались угли. Внутреннее пространство склепа было заполнено угольками и овальными комьями, а также отдельными блоками прокаленной глины.

Могильная яма выявлена в центре кургана внутри мавзолея. Она была смещена на 2 м к западу от условного центра (рис. 4). С северо-востока в яму по диагонали с СВ на ЮЗ шел грабительский (?) ход, прорезавший вал и проникавший в могильную яму (рис. 4). Ширина его 0,5–0,7 м.

Могила на уровне материка имела форму квадрата с закругленными углами размерами 5,8 x 5,8 м, ориентированного углами по сторонам света со входом-дромосом с северной стороны, длиной 0,7 м, шириной 1 м и глубиной 35 см от «0», постепенно понижавшимся ко дну до уровня -90. Таким образом, стенки были покатые, что давало трапецевидную форму в разрезе. Придонная часть ямы заполнена слоем прокаленной глины темно-красного и светло-желтого цветов мощностью 10–15 см.

Яма оказалась начисто ограбленной. На разных уровнях в ней удалось обнаружить редкие предметы обихода. В заполнении ямы встречались в разных местах разрозненные кости человека (в том числе – кальцинированные), мелкие кусочки керамики. Под бровкой, в дромосе в 2 м к «С» и в 1 м к «З» на уровне -75 обнаружены мелкие фрагменты бронзового зеркала. В заполнении ямы в 2,8 м к «З» и 0,6 м к «Ю» на уровне -88 в слое прокаленной глины обнаружен серебряный браслет, диаметром 5–6 см, закрученный в 1,5 оборота из круглого прута сечением 2 мм (рис. 5, 1).

По центру ямы на уровне -85 зафиксированы *in situ* обожженные кости человека (ребра и позвонки) (рис. 4), исходя из расположения которых, можно предположить широтную ориентировку погребенного (скорее всего головой на восток). Рядом встречались мелкие фрагменты черепа. Размеры могильной ямы предполагают возможность наличия большего числа покойных. Хотя, сколько их было первоначально, из-за ограбления говорить трудно.

На дне ямы найден фрагмент серебряного украшения – подвески из круглой проволоки сечением 2 мм со спиральным завитком в 2,5 оборота на одном конце и выпрямленным противоположным концом (рис. 5, 4).

В грабительском ходе, о котором сказано выше, на уровне -68 был найден бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 5, 5). Там же

были найдены мелкие фрагменты бронзового зеркала и круглое пряслице из талькита² (рис. 5, 3). На поверхности пряслица был прочерчен орнамент из концентрических кругов, рассеченных на сегменты поперечными линиями.

Больше никаких находок в погребении не сделано.

Переходя к культурно-хронологической оценке исследованных памятников, необходимо выделить следующие общие черты обряда в могильнике Айгыр: они произведены по обряду труположения. Могильные ямы неглубокие (10–40 см от уровня материка), выкопаны в широких линзовидных в сечении подрезках материка. Ориентировка погребенных южная, с незначительным отклонением к востоку. Могильная яма № 5 имеет уступы вдоль стен. В принципе, обряд говорит о принадлежности данных погребений прохоровской культуре. Инвентарь, представленный бронзовыми наконечниками стрел, лепными сосудами, железными мечами и ворворками, позволяет уточнить дату погребений. Бронзовые наконечники стрел относятся к XII типу 3-го отдела по классификации К. Ф. Смирнова [1961, табл. III] и характерны для V в. до н. э. Железный меч из заполнения могилы № 5 обладает тонким бабочковидным перекрестьем. Мечи с таким признаком характерны для памятников второй половины V в. до н. э. [Копылов, 1980, рис. 1, 1, 2]. Учитывая, что меч этот происходит из погребения, разрушенного при совершении сохранившегося захоронения, поздний скелет этой могилы относится, скорее всего, к началу IV в. до н. э. В пользу этой даты говорят и находки ворворок, которые в большом количестве часто встречаются среди памятников конца V–IV вв. до н. э. Погребение № 4, содержащее однотипные наконечники стрел, вероятно, также относится к указанному времени. Погребение № 1 достаточно сложно атрибутировать хронологически, хотя, находка в нем плоскодонного лепного горшка с примесью шамота в тесте, скорее всего, свидетельствует в пользу V в. до н. э.

Таким образом, погребения в могильнике Айгыр-1 были совершены на протяжении конца V – первой половины IV в. до н. э.

Курган у с. Новобаландино относится к более позднему хронологическому этапу. Среди сопровождающего инвентаря обнаружен бронзовый втульчатый трехлопастной наконечник стрелы, относящийся к IX типу по классификации К. Ф. Смирнова [1961, табл. III]. Такие были широко распространены в IV–III вв. до н. э. В пользу указанной даты говорит и находка серебряного браслета, закрученного в 1,5 оборота.

Такие предметы также характерны для IV в. до н. э. [Клепиков, 1998, с. 31]. Бронзовая подвеска, обнаруженная во фрагментах в могиле, является хронологическим репером погребений III в. до н. э. Известно, что данные предметы получили распространение в лесном и лесостепном Приуралье не ранее вышеуказанного времени [Пшеничнюк, 1976].

О культурной принадлежности кургана говорит характер погребальной конструкции.

По своему типу она сближается с таким памятником Южного Зауралья как курган Темир, где наблюдается аналогичный тип могильной ямы, вокруг которой была грунтовая постройка и над которой была сооружена грандиозная деревянная конструкция [Зданович, Хабдулина, 1987]. Тем самым, данный курган следует считать памятником прохоровской культуры ранних кочевников Южного Урала, датируемой IV–III вв. до н. э.

Примечания

1 – Авторы выражают благодарность Г. Х. Самигулову и С. Г. Боталову за любезно предоставленную возможность публикации материалов могильника Айгыр I.

2 – Определение сотрудника ЧНЦ УрО РАН, геолога Челябинской геолого-съёмочной партии В. Ю. Никольского.

ЛИТЕРАТУРА

- Боталов С.Г.** Отчет. Разведка по Уйскому району по р. Уй и его притокам от п. Уйского до п. Пичугинский в 2004 г. // Архив ЮУФ ИИА УрО РАН.
- Зданович Г.Б., Хабдулина М.К.** Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1987.
- Клепиков В.М.** Женские браслеты как хронологический показатель раннесарматских памятников в IV в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 1998. – Вып. 1. – С. 29–31.
- Копылов В.П.** Мечи из погребений V в. до н.э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА. – 1980. – Вып. 162. – С. 24–27.
- Левит А.И.** Южный Урал: география, экология, природопользование. – Челябинск, 2001.
- Пшеничнюк А.Х.** Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Южного Урала. – Уфа, 1976. – С. 35–131.
- Самигулов Г.Х.** Отчет об аварийных археологических исследованиях могильника Айгыр I («могила Рамазана») в Уйском районе Челябинской области в 2005 году // Архив ЮУФ ИИА УрО РАН.
- Смирнов К.Ф.** Вооружение савроматов // МИА. – 1961. – № 101.

В. В. Потапов

В. В. Потапов

Южный научный Центр РАН, г. Ростов-на-Дону

V. V. Potapov

Southern Scientific Center RAS, Rostov-on-Don

Хозяйственные уклады населения Нижнего Дона и Восточного Приазовья периода поздней и финальной бронзы и динамика их развития

Аннотация. Цель исследования — изучение динамики изменения хозяйственных укладов на территории Нижнего Дона и Восточного Приазовья в финальный период эпохи бронзы и влияющих на нее факторов. Основным археологическим источником по палеоэкономике служат материалы поселений. Привлекаются материалы и соседних регионов, в том числе диахронные, естественнонаучные и этнографические данные.

Период, предшествующий финальной бронзе в Донских степях, связан с преобладанием здесь бережновско-маёвской срубной культуры, доминирующим укладом которой было скотоводство. Изучение остеологических остатков на срубных поселениях свидетельствует об изменении состава стада в пользу увеличения доли МРС, более приспособленного, наряду с лошадьё, к дальним переходам. То есть хозяйственный уклад срубного населения, основывался на отгонных формах скотоводства.

В конце II-го тысячелетия до н.э. в степях Евразии происходят существенные климатические изменения, связанные переходом от увлажненного климата к более засушливому, что приводит, по мнению Герасименко и Горбова, к «преобладанию кочевого и полукочевого способа хозяйствования». Эта тенденция прослеживается на материалах памятников белозерской культуры, нурских стоянок и др.

Ключевые слова: хозяйственный уклад, подвижное скотоводство, кочевое скотоводство, растениеводство, климат.

Economic modes of Lower Don and East Priazov'ye population of period late and final bronze and the dynamics of their development

Abstract. The aim of the investigation is the dynamics of changes in economic structures on the territory of the Lower don and the Eastern Azov sea region in the final period of the bronze age and its influencing factors. The main archaeological source for paleoeconomic are the materials of the settlements. Involved materials of the neighboring regions, including diachronic, natural science and ethnographic data. The period preceding the final bronze in the steppes of the Don, is related to the predominance here the Berezhnovsko-Mayovskaya Timber-grave culture, the dominant way of its life was pastoralism. The study of the osteological residues on the rustic settlements, indicating a change in herd composition in favor of increasing the share of small cattle, more adapted, along with the horse, long transitions. That is, economic structure, log of population, was based on nomadic forms of cattle breeding. This does not exclude other variants pastoral practice, depending on climatic and natural conditions. At the end of the second Millennium BC in the steppes of Eurasia is undergoing significant climatic changes in the transition from a moist climate to a more arid, according to Gerasimenko and Gorbov, “the prevalence of nomadic and semi-nomadic way of management”. This trend can be seen on the materials of monuments of culture of the Belozerka culture, Nur type, etc.

Keywords: economic mode, mobile cattle breeding, nomadic cattle breeding, plant-grower, climate.

В степном Подонье выделен пласт постсрубных (финально-бронзовых) памятников XII–X вв. до н. э., представленный как погребениями (66)¹, так и поселениями (6). Из шести поселений наиболее полно исследовано Малаховский Ерик-2. Кроме того, финально-бронзовый материал представлен на поселениях № 7 на Маньче, Потайновском, Бессергеновском, Мокрочалтырском. Однако, несмотря на репре-

зентативную подборку погребальных комплексов, следует учесть, что чаще всего погребения мало информативны как археологический источник по палеоэкономике. Поселения же, являющиеся основными источниками для изучения хозяйственно-экономического уклада, большей частью исследованы слабо. Поэтому данные о хозяйственной и социальной структуре населения, оставившего эти памятники, крайне скудны и не-

редко носят характер косвенных свидетельств. Сопоставление нижнедонских памятников с материалами синхронных культур соседних территорий дает дополнительную информацию. Кроме того, важными оказываются сведения и исследования историко-этнографического характера.

Предшествующая эпоха связана с повсеместным распространением на Дону срубной культурно-исторической общности, представленной бережновско-маёвской срубной культурой (БМСК) [Отрощенко, 2003, с. 80–81, рис. 3]. Этот период характеризуется доминированием скотоводческого уклада. Исследования костных останков животных на срубных поселениях говорят об эволюции состава стада. Соотношение крупного и мелкого рогатого скота меняется на поздних этапах в сторону увеличения доли последнего, несмотря на то, что доля КРС продолжает преобладать [Кожевникова, 1986, с. 33; 1987, с. 67–69; Мягкова, 2000; 2000а, с. 81; Паленая, 2000, с. 83, 84, табл. на с. 84]. Многие поселения с достаточно мощным культурным слоем свидетельствуют об оседлости оставившего их населения. С другой стороны, стада вряд ли могли бы обеспечиваться кормом при выпасе лишь на прилегающих к поселению пастбищах. По-видимому, практиковалась система отгона скота на сезонные летние и осенние пастбища, где существовали стационарные хозяйственные и жилые постройки. Обширные поселения, на берегах рек или на приустьевых мысах крупных балок, с большим числом жилищ, достаточно мощным культурным слоем, насыщенным золой, наличием очагов в жилищах, представляли собой места постоянного проживания той или иной группы населения. Вместе с тем известны и поселения небольшой площади, со слабо золистым слоем и минимальным количеством одновременных построек или жилищ, в которых практически нет долговременных стационарных очагов. Они расположены на небольших реках и обводненных балках, как правило, достаточно далеко от устья, порой даже в верховьях балок. Эти поселки маркируют места постоянных пастбищ, скорее всего, летних² [Потапов, 2000в, с. 115–117]. Примером такого памятника является раскопанное в 1996–1997 гг. поселение Мокрый Чалтырь. Оно интересно тем, что здесь на небольшой площади 576 м² были открыты остатки семи построек, нередко перекрывавших друг друга [Ларенок П., 1998, с. 116–117; Ларенок В., 2000, с. 26–28]. Все они относятся к различным периодам эпохи поздней бронзы: от горизонта II до горизонта V по В. Н. Горбову. Это свидетельствует о долговременном использовании поселения-летника и прилегающих к нему сезонных пастбищ. На другом памятнике Вареновка-3 автором в 1999 г. была исследована двумя раскопами площадь 348 м², где были прослежены остатки четырех построек [Потапов, 2000б;

2002а]. На дне некоторых из них прослеживалось по несколько горизонтов полов, разделенных прослойками заполнения. Это свидетельствует о том, что эти постройки порой оставались жителями, но затем вновь заселялись. Жилища неоднократно перестраивались и ремонтировались. Ряд особенностей в конструкции строений, заполнении их котлованов, характере очагов указывает на то, что жилища вряд ли могли использоваться зимой [Потапов, 2000в, с. 115–116]. Кроме того, на основе многолетних разведочно-инвентаризационных работ Таганрогской археологической экспедиции под руководством П. А. Ларенка в приазовских районах Ростовской области удалось установить, что здесь большая часть выявленных срубных поселений группируется в локальные узлы. Скорее всего, часть поселений, входящих в такие группы, также представляет собой временные скотоводческие поселки-летники [Потапов, 2000]³.

Существование сезонных поселений (стоянок), которое можно считать доказанным, свидетельствует о распространении отгонных форм хозяйства у срубных племен. Следует всё же иметь в виду, что бассейн Нижнего Дона состоит из районов с различными климатическими и ландшафтно-географическими условиями. Степень подвижности скотоводства могла варьировать в зависимости от условий того или иного района, от полукочевого до оседлого, придомного. Всё же представляется наиболее вероятным, что большая часть позднесрубного населения практиковала отгонное скотоводство.

Археологических данных, убедительно свидетельствующих о земледелии у срубного населения, немного. Возможно, следы земледельческого уклада, особенно если он не носил характер доминирующей отрасли, слабее отражаются в материальных остатках. К тому же в Подонье срубные поселения исследовались эпизодически. Но и в соседнем регионе — Северном Приазовье — следы растениеводства минимальны⁴, несмотря на то, что некоторые из изученных там памятников раскопаны большими площадями⁵. Скорее всего, в благоприятных для земледелия местах и существовали поселения, специализировавшиеся на растениеводстве, но в силу слабой изученности бытовых памятников, выделить их пока невозможно. Вполне вероятно, что в рамках одной общины, в пределах одного поселка, население могло практиковать скотоводческий уклад в отгонной или выгонной (придомной) форме и растениеводство, как правило, в ограниченных размерах [Бунатян, 2001а, с. 82–83]. Вместе с тем, не исключено и меж-общинное разделение труда между скотоводами и земледельцами [Чердниченко, 1986, с. 51–53; Бунатян, 2001б, с. 102–104]. Примат скотоводства у племен БМСК несомненен (см. напр.: [Чердниченко, 1986, с. 52–53; Березанская, 1990, с. 43, 51; Бровендер,

2000, с. 10–11; Паленая, 2000, с. 82]). По мнению Е. П. Бунатян, в это время в срубной среде происходит интенсификация скотоводства, определяемая возрастанием его подвижности [Бунатян, 2000, с. 40–41]. Помимо остеологических данных, об этом свидетельствует широкий ассортимент орудий кожевенного производства: проколки и иглы, тупики и струги, «коньки» [Усачук, 1996, с. 25; 1997, с. 177–178]. Преобладание скотоводства над растениеводством и не полностью оседлый характер первого фиксируются в это время не только у носителей срубной КИО степей Дона и Приазовья, но и у населения гораздо более восточных районов [Грязнов, 1955, с. 24–26; 1957, с. 25–27; Черников, 1957, с. 31–32].

В конце II тыс. до н. э. в степях Евразии происходят значительные климатические изменения. В понимании характера этих изменений нет единства: в одних случаях в это время предполагается увлажнение и похолодание климата, в других — его аридизация [Кузьмина, 1996, с. 78]. Однако представляется более достоверной стратифицированная реконструкция палеоэкологических условий степей Приазовья эпохи поздней бронзы, выполненная на основе изучения почв и споро-пыльцевых исследований на приазовских поселениях эпохи поздней бронзы [Герасименко, Горбов, 1996]. Немаловажно и то обстоятельство, что эта реконструкция выполнена для территорий, географически близких исследуемому региону. Согласно ей, в XIII вв. до н. э. происходит постепенный переход от фазы увлажненного климата к более засушливым условиям, а в финале поздней бронзы, то есть на горизонте V, эти процессы нарастают. Период Va характеризуется условиями, близкими современным, а период Vб (поздне-белозерский) ознаменован пиком аридизации. О начале аридизации на рубеже XIII–XII вв. до н. э. свидетельствуют палеопочвенные исследования в Волго-Донских степях [Демкин и др., 2001, с. 370–371; Демкин и др., 2005, с. 106, табл. 1]. О пике аридизации в финальную бронзу на юге Восточной Европы свидетельствует и динамика колебания уровней Черного и Каспийского морей [Махортых, Иевлев, 1991, с. 20–21]. Резкое понижение уровня моря на рубеже II и I тыс. до н. э., сопровождается похолоданием, а во второй половине II тыс. до н. э. начинается постепенный переход к более прохладной и сухой фазе [Бруяко, Карпов, 1992, с. 87–89, рис. 1]. Продолжающееся снижение уровня Черного моря и дальнейшее похолодание приводит к усыханию степи и установлению сухого континентального климата. Н. П. Герасименко и В. Н. Горбов отмечают, что в Приазовье в финальную бронзу (XII–X вв. до н. э.) заметны признаки аридизации климата: если в период Va климатические условия оцениваются как близкие современным, то в следующий период — Vб - фиксируется ухудшение

условий почвообразования, а палиноматериалы позволяют объяснить его началом нового цикла аридизации климата, кульминация которого приходится на X–VIII вв. до н. э. Именно с аридизацией связано, по мнению авторов, «преобладание кочевого и полукочевого способа хозяйствования» [Герасименко, Горбов, 1996, с. 48–49].

Несомненно, климатические изменения явились толчком для перехода скотоводческого уклада к подвижным формам, но подготовили этот переход постепенные изменения в способе хозяйствования, происходившие в среде носителей БМСК. Это — трансформация видового состава стада в сторону увеличения его мобильности⁶, отгонная форма скотоводства. В качестве верхового животного осваивается лошадь. Значение коня в обществе кочевников ни в коем случае не может быть сведено к роли «основного символа воинственного номадизма» [Кожин, 1997, с. 47]. Широкое использование верхового коня кочевниками относится не в последнюю очередь к хозяйственной сфере, а не только к военной.

Очевидно, что климатические изменения повлекли за собой модификацию системы ведения хозяйства не только в среде пост-срубного населения Подонья, но и по всей полосе степей. Для того, чтобы в должной мере оценить степень и направление хозяйственных трансформаций в исследуемом регионе, необходимо представить себе систему ведения хозяйства населения соседних степных территорий.

В оценке хозяйственного уклада белозерской культуры существует несколько точек зрения. Так, В. П. Ванчугов характеризует хозяйство ее носителей в Северо-Западном Причерноморье как земледельческо-скотоводческое, такое же, как и у предшествующих сабатиновских племен. Доминирование земледелия подтверждается находками злаков и их отпечатков, земледельческих орудий и орудий для переработки продуктов растениеводства. Почвенно-климатические условия также способствовали широкому распространению земледелия. Вместе с тем, подчеркивается значительная роль скотоводства. В стаде доминируют КРС и лошадь, овца занимает третье место. В. П. Ванчугов предполагал отгонную систему выпаса стад [Ванчугов, 1990, с. 104–106]. В. В. Отрощенко, напротив, описывая хозяйство БК в целом, отмечал, что здесь, в отличие от сабатиновской земледельческо-скотоводческой системы хозяйствования, скотоводство доминирует над земледелием. Вместе с тем подчеркивается, что, хотя общее поголовье и уменьшается, видовой состав стада остается в основном неизменным. Однако, в некоторых случаях соотношение различных видов меняется в пользу животных, более приспособленных к перегонам. Тип скотоводства определяется как «отгонно-стойловыгонный». Экономические новации у бело-

зерцев в значительной мере явились следствием усыхания степей и означали переход от оседло-скотоводческого к кочевому укладу [Отрощенко, 1986, с. 143–144; Отрощенко, 1991, с. 127]. Предположение о том, что часть населения Северного Причерноморья уже в эту эпоху переходит к кочевничеству, высказывалось и другими исследователями [Махортых, Иевлев, 1991, с. 21]. Е.П. Бунатян доказывает, что некоторые группы населения порывают с оседлостью и полностью переходят к кочевому образу жизни. При этом, по ее мнению, большая часть общин продолжает заниматься традиционным комплексным хозяйством. Причем в качестве признака оседлости исследовательница указывает на возникновение традиции хоронить покойников в грунтовых могильниках, а признаком кочевого быта — элитные курганы и курганные могильники [Бунатян, 2001а, с. 76–77]. Не отрицая возможность кочевого уклада в белозерской среде, отметим, что предложенная зависимость представляется не совсем обоснованной. Нередко курганные и грунтовые могильники составляли единый ансамбль — так называемые курганно-грунтовые могильники, что свидетельствует о территориальном единстве оставившего их населения. Как правило, курганные могильники насчитывали небольшое число насыпей. Из шестнадцати таких могильников, сведениями о которых располагает автор, большая часть представляет собой одиночные белозерские курганы или небольшие группы из 2–4 насыпей, зачастую включенные в состав более древних курганных групп. Вместе с тем, известны и сравнительно крупные курганные могильники [Отрощенко, 1975; Ванчугов, 1990, с. 42–44, рис. 13, 15, 4; Евдокимов Г., 1999, с. 99, рис. 2]. Для степного кочевого населения, особенно на ранних этапах номадизма, не характерны крупные курганные могильники с основными погребениями. В Волго-Донском регионе они появляются в среднесарматский период. Это является свидетельством не только политической и экономической стабильности, но и устойчивости хозяйственного уклада и быта. Свидетельством существования кочевого уклада, скорее, могут служить редкие впускные погребения в более древние курганы [Агульников, 1999; Отрощенко, Шевченко, 1987, с. 132–133, рис. 1, 3–7]. Отметим, что основные подкурганные погребения белозерской культуры нередко отличаются от остальных наличием сложных погребальных сооружений и, зачастую, богатством инвентаря. Возможно, здесь мы имеем дело с формирующейся элитой степного причерноморского общества. Возможно, элита эта дружинная, воинская. Отсутствие же деталей конской упряжи и предметов вооружения, привычных для воинских захоронений более поздних периодов, объясняется, с одной стороны, отсутствием традиций использовать эти предме-

ты в качестве заупокойного инвентаря, а с другой стороны, их редкостью и дороговизной. Бесспорно то, что к западу от исследуемого региона, в ареале распространения белозерской культуры, прослеживается увеличение роли скотоводческого хозяйства, носящего все более подвижный характер, при заметном упадке земледелия.

На степных территориях, к востоку от Дона, на Нижней Волге в контексте хозяйственного уклада сравнительно информативны две группы — хвалынская культура и памятники нурского типа. Ареалы их распространения совпадают с различными природно-географическими зонами Поволжья [Изотова, 1998, с. 39].

Поселения хвалынской культуры занимают преимущественно северную часть степи, а отдельные ее проявления фиксируются на юге лесостепной полосы Поволжья и Волго-Донского междуречья. Исследований по хозяйству хвалынской культуры не проводилось. Примечательно наблюдение М. А. Изотовой об отсутствии следов земледелия на срубных поселениях Нижнего Поволжья [Изотова, 1998, с. 39]. Между тем, поселения со стационарными жилищами-полуземлянками и сравнительно мощным культурным слоем свидетельствуют о довольно прочной оседлости. Расположение хвалынских поселений на берегах полноводных рек удобно с точки зрения выпаса скота на пойменных лугах. Поэтому скотоводство здесь могло быть придомным. Однако, существование отгонного скотоводства, исходя из общих тенденций изменения климата, более чем вероятно.

Можно выделить два района распространения нурских памятников, отличающихся природно-климатическими условиями. Первый расположен на границе степной и лесостепной зоны и в южной части лесостепи. Большая часть стоянок этой группы расположена на левобережье Волги, в бассейне рек Большая Кинель и Самара. Четыре пункта, содержащих небольшое количество нурской керамики, происходят из лесостепного Прихоперья в Волго-Донском междуречье [Хреков, 2003, с. 106–107, рис. 7]. Вторая группа находится в зоне полупустынь и в южных, пограничных, участках степи. Русло Волги делит и эту группу на две части. Численно преобладают стоянки Волго-Уральского междуречья. На волжском правобережье пунктов с нурской керамикой известно намного меньше. Очевидно, что нурские стоянки не «репрезентуют останню фазу осілості в степу» [Отрощенко, 2002, с. 23], а свидетельствуют как раз о кочевом укладе оставившего их населения. В пользу этого говорит то обстоятельство, что большая часть из них расположена в аридной зоне, где для выпаса скота требуются большие площади, чем в более увлажненных районах. Характер этих памятников, представленных

исключительно открытыми, недолговременными стоянками, свидетельствует о подвижном быте. В качестве одной из форм номадного хозяйства стабильно выделяется система передвижения по сравнительно устойчивым маршрутам, с определенными местами летних или, чаще, зимних стоянок. Это выделенная С. И. Вайнштейном циклическая форма кочевания [Вайнштейн, 1972, с. 71–72], третья форма кочевания по А. М. Хазанову [Хазанов, 1974, с. 214], третий подтип кочевого хозяйства по Г. Н. Симакову [Симаков, 1982, с. 75]. Аналогичные формы (типы) отмечены и другими исследователями. Очевидно, что такую форму кочевания практиковало нурское население, стоянки которого тяготеют к различным природным зонам. Возможно, одни из них (скорее всего, южные) представляют зимние стоянки, а другие — летние. По мнению Б. Ф. Железчикова, Самарская область относится к регионам, где зимовки невозможны, в то время как восточные районы Саратовской, Астраханской, Волгоградской областей, а также междуречье Волги и Урала подходят для зимовок [Железчиков, 1984, с. 6–7]. Не исключено всё же и то, что все стоянки, включая северные, представлены зимниками. Северная группа стоянок расположена в тех же районах, где находятся и поселения оседлого хвалынского населения. Вполне вероятно, что кочевники аридной зоны в определенное время года могли к ним подкочевывать. Такая ситуация фиксируется для некоторых обществ номадов от древности до нового времени [Таиров, 1989, с. 28–29; Ларенок П., 2000, с. 182–185; Першиц, 1961, с. 31–32]. В рассматриваемом регионе также отмечается ситуация, когда зимой, в случае джута, кочевники угоняли стада на север, в районы, богатые кормом [Железчиков, 1984, с. 8]. В любом случае, наличие сезонных стоянок свидетельствует о том, что кочевание здесь велось по стабильным циклическим маршрутам. Следовательно, нурские памятники оставлены номадами, кочевой уклад которых в этот период уже стабилизировался⁷.

Вопросу о хозяйстве населения финальной бронзы Северного Казахстана и Южного Приуралья посвящена отдельная работа [Зданович, 1981]. В ней система ведения скотоводческого хозяйства поселения Саргары достаточно убедительно реконструируется как отгонная. Найдено даже место возможной летовки. Подмечено, что резкое возрастание в видовом составе стада лошадей связано с переходом на круглогодичный выпас скота. Эти наблюдения можно смело распространить на всю алексеево-саргаринскую культуру, во всяком случае, ее степную часть. По мнению М. К. Хабдулиной, в конце эпохи бронзы — начале раннего железа в Северном Казахстане идет процесс перехода к кочевому скотоводству, растянувшийся на одно-два столетия. При этом часть населения некоторое время продолжала ве-

сти комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство в местах, благоприятных для этого [Хабдулина, 1994, с. 76–77].

Итак, беглый обзор степных культур и культурных групп показывает, что в эпоху финальной бронзы, во-первых, усиливается роль скотоводства в культурах, расположенных на территориях, где земледельческий уклад всегда был ярко выражен и зачастую доминировал. Во-вторых, в ряде случаев отмечается усиление подвижности скотоводческих форм хозяйствования по сравнению с предыдущим периодом, даже в тех местах, где животноводство и до этого не носило характер исключительно придомного. В некоторых регионах появляется полукочевой или кочевой уклад. В-третьих, изменяется видовой состав стада в пользу животных, более приспособленных к дальним перегонам и тебеневке. И, наконец, несмотря на в целом общие тенденции развития хозяйственных систем, степь предстает перед нами неоднородной в этом отношении. Эта поливариантность обусловлена как предшествующими традициями, так и конкретными природно-климатическими условиями, характеризующими тот или иной район.

Как уже говорилось выше, пост-срубные памятники Дона и Приазовья дают очень мало информации о хозяйстве оставившего их населения. Однако, в некоторых случаях можно использовать косвенные сведения, которые при сопоставлении их между собой и в сравнении с более изученными культурами и историко-этнографическими данными позволяют реконструировать хозяйственный уклад на уровне гипотез и теорий.

Обратившись к материалам погребальных памятников и сравнивая их с данными могильников предшествующей БМСК, мы видим существенные различия, зачастую не связанные с отличиями в погребальной обрядности. На смену многочисленным срубным могилам, обычно впущенным в насыпи более ранних курганов и образующим зачастую могильники, приходят крайне редкие захоронения, разбросанные по всей донской степи. Безусловно, уменьшение количества погребальных памятников связано с кардинальными демографическими изменениями, резким уменьшением населения степи. Снижается также и численность поселений. Объяснить это можно неблагоприятной природно-климатической обстановкой, вызывающей необходимость приспособлять к ней свой хозяйственный уклад. В условиях скотоводческого хозяйства такое приспособление носит характер увеличения площади пастбищ на одно и то же количество голов скота. Это влечет за собой, с одной стороны, увеличение площади выпаса, а, с другой — уменьшение плотности населения. Освоение новых пастбищ, в первую очередь зимних, возможности, которых и обуславливали верхний предел поголовья скота,

не могли не привести к значительному усилению подвижности скотоводства. В некоторых случаях фиксируются признаки кочевого уклада. К числу таковых относятся описанные выше особенности географии погребений, а именно: разбросанность их на огромной территории, отсутствие постоянных мест захоронений. Подобная погребальная практика характерна для тех номадов, цикл кочевания которых был непрерывным, круглогодичным. Она отмечается для средневековых кочевников, находившихся как на таборной стадии кочевания [Плетнева, 1982, с. 16–17], так и кочевавших по замкнутым циклическим маршрутам, но не имевших постоянных жилищ в местах сезонных стоянок [Вайнштейн, 1972, с. 71]. Это подтверждается отсутствием стабильных родовых кладбищ у безостановочно кочевавших в новое время по пустыням и полупустыням казахов и североаравийских бедуинов [Першиц, 1961, с. 70–71, сноска 1; Толыбеков, 1971, с. 471, 474].

По сравнению с предшествующим периодом резко уменьшается количество поселений. Они теперь тяготеют к руслам крупных рек. Как показали раскопки Мокрочалтырского поселения, поселения-летники продолжают использоваться. Это верно только для тех групп памятников («узлов»), которые расположены у больших рек. В среднем и верхнем течении небольших рек и балок пост-срубные поселения неизвестны. Однако погребения этого времени здесь встречаются. То есть удаленные от рек участки всё же использовались, однако стационарных поселков здесь нет.

Говоря о поселениях этой эпохи, следует обратить внимание на некоторые изменения традиций домостроительства. Они прослежены, главным образом, на материалах хорошо изученных стационарных поселений Приазовья. Уменьшается площадь жилищ [Горбов, 1995, с. 58–59], уменьшается глубина котлованов, упрощаются и огрубляются строительные приемы [Горбов, 1997, с. 158; 2000, с. 55, 58]. Судя по жилищу 6 Мокрочалтырского поселения, эта тенденция характерна и для Подонья. Аналогичная ситуация складывается и в БК [Отрошенко, 1986, с. 125–126; Ванчугов, 1990, с. 126–127]. Упрощение домостроительства белозерцев, по сравнению с предыдущей эпохой, объясняется переходом к более подвижным формам хозяйствования [Черниенко, 1991, с. 131]. Действительно, уменьшение размеров жилых помещений, снижение их качества в восточно-европейской степи, скорее всего, обусловлено изменением быта в сторону его большей подвижности. Передвигаясь большую часть времени со стадами на всё более далекие расстояния от стационарных жилищ и от построек на сезонных стоянках, рассматривая их как временные пристанища, люди всё меньше усилий тратили на возведение построек и создание комфортных условий. Это один аспект

проблемы. Но есть и другой. Меньшие жилища предназначены для сравнительно небольшой семьи. Это может свидетельствовать об изменении семейного уклада, замене большой семьи малой. Причиной быстрой смены типа семьи могли быть радикальные социально-экономические изменения. Обратившись к историко-этнографическим данным, мы находим, что малая семья характерна практически для всех кочевых обществ, как доминирующий тип семьи [Хазанов, 1975, с. 73–76]. Кочевание в мирное время осуществлялось, как правило, небольшими коллективами [Масанов, 1987], объединяющими несколько семей родственников или соседей, и являющимися обычно подразделением рода, возникшим, главным образом, для решения хозяйственных задач. Скот во время выпаса и перекочевков объединялся в общее стадо, но оставался, как правило, в собственности малых семей [Руденко, 1961, с. 14; Марков, 1998, с. 114–115; Тортика, Михеев, 2001, с. 146]. Варианты такой организации известны у всех кочевников. Они прослежены не только у позднейших номадов Великого пояса степей Евразии, например, казахов [Толыбеков, 1971, с. 130, 498, 501], тувинцев [Вайнштейн, 1972, с. 77], калмыков [Эрдниев, 1967, с. 137], туркмен [Марков, 1958, с. 172, 173] и др., но и у других кочевников-скотоводов — юрюков Малой Азии [Новичев, 1951, с. 115], аравийских бедуинов [Першиц, 1961, с. 70], у африканских кочевников [Никифоров, 1974, с. 212–218⁸; Калиновская, 1983, с. 45]. Преобладание у кочевников малой семьи Б. Ф. Железчиков объясняет экономической спецификой: «У кочевников редко ощущался недостаток в рабочих руках и вполне возможным было ведение самостоятельного хозяйства силами небольших семей, оказывающих друг другу по мере надобности родственную или соседскую помощь» [Железчиков, 1984]. Таким образом, при кочевом скотоводческом укладе малая семья является не только основной производственной единицей, и даже не столько производственной единицей, но, главным образом, имущественной, хозяйственной ячейкой. Возможно, жилища небольших размеров, встречаемые на белозерских и постсрубных поселениях, свидетельствует о том, что и в обществах, оставивших их, функции базовой экономической единицы переходят малой семье. И это трансформация органично сопровождается неразрывно связанные с ней процессы перехода к новым формам ведения скотоводства.

Итак, в рассматриваемую эпоху в Подонье, как и на сопредельных территориях, ведущей отраслью хозяйства остается скотоводство, приобретающее всё более подвижные формы. Представляется очевидным, что на Дону в это время уже существует кочевое скотоводство в виде более или менее распространенного уклада, находящегося еще, по-видимому, в стадии становления. Подчеркнем лишь то, что в эту эпоху кочевой

уклад возникает практически по всей Евразийской степи. Однако, в ее европейской части этот процесс протекал неравномерно, и динамика его была обусловлена природно-климатическими условиями, с одной стороны, и различной степенью подвижности скотоводческой составляющей хозяйства — с другой.

Все перечисленные новации происходят в обществе, которое и ранее, в срубную эпоху, практиковало сравнительно подвижные формы скотоводства. Однако, столь значительные изменения, несомненно, отражали переход к принципиально новым этапам развития доминирующей отрасли хозяйства. Всё же кочевой уклад в это время еще не был укладом всего населения донской степи. Об этом свидетельствуют поселения, пусть и представленные в гораздо меньшем количестве, чем раньше, расположенные по берегам крупных рек или в их поймах. Несомненно, в богатых травами пойменных лугах и устьях крупных балок можно было прокормить необходимое количество скота на сравнительно меньшей площади, чем на пастбищах, расположенных в глубинной степи. По-видимому, в рассматриваемую эпоху на Дону сосуществовали кочевая, полукочевая и отгонная системы выпаса скота, хотя следует признать, что четких границ между этими формами не существует [Марков, 1981, с. 84–86]⁹, и выбор той или иной из них определялся конкретными природными и ландшафтными условиями.

Обитатели Дона, частично перешедшие уже к кочевому укладу, должны были как-то обеспечивать себя продуктами растениеводства. Племена, жившие на территории Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья, по-видимому, сами занимались земледелием [Горбов, 1996, с. 16; Отрошенко, 1991, с. 128]. М. А. Изотова предполагает, что в снабжении скотоводческих племен Нижнего Поволжья земледельческими продуктами решающую роль играл обмен [Изотова, 1998, с. 39]. Что же касается нижнедонского населения, то мы можем лишь предполагать его источники растительной пищи. Известные нам хорошо изученные кочевые цивилизации могли решать эту проблему разными способами:

1. Хозяйственный симбиоз подвижных скотоводов с расположенными рядом земледельческими народами [Першиц, 1961, с. 8–39; Андрианов, 1989; Байпаков, 1989, с. 337; Мартынов, 1989, с. 289]. Это характерно для устоявшихся кочевых обществ, а не для тех, кочевой уклад которых находится в стадии формирования. Впрочем, возникновение такого симбиоза вполне вероятно у локальных кочевых и оседлых групп.

2. Нет прямых свидетельств того, что нижнедонское пост-срубное население импортировало продукцию растениеводства из областей, населенных оседлыми земледельцами. Однако, нельзя не иметь в виду того, что некоторые находки: подвески, пластинчатые височные кольца

и подвески [Потапов, 2010, с. 155–162], черпак из Кировского I указывают на связь с Северным Кавказом [Потапов, 2005, с. 42, рис. 4, II], а орнаментированный «стакан» из Западенского — на контакты с бондарихинскими племенами. Возможно, уже в то время эти связи постепенно приобретают торговый характер, начинают устанавливаться отношения обмена земледельцев Предкавказья и Доно-Донецкой лесостепи и степняков-скотоводов.

3. Не исключает занятие земледелием и кочевой быт. Это отмечалось рядом исследователей [Вайнштейн, 1972, с. 179, 180; Симаков, 1982, с. 71; Байпаков, 1989, с. 337; Гаврилок, Пашкевич, 1991, с. 61]. Несомненно, те из скотоводов, которые практиковали отгонные или полукочевые формы, сами выращивали некоторые культуры. Вполне вероятно, что население региона, численность которого резко уменьшилась, могло обеспечивать себе минимум необходимых растительных продуктов.

Говоря о различных отраслях ведения сельского хозяйства населением Подонья — скотоводстве и растениеводстве, — мы не можем, ввиду недостаточной источниковой базы, достоверно установить соотношение этих отраслей и их форм в различных частях и зонах рассматриваемого региона. Однако, принимая во внимание природные условия региона и особенности его ландшафтных зон, необходимые условия для ведения скотоводства и земледелия в различных формах, опыт исторического, этнографического и археологического изучения других культур и этносов, наложив все эти факторы на имеющийся в нашем расположении скудный археологический материал, можно оперировать рабочими гипотезами. Предлагаемая схема соотношения хозяйственно-экономических укладов и систем в применении к различным территориям может выглядеть следующим образом:

* Население низовьев Дона и его дельты, скорее всего, практиковало отгонное и придомное скотоводство. Земледелие, занимая подчиненное положение, всё же было в регионе относительно развитым. Весьма существенным был и удельный вес рыболовства.

* Племена, оставившие поселения в высоких поймах и на краю надпойменных террас Дона, Северского Донца, Хопра, Маныча, Сала, а возможно, и других, менее крупных рек, практиковали отгонное и полукочевое скотоводство. Не исключается и наличие в небольших масштабах растениеводства.

* Часть населения перешла уже к кочевому скотоводству, практически постоянно передвигаясь и используя в качестве пастбищ водоразделы, берега балок и небольших степных речушек. Не исключено, что на этих берегах, кочевники оставляли небольшие посева. Зимние пастбища могли быть приурочены как к поймам рек, так и к их во-

доразделам, особенно на Донском правобережье. Весьма вероятны в качестве зимних пастбищ холмы и склоны Донецкого кряжа и Ергеней.

Вероятно, на пост-срубных поселениях существовало домашнее ремесленное производство, однако незначительные раскопки бытовых памятников не позволяют подтвердить это фактическим материалом. Можно лишь предполагать, что потребности населения в посуде, одежде не могли покрываться за счет импорта. Скотовод-

ческая направленность хозяйства предполагает кожевенное производство, и это подтверждается широким ассортиментом орудий труда, связанных с таким производством. О существовании местной металлообработки говорят находки характерных для Подонья и Предкавказья бронзовых двулезвийных ножей с широкой плоскостью, переходящей в ребро или гранью вместо ребра.

Примечания

1 – Включая погребения низовьев Волги и Степного Предкавказья.

2 – Заметим, что и в конце XX века в Подонье на берегах небольших водоемов устраивались колхозные летники для выпаса молодняка КРС, удаленные от стационарных помещений молочно-товарных ферм.

3 – В. Н. Горбов, отстаивающий примат растениеводства в хозяйстве срубного населения северо-восточного Приазовья, предполагает, что возникновение новых поселений вызывалось порой истощением земледельческих угодий и освоением новых, более удаленных территорий с основанием новых поселков [Горбов, 2000, с. 58]. Такие поселения, по В. Н. Горбову, имеют отличную от летников топографическую привязку.

4 – Говоря о растениеводстве, необходимо учитывать то обстоятельство, что освоение тяжелых черноземов южных степей требует больших трудозатрат. Достаточно большие посевные площади здесь удалось освоить лишь при помощи железного плуга [Чередниченко, 1986, с. 51–52]. Технология бронзового века не позволяла возделывать достаточно большие участки, с тем, чтобы продукты растениеводства стали основой рациона питания. Кроме того, климат, как и почвы Донецкого кряжа, Приазовья и донских степей менее благоприятен для растениеводства, нежели черноземные районы степного Поднепровья (ср.: [Котельников, 1963, с. 89, 95–96, 127–129, 142, 144, 156–158]).

5 – Ряд исследователей полагает, что растениеводческий компонент хозяйства был не просто весьма значительным, но доминирующим [Привалова, 1986, с. 25–26; Горбов, 2000, с. 58; Заворотна, 2004, с. 32–33].

6 – Имеется в виду увеличение доли овцы в общем поголовье. Во многих случаях отмечается широкое использование этого вида животных, как более приспособленного, наряду с лошадью, для дальних перекочевок [Толыбеков, 1971, с. 39; Вайнштейн, 1972, с. 16–20; Курылев, 1979, с. 166].

7 – По мнению автора, памятники нурского типа оставлены населением финальной бронзы, позднейшего периода, и представляют одно из наиболее ранних кочевых, «номадных», обществ европейской степи [Потапов, 2003].

8 – В очерке А. В. Никифорова отсутствует подробный анализ хозяйственно-семейной структуры общества сомалийских кочевников. Но совершенно очевидно, что объединение семей являлось основной производственной (кочевой) единицей. Неясно, какой ей соответствовал уровень родоплеменных подразделений. Возможно, что такой единицей были «*группы кровомстителей*», о которых говорится, что они осуществляли захват пастбищ, и, скорее всего, совместно ими пользовались. С другой стороны, тувинскому айлу или казахскому аулу больше соответствует т. н. «*реп*» в значении группа семей, состоящая из более или менее близких родственников, кочующих поблизости друг от друга (т. е. индивидуально владеющих скотом). Интересно, что *реп* в этом смысле слова не имеет места в иерархии социально-племенных подразделений и является уже в большей степени производственной единицей. Можно предположить, что «*группы кровомстителей*», являясь родовым подразделением, выполняли помимо того функцию хозяйственно-кочевого объединения во время некоторых перекочевок, возможно, определенных сезонных кочеваний, а во время выпаса скота на сезонных пастбищах функции основной производственной единицы выполнял *реп* — основная кочевая единица, объединяющая несколько имущественно самостоятельных семей.

9 – В науке эти формы определяются, характеризуются, да и понимаются по-разному. Так, С. И. Руденко считал, что кочевое скотоводство отличается от полукочевого тем, что все кочевое племя переходит с места на место круглый год, не имея постоянных жилищ. А отгонное от кочевого отличается тем, что со стадами откочевывали только пастухи, а не семьи [Руденко, 1961, с. 3–4.] Близкой точки зрения придерживается С. А. Плетнева, которая собственно кочевым считала только таборный вариант, т. е. такой, при котором население постоянно передвигалось со стадами по произвольным маршрутам, не имея постоянных стоянок. Появление ограниченной территории кочевания для каждого сообщества номадов, а также постоянных мест летовок и зимовок, являются уже характеристиками второй стадии кочевания — полукочевого, переходящей в полуоседлую [Плетнева, 1982, с. 13–14, 36–38]. Так же и С. Е. Толыбеков полагал основным признаком кочевого скотоводства постоянное передвижение групп населения без постоянных стоянок, но по стабильным маршрутам. Полукочевое же скотоводство характеризуется пребыванием на одном месте (на стационарных зимниках) не менее полугода, а также наличием жилья и построек для скота [Толыбеков, 1971, с. 467, 474–476]. С. И. Вайнштейн, помимо таборной, к собственно кочевым формам относил и различные варианты кочевания по циклически замкнутым маршрутам с определенными местами сезонных стоянок. Полукочевники имели постоянные поселения со стационарными жилищами и постройками, заселяемые только на зиму [Вайнштейн, 1972, с. 71–73]. Близкой точки зрения придерживался В. П. Курылев, однако одним из признаков полукочевого уклада он считал наличие сенокосения и земледелия [Курылев,

1979, с. 166–169] тогда как С. И. Вайнштейн считал эти занятия вполне приемлемыми и для кочевого быта [Вайнштейн, 1972, с. 51, 179–180]. Более дифференцированный подход к типологии кочевого и полукочевого обнаружил А. М. Хазанов, выделивший пять типов кочевания. В силу этого, предложенная им система более универсальна, нежели предыдущая. Наиболее подвижная форма это та, при которой все население постоянно передвигается по произвольным маршрутам, а наименее — когда кочует лишь часть населения и только часть года [Хазанов, 1974, с. 214; Хазанов, 1975, с. 10–11]. Таким образом, безусловного определения той или иной формы скотоводства, отличий между ними — не выработано. По мнению Г. Е. Маркова, в каждом конкретном случае, в различных природных и исторических условиях эти формы, сосуществуя в том или ином соотношении, имели различные признаки и характеристики [Марков, 1976, с. 9–10]. Иными словами, отличия кочевого скотоводства от полукочевого, по его мнению, количественного характера, и их признаки не являются универсальными. В нашем случае, отказавшись от жесткого соотношения того или иного способа ведения подвижного скотоводческого хозяйства с той или иной дефиниционной формой, следует всё же признать, что кочевое хозяйство характеризуется постоянным передвижением всего сообщества с одного пастбища на другое либо в произвольном порядке, либо по установленным маршрутам. Это не исключает ни достаточно длительного пребывания таких сообществ на одном месте (в местах сезонных пастбищ), ни заготовку кормов для скота, ни занятия другими видами производства (в т. ч. земледелием). Полукочевое хозяйство отличается от кочевого наличием постоянных поселков, совпадающих, как правило, с местами зимних пастбищ, и покидаемых всем населением или его большей частью на период перекочевки на весенние, летние и осенние пастбища. Как правило, при ведении скотоводства такого типа заметнее роль земледелия, стабильность зимней кормовой базы в значительной степени обеспечивается заготовкой кормов. Для такого типа значительно ниже амплитуда кочевания. Оба этих вида автор склонен, вслед за Г. Е. Марковым [Марков, 1976, с. 9; Марков, 1981, с. 84–86], рассматривать как варианты кочевой формы скотоводства. Население, практикующее скотоводство в отгонной форме, проживает в постоянных поселках, которые на время выпаса скота на удаленных пастбищах покидают не все жители, а лишь их часть. Расстояния, покрываемые стадами во время перегона на такие пастбища, существенно ниже, чем в предыдущих случаях. Значение зимнего стойлового содержания скота возрастает, в некоторых случаях оно является единственно возможным. В некоторых случаях скотоводство перестает быть доминирующей отраслью. Приведенная здесь обобщенная характеристика кочевого и полукочевого уклада практически совпадает с предложенной С. В. Махортыхом и М. М. Иевлевым [Махортых, Иевлев, 1991, с. 22–23].

ЛИТЕРАТУРА

- Агульников С.М.** Впускные погребения белозерского времени в курганах Пруто-Днестровского междуречья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье: ЗГУ, 1999. – С. 7–10.
- Андрианов Б.В.** Историческое взаимодействие кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 8–21.
- Байпаков К.М.** Город и степь в эпоху средневековья (по материалам южного Казахстана и Семиречья) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 336–345.
- Березанская С.С.** Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. – Киев: Наукова думка, 1990. – 152 с.
- Бровендер Ю.М.** Поселення зрубної спільності в середній течії Сіверського Дінця: автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Київ, 2000. – 20 с.
- Брумяк И.В., Карпов В.А.** Древняя география и колебания уровня моря (на примере северо-западной части Черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. – 1992. – № 2. – С. 87–97.
- Бунятян Е.П.** Об уровне развития степных обществ Украины поздней бронзы // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. – Воронеж: ВГУ, 2000. – С. 39–42.
- Бунятян К.П.** Напрямки господарчої діяльності населення причорноморських степів доби бронзи // Древности Северского Донца. – Луганск: «Шлях», 2001а. – Вып. 5. – С. 76–84.
- Бунятян К.П.** Генеза кочевого скотоводства у Північному Надчорномор'ї // Магістеріум. – 2001б. – Вып. 6. Археол. студії. – С. 101–105.
- Вайнштейн С.И.** Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. – М: Наука, 1972. – 314 с.
- Ванчугов В.П.** Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. – Киев: Наукова думка, 1990. – 168 с.
- Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А.** Земледельческий компонент в экономике степных скифов конца V–IV в. до н. э. // СА. – 1991. – № 2. – С. 51–64.
- Герасименко Н.П., Горбов В.Н.** Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). – Донецк: изд-во ДонГУ, 1996. – Ч. 2. – С. 47–49.
- Горбов В.Н.** Поселенческие комплексы Приазовья в системе синхронизации западного и восточного кругов культур валиковой керамики // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. – СПб., 1993. – С. 90–93.
- Горбов В.Н.** К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб.: ИИМК РАН, 1995. – Ч. II. – С. 52–72.

- Горбов В.Н.** Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // АА. – Донецк, 1997. – № 6. – С. 145–162.
- Горбов В.Н.** Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: «Східний видавничий дим», 2000. – С. 55–59.
- Грязнов М.П.** Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. – 1955. – Вып. XXIV. – С. 19–29.
- Грязнов М.П.** Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. – 1957. – Вып. XXVI. – С. 21–33.
- Демкин В.А., Демкина Т.С., Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Борисов А.В.** Природная периодизация бронзового века Нижнего Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара: ООО «НТЦ», 2001. – С. 368–371.
- Демкин В.А., Борисова М.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Алексеев А.О.** Природная обстановка в Нижнем Поволжье в эпоху позднего неолита и бронзы (IV–II тысячелетия до н. э.) // II Городцовские чтения. Тр. ГИМ. – 2005. – Вып. 145. – С. 103–107.
- Евдокимов Г.Л.** Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье: ЗГУ, 1999. – С. 99–103.
- Железчиков Б.Ф.** Некоторые вопросы развития скотоводческого хозяйства сарматов Южного Приуралья // Памятники кочевников Южного Урала. – Уфа: БФАН СССР, 1984. – С. 3–17.
- Заворотна Г.В.** Господарство поселень зрубної культури басейну Сіверського Дінця // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали I дослідження. – Донецьк, 2004. – Т. 4. – С. 33–34.
- Зданович С.Я.** Новые материалы к истории скотоводства в Зауралье и Северном Казахстане в эпоху финальной бронзы // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа, 1981. – С. 44–53.
- Изотова М.А.** Поселение Ивановка и его место в системе памятников эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье: ЗГУ, 1994. – С. 67–69.
- Кожевникова Ю.Я.** Домашние животные поселения Зливки // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. – Донецк, 1986. – С. 32–33.
- Кожевникова Ю.Я.** Некоторые аспекты животноводства срубной культуры по материалам поселений // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. – Донецк, 1987. – С. 67–69.
- Кожин П.М.** Показатели кочевого быта Причерноморско-Прикаспийских степей эпохи бронзы // Степь и Кавказ (культурные традиции). Тр. ГИМ. – 1997. – Вып. 97. – С. 47–61.
- Котельников В.Л.** Южная полоса Европейской части СССР. Очерк природы. – М: Географиз, 1963. – 222 с.
- Кузьмина Е.Е.** Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // ВДИ. – 1996. – № 2. – С. 73–85.
- Курылев В.П.** Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы типологии в этнографии. – М: Наука, 1979. – С. 166–173.
- Ларенок П.А.** Раскопки Таганрогской археологической экспедиции и Донского археологического общества в 1995–1997 гг. // ИАИАНД в 1995–1997 гг. – Азов: АКМ, 1998. – Вып. 15. – С. 113–118.
- Ларенок П.А.** Кочевники и торгово-экономические центры дельты р. Дон и Северо-Восточного Приазовья в эпоху железа и средние века // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. – Саратов, 2000. – С. 182–185.
- Ларенок В.А.** Планаография и архитектура Мокро-Чалтырского поселения // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: «Східний видавничий дим», 2000. – С. 26–28.
- Марков Г.Е.** Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // СЭ. – 1981. – № 4. – С. 83–94.
- Марков Г.Е.** Кочевники Азии. – М: изд-во МГУ, 1976. – 320 с.
- Мартынов А.И.** О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н. э // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 284–292.
- Масанов Н.Э.** Дисперсное состояние — всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Вестник АН КазССР. – 1987. – № 3. – С. 29–39.
- Махортых С.В., Иевлев М.М.** О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. – М., 1991. – С. 18–30.
- Мягкова Ю.Я.** Результаты остеологического определения Мокро-Чалтырского поселения // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: «Східний видавничий дим», 2000а. – С. 81.
- Мягкова Ю.Я.** Анализ остеологического материала из поселения Вареновка III // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. – Саратов, 2000б. – С. 239–241.
- Никифоров А.В.** Проблемы кочевого населения Сомали // Ученые записки Советско-сомалийской экспедиции. – М., 1974.
- Новичев А.Д.** Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции // СЭ. – 1951. – № 3. – С. 108–129.
- Отрощенко В.В.** Белозерская культура // Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. – Киев: Наукова думка, 1985. – С. 519–526.
- Отрощенко В.В.** Белозерская культура // Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1986. – С. 111–112.

- Отрошенко В.В.** К вопросу о хозяйстве племен белозерской культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): матер. междунар. конф. (Кишинев, 10–14 декабря 1990). – Киев, 1991. – С. 127–128.
- Отрошенко В.В.** Історія племен срубної спільності: автореф. дис. ... докт. іст. наук. – Київ, 2002. – 33 с.
- Отрошенко В.В.** К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 68–96.
- Отрошенко В.В., Шевченко Н.П.** О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 131–144.
- Паленая С.М.** Кости животных из поселений Доно-Донецкого региона эпохи поздней бронзы: особенности мясного рациона и животноводческой деятельности населения // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000. – С. 82–85.
- Першиц А.И.** Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX – первой трети XX в (Историко-этнографические очерки). – М.: изд-во АН СССР, 1961. – 224 с.
- Плетнева С.А.** Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М.: Наука, 1982. – 188 с.
- Потапов В.В.** Нижнедонские поселения финала поздней бронзы в системе общности культур валиковой керамики // Донская археология в XX веке: становление, развитие, достижения. – Ростов-на-Дону, 2000а. – С. 33–35.
- Потапов В.В.** Памятники конца эпохи поздней бронзы на р. Смела // ДА. – 2000б. – № 3–4. – С. 62–69.
- Потапов В.В.** Жилища поселения Вареновка III // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: «Східний видавничий дім», 2000в. – С. 23–28.
- Потапов В.В.** Поселение эпохи поздней бронзы Вареновка III в восточном Приазовье // ИАИАНД в 2001 году. Вып. 18. – Азов: АКМ, 2002. – С. 70–94.
- Потапов В.В.** К вопросу об относительной хронологии нурских стоянок // РА. – 2003а. – № 3. – С. 117–123.
- Потапов В.В.** О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // II Городцовские чтения. Тр. ГИМ. – 2005. – Вып. 145. – С. 138–150.
- Потапов В.В.** Пластинчатые височные кольца и подвески на Нижнем Дону и в Предкавказье (Финальный этап эпохи бронзы) // РА. – 2010. – № 1. – С. 155–157.
- Привалова О.Я.** К вопросу о развитии земледельческо-скотоводческого хозяйства у срубных племен Северного Приазовья и бассейна Северского Донца // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. – Донецк, 1986. – С. 25–26.
- Руденко С.И.** К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии. – Л., 1961. – Вып. 1. – С. 2–15.
- Симаков Г.Н.** О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX – начале XX века // СЭ. – 1982. – № 4. – С. 67–76.
- Таиров А.И.** Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в начале I тысячелетия до н. э. // Кочевники Урало-Казахстанских степей. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 3–23.
- Толыбеков С.Е.** Кочевое общество казахов в XVIII – начале XX века. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 634 с.
- Тортика А.Х., Михеев В.К.** Методика эколого-демографического исследования традиционных кочевых обществ Евразии // Средневековые древности Евразийских степей. – Воронеж: изд-во ВГУ, 2001. – С. 141–161.
- Усачук А.Н.** Коллекция костяных изделий срубного поселения Безыменное II // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). – Донецк, 1996. – Ч. 2. – С. 21–27.
- Усачук А.Н.** Костяной инвентарь поселения срубной культуры у хутора Красный Яр на Дону // АА. – 1997. – № 6. – С. 173–180.
- Хазанов А.М.** Сармато-калмыцкие параллели // Проблемы алтаистики и монголоведения. – Элиста, 1974. – Вып. 1. – С. 213–219.
- Хазанов А.М.** Социальная история скифов. – М: Наука, 1975. – 344 с.
- Хреков А.А.** К вопросу о памятниках финальной бронзы Волго-Донского Лесостепного междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 г. – Саратов: Научная книга, 2003. – Вып. 5. – С. 103–128.
- Чередниченко Н.Н.** Срубная культура // Березанская С.С., Отрошенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафудинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1986. – С. 44–82.
- Черниенко Ю.А.** Строительное дело населения белозерской и сабашиновской культур Днестро-Пруто-Дунайского междуречья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): матер. междунар. конф. (Кишинев, 10–14 декабря, 1990). – Киев, 1991. – С. 130–131.
- Черников С.С.** Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ. – 1957. – Вып. XXVI. – С. 28–32.
- Эрдниев У.Э.** О так называемых калмыцких «родах» (конец XIX – начало XX вв.) // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. – Элиста, 1967. – Вып. 5. Сер. историч., ч. 1. – С. 132–144.

А. Е. Рогожинский

А. Е. Рогожинский

Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», Алматы

A. E. Rogozhinskiy

*Research and restoration laboratory «Ostrov Krym»,
Almaty*

e-mail: alexeyro@hotmail.com

Знаки и надписи «камня Тамгалытас» на окраине Бетпакдалы

Аннотация. Отрывочные сведения о локализации в западной части пустыни Бетпакдала скалы со старинными надписями и клановыми знаками («камень Тамгалытас») относятся к концу XVIII–XIX в. Памятник неоднократно посещали в XX в. географы, геологи, биологи и этнографы, но специальное историко-археологическое изучение впервые проведено только в 2009 г. Суперпозиция знаков (более 60) и эпиграфики, а также сравнительно-типологический анализ клановых символов показали, что наиболее ранние тамги могут относиться к средневековым племенам огузов IX–X вв. Поздние надписи и тамги казахов Среднего жуза датируются в основном XIX – началом XX в. «Камень Тамгалытас» представляет собой особый вид памятников культуры кочевников и является самым крупным среди известных сегодня в западной части Центральной Азии скоплением клановых знаков.

Ключевые слова: Бетпакдала, Сарысу, Тамгалытас, казахи, огузы, тамга, эпиграфика.

Signs and inscriptions of the «Tamgalytas stone» on the periphery of Betpakdala desert

Abstract. Fragmentary evidence on localization of a rock with old inscriptions and clan marks (called “Tamgalytas stone”) that situated in the western part of Betpakdala Desert became available since the end of the 18th – 19th century. During the 20 century the site was repeatedly visited by geographers, geologists, biologists and ethnographers, but special historical and archaeological studying for the first time was carried out only in 2009. The superposition of signs (more than 60 figures) and an epigraphic, and also the comparative and typological analysis of signs were shown that the earliest tamgas can belong to the medieval Oguz tribes (9–10 cc.). Late inscriptions and tamgas belonged to Kazakhs of the Middle Juz are dated mostly with the period between 19 – beginning of the 20 century. The “Tamgalytas stone” represents a special type of the nomadic cultures heritage, and is the largest assembly of clan signs among known in the western part of Central Asia.

Keywords: Betpakdala, Sarysu, Tamgalytas, Kazakhs, Oguz, tamga, epigraphy.

Обзор сведений по истории изучения памятника

Одно из наиболее ранних упоминаний местности в низовьях Сарысу с многозначительным названием «Тамгалы» содержит запись от 3 августа 1796 г. в путевом журнале дипломатической поездки подпоручика Дмитрия Телятникова и сержанта Алексея Безносикова с Иртышской линии в Ташкент: «в сей день окончились пески. Поход был SW 25° до половины дня, а с половины – SW 75° до урочища *Тамгалы*, из коего истекает ключ пресной воды» [ИКРИ, 2007, с. 159]. Однако в документе нет ни слова о других достопримечательностях урочища. Принято думать, что А. И. Шренк «первый дал научное описание знаменитой писаницы Тамгалытас» [Маргулан и др., 1966, с. 26–27], но материалы его путешествия в 1840–1843 гг. по западной оконечности Бетпакдалы остаются малодоступными [Яковлев,

1941, с. 22]. Лишь в последней четверти XIX в. появляются письменные источники, достоверно сообщающие о *камне Тамгалытас* с надписями и изображениями знаков.

Участник Хивинского похода 1839–1840 гг., русский военный историк М. И. Иванин (1801–1874) в примечании к обзору сведений восточных авторов о походе Тимура на Золотую Орду в 1391 г. отметил, что «на реке Сары-Су, не доходя 120 верст до устья ее, к стороне р. Чу, выдается мыс, известный киргизам (казахам) под именем Тамгалы-Джар, где с незапамятных времен хранится на берегу р. Сары-Су дикий камень, на котором высечено до 500 тамг, или печатей. Место это находится на караванной дороге из Ташкента на Петропавловскую крепость; некоторые из отрядов Тамерлановой армии, вероятно, шли мимо мыса Тамгалы-Джар, поэтому можно предположить, что высеченные

тамги были вырезаны по приказанию Тамерлана. Любопытно было бы знать смысл их, может быть в них заключается какой-либо исторический документ. Туркестанское начальство легко могло бы получить копии их» [Иванин, 1875, с. 196]. Предположение о связи памятника с походом Тимура оказалось ошибочным: камень с надписью знаменитого завоевателя был обнаружен в 1935 г. геологом К. И. Сатпаевым в предгорьях Улытау и позже хорошо изучен [Григорьев и др., 2004; От Алтая до Каспия, 2011, с. 535–537].

М. И. Иванин не указывает источник приведенных им сведений о камне Тамгалытас, хотя сообщает ряд географических ориентиров о местоположении памятника. Как известно, вплоть до 1870-х гг. сведения по географии Туркестанского края – тогда еще мало изученного – были весьма ограничены [Макшеев, 1871, с. 12–17]. Свои картографические материалы М. И. Иванин разрабатывал преимущественно на основе расспросных данных, собиравшихся им в Хивинском походе и позже, в годы службы во временном совете по управлению Внутренней (Букеевской) ордой в 1853–1856 гг. [Иванин, 1864, с. 21; 1873, с. 2–3]. По-видимому, сообщение о Тамгалытас с указанием неправдоподобно большого количества знаков является пересказом народных повествований о примечательном месте на северо-западной окраине Бетпакадалы.

В то время как М. И. Иванин заканчивал свое последнее военно-историческое сочинение, район местонахождения Тамгалытас стал объектом специального изучения. В архивных документах канцелярии генерал-губернатора Туркестанского края сохранилась переписка 1870–1890-х гг. об урегулировании земельного вопроса по поводу пользования летними кочевками в низовьях рек Сарысу и Чу казахами Сырдарьинской и Акмолинской областей [ЦГА РУз., И-1, оп. 14, д. 600; ЦГА РУз., И-1, оп. 16, д. 755, 911]. Для разрешения многолетних споров между кочевниками начальник Перовского уезда Сырдарьинской области майор Калугин совершил в 1877 г. служебную поездку в этот малообитаемый район и составил его схематическую карту (рис. 1, 1). Удалось выяснить, что Сарысу соединяется с Чу через свой проток Боктыкарын, на левом высоком берегу которого в качестве ориентиров для проведения административной границы смежных областей на карте отмечены возвышенности Тамгалы-Джар и Тамгалы-тау, расположенные на юго-восточной стороне солончака Тамгалытуз [ЦГА РУз., И-1, оп. 16, д. 911, л. 34, 35]. Но и здесь отсутствуют какие-либо упоминания о памятнике-эпониме.

Первоначальное обследование и научное описание Тамгалытас принадлежит Ю. А. Шмидту (возможно, впервые после А. И. Шренка), проводившему в 1888–1889 гг. полевые астрономи-

ческие и метеорологические измерения в долине Сарысу, связанные с подготовкой этого района Акмолинской области к топографической съемке. Опубликованное Ю. А. Шмидтом описание памятника и прилегающей местности открывает историю его изучения: «Если следовать к востоку (от Сарысу) ... через 22 версты достигаем урочища Тамгалы-Таса, которое находится на вершине Тамгалы-Джара и славится своим священным камнем; камень этот принадлежит к песчаникам, величиною в три кубические сажени, с высеченными на нем клинообразными иероглифами и цветными лоскутками, которыми киргизы (казахи) украсили окружающие камень кусты боялыша; ... рядом находится обширное киргизское (казахское) кладбище. Ключ Тамгала находится в вершине оврага в 100 сажнях от камня» [Шмидт, 1894, с. 59–60]. Благодаря изысканиям Ю. А. Шмидта получена информация о точном местонахождении «камня», использованная в дальнейшем при составлении военно-топографических карт. На десятиверстной карте Западно-Сибирского военного округа 1896 г. (Р. XIV, л. 8), в деталях передающей рельеф местности, на южном берегу соленого озера Тамгалытуз, на возвышенном урочище Тамгалы-Джар, указан «камень Тамгалы-Таш» рядом с родником Тамгалы (рис. 1, 2).

В 1895 г. во время поездки по делам затянувшейся земельной тяжбы между кочевниками Сырдарьинской и Акмолинской областей переводчик Атбасарского уезда Хасан Бекхожин (с 1890 г. выступал в качестве доверенного лица от казахов рода баганалы племени найман того же уезда [ЦГА РУз., И-1, оп. 16, д. 911, л. 227 и об.]) осмотрел Тамгалытас, зарисовал знаки на камне и сопроводил переводом некоторые имевшиеся здесь надписи; кроме того, им впервые был сделан фотографический снимок камня. Вероятно, первое научное документирование памятника выполнено Х. Бекхожиным по личной просьбе Л. Кузнецова, краеведа и военного врача Атбасарского уезда, который сам вряд ли видел «камень Тамгалытас»: «Ознакомившись с указаниями Иванина, я заинтересовался надписями на камне Тамгалы-Тас и во время одной из поездок, еще в 1895 г., камень этот был сфотографирован ... Х. Бекходжиным; и им же были от руки срисованы надписи. К сожалению, и фотографический снимок и рисунок довольно плохи» [Кузнецов, 1927, с. 123].

Ознакомившись таким образом с памятником, Л. Кузнецов пришел к заключению, что «на камне вовсе не иероглифы, как писал Шмидт, а высечены тамги разных племен. ... Когда высечены были эти надписи на Тамгалы-Тас, среди населения не имеется никаких преданий, и киргизы (казахи) относят их к незапамятной эпохе. ... Находящиеся по краям камня надписи на тюрк-

ском языке могут быть и позднейшего происхождения» [Кузнецов, 1927, с. 123–124]. Вместе с короткой заметкой Л. Кузнецов опубликовал серию надписей и знаков Тамгалытас; здесь же

записан перевод некоторых текстов, в том числе следующего содержания: «Кара-Найман, Алчин, Аргын, Кара-кисек, Койсын, Табын, мулла Карчике. Господь помилует их шесть». Ниже на-

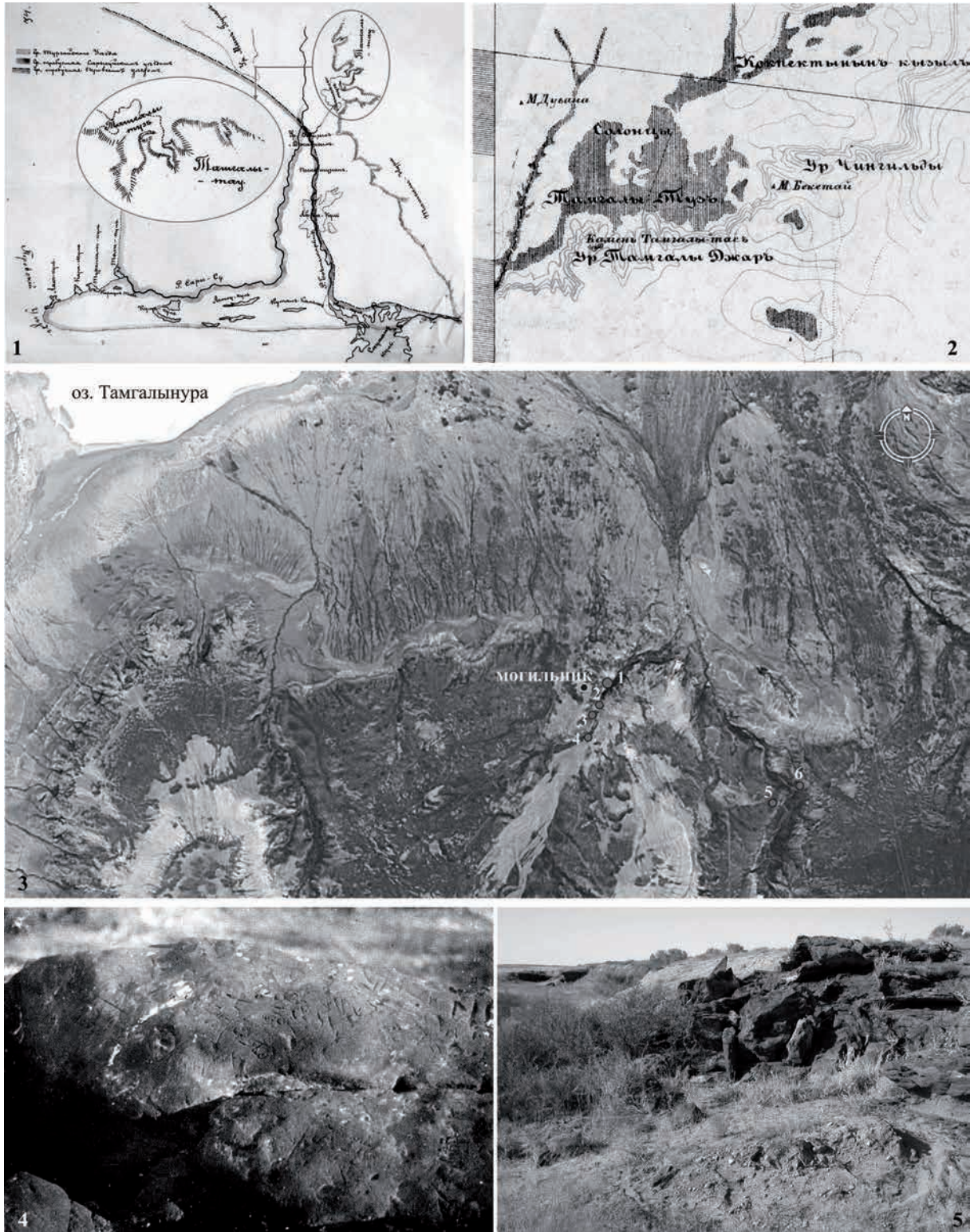

Рис. 1. Урочище Тамгалыжар. 1 – схематическая карта, 1877 г.; 2 – «камень Тамгалытас» на карте 1896 г.; 3 – план расположения памятников ур. Тамгалыжар (1 – «камень Тамгалытас»; 2–4 – скопления урод. Тамгалы; 5 – монумент Тамгалытас; 6 – периферийное скопление тамг); 4 – «камень Тамгалытас», по: [Маргулан, 2003, рис. 361]; 5 – современный вид «камня Тамгалытас»; фото А. Е. Рогожинского, 2009 г.

рисованы шесть разных тамг и добавлено примечание: «Перевод сделан Бек-Хаджи». Очевидно, опубликованные Л. Кузнецовым тексты и переводы Тамгалытас, а также изображения знаков, нельзя признать автографами Хасана Бекхожина 1895 г., поскольку все подписи выполнены по правилам современной русской орфографии. Иллюстрация к статье тоже, вероятно, подготовлена Л. Кузнецовым по старому рисунку и некачественной фотографии; всё это не позволяет считать помещенный в статье документ полностью достоверным источником. Этими немногими сведениями исчерпываются результаты начального этапа изучения памятника.

В советское время Тамгалытас посещался разными учеными. Осенью 1934 г. памятник осмотрен участниками естественнонаучной экспедиции Среднеазиатского государственного университета (САГУ) под руководством зоолога В. А. Селевина, о чем свидетельствует глубоко выбитая на вертикальной поверхности песчаника надпись, находящаяся в 165 м от «камня», выше родника. В публикации результатов экспедиции исследователь сообщает: «Виденные нами здесь в 1934 г. эти тамги проводником расшифровывались как казакские. Среди них имеются надписи совсем недавнего происхождения» [Селевин, 1935, с. 31]. Чуть раньше, в 1927–1931 гг., здесь проходил маршрут знаменитой геолого-гидрологической экспедиции Д. И. Яковлева, своими работами в Бетпакдале «закрывшей “белое пятно” в наших знаниях географии и геологии этой почти неисследованной обширной части Казахстана, по площади значительно превышающей Бельгию и Голландию, вместе взятые» [Яковлев, 1941, Предисловие], – и об этом свидетельствует одна из надписей в Тамгалыжар.

В середине 1930-х гг. геолог К. И. Сатпаев, изучая рудные месторождения Джезказганского района, выявил и обследовал ряд древних памятников, а также впервые зафиксировал существовавшее среди части казахов Среднего жуза историческое предание о происхождении знаков Тамгалытас. В частности, он записал, что «в низовьях р. Сарысу, в 20 клм. от нее на восток, в урочище Тангбалы-нура, имеется утес, где высечены на камне родовые знаки (тамги) почти всех родов и племен, входящих в состав казахского народа. Народное предание среди коренного населения района (найманов) говорит о том, что именно здесь у ключа Тос-булак имело место первое историческое совещание родов об организации новой народности «казах», решение которого будто бы зафиксировано здесь скоплением на утесе родовых знаков всех участвовавших на совещании племен. ... Важное стратегическое значение гор Улу-тау было достойно оценено и новой народностью «казах», создавшей здесь свой политический центр» [Сатпаев, 1941, с. 71]. По

всей видимости, К. И. Сатпаев лично не посетил памятник: местонахождение Тамгалытас указано им приблизительно, неточно переданы топонимы (опечатки?) и географические ориентиры, не упомянуто название «утеса», а главное – отсутствует геолого-геоморфологическая характеристика, которую профессиональный геолог в других случаях неизменно давал при описании знакомых ему археологических объектов (например, о петроглифах Байконура – «множество рисунков, высеченных на крутопадающих плоскостях отдельности в метаморфических сланцах», или о надписи Тимура – «несколько ниже по склону» «каменная плита из тех же темных амфиболитов» «с ошлакованными и глазированными поверхностями» [Сатпаев, 1941, с. 69, 72]).

Со времени первых поисковых маршрутов ЦКАЭ эпиграфика Тамгалытас привлекла внимание ее руководителя, члена-корреспондента АН КазССР, а затем академика А. Х. Маргулана: «Большая серия родовых знаков, высеченных на скалах, находится в районе озера Тамгалы-Нура, недалеко от низовьев Сары-Су. Казахские устные предания связывают эти тамги с делением казахов на три сотни, когда каждый жуз получил свой родовой знак в этой местности, но никаких данных нет, когда это произошло. Судя по надписям, большинство этих тамг относится к XV–XVIII вв.» [Маргулан, 1948, с. 127]. К сожалению, материалы обследования памятника долгие годы оставались неопубликованными. Даже в капитальном научно-справочном издании «Археологическая карта Казахстана» составители были вынуждены сослаться на устное сообщение А. Х. Маргулана о местонахождении наскальных изображений «около оз. Тамгалы» [АКК, 1960, с. 195, 400; №2837], упомянув следом как самостоятельный памятник «Тюркские надписи и около 500 казахских тамг – на камнях Тамгалытас, на берегах р. Сарысу, в 120 км от ее устья. В 1927 г. обследованы Л. Кузнецовым» [АКК, 1960, с. 195, 400; № 2838]. Только в поздних работах ученого, изданных посмертно, можно найти указания на личное знакомство с памятником: «Их (знаки) впервые осмотрел путешественник А. И. Шренк, записавший большую серию тамг (Архив АН СССР), затем их изучали А. Кузнецов, К. И. Сатпаев, В. А. Селевин и автор этих строк» [Маргулан, 1997, с. 36]. Впрочем, новых конкретных данных о местоположении Тамгалытас, о количестве тамг и разнообразии форм знаков, о характере эпиграфики А. Х. Маргулан не приводит. Его интерпретация исторического значения памятника основана на пересказе записанной ранее К. И. Сатпаевым народной этимологической легенды и на произвольном изменении сделанного Х. Бекхожиным перевода одной из надписей Тамгалытас: «кыпчаки, найманы, алчины, аргыны (каракесек), уй-

сыны (куйсын) и табыны! О дай благоденствие этим шестерым!» [Маргулан, 1997, с. 36–37]. Как первоисточник, наибольшую ценность представляет старый, без даты создания, фотоснимок камня Тамгалытас (рис. 1, 4), включенный в том 3 сочинений ученого [Маргулан, 2003, рис. 361].

В наши дни специальное историко-археологическое исследование Тамгалытас осуществлялось дважды. В 2009 г. обследование памятника проведено археологическим отрядом (А. Е. Рогожинский) комплексной экспедиции КазНИИ по проблемам культурного наследия номадов, выполнявшей научные изыскания для подготовки «Историко-культурного атласа казахского народа» под руководством И. В. Ерофеевой. Некоторые результаты этих исследований нашли отражение в печати [Историко-культурный атлас..., 2011, с. 172–173; Рогожинский, 2011, с. 219–220]. Вслед за этим, в 2013 г., самостоятельное изучение памятника предпринято археологической экспедицией Шымкентского областного историко-краеведческого музея (А. А. Ержигитова).

Памятники урочища Тамгалыжар

Современное территориально-административное положение «камня Тамгалытас»: Южно-Казахстанская обл., Сузакский р-н, в 155 км к северу от аула Аксумбе, в 120 км к северо-западу от аула Кыземшек, северо-западная оконечность пустыни Бетпакадала, на левом берегу р. Боктыкарын (рукав р. Сарысу), на юго-западном побережье оз. Тамгалынура, в урочище Тамгалыжар, возле родника Тамгалы.

В западной части урочища Тамгалыжар высокая озерная терраса изрезана короткими эрозионными долинами (логами), в одной из которых есть пресный источник – родник Тамгалы (рис. 1, 3). Выше него по левому борту лога на протяжении 200 м находится несколько обособленных обнажений крупнозернистого песчаника. Субстрат имеет рыхлую структуру, легко поддается обработке; поверхность камней шероховатая, красновато-коричневых оттенков, местами покрыта черной патиной («пустынным загаром»). Обнажения песчаника залегают на перемежающихся слоях песка и глин; водная эрозия и выветривание создали здесь немало живописных форм, но одновременно являются основными факторами разрушения твердых пород, дезинтеграции монолита и выпадения обломков. Наиболее заметны разрушения на ближнем к роднику обнажении песчаника, которое и является остатками «камня Тамгалытас». Именно здесь обнаружено наибольшее количество древних знаков и разновременных надписей. Выше «камня» по левому и правому борту лога находятся еще три обнажения песчаника с небольшим количеством надписей и знаков. Всего здесь имеется четыре скопления наскальных рисунков и разновременных надписей.

Скопление 1 («камень Тамгалытас»).

Сегодня это группа крупных обломков песчаника, часть которых еще сохраняет устойчивое положение на месте, другая – обрушилась (рис. 1, 5). На северной и южной стороне «камня» сохранились участки лицевой поверхности с изображениями нескольких знаков (рис. 2, 1, 2) и арабографичными надписями, местами закрытых лишайниками и соседствующих с современными «автографами». Позднейшие надписи обильно покрывают участки скалы, обнажившиеся в результате разрушения верхней части «камня». При осмотре на дне трещины в центре «камня» найдена монета СССР номиналом 3 копейки 1924 г.; находка сфотографирована и оставлена на месте. У основания скалы обнаружено 15 обломков разной величины, на гранях которых имеются древние и современные знаки и надписи.

Особо выделяется фрагмент 15 – крупный обломок (длиной около 1,5 м), грани которого испещрены древними надписями и знаками. Насчитывается не менее десяти арабографичных надписей, отличающихся по расположению строк, палеографии, по технике (выбитые, протертые или процарапанные острым инструментом), глубине и степени выветренности. Некоторые надписи сопровождаются тамгами (рис. 2, 7), среди которых преобладают знаки в виде двух наклонных линий, иногда – с дополнительной соединительной чертой у края. Самый ровный участок боковой грани занимает арабографичная надпись с тамгой (рис. 2, 8), расположенная справа («Карим бек Дулат», XIX в.; перевод и датировка Т. К. Бейсембиева). Надписи и тамги перекрывают местами более древние знаки нескольких разновидностей. Современные «автографы» датированы «24/VI.44», «1944». В целом выделяется четыре группы разновременных знаков и текстов: «древняя» (знаки без эпиграфики), «ранняя» и «поздняя» арабографичная эпиграфика и тамги, а также современные «автографы». Внешний вид обломка и отдельные различимые тексты позволяют уверенно отождествить его с верхней частью «камня Тамгалытас», представленного на фотоснимке, опубликованном в томе 3 сочинений А. Х. Маргулана.

На фрагментах 1–5 и 13 сохранились прорезанные или глубоко протертые древние знаки различных форм (рис. 2, 3, 5, 6), арабографичная надпись в две строки («Мукатай Касым», XIX в.; перевод и датировка Т. К. Бейсембиева), а также много современных граффити. На фрагментах 6–12 и 14 имеются только современные надписи, датированные 1974, 1978, 1987 и 1997 гг.

На «камне Тамгалытас» вместе с изображениями на его обломках зафиксировано не менее 40 древних знаков 12 разновидностей, более 10 арабографичных надписей, которые иногда тоже

Скопление 3. На поверхности скалы преобладают современные надписи, в том числе «Бетпакадалинская экспед[иция]. Селевин. Миронов. Карпенко. 23/IX. 1934» (во вторую Бетпакадалинскую экспедицию В. А. Селевина в 1934 г. вошли геоботаник Б. А. Миронов и зоолог В. П. Карпенко); «Экспед[иция] Яковлева» (Д. И. Яковлев, 1927–1931 гг.), а также надпись участников еще одной, по-видимому, геолого-разведочной группы – «Экспед[иция] 1958 г. Лисунов. Михайлов. Кроха[лѐв?]». На южной грани имеются современные «автографы» и арабографичная надпись. Наиболее поздняя дата надписей – 1983 г. У подножия скалы – три крупных обломка песчаника; на одном из них видны глубоко вырезанные знаки различных форм.

Скопление 4. Крупное обнажение песчаника с вертикальной поверхностью (высота около 3 м, длина более 5 м) и небольшим навесом. Хорошо сохранились две арабографичные надписи (рис. 3, 1, 2); слева от одной из них прорезана тамга «кос алип». Вторая надпись содержит имя: «Курманбай Муса», XIX в. (перевод и датировка Т. К. Бейсембиева). Остальные надписи выполнены кириллицей. На противоположном склоне долины, на крупном обломке песчаника вырезана современная надпись на казахском языке.

Некрополь. На левой террасе долины, в непосредственной близости от «камня Тамгалытас», расположен безымянный некрополь, упоминаемый Ю. А. Шмидтом. Кладбище занимает небольшую возвышенность и состоит примерно из 20 погребальных сооружений различной сохранности и вида. В центре сосредоточены могилы в виде невысоких земляных насыпей округлой формы. На отдельных насыпях имеются своеобразные сооружения высотой до 2 м из уложенных рядами веток кустарника, чередующихся со слоями глины. На юго-восточной стороне одной из могил сохранилась каменная плита (50 x 60 см) с эпитафией и глубоко прорезанной тамгой «кос алип» (рис. 3, 3). Арабский текст в три строки: «Ла ила илалла Мухаммад расул Алла» (нет бога кроме Аллаха, Мухаммад пророк Его); перевод текста выполнен востоковедом Т. К. Бейсембиевым, предполагающим его датировку концом XIX – началом XX в. Вдоль края террасы находятся руины не менее четырех мавзолеев, сложенных из сырцового кирпича; обожженный «царский» кирпич замечен в основании одного мавзолея, возможно, наиболее позднего в некрополе.

Монумент Тамгалытас. В 1,2 км к юго-востоку от «камня Тамгалытас», на левом берегу другой эрозионной долины, находится полуразрушенный современный памятник, сложенный из белого кирпича (рис. 2, 4, 5). На массивном основании возвышается кирпичная стена, в которой на цементном растворе закреплен крупный обломок песчаника с вырезанными на нем древними знаками. Камень красновато-коричневого

цвета, местами покрыт черной патиной и лишайниками; размеры плиты 0,7 x 0,9 м, толщина около 10 см. Знаки глубоко вырезаны на поверхности (до 1,0–1,5 см). Всего насчитывается восемь знаков; дважды повторяется фигура из двух параллельных линий, остальные – тамги различного типа. Поверхность знаков местами покрыта черной патиной. Используемая для сооружения монумента плита со знаками, возможно, является одним из обломков «камня Тамгалытас», но скорее происходит из другого местонахождения подобных петроглифов. Обследование долины, на краю которой установлен памятник, дает основание для такого предположения.

Периферийное скопление знаков. В 120 м к востоку от монумента, на правом склоне глубокой эрозионной долины, обнаружено небольшое скопление камней со знаками-тамгами (рис. 3, б). Никто из исследователей Тамгалытас XIX–XX вв. не упоминает об этом местонахождении; по-видимому, оно обнаружено и исследовано автором впервые.

Здесь нет крупных скальных обнажений, как в долине с «камнем Тамгалытас», и граффити нанесены на обособленно лежащие плиты песчаника. Эта особенность местонахождения позволяет считать, что камень со знаками на монументе Тамгалытас мог быть взят именно отсюда. На четырех плитах обнаружены изображения знаков, выполненные сходной техникой глубокой резьбы (0,5–1 см). В двух случаях знаки образуют собирания тамг разного типа (рис. 3, 7, 8), в остальных – это одиночные знаки. Всего выявлено 17 отдельных знаков, представленных девятью разновидностями; найдены только три современные надписи и совсем отсутствует арабографичная эпиграфика.

Таким образом, при обследовании урочища Тамгалыжар в 2009 г. выявлено два обособленных местонахождения эпиграфики и знаков: в долине с «камнем Тамгалытас» и в соседней безымянной долине, включая тамги на камне из монумента. Общее количество обнаруженных знаков превышает 60 изображений. Кроме знаков геометрических форм здесь не найдено ни одного зооморфного или антропоморфного наскального рисунка. Это позволяет рассматривать данное местонахождение петроглифов как особый вид памятников истории и культуры, традиционно именуемых в западной части Центральной Азии «тамгалытас» («тамгалыташ», «танбалытас») [Рогожинский, 2014, с. 536–537], и относить его к крупнейшим скоплениям достоверительных знаков, известным к настоящему времени в Казахстане и Средней Азии.

Относительная датировка и сравнительный анализ знаков

Для определения относительного возраста и происхождения знаков важную роль играет сопутствующая эпиграфика, изучение которой,

к сожалению, еще не завершено, а имеющиеся немногие данные позволяют сделать лишь ряд предварительных заключений.

Позднейший период истории памятника характеризуется многочисленными посетитель-

скими надписями на русском и казахском языках, охватывает время с начала 1930-х годов до конца XX века, связан с активной поисково-разведочной научной деятельностью в западной Бетпақдале и хозяйственным освоением района.

Рис. 3. Памятники урочища Тамгалыжар. Фото А. Е. Рогожинского, 2009 г.

Арабографичная эпиграфика в основном тоже относится к разряду посетительской. Так, удостоверительный знак, сопровождающий один из «автографов» на «камне Тамгалытас», напоминает тамгу рода сарыжомарт племени найман казахов Среднего жуза [Таласбаева, 2014], компактное расселение которого со второй половины XVIII в. связано с северо-восточными районами Сарыарки [Востров, Муқанов, 1968, с. 174, 178]. В то же время, одна из непрочитанных надписей в скоплении 4 у родника Тамгалы сопровождается знаком, который можно, наряду со знаком на плите с эпитафией из некрополя, уверенно отождествить с кыпчакской тамгой «кос алип». Помимо основных районов компактного расселения этого многочисленного казахского племени Среднего жуза, отдельные подразделения кыпчаков во второй половине XIX в. населяли Перовский уезд Сырдарьинской области и пользовались летними кочевками в долине Сарысу, на административной территории Тургайской и Акмолинской областей [Востров, Муқанов, 1968, с. 148–149]. Возможно, памятники урочища Тамгалыжар (могильник и надписи с тамгой кыпчаков) отражают порядок землепользования, сложившийся после образования Сырдарьинской области (1868 г.), который на протяжении ряда лет в интересах кочевого населения края отстаивал перед омской администрацией военный губернатор Н. И. Гродеков: «Если безусловно запретить означенным кочевникам, – докладывал он в 1891 г. туркестанскому начальнику, – пользоваться обычными их кочевьями в Атбасарском уезде, как того требует Степной генерал-губернатор, то скот их, лишившись последних пастбищ, неизбежно погибнет и произойдет народное бедствие» [ЦГА РУз., И-1, оп. 16, д. 911, л. 237].

Крайне сложно проследить взаимосвязь и суперпозицию арабографичных надписей и знаков на «камне Тамгалытас». Здесь выделяется небольшое собрание из четырех тамг, прорезанных на камне сходным способом и выстроенных в ряд, но нельзя утверждать, что они связаны с размещенной выше двустрочной надписью (рис. 2, 7). Можно заметить, что на лучших участках поверхности надписи «вписаны» между знаками в свободное пространство; в отдельных случаях одни знаки перекрывают другие. Очевидно, какая-то часть древних знаков предшествовала на «камне» созданию арабографичных надписей.

На двух обломках «камня» лучшую часть поверхности занимают большие и глубоко протертые знаки, в то время как остальные тамги – меньших размеров, вырезаны иным способом и располагаются вокруг них на неровных, шероховатых участках. В одном случае малая тамга перекрывает поверхность большого знака (рис. 2, 5). Арабографичных надписей здесь нет, и оба фрагмента, судя по виду, составляли верхнюю, относительно ровную горизонтальную часть

«камня Тамгалытас», где находилась древнейшая часть «энциклопедии тамг».

На основании этих наблюдений можно предположить, что древний период истории «камня Тамгалытас» включает два этапа оформления его поверхности: «дописьменный» (свободное размещение знаков на наиболее удобных гранях) и эпиграфический, когда арабографичные тексты (иногда с тамгами) создавались на оставшихся незапятнанными участках скалы. Существование «дописьменного» этапа истории памятника подтверждается отсутствием древней эпиграфики в периферийных скоплениях петроглифов Тамгалыжар, знаки которых обнаруживают сходство с наиболее ранними тамгами «камня Тамгалытас».

В скоплении тамг из периферийного местонахождения выделяется девять типов знаков, пять из них тождественны тамгам на плите из монумента, а вместе здесь насчитывается 11 форм. На «камне Тамгалытас» и его обломках удастся распознать не менее 12 типов знаков, из которых только 5–6 совпадают с тамгами периферийных скоплений. При этом среди сходных форм велика доля простейших типов (№1, 2, 8); в то же время среди тамг обоих местонахождений выделяется группа более сложных знаков, присутствующих исключительно на «камне Тамгалытас» (№12, 13, 15–19) или в периферийных скоплениях (№5–7). Рассматривать обе группы тамг как разновременные веских оснований не имеется, поскольку граффити очень сходны по технике исполнения и другим параметрам. Указанные сходства и отличия знаков двух обособленных местонахождений могут свидетельствовать о принадлежности тамг двум родственным, но самостоятельным объединениям – при условии их сосуществования на данной территории в какой-то исторический период. Принимая такое допущение, рассмотрим результаты сопоставления объединенной серии знаков урочища Тамгалыжар (рис. 4) с известными тамгами ряда современных и средневековых номадов региона.

Сопоставление с казахскими тамгами выполнено по материалам дореволюционных и современных исследований, опирающихся на аутентичные источники по родоплеменным знакам казахов Младшего (Кіші) [Добросмыслов, 1893, табл. I; Ажигали, 2002, табл. V], Среднего (Орта) [Коншин, 1905, с. 104–105; Муқанов, 1974; ИКРИ, Т. 8, с. 921–922; Таласбаева, 2014] и Старшего (Ұлы) жузов [Рогожинский, 2010]. Наибольшее сходство обнаруживают тамги казахов Младшего жуза (47%); доля совпадений с клановыми знаками Среднего и Старшего жузов составляет 21%. В целом, степень типологического сходства объединенной серии знаков из Тамгалыжар с казахскими тамгами оценивается в 63%. Показательно отсутствие среди тамг казахов ряда сложных типов (№7, 12, 13, 19), входящих в собрания знаков

№	Тип знака	"камень"	монумент	периферия	казахские тамги			туркменские тамги	тамги огузов	тамги кашкаев
					Кіші	Орта	Ұлы			
1	⌋	●	●	●	●		●	●		
2	⌋⌋	●	●	●	●	●		●		
3	⌋⌋⌋	●		●				●		
4	⌋⌋⌋⌋			●						
5	⌋⌋⌋⌋⌋		●	●		●	●	●		●
6	⌋⌋⌋⌋⌋⌋			●	●			●		
7	⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋		●	●				●		
8	⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋	●			●	●		●		●
9	⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋			●						
10	⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋	●	●	●	●			●		
11	⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋		●		●	●		●		
12	⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋	●							●	●
13	⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋	●						●		●
14	⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋		●				●	●	●	●
15	⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋	●					●			●
16	⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋	●			●			●		●
17	⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋	●			●			●	●	●
18	⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋	●			●			●		●
19	⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋⌋	●						●	●	

Рис. 4. Сравнительный анализ знаков из урочища Тамгалыжар

на «камне Тамгалытас», на монументе и в одном из периферийных скоплений. Отметим тождество знака №15 с тамгой родового подразделения алжан племени албан Старшего жуза, принадлежность которой надежно установлена ранее автором [Рогожинский, 2010, с. 113–114, рис. 2]. Обособленное кочевание данного подразделения, которое обладает родовым знаком, существенно отличающимся от общеплеменной тамги албанов, зафиксировано письменными источниками в последней четверти XVIII в.: «Волость алжанская, в коей старшиной Аламан. ...Кочевья имеют в близости китайского города Кулжи» [Андреев, 1998, с. 78]. Полное сходство специфичной по форме родовой тамги одного из подразделений албанов и знака на «камне Тамгалытас» трудно признать случайным, но вопрос этот требует специального изучения.

Весомую долю соответствия (78%) совокупная серия знаков Тамгалыжар обретает при сопоставлении с тамгами туркменских племен, фиксация которых осуществлена в начале прошлого века этнографом Г. И. Карповым, а в наши дни проведена этнологом С. Е. Ажигали на памятниках культовой архитектуры Западного Казахстана

[Карпов, 1929; 1945; Ажигали, 2002, табл. IV]. Полученные результаты дополняются сопоставлением серии знаков с тамгами тюркских народностей Ирана (кашкаев) [Новоженков, 2015] и средневековых огузов [Махмуд ал-Кашгари, 2005, с. 93–94]. Степень их сходства с древнейшими знаками Тамгалыжар достигает почти 90%. Двум знакам (№4 и 9) не удается найти аналогии среди казахских или туркменских тамг. Возможно, знак №9 является разновидностью тамги №8. Знак №4 имеется в числе башкирских тамг [Соколов, 1904, табл. I-6], а доля совпадений знаков Тамгалыжар с тамгами башкиров оказывается достаточно велика – 13 знаков (68%), но складывается в основном за счет совпадения знаков простейших форм: №2–5, 8, 10, 11, 13, 14, 16–18.

Таким образом, сопоставление знаков позволяет с наибольшей вероятностью установить огузскую принадлежность древних тамг Тамгалыжар. Учитывая географическое расположение памятника, время возникновения этой крупнейшей «энциклопедии» тамг огузов на основа-

нии исторических источников следует отнести к IX–X вв. [Агаджанов, 1969, с. 157–162], во всяком случае, до середины XI века, когда «вместо названия области “Муфазат-ат-гузз”, т. е. “Степь гузов”, употребляется название “Дашт-и Кыпчак”, т. е. “Степь кипчаков”» [Муқанов, 1974, с. 55]. Немаловажную роль в возникновении Тамгалытас, как объекта особого этнополитического значения, несомненно, сыграло расположение памятника на узловом участке традиционных кочевий и путей сообщений, издавна пролежавших вдоль Сарысу через пустыни Мойынқум и Бетпақдала из западной части Сарыарки к горам Каратау и долинам Сырдарья и Таласа. Здесь же складывалась позже пограничная линия расселения казахских родов Среднего и Младшего жузов, а обширные пастбища здешних мест вызвали между ними затяжные споры вплоть до конца XIX в. Свидетелями этих и других перипетий истории являются поздние знаки и надписи на «камне Тамгалытас» – пока не прочитанной до конца «Летописи Великой Степи».

ЛИТЕРАТУРА

- АКК – Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – 488 с.
- Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. – Ашхабад: «Бильям», 1969. – 296 с.
- Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). – Алматы: НИЦ «Гылым», 2002. – 654 с.
- Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. – Алматы: Гылым, 1998. – 280 с.
- Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). – Алма-Ата: Наука, 1968. – 256 с.
- Григорьев А.П., Телицын Н.Н., Фролова О.Б. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – Вып. 21. – С. 3–24.
- Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. – Оренбург, 1893. – 360 с.
- Иванин М.И. Внутренняя или Букеевская орда // «Эпоха». – СПб., 1864. – №12. – С. 1–48.
- Иванин М.И. Хива и река Аму-Дарья. – СПб., 1873. – 66 с.
- Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. – СПб., 1875. – 252 с.
- ИКРИ. Т. 6 – Путевые дневники и служебные заметки о поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX века / История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – Т. 6. – 516 с.
- ИКРИ. Т. 8 – О почетнейших и влиятельнейших ордынцах / История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – Т. 8, ч. 2. – 962 с.
- Историко-культурный атлас казахского народа. / Отв. ред. И.В. Ерофеева. – Алматы: Print-S, 2011. – 300 с.
- Карпов Г.И. «Тамга» (родовые знаки у туркмен) // Туркменоведение. – Ашхабад, 1929. – №8–9. – С. 29–34.
- Карпов Г.И. Родовые тамги у туркмен // Известия Туркменского филиала АН СССР. – 1945. – №3–4. – С. 43–49.
- Коншин Н.Я. К истории открытия Кокпектинского округа // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Семипалатинск, 1905. – Вып. 11. – С. 1–127.
- Кузнецов Л. О надписи на камне «Тамгалы-Тас» в пустыне Бетпак-дала в Атбасарском уезде Акмолинской губернии // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Семипалатинск, 1927. – Вып. 16. – С. 122–124.
- Макшеев А.И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае // Записки ИРГО. – СПб., 1871. – Т. 2. – С. 1–60.
- Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1948. – Вып. 4. – С. 119–145.
- Маргулан А.Х. Мир казаха. – Алматы: Фонд им. акад. А. Х. Маргулана, 1997. – 57 с.
- Маргулан А.Х. Сочинения. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – Т. 3–4. – 50 с. с вкл. 246 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.
- Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. – 1288 с.
- Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. – Алма-Ата: Наука, 1974. – 200 с.
- Новоженков В.А. Тюркские петроглифы и тамги на развалинах Пасаргад в Иране // Материалы и исследования по археологии и этнографии Казахстана. – Алматы: Изд-во КазНУ, 2014. – Вып. V. – С. 21–36.
- От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана. В 3-х томах. – Алматы: Brand Book, 2011. – Т. 1. – 584 с.
- Рогожинский А.Е. «Мы, нижеприложившие истинные тамги...» (опыт идентификации родоплеменных знаков казахов Старшего жуза) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научн. чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. матер. междунар. научн. конф. – Алматы: Print-S, 2010. – С. 101–127.
- Рогожинский А.Е. Удостоверительные знаки кочевников Нового времени и Средневековья в горных ландшафтах Семиречья, Южного и Восточного Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: матер. междунар. научн. конф. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – Труды САИПИ. – Вып. VIII. – Т. 2. – С. 217–225.
- Рогожинский А.Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана (опыт типологии и идентификации знаков) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. научн. статей, посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. – Астана: Изд-во «Сарыарка», 2014. – С. 534–547.
- Сатпаев К.И. Доисторические памятники в Джезказганском районе // Народное хозяйство Казахстана. – Алма-Ата, 1941. – С. 69–72.
- Селевин В.А. Введение в естественноисторическое изучение Бетпак-Далы / Труды Среднеазиатского государственного университета. – Серия XII-а. География. – Ташкент: Изд-во САГУ. – 1935.
- Соколов Д.Н. О башкирских тамгах (с приложением таблицы башкирских тамг) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург, 1904. – Т. 13. – 96 с.
- Таласбаева А.К. Родоплеменные тамги найманов по архивным источникам XVIII–XIX вв. // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: сб. матер. междунар. научн. конф. – Алматы: Изд-во EVO PRESS, 2014. – С. 283–287.
- Шмидт Ю.А. Очерк Киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Омск: Типогр. окружн. штаба, 1894. – Кн. 17, вып. 2. – 166 с.

И. В. Рудковский**И. В. Рудковский**

г. Томск

I. V. Rudkovsky

Tomsk

E-mail: lemke2@yandex.ru

Андроновские орнаментальные эндемики

Аннотация. Настоящая статья посвящена одному из аспектов внешней морфологии андроновской орнаментики — специфической декоративной культуры эпохи бронзы Евразийских степей II тыс. до н. э. Оценивая репертуар элементов данной орнаментальной традиции по признаку частотности, мы выделяем три уровня. Первый включает в себя наиболее распространенные элементы, не имеющие, зачастую, узкой культурной привязки. Второй уровень — это элементы, встречающиеся не так часто, но с достаточной регулярностью. Третий уровень включает элементы наиболее редкие, которые существуют либо в единственном экземпляре, либо маркируют собой очень узкую территориальную группу андроновцев. Последнюю группу элементов мы назвали группой орнаментальных эндемиков. В статье дано описание некоторых из этих оригинальных фигур, а также предпринята попытка их типологизации.

Ключевые слова: андроновская орнаментика, частотный уровень, орнаментальные эндемики, региональные группы.

Andronovo ornamental endemics

Abstract. The present article is devoted to one of the aspects of the external morphology of the Andronovo ornaments – specific decorative culture of the Bronze Age Eurasian steppes II thousand BC. Evaluating the repertoire of ornamental elements of this tradition on the basis of frequency, we distinguish three levels. The first includes most of the elements that do not have, often narrow cultural reference. The second level is items that occur less frequently, but with sufficient regularity. The third level includes the rarest elements that exist either in a single instance, or mark a very narrow territorial group of the Andronovo people. The last group of elements we call a group of ornamental endemics. The paper contains a description of some of these original figures, as well as attempt their typology.

Keywords: andronovo ornamentation, frequency level, ornamental endemics, regional groups.

В ряду декоративных искусств эпохи бронзы Северной Евразии андроновская орнаментика занимает особое место. Эта сложная многоуровневая система фигурирует во многих исследованиях, посвященных андроновским культурам, их предтечам и наследникам. Безотносительно специальных целей этих работ первоначально андроновская орнаментика рассматривается, в основном, в трех аспектах. И эти аспекты касаются исключительно классифицирующих процедур.

Во-первых, важна технология нанесения орнамента на поверхность сосуда (здесь и далее будет иметься в виду орнамент на керамической посуде). Во многих случаях для культурной и хронологической маркировки отдельных артефактов и целых комплексов очень важно иметь

информацию о технологии: имеем ли мы дело с резным, штампованным, лепным или иным образом изображенным орнаментом.

Во-вторых, морфологический аспект. В какой-то степени здесь важную роль играет технология, но, в основном, имеются в виду контуры исходных фигур, из которых строится композиция орнамента. В этом плане андроновская орнаментика, безусловно, не имеет себе равных. Согласно существующим на данный момент источникам, в ней насчитывается более 400 бордюрных композиций [Рудковский, 2013, с. 92–189], состоящих из различных исходных фигур, образующих типологически близкие группы: свастические, треугольные, меандровые, ромбы и т. д.

И, в-третьих, синтаксический аспект. Имеется в виду та часть орнаментальной грамма-

тики, которая определяет правила сочетания исходных фигур. Эти правила зачастую более важны, чем морфологические единицы орнамента, да и любых иных артефактов культурного текста [Байбурин, 1982, с. 15].

Все три изложенных аспекта являются составными частями орнаментальной грамматики. Ее изучение дает максимально объективную информацию о технологии и формотворчестве человека в одном из важных секторов его предметной деятельности. Поэтому весьма важным и перспективным представляется продолжение исследований в этом направлении. В предлагаемой работе выбран объект, которому, как представляется, в андроновской археологии не было уделено достаточного внимания. Речь пойдет о редких и уникальных фигурах андроновских орнаментов, которые возможно обозначить как «орнаментальные эндемики».

Нельзя сказать, что редкие орнаментальные изыски вообще игнорировались исследователями. При характеристиках керамических комплексов все элементы орнаментов без исключения (или почти без исключения) заносились в сводные таблицы. Ознакомление с такими таблицами в многочисленных публикациях позволяет выделить четыре типа этих сводок.

Первый тип представляет собой простой «перечень» зафиксированных в одном комплексе элементов без указания частоты их встречаемости [Потемкина, 1985 и др.].

Второй тип, помимо перечня элементов какого-либо данного комплекса, включает и показатели их частотности [Бухонина, 1984 и др.].

Третий тип касается общеандроновских сводок элементов, но без информации об их частотности [Ковтун, 2009; Рудковский, 2013].

Четвертый тип наиболее редок. Этот тип интересен тем, что дает некоторое представление о разнообразии и частоте встречаемости элементов в андроновской орнаментике в целом [Максименков, 1978].

Исследователи, использовавшие тот или иной тип табличной записи, преследовали определенные цели и использовали разный объем источников, поэтому эти таблицы и не планировались, как исчерпывающие. Сомнительно, чтобы такие универсальные таблицы-каталоги вообще были возможны [Рудковский, 2012]. Объект настоящего исследования имеет предельно низкую частотность в репертуаре андроновских орнаментальных фигур. Значение некоторых из этих эндемиков еще предстоит интерпретировать, а наша задача — дать первичное описание некоторых из них, обозначить их местонахождение, попытаться построить их некоторую типологию и, по возможности, обозначить логику (или алогичность) их происхождения.

Начнем с фигур, появление которых стало редким, но логичным результатом гомологического метаморфоза исходного прототипа [Рудковский, 2012]. Как пример одного из таких прототипов рассмотрим классическую свастику. В «чистом виде» свастика довольно редка, но с достаточной регулярностью фигурирует как на алакульской, так и на федоровской керамике: чаще как одиночный знак на днищах сосудов, хотя встречается и на их стенках. С гораздо большей частотой встречаются не сами свастики, а их разнообразные усложненные и редуцированные вариации. Фигуры этих вариаций распадаются на две подгруппы: так называемые «шагающие свастики» и «ковровые». В первом случае мы наблюдаем простую горизонтальную последовательность сомкнутых, или разомкнутых, видоизмененных свастик. Во втором — горизонтальный равнобедренный зигзаг, к которому «повешены» явные или видоизмененные фрагменты свастик. Мы предлагаем к рассмотрению серию уникальных и крайне редких фигур из подгруппы «шагающих свастик» (рис. 1).

Рис. 1, 1 — могильник Подтурино, Алтайский край [Кiryushin, Лузин, 1993, рис. 3, 2]. На данный момент аналогов не имеет.

Рис. 1, 2 — могильник Боровое. Казахстан, Кокчетавская область [Оразбаев, 1958, рис. 8]. Известен один зеркальный аналог из могильника Дегтяревка (Кузнецкая котловина) [Илюшин, Борисов, 2013, рис. 3.18, 2].

Рис. 1, 3 — могильник Чистолесбязжский, Курганская область [Матвеев, 1998, рис. 34, 10]. Почти классическая «шагающая свастика», но лишенная верхней перекладки. Аналогов нет.

Рис. 1, 4 — Еловский-2 курганный могильник, Томская область [Матющенко, 2004, рис. 420, 1]. Здесь «шагающие свастики» лишены как верхних, так и нижних перекладок. В этом могильнике найдено несколько подобных бордюров. Аналогов из других мест нет.

Рис. 1, 5 — могильник Майтан, Казахстан, Карагандинская область [по: Рудковский, 2011, рис. 2, 1]. В скошенной экспозиции такая фигура отмечена в могильнике Лисаковский-2 (Костанайское Притоболье) [Усманова, 2013, рис. 17, 4].

Рис. 1, 6 — могильник Зевакинский, Восточный Казахстан [по: Рудковский, 2013, № 243]. На данный момент аналогов не имеет.

Рис. 1, 7 — могильник Хрипуновский, Тюменская область [Матвеев, 1998, рис. 61, 8]. Имеет определенное сходство с предыдущим эндемиком из могильника Майтан, расположение поперечных перекладок несколько отличается. Прямых аналогов не имеет.

Рис. 1, 8 — могильник Лисаковский, Казахстан, Костанайская область [Усманова, 2005, рис. 64, 4]. В принципе — обычная «ша-

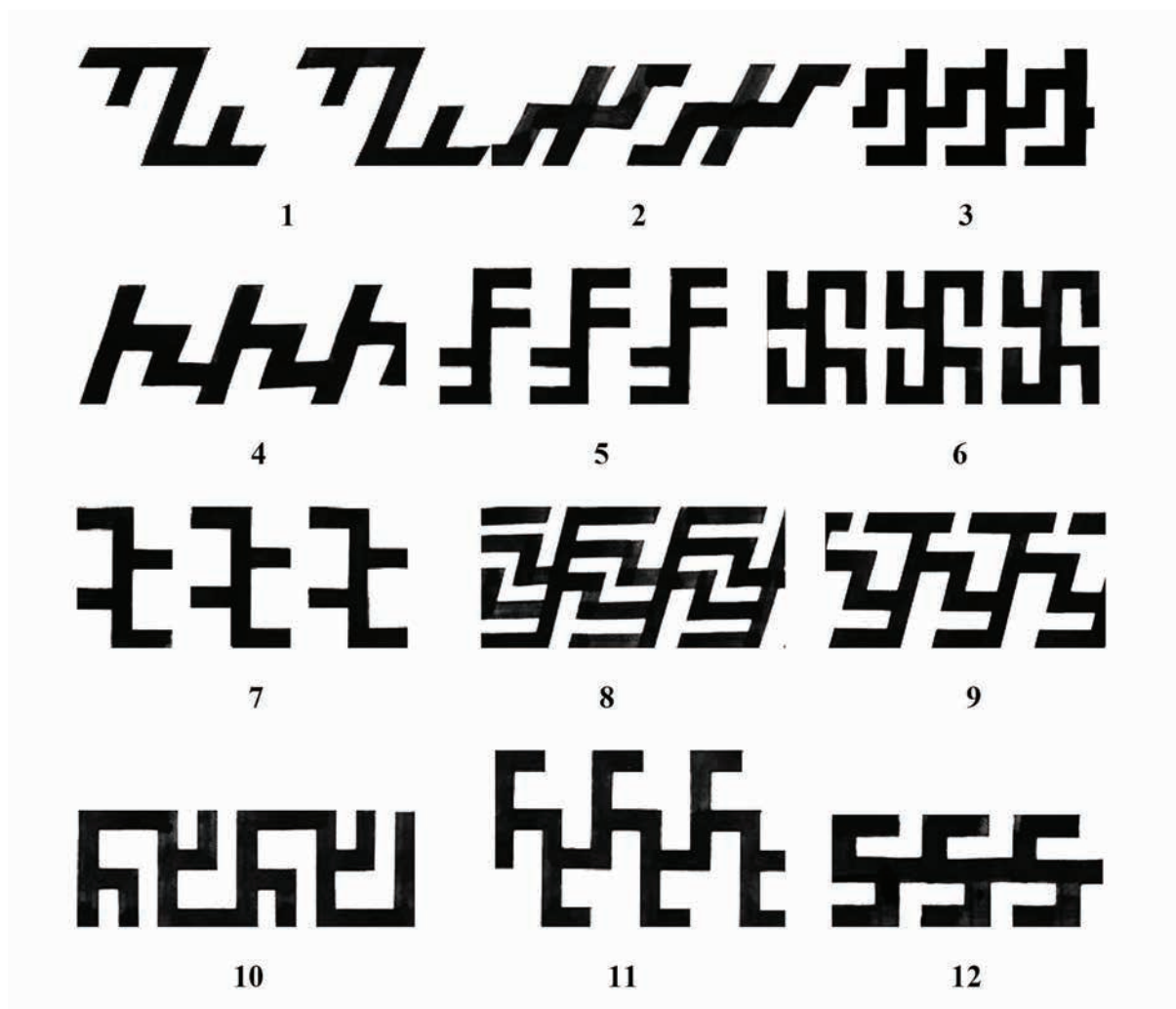

Рис. 1. Рассеянные орнаментальные эндемики группы «шагающих свастика». 1 – мог. Подтурино; 2 – мог. Боровое; 3 – мог. Чистолембяжский; 4 – мог. Еловский-2; 5 – мог. Майтан; 6 – мог. Зевакинский; 7 – мог. Хрипуновский; 8 – мог. Лисаковский; 9, 12 – мог. Старый Тартас-4; 10 – мог. Фирсово-14; 11 – мог. Ташик

гающая свастика», но с удвоенной «молнией-перемычкой». Аналогов нет.

Рис. 1, 9 — могильник Старый Тартас-4, Новосибирская область [Молодин и др., 2002, рис. 8, 15]. Здесь весьма необычная верхняя перекладина. Аналогов нет.

Рис. 1, 10 — могильник Фирсово-14, Алтайский край (Музей археологии и этнографии АлтГУ). «Шагающая свастика» совершенно оригинальной конструкции. Аналогов нет.

Рис. 1, 11 — могильник Ташик, Казахстан, Карагандинская область (Музей археологии и этнографии КарГУ). Редкая комбинация разнонаправленных «уточек», создающая иллюзию необычной «шагающей свастики». Известны две аналогии: из могильника Еловский-2 [Матющенко, 2004, рис. 283, 4] и из могильника Чекановский Лог-10, Алтайский край [Демин, Ситников, 2007, рис. 36, 8]. Других аналогов пока не найдено.

Рис. 1, 12 — могильник Старый Тартас-4, Новосибирская область [Молодин и др., 2002, рис. 6, 13]. Оригинальный бордюр, не имеющий аналогов.

В подгруппе «ковровые» учесть все вариации чрезвычайно сложно в принципе, а тем более — выделить среди них локальные эндемики. Тем не менее, почти бесспорно присутствие в этой подгруппе самого значительного количества андроновских орнаментальных эндемиков. Вероятней всего, «ковровым орнаментам» и «ковровым эндемикам» необходимо посвятить отдельное исследование, которое стало бы естественным продолжением ранних изысканий на эту тему С. В. Зотовой [Зотова, 1965].

Следующий сюжет — об элементе не только совершенно оригинальном, но и ставшем типобразующим в андроновской орнаментике. Бордюры этого типа (рис. 2) зафиксированы в керамическом комплексе одного единственного

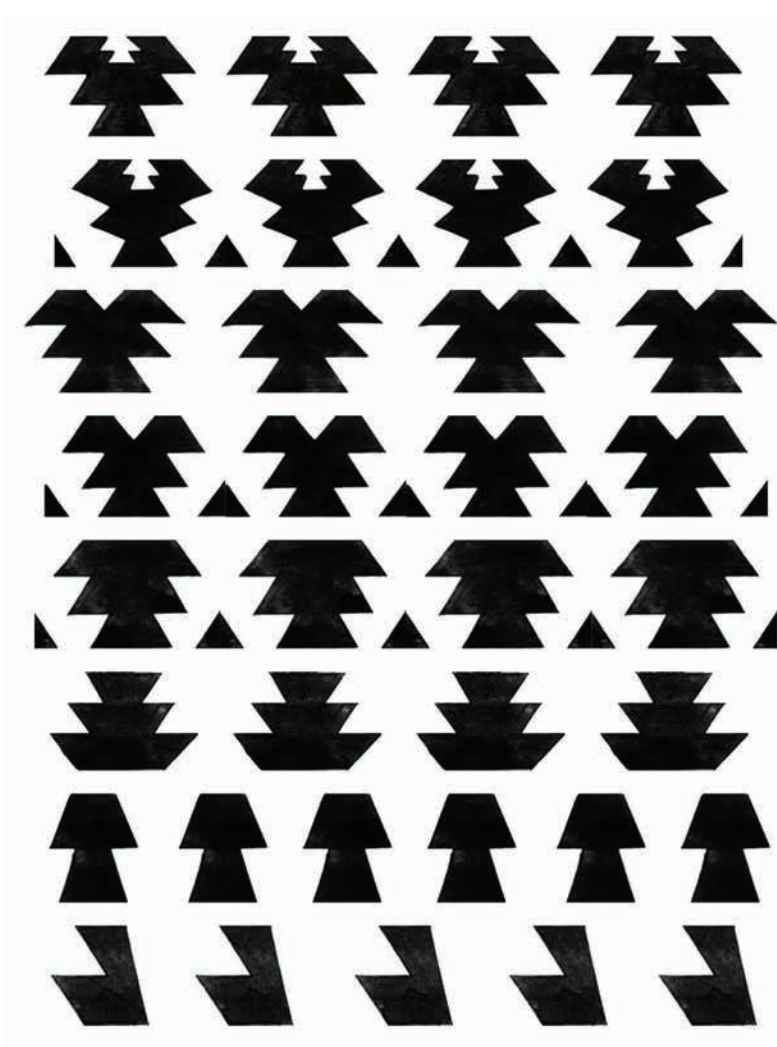

Рис. 2. Серийный орнаментальный тип эндемика из мог. Майтан

памятника — в могильнике Майтан (Казахстан, Карагандинская область). Этот комплекс, исследовавшийся А. А. Ткачевым в 1980-х и начале 1990-х гг. до сих пор, к сожалению, не опубликован, и необходимые материалы для настоящей статьи были заимствованы с любезного разрешения автора раскопок из фондов Карагандинского областного историко-краеведческого музея.

На рисунке представлены восемь вариантов использования в построении бордюров весьма странной фигуры, для которой довольно непросто подобрать какое-либо терминологическое обозначение (то ли «сосновая шишка», то ли «пагода», то ли неясный антропоморф). Отмечая относительно массовое присутствие данного элемента на керамике могильника Майтан, нельзя не упомянуть единственный случай, когда весьма близкое подобие майтанской «пагоде» было зафиксировано (правда, несколько раньше) на сосуде из верхнеобского могильника Елунино [Кирюшин, 1980; по: Кузьмина, 2008, рис. 87, 26].

Логика появления фигур подобного типа можно усмотреть в технологии «позитив-

негативных» преобразований в орнаментике [Рудковский, 2003, с. 96–104]. В данном случае мы видим следствие превращения в позитив пустого пространства между изгибами равнобедренного зигзага, обрамленного небольшими треугольниками (обычного, в общем, андроновского орнамента).

Последняя группа из рассматриваемых эндемиков (рис. 3) представляет собой достаточно пестрое собрание элементов, большая часть из которых не имеет ни внутри-андроновской логики своего появления, ни каких-либо признаков более ранних культур или заимствований от инокультурных соседей.

Рис. 3, 1–4 — могильник Лисаковский, Казахстан, Костанайская область [Усманова, 2005, рис. 41, 2; 44, 2; 54, 7.9; 55, 1,6; 56, 11; 58, 10]. Отпечатки штампов в виде «геральдических» щитков со сложной рельефной поверхностью. В пределах Лисаковской округи бордюры из подобных штампов, безусловно, типичны, но для других территорий и, тем более, для андроновской орнаментики, в целом, совершенно чужды, как технологически, так и по репертуару образов.

Фигурные штампы в этот период времени использовались в самусьской культуре [Есин, 2009], однако, ее ареал слишком далек от Костанайского Притоболья, чтобы допустить какие-либо тесные контакты между такими разными культурными мирами. К тому же, прямых аналогов лисаковским штампам у самусьцев нет.

Рис. 3, 5 — могильник Раскатиха, Курганская область [Потемкина, 1985, рис. 89, 12]. Ряды округлых рисованных арок. Единственный случай в андроновской орнаментальной практике. Криволинейные фигуры — это, в принципе, не андроновский стиль.

Рис. 3, 6 — могильник Лисаковский, Казахстан, Костанайская область [Усманова, 2005, рис. 49, 7]. Плавная, равномерная волна, выполненная оттисками палочки. Та же криволинейная нетипичность, хотя, возможно, эта волна — лишь дериват равнобедренного зигзага.

Рис. 3, 7 — поселение Атасу, Казахстан, Карагандинская область [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 146]. Бордюры в виде ряда разомкнутых квадратов. Квадраты, в прин-

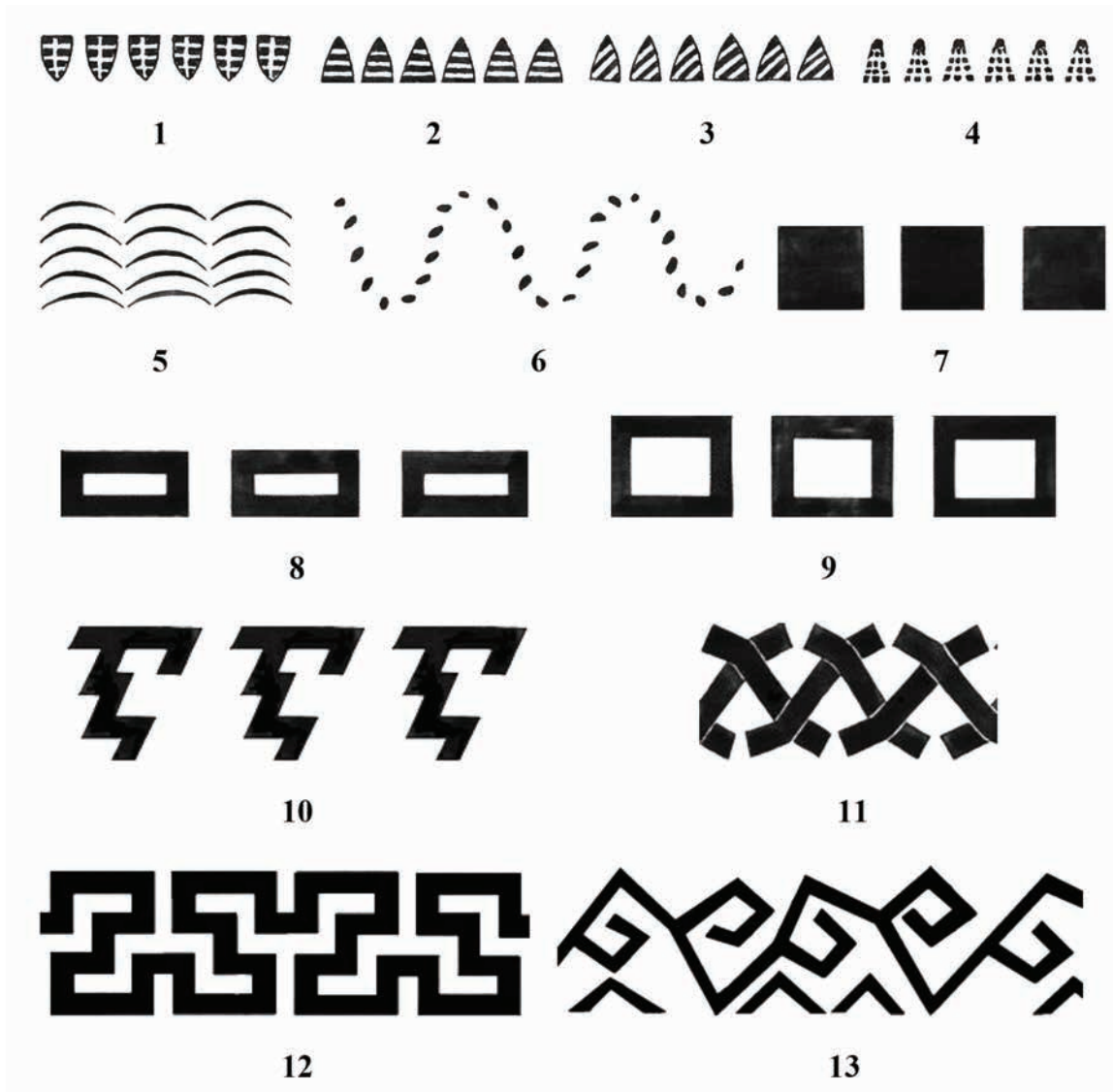

Рис. 3. Одиночные орнаментальные эндемики. 1–4, 6 – мог. Лисаковский; 5 – мог. Раскатиха; 7 – пос. Атасу; 8 – мог. Чистолебяжский; 9 – мог. Урефты-1; 10 – пос. Икпень-1; 11 – мог. Таутары; 12 – мог. Чекановский Лог-10; 13 – мог. Андроновский

ципе, довольно распространенные орнаментальные фигуры, однако использовались только как составные части более сложных конструкций. В качестве основной фигуры бордюра квадрат зафиксирован лишь однажды.

Рис. 3, 8 – могильник Чистолебяжский, Курганская область [Матвеев, 1998, рис. 26, 4]. Простой ряд прямоугольных «рамок». Прямых аналогов нет.

Рис. 3, 9 – могильник Урефты-1, Челябинская область [Стефанов, Корочкова, 2006, рис. 25, 9]. Ряд прямоугольных «рамок». Очень близкое гомологическое подобие предыдущему варианту.

Рис. 3, 10 – поселение Икпень-1, Казахстан, Карагандинская область [Ткачев, 2002, рис. 15, б]. Эта фигура зафиксирована лишь однажды и лишь как одиночный знак. Она может восприниматься как один из крайних гомологов «шагающих» свастик. И если бы этот элемент был составной частью бордюра (как показано на ри-

сунке) то сомневаться в его типологической принадлежности не приходилось бы.

Рис. 3, 11 – могильник Таутары, Южный Казахстан [Максимова, 1962]. Эта странная, замысловатая «плетенка» трудна в подражании и является единственной в своем роде.

Рис. 3, 12 – могильник Чекановский Лог-10, Алтайский край [Демин, Ситников, 2007, рис. 37, 3]. Представленный бордюр, безусловно, относится к типу «меандровых». Однако, если прочие разновидности меандров в большей, или меньшей степени распространены, то этот, по крайней мере, в андроновской орнаментике, уникален.

Рис. 3, 13 – могильник Андронов, Красноярский край [Максименков, 1978, табл. XLII, 2]. Если бы не крайняя изломанность зигзага-основы, то этот бордюр выглядел бы вполне андроновским, а так — мы наблюдаем «нечаянную» оригинальность, не встреченную нигде, кроме, как только в комплексе Андронovo.

Тот объем андроновских орнаментальных эндемиков, который представлен в статье, далек от полноты, и он может и должен быть расширен. Но, даже глядя на представленные образцы, нетрудно прийти к выводу, что андроновские орнаменталисты не были рабами жесткого канона. Везде и всегда (и это мы наблюдаем в памятниках всей андроновской ойкумены) шел процесс фор-

мтворчества, как в рамках основного канона, так и за его пределами. Другой вопрос, почему результаты этих экспериментов, в своем большинстве, не получили распространения, но это тема для отдельного обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

- Байбурин А.К.** Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (К проблеме этнографического факта) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. – Л., 1982. – С. 5–15.
- Бухонина Т.А.** Могильник эпохи бронзы Куропаткино-II на р. Чаглинка // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1984. – С. 44–58.
- Демин М.А., Ситников С.М.** Материалы Гилевской археологической экспедиции. – Барнаул, 2007. – Ч. I. – 274 с.
- Есин Ю.Н.** Древнее искусство Сибири: самусьская культура: Труды музея археологии и этнографии Сибири. – Томск: ТомГУ, 2009. – Т. II. – 526 с.
- Зотова С.В.** Ковровые орнаменты андроновской керамики // МИА. – 1965. – № 130. – С. 177–181.
- Илюшин А.М., Борисов В.А.** Курганы развитой бронзы в долине реки Ур. – Кемерово: изд-во КузГТУ, 2013. – 304 с.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.** Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата, 1992. – 247 с.
- Кирюшин Ю.Ф.** Новый могильник андроновской культуры у села Елунино // Древняя история Алтая. – Барнаул, 1980. – С. 66–72.
- Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю.** Андроновский могильник Подтурино // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул, 1993. – С. 67–94.
- Кузьмина Е.Е.** Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с.
- Ковтун И.В.** Основы морфологии андроновского орнамента // Изв. АлтГУ. – 2009. – № 4 (64). – С. 115–124.
- Максименков Г.А.** Андроновская культура на Енисее. – Л., 1978. – 190 с.
- Максимова А.Г.** Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1962. – Т. 14. – С. 37–56.
- Матвеев А.В.** Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск, 1998. – 417 с.
- Матющенко В.И.** Еловский археологический комплекс. Ч. 2. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск, 2004. – 468 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В.** Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // АЭАЕ. – 2002. – № 3 (11). – С. 48–62.
- Оразбаев А.М.** Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ АН КазССР. – 1958. – Вып. 5. – С. 216–294.
- Потемкина Т.М.** Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М., 1985. – 376 с.
- Рудковский И.В.** Системообразующие инварианты андроновской орнаментики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2003. – 21 с.
- Рудковский И.В.** Керамические маркеры контактов внутри андроновской культурно-исторической общности // Вестник ТГПУ. – 2011. – Вып. 11 (113). – С. 74–81.
- Рудковский И.В.** О гомологии андроновских орнаментов и проблеме их каталогизации // Вестник ТГПУ. – 2012. – Вып. 9 (124). – С. 96–99.
- Рудковский И.В.** Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. – 192 с.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.** Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург, 2006. – 160 с.
- Ткачев А.А.** Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень, 2002. – Ч. 1. – 289 с.
- Усманова Э.Р.** Могильник Лисаковский-1: факты и параллели. – Караганда-Лисаковск, 2005. – 232 с.
- Усманова Э.Р.** Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. – Караганда-Лисаковск, 2013. – С. 19–194.

В. В. Сараев

В. В. Сараев
ТОО «Археологическая экспертиза», г. Алматы
V. V. Saraev
“Archaeological Expertise” LLC, Almaty
E-mail: saraev.53@mail.ru

К вопросу о каменном инвентаре ранних земледельцев Северного Притяньшанья

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, проект 3923/ГФ4 «Генезис древних поселений Северного Притяньшанья»

Аннотация. Обследование древних земледельческих поселений Северного Притяньшанья, помимо традиционного набора бытового инвентаря и инструментов, позволило обнаружить ранее неизвестные каменные артефакты бытового назначения. Исследованные каменные артефакты, по мнению автора, предназначены для использования в качестве ударного инструмента и послужили прообразом для изобретения молотка.

Ключевые слова: неолит, каменный инвентарь, поселение, земледелие, технология.

About household equipment of ancient farmers of North Tien Shan

Abstract. In addition to traditional set of household tools and other types of if instruments, it has been discovered previously unknown stone artifacts of everyday use during observation of Ancient agricultural settlements in North Tian-Shan. It is the author's opinion that the observed stone artifacts used to serve as percussion instrument and they were the first type of a hammer.

Key words: the Neolithic Age, stone tools, settlement, agriculture, technology.

В вопросе исследования исторического процесса образования и становления орошаемого земледелия особая роль отводится горным и предгорным районам. При этом значительное внимание уделяется предгорной полосе в местах выхода горных рек на равнину. Горные потоки, выходящие из ущелий, легко могут быть отведены самотеком на поля. Предпочтительно в таких местах образовывались первые оседлые земледельческие поселения. Для этих целей в первую очередь выбирались небольшие речушки, с потоком которых посильно было справиться без особых трудозатрат [Сараев, 2007, с. 125–126]. В районе таких поселений регулярно обнаруживаются каменные инструменты, которые применялись длительное время в поливном земледелии [Сараев, 2011, с. 127–143]. Однако основная группа таких орудий труда связана с традициями их изготовления в средневековье и новое время. Тем интереснее представляется недавно обнаруженная серия каменных инструментов в зоне ин-

тенсивного древнего орошаемого земледелия, которая характеризует ранние этапы развития этого вида хозяйствования.

В процессе визуального обследования земледельческих поселений в Жамбылском районе Алматинской области (вблизи села Каргалы) у северных склонов хребта Иле/Заилийский Алатау в качестве подъемного материала обнаружен небольшой камень, привлекший к себе внимание наличием двух противоположащих углублений, протертых на плоских сторонах. В целом, это окатанная, несколько уплощенная речная галька длиной 16 см, шириной 11,5 см, толщиной 7 см и массой 2,09 кг (рис. 1). По периметру камень имеет естественно сглаженный край с небольшими выщерблинами, а на «щечках» протертые углубления: диаметр одной выемки 3,5 см, глубина 0,8 см; на противоположной стороне — другая, диаметром 4 см, глубиной 0,9 см. Углубления были тщательно протерты и изготовлены целена-

*Фото 1. Камень с чашевидными углублениями
близ села Каргалы
у северных склонов хребта Иле Алатау*

правленно.

Однако функциональное назначение этого камня определить было трудно по ряду причин. Одна из них заключалась в том, что в данном регионе выявлено более четырех десятков камней, хорошо известных во всем мире под названием «чашечные камни», которые, наиболее вероятно, имели ритуальное значение. Чашечные углубления на их поверхности по всем параметрам совпадают с углублениями на небольшом галечнике. Предполагается сакральное значение таких чашечных камней. Также не исключается вероятность того, что это, возможно, недоделанная малая каменная мотыга, в которой углублениями намечено встречное сверление отверстия. Согласно утверждению специалистов-каменотесов, попытка проделать сквозное отверстие в плоском камне с одной стороны вызывает раскалывание камня. По этой причине отверстие делается во встречных направлениях. Каменные артефакты с отверстиями подтверждают это правило каменотесов.

Поводом к пониманию применения найденного артефакта и возможности высказать наиболее вероятную версию его назначения позволило нахождение еще одного подобного камня у северных склонов хребта Каржантау в долине реки Сайрамсу в 9 км к востоку от аула Каскасу Тобильского района ЮКО. Второй камень представляет собой гальку, длиной 14,5 см, шириной 10,5 см, толщиной 5 см и весом 1,435 кг (рис. 2). На его уплощенных сторонах, так же, как и на первом камне, имеются углубления диаметром 3,5 см и глубиной 3–4 мм. Однако углубления на втором камне не протерты как на первом, а выбиты точечными ударами. Удары наносились острым краем более твердого камня в пределах площади условного круга. Но большее количе-

ство ударов тяготеет к центру круга, в результате чего и образовалась конфигурация на плоскости камня, условно схожая с чашевидной выемкой.

На противоположной стороне этого же камня углубление сделано аналогичным приемом. Общее впечатление от изготовленных углублений — небрежность. Это свидетельствует о принципиальной необходимости расположения выемок на этих местах и достаточности такой степени исполнения, из чего следует, что они на поверхности камня сделаны не с целью создать углубления, подобные тем, что на чашечных камнях, и не для сверления камня. Камень по своей конфигурации, объему и массе подобран так, что он удобно ложится в ладонь взрослого человека. Подушечки среднего и большого пальцев плотно вмещаются в созданные углубления, что обеспечивает цепкое удержание камня в руке. Большая часть камня, выступающая за пределы пальцев, заужена и была способна служить ударной плоскостью, а также защищала пальцы и ладонь от повреждений. По краю предполагаемой ударной плоскости видны отдельные выщерблины, которые могли образоваться только при ударе этой части камня о твердые предметы.

Общность параметров обоих камней и схожесть схемы расположения умышленно нанесенных углублений выявили понимание их функционального назначения как ударного инструмента. Тем более, что второй камень был найден в предгорной полосе, но расстоянии более 750 км к западу. Этот камень удобно было держать в руке и использовать как инструмент, которым можно было что-либо забивать. При отсутствии молотка такой камень в полной мере мог его заменить. Углубления в камне позволяют уверенно его удерживать при любой силе удара и под любым углом. Им легко можно и сейчас забить гвоздь, вбить в землю кол и в целом выполнить практически любую работу, осуществляемую в настоящее время молотком. В таком смысле особое значение следует отвести углублениям, созданным для пальцев, как факту, свидетельствующему об умышленном изготовлении такого ударного инструмента. И если один изготовлен как бы на «скорую руку», то на изготовление другого потрачено значительное время, использован специальный инструмент и применено мастерство сверления углублений в камне. Следовательно, из речного галечника в прошлом целенаправленно изготавливали инструмент для бытового пользования.

Наиболее сложным вопросом изучения каменных инструментов является определение их времени создания и использования. В данной ситуации проблема отягощается тем, что оба артефакта были обнаружены не в слое древне-

Фото 2. Камень с чашевидными углублениями из правобережья реки Сайрамсу у северных склонов хребта Каржантау

го поселения, а вблизи таковых в поймах рек. Поэтому традиционные способы относительной датировки каменных инструментов не работают. Решение вопроса возможно лишь исходя из функционального назначения данных орудий труда. Возможность их применения исключительно как ударных инструментов — молотков — сужает рамки наших изысканий.

Изготовление подобных изделий в средневековую эпоху исключается в силу того, что с развитием технологий к этому историческому периоду большинство ударных инструментов у северных склонов Иле Алатау изготавливалось из металла [Савельева и др., 1998, с. 34]. Технологии изготовления ударных инструментов в эпоху бронзы и раннем железном веке из камня привели к появлению достаточно стандартной их формы — пест-молоток. В материалах древних

поселений Северного Притяньшанья они составляют наиболее значительную серию каменного инвентаря [Байпаков, 2008, рис. 12, 13; Горячев, 2011, рис. 2; Горячев, Мотов, 2012, рис. 4, 5]. Представленные инструменты, несмотря на то, что были обнаружены вблизи многослойных поселений эпохи бронзы и раннего железного века, не соответствуют по форме имеющимся в материалах данных поселений. В отличие от ударных орудий труда эпохи бронзы и раннего железного века они выглядят более массивными и, главное, функционально универсальными.

Наиболее вероятной датировкой подобных инструментов представляется предшествующий бронзовому веку период позднего каменного века. Поселения неолита–энеолита в регионе до сих пор слабо изучены, что затрудняет сравнительный анализ данных каменных «молотков». Тем не менее, серия подобных поселений была открыта на северных склонах Иле Алатау в устье ущелий Майбулак, Кызылауыз и Кастек в обрезах лессовых холмов [Горячев, Сараев, 2015, с. 6]. Примечательно, что все эти поселения привязаны к древним ирригационным системам, что позволяет нам предположить проживание на них ранних земледельцев региона [Сараев, 2007, с. 120–128].

Таким образом, река, у которой образовывались поселения, не только обеспечивала людей водой, но и поставляла сырье для изготовления бытового инструмента при отсутствии либо дефиците металла. Не исключена возможность того, что изготовление из камня такого инструмента для домашних нужд и послужило возникновению идеи металлического молотка.

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков К.М. Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. – Алматы: Credo, 2008. – 173 с.
- Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийский Алатау // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. науч. статей, посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. – С. 348–370.
- Горячев А.А., Мотов Ю.А. Результаты исследований археологического комплекса Бутакты-1 на юго-восточной окраине города Алматы в 2010 году // Изв. НАН РК. Сер. обществ. и гуманитар. наук. – 2012. – № 3 (283). – С. 3–15.
- Горячев А.А., Сараев В.В. К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Изв. НАН РК. Сер. обществ. и гуманитар. наук. – 2015. – № 6 (304). – С. 5–18.
- Савельева Т.В., Зиняков Н.М., Воякин Д.А. Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья в средние века (по материалам городищ Талгар, Алматы). – Алматы: Ғылым, 1998. – 228 с.
- Сараев В.В. Принцип построения оросительных систем в предгорьях древнего Семиречья (к вопросу о земледелии на территории Семиречья в древности) // История и археология Семиречья. – Алматы: ОФ «Родничок», 2007. – Вып. 3. – С. 120–128.
- Сараев В.В. Инструменты земледельцев древнего Жетысу // История и археология Семиречья. – Алматы: ОФ «Родничок», 2011. – Вып. 4. – С. 127–143.

А. М. Сеитов

А. М. Сеитов

ЛАИ КГУ им. А. Байтурсынова, г. Костанай

A. M. Seitov

Archaeological research laboratory of A. Baitursynov

Kostanay State University

E-mail: sajrim@mail.ru

Погребение гуннского времени кургана Халвай-3 (Северный Казахстан)

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК (проект № 2409/ГФ4)

Аннотация. Статья посвящена анализу погребения № 3А кургана Халвай-3. Памятник находится на левом берегу Тобольского рукава Каратомарского водохранилища (Тарановский район, Костанайская область). Объект исследован Торгайской археологической экспедицией в 2009–2010 годах под руководством А. В. Логвина. Данное захоронение относится к гуннскому – постгуннскому времени IV–VI вв. н. э.

Ключевые слова: Евразийская степь, Северный Казахстан, курган Халвай-3, погребение гуннского времени, постгуннское время, сложносоставной лук.

The Hun period burial of the kurgan Halvay 3 (Northern Kazakhstan)

The work was supported by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (project №2409/GF4)

Abstract. The article is devoted to analyze of the burial № 3A of the kurgan Khalvay-3 located on the left bank of the Tobol sleeve of the Karatomar reservoir (Taran district, Kostanay region). This monument was studied by the Torgay archaeological expedition in 2009–2010 years under the guidance of A. V. Logvin. The burial relates to Hun – post-Hun period of the IV–VI centuries AD.

Key words: the Eurasian steppe, Northern Kazakhstan, the kurgan Khalvay-3, the burial of Hun period, post-Hun period, the composite bow.

История Евразийской степи эпохи поздней древности отмечена эпохальными событиями, связанными с многочисленными миграциями, войнами, этническими и политическими трансформациями, и ведущая роль в этих процессах отведена азиатским хунну и европейским гуннам.

Однако столь известная эпоха гуннского господства, отраженная в письменных источниках, весьма скудно представлена археологическими материалами в связи с малочисленностью обнаруженных гуннских памятников, разбросанных в пределах огромной территории от Казахстана и Средней Азии до Восточной Европы. К настоящему времени известно всего чуть более десятка гуннских памятников в урало-поволжских и казахстанских степях [Бернштам, 1951, с. 216–229; Кадырбаев, 1959, с. 179–182; Арсланова, 1975, с. 117–118; Костюков, 1995, с. 151–160; Боталов,

Таиров, Любчанский, 2006, с. 187–189, 200–201, 212–213; Боталов, 2009, с. 314; 2013, с. 31–97; Бейсенов, Веселовская, 2013, с. 446–461; Бейсенов, Китов, 2013, с. 462–468 и др.].

Поэтому весьма актуальна предлагаемая статья, посвященная публикации, анализу и культурно-хронологической интерпретации погребения гуннского времени из кургана Халвай-3.

Курган Халвай-3 расположен на левом берегу Тобольского рукава Каратомарского водохранилища, в 7 км к северо-востоку от одноименного поселка, в Тарановском районе Костанайской области (Северный Казахстан). Раскопки памятника проводились Торгайской археологической экспедицией в 2009–2010 годах под руководством А. В. Логвина [Логвин, Шевнина, Сеитов, 2011, с. 199–201; Шевнина, Логвин, 2015; Сеитов, 2015].

Курган сооружен из земли, диаметром 32 м, включая ров, высота насыпи — 1 м. Ров шириной до 3 м, глубиной до 0,7 м. Почти половина кургана оказалась размыта Каратамарским водохранилищем. Всего при раскопках кургана было зафиксировано 11 могильных ям. Ямы №№ 1, 3, 6, 8, 9 расположены под насыпью, относятся к эпохе развитой бронзы, к синташтинской культуре. Остальные погребения (№№ 2, 3А, 4, 5, 7, 8А) являются впускными и были совершены в разные археологические периоды [Логвин, Шевнина, Сеитов, 2011, с. 199–201; Шевнина, Логвин, 2015, с. 102]. В данной статье нас интересует погребение № 3А, поэтому мы не будем останавливаться на характеристике остальных захоронений.

Яма № 3А была зафиксирована в северной части раскопа, впущена в яму № 3 (рис. 1). Могильная яма овальной формы, размерами 1,7 x 0,68 м, глубиной 0,55 м от уровня древней поверхности, меридиональной ориентировки. В южной части ямы, на глубине 0,2–0,35 м, был обнаружен череп лошади (кобыла) и все хвостовые позвонки (рис. 1, 1). По определению Л. Л. Гайдученко, наиболее вероятно, в этом жертвенном комплексе была использована шкура с головой, фалангами и хвостом лошади [Шевнина, Логвин, 2015, с. 152–163, рис. 106–111].

На глубине 0,35–0,55 м обнаружен костяк мужчины пожилого возраста, уложенный на правом боку (рис. 1, 1–3). Умерший был ориентиро-

ван головой на север, ноги вытянуты, левая рука расположена на тазу. Перед его лицом зафиксирован череп барана, а в районе таза находились тазовые кости барана, железные нож и пряжка. Перед мужчиной вдоль тела лежал лук, от которого сохранились лишь костяные накладки, расположенные в виде плавной изогнутой дуги. В ногах умершего обнаружены остатки древесного тлена прямоугольной формы, вероятно, от колчана или горита, так как чуть выше находились древки стрел с восемью железными наконечниками. На ступнях мужчины обнаружены железные кольчатые удила и костяная пряжка [Шевнина, Логвин, 2015, с. 152, рис. 106–107].

Железный нож плохой сохранности (рис. 2, 5). Длина ножа 19,1 см, лезвия — 12 см, рукояти — 3,9 см. Ширина лезвия у основания 3,15 см, в срединной части — 2,3 см, у острия — 0,9 см. Ширина рукояти 0,9 см. Толщина лезвия 0,35 см, рукояти — 0,9 см. Сечение лезвия сложно установить. Навершие рукояти подтреугольное, шириной 1,6 см. На лезвии ножа фиксируются остатки деревянных ножен.

Пучок железных наконечников стрел с деревянными остатками древков плохой сохранности (рис. 2, 6–13). Количество наконечников не менее восьми. Шесть экземпляров однотипны, ромбической формы, в сечении трехлопастные с черешковым насадом (рис. 2, 6–10, 12). Длина наконечников от 3,8 до 7,5 см. Головка ромбической

формы длиной 3,3–4,4 см, шириной 1,6–2 см. Черешок длиной 1,9–4 см, в сечении — округлый. Один фрагмент наконечника с черешковым насадом и головкой плоской подпрямоугольной формы (рис. 2, 13). В связи с плохой сохранностью трудно определить его изначальную форму. Общая длина наконечника 5,1 см. Головка длиной 3,2 см, шириной — 1,9 см, толщиной у основания 0,7 см, у лезвия — 0,15 см. Длина черешка 1,8 см.

Железные удила двухсоставные с подвижным соединением и кольцевидными окончаниями, сильно корродированы и сведены, длиной — 10,2 см (рис. 2, 14). Учитывая размеры двух звеньев можно предположить, что их изначальная длина в выпрямленном состоянии около 20,4 см. Окончания удил диаметром 3,2 см.

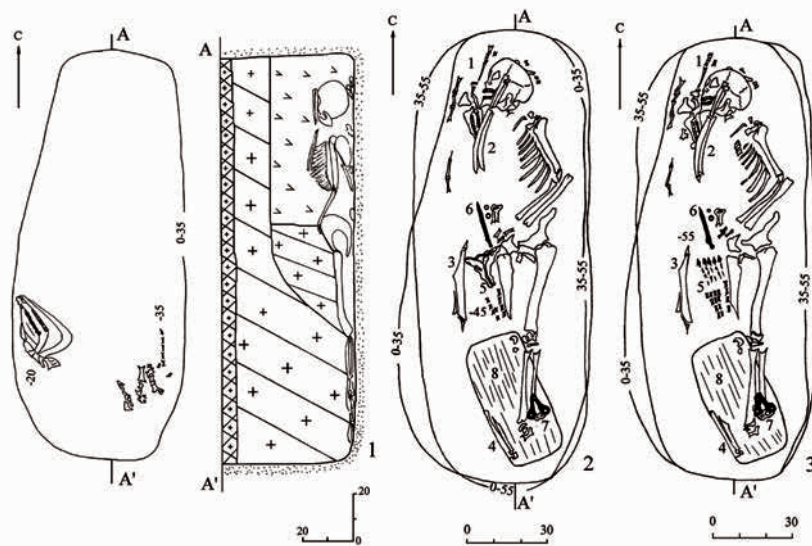

Рис. 1. Яма № 3А кургана Халвай-3. 1 – жертвенник и профиль погребения; 2 – план погребения, этапы расчистки: 1 – череп и конечности барана, 2–4 – костяные накладки на лук, 5 – тазовые кости барана, 6 – железные нож и пряжка, 7 – железные удила и костяная пряжка, 8 – тлен (возможно, от горита или колчана); 3 – план погребения, этапы расчистки: 1 – череп и конечности барана, 2–4 – костяные накладки на лук, 5 – железные наконечники стрел, 6 – железные нож и пряжка, 7 – железные удила и костяная пряжка, 8 – тлен (возможно, от горита или колчана)

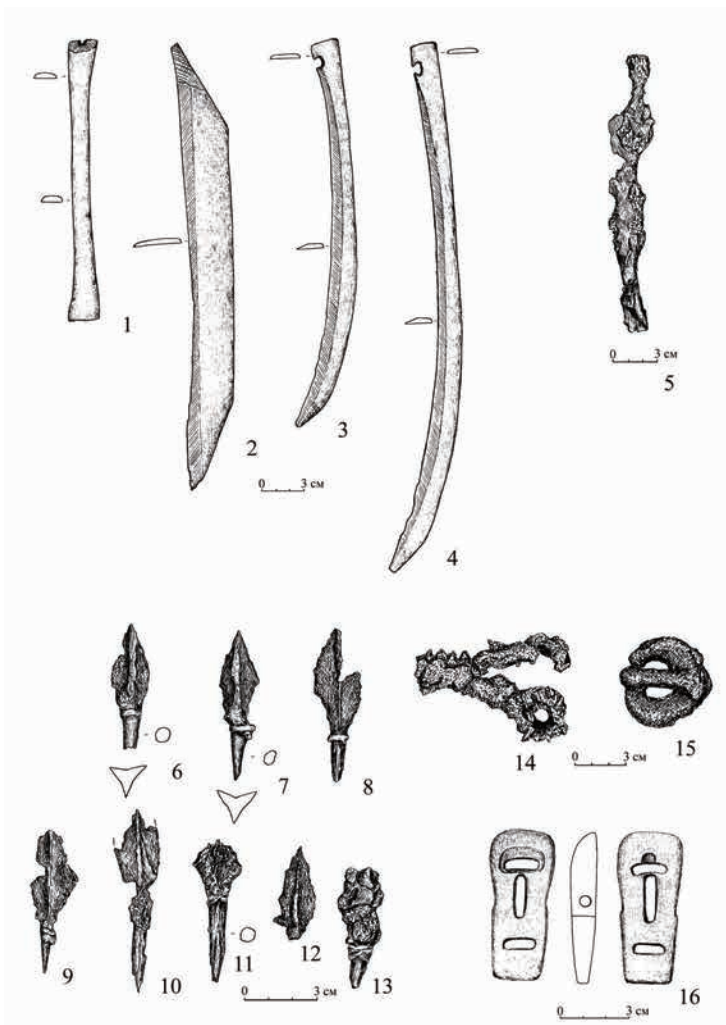

Рис. 2. Яма № 3А кургана Халвай-3. Находки: 1–4 – накладки на лук; 5 – нож; 6–13 – наконечники стрел; 14 – удила; 15–16 – пряжки; 1–4, 16 – кость; 5–15 – железо

Диаметр отверстия — 1,1–1,2 см, одно окончание обломано. Стержень удила в сечении округлый, диаметром 1,2 см.

Железная пряжка размерами 3 x 3,2 см имеет округлую рамку с прямым подвижным язычком (рис. 2, 15). Толщина рамки 0,8 см, язычка — 0,6 см. Язычок расположен по диагонали пряжки и фиксируется с рамкой изогнутым кольцевидным окончанием. Пряжка и язычок изготовлены из округлого в сечении штыря.

Костяная пряжка подпрямоугольной формы (рис. 2, 16). Длина 6,6 см, ширина 2–2,9 см, толщина 1,1 см. Язычок не сохранился. На одной стороне пряжки окончание округлой формы, на противоположной — прямоугольной. Посередине изделия по бокам вырезаны небольшие углубления, образующие перехват, а поперек окончаний вырезаны два овальных отверстия длиной 1,35–1,6 см и шириной 0,45 см, для пропуска подвижного и неподвижного ремней. Посередине вдоль пряжки, перпендикулярно отверстиям на

окончаниях, вырезано овальное отверстие длиной 1,95 см, шириной 0,4 см, для движения язычка. По бокам изделия, посередине, образовано поперечное сквозное округлое отверстие, предназначенное для фиксации язычка, диаметром 0,35 см.

Лук. Остатки сложносоставного ассиметричного лука представлены костяными пластинами (накладками) в количестве семи экземпляров (четыре концевые, две боковые срединные и одна фронтальная срединная) накладки (рис. 2, 1–4):

1. Концевые накладки (две пары), однотипны в виде длинной прямоугольной пластины дуговидной формы (рис. 2, 3–4). Одна пара длиной 36 см, шириной 1,5–2 см, толщиной 0,4 см, зафиксирована на голове костяка. Другая пара, обнаруженная у ног умершего, длиной 27 см, шириной 1,3–2 см, толщиной 0,4 см. Окончания накладок с одной стороны имеют приостренные, с противоположной верхней стороны прямые окончания с одним арочным вырезом по бокам для крепления петель тетивы. Внешний длинный край пластин, обращенный к спинке, приострен. Верхнее окончание концевых накладок имеет сечение прямоугольной формы, а остальная часть — трапециевидной. По внутренней стороне, на приостренных окончаниях и по внешнему краю нанесена косая нарезка.

2. Боковые срединные накладки (одна пара), зафиксированные на тазу костяка, длиной 31 см, шириной 2,8–3,3 см, толщиной 0,3 см (рис. 2, 2). Изделия в виде пластин вытянутой трапециевидной формы. Сечение прямоугольное, слегка выпукло-вогнутое. Косая нарезка нанесена также, как и на концевых пластинах.

3. Срединная фронтальная накладка, длиной 19,3 см в виде прямоугольной пластины с плавно расширяющимися окончаниями шириной 2,1–2,2 см (рис. 2, 1). Накладка толщиной 0,4 см, сечение сегментовидное. На одном окончании изделия также нанесена косая нарезка [Шевнина, Логвин, 2015, с. 152–158, рис. 108–111].

Деревянное основание (кибиты) лука не сохранилось. Судя по расположению накладок в виде плавной изогнутой дуги, лук, видимо, был положен в могилу со спущенной тетивой. Расположение накладок *in situ*, позволяет предположить, что лук с одетой тетивой был длиной около 140–150 см (рис. 3).

Характеристика погребального обряда захоронения (впускное погребение, форма и размеры ямы, поза умершего, состав и расположение частей жертвенных животных, а также особенности размещения инвентаря), имеет параллели с погребальной традицией гуннского и постгуннского времени Евразийской степи [Амброз, 1981, с. 19–20; Засецкая, 1971; 1994, с. 12–22; Боталов, 2009, с. 178, 308–309].

Хотя положение погребенного на боку не является характерным признаком гуннского обряда, такая поза встречается в погребальных комплексах гунно-сарматского типа II–IV вв. н. э. урало-казахстанских степей. В постгунском погребении кургана 6 мог. Каменный Амбар-5 в Челябинской области (VII в. н. э.), мужчина покоился вытянуто на правом боку, лицом на запад [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 128; 2009, с. 178; Костюков, 1995, с. 151–160, рис. 3, 2].

Особенностью гуннского погребального обряда является жертвоприношение в основном головы, конечностей, шкуры животных (лошадь, КРС, овца, верблюд). Жертву чаще всего размещали в районе ног, с левой и правой стороны погребенного, как на его уровне, так и выше него, в заполнении могильной ямы, на приступке, на ступеньке входной ямы и на перекрытии [Засецкая, 1971, с. 65–70; 1994, с. 16–22; Амброз, 1981, с. 19; Боталов, 2013, с. 31–87].

Луки с костяными накладками получают широкое распространение с начала I тыс. н. э. у кочевников от Центральной Азии до Европы. В хуннских и гуннских захоронениях также встречаются остатки таких луков, однако весьма редко накладки сохранились *in situ* [Хазанов, 1971, с. 31–32; Худяков, 1986, с. 29–30; Засецкая, 1977, с. 95–96; 1994, с. 35; Савинов, 1981, с. 146]. Обычай располагать лук справа от погребенного имеет параллели в погребениях джетыясарской культуры поздней древности. По данным Л. М. Левиной во всех захоронениях луки были положены справа от умершего [Левина, 1996, с. 114].

Обычай оставлять лук в погребении со спущенной тетивой нам известен только из материалов погребения на поселении Актобе-2 в Южном Казахстане (рубеж IV–V вв. н. э.). Как отмечают В. П. Никоноров и Ю. С. Худяков, еще с эпохи поздней античности были известны два способа ношения луков – боевой и повседневный. Тетиву надевали перед боем и спускали ее после использования для того чтобы как можно дольше сохранить боевые качества лука [Вайнберг, Левина, 1968, с. 71–80, рис. 33; Никоноров, Худяков, 2004, с. 193–211].

Остатки сложносоставного лука с семью костяными накладками (четыре концевые, две боковые срединные и одна срединная фронтальная), имеют аналогии с луками «гуннского» типа. Прототипами луков этого типа, по всей видимости, являются экземпляры из Центральной Азии хуннского и позднехуннского времени [Хазанов, 1971, с. 31, табл. XVII; Савинов, 1981, с. 146–162; Худяков, 1986, с. 29–30, 206–208; Любчанский, 2010, с. 15–16]. Подобные накладки происходят из гунно-сарматских и постгуннских памятников урало-казахстанских степей II–VI вв. н. э., погребальных комплексов джетыясарской культуры периодов Ib и Iv (последние века до нашей эры – IV в. н. э.). Сходные экземпляры изредка встречаются и в гуннских погребениях Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья в конце IV–V вв. н. э. (И. П. Засецкая) или V–VII вв. н. э. (А. К. Амброз) [Любчанский, 2010, с. 15–16, рис. 3, 9, 12–13; Вайнберг, Левина, 1968, с. 71–80, рис. 33; Левина, 1992, с. 63, табл. 23, 37–47, 53–57; 61–65; 1996, рис. 87–91; Засецкая, 1994, с. 111–112, табл. 31, 10; 47, 11; Амброз, 1971, с. 115–120; 1981, с. 10–23; Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 1999, с. 194–207; Худяков, 1986, с. 26–29, рис. 2; 3]. Наиболее точные аналогии халвайским концевым накладкам обнаружены в

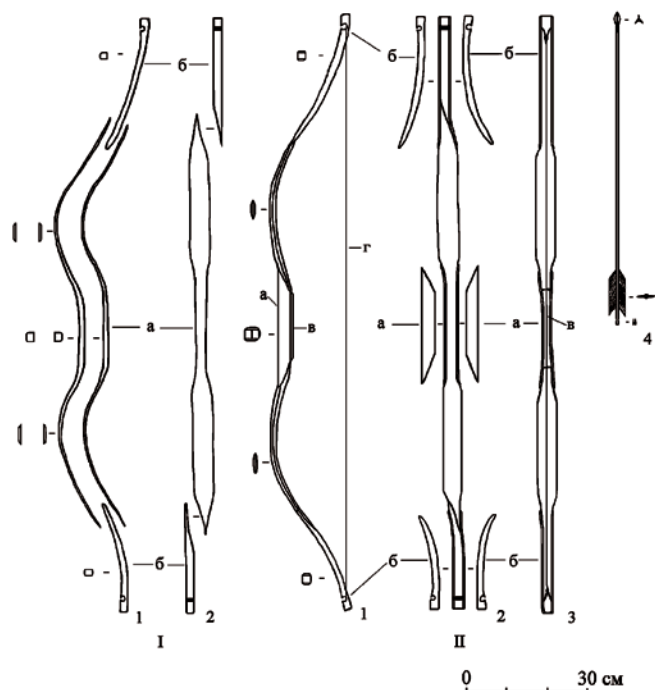

Рис. 3. Реконструкция лука гуннского типа по материалам погребения № 3А кургана Халвай-3. I – деревянные детали лука в разобранном виде: 1 – профиль; 2 – фронтальная сторона; а – кибити лука, б – концевые детали II – лук в собранном виде: 1 – профиль; 2 – фронтальная сторона, 3 – тыльная сторона; а – срединные боковые накладки, б – концевые боковые накладки, в – срединная тыльная накладка, г – тетива; 4 – стрела

погребениях кокзельской культуры Тувы (первая половина I тыс. н. э.), джетыясарских памятниках поздней древности, захоронении на поселении Актобе-2 в Южном Казахстане (рубеж IV–V вв. н. э.) и гуннском погребении 2 кургана 8 на могильнике Кубей в Северном Причерноморье (конец IV–V вв. н. э.). Эти концевые накладки, также как и халвайские, имеют окончания прямоугольной формы, что немного отличает их от хуннских экземпляров [Худяков, 1986, с. 64–68, рис. 21, 1–4, 12; Савинов, 1984, с. 22–23; Левина, 1996, рис. 87, 2, 5, 6; 88, 26–28; 89, 1–4, 19–21; 90, 2, 7, 16, 18; 91, 2, 8–9]. Традиция изготавливать концевые пластины подобной формы продолжает бытовать и позже, до эпохи раннего средневековья, о чем свидетельствуют находки в памятниках караякуповской культуры Южного Урала VII–VIII вв. и тюркских погребениях Саяно-Алтая конца VI–VII вв. [Мажитов, 1981, с. 27–28, рис. 15, 10–11; Могильников, 1981, с. 36, рис. 19, 2].

Наконечники стрел можно отнести к типу 1, подтипам А и Б (по типологии И. П. Засецкой). Стрелы с ромбической головкой имели широкое распространение у кочевников Евразии в гуннское время. Такие наконечники восходят к центрально-азиатским образцам хуннского времени, а с эпохи великого переселения народов распространяются кочевниками до степей Восточной Европы [Засецкая, 1983, с. 70–83, рис. 1; 1994, с. 37–39, рис. 4, 1–6; Любчанский, 2010, с. 13–14, рис. 1–31, 35–44; Худяков, 1986, с. 30–43, 143–150]. Железные плоские наконечники с черешком в основном были в употреблении в монгольскую эпоху характерны для культур поздних кочевников евразийских степей, однако использовались хуннами в Центральной Азии еще с поздней древности. Плоские стрелы встречаются и в гуннских памятниках, по мнению И. П. Засецкой распространение их до Восточной Европы было связано с походами гуннских племен [Засецкая, 1983, с. 81–82; Худяков, 1986, с. 38–39].

Железная пряжка, судя по ее расположению в районе таза, использовалась в портупейно-поясной гарнитуре. Пряжки подобной формы имели весьма широкие территориальные и хронологические рамки бытования у народов древности и средневековья и мало чем отличались на протяжении столетий. В степях Евразии они использовались еще с раннего железного века,

получив наибольшее распространение в гунно-сарматское время. Подобные экземпляры продолжали изготавливать и в раннем средневековье [Мандельштам, 1992, табл. 42, 33, 53; 81, 14, 28; Могильников, 1992, с. 257, табл. 106, 19; 1981, рис. 19, 27, 28; Гуцалов, 2004, с. 33, табл. 27, рис. 4; Боталов, Гуцалов, 2000, с. 129–130, 143; Ковалевская, 1979, с. 15–18]. Халвайская пряжка имеет аналогии с экземплярами из гуннских погребений у г. Ленинска в Волгоградской области, пещеры у села Кызыл-Адыр в Оренбургской области. Она также сходна с пряжками из культурных слоев городищ и погребальных комплексов джетыясарской культуры [Засецкая, 1994, с. 94, табл. 33, 9; 37, 19; Левина, 1996, с. 219, рис. 121].

К предметам конского снаряжения относятся удила и костяная пряжка. Железные двусоставные однокольчатые удила бытовали у евразийских кочевников с раннего железного века, продолжая использоваться и в средневековье. Такие удила встречаются в гуннских захоронениях от урало-казахстанских степей до Северного Причерноморья [Могильников, 1981, с. 37, рис. 19, 14, 16, 17; 20, 43; Кадырбаев, 1959, с. 179–182, рис. 15, 3; Засецкая, 1994, с. 40, табл. 6, 6, 7; 7, 7; 27, 1; 31, 7; 34, 9; 35, 10; 37, 16; 41, 5].

Пряжка из кости, по-видимому, использовалась для застегивания подпружных ремней. Костяные и роговые пряжки с щитком, выделенным из рамки боковыми прорезями, впервые появляются в Центральной Азии с хунно-сяньбийского времени (II в. до н. э. – III в. н. э.), а широкое распространение получают в тюркское время. Форма халвайской пряжки с неглубокими боковыми вырезами свидетельствует, что она относится к поздней древности. Она сходна с экземпляром из гуннского погребения кургана № 19 Канатас в Центральном Казахстане, относящегося к IV–V вв. н. э. [Кадырбаев, 1959, с. 179–182, 197; Мажигов, 1981, рис. 15, 19–20; Могильников, 1981, с. 37, рис. 19, 25, 74; 20, 54; Худяков, 2004, с. 71; Тишкин, Матренин, 2010, с. 220–228].

Анализ погребального обряда и инвентаря изучаемого погребения не позволяет нам датировать его узкими временными рамками. Данное захоронение можно отнести к гуннскому – постгуннскому времени в пределах IV–VI вв. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К.** Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II // СА. – 1971. – № 3. – С. 106–134.
- Амброз А.К.** Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 10–23.
- Арсланова Ф.Х.** Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1975. – С. 116–129.
- Бейсенов А.З., Веселовская Е.В.** Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. – Челябинск: ЮУрГУ, 2013. – С. 446–461.

- Бейсенов А.З., Китов Е.П.** Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. – Челябинск: ЮУрГУ, 2013. – С. 462–468.
- Бернштам А.Н.** Находки у оз. Борового в Казахстане // Сб. МАЭ. – 1951. – Т. XIII. – С. 216–229.
- Боталов С.Г.** Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: «ЦИРК», «Рифей», 2009. – 672 с.
- Боталов С.Г.** О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. – Челябинск: ЮУрГУ, 2013. – С. 31–87.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.** Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: «Рифей», 2000. – 269 с.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э.** Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. – 232 с.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М.** Поселение Актобе-2 // Древности Чардары. – Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 71–80.
- Гуцалов С.Ю.** Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. – Уральск, 2004. – 136 с.
- Засецкая И.П.** Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья // АСГЭ. – 1971. – Вып. 13. – С. 61–72.
- Засецкая И.П.** О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV–V века нашей эры // АСГЭ. – 1977. – Вып. 18. – С. 92–100.
- Засецкая И.П.** Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV–V вв. н. э.) // История и культура сарматов. – Саратов: Саратовский университет, 1983. – С. 70–84.
- Засецкая И.П.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв. н. э.). – СПб.: АО «Эллипс», 1994. – 224 с.
- Кадырбаев М.К.** Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. – 1959. – Т. 7. Археология. – С. 162–203.
- Ковалевская В.Б.** Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // Археология СССР. Свод археологических источников. – М.: Наука, 1979. – 112 с.
- Костюков В.П.** Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар-5 // Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа: Гилем, 1995. – С. 151–160.
- Левина Л.М.** Памятники джетысарской культуры середины I тыс. до н. э. – середины I тыс. н. э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 61–72.
- Левина Л.М.** Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.). – М.: Восточная литература РАН, 1996. – 396 с.
- Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М.** Сарматские материалы с кургана Халвай 3 // Маргулановские чтения–2012: матер. научн.-практич. конф. – Астана: Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2012. – С. 199–201.
- Любчанский И.Э.** Номады поздней древности на западных окраинах Центральной Азии // Становление и развитие позднесарматской культуры. – Волгоград: ВолГУ, 2010. – С. 7–36.
- Мажитов Н.А.** Южный Урал в VI–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 23–28.
- Мандельштам А.М.** Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 107–116.
- Могильников В.А.** Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29–43.
- Могильников В.А.** Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 254–273.
- Никонов В.П., Худяков Ю.С.** «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Агтилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. – 320 с.
- Пузровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И.** Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // Херсонесский сборник. – Севастополь: Херсонесский музей, 1999. – Вып. 10. – С. 194–207.
- Савинов Д.Г.** Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: «Наука» Сибирское отделение, 1981. – С. 146–162.
- Савинов Д.Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: ЛГУ, 1984. – 174 с.
- Сеитов А.М.** Реконструкция гуннского лука и стрел из ямы № 3А кургана Халвай III // Приложение 8 в кн.: Шевнина И., Логвин А. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. – Астана: Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. – С. 245–247.
- Тишкин А.А., Матренин С.С.** Комплексный анализ роговых пряжек хуннского и жузжанского времени из могильника Яломан-II (Центральный Алтай) // Изв. АлтГУ. – 2010. – С. 220–228.
- Хазанов А.М.** Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – 171 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 269 с.
- Худяков Ю.С.** Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2004. – 152 с.
- Шевнина И., Логвин А.** Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане – Астана: Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2015 – 248 с.

**Н. Ю. Смирнов,
А. В. Соколов**

Н. Ю. Смирнов¹, А. В. Соколов²

*¹Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

*²Санкт-Петербургский государственный
университет*

N. Yu. Smirnov¹, A. V. Sokolov²

*¹The Institute for the History of Material Culture RAS,
St. Petersburg*

²Saint-Petersburg State University

E-mail: kolaksais@yandex.ru; sokolov-ossa@mail.ru

Археологические исследования в Тургайской области до 1917 года: краткий обзор документов научного архива ИИМК РАН

Аннотация: В статье предлагается краткий обзор всех выявленных на настоящий момент документов Научного архива ИИМК РАН, касающихся археологических исследований, проводившихся в Тургайской области с момента возникновения Императорской археологической комиссии и до 1917 г. Рассмотрено 18 дел Императорской археологической комиссии, в которых имеется информация о разведках или раскопках в Тургайской области с 1888 по 1916 год.

Ключевые слова: Тургайская область до 1917 года, Императорская археологическая комиссия, дореволюционные археологические исследования, раскопки, курганы, древности.

Archaeological researches in the Turgay region before 1917: a brief review of the documents of the IIMC RAS scientific archive

Abstract: In the article the short review of all documents of the IIMC RAS Scientific archive revealed currently concerning the archaeological researches conducted in the Turgay region from the moment of emergence of the Imperial archaeological commission and till 1917 that is during the pre-revolutionary period of development and formation of the Russian archaeology is offered. 18 cases of the Imperial archaeological commission which contain any information on investigations or excavation in the Turgay region from 1888 to 1916 are considered.

Keywords: the Turgay region, the Imperial archaeological commission, pre-revolutionary archaeological researches, excavation, barrows, antiquities.

«Кому хоть один раз приходилось ехать Тургайской областью, тот не мог не заметить во множестве рассыпанных по всей степи, почти правильной куполообразной формы шишек, — это древние курганы-могильники, печальные, немые свидетели давно прошедших, давно канувших в вечность целых быть может тысячелетий, а с ними многих племён и народов, покончивших своё земное существование и унёсших под эти тяжёлые, угрюмые насыпи так много дорогого и интересного для современного человечества».

А. Аниховский,

*«Древние курганы-могильники в
Кустанайском уезде Тургайской области»,
1905 г.*

Задача краткого обзора документов Научного архива (далее — НА) ИИМК РАН, касающихся археологических исследований на территории Тургайской области (рис. 1) в дореволюционный период, значительно облегчается вышедшими за последнее десятилетие фундаментальными трудами, посвящёнными как истории самой Императорской археологической

комиссии (далее — ИАК) [Императорская..., 2009; Императорская... Приложение, 2009], так и истории археологического изучения регионов Центральной Азии и Сибири [Длужневская, 2005; 2011]. Прежде всего, это касается поиска и выявления архивных источников, так как информация по Тургайской области в приведённых работах, в основном, носит справочный характер: указа-

Рис. 1. Карта Тургайской области [Кастанье, 1910, Объяснительная карта]

ны основные исследователи, годы их раскопок, кратко перечислена сохранившаяся в НА ИИМК РАН документация, даны номера архивных дел или фотоальбомов [Длужневская, 2005, с. 65, 76, 78; 2011, с. 58–60, 188–189, 216–218, 270, 272, 273–275; Императорская..., 2009, с. 809–811; Императорская... Приложение, 2009, с. 174].

Комментаторскую работу, входящую в задачи авторов, значительно упрощает то, что отдельные материалы, сообщения об исследованиях и даже целые обзоры археологических памятников Тургайской области были опубликованы ещё в дореволюционный период [см., напр.: Аниховский, 1905а, б; Кастанье, 1905, 1908, 1910, 1911а, б; Модестов, 1913; Назаров, 1894; Нефёдов, 1899; Отчёт ИАК за 1889 год, 1892, с. 55–58; Отчёт ИАК за 1901 год, 1903, с. 142–143; Попов, 1906а, б, 1911, 1913, с. 222–223; Попов, Кастанье, 1906; Протокол № 8..., 1906; Протокол № 9..., 1905, с. 150–154; Протокол № 350..., 1894, с. 180–185; Смирнов, 1909, с. 9–10, табл. 113]. Особенно плодотворно на этой ниве потрудились члены Оренбургской учёной архивной комиссии (далее — ОУАК). В частности, следует отметить две принципиально важные работы, вышедшие в серии трудов ОУАК: краткий обзор археологических исследований в Тургайской области, проведённых до 1906 г. [Попов, Кастанье, 1906] и исчерпывающий для своего времени труд

И. А. Кастанье — «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», вышедший четырьмя годами позже [Кастанье, 1910].

И всё же, несмотря на активную исследовательскую и публикационную деятельность ОУАК, работы, проводившиеся здесь до 1917 г. почти исключительно любителями из местной интеллигенции, чиновников, духовенства и крестьян, остаются не слишком широко известными, а их результаты далеко не полностью введены в научный оборот. Ввиду этого, представляется уместным специально обратиться к архивным источникам (открытым листам, отчётам и деловой переписке ИАК), пусть и лапидарным, но не исчерпавшим, на взгляд авторов, свой потенциал.

Сведения об археологических исследованиях в Тургайской области имеются в фондах Рукописного (далее — РО) и Фотографического отделов (далее — ФО) НА ИИМК. Ниже приводятся краткие характеристики архивных документов, распределённые погодно и некоторые необходимые комментарии к ним.

1888 год

В этом году в ИАК впервые поступают сведения о раскопках курганов в Тургайской области, проведённых непререваемым членом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (далее — ОЛЕАЭ),

Ф. Д. Нефёдовым, за несколько лет изучения этого края, и о коллекции вещей из них. Сведения содержатся в переписке ИАК с губернатором Оренбургской губернии [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1888 г., д. 56, л. 1, 1 об., 4–6], письме самого Нефёдова к В. Г. Тизенгаузену [Там же. Л. 7–8] и газетной публикации речи Нефёдова, произнесённой на заседании Оренбургского губернского статистического комитета 19 октября 1888 г. [Там же. Л. 2 об., 3]. Из газеты «Оренбургский листок» от 23 октября 1888 г., №43, содержащейся в этом деле, можно узнать, что именно Нефёдову «выпало на долю счастье положить начало археологическим исследованиям в Тургайской области...», где он начал свои «изыскания» в 1884 г. Притом в Илецком уезде Тургайской области он «встретился с памятниками скифов, тевтонцев и чуди» [Там же. Л. 2 об.]. Вещи из раскопок Нефёдова, скорее всего, поступали в два места: в музей ОЛЕАЭ и в Императорское Московское археологическое общество (далее — МАО) [Там же. Л. 1]. Каких-либо сведений, документирующих раскопки Нефёдова, в НА не выявлено.

История обращения Нефёдова к древнему прошлому Тургайской области достаточно подробно изложена им самим при публикации обзора собственных работ в Трудах МАО [Нефёдов, 1899]. С 1884 г. он вел «этнографические и антропологические изыскания» по поручению ОЛЕАЭ, обращая внимание и на памятники древности, а с 1888 — уже по решению МАО — начал целенаправленно изучать археологические памятники [Там же. С. 2]. Опубликованы были в Трудах МАО и некоторые его находки [Там же. Табл. I].

Обобщённая информация о работах Нефёдова также содержится в кратком обзоре А. В. Попова и И. А. Кастанье [Попов, Кастанье, 1906, с. 208–209] и в более позднем труде И. А. Кастанье [Кастанье, 1910, с. 65–66].

1889 год

Открытый лист на право проведения раскопок в Пермской, Уфимской, Оренбургской губерниях и Степном Генерал-Губернаторстве выдан профессору Санкт-Петербургского университета **Э. Ю. Петри** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 2, 3].

В РО НА имеется рукописный отчёт Петри о раскопках и обнаруженных древностях, сопровождающийся рядом графических иллюстраций и листом карты, без специального указания маршрута или памятников [Там же. Л. 4–14]. К исследованиям на территории Тургайской области относится вторая часть отчёта, в которой описаны раскопки средневе-

ковых курганов с сожжениями в урочище Биш-оба на берегу озера Убалы-Куль, в Николаевском уезде Тургайской области [Там же. Л. 6 об.–7]. На рисунке, связанном с раскопками в Биш-обе, изображены две «каменные бабы» (рис. 2), одна из которых найдена в кургане, а вторая на поверхности одного из соседних курганов [Там же. Л. 7, 12]. По схематическим рисункам и характерному описанию: «На обеих намечены одни лишь лица с несомненно монгольскими чертами и длинными усами» [Там же], понятно, что речь идёт о древнетюркских стелах, изображающих покойного.

По сведениям А. В. Попова и И. А. Кастанье, найденные Петри предметы поступили в фонд Русского исторического музея (современного ГИМ'а) [Попов, Кастанье, 1906, с. 214]. Данные о раскопках Петри были опубликованы в трёх изданиях: в Отчёте ИАК за 1889 год, в обзоре Попова и Кастанье и в книге Кастанье [Отчёт ИАК за 1889 год, 1892, с. 57–58; Попов, Кастанье, 1906, с. 214; Кастанье, 1910, с. 66]. В последнем издании помещены изображения «каменных баб» из Тургайской области, однако точно определить среди них изваяния, найденные Петри, не получается. Возможно, это статуи, помещённые в

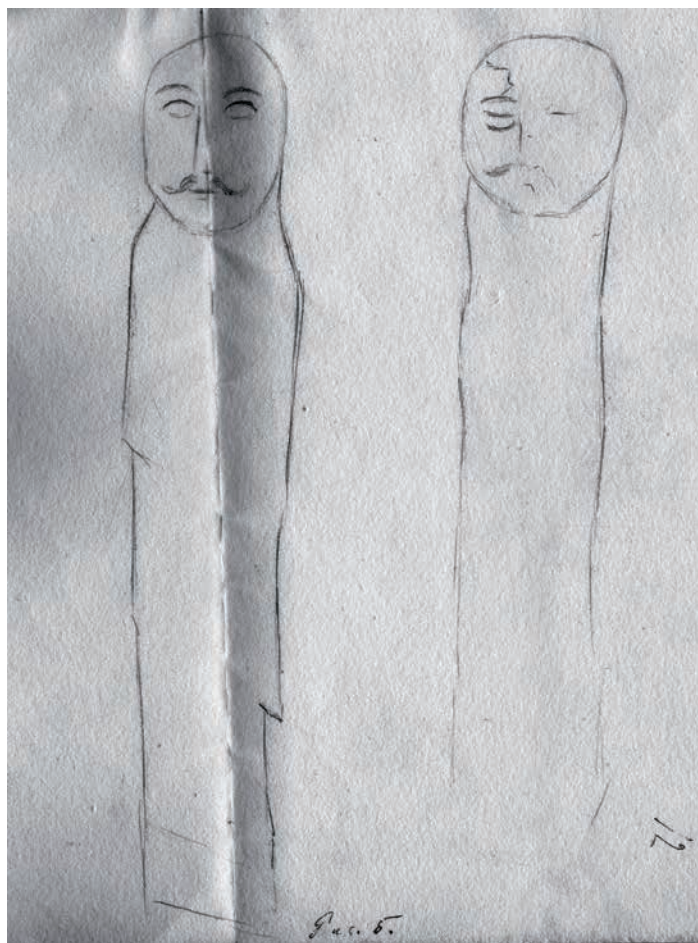

Рис. 2. Две «каменные бабы» из раскопок Э. Ю. Петри в урочище Биш-оба в 1889 г. [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 12]

книге Кастанье на таблицу XVI под номерами 8 и 9 [Кастанье, 1910, табл. XVI, 8, 9].

1890 год

Открытый лист на право проведения раскопок в Уфимской, Оренбургской губерниях и Степном Генерал-Губернаторстве снова выдан профессору Санкт-Петербургского университета **Э. Ю. Петри** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 19–21]. Никаких сведений о работах, проведённых по этому листу, в НА не имеется. Не упоминают о них и А. В. Попов и И. А. Кастанье.

1897 год

Открытый лист на право проведения раскопок в пределах дач г. Оренбурга и Актюбинского уезда Тургайской области выдан члену ОУАК, врачу **А. Попову** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1897 г., д. 44, л. 1–7]. Судя по имеющемуся в РО НА отчёту, Попов производил раскопки только в окрестностях г. Оренбурга, не выезжая в Тургайскую область [Там же. Л. 29–30 об, 34–55а]. Это подтверждается и в обзоре И. А. Кастанье и самого А. В. Попова [Попов, Кастанье, 1906, с. 217–219].

1898 год

Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Орского уезда Оренбургской губернии и Актюбинского уезда Тургайской области выдан члену ОУАК земскому начальнику **П. С. Назарову** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1898 г., д. 94., л. 3–7]. Из документов РО НА окончательно не ясно, на каких территориях Назаров производил раскопки, так как отчёта о них в ИАК он не представил. Вследствие переписки между ИАК и ОУАК, к 1901 г. выяснилось, что Назаров был переведён земским начальником в Верхнеуральский уезд и в результате большого объёма должностных обязанностей «...успели лишь разработать полученные результаты по раскопкам курганов скифского типа Южного Урала и Киргизской степи. Работа по курганам позднейшего времени ... лишь намечена...» [Там же. Л. 14]. Учитывая упоминание «Киргизской степи» можно предполагать, что в Тургайской области он всё же работал.

Вполезрения ИАК член Антропологического отдела ОЛЕАЭ П. С. Назаров попал впервые в 1890 г., после раскопок кургана «Бишь-Уба», проведённых без Открытого листа в Орском уезде Оренбургской губернии [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1890 г., д. 193, л. 1–3]. Вероятно, его интерес к древностям региона был настолько силен, что все прошедшие восемь лет П. Назаров не только продолжал заниматься исследованием курганов, а собрался «разработать полученные результаты», стал действительным членом ОУАК и, наконец, получил Открытый лист от ИАК.

Интересно, что в обзорах А. В. Попова и И. А. Кастанье работы П. С. Назарова в 1898 г. тоже

не упоминаются. Зато под 1890 г. и А. В. Попов и И. А. Кастанье приводят сведения о работах **Ивана С. Назарова** на Кок-Ийюке, на р. Тобол, недалеко от г. Кустаная [Попов, Кастанье, 1906, с. 217; Кастанье, с. 66]. При этом они ссылаются на сведения о раскопках, помещённые в Трудах МАО [Назаров, 1894, с. 185–190]. Однако при знакомстве с указанным томом трудов МАО выясняется, что произошла занятая путаница: в 1890 г. раскопки кургана Кок-Ийюк производил **П. Назаров** [Протокол № 350...1894, с. 182; Назаров, 1894, с. 185–190]. Исходя из имеющихся данных, мы можем уверенно предположить, что речь идёт всё о том же земском начальнике **Петре Степановиче Назарове** из г. Оренбурга, работавшем на Кок-Ийюке по согласованию с МАО и разрешению, полученному от его председателя — графини П. С. Уваровой [Назаров, 1894, с. 185; Состав Комиссии, 1905, с. 44]. Таким образом, получается, что раскопщик Кок-Ийюка 1890 г. и держатель открытого листа ИАК 1898 г. — одно лицо — земский начальник П. С. Назаров. Трудно сказать, почему возникла эта путаница, тем более что с 1895 г. П. С. Назаров состоял действительным членом ОУАК, а местом его жительства в 1906 г. справедливо указан уже Верхнеуральск [Состав Комиссии, 1905, с. 44]. Возможно, замещение П. С. Назарова его почти полным тёзкой И. С. Назаровым в обзорах 1906 и 1910 гг., связано с той ролью, которую стал играть последний в исследованиях тургайских древностей в начале XX в (см. ниже).

1900 год

В этом году в ИАК поступают сведения от крестьянина **И. П. Самойлова** о предпринятых им разысканиях и раскопках курганов в Тургайской области [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 1–4]. В РО НА имеется длительная (1900–1902 гг.) переписка крестьянина Самойлова с ИАК и ИАК с управлением Тургайской области, с уфимским губернатором, с самим Самойловым, посвящённая выяснению характера незаконных раскопок, и имеющая целью их прекращение [Там же. Л. 5–8, 11–14 об.; НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 6–9 об.]. В документах этого времени присутствуют важные данные о происхождении и судьбе ряда вещей, впоследствии поступивших в ИАК от лиц, которым Самойлов продавал свои находки [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 9, 10, 15–17, 19, 19 об., 23–24 и др.].

Тремя годами позже имя Самойлова попало и в анналы ОУАК. Сведения о его деятельности были озвучены действительным членом Императорского русского археологического общества, избранным в том же году действительным членом ОУАК, **И. В. Аничковым**, на заседании 27 июля 1903 г. Судя по опубликованному протоколу заседания, Аничков «вселил в Самойлове

некоторое к себе доверие», вследствие чего смог узнать от того подробности его трудов по «бескорыстному разрытию курганов» [Протокол № 9..., 1905, с. 150–154]. В том числе узнал он и то, что Самойлов «долго работал на этом поприще» вместе с «г. Назаровым, проживающим также в Кустанае» [Там же. С. 151]. Отметим, что здесь речь идёт как раз об Иване С. Назарове, упоминавшемся выше. Члены ОУАК «с крайним интересом» выслушали рассказ Аничкова и постановили «направить внимание Самойлова главным образом на доставление Комиссии сведений по археологии», предпочитая тем самым «умело эксплуатировать его, не допуская его до раскопок» [Там же. С. 154]. Трудно сказать, насколько увенчался успехом этот замысел ОУАК, однако после 1903 г. никаких сведений об археологической активности Самойлова мы не имеем.

Кратко упоминает о его деятельности в своём обобщающем труде и И. А. Кастанье [Кастанье, 1910, с. 67].

1901 год

1. ИАК продолжает выяснять обстоятельства и результаты самовольных раскопок крестьянина Самойлова в Тургайской области. К 1901 г. относится целый ряд документов: переписка с уфимским губернатором [Там же. Л. 7–8, 11, 12]; переписка с покупателями вещей, добытых Самойловым, — И. С. Назаровым и Е. Е. Подвинцевым [Там же. Л. 9, 10, 15–17, 19, 23, 24, 27, 28]; военным губернатором Тургайской области [Там же. Л. 13]; с самим Самойловым [Там же. Л. 14, 18]. Предметы, добытые Самойловым, были присланы в ИАК И. Назаровым, а после фотографирования были переданы в Эрмитаж — «золотой наконечник» и в Исторический музей — каменное блюдо, костяной наконечник стрелы, «медный предмет в виде серпа» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1895, д. 293, л. 258 об.–259].

Часть древностей, полученных от И. Назарова, была опубликована в Отчёте ИАК за 1901 г. [Отчёт ИАК за 1901 г., 1903, с. 143, рис. 256, 257]. Информация об остальных отложилась в виде стеклянных негативов в ФО НА [НА ИИМК РАН, ФО, нег. II 26724, II 26579, II 26580].

2. Открытый лист на право проведения раскопок в пределах с. Уркач, Тусумской волости Тургайского уезда и области, и в пределах г. Тургая выдан помощнику присяжного поверенного и содержателю соляных промыслов **И. С. Назарову** [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 20–22]. Именно И. Назарову продал крестьянин Самойлов (см. выше) некоторые из обнаруженных им при «раскопках» вещей и именно с ним он работал долгое время «разрывая курганы». К чести И. Назарова, нужно отметить, что по просьбе ИАК он предоставил на её рассмотрение купленные у Самойлова предметы, от-

правив их в Петербург [Там же. Л. 19, 23 об.–24, 28].

Ничего внятного о раскопках по полученному листу нам не известно. В РО НА имеется лишь краткое сообщение И. Назарова о том, что ему не удалось провести раскопки в Тургае в текущем году и он лишь начал докапывать «испорченный» Самойловым курган в Уркаче, но закончить это предприятие ему помешала болезнь и сессия Окружного суда [Там же. Л. 23 об.–24].

Кроме того, в том же 1901 г. Назаров сообщает о находке «бабы» в южных окрестностях г. Тургая, на что ИАК просит прислать фотографию находки [Там же. Л. 23 об., 25, 25 об.]. По какой-то причине фотография «бабы» была отправлена в ИАК только в 1903 г. [Там же. Л. 32]. Выявить её пока не удалось.

У А. В. Попова и И. А. Кастанье никаких сведений о раскопках И. Назарова по Открытому листу ИАК не имеется. По всей видимости, ОУАК стало известно об интересе И. Назарова к древностям Тургайской области только из рассказа И. В. Аничкова два года спустя (см. выше).

3. От ОУАК в ИАК поступает «медный бурхан» — статуэтка бодисатвы Авалокитешвары (рис. 3), найденная у сопки Ак-Карча на берегу р. Тобол в Тургайской области в 1900 г.

Рис. 3. «Медный бурхан» — статуэтка бодисатвы Авалокитешвары, найденная у сопки Ак-Карча на берегу р. Тобол в Тургайской области [НА ИИМК РАН, ФО, нег. II 26475]

Определение изображённого персонажа было сделано С. Ф. Ольденбургем [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, 1901, д. 93, л. 1, 2; ФО, нег. II 26475]. После фотографирования статуэтка была отправлена обратно в адрес ОУАК [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1895, д. 293, л. 235 об.–236; НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1901, д. 93, л. 5].

Вместе с «бурханом» ОУАК прислала краткую записку об исторических преданиях и местных названиях, связанных с группой «сопок» на р. Тобол, рядом с которой была найдена статуэтка [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1901, д. 93, л. 3, 3об.].

1902 год

1. В ИАК поступило прошение от крестьянина **И. Самойлова** о дозволении ему проводить раскопки «*громадных размеров кургана*» вблизи г. Троицка Оренбургской губернии. ИАК категорически отказывает кладоискателю в праве на проведение работ и уведомляет о кургане ОУАК и Кустанайское городское полицейское управление [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 6–9 об.]. Позднее, Самойлов повторяет свой запрос, но наряду с ним отправляет в ИАК посылку с некоторыми вещами: «*шишаком*» и «*осколком от меча*», которые по его словам были найдены вместе с предметами, присланными И. С. Назаровым, в Данбарской волости Кустанайского уезда Тургайской области [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 30, 31]. К сожалению, изображений «шишака» в фондах НА выявить не удалось. В книге поступлений ИАК отмечено, что от крестьянина Самойлова поступили семь обломков железных предметов. Информация о дальнейшей судьбе этих обломков отсутствует [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1895 г., д. 293, л. 297 об.–298].

2. Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Кустанайского уезда Тургайской области выдан ОУАК. По решению ОУАК этот лист был передан её действительному члену, топографу **А. Л. Аниховскому** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 15]. Никаких сведений о результатах работ Аниховского в 1902 г. в НА не имеется. Статья Аниховского о раскопках в Кустанайском уезде была опубликована позднее в трудах ОУАК [Там же. Л. 14].

Из текста статьи следует, что в 1902 г. он не раскапывал курганы, а приступил к их изучению только в 1903 г. [Аниховский, 1905б, с. 67].

3. По всей видимости, в 1902 г. помощник присяжного поверенного **И. С. Назаров** попытался продолжить начатые годом ранее работы в Тургайском уезде, правда, без получения нового Открытого листа. Об этом свидетельствует телеграмма товарища председателя ОУАК А. В. Попова в ИАК в июле 1902 г. с запросом о том, было ли выдано разрешение И. С. Назарову, который раскапывает курганы в Тургайской об-

ласти. На эту телеграмму ИАК ответила, что «*Нынешний год Назарову разрешений не выдавалось*» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 5]. Никаких иных сведений о работах И. Назарова в 1902 г. в НА нет.

4. В ИАК поступает фотография «головой каменного истукана», найденной в Быстублинской волости Кустанайского уезда Тургайской области [НА ИИМК РАН, ФО, отп. Q 512/17]. По сведениям первого публикатора, Н. И. Булычёва, это изваяние стояло на кургане [Булычёв, 1902, с. 28, табл. XII, 1, 1а]. В начале XX в. голова хранилась в Уфимском губернском музее [Там же].

1903 год

1. Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Кустанайского и Актюбинского уездов Тургайской области выдан ОУАК. Непосредственно держателем листа указан всё тот же действительный член ОУАК, топограф Тургайской межевой партии **А. Л. Аниховский** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 16; 1903 г., д. 47, л. 5, 7, 8]. Из сопроводительной записки от ОУАК, написанной несколько лет позднее, в связи с возвратом оригиналов открытых листов, ясно, что Аниховский проводил работы по этому листу [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 14, 14 об.], однако отчёта в ИАК он не представил. При этом ОУАК извещает ИАК, что отчёты о работах Аниховского за 1902–1904 гг. опубликованы в трудах ОУАК [Там же].

Действительно, развёрнутый отчёт Аниховского об исследовании двух курганов в урочище Жангыз-Агаш в Тереклинской волости Актюбинского уезда, правда, без приложения каких-либо иллюстраций, был опубликован в 14-томе Трудов ОУАК в 1905 г. [Аниховский, 1905б]. Краткие сведения об этих работах размещены в обзорах А. В. Попова и И. А. Кастанье [Попов, Кастанье, 1906, с. 221–223; Кастанье, 1910, с. 66–67].

2. Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Тургайского уезда Тургайской области выдан ОУАК на имя её действительного члена, крестьянского начальника 2 участка Тургайского уезда **А. И. Добросмыслова** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1903 г., д. 47, л. 1–4]. Отчёт в ИАК не поступал, поэтому сведений о раскопках Добросмыслова в НА нет. Нет данных о его работах и у А. В. Попова и И. А. Кастанье. Вероятно, они не проводились.

1904 год

Четыре открытых листа на право проведения раскопок в пределах Тургайской и Уральской областей были выданы ИАК по просьбе **ОУАК** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 18–20; НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1904 г., д. 73, л. 9–12]. ИАК и ранее выдавала листы на имя ОУАК, которая, затем, сама препоручала одному из действительных членов право ведения

раскопок. Известен социальный состав предполагаемых держателей листа — их имена и должности перечисляются в запросе ОУАК: действительные члены комиссии, старшие топографы **Н. Я. Рыбаков**, **А. Г. Пославишин**, **А. А. Цельмин** и учитель французского языка Оренбургской мужской гимназии **И. А. Кастанье** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1904 г., д. 73, л. 9].

Три листа оказались не востребованными и были возвращены только через три года, о чём ОУАК и уведомляет ИАК в записке от 17 февраля 1907 г. [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 14]. Один из листов был возвращен, видимо, ещё в 1904 г. [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1904 г., д. 73, л. 11], возможно по нему работал Кастанье, так как в деле, в связи с его фамилией, имеется пометка о том, что отчёт о раскопках опубликован в трудах ОУАК [Там же. Л. 9]. Отчёта о работах по этому листу в НА нет.

Подробная информация о работах Кастанье 1904 г. размещена в трёх выпусках Трудов ОУАК, которые с разной степенью полноты отражают результаты его раскопок [Кастанье, 1905, с. 187–199; Кастанье, 1906, с. 223–224; Кастанье, 1910, с. 67–68]. В двух последних указанных изданиях дана краткая информация обобщающего характера. Кастанье работал в Актюбинском уезде, где раскапывал курганы и пещеру на р. Чийли и курганы на реках Жаман-Каргалы и Жаксы-Каргалы [Кастанье, 1910, с. 67–86].

1905 год

Два открытых листа на право проведения раскопок в пределах Оренбургской губернии и Тургайской области были выданы ИАК действительным членам ОУАК — преподавателю Неплюевского кадетского корпуса **А. П. Гра** и горному инженеру **С. А. Подьяконову** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1905 г., д. 87, л. 1–4, 6]. Никакой информации о раскопках упомянутых членов ОУАК в Тургайской области в НА не выявлено.

Из сообщения председателя ОУАК А. В. Попова о раскопках членов комиссии в Оренбургской губернии становится ясно, что и Гра, и Подьяконов были в 1905 г. заняты раскопками курганов на Бердинской горе и, очевидно, по этой причине, не проводили работ в Тургайской области [Попов, 1906б, с. 202].

1906 год

Два открытых листа на право производства раскопок в Тургайской области и Оренбургской губернии были выданы ИАК по запросу ОУАК. Один из них получил уже упоминавшийся преподаватель Оренбургской мужской гимназии **И. А. Кастанье** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1906 г., д. 49, л. 10], а другой — производитель работ Тургайской партии, **М. В. Шкунов** [Там же. Л. 11]. Отчётов Кастанье и Шкунова в НА не имеется.

Об исследованиях Шкунова ничего не упоминается ни в труде Кастанье [Кастанье, 1910], ни в протоколах ОУАК за соответствующий год, из чего можно заключить, что он работ не проводил.

Подробный отчёт Кастанье помещён в Трудах ОУАК [Кастанье, 1908, с. 102–116], а его сокращённая версия в Древностях киргизской степи... [Кастанье, 1910, с. 68–69]. Из них следует, что он снова работал на р. Жаксы-Каргалы, где исследовал шесть курганов [Там же]. Важно, что подробную версию отчёта Кастанье дополняют качественно сделанные иллюстрации: план могильника, виды раскопанных курганов, планы погребений и изображения отдельных вещей [Кастанье, 1908, табл. между сс. 104–105 и 112–113] — практически уникальный случай в работах членов ОУАК.

1907 год

Три открытых листа на право проведения раскопок в пределах Оренбургской губернии и Тургайской области были отправлены ИАК в адрес **ОУАК** по её просьбе [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, 1907 г., д. 46, л. 1, 14–16]. Судя по отсутствию в листах имён их держателей, они не были востребованы и раскопки не проводились. Это подтверждается и запиской ОУАК, отправленной в 1908 г. вместе с этими листами в ИАК [ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 2].

1908 год

1. 28 марта 1908 г. общее собрание членов ОУАК обратилось в ИАК с просьбой «командировать кого-либо» для раскопок курганов в Оренбургской губернии и Тургайской области летом 1908 г., ссылаясь на имевшийся прецедент — работы Н. Е. Макаренко, проводившиеся летом 1903 г. в Орском уезде Оренбургской губернии по поручению ИАК [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 1; Протокол №9..., 1905]. ИАК ответила отказом, мотивировав невозможность откомандировать кого-либо на подобные раскопки «недостаточностью своих средств» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 3].

2. И. А. Кастанье кратко упоминает о том, что 22 апреля 1908 г. на заседании ОУАК было доложено о раскопках **А. Л. Аниховским** кургана «Сара-уба» в Кустанайском уезде у пос. Давыденковского [Кастанье, 1910, с. 69–70]. Никакой информации об этих работах, в том числе Открытого листа на имя Аниховского за 1907 или начало 1908 года в НА нет. Отсутствует более подробная информация и в Трудах ОУАК.

1909 год

Никаких документов об археологических изысканиях в Тургайской области в этом году в НА не выявлено. Однако в 23 томе Трудов ОУАК помещён отчёт **И. А. Кастанье** об исследовании большого кургана на берегу р. Жаман-Каргала в окрестностях г. Актюбинска [Кастанье, 1911,

с. 72–76]. Краткое описание было дано автором раскопок ещё в книге 1910 г. [Кастанье, 1910, с. 70]. Судя по описанию, им было раскопано погребение эпохи раннего средневековья, впущенное в более ранний курган.

1910 год

Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Кустанайского уезда Тургайской области выдан действительному члену ОУАК **Д. И. Панкову** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 11–16, 27]. Каких-либо сведений о раскопках Панкова в НА обнаружить не удалось.

В следующем, 1911 г., в 23 томе Трудов ОУАК была издана заметка Д. Панкова о грабительских раскопках переселенцев, разрушивших ещё весной 1908 г. курган у пос. Адамовского в Кустанайском уезде [Панков, 1911]. Из протоко-

лов заседаний ОУАК становится ясно, что доклад Панкова был представлен Комиссии председателем ОУАК А. В. Поповым ещё осенью 1909 г. [Отчёт о деятельности..., 1911, с. 271]. Вероятно, после этого наблюдательный Панков попал в орбиту интересов ОУАК и получил с её помощью разрешение на раскопки. Любопытно, что в списках действительных членов ни в этот, ни в последующие годы он не числится, а в начале Отчёта упомянут как «гость» [Там же].

1911 год

Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Кустанайского уезда Тургайской области выдан преподавателю истории Кустанайского реального училища **Н. П. Куборскому** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80, л. 1–5]. Цель предполагавшихся работ — археологические раз-

ведки и раскопки курганов «киргизской степи Кустанайского уезда». К сожалению, данные о раскопках Куборского, имеющиеся в НА, крайне скупы, на что в своё время обратили внимание и члены ИАК. Из отчёта следует, что в 8 верстах от г. Кустаная Куборским была исследована верхняя часть «кургана очень больших размеров». Под конструкцией из жердей типа шатра он обнаружил «косяк в сидячем положении» без сопровождающих предметов (рис. 4). В отчёте имеется крайне схематичный рисунок — разрез раскопанного объекта [Там же. Л. 6, 9].

1912 год

1. К этому периоду относится примечательная переписка ОУАК и ИАК относительно выдачи открытых листов на раскопки в пределах Оренбургской губернии и Тургайской области [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 27–31]. Начинается она с просьбы ИАК о присылке отчёта о раскопках, проведённых Д. И. Панковым ещё в 1910 г. [Там же. Л. 27]. Мы уже писали о том, что ОУАК регулярно запрашивала разрешения на раскопки, а вот отчёты о проведённых исследованиях публиковала в своих трудах. В рукописном же виде в ИАК отчёты по листам, выданным ОУАК, практически не поступали. Несмотря на это, ИАК продолжала выдавать открытые

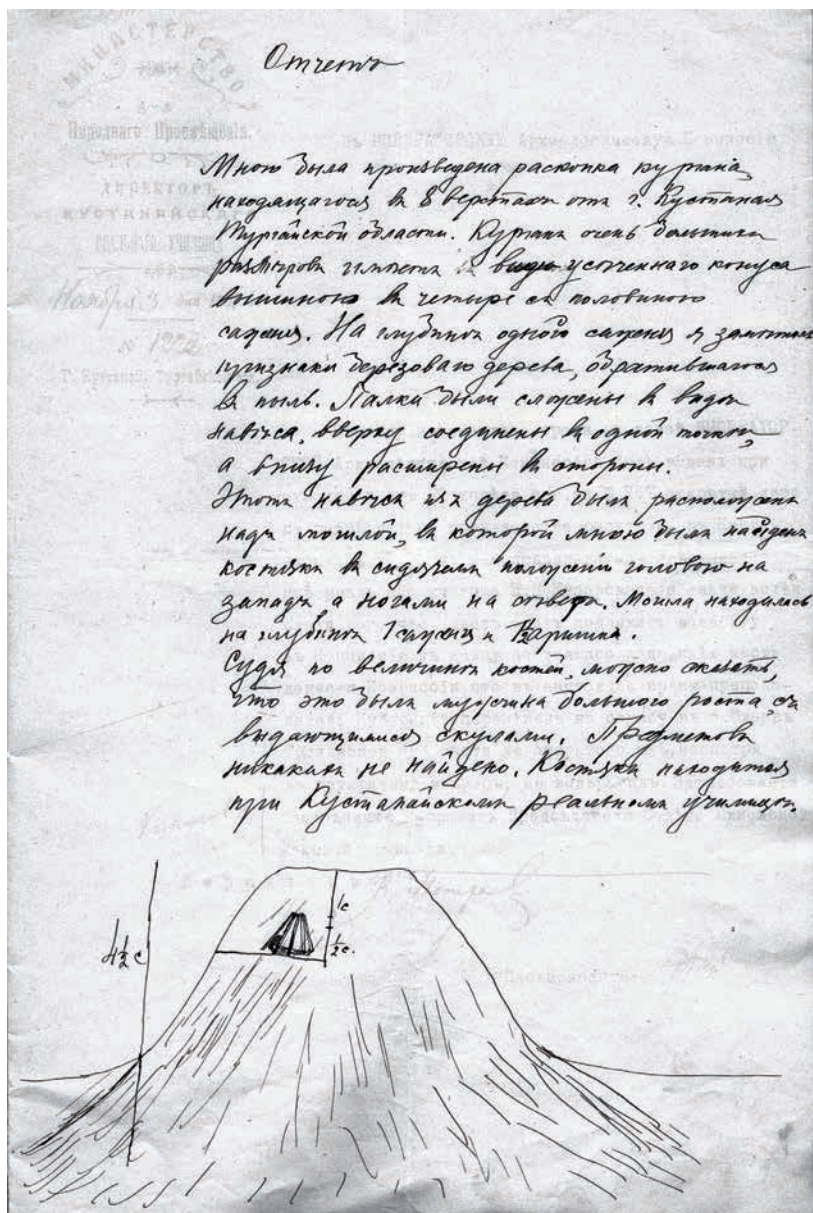

Рис. 4. Отчёт преподавателя истории Н. П. Куборского о раскопках кургана у г. Кустаная в 1911 г. [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80, л. 6]

листы как самой ОУАК, так и конкретным её действительным членам.

В 1912 г. ОУАК году снова обращается в ИАК с просьбой о выдаче открытых листов на право проведения раскопок сначала только в Оренбургской губернии, а затем уже и в Тургайской области [Там же. Л. 28, 30]. В двух ответных обращениях ИАК безуспешно пытается выяснить, где именно будут производиться раскопки, что собираются копать члены ОУАК и кто именно [Там же. Л. 29, 31]. ОУАК смогла сообщить только то, что «раскопки курганов и городищ будут производиться летом сего 1912 года в пределах Оренбургской губ. и Тургайской Области» и что «исследования эти будут поручены составу Архивной Комиссии, т. е. Председателю, Товарищу председателя и членам» [Там же. Л. 30]. Данных о выдаче Открытых листов ОУАК в НА нет.

2. Предположительно в этом же году Открытый лист на право проведения раскопок в Кустанайском уезде Тургайской области был выдан директору Кустанайского реального училища В. Петрову (в НА оригинал листа отсутствует). Об этом свидетельствует его краткий отчёт о раскопках в Карабалыкской волости Кустанайского уезда Тургайской области, представленный в ИАК в 1912 г. [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911, д. 80, л. 13, 14–14 об, 16].

Петров провёл раскопки кургана на могильнике, пострадавшем от деятельности «киргизов, искавших клад». В отчёт он поместил достаточно внятный схематический план могильника (рис. 5), расположенного примерно в 60 верстах от г. Кустаная и 20–25 верстах от Васильевского поселка Карабалыкской волости, и план погребальной конструкции. В исследованном кургане Петровым был обнаружен склеп из сырцового кирпича, в котором он открыл погребение взрослого и подростка в сопровождении «горшка с золою» [Там же. Л. 14 об].

1913 год

Открытый лист на право проведения раскопок

в пределах Иргизского уезда Тургайской области выдан титулярному советнику Н.М. Петровскому [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 1–4 об.]. В РО НА имеется достаточно подробный отчёт Петровского о раскопках группы курганов в урочище Тибис-сор в Иргизском уезде [Там же. Л. 5–9]. Отчёт сопровождается подробными планами местности и исследованного участка (могильника), присутствуют также фотографии процесса раскопок [Там же. Л. 11–16]. Из предметов, обнаруженных при раскопках одного из курганов, упоминаются «медный наконечник стрелы» и «тонкие золотые пластинки» [Там же. Л. 8], что позволяет отнести исследованное Петровским захоронение ко времени I тыс. до н. э.

1915 год

Открытый лист на право проведения археологических раскопок в пределах Оренбургской губернии и Тургайской области, в районе золо-

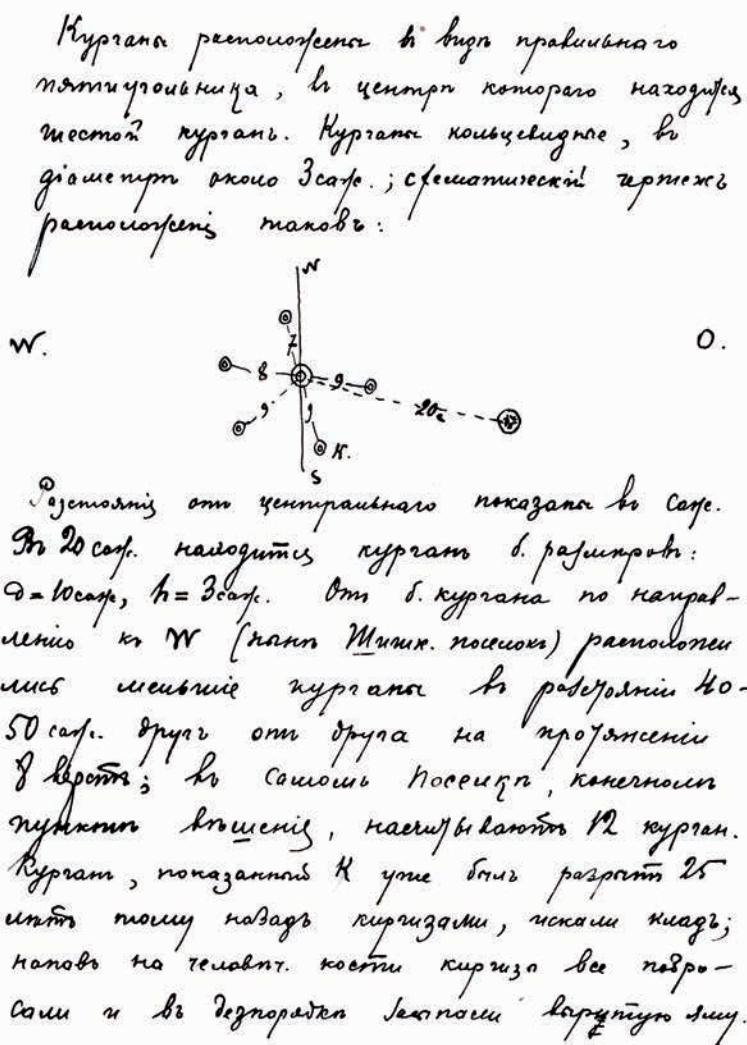

Рис. 5. План могильника в Карабалыкской волости Кустанайского уезда Тургайской области из отчёта о раскопках 1912 г., проведённых директором Кустанайского реального училища В. Петровым [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80, л. 14]

топромышленных разведок был выдан действительному члену ОУАК, золотопромышленнику **И. З. Рамееву** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1915 г., д. 47, л. 3–6 об.].

Этот случай интересен тем, что специалист по поиску золота Рамеев, окончивший «курс наук» во Фрайбургском горном институте, сам изъявил желание в процессе своих разведок и золотопромышленных работ руководствоваться научным интересом при раскопках курганов, попадающих в зону приисков и тем самым, обречённых на гибель.

Первоначально ИАК открытый лист не выдала, под предлогом того, что работы Рамеев ведёт на частных землях, на которые не распространяется разрешение Комиссии. Однако ИАК поблагодарила Рамеева за попечение о древностях и отправила в его адрес «*две брошюры о производстве археологических разведок и раскопок*» [Там же. Л. 2].

Через месяц, после нового обращения ОУАК с уточнением, что Рамеев намеревается производить свои изыскания, в том числе на землях, принадлежащих казне, различным управлениям и др. казённым владельцам, ИАК всё же выдала открытый лист [Там же. Л. 4]. Обращает на себя внимание трактовка ОУАК принадлежности археологических древностей с точки зрения закона: в том случае, если Рамеев обнаружит золото и станет арендатором земли, он окажется только «арендатором недр земли, поверхность же, а с нею и памятники древности остаются в распоряжении ... владельца» [Там же. Л. 3 об.], то есть, в ряде случаев, казны.

В следующем, 1916 г. ИАК просит ОУАК прислать сведения о раскопках Рамеева и вернуть выданный ему открытый лист [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1916, д. 150, л. 2]. По всей видимости, ОУАК ничего не ответила на эту просьбу, так как никаких сведений о раскопках Рамеева в НА не сохранилось.

1916 год

Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Оренбургского уезда Оренбургской губернии и Актюбинского уезда Тургайской области был выдан по запросу ОУАК председателю Комиссии, врачу **А. В. Попову** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1916, д. 150, л. 1–3].

Сведений о работах Попова в НА обнаружить не удалось.

Этим и исчерпывается небольшой по объёму фонд документов, связанных с археологическим изучением Тургайской области Российской империи до 1917 года в НА ИИМК РАН. Можно заметить, что наибольший вклад в исследование этого края внесли члены ОУАК, ряд из которых составил достаточно подробные отчёты о своих раскопках. Очень мало отчётов поступило в ИАК, но значительная часть была опубликована в широкодоступном на тот момент региональном издании — Трудах ОУАК.

Очевидным недостатком документирования полевых работ этого периода, осложняющим использование данных для современных исследователей, является практически полное отсутствие графических и фотографических иллюстраций: планов могильников, видов курганов, планов и разрезов погребений, а также отсутствие полевых дневников. В тех редких случаях, когда графическая информация присутствует в отчётах или публикациях, для исследовательской работы пригодны обычно только планы могильников (заметным исключением являются публикации **И. А. Кастанье**), остальное скорее является яркой иллюстрацией к истории развития археологии в регионах.

И всё же, мы должны быть бесконечно благодарны нашим предшественникам, археологам-любителям из среды местной провинциальной интеллигенции за их последовательное и искреннее попечение о сохранении такого, пользуясь словами тургайского топографа **А. Л. Аниховского**, «дорогого и интересного для современного человечества» наследия прошлого.

Завершая этот краткий обзор, отметим один факт, имеющий отношение уже к историографии изучения рассмотренных нами материалов. По листам использования дел в РО НА ИИМК РАН восстанавливаются имена тех казахских археологов, которые когда-то обращались к архивным данным о древностях Тургайской области в процессе своих научных исследований — это **А. Г. Максимова** и **М. К. Кадырбаев**.

ЛИТЕРАТУРА

- Аниховский А.** Древние курганы-могильники в Кустанайском уезде Тургайской области // Труды ОУАК. — Вып. 14. — Оренбург: Тип. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1905а. — С. 52–65.
- Аниховский А.** Раскопка древних курганов-могильников в Тургайской области, в Актюбинском уезде // Труды ОУАК. — Вып. 14. — Оренбург: Тип. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1905б. — С. 66–79.
- Булычёв Н.И.** Древности из Восточной России. — Вып. 1. — М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1902. — 34 с.
- Длужневская Г.В.** Древности восточной части Евразии в материалах Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук. — СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2005. — 140 с.

- Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 годах (по документам Научного архива ИИМК РАН). – СПб.: ЭлекСис, 2011. – 296 с.
- Императорская археологическая комиссия (1959–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / А. Е. Мусин, Е. Н. Носов (ред.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 1192 с.
- Императорская археологическая комиссия (1959–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Приложение / А. Е. Мусин, Е. Н. Носов (ред.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 207 с.
- Кастанье И.А.** Отчёт об экспедиции в Актюбинский уезд летом 1904 г. // Труды ОУАК. – Вып. 14. – Оренбург: Тип. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. – С. 188–199.
- Кастанье И.А.** Отчёт о раскопках шести курганов в Актюбинском уезде летом 1906 г. // Труды ОУАК. – Вып. 19. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1908. – С. 102–116.
- Кастанье И.А.** Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК. – Вып. 23. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1910. – 332 с.
- Кастанье И.А.** Надгробные сооружения Киргизских степей // Труды ОУАК. – Вып. 26. – Оренбург: Тип. Тургайского областного правления, 1911а. – 120 с., 28 табл.
- Кастанье И.А.** Отчёт о раскопках кургана в Актюбинском уезде Тургайской области летом 1909 // Труды ОУАК. – Вып. 23. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1911б. – С. 72–78.
- Модестов Н.** Памятники древности в Киргизской степи. Тургайский уезд, 2-я Наурзумская волость // Труды ОУАК. – Вып. 29. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1911. – С. 226–228.
- Назаров П.** Отчёт по раскопке кургана «Кок-Ийюк» в Николаевском уезде Тургайской области // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. – Т. 15. – Вып. 1. – Москва: Тип. М. Г. Волчанинова, 1894. – С. 185–190.
- Нефёдов Ф.Д.** Отчёт об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведённых летом 1887 и 1888 гг. // Материалы по археологии Восточных губерний. – Т. 3. – М.: Тип. Н. Н. Шарапова, 1899. – С. 1–41.
- Отчёт ИАК за 1889 г. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1892. – 127 с.
- Отчёт ИАК за 1901 г. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1903. – 199 с.
- Отчёт о деятельности и состоянии ОУАК за 1909 г. // Труды ОУАК. – Вып. 23. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1911. – С. 268–321.
- Панков Д.** О вскрытом переселенцами могильнике. «Кос-оба», «Караган-оба» тож, на уч. №90, Адамовском, Кустанайского уезда Тургайской области // Труды ОУАК. – Вып. 23. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1911. – С. 129–134.
- [Попов А.] Приложение. Сообщение г-на Председателя // Труды ОУАК. – Вып. 16. – Оренбург: Тип. Ф. П. Каримова, 1906а. – С. 54–57.
- Попов А.** Исследование последних курганов на Бердинской горе. 8–11 мая 1905 г. // Труды ОУАК. – Вып. 16. – Оренбург: Тип. Ф. П. Каримова, 1906б. – С. 202–205.
- Попов А.** О ложных курганах // Труды ОУАК. – Вып. 23. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1913. – С. 54–55.
- Попов А.** Из донесений Архивной Комиссии о находках древностей // Труды ОУАК. – Вып. 29. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1911. – С. 221–225.
- Попов А., Кастанье И.** Обзор археологических раскопок в Оренбургской губернии и в киргизской степи // Труды ОУАК. – Вып. 16. – Оренбург: Тип. Ф. П. Каримова, 1906. – С. 206–224.
- Протокол № 8. Очередное заседание 29 мая // Труды ОУАК. – Вып. 16. – Оренбург: Тип. Ф. П. Каримова, 1906. – С. 16–28.
- Протокол № 9. Экстренное заседание 27 июля // Труды ОУАК. – Вып. 14. Оренбург: Тип. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. – С. 146–155.
- Протокол № 350 распорядительного заседания Императорского Московского археологического общества 20 февраля 1890 г. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. – Т. 15. – Вып. 1. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1894. – С. 180–185.
- Смирнов Я.И.** Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб.: Изд. ИАК, 1909. – 18 с., 130 табл.
- Состав Комиссии. Список почётных и действительных членов // Труды ОУАК. – Вып. 14. – Оренбург: Тип. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. – С. 44–51.

Список архивных источников

- Дело о древних вещах, найденных в Оренбургской губернии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1888 г., д. 56.
- Дело о раскопках профессора Э. Петри в губерниях Оренбургской, Уфимской, Пермской и Степном Генерал-Губернаторстве // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47.
- Дело о переписке с Оренбургским Губернатором о доставлении в Комиссию сведений о раскопках, произведённых П. С. Назаровым в Орском уезде // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1890 г., д. 195.

- Дело о выдаче открытого листа Члену Оренбургской Учёной Комиссии, врачу А. Попову и Г. Броневскому // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1897 г., д. 44.
- Дело о выдаче открытых листов на раскопки Членам Оренбургской Учёной Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1898 г., д. 94.
- Дело по заявлению крестьянина Ивана Самойлова о раскопках, произведённых им в Тургайской области и Оренбургской губернии // НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257.
- Дело о находке медного бурхана близ одной из сопок на берегу р. Тобола, в Тургайской области // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1901 г., д. 93.
- Дело о выдаче Оренбургской Архивной Комиссии открытого листа на раскопки в Кустанайском уезде Тургайской области // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89.
- Дело о раскопках Оренбургской Учёной Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1903 г., д. 47.
- Дело о раскопках членов Оренбургской Учёной Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1904 г., д. 73.
- Дело о раскопках гг. членов Оренбургской Учёной Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1905 г., д. 87.
- Дело о раскопках членов Оренбургской Учёной Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1906 г., д. 49.
- Дело о раскопках членов Оренбургской Учёной Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, 1907 г., д. 46.
- Дело о раскопках Оренбургской Учёной Архивной Комиссии в Тургайской области и Оренбургской губернии // ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45.
- Дело о выдаче Н. П. Куборскому открытого листа на раскопки в Кустанайском уезде Тургайской области // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80.
- Дело о раскопках Н. М. Петровского в Тургайской области в 1913 г. // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357.
- Дело по ходатайству Оренбургской Учёной Архивной Комиссии о выдаче разрешений на раскопки в Оренбургской губернии и Тургайской области // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1915 г., д. 47.
- Дело о выдаче Оренбургской Учёной Архивной Комиссии открытых листов на раскопки в Оренбургской губернии и Тургайской области в 1916 г. гг. А. В. Попову и И. П. Кинсбургу // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1916 г., д. 150.
- Книга для внесения кладов и коллекций древностей, поступающих в АК с 1895 г. // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1895 г., д. 293.
- Древности из Тургайской области, полученные от И. Назарова // НА ИИМК РАН, ФО, нег. П 26724, П 26579, П 26580.
- Медный бурхан с изображением четырёхрукого божества. Тургайская область, р. Тобол, у сопки Ак-Карча // НА ИИМК РАН, ФО, нег. П 26475.
- Фотография головы «каменной бабы», обнаруженной в Тургайской области // НА ИИМК РАН, ФО, отп. Q 512/17.

А. Д. Таиров

А. Д. Таиров
Южно-Уральский госуниверситет, г. Челябинск
A. D. Tairov
South Ural State University, Chelyabinsk
E-mail: tairov55@mail.ru

Бобровско-тасмолинская культура Южного Зауралья. Погребальный обряд

Исследование выполнено в рамках госзадания Минобрнауки РФ №33.2644.2014К

Аннотация. Памятники ранних кочевников Южного Зауралья второй половины VII – середины VI вв. до н. э. были объединены нами в археологическую культуру, названную бобровско-тасмолинской [Таиров, 2004, с. 3–4] вслед за М. К. Хабдулиной [1994, с. 79], которая для археологической культуры раннего железного века Северного Казахстана предложила название улубаевско-тасмолинская, «подчеркивая тем самым своеобразие археологических комплексов региона, и объединяя их с памятниками Сары-Арки в рамках единой культурной общности». Место зауральских кочевников, носителей бобровско-тасмолинской культуры, в тасмолинской историко-этнографической общности и раннесакском мире Евразии в целом показано в монографии, вышедшей в 2007 г. [Таиров, 2007]. Новые материалы, накопленные за прошедшее время, позволяют уточнить характеристику погребального обряда этой археологической культуры.

Ключевые слова: Южное Зауралье, бобровско-тасмолинская культура, ранние кочевники.

Bobrov-tasmola culture of South Ural. Funeral rites

Research is carried out in the framework of the Ministry of Education RF №33.2644.2014K

Abstract. Monuments of the South Trans-Ural early nomads of the second half of VII – the middle of the VI century BC were united into one archaeological culture called Bobrov-Tasmola by us [Tairov, 2004, p. 3–4] after M. K. Habdulina [1994, p. 79] who has proposed the name Ulubaev-Tasmola for the early Iron Age archaeological culture in North Kazakhstan, “thus emphasizing the uniqueness of the archaeological complexes in the region, and uniting them with the monuments of Sary-Arka into a single cultural community”. The role of Trans-Ural nomads, bearers of Bobrov-Tasmola culture, in Tasmola historical and ethnographic community and in the early Saka world of Eurasia as a whole is shown in the book, published in 2007 [Tairov, 2007]. New materials, accumulated over time, allow to specify the characteristics of the funeral rites of the archaeological culture.

Keywords: South Trans-Ural, Bobrov-Tasmola culture, early nomads.

Памятники ранних кочевников Южного Зауралья второй половины VII – середины VI вв. до н. э. были объединены нами в археологическую культуру, названную бобровско-тасмолинской [Таиров, 2004, с. 3–4] вслед за М. К. Хабдулиной [1994, с. 79], которая для археологической культуры раннего железного века Северного Казахстана предложила название улубаевско-тасмолинская, «подчеркивая тем самым своеобразие археологических комплексов региона, и объединяя их с памятниками Сары-Арки в рамках единой культурной общности». Место зауральских кочевников, носителей бобровско-тасмолинской культуры, в тасмолинской историко-этнографической

общности и раннесакском мире Евразии в целом показано в монографии, вышедшей в 2007 г. [Таиров, 2007]. Новые материалы, накопленные за прошедшее время, позволяют уточнить характеристику погребального обряда этой археологической культуры.

Захоронения ранних кочевников Южного Зауралья второй половины VII – середины VI вв. до н. э. являются основными или, изредка, вводными в курганы эпохи бронзы. Надмогильные сооружения – курган или округлая кольцевая вымостка – входят в могильники, включающие погребальные сооружения эпохи бронзы и раннего железа или только раннего железа. Могильники

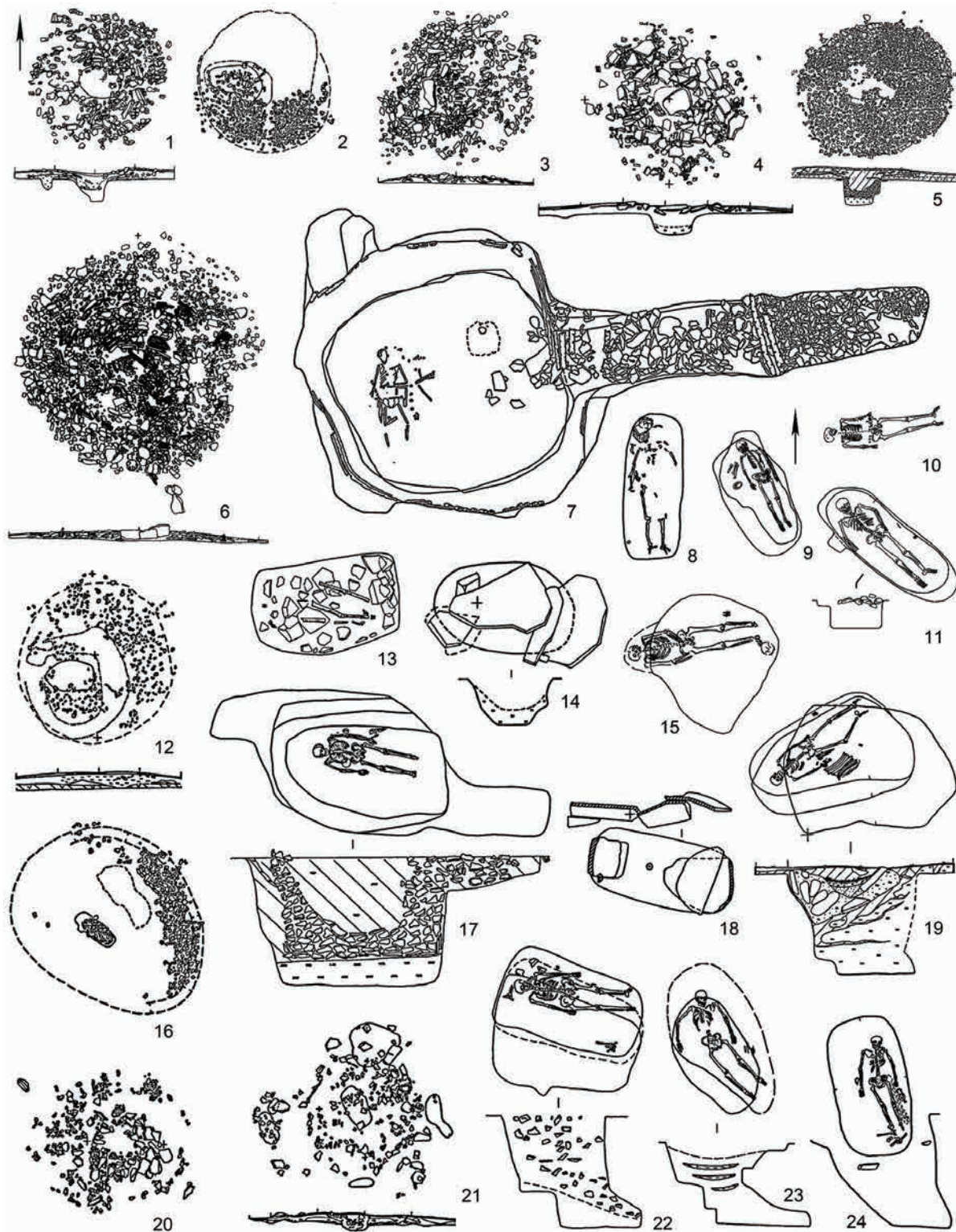

Рис. 1. Памятники бобровско-тасмолинской культуры Южного Зауралья. Погребальные сооружения и погребальный обряд: 1, 4, 14, 20 – мог. Путиловская Заимка-1 [1 – к. 5, общий план; 4, 14 – к. 1 (4 – общий план; 14 – м. я.); 20 – конструкция 4, общий план]; 2, 11, 12, 16, 22, 24 – Варненские курганы [2, 24 – к. 2 (2 – общий план; 24 – п. 2); 11, 16 – к. 1 (11 – м. я.; 16 – общий план); 12, 22 – к. 4 (12 – общий план; 22 – м. я.); 3, 6, 18 – мог. Система-1 [3 – к. 1, общий план; 6, 18 – к. 17 (6 – общий план, 18 – м. я.)]; 5, 17 – мог. Кумкуль, к. 3 (5 – общий план; 17 – м. я.); 7 – мог. Кичигино-1, к. 5, м. я. 1; 8 – курган Березки-56, п. 2; 9, 21 – мог. Солнце-Талика, к. 4 (9 – п. 1; 21 – общий план); 10 – мог. Николаевка-2, к. 1, п. 2; 13 – мог. Лисаковский, раскоп IV, к. 1, п. 1; 15 – погребальный комплекс Кесене, к. 12, м.я. 1, п. 2; 19 – мог. Иртяш-14, к. 2, п. 3; 23 – мог. Шатрово, к. 1, м. я. 1, п. 2. 3, 6, 18 – [по: Костюков, 1991]; 8 – [по: Шорин, 1979]; 9, 21 – [по: Виноградов, 1985]

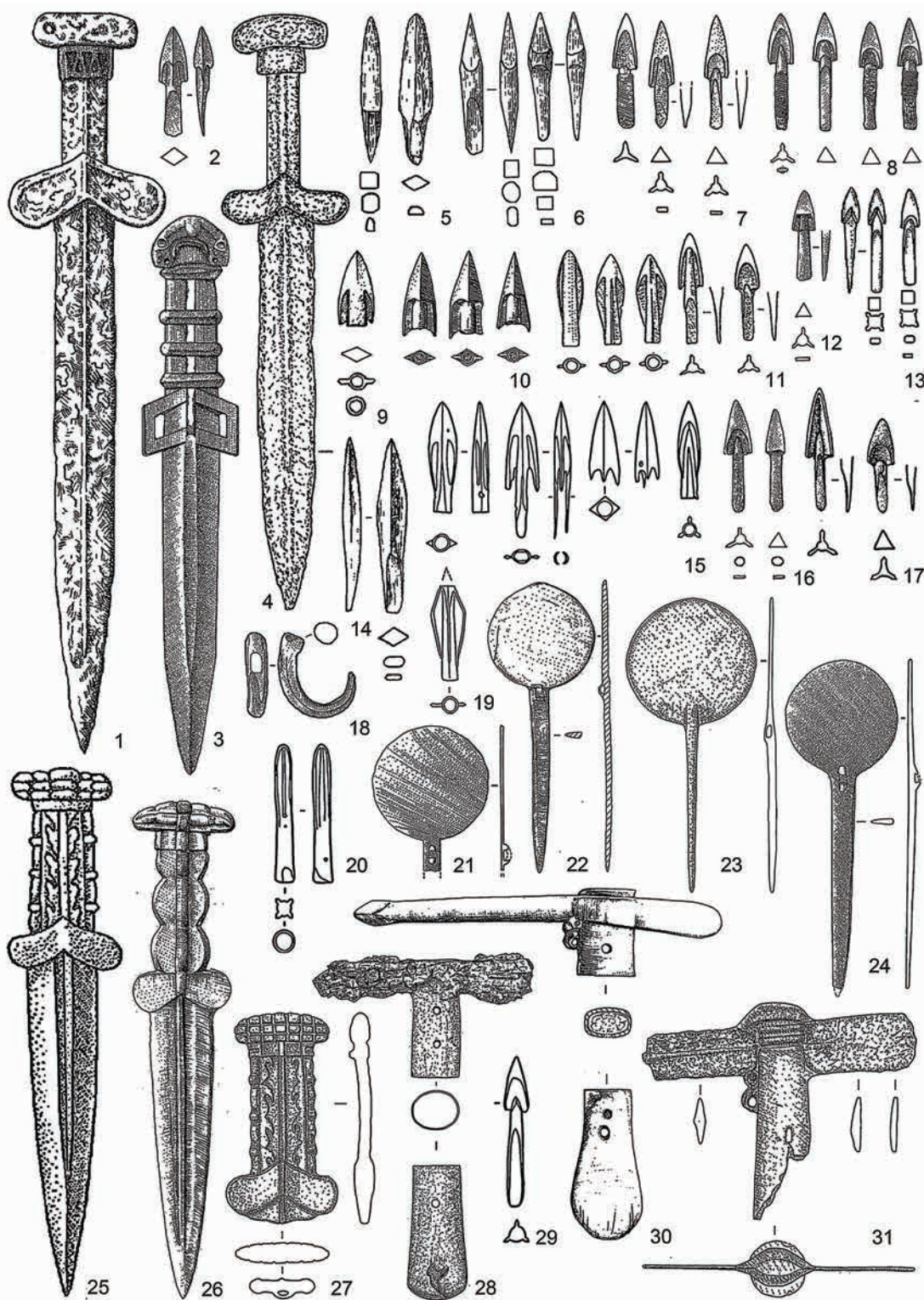

Рис. 2. Памятники бобровско-тасмолинской культуры Южного Зауралья. Оружие и амуниция: 1 – Аргаяшский р-н, случайная находка; 2 – мог. Николаевка-2, к. 1, п. 2; 3 – с. Мариинское Брединского р-на Челябинской обл., случайная находка; 4 – с. Варшавское Карталинского р-на Челябинской обл., случайная находка; 5, 11, 13 – Варненские курганы (4, 13 – к. 1; 11 – к. 4); 6, 16, 18 – мог. Путиловская Заимка-1, конструкция 4; 7, 9, 14 – мог. Шатрово, к. 1, м. я. 1, п. 2; 8, 12 – погребальный комплекс Кесене, к. 12, м. я. 1, п. 2; 10, 22, 26, 30 – мог. Иртыш-14, к. 2, п. 3; 15, 23, 28 – мог. Кичигино-1, к. 5, м. я. 1; 17 – мог. Лисаковский, раскоп IV, к. 1, п. 1; 19 – пос. Степной Брединского р-на Челябинской обл., случайная находка; 20 – Уйский р-н Челябинской обл., случайная находка; 21 – Давлетишинский мог., к. 1; 24, 25 – мог. Бобровский, к. 4; 27 – с. Горшиково Шумихинского р-на Курганской обл., случайная находка; 29 – с. Кичигино Увельского р-на Челябинской обл., случайная находка; 31 – с. Шантарино Троицкого р-на Челябинской обл., случайная находка. 1, 28, 31 – железо, бронза; 2, 3, 7–13, 15–27, 29, 30 – бронза; 4 – железо; 5, 6, 14 – кость. 5 – [по: Булдашов, 1995]; 21 – [по: Савельев, 2000]; 25 – [по: Матвеева, 1964]

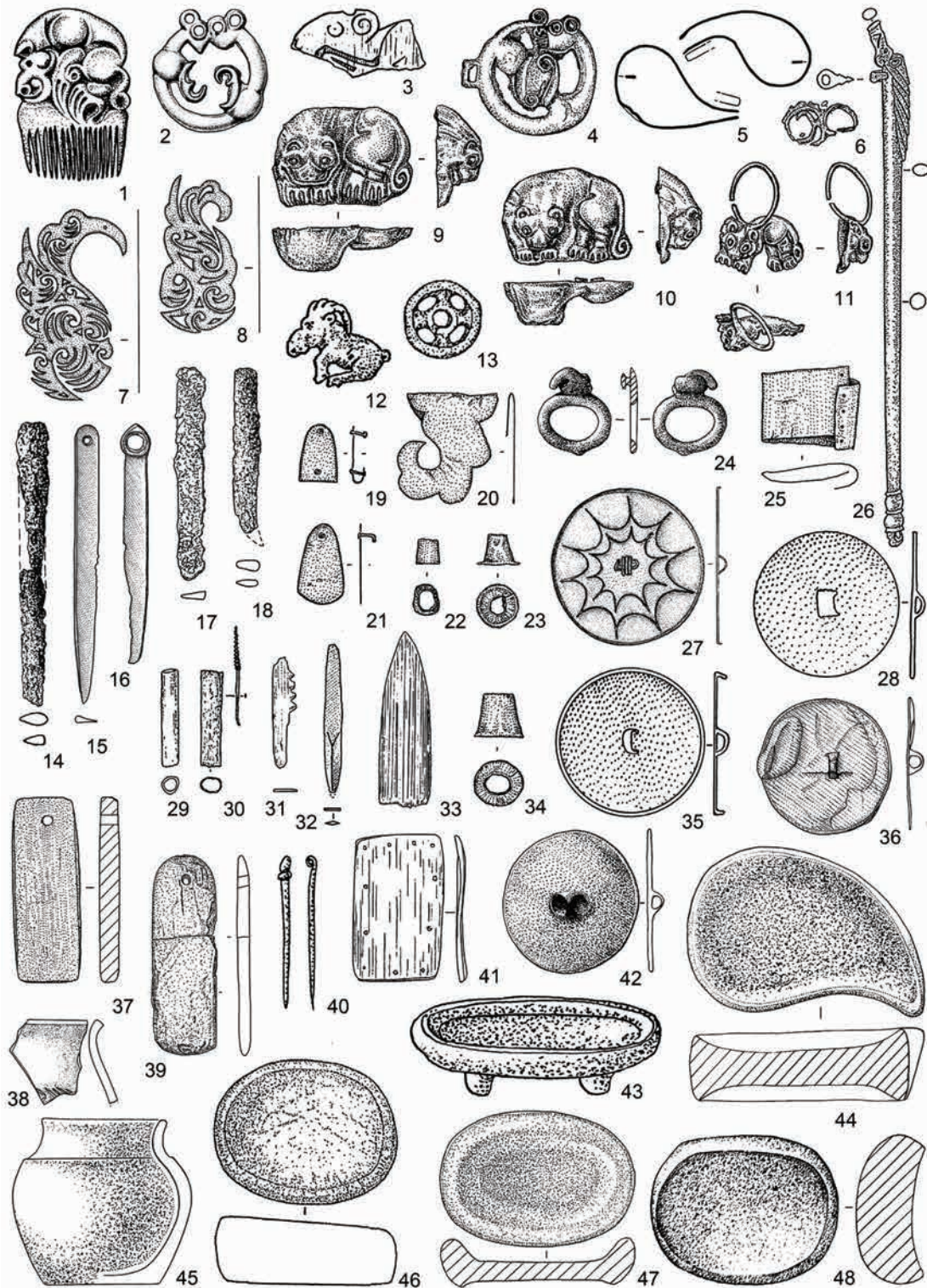

Рис. 3. Памятники бобровско-тасмолинской культуры Южного Зауралья. Инвентарь: 1, 5, 13, 17, 29, 31–33, 41, 47 – Варненские курганы (1, 5, 13, 29, 31, 33, 41, 47 – к. 2, п. 2; 17, 32 – к. 4); 2 – оз. Увильды, Аргаяшский р-н Челябинской обл., случайная находка; 3 – курган Березки-5б, п. 2; 4 – оз. Иртыш, Каслинский р-н Челябинской обл., случайная находка; 6, 27, 30, 46 – мог. Кумкуль, к. 3; 7–11, 19–23, 25, 34, 39 – мог. Кичигино-1, к. 5, м.я. 1; 12, 26, 37 – мог. Бобровский, к. 4; 14, 18 – мог. Шатрово, к. 1, м.я. 1, п. 2; 15 – мог. Николаевка-2, к. 1, п. 2; 16 – мог. Путиловская Заимка-1, конструкция 4; 24, 42, 44, 45 – мог. Система-1 (24, 45 – к. 1; 42, 44 – к. 17); 28 – к. 7 у пос. Сухомесово; 35, 40, 43 – курганы у пос. Целинный, к. 2; 36 – мог. Кичигино-2, к. 1, м.я. 1, п. 3; 38, 48 – мог. Солнце-Талика, к. 4, п. 1. 1, 3, 29, 31, 33, 40, 41 – кость; 2, 4, 6, 12, 13, 15, 16, 24, 26–28, 32, 35, 36, 40, 42 – бронза; 5, 7–11, 19–23, 25, 34 – золото; 14, 17, 18 – железо; 30 – кость, бронза; 37, 39, 43, 44, 46–48 – камень; 38, 45 – керамика. 3 – [по: Шорин, 1979]; 4 – [по: Полидович, 1994]; 12 – [по: Матвеева, 1964]; 24, 42, 44, 45 – [по: Костюков, 1991]; 35, 40, 43 – [по: Пиеничнюк, 1983]; 38, 48 – [по: Виноградов, 1985]

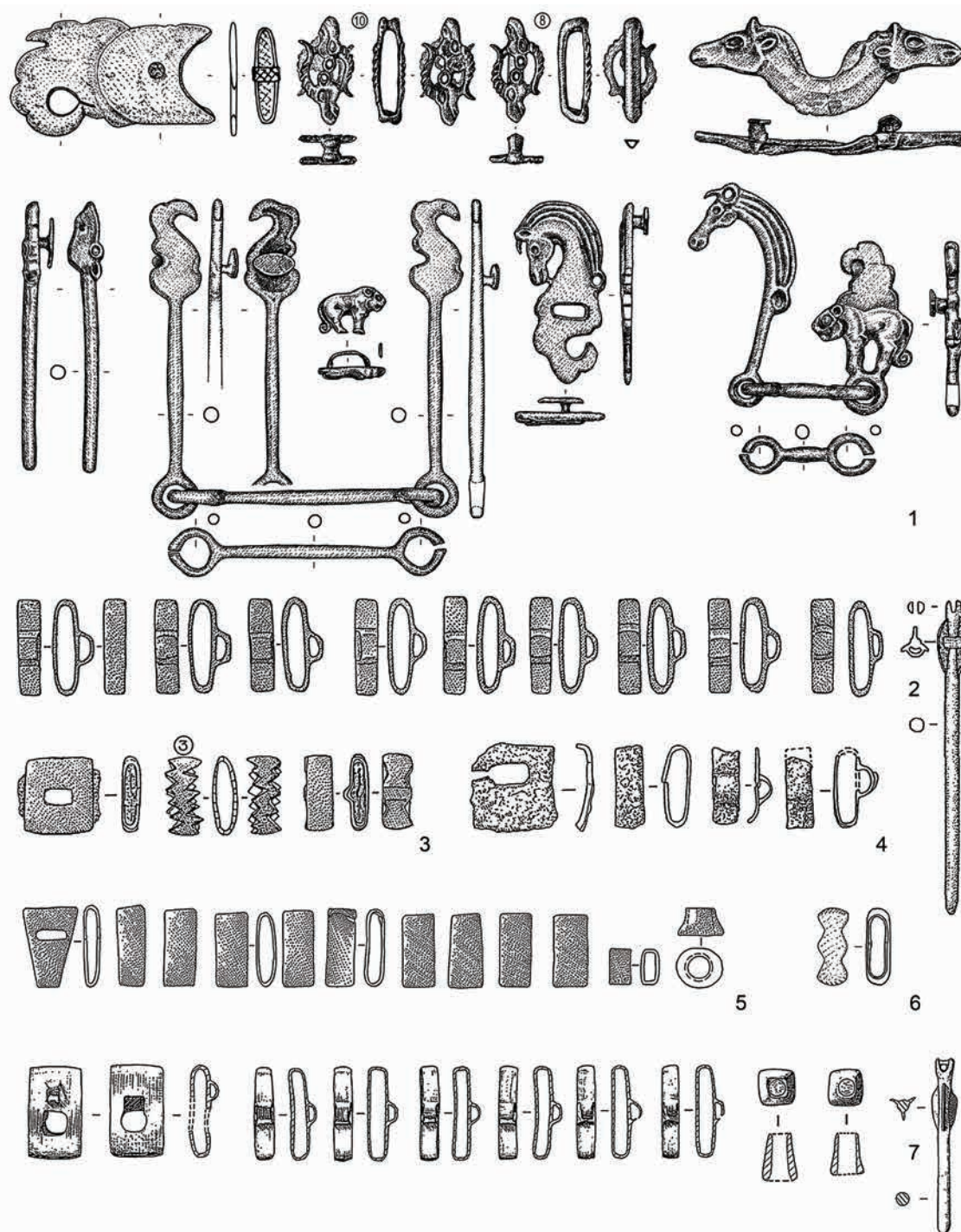

Рис. 4. Памятники бобровско-тасмолинской культуры Южного Зауралья. Поясные наборы: 1 – мог. Кичигино-1, к. 5, м.я. 1; 2 – мог. Бобровский, к. 4; 3 – Троицкий р-н Челябинской обл., случайная находка; 4 – Варненская группа курганов, к. 4; 5 – мог. Николаевка-2, к. 1, п. 2; 6 – г. Южноуральск Челябинской обл., случайная находка; 7 – мог. Иртяш-14, к. 2, п. 3. 1–4, 5–7 – бронза; 4 – железо

второго типа – это бессистемные курганные группы или неправильные цепочки. Расположены они на возвышенностях, находящихся на останцах первых надпойменных террас и на коренных берегах рек, у берегов озер.

Все вводные погребения совершены в курганах с земляной насыпью. Насыпи курганов с основными захоронениями раннесакского вре-

мени состоят из земли, камня или их сочетаний (рис. 1). Современный их диаметр колеблется от 7 до 35 м при высоте 0,1–1,9 м. В курганах с каменно-земляной насыпью камень использовался для сооружения панциря на насыпи, вымостки над и вокруг могильной ямы, кольцевой вымостки под насыпью, кольца из вертикально поставленных плит вокруг насыпи. В насыпи курганов,

как правило, в полах, найдены кости лошади, лошади и барана. В редких случаях в насыпи и под ней отмечены следы огня в виде зольных пятен и небольших кострищ.

Захоронения совершались в простых грунтовых ямах прямоугольной, овальной или неправильно округлой формы, иногда с нишей вдоль продольной или торцевой стенки, в ямах с подбоем вдоль длинной стенки или в ямах с дромосом (рис. 1). Отметим, что крупные курганы и погребения в могильных ямах с дромосом сакского времени исследованы пока только в пограничье степи и лесостепи Южного Зауралья. По сравнению со степной зоной региона, здесь чаще встречаются погребения в подбоях. Комплекс вооружения включает чеканы и бронзовые кинжалы, пока не найденные в степных погребениях.

Засыпка ям состояла из земли, в которой встречались мелкие угольки и зола, смеси земли и камня или только камня. Следы перекрытия простых могильных ям не зафиксированы. Входы в подбой закрывались, очевидно, какими-то деревянными конструкциями, остатки которых зафиксированы лишь однажды. В одном случае зафиксировано плоское деревянное перекрытие погребальной камеры и дромоса. Оно состояло из бревен уложенных вплотную друг к другу, вероятно, в два слоя. Отмечены случаи отсутствия ям; при этом кости животных, керамика и вещи находились на уровне древней поверхности.

На дне погребальных камер зафиксированы следы органической подстилки коричневого, черного или белесого цвета.

Положение погребенных – вытянуто на спине, руки, как правило, вдоль тела, иногда обе ноги

покойного были отклонены от оси тулова влево. В одном случае зафиксирована «атакующая» поза. Ориентировка погребенных разнообразна, но в основном преобладает расположение головы в северо-западном секторе. На дне ям отмечаются следы органической подстилки или золистой подсыпки. В качестве напутственной пищи в погребальную камеру помещались передняя или задняя нога барана, грудная часть лошади.

Погребальный инвентарь мужских захоронений представлен предметами вооружения (кинжалы, чеканы, стрелы, колчаные крюки), наборными поясами (рис. 2–4). В женских погребениях встречены зеркала, каменные жертвенники без ножек, наборы для татуировки (рис. 3).

Анализ мужских воинских захоронений этого времени позволяет разделить их на три основные группы, отличающиеся размерами и сложностью погребальных сооружений и составом сопроводительного инвентаря. В погребениях первой группы обнаружены наконечники стрел, колчаные крючки и ножи. Для погребений второй группы характерен представительный комплекс вооружения, включающий кинжал, колчан со стрелами, поясной набор, атрибуты воинского статуса. Захоронения третьей группы отличает сложность погребальных сооружений, богатый набор вооружения и наличие изделий из драгоценных металлов.

Без сомнения, новые исследования потребуют дальнейшей корректировки характеристики не только погребальных обряда и инвентаря, но и места ранних кочевников Южного Зауралья в скифо-сакском мире степной Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

- Булдашов В.А.** Случайные находки трех кинжалов на территории Челябинской области // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.–Магнитогорск, 1995. – Вып. 2. – С. 34–38.
- Виноградов Н.Б.** Отчет о полевых археологических исследованиях на территории Челябинской и Курганской областей в 1985 г. Челябинск, 1985 // Архив ИА РАН. Р-1, №10677.
- Костюков В.П.** Отчет о полевых археологических исследованиях в Карталинском и Чесменском районах Челябинской области в 1990 г. Челябинск, 1991. Т. II. // Архив АЛ ЧГПУ.
- Матвеева Г.И.** Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка // АЭБ. – 1964. – Т. II. – С. 212–214.
- Полидович Ю.Б.** О мотиве свернувшего хищника в скифском «зверином стиле» // РА. – 1994. – №4. – С. 63–78.
- Пшеничниук А.Х.** Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.
- Савельев Н.С.** Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // УАВ. – 2000. – Вып. 2. – С. 17–48.
- Таиров А.Д.** Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: докл. к пятой междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 3–21.
- Таиров А.Д.** Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 274 с.
- Шорин А.Ф.** Курган раннего железного века на Южном Урале // Сибирь в древности. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 57–60.
- Хабдулина М.К.** Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым, Ракурс, 1994. – 170 с.

**Э. Р. Усманова,
Е. А. Бейдель,
Б. С. Кожаметов**

**Э. Р. Усманова¹, Е. А. Бейдель²,
Б. С. Кожаметов²**

¹САИ при КарГУ им. академика Е. А. Букетова,
г. Караганды

²Национальный историко-культурный и природный
заповедник-музей «Улытау», Улытау

E. R. Usmanova¹, E. A. Beidel², B. S. Kojahmetov²

¹Saryarka Archaeological Institute of Buketov
Karagandy State University

²National Historical and Natural Reserve Park
“Ulytau”, Ulytau

Концепция экспозиции заповедника-музея «Улытау»

Аннотация. В статье представлено общее описание концепции экспозиции заповедника-музея «Улытау», которая была открыта в декабре 2015 г. Главная ее идея состоит в оригинальной демонстрации историко-культурных ландшафтов Улытау. Концепция основывается на художественном изображении архетипов поведения человека традиционного общества: Мировая Гора и Мировое Древо. Символика архетипов разным образом представлена в поле экспозиции. Дается перечень залов экспозиции, указываются основные арт-объекты и артефакты. Знаковым образом интерпретируется цветовое решение экспозиции и витрин. Описывается иллюстративный материал, который отражает исторические и культурные процессы во времени и пространстве Улытау.

Ключевые слова: экспозиция, историко-культурный ландшафт, Мировая Гора, Мировое Древо, арт-объект, артефакт.

Concept of the museum exhibition «Ulytau»

Abstract. This article is a general description of the exhibition at the Ulytau Museum with emphasis on concepts and symbolism. The museum, which was opened in December of 2015, depicts the historical and cultural landscapes of Ulytau. The concept used in the design of the exhibits is based on the artistic expression of the major archetypes of human behavior such as World Mountain and World Tree. The article also describes the exhibit halls, the main art objects and the artifacts with notes on the significance of the colors and design elements used in those areas. The illustrative material shows the historical and cultural events of Ulytau in time and space.

Keywords: exhibition, historical and cultural landscapes, World Mountain, World Tree, art-object, artifact.

*Дерево чем выше поднимается, тем глубже его корни уходят в землю.
Так и человек.*

*Чем больше он думает о будущем, тем больше хочет знать о прошлом.
Иначе не построить будущее.*

Ильяс Есенберлин

Общий контекст концепции

Авторами при создании новой экспозиции была поставлена конкретная цель, а именно оригинальная демонстрация в музейном пространстве природно-культурных ландшафтов Улытау. Историческая событийность, происходившая на протяжении тысячелетий в районе гор Улытау, придала природному ландшафту историческую значимость как культурному наследию Казахстана. Географическое положение Улытау в центре евразийского пояса степей, его природные осо-

бенности и богатства сделали этот район одним из основных в истории Великой Степи. Улытау — это оригинальное собрание разнообразных типов ландшафтов: археологических, исторических, культурных, этнографических. Главная задача экспозиции состояла в предметном иллюстрировании ландшафта в той изобразительной форме, которая отражала бы его реальную историко-культурную сущность. Образы ландшафта и артефакта были объединены как арт-объект в экспозиции. Основное содержание экспозиции — это

артефакт, существующий в ландшафте Улытау, в котором соединяется природное и культурное.

Ведущие знаковые образы

В изобразительную канву экспозиции введены два ведущих архетипа традиционного человеческого поведения, которые выражают понятие «культурное»: Мировая Гора и Мировое Древо. Эти основные архетипы существуют в важнейших сферах человеческой жизни: обыденной и сакральной. Образы этих архетипов представляют арт-объекты экспозиции. Мировая Гора — это сам образ Улытау, Великой горы — сакрального центра степи. Гора, которая является центром притяжения культур. Это посредник между земным и небесным содержанием Вселенной. Другой архетип — ипостась Мировой Горы — Мировое Древо. Оно рассматривается как посредник между мирами, между людьми и животными. Корни его уходят в подземный мир духов. Мировое Древо — повторение символа Мировой Горы [Топоров, 1980, с. 398–406]. Это символ связи между прошлым и будущим. Его ствол — основа настоящего. Корни — прошлое, ветви, устремленные к небу — это будущее. Мировое Древо — это древо желаний. Через его ветви и ствол энергии вверх поднимаются мечты и желания людей к небесам. Это и Древо познания, и родовое Древо предков. Образ Мирового Древа стал основным арт-объектом и элементом в оформлении основных разделов экспозиции. Для визуализации этого архетипа используются фото деревьев из разных стран мира, инсталляция «Ханское древо»,

мини-инсталляции из ветвей и корней деревьев, которые растут в Улытау (рис. 1).

Древо познания, Древо истории, Древо культуры — главный знаковый лейтмотив всей экспозиции. Объединяющий изобразительный элемент зала «Археологии» — это верхний фриз-пояс — Древо истории — с изображением известных артефактов мировой археологии на фоне ветвей дерева. Посетитель, проходя по залам, символически путешествует по Древу познания истории и культуры, визуально встречаясь взглядом с фотографиями деревьев и мини-инсталляциями. Образ Мирового Древа упорядочивает все пространство экспозиции, делает его единым и цельным.

Разделы экспозиции

Внешняя, уличная композиция перед административным зданием заповедника-музея. Инсталляция «Образы Великой Степи» состоит из природных натуральных и культурно-археологических объектов: камни, дермен (жернова — прим. ред.), каменное изваяние. *Вход, коридор.* Представлена информация общего характера о заповеднике-музее «Улытау». Карта природных и исторических ландшафтов. Фотографии животного мира и растений. Арт-объект «Древо желаний». *Фойе, лестница.* Фотокомпозиция «Народы и культуры Евразийской степи»: типы лиц разных этносов и народов, проживающих в степной зоне по маршруту следования архео-этнографической экспедиции на верблюдах «Алтай-Дунай» (1999–2005). В оформлении входной лестницы исполь-

Рис. 1. Зал «Археология» заповедника-музея «Улытау»

зуются копии наскальных рисунков, выполненных на природном камне (исполнитель всех копий в экспозиции – художник Е. Исатаев).

Зал 1. Древний Улытау (Зал археологии). Перечень разделов: *Эпоха камня (500 тыс. до н. э. — V тыс. до н. э.). Эпоха бронзы (III—I тыс. до н. э.). Металлургия эпохи бронзы. Сакская эпоха (I тыс. до н. э.). Кочевая цивилизация (I тыс. н. э.). Архитектура. Наскальное искусство.* Экспозицию зала открывает галерея портретов казахстанских археологов – исследователей Улытау. Центрально-Казахстанская экспедиция, отцом-основателем которой является академик А. Х. Маргулан, многие годы изучала и изучает археологическое наследие Улытау. В разные годы здесь работали выдающиеся казахстанские археологи: К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, С. М. Ахинжанов. Исследованиям древностей Улытау посвятили себя известные «цкаэшники» Ж. Курманкулов, А. С. Ермолаева, О. А. Артюхова, С. А. Берденов, Л. Н. Ермоленко, Ж. Е. Смаилов, А. З. Бейсенов, Э. Р. Усманова. Наскальное искусство Улытау изучают З. Самашев, В. А. Новоженев. Группа археологов нового поколения продолжает исследовать улытауские древности: Л. Сембинова, Д. Байтелеу, А. Ержанова, С. Ишангали, Г. Ахатов, М. Абдикаримов, А. Исакаев и другие.

Эпохи камня и бронзы. Три витрины: «Археологические ландшафты урочища Талдысай». Демонстрация артефактов основных достижений эпох: каменная индустрия, технологии производ-

ства металла и ткачества, керамическое мастерство. Фотоматериалы: пещера, стоянка Токтаул, поселение Талдысай, могильник Айбас Дарасы.

Сакская эпоха. Одна витрина. Фотоматериалы: ландшафт степи — сакские курганы как выражение архетипа «Мировой Горы». Ритуальная «точка» искусственной насыпи земли, которая отражает культурное освоение пространства, разделяет визуально горизонт и демонстрирует идею власти древнего сообщества в пространстве. В витринах предметы эпохи саков: копии украшений, фрагмент акинака и оригинал каменного изваяния.

Кочевая цивилизация. Одна витрина. Культуры средневековых кочевников и появление первых мощных государственных объединений в степной Евразии. Культурно-хозяйственная деятельность и политическая власть гуннов, тюрков, кыпчаков отразилась в ландшафтах Улытау в виде укрепленных городищ, ирригационных систем, святилищ с культовой скульптурой. Фотоматериалы: средневековые городища, изображение-реконструкция тюркских и кыпчакских исторических костюмов. В витринах: фрагменты керамики, чигирей и копия маски кыпчакского воина. Инсталляция «Сакральная каменная скульптура тюрков и кыпчаков» — три каменных изваяния выставлены на фоне фотографии ландшафта Улытау (рис. 2).

Архитектура. Выдающимся историко-культурным ландшафтом Улытау являются архитектурные памятники, самым ярким и вырази-

Рис. 2. Мировое древо – ведущий образ экспозиции заповедника-музея «Улытау»

тельным образом вписанные в степное пространство. Сырцовые мавзолеи и мавзолеи из жженого кирпича были построены талантливыми зодчими-кочевниками. Это проявление степного архитектурного ренессанса, которое длилось несколько столетий в улытауской степи. Инсталляция в виде образа мавзолея с нишами и куполом предназначена для презентации кирпичей, деталей колон, фасада известных мавзолеев Алаша хан, Жошы хан (Джучи), Дузен и других.

Наскальное искусство. Другим выдающимся культурно-историческим ландшафтом Улытау являются местонахождения наскальных рисунков. Это органическое соединение природного ландшафта с человеческим желанием и талантом изобразить мир своей повседневной и ритуальной культуры. Плоскость скалы являлась полотном, на которое древний художник наносил свои рисунки, начиная с эпохи бронзы и кончая средневековьем. В экспозиции представлены три известных местонахождения петроглифов: Байканыр, Зенгергас, Теректы, оригиналы камней с наскальными рисунками, фотокомпозиция с ландшафтом местонахождения петроглифов.

Примечание: все разделы экспозиции снабжены картами с местонахождением главных памятников эпохи камня и бронзы, сакской эпохи и кочевой цивилизации, расположенных в Центральном Казахстане.

Зал 2. Мир Улытау (история и основные события). Перечень разделов. Империя Чингисхана. Золотая Орда. Казахское ханство. Булантинская битва. Степной край в XVIII — начале XX вв. Хан Кенесары. К. И. Сатпаев и полезные ископаемые Улытау. Люди Улытау. Сакральные Улытау.

Империя Чингисхана и Золотая Орда. Главные исторические ландшафты Улытау были свидетелями эпохальных событий в Евразийской степи. Империя Чингиз хана (XIII в.) и Золотая Орда (XIII–XVI вв.): границы этих огромных государственных образований отражены на картах, составленных современными историками и географами. В ландшафты Улытау включены культурные и культовые объекты кочевых империй: мавзолеев Жошы хан (Джучи), ставка Жошы хана, ханские погребения и погребения воинов восточной провинции Золотой Орды. Письменное свидетельство завоевателя эмира Тимура, оставленное им в 1391 году на камне, на вершине сопки Алтыншоки в Улытау, оформлено в виде фотокопии подлинника плиты, которая сейчас хранится в Эрмитаже. В разделе используются копии гравюр из средневековых персидских и китайских источников, что придает визуальный подлинный образ происходившим событиям в Евразийской степи.

Казахское ханство. Арт-объект — «Ханское древо»: казахские ханы-чингизиды (XIV–

XIX вв.) с именами ханов, которые написаны на табличках, имитирующих листья дерева. За арт-объектом помещен список ведущих батыров казахского народа. Изображения казахских ханов поданы в реконструкциях художника-историка М. Горелика вместе с фотоматериалами о мавзолее Алаша хан, относящемся ко времени Казахского ханства. В экспозиции визуализированы копии писем переписки степной казахской элиты с правителями, администрацией Российской Империи и копии личных ханских печатей. Здесь следует отметить, что авторы экспозиции намеренно использовали копии исторических реконструкций специалистов, и копии рисунков, гравюр художников, путешественников, которые посетили Великую Степь в XVII–XIX веках. На наш взгляд, в экспозиции необходимо сочетание реальных образов ландшафтов с исторической событийностью, историческими личностями и художественной фиксацией традиций и культуры кочевников.

Булантинская битва. Героический ландшафт — междуречье Буланты-Белеуытты, где произошла в 1726 г. знаменитая битва между казахским ополчением, возглавляемым ханом Абулхайром и батырами с джунгарским войском. Фотофриз исторических мест сражений казахов с джунгарами. Витрина: подлинник и копии окончательных копий XVIII в. как один из главных видов вооружения казахов.

Примечание: Культура кочевого мира в экспозиции представлена печатными копиями исторических рисунков и гравюр XVIII–XIX веков Джона Касла и Томаса Аткинсона, Бронислава Залесского и других, которые посетили казахские кочевья.

Степной край в XVIII – начале XX века. Природа Улытау, его природные богатства, оригинальная культура кочевников явились научным открытием для мирового сообщества, сделанным известными российскими и зарубежными учеными-путешественниками: П. И. Рычковым, П. С. Палласом, Н. И. Потаниным, А. И. Шренком. Витрина: портреты исследователей, карта географических маршрутов, копии титульных листов их научных трудов.

Хан Кенесары. Свидетелями народно-освободительного движения середины XIX века во главе с ханом Кенесары стали горы Улытау и Арғанаты. Представлены копия письма хана Кенесары российской администрации, фотокопия его личной печати, копия гравюры с изображением его сына Садыка. В качестве примера видов вооружения в экспозиции выставлены шокпар — боевая дубина (подлинник) и айбалта — боевой топор (копия).

Полезные ископаемые Улытау. Ландшафты Улытау — это богатство его недр, огромный экономический потенциал страны, открывателем

которого явилась плеяда советских геологов во главе с академиком К. И. Сатпаевым. Представлены образцы минералов и копии исторических фотографий геологов-исследователей, медеплавильного комплекса Карсакпай.

Примечание: все разделы снабжены копиями подлинных карт XVII–XIX веков.

Люди Улытау. Настенная композиция в виде ковра из фотографий гостей Улытау, а также жителей Улытау, живущих в независимом Казахстане, объединенных идеей построить новое общество.

Сакральный Улытау. Вершины гор Улытау, на которых по преданиям находятся захоронения исторических личностей и святых, являются местами традиционных поклонений и культов. Сюда на протяжении многих веков приходят люди с желанием вылечиться и получить жизненную энергию. В экспозиции фотоколлаж паломнической активности поклонения Мировой Горе Улытау. Используется образ легендарного поэта-философа Асана Кайгы (XIV–XV вв.), который по легенде искал Жер Уюк — благословенную Землю, и нашел ее в Улытау, где по преданию и был похоронен. Асан Кайгы поддержал султанов Керей и Жанибека — основателей Казахского ханства, был идеологом духовных ценностей нового государства. Современный памятник ему поставлен на фоне гор и возвышается над поселком Улытау. Фигура Асана Кайгы выполнена в виде стоящего старца с воздетыми к небу руками, в позе благословения всем живущем в Великой Степи.

Зал 3. Традиционная культура казахов. Представление в экспозиции традиционного образа жизни казахов-кочевников и основ кочевой культуры, ее экологичности. Демонстрация предметов ремесел, национальных украшений, передвижного жилища — юрты. Орудия ремесел изготовлены жителями Улытау. Экспозиция сопровождается фотофризом современной жизни казахов с их традиционными праздниками и событиями. Завершает экспозицию фотоколлаж в виде Мирового Древа из копий фотографий жителей Улытау конца XX века.

Примечание: все залы сопровождаются информационными текстами и слоганами в виде цитат известных и великих людей об истории и культуре Великой Степи.

Тексты экспозиции и этикетаж. Основные тексты и названия разделов оформлены на трех языках: казахском, русском, английском. Этикетаж на двух языках — казахском и русском, и общий контекст на английском языке. Язык обозначений на карте следует согласно языку оригинала источника и составителя: казахский, русский или английский.

Цветовое решение экспозиции. В оформлении используются цвета, которые ассоциируются с колористикой, языком цвета культур степной Евразии. Зал «Древний Улытау» — стены экспозиции выкрашены в темно-красный с бордовым оттенком цвет. Сакральный цвет жизни — красный цвет — использовался активно в костюмах эпохи бронзы и сакского времени. Зал «Мир Улытау» — стены экспозиции выкрашены в синий цвет, верх ниш — золотистый цвет. Это сакральные цвета Тенгри — небо и солнце.

Postscriptum. Создание многих разделов экспозиции стало возможным благодаря консультации: археологов — А. С. Ермолаевой, Ж. Курманкулова, Ж. Е. Смаилова, О. А. Артюховой, Л. Н. Ермоленко, В. А. Новоженова; историков — А. К. Кушкumbaева, И. В. Ерофеевой, К. Ускембай, Л. А. Боброва; культуролога — М. Семби, политолога — Б. Абдыгали; архитектора — Е. Х. Хорош; картографа — М. А. Антонова. Следует также отметить, что подлинность и историзм изобразительному ряду разделов экспозиции были обеспечены благодаря возможности использовать материалы из книги «Большой атлас истории и культуры Казахстана» (АО «АбдиКомпани», 2008, президент компании А. Бимендиев). Совместная работа историков, дизайнеров, художников, экспозиционеров, переводчиков отражена в тексте ведущего планшета «Создатели экспозиции “Историко-культурные ландшафты Улытау”».

ЛИТЕРАТУРА

Топоров В.Н. Мировое древо // Мифы народов мира. — М.: Советская энциклопедия, 1980. — Т. I. — С. 398–406.

В. К. Фёдоров

В. К. Фёдоров

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ), Уфа

V. K. Fedorov

Academy of Economics, Law and Humanities (Academy VEGU), Ufa

E-mail: syyri@yandex.ru

Пряслица с декорированными секторами в культуре ранних кочевников Южного Урала

Аннотация: Статья посвящена двум керамическим пряслицам, происходящим из погребений ранних кочевников Южного Урала в могильниках Алебастрово-1 и Жарсуат-1. Оба пряслица имеют одинаковую декорировку поверхности, разделенной на четыре сектора, каждый из которых орнаментирован полосками или ямками. В культуре ранних кочевников это большая редкость. Наиболее близкие по орнаменту пряслица имеются в материалах кара-абызской культуры Южного Приуралья. Однако кара-абызские пряслица изготовлены из камня. Керамические пряслица с декорировкой поверхности орнаментированными секторами являются характерными артефактами староалейской культуры в Барнаульском Приобье. Многочисленные следы взаимных влияний в материалах этих трех культур – ранних кочевников Южного Урала, кара-абызской и староалейской, происходивших в обоих направлениях – как с востока на запад, так и с запада на восток, указывают на возможную причину появления на некоторых пряслицах ранних кочевников Южного Урала не свойственного им орнамента. Вероятно, орнаментированные пряслица староалейской культуры послужили прототипами для кара-абызских пряслиц, а у этих последних был позаимствован орнаментальный мотив для рассмотренных в статье пряслиц из могильников Алебастрово-1 и Жарсуат-1.

Ключевые слова: ранние кочевники, Западный Казахстан, Южный Урал, материальная культура, пряслица, орнамент, кара-абызская культура, староалейская культура, культурные взаимосвязи.

Sectorally decorated spindle whorls in the culture of early Southern Urals Nomads

Abstract. The article is devoted to two ceramic spindle whorls found in the graves of early Southern Urals nomads in the Alebastrovo-1 and the Jarsuat-1 burial grounds. Both spindle whorls have similarly decorated surface divided into two sectors, each of those is ornamented with holes and stripes. It is very rare in the early nomads' culture. The most similar spindle whorls can be found in the Kara-Abyz culture of Southern Urals. However the Kara-Abyz spindle whorls are made of stone. Ceramic spindle whorls with sectoral ornamented surface are typical artifacts of the Old Aley culture in the Barnaul Ob region. Numerous traces of mutual influence (in two directions: east-western and west-eastern) in the materials of these three cultures – those of early Southern Urals nomads, the Kara-Abyz and the Old Aley – indicate the possible cause of unusual ornament on some spindle whorls of early Southern Urals nomads. Probably ornamented Old Aley spindle whorls served as the prototypes for the Kara-Abyz culture, while the ornamented motive of the above mentioned spindle whorls from the Alebastrovo-1 and Jarsuat-1 burial grounds was borrowed from the Kara-Abyz culture.

Keywords: early nomads, Western Kazakhstan, Southern Urals, material culture, spindle whorls, ornament, the Kara-Abyz culture, the Old Aley culture, cultural interaction.

В 2014 году экспедицией Западно-Казахстанского центра истории и археологии (руководитель Д. В. Марыксин) был исследован курган № 24 могильника Алебастрово-1 в Теректинском районе (ЗКО, РК) [Марыксин, Фёдоров, в печати].

Среди материалов кургана, датирующихся III–II вв. до н. э., наше внимание привлекло цилиндрическое керамическое пряслице с примесью талька в тесте, найденное в п. 3. Оно имеет диаметр 3,3 см, высоту 1,4 см, по центру – сквоз-

ное отверстие диаметром 0,7 см. Обе плоские поверхности орнаментированы: неглубокими бороздками они разделены на четыре равных сектора, из которых два противоположных сектора заштрихованы параллельными линиями в количестве 5–7 штук, а два остальных сектора заполнены точками (рис. 1, 1). Пряслице, являющееся точной аналогией описанному, происходит из могильника Жарсуат-1 (к. 2, п. 1) в соседнем Бурлинском районе ЗКО [Железчиков, 1998, рис. 40, 8] (рис. 1, 2).

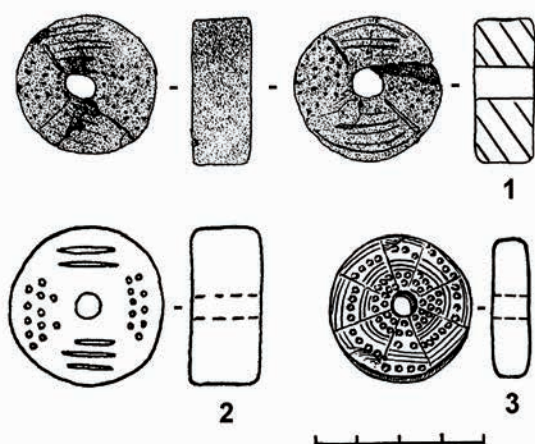

Рис. 1. Пряслица с декорированными секторами из погребений ранних кочевников Южного Урала. 1 – Алебастрово-1 (по: Марыксин, Фёдоров, в печати); 2 – Жарсуат-1 (по: Железчиков, 1998); 3 – Старые Кишки (по: Фёдоров, 2011). 1, 2 – керамика; 3 – камень

Следует отметить, что декорированные пряслица у ранних кочевников Южного Урала — большая редкость. Обычно они изготовлялись из стенок сосудов, и среди многих пряслиц без орнамента иногда встречаются экземпляры, сделанные из орнаментированных стенок [Смирнов, 1975, рис. 52, 8; Пшеничнюк, 1983, табл. XLVII, 5]. Цилиндрические пряслица, изготовленные непосредственно из глиняного теста, встречаются у ранних кочевников несравненно реже, орнамента на них, как правило, нет. Орнамент встречается на лепных пряслицах биконической формы, но он обычно весьма скуден [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 19, 2; Мошкова, 1963, табл. 24, 12, 17-23].

Алебастровское и жарсуатское пряслица, на обеих сторонах которых имеются одинаковые сложные изображения, представляющие собой четыре сектора, заполненные попеременно линиями и точками, не имеют других аналогий среди пряслиц ранних кочевников Южного Урала и выглядят среди них необъяснимыми исключениями.

При данных обстоятельствах приходится обращаться к материалам других культур, синхронных культуре ранних кочевников Южного Урала III–II вв. до н. э., либо более ранних. Орнаментальный мотив, главным элементом которого являются декорированные ямками и линиями сектора, широко представлен на пряслицах кара-абызской культуры лесостепной Башкирии, найденных как в погребениях, так и на поселениях [Котов, 2010, рис. 2] (рис. 2). Немногие экземпляры происходят из погребений ранних кочевников, расположенных в среднем течении реки Белой – в Старых Кишках (к. 12, п. 1) (рис. 1, 3) и Бишунгарово (к. 2, п. 2) (рис. 2, 16) [Фёдоров, 2011, с. 32-33, рис. 5, 6; Котов, 2010, с. 40, рис. 2,

16]. Последнее известно только по публикации В. Г. Котова, в книге А. Х. Пшеничнюка в описании данного комплекса не упоминается, нет и рисунка [Пшеничнюк, 1983, с. 21, табл. X]. Оба являются, несомненно, кара-абызскими. Пряслица из Алебастрово-1 и Жарсуата-1 едва ли могут быть кара-абызскими. Находки в Старых Кишках и Бишунгарово объясняются непосредственными контактами оставившего данные могильники населения с кара-абызцами, от которых его отделяла только река Белая. Старые Кишки и Бишунгарово расположены на ее левобережье, а на противоположном правом берегу находятся крупнейшие памятники кара-абызской культуры Шипово и Охлебинино (городища и могильники). Едва ли есть вероятность непосредственных контактов той группы кочевников, которая оставила могильники Алебастрово-1 и Жарсуат-1 с носителями культуры Кара-Абыз. Приходится предполагать, что алебастровское и жарсуатское пряслица изготовлены по образцу тех кара-абызских экземпляров, которые оказались в кочевнической среде, тем более, что последние почти все каменные, а алебастровское и жарсуатское – керамические, и более грубые по исполнению. Расцвет использования декорированных пряслиц в кара-абызской культуре приходится на III–II вв. до н. э. [Котов, 2010, с. 41].

Каменные (тальковые) пряслица встречаются и у ранних кочевников других территорий (далеко отстоящих от ареала культуры Кара-Абыз), в том числе с орнаментом, правда он беден и невыразителен [Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006, рис. 58, 3]. Информацию о находке еще одного орнаментированного талькового пряслица сообщил мне Н. С. Савельев в письме от 13.03.2016: «Раскопки В. И. Юрина, материалы хранятся в ЧОКМ. Увельский район, р. Сухарыш, Сухарышская сквозная II пещера. Погребение прохоровского времени, среди инвентаря гагатовые рубленные дисковидные бусы, стеклянные бусы с внутренней позолотой и тальковое пряслице. Орнамент на одной стороне представлен двумя концентрическими кругами и 8 расходящимися прямыми лучами от центра».

Нужно признать, что вопрос о причинах появления у ранних кочевников Западного Казахстана (пока не сделано других находок, можно предполагать, что это локальная особенность данного района) пряслиц с декорированными секторами остается открытым. Во-первых, об абсолютном их тождестве с кара-абызскими говорить всё же не приходится. Самые близкие по декору экземпляры последних (с попеременным чередованием заполненных ямками и поперечных борозд секторов) имеют по шесть, восемь, 10 секторов [Котов, 2010, рис. 2, 2, 4, 8, 11, 12, 16, 18], но нет ни одного с четырьмя секторами. Во-вторых, неясным остается происхождение и самих кара-

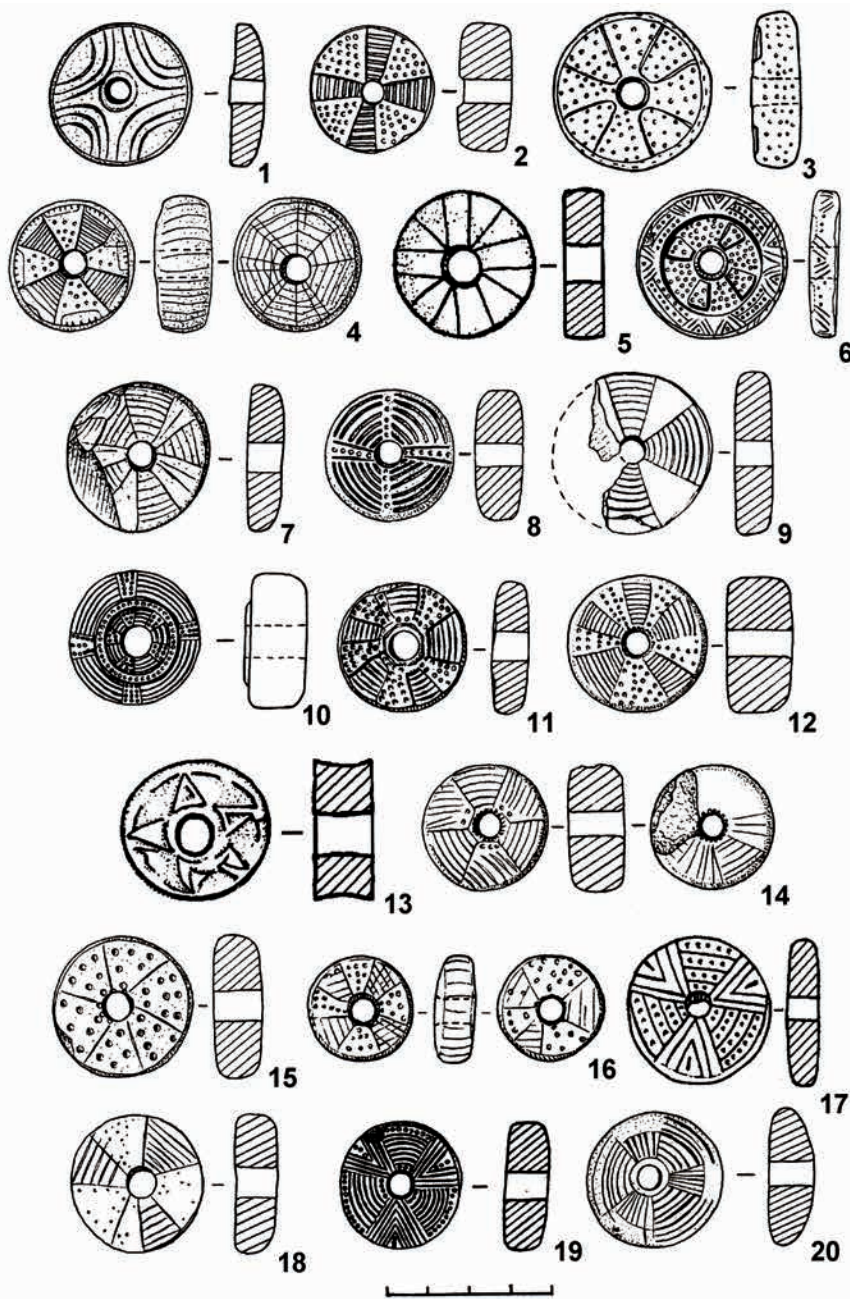

Рис. 2. Пряслица с декорированными секторами из памятников кара-абызской культуры. 1, 7, 9–12, 14, 18 – Шиповский могильник; 2, 6, 8, 13, 15 – Охлебининский могильник; 16 – Бишунгаровский могильник; 19 – пещера Байсланташ; 20 – Уфимский могильник (по: Котов, 2010). 1–4, 6–16, 18–20 – камень; 5, 17 – керамика

абызских пряслиц с данным типом декора.

В. Г. Котовым приведен широчайший круг аналогий «символике и стилистике» кара-абызских пряслиц, начиная от неолитических памятников Ближнего Востока и культурных отложений «эпохи бронзового века» Трои, заканчивая зеркалами половецкого типа и деревянными сосудами для кумыса у горных башкир [Котов, 2010, с. 53, рис. 4–7]. Более близкими хронологически и территориально аналогиями, также рассмотренными В. Г. Котовым, являются

ся ананьинские пряслица и бронзовые «колесики» ранних кочевников скифской эпохи [Котов, 2010, рис. 3, 4, 10]. Последние, хотя и являются несомненными пряслицами [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 90; Фёдоров, в печати], дают аналогию лишь самой схеме деления диска на сектора. Большинство «колесиков» имеет крестообразное разделение на четыре сектора, но имеются экземпляры и с тремя, пятью, шестью, семью, восемью, девятью секторами. Об орнаментации секторов «колесиков» говорить не приходится. Так что эта аналогия может быть признана лишь частичной. Что же касается ананьинских пряслиц, сам В. Г. Котов отмечает, что «в оформлении геометрических символов на дисках ананьинской общности отсутствуют приемы оформления, характерные для большинства декорированных кара-абызских пряслиц» [Котов, 2010, с. 53]. И далее: «Присутствует самое общее сходство крестовидных схем и солярных символов, среди которых имеются трех-, четырех-, и пятичастные символы. Общим является использование плоских дисков из мягкого камня и традиция двусторонних изображений» [Котов, 2010, с. 35], но не более.

Между тем, от внимания исследователя, по-видимому, ускользнула большая группа пряслиц, декорировка которых имеет наибольшее сходство с кара-абызской. Они происходят из могильников староалейской культуры VI–IV вв. до н. э. в Барнаульском Приобье, а самые ранние экземпляры относятся еще к раннескифскому времени, концу VII–VI вв. до н. э. Это серия тщательно выполненных изделий с аккуратно нанесенным орнаментом в виде декорированных секторов. Секторов может быть четыре, пять, шесть, семь, восемь, все они имеют плотную шпиковку из пря-

мых линий, нанесенных по большей части слегка наклонно, иногда наклон силен настолько, что орнамент становится «вихреобразным», в редких случаях штриховка почти поперечная, но истинной поперечной штриховки секторов нет (рис. 3). Нет и сочетания в декорировке секторов штрихов и ямок, столь характерного для пряслиц кара-абызской культуры, и представленного на обоих пряслицах из Западного Казахстана. И, тем не менее, сам принцип разделения поверхности пряслица на сектора, с плотным заполнением последних орнаментом, в эпоху раннего железа нам известен (как массовое явление) только в кара-абызской и староалейской культурах. Как отмечает исследователь этой культуры Я. В. Фролов: «Пряслица с подобным орнаментом характерны именно для староалейской культуры, в каменных могильниках и некрополях других культур их не обнаружено. Таким образом, их можно рассматривать как культурный маркер, характерный для староалейской культуры» [Фролов, 2000, с. 79]. Поскольку староалейские пряслица датируются более ранним временем, нежели кара-абызские, вопрос о возможном взаимном влиянии может быть поставлен только по отношению к направлению «восток-запад», но не наоборот. То есть, мы можем предполагать, что идея «секторальной» декорировки пряслиц могла быть заимствована кара-абызцами у населения Верхнего Приобья, причем, именно от носителей староалейской культуры.

Сильным аргументом в пользу этого предположения, может являться то обстоятельство, что в тех же приобских могильниках, откуда происходят пряслица с декорированными секторами, найдены и иные артефакты, прямое заимствование которых кара-абызцами представляется весь-

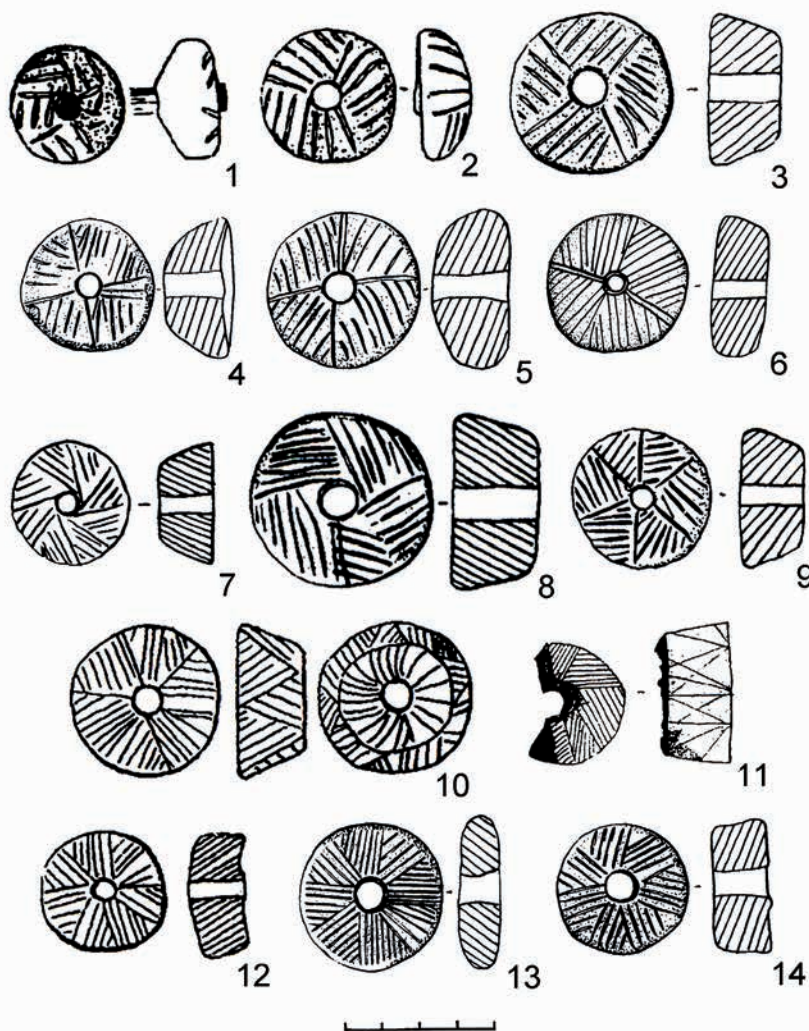

Рис. 3. Пряслица с декорированными секторами из памятников староалейской культуры. 1, 2, 12 – Малый Гоньбинский Кордон-1 (по: Кунгуров, 1999); 3, 7, 9, 10 – Староалейка-2 (по: Кирюшин, Кунгуров, 1996); 4, 5, 8, 13, 14 – Обские Плёсы-2 (по: Ведянин, Кунгуров, 1996); 6 – Клепиково-1 (по: Фролов, 1996); 11 – пос. Фирсово-10 (по: Фролов, 1999). Всё – керамика

ма вероятным. Речь идет о бронзовых поясных накладках 2-образной формы с головами грифонов на обоих концах. Как отмечает исследовательница этих накладок С. Л. Воробьева, они широко распространены на территории Саяно-Алтая, Западной Сибири, Центральной Азии, Китая, Ордоса, единичные накладки встречены в Зауралье, Забайкалье, Казахстане, Южном и Восточном Туркестане, но самая представительная их коллекция происходит из памятников кара-абызской культуры [Воробьева, 2010, с. 56]. Значительная серия их найдена в приобских могильниках Староалейка-2 и Обские Плёсы-2 [Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 14, 5–8; 15, 6, 11; Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 5, 10, 11; 6, 5; 15, 5, 8; 16, 4], откуда происходит и большинство пряслиц с декорированными секторами (рис. 4, 7–10).

Вместе с тем, нужно отметить, что в тех же староалейских могильниках есть находки,

ближайшие аналогии которым имеются в культуре ранних кочевников Южного Урала. Необходимо рассмотреть их, чтобы решить вопрос, не было ли между этими культурами такой же связи, как в случае Староалейка – Кара-Абыз. И, в частности, не могла ли декорировка пряслиц из Алебастрово-1 и Жарсуата-1 явиться следствием этой связи, без промежуточного звена в виде кара-абызских пряслиц. То есть, не имеют ли места прямые заимствования элементов материальной культуры староалейцев ранними кочевниками Южного Урала (и в частности, не заимствовано ли ими орнаментирование пряслиц декорированными секторами).

Начнем рассмотрение с бронзовых колчанного крюка и распределителя ремней, оканчивающихся головой хищной птицы, из могильника Обские Плёсы-2 [Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 16, 3, 9]. Значительное количество крюков подобной схемы из могильников Южного Урала – в виде изогнутых стержней, в верхней части которых имеется утолщение с отверстием, а нижняя представляет собой длинный изогнутый крюк, отнесены В.Н. Мышкиным к выделенному им типу 3 [Мышкин, 2010, с. 267, рис. 1, 14–21; 2, 1–18]. Крюки этого типа, оформленные в зверином стиле, неоднократно встречены в южно-уральских памятниках — Сынтас к. 2 [Кадырбаев, Курман-

кулов, 1976, рис. 16], Филипповка к. 4, пп. 2, 3; к. 15, п. 3; к. 24, п. 1 [Яблонский, 2013, кат. 114, 303, 1891; Пшеничнюк, 2012, рис. 149, 3], Переволочан к. 10, п. 2 [Пшеничнюк, 1995, рис. 13, 7]. У всех у них присутствуют те же детали, что и у крюка из Обских Плёсов-2 — расширение в верхней части с отверстием в центре, сразу за расширением голова птицы с выделенным глазом, длинный клюв с восковицей и ротовой щелью. Отметим, что сынтасский крюк и три из четырех филипповских оформлены намного пышнее крюка из Обских Плёсов-2, четвертый же филипповский, напротив, скромнее. Переволочанский крюк не бронзовый, а железный, обложенный золотом. Так что о полной идентичности ни в одном случае говорить не приходится. Тем не менее, принцип оформления изделий един, основные черты в манере изображения головы хищной птицы также весьма схожие (рис. 4, 2, 11).

В то же время, распределителю ремней из Обских Плёсов-2 мы можем указать абсолютно точные аналогии в к. 12 могильника Кырык-Оба-2 в Западном Казахстане [Гуцалов, 2011, рис. 2, 2; 3, 3, 5, 9] и к. 1 могильника Сапибулак на Илеке [Мамедов, Китов, 2015, рис. 3, 4–7]. Изображение глаза, восковицы, реалистично выполненного клюва (в двух случаях также замыкающегося в кольцо) — совершенно такие же, как у экзем-

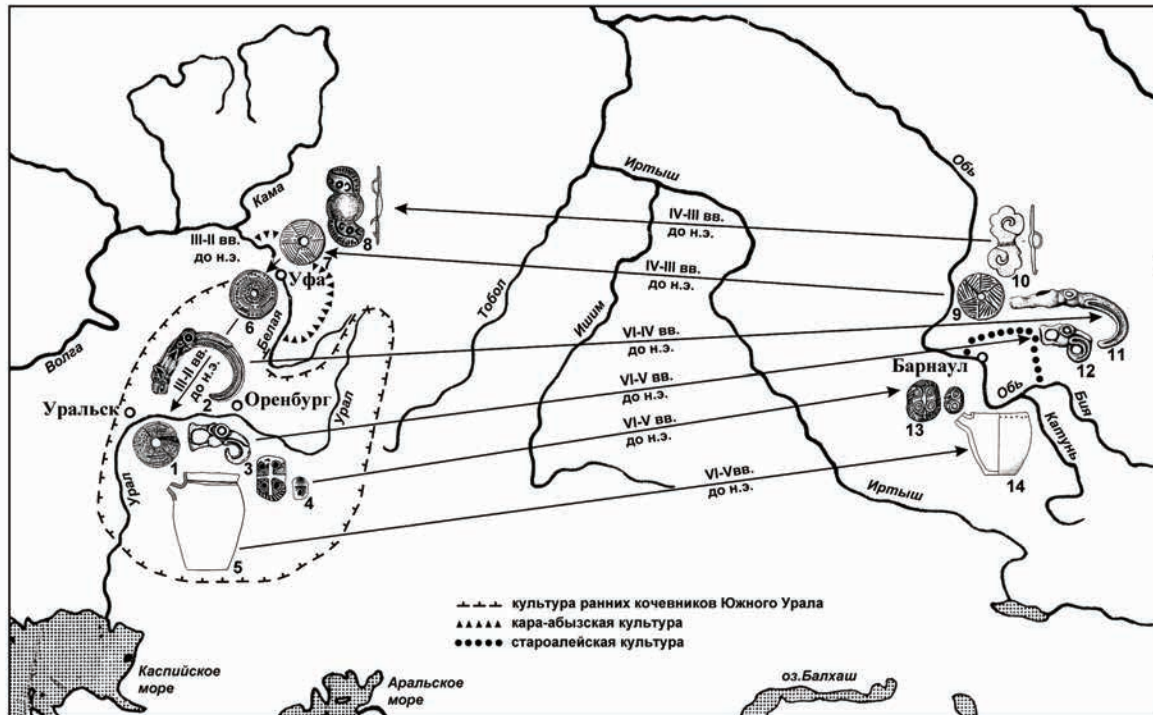

Рис. 4. Направления культурных влияний между культурами ранних кочевников Южного Урала, кара-абызской и староалейской в VI–II вв. до н. э. 1 – Алебастрово-1 (по: Марыксин, Фёдоров, в печати); 2 – Филипповка (по: Яблонский, 2013); 3 – Кырык-Оба-2 (по: Гуцалов, 2011); 4 – отдельный курган на плато Сынтас (по: Железчиков, Кушаев, 1999); 5 – Уральск (по: Смирнов, 1964); 6 – Старые Кишики (по: Фёдоров, 2011); 7 – Шипово (по: Котов, 2010); 8 – Шипово (по: Овсянников и др., 2007); 9, 14 – Староалейка-2 (по: Кирюшин, Кунгуров, 1996); 10–13 – Обские Плёсы-2 (по: Ведянин, Кунгуров, 1996)

пляра из Обских Плёсов-2 (рис. 4, 3, 12). Вообще, подобные распределители очень распространены в уздечных наборах ранних кочевников Южного Урала, но лишь небольшая часть имеет верхний выступ, скульптурно оформленный в виде головы хищной птицы – кроме Сапибулака и к. 12 Кырык-Обы-2, по одному экземпляру в к. 17 того же могильника [Гуцалов, 2011, рис. 7, 7] и в к. 3 могильника Маровый шлях [Таиров, 2006, рис. 5, 4], большинство же снабжено простым крюком. Этим последним найдено очень много [Мышкин, 2014, рис. 6].

Если крюкообразные изделия (не обязательно колчаные крюки), оканчивающиеся головой хищной птицы с длинным, сильно изогнутым клювом, к востоку от Урала распространены сравнительно широко [см. напр.: Королькова, 2006, табл. 23], то распределители ремней с клювовидными выступами — практически не встречаются. Это специфическая южно-уральская деталь упряжи.

Еще более явно на связь с Южным Уралом указывают находки в староалейских могильниках цветных глазчатых бус, обычно называемых в литературе «финикийскими». На Южном Урале они найдены в десятках погребений. Мы начали составлять для другой работы перечень этих комплексов, полагаем, что уместно будет привести здесь первые 20, встретившихся нам лишь «в первом приближении»:

1. Алебастрово-2, к. 7 [Железчиков, 1998, рис. 34, 3];
2. Алебастрово-2, к. 12, п. 1 [Железчиков, 1998, рис. 34, 12];
3. Алебастрово-2, к. 14 [Железчиков, 1998, рис. 36, 1];
4. Альмухаметово, к. 8 [Пшеничнюк, 1983, табл. XXXIII, 5];
5. Альмухаметово, к. 17 [Пшеничнюк, 1983, табл. XXXVIII, 4];
6. Бесоба, к. 7, п. 2 [Кадырбаев, Курманкулов, 1977, рис. 6, 2];
7. Гумарово, к. 2, п. 3 [Исмагил, Сунгатов, 2013, рис. 20, 25];
8. Гумарово, к. 3 [Исмагил, Сунгатов, 2013, рис. 20, 41];
9. Лебедевка-4, к. 22, п. 2 [Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006, рис. 11, 10];
10. Мечетсай, к. 10, п. 2 [Смирнов, 1964, рис. 23, 12; 1975, рис. 31, 13];
11. Новый Кумак, к. 5, п. 2 [Смирнов, 1977, рис. 5, 5];
12. Новый Кумак, к. 5, п. 3 [Смирнов, 1977, рис. 4, 3];
13. Новый Кумак, к. 7, п. 2 [Мошкова, 1962, рис. 8, 1];
14. Новый Кумак, к. 9, п. 1 [Мошкова, 1962, рис. 8, 2];
15. Новый Кумак, к. 19, п. 1 [Мошкова, 1962, рис. 8, 4];

16. Новый Кумак, к. 18 [Смирнов, 1977, рис. 9, 3];
17. Новый Кумак, к. 26, п. 1 [Мошкова, 1972, рис. 5, 3, 4];
18. Отдельный курган на плато Сынтас, п. 2 [Железчиков, Кушаев, 1999, рис. 5, 8];
19. Сапибулак, к. 6, п. 4 [Мамедов, Китов, 2015, рис. 11, 7–10];
20. Сибай-2 [Пшеничнюк, 1983, табл. XLI, 4];
21. Солончанка-2, к. 1, п. 1 [Таиров, 2006, рис. 9, 2–4].

К востоку от Урала мне известны лишь находки в Обских Плёсах-2 [Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 12, 12–15, 22] и Староалейке-2 [Киришин, Кунгуров, 1996, рис. 10, 3]. Вполне реалистично предположить поступление этих бус на Верхнюю Обь именно с Южного Урала (рис. 4, 4, 13).

Следует, вероятно, упомянуть и находку в могильнике Староалейка-2 типичного южно-уральского сосуда с носиком-сливом [Киришин, Кунгуров, 1996, рис. 3, 6] (рис. 4, 5, 14).

Рассмотренные материалы, как кажется, убедительно показывают, что (так же как и в случае с кара-абызской культурой), имеются несомненные свидетельства взаимодействия староалейской культуры с культурой ранних кочевников Южного Урала, но вектор этого взаимодействия обратный – «запад-восток». Это обстоятельство препятствует рассмотрению декорировки алебастрового и жарсуатского пряслиц как прямого заимствования данного орнаментального мотива у населения Верхней Оби. Всё же, гораздо правдоподобнее предположение о кара-абызском «следе» в оформлении этих двух пряслиц. За это говорит и хронология. Все рассмотренные выше артефакты – колчаные крюки, распределители ремней, глазчатые «финикийские» бусы, сосуд с носиком-сливом датируются в пределах VI–IV вв. до н. э., как на Южном Урале, так и на Верхней Оби. Наши два пряслица же найдены в погребениях, датировка которых более поздним временем, очевидно III–II вв. до н. э., несомненна. Это как раз тот период, на который приходится расцвет орнаментированных пряслиц в культуре Кара-Абыз.

* * *

В статье о позднесарматских мечах Подонья С. И. Безуглов уделит внимание «некоторым любопытным мелочам» – бусинам и бляхам, которые нередко находят вместе с мечами [Безуглов, 2000, с. 177]. Это выражение – «любопытные мелочи», было подхвачено А. В. Симоненко уже не только по отношению к атрибутам мечей, но и к некоторым принадлежностям стрелков из лука [Симоненко, 2010, с. 67, 102]. В обоих случаях «любопытные мелочи» помогли исследователям надежнее зафиксировать выстраиваемую ими

«цепочку связей: Китай — Средняя Азия — сарматы» [Симоненко, 2010, с. 104]. В нашем случае внимание, проявленное по отношению к «любопытной мелочи» — пряслицу с декорированными секторами позволило еще раз обратить внимание на достаточно сложную картину взаимодействий между культурами Южного Урала и Алтая, в которых имело место не только движение культур-

ных импульсов с востока на запад, но и в обратную сторону. Заметные проявления последнего неоднократно уже были отмечены в литературе, в частности В. А. Могильниковым [Могильников, 1995, с. 109; 1997, с. 104].

ЛИТЕРАТУРА

- Безуглов С.И.** Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: сб. ст. — Ростов-на-Дону: Терра, 2000. — С. 169–193.
- Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л.** Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плёсы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая: сб. научн. тр. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. — С. 88–114.
- Воробьёва С.Л.** Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // УАВ. — 2010. — Вып. 10. — С. 56–63.
- Гуцалов С.Ю.** Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // РА. — 2011. — № 1. — С. 81–96.
- Железчиков Б.Ф.** Археологические памятники Уральской области. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. — 136 с.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.** Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.). — М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2006. — 160 с.
- Железчиков Б.Ф., Кушаев Г.А.** Погребения на берегу озера Челкар в Западном Казахстане // НАВ. — 1999. — Вып. 2. — С. 127–137.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф.А.** Памятники яйцкой культуры последней четверти V–IV вв. до н. э. на Южном Урале: матер. охранных раскопок и иссл. по археол. Южн. Урала. — Уфа: «Белая река», 2013. — Т. III. — 224 с.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.** Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. — Алма-Ата: Наука, 1976. — С. 137–156.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.** Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. — Алма-Ата: Наука, 1977. — С. 103–115.
- Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.** Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая: сб. научн. тр. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. — С. 115–134.
- Королькова Е.Ф.** Звериный стиль Евразии: Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 272 с.
- Котов В.Г.** Семантика пряслиц кара-абызской культуры раннего железного века Приуралья // УАВ. — 2010. — Вып. 10. — С. 36–55.
- Кунгуров А.Л.** Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-1 в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: сб. научн. ст. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. — С. 92–98.
- Мамедов А.М., Китов Е.П.** Погребальный обряд ранних кочевников верхнего Илека (по материалам могильника Сапибулак) // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. — 2015. — Вып. 6 (304). — С. 19–60.
- Марыксин Д.В., Фёдоров В.К.** Курган № 24 могильника Алебастрово I // В печати.
- Могильников В.А.** О савромато-сарматской миграции в лесостепь и степь Обь-Иртышского междуречья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: матер. научн.-практ. конф. — Барнаул, 1995. — Вып. V, ч. 2. — С. 106–109.
- Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тыс. до н. э. — М.: Пушкинский научн. центр РАН, 1997. — 196 с.
- Мошкова М.Г.** Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. — 1962. — № 115. — С. 204–241.
- Мошкова М.Г.** Памятники прохоровской культуры // САИ Д1-10. — 1963. — 56 с., 32 табл.
- Мошкова М.Г.** Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. — М.: Наука, 1972. — С. 37–48.
- Мышкин В.Н.** Колчаные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н. э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. — М.: Таус, 2010. — С. 262–279.

- Мышкин В.Н.** Уздечные обоймы для перекрестных ремней у кочевников Южного Урала скифского времени // НАВ. – 2014. – Вып. 14. – С. 29–51.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.** Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. – Уфа: Гилем, 2007. – 168 с.
- Пшеничниук А.Х.** Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.
- Пшеничниук А.Х.** Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа: «Гилем», 1995. – С. 62–96.
- Пшеничниук А.Х.** Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 280 с.
- Симоненко А.В.** Сарматские всадники Северного Причерноморья. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. – 328 с.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. – М.: Наука, 1964. – 380 с.
- Смирнов К.Ф.** Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа: БФАН СССР, 1977. – С. 3–51.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г.** Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ Д1–9. – 1963. – 40 с., 30 табл.
- Таиров А.Д.** Саки Приуралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничниука. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 76–91.
- Фёдоров В.К.** Курган 12 могильника Старые Кишишки // УАВ. – 2011. – Вып. 11. – С. 28–38.
- Фёдоров В.К.** Бронзовые колесики в погребениях ранних кочевников // В печати.
- Фролов Я.В.** Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково I (по материалам М. Д. Копытова и С. М. Сергеева 1925, 1928 гг.) // Погребальный обряд древних племен Алтая: сб. научн. тр. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. – С. 135–143.
- Фролов Я.В.** Некоторые проблемы изучения памятников, датируемых VI–V вв. до н. э. в Барнаульском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. – С. 211–219.
- Фролов Я.В.** О пряслицах раннего железного века Верхнего Приобья как культурно-диагностирующем признаке // Актуальные вопросы истории. Сибири. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. – С. 75–82.
- Яблонский Л.Т.** Золото сарматских вождей: Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. – М.: ИА РАН, 2013. – Кн. I. – 232 с.

Б. М. Хасенова

Б. М. Хасенова

*Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Алматы*

B. M. Khasenova

A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty

E-mail: alicar@inbox.ru

Погребальный обряд населения Сарыарки в эпоху раннего средневековья: итоги изучения и новые вопросы

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, проект №2978/ГФ4 «Саки Тургая: этноархеологические исследования»

Аннотация. Появление на исторической арене государственных объединений тюркских племен стало точкой отсчета для важнейших преобразований в политической и культурной жизни Евразии и тем самым началом нового исторического периода – эпохи средневековья. Вопросы ранней этнической истории тюркских племен традиционно решаются по материалам с территории Алтая. В последнее время, благодаря источниковедческим изысканиям Ю. А. Зуева и археологическим — А. М. Досымбаевой, удалось установить, что в формировании западных тюрков важную роль сыграли усунь. Таким образом, Жетысу также может быть признано одним из очагов этногенеза тюркских народов. Пока, правда, немногочисленные, материалы эпохи раннего средневековья Сарыарки также дают ценнейшую информацию по ранним страницам истории тюркских племен. Проанализированы материалы, полученные в ходе раскопок в разных точках Сарыарки: тургайских, каркаралинских степях, степях Акмолинского Приишимья.

Ключевые слова: Сарыарка, эпоха средневековья, погребальный обряд, тюрки, погребение с конем, погребение со шкурой коня/

Obsequies of Saryarka population in early Middle Ages: research results and new issues

The work was supported by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, project №2978/GF4 “Turgay Saka: ethno-archaeological research”

Abstract. The appearance of state unions in a historical stage became a starting point for transformations in political and cultural life of Eurasia and the beginning of new historical period — Middle Ages epoch. The issues of Turkic tribes' early ethnic history are traditionally solved on the materials from Altay. Recently due to Yu. A. Zuyev's source study research and archaeological studies A. M. Dosumbayeva has managed to establish a fact that the Usuns played a key role on the formation of West Turkic people. Consequently, Jetysu can be recognized as one of the center of Turkic peoples' ethnogenesis. Few materials of Early Middle Ages epoch from Saryarka give valuable information about Turkic tribes' history. In the article were analyzed materials that have gotten during the excavations in different points of Saryarka: Turgay, Karkaraly, Akmola Ishim region steppes.

Keywords: Saryarka, Middle Ages epoch, obsequies, Turkic people, burial with a horse, burial with a horse's skin.

Появление на исторической арене государственных объединений тюркских племен стало точкой отсчета для важнейших преобразований в политической и культурной жизни Евразии и тем самым началом нового исторического периода — эпохи средневековья. Именно тогда были заложены важнейшие составляющие тюркской цивилизации, исходя из которых, политика, культура, общество, экономика развивались в дальнейшем в пределах собственной модели.

Начало эпохи средневековья образно можно сравнить с горловиной песочных часов, так как блистательной тюркской эпохе предшествовала богатейшая история. В этот

лизиции, исходя из которых, политика, культура, общество, экономика развивались в дальнейшем в пределах собственной модели.

период произошла своеобразная аккумуляция достижений и особенностей традиций степной цивилизации под эгидой древних тюрков, что привело в дальнейшем к сложению тюркского мира, объединяющего в настоящее время более чем 165 млн. человек.

Тюркский мир формировался на протяжении многих тысячелетий, об этом, в первую очередь, говорят археологические памятники, обнаруженные повсеместно на территории всей степной Евразии. Поразительная схожесть в культуре может быть удивительной только на первый взгляд. Аналогии, разбросанные в настоящий момент во времени и пространстве и связывающие различные исторические периоды и различные регионы на карте мира, могут быть объяснимы только с учетом исторического пути, пройденного тюркскими народами.

По мнению А. И. Оразбаевой, период ранних кочевников выступил фазой концептуализации кочевого образа жизни, сложения архаического пласта культуры в целом, закладки как таковой системы ментальности, а тюркский период, в свою очередь, стал «фазой объективизации ее основных признаков этнической идентичности, духовных архетипов: языка, письменности, идеологии, государственности» [Оразбаева, 2005, с. 199].

Вопросы ранней этнической истории тюркских племен традиционно решаются по материалам Алтая. В последнее время, благодаря источниковедческим изысканиям Ю. А. Зуева и археологическим — А. М. Досымбаевой, удалось установить, что в формировании западных тюрков важную роль сыграли усунь, тем самым Жетысу также может быть признано одним из очагов этногенеза тюркских народов [Зуев, 2002; Досымбаева, 2012].

Пока, правда, немногочисленные материалы эпохи раннего средневековья Сарыарки также дают ценнейшую информацию по ранним страницам истории тюркских племен.

В статье проанализированы материалы, полученные в ходе раскопок в разных точках Сарыарки: тургайских, каркаралинских степях, степях Акмолинского Приишимья.

Изучены материалы таких объектов, как курган 3 могильника Егиз-Койтас; курган 3 могильника Ижевский-2; Нуринское погребение; курган 5 могильника Жарлы-1; курган 1 могильника Жарлы-2; курган Таимбулак; курган могильника Ащитасты-27 [Кадырбаев, 1959; Бейсенов, Кожиков, 2001; Бейсенов, Волошин, 2002; Боталов, Ткачев, 1990; Хасенова, 2015] (табл. 1). Наземные конструкции представляют собой каменные выкладки или каменно-земляные, каменные

насыпи округлой формы. Встречены следующие особенности оформления ям и внутримогильных конструкций: ящик из каменных плит, подбой, уступы по длинным стенам ямы. Единоразы зафиксирована интересная особенность оформления ямы, когда тело лошади и человека символически разъединились — в данном случае это было достигнуто путем возведения двух отдельных камер (такая интересная особенность погребального обряда встречается в тюркских погребениях Алтая [Кубарев, 2005, рис. 34]). Во всех случаях зафиксировано труположение, тела умерших были расположены вытянуто на спине. Ориентировка умерших — на ЮВ, ЮЮВ, В, СЗ, З.

Необходимо отметить, что погребальный обряд населения Сарыарки в этот период характеризуется вариативностью. Она проявляется в наличии или отсутствии жертвенного коня, различных манипуляций с его тушей (она помещалась целиком или в виде шкуры — череп и кости ног), также наличие различия в ориентировке тела умершего. Наиболее характерный элемент погребального обряда для раннетюркских племен — сопроводительное захоронение коня, ориентированного в противоположном относительно человека направлении, встречен на двух памятниках: курган № 1 мог. Жарлы-2 и курган № 3 мог. Егиз-Койтас. Шкура коня зафиксирована в погребении кургана могильника Ащитасты-27. Традиционная для тюркского погребального обряда ориентировка в восточный сектор присутствует в подавляющем большинстве — в пяти случаях: курган № 3 мог. Егиз-Койтас; курган № 3 мог. Ижевский-2; курган № 5 мог. Жарлы-1; курган № 1 мог. Жарлы-2; курган Таимбулак. Умершие из двух погребений ориентированы в западном направлении (З, СЗ) — Нуринское погребение, курган могильника Ащитасты-27.

В представленной группе присутствует по одному погребению ребенка и юноши. В обоих случаях фиксируется крайне немногочисленный погребальный инвентарь, исчерпывающийся одним предметом (в погребении ребенка — сосуд, в погребении юноши — одно стремя). Судя по сопровождающему погребальному инвентарю, предварительно можно определить два погребения как женские, три — как мужские. В одном женском погребении обнаружены керамическое пряслице, золотые серьга и бляшки от конского снаряжения, бронзовое зеркало, сосуд, фрагмент деревянного изделия, в другом — железный нож, бронзовая серьга и также керамическое пряслице. Мужские погребения содержали пояса, предметы вооружения (палаш, наконечники стрел, колчан, ножи), детали конского снаряжения.

Таблица 1 – Погребальный обряд эпохи раннего средневековья Сарыарки

Название памятника, датировка, источник информации	Информ. о памятнике	Наземн. констр.	М. я.	Внутри-мог. констр.	Информация о погребенном			Элементы сопроводит. комплекса	Информ. о присутств. животных
					Ориентир.	Размещ. тела	Возр., пол		
Курган мог. Ачитасты-27, VIII в., Хасенова, 2015	мог-к из трех кам.кург. и одной выкладки, находится на мысе, образованном слиянием двух рек	кам. выкл. в виде кольца	ступеньки	перекр. из веток тальника на уровне ступенек	СЗ	выт. на спине	жен.	зол. серьга и бляшки от конского снаряжения, бр. зеркало, глин. пряслице, сосуд, фр. дер. изд.	шкура лошади слева от человека, на ступеньке поверх перекрытия
Нуриное погребение, VIII–IX вв., Боталов, Ткачев, 1990	обнаружено в обрыве р.Нура	?	прос-тая	-	З	выт. на спине	муж.	жел. палаш, накинжи стрел с кост. свистульками в колчане, нож, кольцо (от удил?), сер. псевдопряжка	-
Курган 3,мог. Ижевский, VII–VIII вв., Бейсенов, Волошин, 2002	мог-к состоит из 6 курганов, 1 – с «усами», в двух – обн. средн.керамика. К.3 находится к западу от к. с «усами»	камен. насыпь, под ней почти овальная выкладка.	состоит из двух камер – для человека и костей жив-ых	-	ЮВ	выт. на спине	взр.	пояс с жел. бляхами, жел. нож, накинжи стрел	разрубленные туши двух животных (КРС, МРС?) на приступке. На приступке возле правого плеча – трубч. кость крупн. животного
Курган 3, мог. Егиз-Койтас, VI–VII вв., Кадырбаев, 1959	в составе мог-ка из 8 курганов есть к. с «усами». Судя по размерам нескольких кург. они относятся к РЖВ	камен. насыпь	прос-тая, забутовка	-	В	выт. на спине	взр.	берест. колчан, жел. накинжи стрел и нож, шелк. пояс с бронз. пряжкой, удила, стремяна, кост. пряжки	лошадь, ориент. в обратном напр., слева от человека. На животе, немного завалена на левый бок, с подогнутыми ногами. Между ней человеком – кости ноги барана
Курган 5, мог. Жарлы-1, VI–VII вв., Бейсенов, Кожаков, 2001	могильник из пяти кург., из которых 4 эпохи РЖВ расположены цепочкой, кург.5 – вне цепочки, с вост. стороны	камен. выклад. округлой формы	прос-тая, забутовка	камен. ящик, перекрыт поперечными продолг. камнями	ЮЮВ	выт. на спине	реб.	сосуд	вдоль костей таза и правой ноги – кости передней ноги МРС
Курган 1, мог. Жарлы-2, VI–VIII вв., Бейсенов, Кожаков, 2001	основную часть мог-ка составляют курганы РЖВ, распол. цепочкой. К.1 находится на расст. 5 м от ближайшего кургана	камен. насыпь	подбой, забутовка	вход в подбой закрыт плитами, голова умерш. покои-тся на камен. «подуш-ке»	ЮВ	выт. на спине, в подбое	юноша	жел. стремя	на дне основной ямы, справа от человека, ориент. в обратном напр. На животе с подогнутыми ногами
Курган Таимбулак, VIII–X вв. Бейсенов, Кожаков, 2001	одиночный, расположен на высокой возвышенности	камен. насыпь	прос-тая, забутовка	-	ЮВ	выт. на спине	взр.	керам. пряслице, фр. жел. ножа, обломок бр. серьги	-

Основанием для датировки послужили особенности погребального обряда и инвентаря. Так, по данным авторов публикаций, к числу наиболее ранних памятников могут быть отнесены погребения кургана № 3 мог. Егиз-Койтас, кургана № 5 мог. Жарлы-1 (VI–VII вв.) [Кадырбаев, 1959, с. 198; Бейсенов, Кожиков, 2001, с. 160]. Погребение кургана № 1 мог. Жарлы-2 датируется VI–VIII вв. [Бейсенов, Кожиков, 2001, с. 160]. Нуринское погребение, по мнению С. Г. Боталова и А. А. Ткачева, датируется концом VIII–IX вв. [Боталов, Ткачев, 1990, с. 147–149], чуть шире определяется дата кургана Таимбулак — VIII–X вв. [Бейсенов, Кожиков, 2001, с. 161–162].

Несмотря на незначительное количество погребений рассматриваемого времени, они являются важнейшим источником для реконструкции событий, происходивших в это динамичное время на территории, которая в силу обстоятельств лишь эпизодически становилась объектом интереса средневековых авторов. Подавляющее большинство погребений трактуются как тюркские. Об этом свидетельствуют следующие нормы погребального обряда: ориентировка в восточный сектор и сопроводительное захоронение коня, ориентированного в обратном направлении относительно человека. Особняком стоят два погребения с западной и северо-западной ориентировкой: Нуринское погребение и погребение, раскопанное в могильнике Ащитасты-27. Второе погребение содержало шкуру лошади. Эта интересная деталь, не присущая тюркскому погребальному обряду, позволяет обратиться к анализу группы погребений, содержащих только определенную часть жертвенного животного.

Обряд сопроводительного погребения шкуры коня в эпоху средневековья встречается на значительной территории степной и лесной зоны Евразии, появляется с самого начала эпохи, сосуществует в степи с традицией погребения целой туши лошади и переживает ее затем на несколько столетий.

На данном уровне исследования можно выделить два хронологических этапа в распространении этого способа обращения с тушей жертвенного животного. Наиболее ранние для эпохи средневековья погребения со шкурой лошади фиксируются на крайнем западе расселения тюркских племен (булгары, авары, хазары).

Начиная с VIII в., такие погребения единично встречаются на территории Северо-Восточной, Западной Сарыарки, Алтая, Монголии, Тывы, Минусинской котловины [Арсланова, 1968,

с. 99–100; Черников, 1953; Смаилов, 1997, с. 43–44; Могильников, 2002, с. 69–70, рис. 22; 24, 2; 159а; Нестеров, 1990, с. 63–64]. Здесь в качестве этнических подразделений, практикующих подобный обряд, исследователи, в зависимости от территории, называют тюркские племена, входящие в кимакско-кипчакское объединение [Арсланова, 1968, с. 111], уйгуры (Худяков, Нестеров, 1984, с. 140) и огузы [Могильников, 2002, с. 71]. Широко представлена эта особенность погребального обряда у огузских племен Западного Казахстана в VIII–XI вв. [Бисембаев, 2003, с. 101].

Характерная особенность погребального обряда древних тюрков — обряд сопроводительного погребения лошади — сформировалась, по мнению исследователей, на территории Алтая и представляет собой рудимент предшествующего хронологического периода (см. например; Могильников, 1996, с. 25).

Погребения со шкурой коня в предшествующее время, в свою очередь, получили определенное распространение у гуннских племен. По мнению И. П. Засецкой, их следует рассматривать как элемент обрядности тюркской культуры [Засецкая, 1994, с. 22]. Традиция положения голов и шкур крупного и мелкого рогатого скота, лошади в ниши является важнейшей чертой хуннского историко-культурного комплекса Монголии, Северного Китая и Забайкалья [Боталов, 2009, с. 449]. Значительный интерес также представляют памятники коргантасского типа, распространившиеся в Восточной Сарыарке в IV/III–I вв. до н. э. [Бейсенов, 1996, с. 60; Бейсенов, 1999, с. 24]. К числу наиболее характерной детали погребального обряда данной группы населения относится устройство специальных жертвенников в изголовье погребенных, в которых размещались черепа, шейные позвонки, кости ног лошадей, баранов, коз, крупного рогатого скота. Жертвенники также могли помещаться отдельно, рядом с могильной ямой [Бейсенов, 1996, с. 58–59].

Необходимо также обратить внимание, что такой вариант обращения с тушей лошади получил широкое распространение среди потомков теле — кыпчаков, уйгуров и огузов. В связи с этим, он может быть признан отличительной деталью погребального обряда теле, в отличие от тюрков, которые практиковали погребения в сопровождении целой туши коня. Предки теле — динлины — локализируются, судя по данным письменных источников, в степях Центрального и Восточного Казахстана [Пьянков, 2011, с. 415–417]. Именно здесь в конце раннего железного

века появляются племена культуры Коргантас, в среде которых бытовал обряд погребения со шкурами лошадей. Таким образом, на данном уровне исследования необходима постановка вопроса о степной прародине теле — одного из племени, сыгравшего важную роль в истории тюрков, как в период раннего средневековья, так и в последующем.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова Ф.Х.** Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 98–111.
- Бейсенов А.З.** К вопросу о выделении памятников коргантасского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина – конец I тысячелетия до н.э.) // Этнокультурные процессы на территории Казахстана (древность, средневековье, современность). – Алматы, 1996. – С. 55–61.
- Бейсенов А.З.** Некоторые данные об этнокультурных контактах Центрального Казахстана с восточными районами Центрально-азиатского региона в конце I тыс. до н. э. (памятники коргантасского типа в Восточной Сарыарке) // Материалы I и II научных чтений памяти В. П. Юдина. – Алматы, 1999. – С. 22–26.
- Бейсенов А.З., Волошин В.С.** Могильник Ижевский-2 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2002. – С. 165–174.
- Бейсенов А.З., Кожакоев Д.А.** Средневековые памятники Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. – Алматы, 2001. – Вып. 2. – С. 150–164.
- Бисембаев А.А.** Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана. – Уральск, 2003. – 235 с.
- Боталов С.Г.** Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск, 2009. – 672 с.
- Боталов С.Г., Ткачев А.А.** Нурынское погребение VIII–IX вв. // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск, 1990. – С. 147–150.
- Досымбаева А.М.** Тюркское наследие Казахстана // Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. – Астана, 2012. – С. 9–36.
- Засецкая И.П.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). – СПб., 1994. – 224 с.
- Зуев Ю.А.** Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002. – 333 с.
- Кадырбаев М.К.** Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Тр. ИИАЭ. – 1959. – Т. 7. Археология. – С. 162–203.
- Кубарев Г.В.** Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск, 2005. – 400 с.
- Могильников В.А.** Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. – Самара, 1996. – С. 24–30.
- Могильников В.А.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. – М.: Наука, 2002. – 359 с.
- Нестеров С.П.** Конь в обрядах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск, 1990. – 143 с.
- Оразбаева А.И.** Цивилизация кочевников евразийских степей. – Алматы, 2005. – 310 с.
- Пьянков И.В.** Проблема динлинов // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. – Вып. 3. – С. 411–419.
- Смаилов Ж.Е.** Памятники археологии Западной Сары-Арки (средневековые городища и поселения). – Балхаш, 1997. – 63 с.
- Хасенова Б.М.** Курган тюркского времени могильника Ащитасты 27 // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию В. Н. Логвина. – Костанай–Алматы, 2015. – С. 212–222.
- Черников С.С.** Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1953 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2.

И. В. Шмидт

И. В. Шмидт

*Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского,*

I. V. Shmidt

Omsk State University named after F. M. Dostoevskiy

E-mail: rebew@rambler.ru

Интерпретация в археологии — необходимый диалог в междисциплинарном пространстве

Аннотация. Интерпретация археологического артефакта — сложная процедура выявления значения вещи или изображения — возможна лишь в случае объединения усилий смежных с археологией дисциплин. Данный процесс направлен на получение исторического источника. Поэтому историю можно рассматривать и «заказчиком» данной процедуры, и «спонсором» специфического интереса, предъявляемого к археологическому артефакту. Но заметное угасание (если не исчезновение) определенных ее сфер — первобытная история и первобытная культура — говорит о наличии скрытых проблем не только в сфере науки, но и между контактирующими областями знания. Если орудийный артефакт находит себе достаточное количество внимания внутри археологии, то артефакт «неутилитарного» характера вытесняется за пределы ее методических границ, оказываясь в состоянии поиска приемлемой для своего исследования дисциплинарной зоны. Наиболее оптимальной для этого, по мнению автора исследования, является культурология. Феноменальность ее удобства для целей интерпретации в способности выступить в роли посредника между археологией и историей, предлагая обеим понятийное пространство своих ключевых категорий — культура и текст.

Ключевые слова: интерпретация артефакта, методические пределы археологической интерпретации, текстовая природа артефакта, соотнесение понятий «артефакт» и «текст», культурологический дискурс как основа интерпретационной практики.

Interpretation in archeology as necessary dialogue in interdisciplinary space

Abstract. An interpretation of archaeological artifact is always collective efforts of disciplines that are contiguous with archeology. Traditionally the most close to this process in domestic practice is history. But noticeable extinction (if not a vanishing) of its certain spheres – prehistory and prehistorical culture – says about hidden problems not only in scientific sphere but also between contacting spheres. While instrumental artifact finds enough attention in archeology, whereas “non-utilitarian” artifacts are displaced out of its methodological borders, turning out in the condition of searching acceptable disciplinary zone for the research. The most optimal for this, in author’s opinion, is cultural studies. The phenomenon of its convenience is in its possibility to play a role as mediator between archeology and history, offering to these both the conceptual space of its own key categories – culture and text.

Keywords: interpretation of artifact, methodical borders of archaeological interpretation, textual nature of artifact, correlation of conceptions “artifact” and “text”, cultural studies’ discourse as a base for interpretative practice.

*«...еще никто не доказал, что каждый палеолитический артефакт с насечками или лунками является ТЕКСТОМ...»
(из рецензии неизвестного рецензента, от 1.06.2015, с. 2)*

В центре любого археологического исследования находится *артефакт* в возможных своих проявлениях: предмет, слой, конструкция и т. д. Аналитика артефакта может развиваться в двух вариантах: от материала — к истолкованию и от задачи исследователя — к материалу. Интерпретацией в ее справедливом виде является первый из указанных способов, когда исключи-

тельно артефакт (и его контекст) задает движение мысли исследователя [Клейн, 2013, с. 23]. Данное движение организовано с опорой на теорию и практику археологии, но не исчерпывается ими. Более того, сама процедура интерпретации археологического артефакта — это всегда выход за пределы собственно археологического дискурса. Интерпретировать с опорой на данные, получен-

ные лишь археологическим путем, невозможно [Eggert, 2011].

В результате обобщения полученных за пределами археологии данных об артефакте и совокупностях артефактов рождается «преистория» — история, построенная на анализе предметов, а не текстов. Для отечественной практики данный термин и многие производные от него — протоистория, ранняя история, палеоистория — нехарактерны, более понятен другой его аналог: первобытная культура. Ориентация археолога на данную дефиницию понятна, он занят, в большей мере, исследованием древних культур, а не «историей»; добываемый им археологический материал редко перевоплощается в исторический источник — уж слишком долгий путь от одного к другому, а порой, по ряду причин, и вовсе невозможен [Nagt, 1985, p. 62]. Уже более полувека слышны призывы к серьезному осмыслению данного положения вещей. Результатом археологического исследования, в конечном итоге, является не история, а образ культуры первобытного человека [Daniel, 1950, p. 246; Müller-Karpe, 1966, s. 187; Renfrew, 1969, p. 153]. Но в масштабах «конечного итога» свое творчество видят немногие; к его результатам относятся настороженно. Это пугающе иные предмет и объект исследований, уровень и порядок обобщений. Преодоление данной «фобии» возможно через обращение к наработкам отдельной отрасли гуманитаристики, для которой упомянутые предмет, масштабы и специфика анализа привычны — к культурологии. К. Эбелинг уверен в том, что осознание археологии как науки принципиально культурологической, обеспечит ей возвращение в круг актуальных наук [Ebeling, 2002, s. 277], не сомневается в этом и У. Вайт [Veit, 2006], и многие другие западные исследователи. Помимо апелляции к терминологической искренности в данном предложении есть и определенная резонность. Это понятно тем, кто занят интерпретацией археологического артефакта не отмеченного орудийно-типологической ясностью и технологической рациональностью¹. Подобный материал требует себе «отдельных» археологических подходов, которые в отечественной науке развиты слабо. Таким образом, определенная часть артефактов, ввиду сложившей методической ситуации в ряде отраслей отечественной археологии (например, палеоискусствоведении), оказалась либо «замороженной» — с ними не работают, а лишь накапливают, — либо вытесняемой в междисциплинарное пространство.

Археологический артефакт (особенно «неутилитарный») в качестве феномена готовы принять многие — начала символической деятельности интересны практически любой гуманитарной дисциплине. Но очень часто это связано с игнорацией или редукцией археологической природы артефакта. Поэтому, выводя его за пределы архе-

ологического дискурса, необходимо найти такие сферы, где искажения/потери будут минимальны и эпистемологически приемлемы. Культурология в данном случае, пожалуй, самая подходящая из возможных (что давно стало поводом для многочисленных злых шуток в ее адрес). У нее есть свои ключевые категории, дискуссии о содержательности которых не утихают. Например, «культура». Данная категория интересна тем, что в обеих рассматриваемых дисциплинах она характеризует объектные пределы их усилий. Другая — «текст». Это, условно выражаясь, предметная сфера культурологии и наследие лингвистической стадии ее развития². Как в археологии все «держится» на артефакте, так в культурологии — на тексте; в эвристическом отношении оно эквивалентно понятию «артефакт». Но это не самоочевидно для археолога, поэтому требует обоснования.

Приведем несколько рассуждений основоположника отечественной культурологии Ю. М. Лотмана относительно «текста» (и смежных с ним явлений); необходимости данного понятия для любого, в том числе и археологического, исследования культуры³:

Текст — это «...выраженность в определенной системе знаков («фиксация») и способность выступать в определенном отношении (в системе функционирующих в коллективе сигналов) как элементарное понятие» [Лотман, 2004, с. 434].

«Дотекстовая стадия есть стадия докультурная... С точки зрения изучения культуры, существуют только те сообщения, которые являются текстами... В этом смысле можно сказать, что культура есть совокупность текстов или сложно построенный текст» [Лотман, 2004, с. 436].

«Мы не можем указать ни на один человеческий коллектив на протяжении многовековой истории людей (если этот коллектив обладал минимальной устойчивостью и не был погибающим — фактически уже мертвым!), который не имел бы текстов, специального поведения, осуществляемого специальными людьми или всем коллективом в специальное время для обслуживания особой, культурной функции» [Лотман, 2004, с. 394].

«...Памятники материальной культуры, орудия производства в создающем и использующем их обществе играют двоякую роль: с одной стороны, они служат практическим целям, с другой — концентрируя в себе опыт предшествующей трудовой деятельности, выступают как средства хранения и передачи информации» [Лотман, 2004, с. 399].

Если есть «культура», следовательно, есть потенциальная возможность рассуждать об элементарном ее конструкте — о тексте и, шире, воспринимать отдельные ее проявления в качестве текстов. Любое жизненное проявление куль-

туры, его объяснение/понимание было связано с появлением текста, в котором оно отображено [Лотман, 2004, с. 398]. В связи с этим положением необходимость доказательств наличия текста в любой культуре, даже палеолитической, автоматически снимается; в условиях реализации двусторонних исследований одно является эквивалентом другого; оговариваются лишь масштабы категории — иногда культурный слой, иногда — конкретный предмет.

У Ю. М. Лотмана интересны уточнения о тексте, важные для археолога: «Понятие текста — в том значении, которое придается ему при изучении культуры, — отличается от соответствующего лингвистического понятия. Исходным для культурного понятия текста является именно тот момент, когда сам факт лингвистической выраженности перестает восприниматься как достаточный, для того чтобы высказывание превратилось в текст» [Лотман, 2004, с. 434].

«В дописменной культуре признаком текста становится дополнительная сверхъязыковая организованность на уровне выражения» [Лотман, 2004, с. 435].

Иначе говоря, текст может (и даже должен) проигнорировать лингвистическую форму своего бытования. Известны определенные внелингвистические эпохи его существования. Поэтому и любой артефакт в контексте культурологического исследования может быть представлен текстом, быть принятым в качестве такового хотя бы на метафорическом уровне. Только когда мы всерьез задумываемся об интерпретации артефакта, данная замена не просто допустима, а становится принципиально и методически необходимой.

Нельзя сказать, что археологи не занимаются интерпретацией. Любому археологу известна «лестница Хокса» — градация археологических артефактов по степени доступности археологической интерпретации [Hawkes, 1954]. Чем ближе артефакт к сфере производства, тем выше шансы на успех его адекватного понимания и объяснения в археологической среде, чем далее от нее — соответственно, ниже. Если на полюсе «понимания» мы обнаруживаем материально объективированные «мысли»: рубила, пластины и производные от них формы, то на другом — не стремящиеся к материализации явления духовной жизни (ритуалы, обряды, мифы и т. д., язык) и производные от нее (символические изображения, знаковые записи и т. д.). Семантический анализ последних выведен за пределы общей археологической методики интерпретации (интерпретации орудий труда), но не за пределы ее интересов. Об этом говорит образование отдельных направлений — «отдельных археологий» — в мировой археологической практике. В 1960-х гг. в Америке во главе с Льюисом Робертом Бинфордом обозначила себя т.н. «Новая археология», сделавшая ставку

на синтез с культурной антропологией [Binford, 1962; Renfrew, 1984]. Дальнейшее ее развитие привело к появлению двух методически интересных вариантов — интерпретирующей археологии (иногда ее также называют «символическая и структуралистская археология») Яна Ходдера и Майкла Шэнка [Hodder, 1982; Shank, Hodder, 1995] и когнитивной археологии Колина Ренфру и Пауля Бана [Renfrew, Bahn, 1991, p. 339–370; Renfrew, 1993; Flannery, Marcus, 1993]. Объектом их исследований (правда, с некоторой разницей в тактике достижения цели) стало символическое поведение, символ собственно и специфика когнитивных процессов наших далеких предков [Renfrew, Bahn, 1991, p. 359–360]. Каждое опиралось на методику семиотического анализа и видело возможным употребление/адаптацию ее понятийно-терминологического и методического аппаратов в исследованиях археологического артефакта. Поэтому категория «текста», пришедшая в семиотику и культурологию из лингвистики, в их исследованиях почти вытеснила категорию «артефакта», а «чтение» — «интерпретацию». Артефакт стали читать подобно тексту, благодаря чему осуществлялась его интерпретация. Эпистемологические проблемы этих направлений (в частности, отрицание строгого отношения к методической составляющей интерпретации артефакта-текста; каждый воспринимался феноменом с необходимостью уникального методического корпуса для раскрытия его семантики) вызвали волну дебатов в широкой археологической среде, что способствовало прекращению развития структурно-семиотической парадигмы в археологии. Археология была готова мириться с метафорическим отождествлением рассматриваемых ключевых понятий (артефакта и текста), но не с буквальным. Палеолитический знаково-символический текст невозможно прочесть в буквальном смысле слова — таково заключение большинства.

Отдельные исследователи, не согласные с провалом интерпретационной и когнитивной археологии, продолжают работать над способами движения к реконструкции идей, «упакованных» в символ и знак. Кто-то делает ставку на мифологическое сознание древнего человека, кто-то — на магическое и проторелигиозное, кто-то — на факт фиксации достижений в области естественной практики первобытности. Но реализация любого из направлений так или иначе оказывается связанной со сферой семиотики и, шире, культурологии. Код, текст, смысл, символ, знак, чтение, контекст и мн.др. — становятся терминологическими маркерами этих исследований. В отечественной практике они характерны для трудов сторонников информационного или же семиотического подхода [Клейн, 1991, с. 344–347].

Но если бы перевод чего-то принципиально археологического в состояние культурологического решал бы основную проблему первой из обозначенных наук, а именно: обеспечение/реализацию интерпретации археологического артефакта, то археология давно бы отказалась от поисков в данном направлении. Культурология, как и многие другие дисциплины, видит пределы своих возможностей в ее решении:

«...Реальные тексты различных культур, как правило, требуют для своей дешифровки не одного какого-либо кода, а сложной системы кодов, иногда иерархически организованной, а иногда возникающей в результате механического соединения различных, более простых систем. ... В этом сложном единстве какая-либо из кодирующих систем неизбежно выступает как доминирующая. ... Исследователь, рассматривая тот или иной текст, может обнаружить в нем сложную иерархию кодирующих структур» [Лотман, 2004, с. 400].

Текст, код, иерархически организованная система кодов — это не только нехарактерная для археологического дискурса понятность, но и нехарактерная для нее специфика интерпретационной активности. Археологический позитивизм не предусматривает существование в интерпретируемом объекте бесчисленного количества кодов, как и принципиальной относительности их истинности (в одном тексте сосуществуют сразу несколько истин: истина автора-создателя текста, истина его современника, истина интерпретатора, истина рецензента и т. д.). Хотя само понятие «код» и его характеристики относительно археологического материала ей известны:

«...Беда в том, что в культуре идеи материально объективированы не для всех, а только для членов данной культурной общности, причем в археологической ситуации эта общность исчезающая. С точки зрения информационного подхода, культура не просто сообщение, а зашифрованное сообщение. Чтобы понять его, надо знать код, а код утерян» [Клейн, 1991, с. 222].

«...Археологический факт полисемантичен: за одним фактом может скрываться одно из нескольких значений, количество их ограничено и задача археолога состоит в отыскании специфических косвенных опознавательных деталей для выбора интерпретации. Для этого нужно поставить факт в новые ситуации (то есть отыскать соответствующие аналогии) и рассмотреть его в разных контекстах и системах» [Клейн, 2013, с. 102].

Не известно насколько археолог-интерпретатор в отдельно взятом случае проявит свою консервативность — допустит ли он наличие одного или нескольких кодов в тексте, но обосновать свой выбор он обязан. После обоснования можно говорить о том, что интерпретация

конкретного артефакта состоялась. Либо сразу «в ответ», либо несколько позже проходит корректировка интерпретации или переинтерпретация (если кому-то показалось, что выбор системы кодов первым исследователем был произведен неверно). Данный процесс бесконечен. Но в отличие от культурологов, археологи часто забывают о том, что истина любой интерпретации относительна — одна не отвергает ценности другой, она обязана ее дополнять. И чем больше интерпретаций относительно одного текста, тем многомернее его образ в истории культуры.

Для усиления эффекта «многомерности» культуры в археологии необходим методический эксперимент в интерпретации — исследование артефакта в контексте «новых ситуаций» и, добавим, новых понятийных дискурсов. Причем результатом данных экспериментов не обязательно станет презентация искомой истины — не будем забывать, о ней «неприлично» отзываться в единственном числе в условиях множественности информационных кодов, заложенных в артефакте и абсолютной непонятности их ранжирования в нем как тексте. Благодаря эксперименту появляется возможность оценить эвристический потенциал артефакта в условиях смены контекстов его презентации. Этот прием можно назвать «провокацией контекстом» или «контекстуальной провокацией».

Одним из примеров подобного эксперимента может являться исследование иконографии «орнаментов» нескольких артефактов из собрания палеолитического изобразительного творчества Северной Азии: пластины с кобрами из Мальты, ачинского жезла и черноозерского кинжала. Несколько строк из рецензии на него помещены эпиграфом к данной статье. Не передавая всего содержания исследования, возможно, его удастся опубликовать, хочется отметить, что одним из результатов исследования стала фактическая замена метафорического восприятия конкретных артефактов текстами, на вполне буквальное. Речь не идет об открытии кода-шифра, при помощи которого информация была передана/записана. Любая категория (в нашем случае «орнамент») обладает не только планом содержания, но и планом выражения. О тексте мы начинаем размышлять еще до встречи с его содержанием, с момента визуального знакомства с ним⁴ [Ананьев, 1982, с. 24]. Визуально уловить присутствие текста, доказать присутствие текста на поверхности костяных палеолитических изделий было целью этого исследования. «Текст палеолита» — для исследователя это, прежде всего, «графика мысли»: знаки, специфическая архитектура «предложений», «орфография», нормы «чистописания» — протоформы современных, известных нам категорий. Была обоснована не только иконографическая близость трех текстов друг другу, но и близость

их содержаний. С большой долей вероятности, на основе графических данных записи, можно рассуждать об их принадлежности одному мифологическому палеоциклу. С точки зрения теории культурологии и лингвистики — это допустимо [Иванов, 1963, с. 23, 42; Напольских, 2002, с. 197–198; Лотман, 2004, с. 426; Barnard, 2008; Леви-Строс, 2008, с. 270] и может быть определено как встреча с «каноническим текстом», но в контексте «хронологических строгостей» ортодоксальной археологии — нет. Временной разрыв в создании/существовании этих артефактов чрезвычайно велик — тысячелетия. Для объяснения данного парадокса необходимы отдельные исследования.

Письменность палеолита, культура письменности палеолита, канонические тексты палеолита — чрезвычайно неожиданный для археологии результат. Л. С. Клейн предостерегает от подобных заявлений, но вместе с тем допускает в качестве теоретической возможности обнаружение письменности (ее зачатков) этой эпохи [Клейн, 2013, с. 460]. Он формулирует совокупность признаков ее наличия, которая должна быть принята ко вниманию в контексте археологического исследования:

«1) разнообразие знаков (знаки не должны быть слишком однообразны), 2) многочисленность знаков (их должно быть не менее дюжины-двух), 3) повторяемость многих знаков, но не подряд, 4) расположение их в ряд, 5) значительная длительность надписи, 6) возможно близкое сходство (родство) с одной из известных древних систем письма» [Клейн, 2013, с. 460].

В 1974 г. Б. А. Фроловым были предложены отдельные аспекты текстологической характеристики орнаментальных текстов палеолита, во многом созвучные тем, что предложены Л. С. Клейном. Исследователь объясняет необходимые для его методики анализа орнаментов категории: простые элементы, сложные элементы, ритм, ряд, группа знаков, участок записи... [Фролов, 1974, с. 42]. Особенности знаковых записей в исследованиях Б. А. Фролова нашли себе содержательное объяснение. Для него «орнаменты» были важны как факты, удостоверяющие наличие счетной и календарной практики в палеолитической культуре — календарные и математические тексты. Многие «стержни», «пластины», «пуговицы» названы им документами [Фролов, 1974, с. 140], что отсылает нас к понятию текста. Правда, исследователь судил об их содержании без «прочтения», он предполагал их содержание с опорой на этнографический материал, нередко лишь по визуальным аналогиям.

Неприемлемыми для отечественной науки оказались результаты работы со знаковыми записями В. Е. Ларичева. Он не просто воспринимал орнаментальные записи как тексты, он их читал

почти в буквальном смысле слова. Вот некоторые методические установки его исследований:

«...Важно осознание отсутствия «случайностей» в построении художественных и знаковых изображений, а, следовательно, необходимость соблюдения предельной строгости в анализе любых «мелочей» (пропорций предметов, рассредоточения орнамента, объективной внутренней группировки его знаков, формы знаковых элементов и т.д.), сопровождающих изображения.

...Группы насечек и лунок необходимо воспринимать своего рода «подписями» к предметам-носителям, а их комбинации полновесными «текстами». Начало исследований и отработка «методического каркаса» должны быть связаны с анализом монознаковых орнаментальных композиций. Это условие особенно важно. Только в многознаковой записи можно заметить закономерности построения и размещения групп знаков, особенности знаковых форм, легче объяснить логику их размещения и сочетания с общей формой изделия, которая также является «текстом», но уже метрического плана.

...В палеолитических записях ведется поиск различного характера информации. Но чаще всего, согласно существующим разработкам сторонников естественнонаучного направления, они являются лунно-солнечными календарями. Приступая к исследованию, нужно помнить о том, что устойчивые лунно-солнечные календарные системы появились в палеолите не на финальной его стадии, а, напротив, чуть ли не на самых ранних этапах, синхронных с ориньяком Европы. Потому можно предположить, что некоторые из длинных «записей» верхнего палеолита могут быть не просто отметками визуальных наблюдений за Луной в какой-то конкретный промежуток времени, а, своего рода, «календарным шаблоном», работающим в любой год.

...Доказать календарность содержания анализируемых записей поможет наложение современного астрономического календаря» [Ларичев, 1984, с. 3–8; 58–60].

Виталий Епифанович не ссылаясь в многочисленных своих работах на достижения семиотической археологии. Вряд ли ему была известна и теория семиотики, его тезаурус не изобилует семиотическими понятиями. Структуралистский характер его исследований был продиктован собственно «орнаментом», по его мнению, позволявшим не только визуальное, но и функциональное соотношение его с текстом. Не понятно, что не понравилось коллективному научному сознанию более: то, что исследователь работает с записями почти на лингвистическом уровне — читает идеограммы, доказывает характер содержания записей, или то, что в любом тексте он видел информацию календарного характера⁵, что-то еще? В любом случае нужно отметить — степень мета-

форичности в рассуждениях В.Е.Ларичева о текстах палеолита предельно минимизирована. Так далеко за границы археологии артефакт-текст еще никто «не выводил». Он предлагает воспринимать артефакт текстом в буквальном смысле слова, что фактически меняет его природу с археологической на историческую (разве не в этом цель археологической интерпретации?). Но в новом качестве «возвращающийся» в археологию артефакт не принимают.

В истории археологии множество сюжетов, связанных с негативными последствиями методического консерватизма: французы не стали первооткрывателями палеолитической пещерной живописи, хотя именно Франция является ее «Родиной»; немцы, потомки великих философов и теоретиков любой науки, во второй половине двадцатого века не стали родоначальниками интерпретирующей археологии — все методические прорывы данного периода в интерпретации артефакта случились за ее пределами [Veit, 2006, s. 155]. От чего отказывается отечественная археология, настаивая на соблюдении «принятых» норм исследования, можно ли упрекнуть ее в методической косности и близорукости? Когда мы встречаемся с замечаниями, аналогичными высказанному Й. Фридрихом, о том, что дешифровщику древних и забытых письменностей приходится работать в условиях, когда неизвестно ни язык, ни письменность культуры, и необходимо раскрытие и того и другого [Фридрих, 2007, с. 11] — упрек напрашивается сам собой. Но когда приходится встречаться с «провокациями» В. А. Чудинова (URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111082.htm>), строгость академической науки видится вполне оправданной. Поэтому судить об этом сложно.

Вернемся к «переплетению судеб» артефакта и текста в междисциплинарном культурологическом пространстве и последствиям их взаимоотношений/ротаций. Шансов стать объектом культурологической интерпретации больше у так называемого «неутилитарного» артефакта, вытесненного за пределы своей родной среды и связанного с ментальностью древней культуры:

фигурок, отсылающих к рассуждениям о мифе; странным предметам, «имеющим отношение» к обряду и ритуалу; знаковой записи, напоминающей формой знаков или ритмикой их размещения в пространстве карту звездного неба. Это не говорит о том, что пластина или бифас не могут быть рассмотрены, например, как тексты мифологические. Могут, но:

1) сделать это значительно сложнее, в сравнении с артефактами-«вольнотпущенниками археологии» — детально сформированный в родной среде образ текста практически непреодолим. Никому в голову не придет искать миф в пластине или бифасе. Где-либо «рядом», возможно [см. напр.: Табарев, 2002; Табарев, Кубан, 2010], но не «внутри»;

2) только в условиях вывода артефакта в междисциплинарное пространство, куда археология отпускает не «каждого» (у бифаса нет шансов покинуть пределы археологии).

У любой дисциплины свои предпочтительные объекты анализа, у археологии — пластины, у культурологии — тексты в форме пластин. Здесь нет повода для конфликта, даже напротив — предпосылка для объединения усилий. Культурология, когда речь заходит об интерпретации, это не одна из участвующих сторон, это скорее пространство, в котором данный синтез происходит: между археологией и семиотикой, археологией и лингвистикой, археологией и историей и т.д. В нем «допустимо метафорическое» может, в условиях определенных методических провокаций, перевоплотиться в нечто буквальное — «возможно текст» стать текстом, обозначив свою текстологическую идентичность данному явлению, графическую, функциональную, содержательную и т.д. Да, многие результаты будут неожиданны для археологии, но это должно быть обсуждаемо, а не отвергаемо. Чтение культуры ведется не только через «чтение стратиграфии» или «чтение следов производственных процессов, оставленных на поверхности орудий», пора осваивать чтение мифов, чтение ритуалов, чтение календарей и многих других интересных текстов/ артефактов палеолитической культуры.

Примечания

1 — Порой сложно не согласиться с К. Г. Хайдером, предупреждающем интерпретатора о том, что археологические культуры «...обычно совершенно нерациональны» [Heider, 1967, p. 52].

2 — Большая часть культурологических методов отработывалась в анализе литературных источников.

3 — О содержательности и структурности понятия «текст» существует большое количество литературы. Но отечественная традиция его восприятия формируется московско-тартусской школой, работами А. М. Пятигорского [1962], Ю. М. Лотмана и А. М. Пятигорского [1968].

4 — Хорошим примером в данном случае будет отсылка европейского читателя, например, к тексту на китайском языке. Не имея представления о нем, выбрав лист бумаги с иероглифами из массы других, где текст подан через другие языковые системы, мы все же можем сказать, что это — «нечто китайское», какой-то фрагмент текста, записанный на китайском языке. Как мы догадались, что перед нами: 1) текст и 2) записанный на китайском языке? Только по визуальным маркерам, присущим китайской текстовой

практике. Они настолько элементарны, что заложенная в них металингвистическая информация доступна пониманию человека из другой знаковой системы.

5 – Виталий Епифанович не оставил нам примеров «неудачных» попыток прочтения, как и вариантов «внекалендарной» содержательности палеолитических текстов.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев Б.Г.** Сенсорно-перцептивная организация человека // Познавательные процессы: ощущения, восприятие. – М.: Педагогика, 1982. – С. 9–31.
- Иванов С.В.** Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX - начала XX веков) – М., Л.: изд-во АН СССР, 1963. – 500 с.
- Клейн Л.С.** Археологическая типология. – Л., 1991. – 448 с.
- Клейн Л.С.** Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. Кн. 2. – Донецк: ДонГУ, 2013. – 599 с.
- Ларичев В.Е.** Лунно-солнечная календарная система мальгинской культуры. Постановка проблемы. Препринт. – Новосибирск: изд-во АН СССР, 1984. – С. 3–60.
- Леви-Стросс К.** Структурная антропология. – М.: Академический Проект, 2008. – 555 с.
- Лотман Ю.М.** Семиосфера. – СПб.: «Искусство-СПб», 2004. – 704 с.
- Лотман Ю.М., Пятигорский А.М.** Текст и функция // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. I. – Таллин: Александрия, 1992. – С. 133–141.
- Напольских В.В.** Предыстория народов уральской языковой семьи // История татар с древнейших времен в семи томах. Т.1. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Рухият, 2002. — С. 195–203.
- Пятигорский А.М.** Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // Структурно-типологические исследования / Отв. ред. Т.Н. Малошная. – М.: изд-во АН СССР, 1962. – С. 144–154.
- Табарев А.В.** Танцы с бифасами (обсидиан в ритуально-обрядовой практике индейцев Северной Америки) // История и культура Востока Азии: матер. междунар. конф. к 70-летию В. Е. Ларичева. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2002. – С. 154–158.
- Табарев А.В., Кубан А.А.** Черное и красное: обсидиановые бифасы в ритуальных танцах индейцев Северо-Западной Калифорнии // Открытие Америки продолжается. – М.: МАЭ, 2010. – Вып. 4. – С. 244–285.
- Фридрих И.** Дешифровка забытых письменностей и языков. – М.: КомКнига, 2007. – 208 с.
- Фролов Б.А.** Числа в графике палеолита. – Новосибирск: Наука, 1974. – 240 с.
- Чудинов В.А.** Протокириллица среднего палеолита // URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111082.htm> (обращение от 07.06.2015).
- Barnard A.** The Co-Evolution of Language and Kinship // Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction. – Malden, MA: Blackwell Publishing. – 2008. – P. 232–243.
- Binford L.R.** Archaeology as anthropology // American Antiquity. – 1962. – Vol. 28 (2). – P. 217–225.
- Daniel G.E.** A hundred years of archaeology. – London: Duckworth, 1950. – 344 p.
- Ebeling K.** Die Mumie kehrt zurück. Zur Aktualität des Archäologischen zwischen Philosophie, Kunst und Technik // Weimarer Beiträge: Zeitschrift für Literaturwissenschaft, Ästhetik und Kulturwissenschaften. – 2002. – Vol. 48, № 2. – S. 273–289.
- Eggert M.K.H.** Über archäologische Quellen // Fluchtpunkt Geschichte: Archäologie und Geschichtswissenschaft im Dialog. Tübinger Arch. Taschenbücher 9. – Münster: Waxmann, 2011. – S. 23–44.
- Flannery K.V., Marcus J.** Cognitive archaeology // Cambridge Archaeological Journal. – 1993. – 3 (2). – P. 260–270.
- Hawkes C.F.C.** Archaeological theory and method: some suggestions from the Old World // American Anthropologist. – 1954. – Vol. 56. – P. 155–168.
- Heider K.G.** Archaeological assumptions and ethnographical facts: a cautionary tale from New Guinea // Southwestern Journal of Anthropology. – 1967. – № 23(1). – P. 52–64.
- Hodder I.** Symbolic and Structural Archaeology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 188 p.
- Müller-Karpe H.** Handbuch der Vorgeschichte. Bd.II – Jungsteinzeit. – München: C.H. Beck, 1968. – 612 s.
- Narr K.J.** Kulturelle Vereinheitlichung und sprachliche Zersplitterung: ein Beispiel aus dem Südwest der Vereinigten Staaten // Studien zur Ethnogenese. Abhandlungen Rheinisch-Westfälische Akad. Wiss. 72. – 1985. – S. 57–99.
- Renfrew C.** Cognitive archaeology: some thoughts on the archaeology of thoughts // Cambridge Archaeological Journal. – 1993. – 3 (2). – P. 248–250.
- Renfrew C.** Trade and culture process in European prehistory // Current Anthropology. – 1969. – Vol. 11. – P. 173–175.
- Renfrew C.** The Great Tradition versus the Great Divide: Archaeology as Anthropology? // American Journal of Archaeology. – 1984. – № 1. – P. 287–298.
- Renfrew C., Bahn P.** Archaeology: Theories, methods and practice. – New-York, London: Thames and Hudson, 1991. – 542 p.
- Shank M., Hodder I.** Interpretive archaeologies: some themes and questions // Interpreting archaeology: finding meaning in the past. – London, New York: Routledge, 1995. – P. 30–37.
- Veit U.** “Digging for symbols”: Ur- und Frühgeschichte Archäologie als Kulturwissenschaft // EAZ. – 2006. – № 47. – S. 145–162.

С. А. Яценко

С. А. Яценко
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
S. A. Yatsenko
Russian State University for the Humanities, Moscow
e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

К изучению костюма восточных областей кочевого мира в древности

Аннотация: Рассмотрены проблемы совершенствования полевой фиксации остатков костюма погребениях. Обсуждается применение отдаленных аналогий для «наглядных» реконструкций костюма. Анализируются особенности костюма на изображениях саков Средней Азии и Синьцзяна, номадов Южного Приуралья и сюнну, достоверность и схематизм передачи образов иноэтничных врагов. Эстетический идеал ярко проявился в мужском силуэте кочевых культур Центральной Азии. Изучаются особенности костюма женщин-воительниц и специфика декора мужских и женских пекторалей.

Ключевые слова: ранние степные кочевники, проблемы изучения костюма, полевое описание, реконструкция, анализ изображений, идеальный силуэт, женщины-воительницы, декор пекторалей.

On the costume studies of the eastern regions of nomadic world in antiquity

Abstract: The problems of the improvement of field documentation on the costume remains were examined. The usage of remote analogies for the 'visual' costume reconstructions discussed. The costume images specificity in the art of Sakas of Transoxiana and Xinjiang, the South Ural nomads and Xiongnu, the reliability and schematization of the foreign enemies' images were analyzed. The aesthetic ideal was brightly reflected in the male silhouette of the nomadic cultures of the Central Asia. The women-warriors costume peculiarities, the male and female metal pectorals décor' specificity explored.

Keywords: steppe nomads of antiquity, problems of costume studies, field description, reconstruction, analysis of images, ideal silhouette, women-warriors, pectorals décor.

Здесь рассматриваются несколько аспектов исследования костюма древних номадов¹. На сегодняшний день в Центральной Азии известны лишь четыре ненарушенных грабителями погребений высшей кочевой знати скифо-ахеменидской эпохи хорошей сохранности с богато декорированным костюмом: парное в кургане Аржан-2 в Туве (кон. VII в. до н. э.), одиночные – в кургане №6 некрополя Таксай-1 (рубеж VI–V вв. до н. э.), в кургане 4 могильника Локоть 4-а на Алтае (V в. до н. э.) и в кургане Иссык в Жетысу/Семиречье (IV–III вв. до н. э.). Эти погребения датируются разным временем, и мы явственно видим, что чем моложе комплекс, тем меньше используются для декора одежд массивные золотые аппликации (в Иссыке это уже часто золотая плакировка на бронзовой основе). Интересно, что в самых ранних мужских погребениях VIII–VII вв. до н. э. особое внимание уделялось блестящему декору штанов, что, видимо, связано с популярными в Евразии представлениями об их порождающей

силе (Аржан-2; ср. бронзовые украшения в могиле 18 в Юнхуанмяо, Внутренняя Монголия: [Нап Jianye, 2008, p. 195] (рис. 4, 6). В более позднее время преобладание декора штанов видим иногда лишь у самых западных номадов – скифов (правитель в боковой могиле Солохи; царственные персонажи на золотом кубке из Куль-Обы).

В ряде погребений древних номадов большую роль играл богатый декор не собственно костюма, а специальных погребальных пелен, покрывал, подстилок и платков (см. особенности их декорирования в трех сарматских культурах: [Яценко, 1994]); между тем, ряд исследователей путают их с остатками одежды. Типичным примером является описание золотого декора умершего юэчжийского князя середины I в. н. э. и жен его гарема, (выявленных в 1978–1979 гг. в Тиллятепе, Афганистан) в публикациях В.И. Сариганиди 1981–1989 гг.: три богато расшитых узорами покрывала в нижней части тела князя, надетые поверх четырех одежд, он принял за мужские юбки

и т. п. Лишь долгий анализ всей совокупности полевой документации в декабре 1983 – апреле 1985 гг. позволил нам воссоздать взамен условных слоев, зафиксированных полевыми чертежниками, реальные изначальные слои украшений (деформированные затем разложением гробов и костяков, работой грызунов) и описать серию разнотипных погребальных покровов [Яценко, 1989, с. 253-254, рис. 2–5] (рис. 1) и двух–шести слоев украшений собственно одежды спереди и со спины [Яценко, 1989, рис. 13–17; Yatsenko, 2001, figs. 7–11].

Большой проблемой для исследователей, изучающих костюм, является тот факт, что наиболее детальные чертежи и рисунки отдельных скоплений украшений костюма именно в самых обильных золотым и прочим его декором могилах всегда публикуются лишь частично (Аржан-2: [Çugunov, Parzinger, Nagler, 2010]; Тилля-тепе: [Сарианиди, 1989]²). Изданные чертежи и фото подчас отражают лишь один из нескольких слоев украшений одежды (см. Иссык, где не зафиксирован декор ни нижней рубахи, ни кафтана со спины, т. е. двух из трех слоев, и лишь часть украшений головного убора: [ср. Акишев, 1978, с. 17, 23-26, 33; табл. 7, 37]). Именно неполнота документации (в частности, отсутствие чертежей и фото на разных стадиях расчистки скелета) привела к тому, что лишь со временем удалось уточнить ряд моментов и предложить в некото-

рых деталях более обоснованные реконструкции головного убора девы-воительницы («золотого человека») из кургана Иссык [см., например: Турекулов, Турекулова, 2000–2001, рис. на с. 46, 53]. Важно учесть и шесть других типов бляшек на туловище, принадлежавших, видимо, к нижней рубахе. В реконструкции К. Алтынбекова задействован лишь один тип в форме «}», но и он отнесен к дополнительному поясу [Алтынбеков, 2014, с. 166], хотя такие бляшки на изображениях Центральной Азии обшивали именно наплечную одежду [Яценко, 2015, с. 50].

Для могильников Алтая, содержащих слой «вечной мерзлоты» (Пазырык, Уландрык, Ак-Алаха и др.), опубликованные чертежи могил обычно слишком малы и схематичны для анализа размещения костюмных микро-деталей и дальнейшей независимой экспертизы. В знаменитом «эталонном» кургане 5 Пазырыка С.И. Руденко вообще отказался от фото- и чертежной фиксации могильной ямы на момент расчистки, и дал его описание «по памяти» [Гаврилова, 1996, с. 91-93]. Лишь в особых, редких случаях подобные характеристики «по памяти» оказывались единственно возможными. Так, С.И. Капошина исследовала на Нижнем Дону (Шибельный курган у г. Новочеркасск) детскую могилу катакомбной культуры (среднебронзового века) с сохранившимся сводом. В камере без доступа кислорода сохранились уникальные, ярких цветов предметы

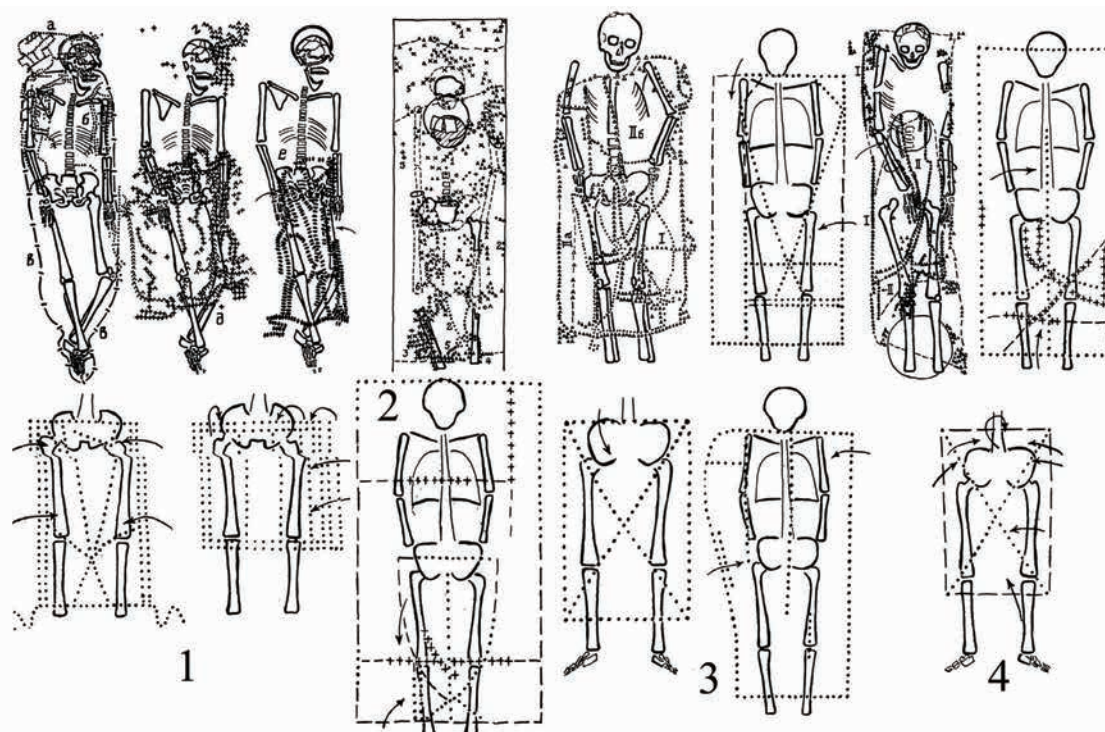

Рис. 1. Погребальные покровы и пелёны юэчжэйского князя и жен его гарема в Тилля-тепе (Афганистан), реконструкции С.А. Яценко: 1 – могила 4 (князь); 2 – могила 3 (старшая жена); 3 – могила 6; 4 – могила 2 (жена-воительница)

из органики – циновки, ткани и др. Однако через 2–3 минуты они превратились в прах [Братченко, 1976]. Часто при неполном описании находок ценным дополнением бывают *недавние* воспоминания участников раскопок (особенно чертежников и лиц, нашедших наиболее интересные артефакты); однако подчас публикуются и подобные воспоминания много лет спустя, где явно содержатся путаница и преувеличения. Например, граф А. А. Бобринский-младший, вспоминая о находках в скифском царском кургане Солоха, утверждал, что там были найдены «тончайшие нити шелка самых ярких цветов: красные, лиловые, желтые, бирюзовые» [Шильд, 2003, с. 70]. Это кажется явной ошибкой, т. к. во всех достоверных случаях никакого шелка, да и подобной пестроты текстиля у скифов не обнаружено.

При расчистке могил со сложными скоплениями золотого и бисерного декора, как и с органическими остатками при постепенном оттаивании «вечной мерзлоты», исследователи чаще всего стремятся быстро извлечь из грунта наиболее эффектные вещи и части тел умерших (иногда в связи с наступлением непогоды или темноты, из-за хлопот с вооруженной охраной и т. п.), а не всесторонне документировать взаиморасположение множества найденных мелких бляшек и бус и остатки органики. Фактически, нам часто предлагается *верить* противоречивым в деталях текстовым описаниям и фрагментарным фото некоторых (далеко не всех!) важных этапов расчистки (эти фото, кстати, часто бывают «постановочными», когда многие мелкие артефакты были уже реально сдвинуты с места обнаружения). Объективные трудности адекватной фиксации найденного (полевой, отчетной и публикационной) требуют коллективного обсуждения того, как именно лучше описывать и издавать сложные скопления разных органических остатков и бляшек. К сожалению, такие обсуждения еще никогда не проводились.

Качество реконструкции часто зависит от личности участвующего в этом процессе художника. Мне доводилось работать с несколькими из них, и в каждом случае трудности были весьма специфичными. Большинство мастеров привыкли создавать запоминающийся образ за счет акцента на индивидуальные характеристики лица, позы, яркой цветовой гаммы и отчасти бытового фона; требование перенести акцент на восприятие зрителем именно мелких артефактов кажется профессионалу непривычным. Одной из попыток объемной реконструкции костюма скифской эпохи на манекене с использованием соответствующих материалов или их имитаций было воссоздание в 2008 г. в Санкт-Петербурге облика мужчины, похороненного в срубе 26, могильника Сулуг-Хем-1 (озен-ала-белигский этап культуры Тувы, раскопки Вл. А. Семенова, ИИМК) (рис. 4, 7). В ходе реконструкции учитывались сводка налич-

ных изображений по позднескифскому времени на Саяно-Алтае и выявленные цветовые предпочтения древних иранских народов [Яценко, 2010; Yatsenko, 2012b]. Манекен готовился к выставке тувинских древностей в г. Аликанте (Испания), причем не обошлось без курьезов³.

Существует и проблема независимой экспертизы различных реконструкций публикаторов. Речь идет об изучении серий полевых фото и чертежей в дальнейшем другими коллегами (часто их нельзя посмотреть даже спустя десятилетия после издания соответствующей монографии; нередко авторы раскопок боятся критики за неполную фиксацию, спешку и т. п., а наиболее интересные чертежи и фото вообще отсутствуют в официальном архиве и хранятся только дома). Иными словами, во многих случаях детальная документация по «элитным» погребениям недоступна и «не прозрачна».

В процессе реконструкции костюма приходится учитывать позы умерших и характер смещения массы украшений. Например, умершие супруги (?) в Аржане-2 лежали на левом боку, что вызвало специфическое смещение контуров декоративных зон. В ряде реконструкций эта деформация не вполне учтена, и подтреугольные выступы обшивок из бляшек на груди и спине (вдоль позвоночника) из-за этого трактованы как украшения рукавов кафтана [Алтынбеков, Алтынбекова, 2010, с. 253, рис. 3]. Между тем, речь, видимо, идет о «сплошных», без разрезов пелеринах с двумя крупными треугольными выступами спереди и сзади (что позже имеет точные аналоги на монетах у царей ахеменидского Ирана: [Stronach, 1989, fig. 1] и (в аржанском комплексе) не менее трех малых выступов; в целом на пелерину было нашито более чем по 2000 бляшек в виде стоящего кошачьего хищника, образующих (по наблюдению К. Алтынбекова [Алтынбеков, 2014, с. 195]) узор тигриной шкуры [Яценко, 2011а, параграф 1, прим. 6; Yatsenko, 2012а, р. 39, fig. 3–4].

Для разрушенных грабителями могил часто проводится «полная реконструкция» костюма умерших, полихромная и объемная, по весьма произвольно «подобраным» аналогиям из других регионов. Все это делает многие эффектные реконструкции уязвимыми для объективной критики. Характерным примером можно считать курган Байгетобе группы Шиликты-3, исследованный А. Т. Толеубаевым, где, несмотря на ограбление, небольшая часть украшений сохранилась *in situ* и была зафиксирована на полевом чертеже (ценность может представлять даже порядок бляшек в грабительском лазе). Увы, именно эти ценные данные не были учтены при подготовке сугубо гипотетической реконструкции [Toleubaev, 2006]. Подчас для «полной» реконструкции используется своеобразная смесь из образцов костюма совершенно других культур и эпох. Например, для воссоздания облика исседонской или дахской дамы

V в. до н. э. из Таксая-1 в Южном Приуралье как «базовые» были использованы юбка «пазырыкцев» Алтая (отдаленных более чем 2000 км и двумя веками) и декор диадем аланов Нижнего Дона I в. н. э. (Кобяково), которых разделяли 1000 км в противоположном направлении и пять веков [Алтынбеков, 2013, с. 48-50]. Из-за скудности материала часто единичное, уникальное воспринимается и затем пропагандируется как типичное для элиты той иной культуры или даже всего этноса. Вместе с тем, при наличии серий сходных костюмных элементов заслуживают обсуждения возможные мотивы индивидуального отклонения от «нормы». Очень часто исследователи пытаются увязать реконструкцию (как в силу своего кругозора, так и из «патриотических» соображений) с местным позднейшим «этнографическим» костюмом, носившимся уже совсем другими народами. Такой подход весьма популярен, но моего сочувствия он не вызывает.

Как правило, археологи доверяют мнению экспертов-технологов, изучающих отдельные категории найденных в погребениях вещей. Однако мнения экспертов могут подчас резко расходиться. Так, относительно одной и той же коллекции текстиля, найденной в могильниках пазырыкской

культуры, одни специалисты твердо убеждены в том, что он практически полностью является экспортом из дальних стран (Л. П. Кундо и Н. В. Полосьмак: [Полосьмак и др., 2006, с. 203-204]); другие же (Е. Г. Царева, Т. Н. Глушкова, В. В. Монахов и др.) настаивают на том, что большая его часть произведена и окрашена на месте и, в значительной степени, по местным технологиям [Полосьмак и др., 2006, с. 124, 233-234, 238-239; Глушкова, 2005, с. 188-190]. Восприятие или «киному» использованию импортных вещей (часто редких или уникальных) в рамках чужой культуры (зеркал, тканей и т. п.), обоснованию различных обстоятельств их попадания к кочевникам (кроме «торговли») пока также уделяется недостаточно внимания.

Иногда при исследовании «археологического» текстиля не учитывается, что собственно ткань может быть произведена в одном месте, а ее окраска или вышивка на ней – в другом. Типичным примером являются ткани из сунусского могильника рубежа н. э. Ноин-Ула/Нойон Ул в Северной Монголии. Многие ученые (К. В. Тревер, С. И. Руденко, Г. А. Пугаченкова) считали, что вышивка с сюжетами «бактрийского» облика на шерстяных тканях из этого могиль-

Рис. 2. Сакские антропоморфные изображения: 1 – Нуркен-2, курган 2 (Карагандинская обл.) (по: [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2015]); 2 – жертвенный стол, у с. Чильпек (оз. Иссык-Куль) (по: [Яценко, 2014]); 3 – аукцион Тэйсэй (по: [Taisei Gallery, 1992]); 4 – голова монстра, серебряная бляха, могильник Иссык (по: [Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005]); 5 – курительница из с. Долинка (оз. Иссык-Куль) (по: [Джумабекова, Базарбаева, Торгоев, 2014]); 6 – курительница, г. Алматы (по: [Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005]); 7 – бляшка, курган Тенлик (по: [Акишев, 1983]); 8 – курительница, Иссыкский клад (по: [Яценко, 2011в])

ника автоматически означает и их производство в Бактрии. Сегодня предполагается, что, как минимум, часть этих тканей произведена в Восточном Средиземноморье или в Китае, а вышита, видимо, уже на Среднем Востоке [Яценко, 2011г, с. 27; Yatsenko, 2012c, p. 39].

К сожалению, корпус антропоморфных изображений центрально-азиатских саков с детализированным костюмом увеличивается очень медленно. Из последних находок отметим облик персонажей на сакской пластине VI–IV вв. до н. э. в поминальном комплексе кургана 2 могильника Нуркен-2 (Карагандинская обл.) [Бейсенов, 2007, с. 179, рис. 12] (рис. 2, 1). Как нам представляется, здесь была изображена композиция, близкая известной на хорезмийском оссуарии из Ток-калы: оплакивание умершего перед погребением (его тело в центре композиции одето в нераспашную рубаху), включающая фигуру знатного конного воина; один из головных уборов связан с Saka Tigrahauda персидских изображений [Яценко, 2014, с. 319-321]. Вероятно, с территории Казахстана или Южной Сибири происходит золотая полихромная полуовальная пластинка пояса (?), выставленная в 1992 г. на продажу в нью-йоркской галерее Тэйсей [Taisei Gallery, 1992, no.170]: здесь коленапреклоненный богатырь борется с огромным змеем (рис. 2, 3). У мужского персонажа – короткий кафтан со скошенными бортами (выделена кайма бортов и рукавов), полы которого скреплены узким поясом практически без запахивания при отсутствии рубахи и короткая прическа без пробора. Интересно, что на собственных изображениях среднеазиатских номадов до II в. до н. э. нет кафтанов со скошенными назад нижними краями бортов, которые явно были стереотипным элементом внешнего облика племен данного региона в искусстве Ахеменидов [ср. Яценко, 2011б, рис. 1–5]. Бляшки из Тенлика интересны своими алтайскими аналогиями (короткий плащ-накидка и детали кроя ноговиц: ср. ковер в Пазырыке) (рис. 2, б). Божество на курительнице из Иссыкского клада отличается облегающим головным убором с коротким назатыльником [Яценко, 2011в, с. 8] (рис. 2, 8). У монстра на бляхе из Иссыка (рис. 2, 4) видим вполне достоверную прическу с чубом, напомаженными горизонтальными усами и длинной «козлиной» бородкой; позже похожие прически носили потомки саков – кангюйцы (резная кость из Орлата и Кызылбулака-IV).

Ценны также два изображения с Иссык-Куля. Женские персонажи у ранних кочевников Центральной Азии скифской эпохи почти не изображались. Скульптурка божества представлена на ножке жертвенного столика у с. Чильпек (рис. 2, 2). Наряду с расширяющейся книзу юбкой, здесь особенно интересна кофта с короткими рукавами, на которой нашит вертикальный ряд бляшек, форма которых имеет аналогии в более ранних

курганах Жетысу, а также у кушан [Яценко, 2006, с. 185; рис. 121, 61, 87; 122, 45; 127; 2014, с. 322]. На изображении бога из с. Долинка видим коническую шапочку в сочетании с диадемой, имеющей перекрещенные сзади концы [Яценко, 2014, с. 321-322] (рис. 2, 5).

Интересная серия детализированных изображений мужских персонажей сакского круга известна в китайском Синьцзяне и в одном погребении на северо-восточной границе древнего Китая (пров. Хубэй). Речь идет во всех четырех случаях о сидящем человеке, правая нога которого положена на землю, а левая – преклонена в колене. Видимо, это один и тот же мифологический персонаж. У трех бронзовых статуэток (они выполнены более реалистично; одна из них отливалась из двух половин и сохранилась только выше уровня таза), либо сжатые кисти его рук представляют собой вертикальные отверстия для закрепления небольших свечей из сушеных трав, либо он держит обеими руками «рабочую» емкость светильника (т. е. эти фигурки представляли собой или подставку ритуального сосуда-светильника или курительницу) (рис. 3, 2–4). На нефритовой фигурке высотой 16,5 см, найденной у городка Алтай [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008, p. 229, fig. 8] (рис. 3, 1) отверстия для свечей помещены в прямоугольных чашечках, которые персонаж держит в протянутых руках (лишь у него есть оружие – кинжал с серповидным лезвием).

У изображенных тщательно переданы детали костюма и прически (при этом борода отсутствует, усы есть в одном случае); всегда имеется головной убор (однотипный в виде конического колпака с небольшим околышем), выделен пояс, представлены детали одежды. На нефритовой фигурке из г. Алтая и на бронзовой из Ютана [Ли Сяобинь, 1995, рис. 108] (рис. 3, 1–2) персонажи изображены при этом с ритуально обнаженной верхней частью тела и босыми, облачены в своеобразную складчатую юбку (в первом случае – до пят, во втором – выше колен). Две другие бронзовые фигурки – половинная из уезда Гонлю [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008, p. 255, fig. 10] (рис. 3, 3) и на светильнике из могилы 113 г. до н. э. в Маншэне, провинция Хэбэй, принадлежавшей варвару из племени лоуфаней на китайской службе – Жоншань-вану [Kovalev, 2008, fig. 7, 7] (рис. 3, 4) – представлены в коротком кафтане, запахнутом налево; в последнем случае он имеет сзади на подоле выступ в форме хвоста бобра, как на полубубках пазырыкской культуры. Мужчина на светильнике, видимо, носит высокие сапоги с треугольным выступом под коленом, издревле характерные для Центральной Азии. На фигурке из Гонлю видим крупные круглые серьги. Не менее интересен мужчина-кочевник, изображенный в китайской манере на узде из той же могилы 113 г. до н. э. в Маншэне [Kovalev, 2008, fig. 7, 1] (рис. 3,

5). Он одет в длинный, подпоясанный халат, высокий конусовидный колпак и сапоги.

«Чтение» деталей внешнего облика персонажей на изделиях древних номадов в ряде случаев осложняется их стилистикой. Весьма характерны в этом плане изображения IV в. до н. э. с Южного Урала (Филипповка) на границе России и Казахстана.

На мече из кургана 4 на телах воинов (как и на телах животных), в первую очередь, завитками или параллельными линиями выделены группы мышц. Единственные достоверные детали – острые носки туфель и иногда – татуировка на щеках в виде двух параллельных горизонтальных полосок (вроде той, что известна на некоторых монгольских «оленных камнях») [Yatsenko, 2013b, fig. 5, 1–2]. На золотой обкладке деревянного сосуда из кургана 1 [Yatsenko, 2013b, fig. 5, 5] тело всадника (подобно телу животных) представляет собой сплошную орнаментальную зону, сказать о которой что-либо определенное трудно. Можно лишь предполагать здесь наличие туфель, штанин из двух, поразному декорированных, половин и татуировки в виде завитка на щеках. На костяной статуэтке всадника из кургана 3/погр. 1 [Золотые олени, 2002, с. 29] выделены, наряду с массивной гривной, лишь детали полусапожек.

Столь же непонятно бывает назначение многих деталей изображений на «туло-

вищах» «оленных камней». Предполагается, что здесь ряды «летающих» оленей-птиц представлены в аппликациях на кафтанах (реконструкция М.В. Горелика: [Nowgorodowa, 1980, s. 130], допускаются (по Н.В. Полосьмак) и татуировки [см. также: Усова, 2012, с. 12]. Однако, не все так просто (достоверные татуировки со сплош-

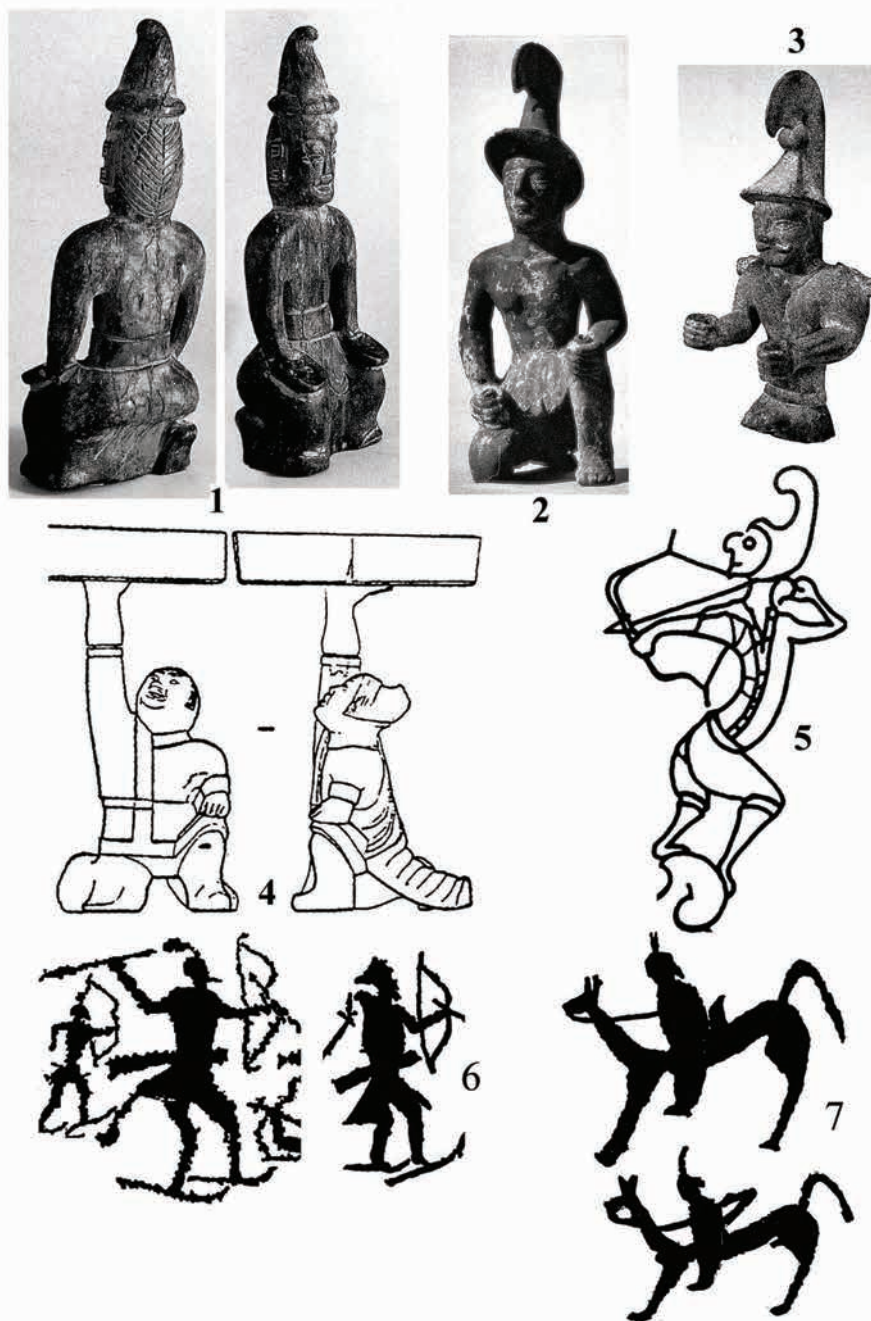

Рис. 3. Сакские мужские изображения из Синьцзяна и Северного Китая (1–5): 1 – г. Алтай, (нефрит) (по: [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008]); 2 – Ютан (бронза) (по: [Ли Сяобинь, 1995]); 3 – уезд Гонлю (бронза) (по: [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008]); 4–5 – Манишэн (пров. Хэбэй), могила Жоншань-вана, 113 г. до н. э. (по: [Kovalev, 2008]). Силуэты человеческих фигур (6–10): 1–3 – лучники, петроглифы тагарской культуры (по: [Ларичев, 2005]); 4–5 – всадники, петроглифы тагарской культуры (по: [Советова, 2005]); 6–7 – греко-персидские печати (по: [Llewellyn-Jones, 2010])

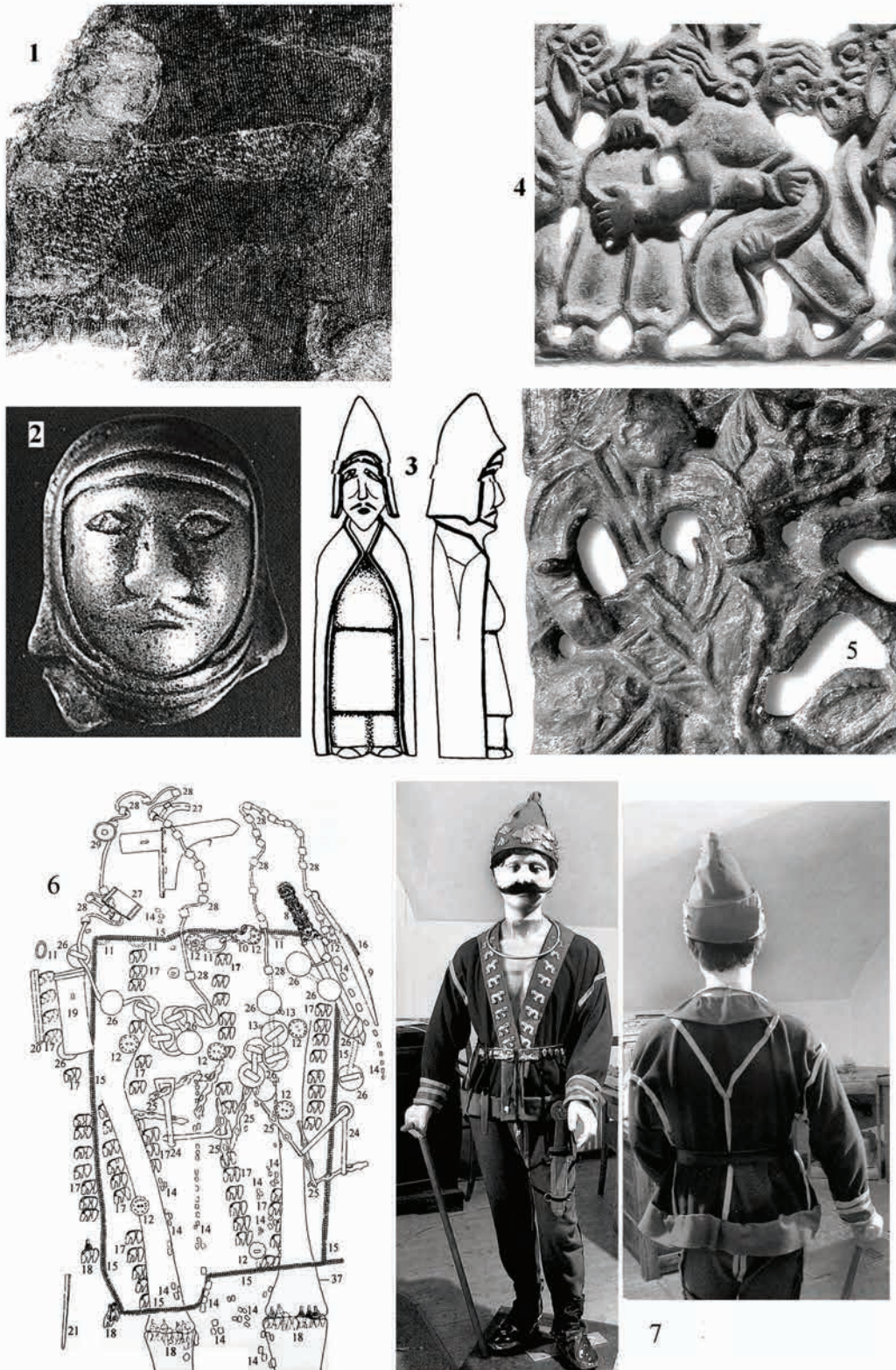

Рис. 4. Изображения шюну (1–5): 1 – Ноин-Ула, курган 20, 2006 г. (по: [Erdene-Ochir, 2011]); 2 – бляшка из сомона Ундуршил (по: [Мэнге, чанган., 2012]); 3 – статуэтка из Внутренней Монголии (по: [The Collection, 2008]); 4 – поясная пластина из Ордоса (по: [Wagner, Butz, 2007]); 5 – поясная пластина из Хайрхандулана (по: [Odbaatar, 2011]); 6 – бронзовые нашивные украшения итанов мужчины из могилы 18 в Юнхуанмяо, Внутренняя Монголия (VIII–VII вв. до н. э.) (по: [Han Jianye, 2008]); 7 – костюм мужчины из сруба 26, могильника Сулуг-Хем I, Тува, реконструкция Яценко С.А., Семенова Вл.А., Карлыханова Н., Курильской Е., 2008 г.

ным однотипным декорированием туловища ни у одного кочевого народа ни одной из эпох не документированы, а представить себе аппликации на груди в виде предметов вооружения, часто изображаемых выше пояса, мне трудно). Неясно также, что именно представляет собой здесь декор поясов в виде рядов треугольников или мелкой сеточки (аппликация? вышивка? в ряде случаев бляшки?).

Стоит также обратить внимание на отражение в мифопоэтических сценах эстетических и этических идеалов кочевых народов [см., например: Ермоленко, 2008]. Многие детали древних изображений эпических сцен заставляют предполагать приоритет устных версий эпоса степных номадов [Яценко, 2000, с. 102]. Интересна сама физическая конституция эпического героя. На многих степных изображениях Центральной Азии мы не находим у персонажей гипертрофированных бицепсов, а подчас его фигура выглядит весьма грацильной: у него очень тонкая («осиная») талия; при этом подчеркиваются крупная голова и роскошные усы (золотая ручка сосуда и поясные бляхи «Сон героя у Мирового древа» из Сибирской коллекции Петра I, всадник с ковра из Пазырыка, пояс из Орлата и др.). Действительно, в эпосе иранских народов (в отличие, например, от тюркских) физическая мощь героя часто не подчеркивается при описании его внешности. Он побеждает не только мускулами и боевым искусством, но и интеллектом. Это неизбежно: его врагами зачастую выступают демоны и могущественные колдуны, которых нельзя сломить физической силой в честном бою [Яценко, 2006, с. 101]. Интересны и некоторые локальные предпочтения. Так, в петроглифах тагарской культуры важным элементом силуэта подчас были расходящиеся полы короткого кафтана (рис. 4, 6); иногда у всадников тело образует дугу, своеобразным продолжением которой являются перья на головном уборе (рис. 4, 7).

Наиболее яркие комплекты костюма женщин-воительниц демонстрируют два типа: аналогичный в целом мужскому и близкий традиционному женскому, но приспособленный к участию в войне [Яценко, 2006, с. 340-341]: укороченное платье, глубокие разрезы на длинном платье) (длинная юбка для Аржана-2 – чисто произвольная деталь реконструкции). Интересно, что у некоторых кочевых групп, бывших соседями греко-римского мира (юэчжи и «поздние» сарматы), в декоре костюма воительниц присутствовала свойственная последнему символика образов, связанных с женской воинственностью (сидящая богиня Афина и на бляшках лабрис – двулезвийная секира, ассоциировавшаяся у греков с мифическими амазонками: Тилля-тепе, могила 2 и Высочино-5, курган 18) [Яценко, 2015, с. 54; Yatsenko, 2016, figs. 9, 14].

Для нашей темы немаловажно, как (насколько достоверно, полно или схематично) передавался костюм иноэтничных врагов центрально-азиатского происхождения в памятниках древнего искусства. Так, изображения на ахеменидских «триумфальных» печатях V в. до н. э. [Wu Xin, 2010] и парадного гребня времен Дария I из некрополя Таксай-1 [Алтынбеков, 2013, с. 16, 18] вполне достоверно передают одного–двух «типичных, знаковых» с точки зрения персов, элемента одежды и головной убор знатных мужчин таких кочевых этносов, как Saka-Tigrahaunda и Saka-Naumavarga, а также оседлых хорезмийцев и согдийцев [Яценко, 2011б; 2014, с. 323-325]. На бактрийских вышивках тканей, поступивших в качестве даров к правителям сюнну, захороненным в Нойон Ул, враги юэчжей – согдийцы – обозначены в целом *иньми*, чем у персов, деталями внешнего облика (кроме особой шапочки, это нераспашная верхняя одежда, оформление ее подола, характерная прическа) [Яценко, 2011, с. 34, рис. 3; Yatsenko, 2012с, р. 43, fig. 3]. Мы можем также проследить, как в правление Августа в рамках пропагандистских стандартов оформились «типичные», костюмно схематичные изображения вчерашних номадов – парфян в римском искусстве, отразившиеся затем и в облике бога Митры в римском митраизме [Rose, 2005, р. 65; Yatsenko, 2013а, р. 117].

Сегодня можно уже ставить достоверное представление о костюме сюнну II в. до н. э. – I в. н. э. по изображениям. Обычно это образы, запечатленные в металле: на поясных пластинах со сценами охоты и борьбы из Хайрхандулана (рис. 4, 5) и Ордоса (рис. 4, 4), на статуэтке из центральной части Внутренней Монголии (рис. 4, 3), а также у конного охотника на оленя на ткани из кургана 20, 2006 г. в Нойон Ул (рис. 4, 1) (в последнем случае сюннская принадлежность персонажа определяется по стилистике изображений преследуемых животных). Монголоидность лица заметна на статуэтке из Внутренней Монголии и бляшке из сомона Ундуршил (рис. 4, 2–3). Персонажи чаще представлены в нераспашной одежде с декором обшлагов, с короткой стрижкой, иногда с усиками. Мужчину на статуэтке отличает наличие шапки с невысоким заостренным верхом и широким назатыльником и длинного плаща-накидки (видимо, с прорезями для рук), а также большая длина основной нераспашной одежды; кафтан всадника имеет обычный запах налево. На бляшке из Ундршила головной убор представляет собой кусок ткани, обернутый вокруг головы.

Примечания:

1 – Подготовка этого текста была бы затруднена без любезной помощи ряда коллег: К. Алтынбекова (Алматы), Л. С. Ильюкова (Ростов-на-Дону), К. В. Чугунова и А. А. Ковалева (Санкт-Петербург), И. В. Рукавишниковой (Москва).

2 – Практически нереальным оказалось опубликовать десятки крупных чертежей по разным условным слоям (до 8–10 слоев) каждой могилы в Тилля-тепе (где все многочисленные типы бляшек обозначались геометрической фигурой особой формы и цвета), сотни полевых фото, предварительные отчеты по отдельным могилам, полевые описи находок и др. Они так и остались лежать дома у руководителя экспедиции...

3 – Так, директор музея заявил, что форма усов (неоднократно встреченная на изображениях (Саяно-Алтая) у испанцев может вызвать лишь комический эффект, и потребовал убрать их, как и ряд других деталей. «Без изъятий» манекен экспонировался лишь на выставке в Русском Географическом обществе (Санкт-Петербург, октябрь 2011).

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А.** Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 142 с.
- Акишев К.А.** Древнее золото Казахстана. – Алматы: Өнер, 1983. – 264 с.
- Алтынбеков К., Алтынбекова Д.К.** Исследования и реконструкция костюма по материалам кургана Аржан-2 // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Ч. 1 [Материалы XVIII симпозиума]. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. – С. 253–255.
- Алтынбеков К.** Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай 1. – Алматы, Уральск: Остров Крым, 2013. – 64 с.
- Алтынбеков К.** Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации. – Алматы: Остров Крым, 2014. – 360 с.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.** Искусство саков Сарыарки. – Алматы: Институт археологии МОН РК, 2015. – 168 с.
- Братченко С.Н.** Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев: Наукова думка, 1976. – 248 с.
- Гаврилова А.А.** Пятый Пазырыкский курган. Дополнение к раскопному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб.: ИИМК РАН, 1996. – С. 89–102.
- Глушкова Т.Н.** Технологическая характеристика пазырыкского текстиля с плато Укок // Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). – Новосибирск: Инфолио, 2005. – С. 170–193.
- Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Торгоев А.И.** Новые образы в художественной бронзе саков Прииссыккулья // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. научн. статей, посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. – Астана: Сарыарка, 2014. – С. 307–327.
- Золотые олени Евразии. – СПб.: Славия, 2002. – 64 с.
- Ермоленко Л.Н.** Изобразительные памятники и эпическая традиция по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. – Томск: ТГПУ, 2008. – 288 с.
- Ларичев В.Е.** Вооружение и защитное снаряжение персонажей героического эпоса тагарской эпохи (по материалам наскальных изображений Северной Хакасии) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: АлтГУ, 2005. – Вып. 1. – С. 133–140.
- Ли Сяобинь.** Чжонго цию минчжи фуши юаньцзю (Исследование костюмов и вышивки на ткани народов Западного Края Китая). – Урумчи: Синьцзян ренминь цюбаншэ, 1995. – 330 с. (на кит. яз)
- Мэнге, чанган, жунхэю Дунчжоу шицы бэйфан циньтун вэньхуа циньцуй (Зарождение, рост, слияние. Квинтэссенция северной бронзовой культуры эпохи Восточное Чжоу). – Сиань: Саньцинь цюбаньши, 2012. – 312 с. (на кит. яз.)
- Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Балакина Г.Г.** и др. Текстиль из «замерзших» могил Горного Алтая IV–III вв. до н. э. (опыт междисциплинарного исследования). – Новосибирск: Инфолио, 2006. – 267 с.
- Сарианиди В.И.** Храм и некрополь Тилля-тепе. – М.: Наука, 1989. – 236 с.
- Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г.** Древности Алматы. – Алматы: ТОО «Археология», 2005. – 184 с.
- Советова О.С.** Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. – 140 с.
- Турекулов Т., Турекулова Н.** Новая реконструкция «золотого человека» // Кумбез. – 2000/2001. – №9–10. – С. 46–53.
- Усова И.А.** Костюм кочевников Южной Сибири и сопредельных территорий периода поздней древности и раннего средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул: АлтГУ, 2012. – 24 с.
- Шильц В.** О находке золотого гребня из кургана Солоха // АСГЭ. – 2003. – Вып. 36. – С. 68–71.
- Яценко С.А.** Костюм и покровы кочевой аристократии из некрополя Тилля-тепе (Афганистан) // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. – М.: Наука, 1989. – Ч. 1. – С. 259–293.
- Яценко С.А.** Погребальные покровы сармато-аланок // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья-II: тез. докл. междунар. конф. – Запорожье: ЗГУ, 1994. – С. 205–207.

- Яценко С.А.** Эпический сюжет ираноязычных народов в древностях Степной Евразии // ВДИ. – 2000. – №4. – С. 186–204.
- Яценко С.А.** Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). – М.: Восточная литература, 2006. – 661 с.
- Яценко С.А.** Цветовые предпочтения в костюме древних ираноязычных народов // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии: матер. XIII-й междунар. научн. конф. – СПб.: СПбГУТД, 2010. – С. 119–124.
- Яценко С.А.** Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). Изд. 2-е, online. – М.: X-lab, 2011а (глава 1, параграфы 1-3) – http://www.narodko.ru/article/yatsenko/eurazia/glava1/glava_11.htm; http://www.narodko.ru/article/yatsenko/eurazia/glava1/glava_12.htm; <http://www.narodko.ru/article/yatsenko/eurazia/glava1/pazirik.htm>.
- Яценко С.А.** Враги из Средней Азии в искусстве империи Ахеменидов // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011б. – Вып. 3. – С. 495–510.
- Яценко С.А.** Сидящий мужской персонаж с сосудом в руке на сакской бронзовой «курильнице» из Семиречья // История и археология Семиречья. – Алматы, 2011в. – Вып. 4. – С. 7–26.
- Яценко С.А.** Юэджи на бактрийских вышивках тканей из монгольской Нойон ул/Ноин-Улы // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. – 2011г. – №2 (№3). – С. 27–38.
- Яценко С.А.** О нескольких находках композиций с антропоморфными персонажами VI–III вв. до н. э. из Центральной Азии // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – С. 318–328.
- Яценко С.А.** Костюм женщин-воительниц у ранних кочевников // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: матер. XVIII-й междунар. научн. конф. – СПб.: СПбГУТД, 2015. – С. 47–56.
- The Collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares. – Ordos: Ordos Museum, 2008.
- Cugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.** Der scythenzeitliche Furstenkurgan Aržan 2 in Tuva. – Berlin: Verl. Philipp von Zabern, 2010.
- Han Jianye.** Underground World of the Nomadic Peoples along the Great Wall (770-221 BC) // The Collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares. – Ordos: Ordos Museum, 2008. – P. 193–206.
- Kovalev A.A.** The Location of Loufan Tribe in the 4th-2nd cc. BC and Influence of Its Culture in Cultures of Central Plain and the South // The Collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares. – Ordos, 2008. – P. 383–394.
- Llewellyn-Jones L.** The Big and Beautiful Women of Asia: Picturing Female Sexuality in Greco-Persian Seals // The World of Achaemenid Persia. History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East. – London, 2010. – P. 165–176.
- Nowgorodowa E.** Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig: E.A. Seeman Verl., 1980. – 280 s.
- Odbaatar Ts.** Xiongnu Belts // Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. – Ulanbaatar: Institute of Archaeology, 2011. – P. 130–141.
- Qi Xiaoshan, Wang Bo.** The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road. Urumqi: Xinjiang Regional Cultural Exchange Association, 2008. – 330 p.
- Rose C.D.** The Parthians in Augustinian Rome // AJA. – 2005. – Vol. 109/1. – P. 21–75.
- Stronach D.** Early Achaemenid coinage. Perspectives from the Homeland // IA. – Vol. 24. – 1989. – P. 255–279. Taisei Gallery. Gold and Silver Auction. Part II. Antiquity to Renaissance. – New York, 1992.
- Toleubaev A.** Snow leopards, eagle-felines and golden deer treasures from the “Hill of horse races” // Of Gold and Grass. Nomads of Kazakhstan. – Washington: Foundation for International Arts & Education, 2006. – P. 51–55.
- Wagner M., Butz H.** Nomadenkunst. Ordosbronzen der Ostasiatischen Kunstsammlung Museum fur Asiatische Kunst, Staatliche Museen zu Berlin. – Mainz: Verl. P. von Zabern, 2007. – 102 s.
- Wu Xin.** Enemies of Empire: A Historical Reconstruction of Political Conflicts between Central Asia and Persian Empire // The World of Achaemenid Persia. History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East. – London, New York: I.B. Tauris, 2010. – P. 545–564.
- Yatsenko S.A.** The Costume of the Yuech-Chich / Kushans and Its Analogies to the East and to the West // Silk Road Art and Archaeology. – Vol. 7. – Kamakura, 2001. – P. 73–120.
- Yatsenko S.A.** Some Problems of Achaemenid Costume Studies // Parthica. – 2012a. – Vol. 14. – Pisa, Roma. – P. 35–47.
- Yatsenko S.A.** Colour Combinations in the Costume of Three Pre-Islamic Dynasties of Iran against the Background of the Synchronous Iranian World // 7ICAANE. Proceedings of the 7th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East, 12-16 April 2010. – Wiesbaden: Harrassowitz Verl., 2012b. – P. 315–333.
- Yatsenko S.A.** Yuezhi in Bactrian Embroidery from Mongolian (Noyon uul) Textiles // The Silk Road. – 2012c. – Vol. 10. – Seattle. – P. 39–48.
- Yatsenko S.A.** Some Notes on Parthian Costume Studies // Parthica. – 2013a. – Vol. 15. – Pisa, Roma. – P. 35–47.
- Yatsenko S.A.** Tattoo System in the Ancient Iranian World // Tattoos and Body Modifications in Antiquity. Proceedings of the sessions at the EAA annual meetings in The Hague and Oslo, 2010/11 (Zurich Studies in Archaeology 9). – Zurich, 2013b. – P. 97–101.
- Yatsenko S.A.** On Costume Specificity of the Steppe Nomadic Iranian Women-Warriors // Daughters of Ares: Warrior Women of Eurasia from prehistory to the XVII c. AD. – Budapest, 2016 (In print).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА –	Археологический Альманах, г. Донецк
АВ –	Археологические вести, г. Санкт-Петербург
АК –	Археологическая комиссия
АКК –	Археологическая карта Казахстана
АКМ –	Азовский краеведческий музей
АлтГУ –	Алтайский государственный университет, г. Барнаул
АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР, г. Алма-Ата
АН РТ –	Академия наук Республики Татарстан
АН СССР –	Академия наук СССР
АН УзССР –	Академия наук Узбекской ССР
АО –	Археологические открытия
АСГЭ –	Археологический сборник ГосЭрмитажа
АЭАЕ –	Археология, этнография и антропология Евразии, г. Новосибирск
БФ АН СССР –	Башкирский филиал Академии Наук СССР
ВААЭ –	Вестник археологии, антропологии и этнографии, г. Тюмень
ВАУ –	Вопросы археологии Урала, г. Свердловск
ВГО –	Всесоюзное Географическое общество СССР
ВГУ –	Воронежский государственный университет
ВДИ –	Вестник древней истории
ВОКМ –	Воронежский областной краеведческий музей
ВолГУ –	Волгоградский государственный университет
ГАКО –	Государственный архив Карагандинской области
ГАНИИИЯЛ –	Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ –	Государственный исторический музей
ГЭ –	Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург
ДА –	Донская археология
ДонГУ –	Донецкий государственный университет
ДонНУ –	Донецкий национальный университет
ЗВОРАО –	Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ЗГУ –	Западно-Казахстанский университет
ЗКО –	Западно-Казахстанская область
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК
ИА РАН –	Институт археологии Российской академии наук, г. Москва
ИАИАИАНД –	Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону
ИАК –	Императорская археологическая комиссия
ИАЭ СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ИИА УрО РАН –	Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
ИИМК –	Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯЛ УНЦ РАН –	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
КазГУ –	Казахский государственный университет, г. Алма-Ата
КазНУ –	Казахский национальный университет им. ал-Фараби, Алматы
КарГУ им. Е.А. Букетова –	Карагандинский госуниверситет им. Е. Букетова
КемГУ –	Кемеровский госуниверситет
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ –	Краткие сообщения института этнографии
КузГТУ –	Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева
КуйбГПИ –	Куйбышевский гос. педагогический институт им. В.В. Куйбышева
КХТ –	культурно-хозяйственный тип
ЛАИ КГУ –	Лаборатория археологических исследований Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова

ЛГУ –	Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
ЛОИА АН СССР –	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛОИИМК АН СССР –	Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
МАО –	Императорское Московское археологическое общество
МАЭ –	Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
МГУ –	Московский государственный университет
МИА –	Материалы и исследования по археологии
МКТУ –	Международный Казахско-Турецкий университет им. Ясауи
МОССХ –	Московский союз художников
НА «Гылым ордасы» –	Научный архив «Гылым ордасы»
НА ИИМК РАН –	Научный архив Института истории материальной культуры РАН
НА IA НАН України –	Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины
НАВ –	Нижеволжский археологический вестник, г. Волгоград
НАН РК –	Национальная Академия наук Республики Казахстан
НГУ –	Новосибирский государственный университет
НИИЯЛИ –	Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола»
ОЛЕАЭ –	Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ОмГУ –	Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
ООПИК –	Общество охраны памятников истории и культуры
ОУАК –	Оренбургская учёная архивная комиссия
ОФ –	Общественный фонд
РА –	Российская археология, г. Москва
РИЦ НГУ –	Редакционно-издательский центр Новосибирского государственного университета
РО НА ИИМК РАН –	Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН
СА –	Советская археология
САИ –	Свод археологических источников
САИ при КарГУ им. Е.А. Букетова	Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском госуниверситете им. Е. Букетова
СГЭ –	Сборник Государственного Эрмитажа
СПбГУ –	Санкт-Петербургский государственный университет
СПбГУТД –	С.-Петербургский государственный университет технологии и дизайна
СЭ –	Советская этнография
ТГПУ –	Томский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
ТГУ –	Томский государственный университет
ТИИАЭ АН КазССР –	Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР
ТПАИ –	Теория и практика археологических исследований
ТюмГУ –	Тюменский государственный университет
УАВ –	Уфимский археологический вестник
УзФ АН СССР –	Узбекский филиал АН СССР
УрГУ –	Уральский государственный университет
УрО РАН –	Уральское отделение РАН
ФО –	Фотографический отдел
ЧОКМ –	Челябинский областной краеведческий музей
ЮККАЭ –	Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция
ЮКО –	Южно-Казахстанская область
ЮУрГУ –	Южноуральский государственный университет, г. Челябинск
АЖА –	American Journal of Archaeology
Buketov KSU –	Buketov named Karagandy State University
IA –	Iranica Antiqua
LLC –	Limited Liability Company
ZWAK –	Zbior wiadomosci do Antropologii Krajowej

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абишева Н.М., Орыспаева М.К.</i> Материалы по археологии в экспозиции Карагандинского областного историко-краеведческого музея	7
<i>Айткул Х.А.</i> История формирования коллекции из Центрального Казахстана археологического фонда ЦГМ РК	11
<i>Акулов А.Г.</i> Мемориалы нобилитета скифского времени в южносибирских и казахстанских степях	16
<i>Артюхова О.А., Мамиров Т.Б.</i> Каменный век Улытау в исследованиях ЦКАЭ в 2001–2012 годах	25
<i>Бейсенов А.З.</i> Курганы с «усами» Центрального Казахстана	31
<i>Бейсенов А.З., Логвин А.В., Базарбаева Г.А., Грудочко И.В., Сеитов А.М.</i> Курганы с каменными грядами Западной Сарыарки	38
<i>Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Дуйсенбай Д.Б.</i> Памятники хребта Чингистау. Курганы с «усами»	50
<i>Берсенева Н.А.</i> Дети в неиндивидуальных захоронениях эпохи бронзы Южного Урала: объект или субъект?	61
<i>Берсенева Н.А.</i> Саргатская культура Зауралья и Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения	65
<i>Бесетаев Б.Б.</i> Шығыс Қазақстанның ерте темір дәуірінің ат әбзелдері	78
<i>Боталов С.Г., Плешанов М.Л.</i> Новые материалы раннесакского круга из лесостепного Зауралья	82
<i>Варфоломеев В.В.</i> Каменные жертвенные кольца на р. Карагайлы в верховьях Ишима	90
<i>Волошин В.С.</i> Стоянка-мастерская каменного века Ижевская-6	96
<i>Гераськова Л.С., Пыслару И. А. Х.</i> Маргулан и проблемы изучения монументальной скульптуры древних тюрков, кыпчаков и половцев	103
<i>Гераськова Л.С., Пыслару И.</i> Буддийские черты в монументальной скульптуре средневековых тюрко-язычных кочевников	114
<i>Горячев А.А., Сараев В.В.</i> Поселения раннего железного века на северных склонах Иле Алатау	125
<i>Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Нигматова С.А.</i> Археологическое и палинологическое изучение курганов могильника Каспан-6 в Жетысу	135
<i>Дормина С.П.</i> Медный сакский котел из окрестностей г. Алматы	144
<i>Епимахов А.В.</i> Военное дело населения бронзового века Урала и его отражение в археологических источниках	147
<i>Жусупов Д.С., Шашенов Д.Т., Ахияров И.К.</i> Изучение и сохранение памятников историко-культурного наследия в Центральном Казахстане	151
<i>Иванов А.А.</i> Клинковое оружие как индикатор связей ранних кочевников Урало-Казахстанских степей VII – первой половине VI вв. до н. э.	158
<i>Иванов В.А.</i> Кочевники в этнокультурном пространстве Золотой Орды (Улуса Джучи)	166
<i>Коновалов П.Б.</i> Хуннская ветвь этногенеза во Внутренней Азии	175
<i>Корочкова О.Н., Спиридонов И.А.</i> Степные знаки в металлическом собрании святилища Шайтанское озеро II	182
<i>Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.</i> Итоги работ на могильнике бронзового века Бесоба	188
<i>Қасеналин А.Е.</i> Сарыарқаның өтпелі кезең ескерткіштерінің кезеңделуі мен мерзімделуі	203
<i>Ломан В.Г., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И.</i> Золотоордынские гребеня могильника Нураталды-2	209
<i>Мамедов А.М., Денисов А.В.</i> Ранние мечи и кинжалы Волго-Уральского региона с навершием в виде изогнутого бруска	219
<i>Мерц В.К.</i> О реконструкции обломка каменного «утюжка» из Талдысая	226
<i>Мурзин В.Ю., Шлайфер В.Г.</i> Амазонские мотивы по данным археологии и литературы	230
<i>Мурзин В.Ю., Шлайфер В.Г.</i> Сакский (?) жертвенный нож из собрания музея истории оружия в г. Запорожье	237
<i>Новоженев В.А.</i> Роль инноваций в системе древнейших коммуникаций Евразии	242
<i>Нурмуханбетов Б.Н.</i> Комплекс раннесакского времени из Жетысу	252
<i>Пилипчук Я.В.</i> Кыпчакский именованье по данным европейских источников	258

Плешанов М.Л., Гуцалов С.Ю. Погребения прохоровской культуры из Южного Зауралья	278
Потапов В.В. Хозяйственные уклады населения Нижнего Дона и Восточного Приазовья периода поздней и финальной бронзы и динамика их развития	286
Рогожинский А.Е. Знаки и надписи «камня Тамгалытас» на окраине Бетпақдалы	297
Рудковский И.В. Андроновские орнаментальные эндемики	308
Сараев В.В. К вопросу о каменном инвентаре ранних земледельцев Северного Притяньшанья	314
Сеитов А.М. Погребение гуннского времени кургана Халвай-3 (Северный Казахстан)	317
Смирнов Н.Ю., Соколов А.В. Археологические исследования в Тургайской области до 1917 года: краткий обзор документов научного архива ИИМК РАН	323
Таиров А.Д. Бобровско-тасмолинская культура Южного Зауралья. Погребальный обряд	335
Усманова Э.Р., Бейдель Е.А., Кожжахметов Б.С. Концепция экспозиции заповедника-музея «Улытау»	341
Федоров В.К. Пряслица с декорированными секторами в культуре ранних кочевников Южного Урала	346
Хасенова Б.М. Погребальный обряд населения Сарыарки в эпоху раннего средневековья: итоги изучения и новые вопросы	354
Шмидт И.В. Интерпретация в археологии – необходимый диалог в междисциплинарном пространстве	359
Яценко С.А. К изучению костюма восточных областей кочевого мира в древности	366
Список сокращений	376

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА: ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ

Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации
Центрально-Казахстанской археологической экспедиции
Академии наук Казахстана

Том 2

Ответственные редакторы – А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан
Компьютерная верстка и дизайн – Ольга Кузнецова

В оформлении шпунцтитутула использован рисунок Л.Р. Кызласова,
выполненный им в ходе участия в работе ЦКАЭ, в 1948 г.
Материал из семейного архива семьи Кызласовых
предоставлен И.Л. Кызласовым.

В оформлении первой страницы обложки и корешка книги использованы материалы
из монографий А.Х. Маргулана «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального
Казахстана» (обложка), Алма-Ата: Наука, 1979 и И.В. Рудковского «Андроновская
орнаментика в контексте системообразующих инвариантов» (с. 366), Алматы:
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013, отв. ред. А.З. Бейсенов.
Над разработкой элементов обложки работали М. Калыков, Д. Дуйсенбай

Подписано в печать 14.09.2017. Формат 60x84/8
Усл. п.л. 44,175 Гарнитура «Times New Roman».

Отпечатано в типографии «Хикари»